

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 29

ВИТЕБСК 2019

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2019 • Том 29

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 27.02.2019 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, Е.В. Давлатова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, О.В. Лапатинская,
И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, Е.Ю. Муратова, В.И. Нестерович,
И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Ященко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. — Витебск :
В54 ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. — Т. 29. — 248 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Мандрик И.В., Пархимович Н.Н.</i> Беларусь в период фашистской оккупации: режим тотального геноцида на Витебской земле	7
<i>Косов А.П.</i> Участие Беларуси в китайской инициативе «Один пояс — один путь»: оценки и возможности	17
<i>Лаўрыненка К.В.</i> Гісторыя касцёла і парафіі Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску	25
<i>Ляпешкін Я.М.</i> Дзейнасць губернатараў па сацыяльна-эканамічным развіцці беларускіх губерняў у 1864—1914 гг.	33
<i>Яценко О.Г.</i> Фотографии в газете «Сталинская молодежь» (конец 1930-х гг.) как визуальный источник по истории культуры советской Беларуси	41
<i>Петренко А.В.</i> Создание и особенности функционирования системы управления прифронтовой зоной и тылом Западного фронта российской армии в 1915—1918 гг.	46
<i>Крюковский В.Д.</i> Организация военного обучения молодежи на волостных сборных пунктах ССРБ в начале 1919 года	51
<i>Пархимович Н.Н.</i> Крепостное право в Российской империи в 1762—1861 годы: проблемы столетнего периода	57
<i>Пятрэнка Н.А.</i> Тэндэнцыі развіцця горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў 1944—1991 гг.: гістарыяграфія пытання	63
<i>Бубенько Т.С.</i> Зароново — селище эпохи Великого переселения народов в окрестностях Витебска	69

Философия

<i>Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И.</i> Информационное общество и трансформация ценностных измерений духовного мира человека	77
<i>Чикиндин М.А.</i> Взаимосвязь архетипичного и ситуационного в имидже политического лидера	83
<i>Ильюшенко Н.С.</i> Возможности реализации современных тенденций в сфере дополнительного образования молодежи (социально-философский аспект)	89
<i>Давлатова Е.В.</i> Социально-экономическое развитие белорусско-российского приграничья глазами молодежи	96
<i>Голубев В.А.</i> Образ «нового человека» в культурной политике фашистского режима в Италии (1922—1943 гг.)	101

Филология

<i>Бароўка В.Ю.</i> Экфрасіс у беларускай літаратуры XIX – пачатку XX стагоддзя	111
<i>Вардомацкі Л.М.</i> Письмо М. Смотрицкого от 14 августа 1628 года: лингвистический аспект	119
<i>Грачыха Т.А.</i> Словаўтваральныя тыпы беларускай навуковай фаўнаменклатуры	125
<i>Грушова Л.Д.</i> Обучение студентов неязыковых специальностей иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции с использованием интерактивного подхода	130
<i>Данилевская О.Н.</i> Образ школы в языковом сознании украинских подростков	137
<i>Иванов Е.Е.</i> Афоризмы в религиозном дискурсе	142
<i>Комаристова И.И.</i> Динамика интертекстуальности прецедентных феноменов сквозь призму времени	148
<i>Кузьмиченко А.А., Мацевич С.Ф.</i> Концептуальные метафоры ОГНЯ как источник фразеологизмов в английском языке	157
<i>Кулешова В.О.</i> Формирование компетентностной модели при обучении английскому языку студентов технических вузов с помощью терминологического словаря	163
<i>Навасельцава Г.В.</i> Раманная серыя як эстэтычны феномен у беларускай прозе апошняй трэці XX стагоддзя	168
<i>Садко Л.М.</i> Паралингвистические средства в современной экспериментальной поэзии Австрии, России, Беларуси	174
<i>Темиргазина З.К., Тезекбаев А.Д.</i> Роль статус «свидетель» в устной межличностной коммуникации	180
<i>Рыжкович А.Ч.</i> Семантическая структура категории темпоральности	184
<i>Ху Цзядун.</i> Поэтическая дипломатия в лингвокультуре Китая	190
<i>Ма Лун.</i> Процессуальные фразеологические единицы с «пищевым» компонентом в русском и китайском языках	195
<i>Гладкова Г.А.</i> Лёс удзельнікаў Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. у мастацкім асэнсаванні Т.Я. Папі і Ф.А. Асяндоўскага	200
<i>Гарганов И.В.</i> Сигналы русской лингвокультуры в лирическом цикле Владимира Набокова «Ушедшее» (сборник «Гроздь»)	208
<i>Марфина Ж.В.</i> История исследования концепта «родство» в отечественном языкознании	215
<i>Алейникова О.С.</i> Интеллектуальное развитие учащихся в процессе обучения русскому языку	220
<i>Дружина Н.Л.</i> Дискурс и семантическое поле в лингвистических исследованиях	227
<i>Коваленко Е.И.</i> Ипостаси адресанта мемуарного произведения (на материале мемуаров А.А. Успенского «В плену»)	232
<i>Солодовникова Т.В.</i> Дискурсивные инструменты социальной, коммерческой и политической рекламы	239
Рецензия	244

CONTENTS

History

<i>Mandrik I.V., Parkhimovich N.N.</i> Belarus during Fascist Occupation: Total Genocide Regime in the Belarusian Land	7
<i>Kosov A.P.</i> Participation of Belarus in the Chinese Initiative “One Belt – One Way”: Assessment and Opportunities	17
<i>Laurynenka K.V.</i> The History of St. Anthony of Padua Church and Parish in Vitebsk	25
<i>Liapeshkin Y.M.</i> The Activities of Governors on the Social and Economic Development of Belarusian Provinces in 1864–1914	33
<i>Yashchenko O.G.</i> Photos in the “Stalin Youth” Newspaper (the Late 1930-s) as a Culture History Visual Source of the Soviet Belarus.....	41
<i>Petrenko A.V.</i> Creation and Features of Functioning of the Management System of the Frontline Zone and the Rear of the Russian Army Western Front in 1915–1918	46
<i>Krukouski U.D.</i> Organization of Military Training of Young People at the Volost (District) Recruiting Stations of the SSRB in the Early 1919	51
<i>Parkhimovich N.N.</i> Serfdom in the Russian Empire in 1762–1861: Problems of the Hundred Years Period	57
<i>Piatrenka N.A.</i> Development Tendencies of City Building and Improvement of Public Services in the City of Vitebsk in 1944–1991: Historiography of the Issue	63
<i>Bubenko T.S.</i> Zaronovo – a Settlement of the Epoch of the Great Migration of the Nations on the Outskirts of Vitebsk	69

Philosophy

<i>Krivososova E.E., Rudkovski E.I.</i> Information Society and Transformation of Value Dimensions of the Person’s Spiritual World	77
<i>Chikindin M.A.</i> Interconnection of the Archetypical and the Situational in the Political Leader’s Imagey	83
<i>Ilyushenka N.S.</i> Opportunities for the Implementation of Modern Trends in the Field of Additional Education of Young People (Social and Philosophical Aspect)	89
<i>Davlatova E.V.</i> Social and Economic Development of Belarusian-Russian Borderline Zone as Seen by Young People	96
<i>Golubev V.A.</i> The Image of “the New Man” in the Cultural Policy of Italian Fascist Regime (1922–1943)	101

Philology

<i>Barouka V.Yu.</i> Ekphrasis in the Belarusian Literature of the XIX – Early XX Centuries	111
<i>Vardomatsky L.M.</i> The Letter of M. Smotritsky's of August 14, 1628: Linguistic Aspect	119
<i>Grachykha T.A.</i> Word Building Types of Belarusian Scientific Fauna Nomenclature	125
<i>Grushova L.D.</i> Training Non-Linguistic Students Foreign Language Professionally-Oriented Communicative Competence Using the Interactive Approach	130
<i>Danylevskaya O.N.</i> School Realia in the Ukrainian Teenager Conscience: a Sociolinguistic Perspective	137
<i>Ivanov E.E.</i> Aphorisms in Religious Discourse	142
<i>Komaristova I.I.</i> Dynamics of Intertextuality of Precedent Phenomena through the Prism of Time	148
<i>Kuzmichenko A.A., Matsevich S.F.</i> Conceptual Metaphors of FIRE as a Source of Phraseological Units in English	157
<i>Kuleshova V.O.</i> Forming a Competence-based Model in the Course of Teaching English at a Technical Higher Education Institution Using a Terminological Dictionary	163
<i>Navaseltsava G.V.</i> Novel Series as an Aesthetic Phenomenon in the Belaruisan Prose of the Last Third of the 20th Century	168
<i>Sadko L.M.</i> Paralinguistic Means in the Contemporary Experimental Poetry of Austria, Russia, Belarus	174
<i>Temirgazina Z.K., Tezekbaev A.D.</i> The Role Status of “Witness” in Oral Interpersonal Communication	180
<i>Ryzhkovich A.Ch.</i> Semantic Structure of the Category of Temporality	184
<i>Khu Tszriadun.</i> Poetic Diplomacy in the Linguistic Culture of China	190
<i>Ma Loon.</i> Process Phraseological Units with the “Food” Component in Russian and Chinese	195
<i>Gladkova A.A.</i> The fate of the participants of the November uprising of 1830–1831 in the artistic understanding of T.Ya. Papi and F.A. Ossendovsky	200
<i>Garganov I.V.</i> Signals of Russian Linguoculture in the Lyrical Vladimir Nabokov's Cycle “The Gone” (Compilation of “Bunch”)	208
<i>Marfina Zh.V.</i> The History of the Study of the Concept “relationship” in Russian Linguistics	215
<i>Aleinikova O.S.</i> Students' Intellectual Development in the Process of Russian Language Teaching	220
<i>Druzhdina N.L.</i> Discourse and Semantic Field in Linguistic Research	227
<i>Kovalenko E.I.</i> Images of the Addresser of the Memoir Works (Based on the Memoirs of A.A. Uspensky “In Captivity”)	232
<i>Saladounikava T.V.</i> Discourse Tools of Social, Commercial and Political Advertising ..	239
Review	244

ИСТОРИЯ

Беларусь в период фашистской оккупации: режим тотального геноцида на Витебской земле*

Мандрик И.В., Пархимович Н.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье анализируются события, которые происходили на белорусской земле с 22 июня 1941 г. до конца июля 1944 г. В это время немецкие захватчики развернули на оккупированной территории небывалый в истории по размаху и жестокости террор против мирного населения. Для жителей Витебской области данный период, о чем свидетельствуют многочисленные, представленные в публикации факты, стал трагическим. Оккупанты создали здесь режим тотального геноцида.

Цель работы — систематизация архивных и отдельных документальных материалов о поведении оккупантов на территории Витебской области в 1941–1944 гг., подтверждение того, что нацистская идеология об исключительной роли немцев в мировом историческом процессе имела лженаучное обоснование.

Материал и методы. *Исследование подготовлено на основе отечественной историографии и архивных документов, раскрывающих тотальный геноцид и грабежи фашистов на Витебщине в ее нынешних границах. Методологической базой являются историко-объективный метод, принципы достоверности, социальности, системности, авторские обобщения.*

Результаты и их обсуждение. *В сентябре 1941 г., когда вся территория Беларуси была захвачена немецко-фашистскими войсками, в неволе оказалось примерно 7–7,5 млн ее жителей. Жизнь на Витебщине протекала, как и в других оккупированных регионах страны. Гитлеровцы сразу же приступили к осуществлению своего плана экономического господства над хозяйственным комплексом, угнетения и уничтожения мирного населения области.*

Заключение. *Агрессия нацистской Германии против СССР стала суровым испытанием для народов многонациональной страны. Решалась судьба нашего Отечества: быть ему или погибнуть? Вторгшись в пределы республики, фашисты приступили к осуществлению человеконенавистнической теории о праве на мировое господство, о расовом превосходстве немецкой нации над другими народами. Свои намерения они повсеместно воплощали через жестокий лагерный режим, преступные «эксперименты», кошмарные злодеяния над мирным населением.*

Ключевые слова: *геноцид, гетто, концентрационные лагеря, нацизм, террор.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 7–16)

Belarus during Fascist Occupation: Total Genocide Regime in the Belarusian Land

Mandrik I.V., Parkhimovich N.N.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Events which took place in the Belarusian land between June 22, 1941 and the late July, 1944 are analyzed in the paper. At that time German invaders terrorized civil population of the occupied areas in the unprecedented and cruel scale. The multiple facts, presented in the article, indicate that the time was tragic for the population of Vitebsk Region. The occupants set up the regime of total genocide.

The purpose of the work is systematization of archive and some documentary materials on the behavior of the occupants on the territory of Vitebsk Region in 1941–1944, confirmation of the fact that the Nazi ideology about the exceptional role of the Germans in the global historic process had fake grounding.

Material and methods. *The article is based on domestic historiography and archive documents which reveal fascists' total genocide and burglaries within the present boundaries of Vitebsk Region. The research methodological basis is the historical objective method, the principles of reliability, sociality, system, the author's generalization.*

* 75-летию освобождения республики от немецко-фашистской оккупации посвящается.

***Findings and their discussion.** By September 1941, when the whole territory of Belarus was occupied by German fascist troops, about 7–7,5 million inhabitants found themselves in captivity. Life in Vitebsk areas was like that in other occupied regions of the country. German invaders started carrying out their plan of economic reign and suppression and elimination of the region civil population.*

***Conclusion.** The Nazi Germany aggression against the USSR became a severe test for the peoples of the multinational country. The destiny of our Motherland was solved, whether it would survive or not. The invasion into the Republic resulted in the misanthropic anti-human theory on the right for the global reign, on racial superiority of the German nation over other peoples. They implemented their aspirations by means of a severe camp-like regime, by criminal “experiments”, horrible evil acts with civil population.*

***Key words:** genocide, ghetto, concentration camps, Nazism, terror.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 7–16)

На первоначальном этапе Великой Отечественной войны советские войска вынуждены были оставить огромную, густонаселенную, развитую в промышленном и сельскохозяйственном отношении территорию. В БССР на занятой до конца лета 1941 года врагом территории во власти эсэсовских убийц и гестаповских палачей оказалось примерно 7–7,5 млн мирных граждан. Смертельная угроза нависла над всем советским народом в целом и каждым человеком, живущим в республике, в отдельности. Период оккупации стал для местного населения временем лишений, сломанных судеб, разоренных городов и сел, выжженных нив. Решалась судьба нашего Отечества: быть ему или погибнуть? На Витебской земле жизнь в это время протекала, как и в других оккупированных регионах страны. Здесь гитлеровцы сразу же приступили к осуществлению своего плана экономического господства над хозяйственным комплексом, принуждению к рабскому труду и уничтожению населения области. Весь период оккупации жители данного региона в частности, так и республики в целом видели в гитлеровцах врагов и находились в противостоянии с ними.

Цель работы – систематизация архивных и отдельных документальных материалов о поведении оккупантов на территории Витебской области в 1941–1944 гг., подтверждение того, что нацистская идеология об исключительной роли немцев в мировом историческом процессе имела лженаучное обоснование.

Материал и методы. В исследовании использованы документы Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, Полоцкого и Оршанского зональных архивов. Проведен анализ отечественной историографии, свидетельствующей о тотальном геноциде и грабежах фашистов на белорусской земле. Приоритетное место при рассмотрении проблемы раскрытия массовых на-

сильственных мер оккупантов и их пособников на Витебщине (в ее нынешних границах) нами отводилось первичным документам, составленным в первые послевоенные годы.

Методологической базой являются историко-объективный метод, принципы достоверности, социальности, системности, авторские обобщения.

Результаты и их обсуждение. Прорываясь в глубь СССР, немецко-фашистские войска встретили такое сопротивление, с каким им еще никогда не приходилось сталкиваться, несли огромные потери. Однако временные преимущества Германии (милитаризация экономики и всей жизни в государстве, длительная подготовка к захватнической войне и опыт военных действий на Западе, значительное численное превосходство заблаговременно сосредоточенных сил в пограничных зонах), другие обстоятельства стали причинами неудачного первоначального этапа войны для нашей страны. Советские войска вынуждены были оставить огромную, густонаселенную, развитую в промышленном и сельскохозяйственном отношении территорию, в том числе и БССР. Миллионы советских людей оказались во власти эсэсовских убийц и гестаповских палачей. Планы относительно захваченных в будущем территорий были разработаны в министерствах и ведомствах Германии еще при подготовке к нападению на Советский Союз. Базировались они на идее необходимости расширения третьего рейха на Восток – «Дранх нах Ост». Согласно «Директиве по руководству экономикой оккупированных восточных областей» («Зеленая папка» Геринга) гитлеровцы намеревались с помощью немецкой колонизации и геноцида отвести этническую границу своего государства на тысячи километров на восток и установить военную границу до Урала. Полное оформление системы фашистско-террористического режима на территориях СССР, в том числе и в БССР, состоялось 16 июля 1941 года в ставке Гитлера на совещании высших

Фото 1. Карта, отображающая примерное количество уничтоженного оккупантами населения

должностных лиц. В одном из разделов этой системы, в котором рассматривалась важнейшая задача «восточной политики», все оккупированные территории объявлялись объектом колонизации и германизации, предусматривалось физическое уничтожение, выселение с европейской части и онемечивание целых наций – поляков, белорусов, украинцев и других народов [1, с. 670].

В соответствии с заранее разработанными планами и инструкциями оккупационные власти добивались послушания местных жителей смертными казнями. Особые уголовные законы предусматривали смертную казнь за оскорбление «чести национал-социалистической партии, германской армии и полиции, за сокрытие данных об антинемецких настроениях или действиях». Эти законы позволяли обвинить любого человека.

После вторжения на территорию СССР началась фильтрация населения: основной удар был направлен против коммунистов, советских активистов, командиров и политработников, оказавшихся в окружении. Было у оккупантов желание полностью уничтожить коммунистическую интеллигенцию. В этом же ряду находились комсомольцы, евреи, цыгане. На территории СССР, подвергшейся оккупации, гитлеровцы истребили и замучили около 10 млн советских граждан – муж-

чин, женщин, детей [2, с. 251]. Как потом оказалось, планы фашистам реализовать в полной мере не удалось. На Нюрнбергском процессе крупные военачальники вермахта признались, что вся практическая деятельность оккупационных властей и германских войск протекала в соответствии с заранее разработанным планом уничтожения 30 млн славян. Бывший генерал войск СС и полиции группы армий «Центр», штаб которого находился в Могилеве, Бах-Зеленевский, подтвердил: «Если бы ситуация не изменилась в результате развития событий, то задача (по уничтожению славянских народов. – И.М.) была бы выполнена» [3, с. 367].

Реализуя план «Ост», захватчики развернули небывалый в истории по размаху и жестокости террор против мирного белорусского населения. Первоначально здесь предусматривалось оставить для онемечивания и использования в качестве рабочей силы не более 25% коренных жителей. Остальное население подлежало уничтожению или принудительному вывозу. Этот преступный план был рассчитан на 30 лет. Но на местах ретивые поклонники гитлеровской теории эксплуатации людей неарийской расы и богатств других государств стремились реализовать его как можно в более короткие сроки. Исходя из утвержденной верховным главнокомандованием

вооруженных сил Германии директивы «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых полномочиях войск», на оккупированной территории применялись «массовые насильственные меры» [4, с. 28]. В Беларуси было создано более 260 концентрационных лагерей смерти для военнопленных и гражданского населения [5, с. 401]. На карте, которая продемонстрирована ранее (фото 1), отобразить подобное количество было невозможно. На ней представлены только наиболее крупные, с указанием числа уничтоженных в них людей.

Поэтому нанесенные на карту места массового уничтожения людей — только частичная информация о колонизаторской политике агрессора на белорусской земле. Полные данные о концентрационных лагерях и тюрьмах, о числе уничтоженных в них людей указаны в научных публикациях. В них утверждается, что территория республики была покрыта густой сетью дулагов, шталагов, афлагов, трудовых лагерей СД, женских, пересыльных, штрафных лагерей, гетто и др., где фашисты осуществляли массовые казни военнопленных и мирных жителей, подвергали пыткам и уничтожали патриотов.

Действия фашистов в Беларуси свидетельствуют о преступном характере осуществляемых ими, принятых в Германии накануне войны и корректируемых в сторону ужесточения в последующем директив, наставлений и инструкций. Впервые в истории целью войны объявлялось уничтожение населения по национальному признаку и превращению народов в рабов. По сути, все годы оккупации территории БССР фашисты стремились выполнять задуманное, планомерно истребляли людей, которые, по их мнению, не относились к арийской расе¹ или сопротивлялись нацистскому режиму.

11 июля 1941 года советская армия вынуждена была оставить Витебск. Еще через несколько дней вся ныне входящая в Витебскую область территория была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками. Политика германского руководства в области была продуманной и по-

следовательной, как и в других регионах, она основывалась на лженаучной нацистской теории, призывавшей к применению насилия и массовому истреблению людей. Фактический материал о поведении нацистов на временно оккупированной территории нашей области (что относилось ко всем восточным территориям) убеждает: их поведение было коварным, наглым и подлым. На территории области существовала система тюрем и концентрационных лагерей. Не было ни одного города, района, где бы фашистские захватчики ни совершали массовых казней. Вокруг Витебска, других городов выявлены десятки тысяч трупов замученных фашистами советских людей [6, с. 9–23]. В Витебске и его окрестностях в период оккупации было создано 5 крупных лагерей смерти и еще десятки небольших при воинских формированиях [7, с. 215]. Самым крупным из них был лагерь для военнопленных, расположенный на территории бывшего 5-го полка (ныне улица Титова). В 1941 года здесь находилось до 40 тыс. человек. До конца 1942 года почти все они были уничтожены.

В марте-апреле 1943 г. сюда поместили 20 тыс. мирных жителей, преимущественно женщин, стариков и детей, а в феврале-мае 1944 г. — все оставшееся население города. В этом лагере замучено, расстреляно, погибло от голода и болезни более 80 тыс. человек.

Жесткие условия содержания узников были и в лагере, размещенном в поселке Лучоса (на левом берегу реки), где находились преимущественно попавшие в плен командиры и политработники Красной Армии, партизаны.

Деление заключенных на категории: «политически вредные элементы», «пригодные для использования на разного рода работах», «национальные группы» и т.п. — определяло лишь очередность и способы их уничтожения. В конечном счете, каждого из узников ожидала смерть. Ежедневные плановые расстрелы заключенных были для оккупантов нормой. Как свидетельствуют очевидцы, голод в этом лагере принуждал людей объедать листья и кору на деревьях. Не лучшая участь ожидала узников, помещенных в рабочий лагерь на зеркальной фабрике по ул. Задунавской (ныне проспект Фрунзе), который был создан в 1941 году. Постоянная муштра, побои, расстрелы заключенных были обычным отрететированным явлением.

В июле 1941 года на правом берегу Западной Двины на улицах Ильинского (тогда Верхненабережной), Комсомольской, Энгельса, Кирова оккупанты создали гетто. В это время город ле-

¹ Арийцы или арийская раса (термин происходит от слова арии, что на древнем санскрите означало «достойный, уважаемый, благородный») — лженаучный термин, выдвинутый в середине XIX века авторами расовых теорий и широко использовавшийся немецкими национал-социалистами. Во время Второй мировой войны эти теории были направлены в основном против русских, которые описывались как недочеловеки, неполноценный вырождающийся народ, находящийся под руководством евреев.

жал в руинах, все здания входящих в гетто улиц представляли собой каменное пожарище. Уцелело лишь небольшое строение – клуба металлистов. После проведения регистрации район, где разместили тысячи евреев, был обнесен дощатым забором и колючей проволокой. Среди узников гетто оказались дети от смешанных браков во втором и третьем поколении, а также беженцы из западных районов Беларуси. Жизнь под навесами, в конурах из кирпичей, жести сопровождалась унижениями и издевательствами, казнями. Из-за голода, антисанитарных условий, инфекционных заболеваний каждый день в гетто умирали десятки людей. Ведь в понимании оккупантов евреи подлежали полному уничтожению, поэтому в гетто происходила поэтапная ликвидация всех узников. Всего здесь расстреляли около 20 тыс. евреев.

Пятым крупным лагерем был лагерь, размещенный недалеко от железнодорожной станции Крынки. Сюда фашисты вывезли в мае 1944 года из лагеря 5-го полка свыше 12 тыс. человек для того, чтобы использовать их как заслон при своем отступлении. С целью распространения инфекционных заболеваний среди узников и создания дополнительных препятствий при наступлении Красной Армии в лагерь поместили несколько сот больных тифом. За короткое время в лагере погибло 4 тыс. человек. 8 тыс. узников спасено во время операции по освобождению Беларуси в июне 1944 года [7, с. 216].

После захвата гитлеровцами Орши здесь началось планомерное массовое истребление жителей. Уже в первые дни согнали в гетто и изолировали от внешнего мира 2900 евреев. Более четырех месяцев их содержали на голодном пайке, в тяжелейших антисанитарных условиях, подвергали побоям. Затем в течение двух дней – 25 и 27 ноября 1941 года всех расстреляли. 2 мая 1942 года около льнокомбината и железнодорожного моста только по подозрению в связи с партизанами было расстреляно 67 человек. В конце сентября 1943 года каратели под предлогом эвакуации загнали в товарные железнодорожные вагоны более 3000 жителей Орши и Оршанского района. После этого, переместив составы в тупик, оставили людей под охраной эсэсовцев на трое суток без пищи и воды. На четвертые сутки голодным выдали отравленную баланду, что стало причиной их повальной смертности. Трупы советских граждан, умерщвленных подобным образом, были свалены в силосные ямы, сожжены, присыпаны землей. Утверждали «новый порядок» в этом

регионе фельдкомендант г. Орши барон, полковник Альберт, комендант полевой жандармерии города лейтенант Розенталь [8, с. 1–8].

Не меньшим варварством сопровождалась оккупация Глубокского района. Здесь фашисты чинили террор против военнопленных и мирных граждан. В 3-х километрах севернее Глубокского располагался лагерь для военнопленных. Осенью 1941 года в нем находилось от 23 до 24 тыс. красноармейцев. Из-за голода, холода, болезней (круглый год люди содержались без помещений, в вырытых в земле ямах) лагерь превратился в некрополь. Здесь ежедневно умирало от 200 до 500 человек [9, с. 55а–55г]. В первые же дни оккупанты провели в районе учет еврейского населения, конфисковали их личное имущество и продукты питания, выгоняли на тяжелые работы. В сентябре 1941 года гебитс-комиссаром Глубокского округа Гохманом был издан приказ о переселении всего еврейского населения в специально выделенный для них квартал – гетто. В нем находилось 8 тысяч мужчин, женщин, пожилых людей и детей. Выходить из гетто евреи могли только на работу или по специальным разрешениям. На спине и груди они должны были носить желтые звезды. За нарушение правил следовал расстрел. На население гетто накладывались контрибуции, проходили погромы. Норма выдачи суточного продовольственного пайка была ориентирована на медленное угасание жизни человека, сотни людей ежедневно умирали от голода. Периодически людей группами отправляли на расстрел в урочище Борок (располагалось в полутора километров от Глубокского). С весны 1942 года карательные операции на оккупированной территории стали носить более системный характер. Жестокие расправы над гражданскими, уничтожение населенных пунктов вместе с жителями стали повседневной практикой гитлеровцев. Весной 1942 года в Глубокском округе нацисты расстреляли в один день 2 тыс. евреев. Жительница Глубокского Л.И. Рыжкова и другие очевидцы данного преступления сообщили, что находившихся в гетто людей, в том числе женщин, детей и стариков, по приказу гебитс-комиссара в один из дней согнали на физкультурную площадку, разделили на две группы. Одной из групп объявили о том, что она будет отправлена для работы в Докшицкий район. Когда люди увидели, что их обманули, путь их ведет в сторону урочища, где фашисты постоянно производят расстрелы, отдельные узники пытались спастись бегством. Немецкая полиция и жандармерия ликвидиро-

Фото 2. Останки замученных и расстрелянных гестаповцами советских граждан

вала спасающихся автоматными очередями. В урочище Борок оставшихся в группе заставили снять одежду, лечь лицом вниз в заранее подготовленные траншеи. Убивали выстрелом в затылок. Варварские методы уничтожения населения в Глубокском районе продолжались до освобождения территории от оккупантов. Летом 1943 года еврейское гетто, в котором еще находилось 5,5 тыс. человек, было окружено эсэсовцами, фашисты с самолета полили территорию воспламеняющейся жидкостью, забросали гранатами. Более тысячи узников гетто сгорело в огне, был проведен повальный расстрел, смерти избежали только 120 человек. По неполным данным, в Глубокском районе оккупанты замучили и расстреляли 10133 мирных жителей [9, с. 55а–55д].

С приходом фашистов на территорию Шарковщинского района здесь по такому же сценарию происходило зверское истребление белорусов, евреев, поляков, людей других национальностей.

В ноябре 1942 года в деревне Куштали Корницкого сельского совета немцы согнали в сарай и сожгли 204 жителя, в том числе стариков, женщин, детей. Всего из этого района, согласно имеющимся данным, фашисты и их пособники угнали в Германию на каторжные работы в принудительном порядке 1484 жителя, преимущественно молодежь; замучили, сожгли, расстреляли 2027 жителей [9, с. 40–40 об.].

Политика геноцида – планомерное массовое истребление жителей – происходила без какого-либо разбирательства, тем более судебного. Любой военный комендант, любой чиновник оккупационного аппарата, эсэсовец или геста-

повец, офицер или солдат был «законодателем» и «судьей». Принимали участие в этих людоедских действиях и коллаборационисты. Они вместе с немецкими карателями и под их контролем поголовно уничтожали еврейское население белорусских городов и местечек и вообще всех, кто не желал мириться с геноцидом. Это подтверждается злодеяниями, чинимыми на территории всех районов области. Многочисленные места захоронений, обнаруженные сразу после освобождения Городокского района, свидетельствуют о планомерном умерщвлении фашистскими палачами детей, подростков, женщин и стариков (фото 2). В августе 1943 года еврейское население Городка (около 2 тысяч) фашисты согнали в гетто на окраину города, после чего в течение двух месяцев узников группами доставляли в урочище Воробьевы горы, где взрослых расстреливали, а детей закапывали живыми. В деревне Холуй Верещского сельсовета в феврале 1943 года фашисты согнали в дом и сожгли 96 мирных жителей разных деревень. 6 января 1943 года жители Городка стали очевидцами зверского поведения оккупантов. У них на глазах двум партизанам отрубили ноги и руки, после вывезли к зданию техникума и оставили на морозе для устрашения населения. Применялся в Городке и такой вид казни людей, как обливание водой на морозе. Показания свидетелей, осмотр мест захоронения жертв террора оккупантов выявили следующее: всего по Городокскому району с июля 1941 года по 24 декабря 1943 года расстреляно 4884, повешено 32, сожжено 168, угнано в рабство 947 человек [10, с. 32].

За время оккупации Лепельского района с июля 1941 года по 28 июня 1944 года немецко-фашистские варвары по приказу немецкого командования систематически производили истребление советских граждан, расстреливая, вешая ни в чем неповинных мужчин, женщин и детей. В Лепеле на пересечении улиц Советской и Карла Маркса расстреляно и похоронено около 1000 советских граждан. На место расстрела приводили по 15–20 человек, убивали их и, раздев донага, зарывали в заранее приготовленных ямах и рвах. По правой стороне дороги, идущей из Лепеля на Полоцк, метрах в пяти от дороги обнаружены четыре ямы длиной по 10 метров, шириной 4 метра и глубиной до 9 метров. Установлено, что в каждой яме похоронено более 100 человек, кроме того, выявлена яма, где зарыто более 450 советских граждан. 16 сентября 1941 года немецко-фашистские бандиты произвели массовые расстрелы жителей д. Камень. Расстреляно и заживо похоронено около кладбища Борки 158 человек. В январе 1942 года в деревнях Слободка, Пунище, Кривцы немцы расстреляли и зверски замучили 159 человек, причем стариков, женщин и детей сожгли в домах живыми. Около деревни Черноручье немецкими жандармами и полицейскими расстреляно 1500 человек, в том числе 500 мирных граждан, заподозренных в неблагонадежности германскому режиму. По району истреблено свыше 4700 человек, в том числе 600 женщин и 550 детей, 555 жителей этого района было насильно угнано в рабство в Германию [11, с. 183].

Кровавые следы фашисты оставили в нашей области и во всех других районах. В марте 1942 года в совхозе Адаменки Лиозненского района расстреляно 800 жителей горпоселка, в Сутовском сельсовете (колхоз имени Кагановича) заживо сожжено 70 человек, в колхозе имени VII съезда Советов – 40 жителей [12, с. 44–48].

С 1942 г. оккупационные власти начали угонять население, прежде всего молодежь, на работу в Германию. С первых дней на территории области проводилась вербовка через пропагандистские средства. Добровольцев оказалось совсем немного. Например, для Беларуси предусматривалась квота для работы в Германии: 30 тысяч женщин-домработниц. В установленные сроки оккупанты смогли мобилизовать около 100 человек [13, с. 244]. Не лучше обстояли дела по другим специалистам, которых требовалось поставить в рейх. Тогда гитлеровцы сделали ставку на принудительный вывоз. При активном сопротивлении населения с территории республики

в Германию было вывезено 380–400 тыс. жителей. Там их распределяли для работы в промышленности и сельское хозяйство, где они в полной мере прочувствовали фашистскую «волю».

С Витебской области (в довоенных границах) в Германию на принудительные работы было насильно угнано примерно 70 тысяч ее граждан [14, с. 4]. Несмотря на жесткую цензуру, в письмах своим родным они сообщали о своем бесправном рабском положении, унижениях и издевательствах. Уроженка деревни Королево Германовичского сельсовета Анна Кушнер в письме на родину пишет: «...целый год прошел с того времени, как я не видела вас, а что я видела за этот год. Кроме презрения, унижения, слез – больше ничего». Содержание письма угнанной в рабство жительницы Шарковщинского района, все другие сообщения, рассказы вернувшихся после Победы на родину советских граждан подтверждают, что рабское существование угнанных для работы в Германию людей было определено изначально. Варварство, звериное лицо фашизма в отношении насильно угнанных белорусов, людей других национальностей сочеталось с немецкой педантичностью и обстоятельностью при реализации даже преступных планов. Подобные качества немцами приобретались с приходом к власти Адольфа Гитлера, который твердил об уничтожении еврейской расы в Европе и о превращении не немецкого населения Востока в рабов. Даже умение читать для славянского населения Гитлер считал излишним. Обучение в завоеванных славянских странах, по мнению фюрера, «не должно быть выше, чем четырехклассная народная школа. В этой народной школе должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог требует слушаться немцев» [15, с. 96, 98].

Немцы поверили гегелевской пропаганде о неполноценности славян и о своей принадлежности к расе господ. Полицейские инструкции запрещали населению Германии хоть какое-либо общение с «восточными рабочими». За нарушение этого правила немцам грозило серьезное наказание. Пропитанные нацизмом хозяева предприятий, ферм и других организаций получили возможность эксплуатировать принудительно этапированных с востока рабов-славян, заставляли их день и ночь работать под полицейской охраной для создания райской жизни истинным арийцам. Поэтому условия жизни на оккупированных территориях насильственно вывезенных на чужбину людей (к счастью, на непродолжи-

Фото 3. Дети за колючей проволокой

тельное по историческим меркам время) уже по определению не могли быть иными. Сотни тысяч угнанных на фашистскую каторгу погибали от голода, изнурительного труда, истязаний и болезней. Дикое отношение и бесчеловечность, ненависть, проявляющиеся к людям другой национальности, тем, кто насильно был вывезен в Германию, — это не простая случайность, а сложившаяся человеконенавистническая идеология мракобесия. Агрессоры беззастенчиво попирали даже сложившиеся веками нормы нравственности, не говоря уже о нормах международного права. Как справедливо отмечается в исторической и вообще в гуманитарной литературе, это был не просто акт самовольства отдельных недисциплинированных солдат и офицеров, а логический ряд в реализации общегосударственной политики фашистской Германии по установлению мирового господства. Принцип грубой силы, разбоя был возведен в «моральную» норму, а убийство и насилие над народами — в государственный закон. Стремление нести повсюду смерть и разрушение было мощным психологическим оружием оккупантов. В гитлеровской армии насаждалось любовование ужасами и жестокостью. пытки, издевательства, средства массового уничтожения мирного населения воспринимались большинством офицеров и солдат как объект чуть ли не «эстетического» наслаждения. На живых людях испытывались вакцины против тифа, желтой лихорадки, холеры и других инфекционных заболеваний, изучались вопросы массовой стерилизации женщин и кастрации мужчин. Нормальным людям даже трудно себе представить, что восполнять потребности в донорской крови для своих госпиталей возможно, забрав ее у го-

лодных детей — узников 6–8 лет. Гитлеровцы же это делали постоянно (фото 3).

Немецкие захватчики предали огню города и села области, превратили в руины предприятия, высшие и средние учебные учреждения. Они разрушили памятники старины, творения выдающихся зодчих, разгромили библиотеки и музеи. Например, с 213 предприятий союзного и республиканского подчинения, функционирующих в Витебской области в довоенное время, осталось только 2, с 8695 республиканского и областного — 98 [16, с. 1–4]. С 629 населенных пунктов Беларуси, сожженных вместе с жителями, 221 находился на Витебщине. В Суражском районе до войны было 346 деревень, осталось 15.

Отмечено высокое сокращение городского и сельского населения области. На 1 января 1945 года в Витебской области от 701,4 тыс. человек сельских жителей довоенного времени (по учету 1939 г.) осталось 433,8 тыс. (61,8%). Рабочих и служащих в 1945 году от 1940 года насчитывалось только 46,5%. В Витебске от 167299 жителей довоенного времени на 1 августа 1944 года зарегистрировано только 15225, в Орше — от 35578 — 6583, в Полоцке — от 29577 — 2364. В Витебске, Полоцке, других городах немецко-фашистские агрессоры за годы войны разорили и уничтожили городское хозяйство почти на 90% [17, с. 39–39 об.]. Колонизация республики с массовым расстрелом белорусов, истреблением евреев, людей других национальностей сопровождалась экономическим грабежом, вывозом в Германию исторических и культурных ценностей, сельскохозяйственной продукции, крупного рогатого скота, лошадей. Захватчики увозили в рейх оборудование фабрик и заводов, у крестьян отбирали хлеб, скот и имущество. За сокрытие продовольствия полагался расстрел.

Естественно, что в послевоенное время не представлялось возможным перечислить весь ущерб, нанесенный БССР за годы ее оккупации. Подсчету можно было подвергнуть лишь отчеты крупных немецких компаний и организаций. В то же время трудно даже сегодня оценить стоимость миллионов экземпляров уникальных книг, картин, скульптур известных русских и белорусских мастеров, которые были вывезены и отправлены в солдатских и офицерских посылках в рейх, при массовом ограблении населения.

В обвинительном заключении по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими преступниками (в книге с аналогичным названием), сказано: в Витебской области гитлеровцы и их сообщники убили и замучили 151421 советского

гражданина, кроме того, 92891 военнопленного Красной Армии. В Витебске за годы оккупации полностью уничтожены жилой фонд и промышленные предприятия. Разрушены педагогический и медицинский институты, педагогическое училище, городской театр, Дом Красной Армии, Покровский собор, 8 церквей, которые являлись историческими памятниками. По подсчетам специалистов, ущерб, причиненный в годы войны хозяйственному комплексу Витебщины, в ценах 1945 года составил 25258770,8 тыс. рублей, это более половины ее довоенного национального достояния [18, с. 321]. Жертв и разрушений могло быть значительно больше. Но особенностью Беларуси было то, что и во время оккупации немалая часть республики была под контролем народных мстителей. До начала 1943 года около 60% ее территории находилось в партизанских зонах. На Витебской земле насчитывалось 5 партизанских зон. Среди них Полоцко-Лепельская зона, которая занимала 3,2 тыс. кв. км, где располагалось 1220 населенных пунктов (на январь 1944 года здесь под защитой партизан проживало свыше 100 тыс. человек), Борисовско-Бегомльская (6 тыс. кв. км, 1088 населенных пунктов) [13, с. 528]. Иногда под ударами превосходящего в вооружении врага партизанам приходилось на некоторое время оставлять те или иные районы, но полностью ликвидировать партизанский контроль над территориями, где население партизанских зон являлось опорой и резервом массового партизанского и подпольного движения, фашисты были не в состоянии. Взаимоотношения между населением оккупированных территорий и партизанами на протяжении всего периода войны носили дружественный характер. Это прямой ответ тем политикам и историкам, которые пытаются показать обратное: будто бы партизанское движение не было общенациональным делом белорусов и что народные мстители в отношениях с местным населением отличались жестокостью и мародерством [19, с. 323–324].

В ежегодном Послании к белорусскому народу и Национальному собранию в апреле 2019 года Президент А.Г. Лукашенко напомнил, что «...наша история началась более тысячи лет назад, но она вполне могла бы закончиться в 40-е годы прошлого века, если бы не героизм нашего советского народа» [20, с. 1–3]. Напоминание руководителя страны о той страшной трагедии весьма актуально сегодня. За сохранение белорусского государства, как правильно

отметил Президент, оплачено миллионами жизней жителей нашей многонациональной страны. Сложным и тяжелым был переход к мирному строительству, нелегкая полоса послевоенного развития ожидала белорусский народ.

Заключение. Вышеприведенные конкретные факты о поведении агрессора на захваченных территориях неоспоримо доказывают, что время оккупации стало для каждого человека и всего нашего народа крайним испытанием духовной прочности и нравственных ценностей. Захватническая война, которую вела нацистская Германия против Советского Союза, стала причиной страданий несметного числа русских, белорусов, украинцев, граждан других республик СССР. «Новый порядок» как нацистская система военных, политических, идеологических и экономических мер утверждался оккупантами на территории Беларуси через жесткий лагерный режим, преступные «эксперименты», издевательства над мирным населением. Главным инструментом гитлеровского оккупационного режима являлись специально созданные органы, вооруженные силы, а также небольшая часть местных жителей – коллаборационистов. Мировая цивилизация со времени ее формирования еще не знала таких варварских способов уничтожения людей. Обобщенные сведения о людских жертвах немецко-фашистских злодеяний в целом указывают: республика за годы войны потеряла каждого третьего своего жителя. Подобные высокие потери произошли преимущественно за счет гибели мирного населения. Возникшая после войны демографическая ситуация имела негативное воздействие в годы восстановления народного хозяйства. За время оккупации фашисты разорили и провели тотальный грабеж народнохозяйственной собственности и личного имущества населения. В результате промышленность, сельское хозяйство, социальная сфера советской Беларуси были отброшены в состояние середины 1920-х гг., а уровень жизни населения (обеспеченность продовольствием, одеждой, обувью, медицинской помощью, наличие материальной базы культуры), без преувеличения, – в начало восстановления после гражданской войны. Общие материальные потери БССР достигли 75 млрд рублей, это в 35 раз более государственного бюджета республики 1940 года. Война уничтожила миллионы семей, оставила сотни тысяч инвалидов. Миллионы людей оказались лишенными средств к существованию, ютились в погребах и землянках. Исключитель-

но большие людские, материальные потери и разорения были нанесены Витебской области. Городское и сельское население находилось на грани полной нищеты.

В памятные годы, какими являются для белорусского народа 75-летие освобождения БССР, а в следующем году – 75-летие Победы над фашистской Германией, наше особое уважение по праву должно быть отдано живым и ушедшим в иной мир ветеранам войны, труженикам тыла, людям, пережившим каторжный оккупационный режим. Преданность своей стране людей различного социального, национального происхождения и положения стала выходом из той опасности. Проявленные же в эти годы патриотизм, свободолюбие белорусского народа, его умение побеждать сильного и коварного соперника разрушили государственную политику расовой дискриминации и ксенофобии третьего рейха, базирующуюся на концепции «расовой гигиены». Нынешнее и будущее поколения белорусов не должны забывать о том экстремальном времени, которое поставило человека на край бездны. Прочное закрепление в памяти ныне живущих величия и незыблемости, которые проявились в 1941–1945 гг. в белорусском обществе, представляет огромную ценность и духовный капитал современной Беларуси.

Литература

1. Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: пер. с нем. – М., 1996. – 443 с.
2. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. / гл. ред.: П.Н. Поспелов (пред.) [и др.]. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 5, кн. 1: Коммунистическая партия накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945). – 772 с.
3. Шумилов, М.И. История России: конец XIX – начало XX века: учеб. пособие / М.И. Шумилов, М.М. Шумилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 637 с.
4. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М., 1963.
5. Гісторыя Беларусі. Ад старажытных часоў па 2010 г.: вучэб. дапаможнік / Я.К. Новік, І.Л. Качалаў, Н.Я. Новік; пад рэд. Я.К. Новіка. – 3-е выд., папр. – Мінск: Выш. шк., 2011. – 512 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд Р-7021. – Оп. 84. – Д. 273.
7. Витебск: энцикл. справочник / Белорус. сов. энцикл.; редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелСЭ, 1988. – 408 с.: ил.
8. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 50-п. – Оп. 1. – Д. 5.
9. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). – Фонд 687. – Оп. 1. – Д. 1.
10. Памяць: Гарадоцкі раён: Гіст.-дак. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мінск: Беларусь, 2004.
11. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 3.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4683. – Оп. 3. – Д. 947.
13. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. – 613 с.: іл.
14. Витебщина освобожденная: октябрь 1943 – декабрь 1945: док. и материалы / сост.: Н.В. Воронова [и др.]. – Витебск: Витеб. обл. тип., 2009. – 584 с. [24] с ил. – (Сер. «Память Витебщины»).
15. Пиккер, Г. Застольные разговоры Гитлера / Г. Пиккер. – Смоленск: Русич, 1993.
16. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 51. – Д. 1а.
17. ЗГАП. – Фонд 658. – Оп. 1. – Д. 23. – С. 39–39 об.
18. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 33. – Д. 65.
19. Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі. 1795–2002 / З. Шыбека. – Мінск: Энциклапедыя, 2003. – 490 с.: іл.
20. Комфортная жизнь – в каждом уголке страны: ежегодное Послание Президента Беларуси А.Г. Лукашенко к белорусскому народу и Национальному собранию // Витебские вести. – 2019. – 20 апр. – С. 1–3.

Поступила в редакцию 20.05.2019 г.

Участие Беларуси в китайской инициативе «Один пояс — один путь»: оценки и возможности

Косов А.П.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Белорусско-китайское сотрудничество, стремительно развиваясь по многим направлениям, сегодня носит стратегический характер. Запуск Китаем несколько лет назад так называемого Нового Шелкового пути открыл новые возможности и перспективы для дальнейшего развития двусторонних отношений между Минском и Пекином.

Цель статьи — определить роль и место Республики Беларусь в инициированном КНР проекте «Один пояс — один путь» в контексте развития белорусско-китайских отношений на современном этапе.

Материал и методы. Исследование выполнено на основе источников официальных дипломатических ведомств, информационно-аналитических структур Беларуси, России и Китая, а также посвященных данному аспекту публикаций белорусских, российских и китайских авторов с использованием общелогических и специальных методов.

Результаты и их обсуждение. Превращение КНР в глобального игрока ведет к усилению китайского влияния в современном мире. Это происходит на фоне кризиса западной модели мироустройства. В отличие от Запада Китай делает ставку не на дипломатию «давления», а на политику «соучастия», заинтересованности стран в разных регионах планеты в сотрудничестве с Пекином. В 2013 г. китайское руководство инициировало идею возрождения древнего Великого Шелкового пути, но в реалиях XXI века. С момента запуска китайской инициативы «Один пояс — один путь» Республика Беларусь стала активным участником Экономического пояса Шелкового пути. Обе стороны заинтересованы во взаимодействии друг с другом. КНР рассматривает Беларусь как важный логистический плацдарм на пути в Европу. В свою очередь, Беларусь нуждается в китайских инвестициях и технологиях, а также обширном китайском рынке для сбыта белорусской продукции. Наиболее весомым достижением сотрудничества стало создание Китайско-Белорусского индустриального парка, на который Минск и Пекин возлагают большие надежды с учетом имеющегося огромного нереализованного потенциала.

Заключение. Участие Беларуси в китайской инициативе «Один пояс — один путь» в полной мере отвечает национальным интересам страны, ее социально-экономическому и технологическому развитию. Поэтому белорусским руководством делается серьезная ставка на дальнейшее развитие логистики, инфраструктуры, Китайско-Белорусского индустриального парка и других направлений с учетом имеющегося нереализованного потенциала двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Беларусь, Китай, белорусско-китайские отношения, инициатива «Один пояс — один путь», Экономический пояс Шелкового пути.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 17–24)

Participation of Belarus in the Chinese Initiative “One Belt — One Way”: Assessment and Opportunities

Kosov A.P.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masharov University”, Vitebsk

The Belarusian-Chinese cooperation, which is developing rapidly along multiple directions, is of strategic character nowadays. The launching by China of the so-called New Silk Way revealed new opportunities and prospects for the further development of bilateral relations between Minsk and Beijing.

The purpose of the article is to identify the role and the place of the Republic of Belarus in the Chinese project “One Belt — One Way” in the context of the development of Belarusian-Chinese relations at the present stage.

Material and methods. The research is based on the sources of official diplomatic institutions, information agencies, analytical structures of Belarus, Russia and China as well as publications by Belarusian, Russian and Chinese authors on this issue with the application of general logic and special methods.

Findings and their discussion. China becoming a global player, its influence in the contemporary world is increasing. This takes place on the background of the crisis of the Western model of world organization. Unlike the West China chooses the

policy of co-participation, interest of different countries in cooperation with Beijing, but not the diplomacy of pressure. In 2013 the Chinese leadership initiated the idea of the revival of the ancient Silk Way in the 21st century reality. The Republic of Belarus has become an active participant of the Silk Way Economic Belt since the start of the Chinese initiative. Both the sides are interested in the interaction with each other. PRC considers Belarus to be an important logistic base on the way to Europe. Belarus in its turn needs Chinese investments and technologies as well as the vast Chinese market to sell Belarusian product. A most significant advance in the cooperation is the Chinese-Belarusian Industrial Park which both Minsk and Beijing rely on greatly considering the available huge unimplemented potential.

Conclusion. *The participation of Belarus in the Chinese initiative "One Belt – One Way" fully corresponds the national interests of the country, its social and economic as well as technological development. So Belarusian leadership seriously relies on the further development of logistics, infrastructure, Chinese-Belarusian Industrial Park and other directions taking into account the available unimplemented potential of the bilateral cooperation.*

Key words: *Belarus, China, Belarusian-Chinese relations, One Belt – One Way Initiative, Silk Way Economic Belt.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 17–24)

В настоящее время экономическая составляющая является наиболее приоритетным элементом во внешнеполитической стратегии большинства государств. Стремление извлечь максимальные выгоды характерно как для Республики Беларусь, имеющей экспортно-ориентированную экономику, так и для Китайской Народной Республики, обладающей одной из ведущих экономик в современном мире. Исходя из совпадающих интересов по целому ряду направлений, Минск и Пекин динамично развивают широкомасштабное сотрудничество в различных форматах взаимодействия. Одним из них является китайская инициатива «Один пояс – один путь», ставшая современным аналогом древнего Великого Шелкового пути, соединявшего Китай, Индию, Ближний Восток и Европу. Поэтому вполне оправданно рассмотреть белорусско-китайское взаимодействие в рамках указанного проекта КНР.

Цель статьи – определить роль и место Республики Беларусь в инициированном КНР проекте «Один пояс – один путь» в контексте развития белорусско-китайских отношений на современном этапе.

Материал и методы. Работа выполнена на основе открытых данных, представленных официальными дипломатическими ведомствами, аналитическими структурами, информационными агентствами Беларуси, России и Китая, а также публикаций белорусских, российских и китайских авторов – М.В. Данилович, Го Цзиньлуна, Ли Синя, В.Н. Конышева, С.М. Небренчина, Н.Г. Снопкова, Хуэя Ли, В.Г. Шадурского и др., которые обратились к изучению тех или иных вопросов, посвященных развитию интеграционных процессов в Евразии, а также развитию белорусско-китайских отношений в XXI веке.

При написании статьи использовались общелогические (анализ, синтез, обобщение, сравнение, дедукция, индукция) и специальные (диалектический, компаративный, системный) методы исследования, позволившие проанализировать степень участия Беларуси в китайской инициативе «Один пояс – один путь».

Результаты и их обсуждение. Как известно, в XXI веке «возвышение» Китая повлекло за собой переосмысление его роли в мире и пересмотр Пекином своих внешнеполитических приоритетов. Глобальный финансово-экономический кризис 2008 г., показавший кризис западной модели мироустройства и экономической модели Запада, подвигнул КНР на активизацию своей внешней политики и продемонстрировал все возрастающее желание Поднебесной отстаивать собственные интересы на мировой арене, хотя китайское руководство постоянно подчеркивает приверженность «мирному развитию» и указывает на отсутствие каких-либо экспансионистских намерений [1, с. 4].

Новый подход Пекина к поведению на международной арене нашел воплощение в проекте «Один пояс – один путь». 7 сентября 2013 г. лидер КНР Си Цзиньпин во время публичного выступления в Назарбаев Университете в Астане озвучил идею возрождения древнего Шелкового пути с учетом современных реалий и на технологической основе XXI века [2]. Реализация этого проекта стала частью плана «13-й пятилетки» (2016–2020 гг.). Он состоит из двух направлений: сухопутного – «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и водного – «Морского Шелкового пути XXI века». Более 50 стран мира заявили о своей заинтересованности и желании участвовать в реализации китайской инициативы. При этом они выразили готовность состыковать конкрет-

ные проекты на Шелковом пути с собственными стратегиями развития [3, с. 44]. Общая численность населения расположенных по линии «Одного пояса – одного пути» государств достигает около 4,4 млрд человек, а совокупный объем их экономики – порядка 23 трлн долл. Эти два показателя составляют соответственно 63% и 29% от общемировых значений [4, с. 26].

Сегодня в официальных китайских документах «Один пояс – один путь» называют не иначе, как «инициативой о сотрудничестве высшего национального уровня». Тем самым Пекином подчеркивается ее приоритетное положение среди других китайских инициатив. Данный высший статус определяется тем, что идею о строительстве нового Шелкового пути высказал лично Председатель КНР Си Цзиньпин [5, с. 12].

Исходя из глобального масштаба этого проекта, ряд экспертов говорят о формировании стратегии Китая не только евразийского, но в перспективе и мирового масштаба [1, с. 9; 6, с. 60–61]. По справедливому замечанию известного российского востоковеда С.Г. Лузянина, инициатива Си Цзиньпина чрезвычайно амбициозна, рассчитана на длительную перспективу и отражает темпы и характер геополитического возвышения КНР как новой, растущей сверхдержавы [5, с. 72]. Однако сами китайцы отрицают политические мотивы проекта «Один пояс – один путь». Они подчеркивают, что Пекин не претендует на формирование китайской сферы влияния, не стремится к региональному господству [7, с. 8]. В официальных документах, например, в постановлении «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ», принятом на 3-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва (9–12 ноября 2013 г.), а также в документе Госсовета КНР, посвященном стратегии создания зон свободной торговли, инициатива «Один пояс – один путь» характеризуется в качестве инструмента всесторонней политики открытости Китая [5, с. 12]. Хотя, конечно, в этом плане китайцы в определенной степени лукавят. Недавно многие эксперты еще в 1990-е гг. назвали именно Поднебесную основным конкурентом и будущим соперником Соединенных Штатов за влияние в мире. Это подтверждается и политическим дискурсом в самом Китае.

Необходимо отметить, что выдвижение Си Цзиньпином данной инициативы вызвало широкую дискуссию как в академических кругах, так и в правительственных органах Китайской Народной Республики. Основными дискусси-

онными вопросами стали следующие: что и как КНР может предложить миру, как оптимально сочетать интересы растущей державы с интересами зарубежных партнеров, каким образом КНР может использовать возросший экономический потенциал для усиления своего политического влияния в мире и решения вопросов собственного безопасного и устойчивого развития [5, с. 13]. В большинстве комментариев подчеркивалось, что Китай не намерен играть лидирующую роль, вмешиваться во внутренние дела других государств или создавать альтернативу другим механизмам сотрудничества. Правда, исходя из того, что данная инициатива была выдвинута самим Си Цзиньпином и ей с самого начала был придан статус приоритетной государственной политики, в оценке перспектив «Одного пояса – одного пути» китайские эксперты, как правило, следовали официальной линии [5, с. 15]. Так, по мнению китайского ученого Ли Синя, становление современной евразийской стратегии КНР объясняется усилением конкуренции между интеграционными проектами в Евразии, а также необходимостью устранения внутренней экономической диспропорции между восточными и западными регионами Китая; важностью активизации обмена товарами, услугами и капиталом между евразийскими партнерами в целях снижения зависимости китайской экономики от стран Запада [8, с. 155]. С точки зрения Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в России Ли Хуэя, «участие различных стран в строительстве “Одного пояса, одного пути” содействует продвижению “разбалансировки” волны экономической глобализации в направлении повсеместного принесения блага и большей толерантности, а потому оно неизбежно станет новой движущей силой и проектом управления глобализацией. Китай готов активно нести должную международную ответственность за продвижение устойчивого роста мировой торговли и инвестиций» [4, с. 27]. Согласно дипломату, успешная реализация инициативы «Один пояс – один путь» объясняется приверженностью Пекина миру, развитию и сотрудничеству, учетом интересов и желаний, расположенных по линии ЭПШП стран. Посредством политических, экономических и гуманитарных контактов, соединения усилий сторон сокращается разрыв в региональном развитии, ускоряются процессы территориальной интеграции, достигается общее развитие и общее процветание [4, с. 26]. Важная роль данной инициативе отводится также и в сфере безопасности. Предполагается, что она долж-

на стать эффективным ответом на современные региональные вызовы и угрозы, подрывая социальную базу экстремизма и терроризма путем развития соответствующей инфраструктуры безопасности [1, с. 11]. Другими словами, в проекте «Один пояс – один путь» просматривается видение китайским руководством современной евразийской интеграции, в основе которого создание безопасного и стабильного евразийского экономического пространства «Большой Евразии» от берегов Тихого океана до берегов Балтийского и Средиземного морей [6, с. 62]. Правда, несмотря на преимущественно оптимистические оценки, некоторые эксперты уже на начальном этапе подчеркивали, что ЭПШП может столкнуться с многочисленными трудностями. В числе первоочередных проблем они называли недостаточный уровень доверия государств по маршруту Экономического пояса Шелкового пути, возможность «цветных революций» в ряде государств региона, угрозу терроризма и экстремизма, конфликты по использованию водных ресурсов между отдельными странами [5, с. 16].

Тем не менее, провозгласив инициативу, китайские власти активно включились в работу по ее реализации. В ноябре 2014 г. Пекином было объявлено о создании инвестиционного фонда в размере 40 млрд долл., предназначенных для инвестирования в проекты развития наземного и морского «шелковых путей» [1, с. 9–10]. В целом же Китай запланировал вложить в развитие данного проекта в течение ближайших десяти-пятнадцати лет более 600 млрд долл., что составляет примерно 1,5 номинального ВВП Польши, 3,1 – Чехии или более 12,2 ВВП Беларуси за 2016 г. [9]. Выступая 17 августа 2016 г. в Пекине на рабочем совещании по строительству «Одного пояса – одного пути», Си Цзиньпин заявил, что темпы реализации инициативы и достигнутые результаты превзошли все ожидания [5, с. 28]. Поэтому Председатель КНР подчеркнул, что Китай будет оказывать содействие странам, расположенным вдоль маршрутов «Одного пояса – одного пути», в строительстве объектов инфраструктуры, включая дорожно-транспортную сеть, объекты электроснабжения, телекоммуникации и т.д. [5, с. 37].

Одним из самых перспективных маршрутов ЭПШП считается маршрут, пролегающий через белорусскую территорию. Беларусь обладает большим потенциалом в качестве транспортного коридора, связывающего Запад и Восток, тем более что еще с 1990-х гг. между Пекином

и Минском установились и развиваются дружественные партнерские отношения. Кроме того, значение нашей страны в планах КНР усилилось в результате дестабилизации ситуации в Украине, которая также занимает удобное геополитическое положение [10, с. 79]. Но если ранее Украина вместе с Крымом выглядела для Китая даже более привлекательно, чем наша страна, то сейчас у стабильной, безопасной и предсказуемой Беларуси фактически нет альтернатив [11].

Выгодное географическое положение Республики Беларусь позволяет обеспечивать северную ветку ЭПШП. Это понимают в обеих странах. Осознают стороны и то, что основой реализации проекта ЭПШП являются железнодорожные маршруты из Китая в Европу. Поэтому в мае 2015 г. во время визита Си Цзиньпина в Минск между Министерством транспорта и коммуникаций Республики Беларусь и ОАО «Китайская железная дорога» был подписан меморандум о сотрудничестве в области транспортной инфраструктуры. В мае 2017 г. на международном форуме «Один пояс – один путь» в Пекине между КНР и Беларусью подписано соглашение о развитии международных грузовых перевозок и сотрудничестве в реализации концепции строительства ЭПШП [12, с. 81]. Товары, отправленные из КНР в Европу через белорусскую территорию, могут достичь конечного пункта примерно за две недели, в то время как аналогичная доставка товаров морским путем может занять в среднем от 35 до 50 суток [13, с. 34]. Выгода здесь очевидна. Поэтому сегодня почти все прямые ускоренные контейнерные поезда из Китая в Европу идут через нашу страну. По белорусским железным дорогам регулярно курсируют почти два десятка контейнерных поездов, количество которых постоянно растет. В мае 2017 г. представители двух стран договорились о возможности строительства в Беларуси высокоскоростной железной дороги. Тем самым за счет технологической помощи КНР республика может улучшить свою транспортную инфраструктуру и предложить Китаю еще лучшие транзитные условия, что является взаимовыгодным [12, с. 81–82].

Белорусское руководство уверено, что проект «Один пояс – один путь» – это новая философия международных отношений, интеграция нового типа, интеграция поверх блоков. Ведь, с одной стороны, она сохраняет все существующие глобальные и региональные институты, а с другой – там, где это возможно, она их гармонизирует, устра-

няет барьеры на пути свободного движения товаров, инвестиций и людей [14, с. 6]. По мнению А.Г. Лукашенко, сегодня в мировой экономике происходят фундаментальные трансформации. Наряду с мощными социально-экономическими вызовами и дисбалансами возникают и новые глобальные проекты сотрудничества с открытой архитектурой, такие как ЭПШП. По его словам, Беларусь как никакая другая страна готова и подходит для реализации Экономического пояса Шелкового пути. Особенно с учетом развитой в республике инфраструктуры [15]. Президент подчеркивает: «Беларусь – страна, открытая всем геополитическим и экономическим “ветрам”, и то, что происходит вокруг нас, оказывает серьезное влияние на развитие нашего государства. Мы не можем и не должны изолировать себя от окружающего мира. Ведь большая часть производимой у нас продукции отправляется на экспорт. Поэтому хотим мы того или нет, но вынуждены держать двери открытыми. Да и не в характере дружелюбных, гостеприимных белорусов возводить разделительные стены, отгораживаться от кого бы то ни было. У нас другие принципы. Сотрудничество и созидание – вот суть нашей политики» [16].

Со своей стороны Си Цзиньпин также назвал Беларусь важным звеном ЭПШП, запланировав около 90 совместных инвестиционных проектов. В конце 2014 г. Министерство экономики Республики Беларусь подписало с Министерством коммерции КНР протокол о сотрудничестве [17]. С 2015 г. «совместное продвижение ЭПШП» стало особенностью белорусско-китайского взаимодействия. Привлечение в нашу страну крупных китайских инвестиций и льготное кредитование из Китая, развитие логистических и транзитных возможностей соответствуют национальным интересам Беларуси [18, с. 28].

Участие нашей страны в указанном проекте означает усиление ее геополитического и экономического веса в восточноевропейском регионе. В частности, тесное сотрудничество на прагматической основе со странами Балтии можно рассматривать как одну из возможностей снижения градуса политической напряженности в регионе. Прибалтийские государства нуждаются в привлечении транзита через свою территорию. Беларусь в этой ситуации, способствуя конкуренции между разными перевозчиками и портами Прибалтики, может благотворно влиять и на политическую позицию прибалтийских элит, снижая градус их

излишней конфронтационности и русофобии, возникшей на фоне украинского кризиса [11].

С другой стороны, участие страны в ЭПШП в некоторой степени компенсирует издержки «российского притяжения». Сегодня для Минска весьма важно существенно нарастить товарооборот с КНР (примерно до 30% своего ВВП), привлечь китайские инвестиции для модернизации белорусской экономики и инфраструктуры, а также попытаться выйти на внутренний рынок ЕС через совместные белорусско-китайские предприятия, создаваемые, например, в Польше [19, с. 42]. По мнению известного отечественного международника профессора В.Г. Шадурского, можно выделить три основные причины широкой поддержки в Беларуси ЭПШП:

1. Проверенное временем доверие к КНР на основе успешной практики реализации двусторонних белорусско-китайских отношений.

2. Обеспокоенность Минска отрицательным балансом в торговле с Китаем на фоне имеющегося роста товарооборота между двумя странами. Поэтому существуют обоснованные ожидания на уменьшение дисбаланса в двусторонней торговле.

3. Повышение статуса Беларуси во внешней стратегии КНР после начала реализации ЭПШП, поскольку Пекин признал нашу страну в качестве важного актора в развитии связей между Евразией и ЕС [10, с. 78–79].

Важнейшим инфраструктурным объектом сотрудничества Беларуси и Китая в рамках Экономического пояса Шелкового пути является Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» в Смолевичском районе Минской области. Общая сумма перспективного капиталовложения на первых стадиях, как предполагается, может достичь 5,6 млрд долл. [20, с. 98]. По словам А.Г. Лукашенко, в случае успешной реализации данного проекта отечественная экономика сможет выйти на новый уровень развития. Товары, изготовленные в «Великом камне», будут достаточно конкурентоспособными, чтобы продаваться на Западе. По мнению Президента, белорусский экспорт благодаря технопарку увеличится практически вдвое [21].

Строительство парка, как известно, предусматривалось еще с 2011 г. Идея его создания принадлежит тогдашнему послу Беларуси в Китае А.А. Тозику. Ему вместе с занимавшим в то время пост министра экономики Н.Г. Снопковым удалось получить поддержку этого глобального проекта в правительстве и лично у А.Г. Лукашенко. В сентябре 2011 г. в ходе визита в Республику Бела-

русь Председателя Постоянного комитета Все-китайского собрания народных представителей У Банго в Минске было подписано межправительственное соглашение о Китайско-Белорусском индустриальном парке. Затем началась подготовка к реализации проекта. В июне 2012 г. подписан Указ Президента Республики Беларусь № 253 «О Китайско-Белорусском индустриальном парке», в августе того же года создана Совместная компания по его развитию, а в марте 2013 г. утвержден генплан [22, с. 191–192]. Изначально сторонами были определены соответствующие доли вложений: 60% для Китая и 40% для Беларуси, а также оговорены перспективы развития в рамках проекта таких направлений, как электронные технологии, биомедицина, робототехника, логистика и т.д. Правда, воплощение подобного замысла в жизнь потребовало некоторого времени [23, с. 237]. Только к осени 2014 г. – времени визита в Минск члена Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, первого заместителя Премьера Госсовета КНР Чжан Гаоли – началась практическая работа по реализации проекта [22, с. 192]. По мере продвижения китайской стороной ЭПШП Минск и Пекин пришли к варианту более конкретного сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и строительства индустриального парка в Республике Беларусь [23, с. 237]. Акционерами технопарка стали Китайская национальная машиностроительная корпорация «Синомач», China Merchants Group, ОАО «Китайская корпорация инжиниринга САМС», Харбинская инвестиционная группа, управляющая компания холдинга «Горизонт», а также Мингорисполком и Миноблсполком [17]. «Великий камень» удачно вписался не только в экономическую, но и в транспортную логистику Шелкового пути. Недаром 11 мая 2015 г. Си Цзиньпин во время своего официального визита в Минск назвал Китайско-Белорусский индустриальный парк «жемчужиной Экономического пояса Шелкового пути» [22, с. 193].

Возвращаясь к сферам «сопряжения» ЭПШП и технопарка, следует отметить, что введение китайских инвестиций в такие сферы производства, как электроэнергетика, автомобилестроение, текстильная, целлюлозно-бумажная промышленность, происходит в форме инвестиционных проектов под кредиты от КНР. Например, в 2015 г. сумма выделенных китайской стороной кредитных средств достигла 3,5 млрд долл. Однако в интересах Пекина льготные кредиты, несмотря на свою привлекательность для нашей

республики благодаря низким процентным ставкам и долгосрочности, являются связанными и включают в себя привлечение китайских технологий, оборудования и рабочей силы. Последнее даже учтено в белорусском законодательстве. В частности, с сентября 2016 г. утвержден список китайских компаний, которым предоставляется право нанимать по трудовым договорам граждан КНР для реализации совместных проектов [23, с. 238]. Именно этот факт дает основание отдельным экспертам указывать на значительные выигрыши от белорусско-китайского сотрудничества, в первую очередь, Китая, а не Беларуси [18, с. 28]. Они говорят о том, что ЭПШП не оправдывает возлагаемые на него белорусской стороной надежды. По их мнению, проект выгоден исключительно для КНР, а Беларусь может получить лишь небольшие дивиденды, финансовую зависимость от Китая и большие экологические проблемы. Вряд ли с таким утверждением можно согласиться, хотя определенные риски есть, особенно экологические, учитывая нередкие техногенные катастрофы в КНР. Но все же, на наш взгляд, плюсы от сотрудничества превышают минусы. Очевидно, что в процессе реализации проекта «Один пояс – один путь» каждая из сторон преследует свои собственные интересы. У Китая это решение серьезных внутренних социально-экологических проблем и проблем перепроизводства, а также желание наладить более тесные связи с ресурсообеспеченными странами и вывести свои товары на европейский рынок [17]. Поэтому Пекин рассчитывает на наибольшую выгоду, иначе китайцы бы не запускали данный проект. Однако другие страны, вовлеченные в ЭПШП, в том числе и Республика Беларусь, в перспективе также не останутся в стороне и окажутся в выигрыше. Участие нашей страны в китайской инициативе объясняется прагматизмом, в основе которого лежат экономические интересы. Беларуси требуются модернизация национальной экономики, создание высокотехнологичных производств, активизация экспорта, в том числе и расширение его в КНР, а также максимальное использование потенциала территории в роли крупного транспортно-логистического узла ЭПШП [17]. Исходя из заинтересованности Беларуси и Китая в двустороннем сотрудничестве, перспективные направления просматриваются в дальнейшем наращивании сторонами торгово-экономического, инвестиционного и научно-технологического сотрудничества, к чему есть все предпосылки.

В частности, белорусская сторона надеется, что в «Великий камень» придут китайские поставщики комплектующих для отечественных промышленных предприятий, создав там льготную сборку, что, несомненно, повысит конкурентоспособность белорусской промышленной продукции [22, с. 209].

Заключение. Таким образом, участие Республики Беларусь в китайской инициативе «Один пояс – один путь» в полной мере отвечает национальным интересам страны. Белорусское руководство связывает большие надежды с ее реализацией в рамках наращивания двустороннего сотрудничества. Конечно, наивно рассчитывать путем участия в ЭПШП на мгновенное решение всех имеющихся проблем в социально-экономическом и технологическом развитии страны. Однако участвовать в данном проекте необходимо, поскольку польза для белорусского государства и общества очевидна, тем более что ЭПШП находит поддержку у большинства стран Евразии, в том числе и России. Поэтому в Беларуси делается серьезная ставка на совершенствование системы инфраструктуры, дальнейшее развитие логистики, Китайско-Белорусского индустриального парка, создание совместных предприятий и т.д.

Работа выполнена в рамках научной темы «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов) по заданию 1.1.04 подпрограммы «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данилович) ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) (договор № 20160455).

Литература

1. К Великому океану – 3. Создание Центральной Евразии. Экономический пояс «Шелкового пути» и приоритеты совместного развития евразийских государств / Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай»; отв. ред. С.А. Караганов. – М., 2015. – 24 с.
2. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете (полный текст). 2013. 16 сентября [Электронный ресурс] // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. – Режим доступа: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>. – Дата доступа: 18.04.2016.
3. Шаблыко, Т. Шелковый путь в будущее / Т. Шаблыко // Белорусская думка. – 2015. – № 10. – С. 42–47.
4. Ли Хуэй. Позволим «Одному поясу – одному пути» принести еще больше пользы миру / Ли Хуэй // Международная жизнь. – 2017. – № 5. – С. 25–29.
5. Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / Р.К. Алимов [и др.]; под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2019. – 416 с.
6. Кобышев, В.Н. Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии? / В.Н. Кобышев, М.Л. Лагутина // Управленческое консультирование. – 2016. – № 11. – С. 57–67.
7. Ли Синь. Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства / Ли Синь; Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М., 2016. – 20 с.
8. Россия и Китай в евразийской интеграции: сотрудничество или соперничество? / А.И. Суздальцев [и др.]; под ред. Ли Сина, М.В. Братерского, Д.А. Савкина, Ван Чэньсина; Российский совет по международным делам РСМД. – М., СПб.: Нестор-История, 2015. – 352 с.
9. Запольскис, А. Китайский «Один пояс – один путь» и драка мечтающих поживиться [Электронный ресурс] / А. Запольскис // Империя. Информационно-аналитический портал. – 2017. – 7 июля. – Режим доступа: <http://www.imperiyanews.ru/details/dc56c7fa-ef62-e711-9420-2e815323a23f>. – Дата доступа: 05.02.2018.
10. Шадурский, В.Г. Создание Индустриального парка «Великий камень» – эффективный инструмент белорусско-китайского сотрудничества / В.Г. Шадурский // Беларусь в современном мире = Беларусь у сучасным свеце: материалы XIV Междунар. конф., посвященной 94-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2015 г. / редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 77–81.
11. Дзермант, А. Индустриально-логистический западный форпост Евразии. По следам белорусско-китайских соглашений [Электронный ресурс] / А. Дзермант // ИАЦ. Информационно-аналитический центр. – 2015. – 8 июня. – Режим доступа: <https://ia-centr.ru/publications/20984/>. – Дата доступа: 31.01.2018.
12. Ши Вэй. Раскрытие транзитного потенциала Беларуси в сухопутном коридоре «Экономического пояса Шелкового пути» / Ши Вэй // Беларусь в современном мире: материалы XVI Междунар. науч. конф., посвященной 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. = Беларусь у сучасным свеце: матэрыялы XVI Міжнар. навук. канф., прысвечанай 96-годдзю заснавання Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 25 кастр. 2017 г. / редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2017. – С. 81–82.
13. Го Цзиньлун. Отношения Республики Беларусь с КНР в рамках проекта «Одного пояса и одного пути» / Го Цзиньлун // Беларусь в современном мире: материалы XIV Междунар. науч. конф., посвященной 94-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2015 г. / редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 33–34.
14. Снопков, Н.Г. Сопряжение Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза: прагматизм, динамизм, эффективность / Н.Г. Снопков // Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза: материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научного форума, Минск, 15–17 июня 2017 г. / редкол.: В.И. Бельский (пред.) [и др.]; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2017. – С. 5–7.
15. Лукашенко: Экономический пояс Шелкового пути – великая идея во имя объединения и созидания [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – 01.03.2016. – Режим доступа: <http://www.belta.by/printv/president/view/lukashenko-ekonomicheskij-pojas>

- shelkovogo-puti-velikaja-ideja-vo-imja-objedinenija-i-sozidanija-183680-2016/. – Дата доступа: 30.01.2018.
16. Беларусь должна стать одной из узловых платформ нового Шелкового пути – Лукашенко [Электронный ресурс] // БЕЛТА – Новости Беларуси. – 21.04.2017. – Режим доступа: <http://www.belta.by/president/view/belarus-dolzha-stat-odnoj-iz-uzlovyh-platform-novogo-shelkovogo-puti-lukashenko-243888-2017>. – Дата доступа: 28.01.2018.
 17. «Шелковая» Беларусь: выгоды и риски от сотрудничества с Китаем [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь. – 11.05.2017. – Режим доступа: <https://sputnik.by/economy/20170511/1028719948/shelkovaya-belarus-vygody-i-riski-ot-sotrudnichestva-s-kitaem.html>. – Дата доступа: 27.01.2017.
 18. Данилович, М.В. Экономический пояс Шелкового пути: возможности и вызовы для участников ЕАЭС / М.В. Данилович // Беларусь в современном мире: материалы XV Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 27 окт. 2016 г. / редкол.: В.Г. Шадурский (пред.) [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 27–28.
 19. Небренчин, А.С. КНР – сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы / А.С. Небренчин, С.М. Небренчин; Центр стратегических оценок и прогнозов. – М.: АНО ЦСОиП, 2017. – 116 с.
 20. Бельский, В.И. Инновационное сотрудничество Беларуси и Китая в рамках мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути» / В.И. Бельский, Л.Г. Тригубович // Проблемы сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза: материалы Второго белорусско-китайского гуманитарного научного форума, Минск, 15–17 июня 2017 г. / редкол.: В.И. Бельский (пред.) [и др.]; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2017. – С. 95–103.
 21. Бокарев, Д. «Новый Шелковый путь» и Белоруссия [Электронный ресурс] / Д. Бокарев // НЕО. Новое Восточное Обозрение. – 11.02.2016. – Режим доступа: <https://ru.journal-neo.org/2016/02/11/novy-j-shelkovy-j-put-i-belorussiya/>. – Дата доступа: 30.01.2018.
 22. Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов: к 25-летию установления дипломатических отношений / сост. А. Тозик; под общ. ред. А.А. Тозика. – Минск: Звезда, 2017. – 216 с.
 23. Данилович, М.В. «Экономический пояс Шелкового пути»: особенности реализации проекта на пространстве ЕАЭС / М.В. Данилович // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 4 / сост. Е.А. Достанко; редкол.: А.М. Байчоров (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 235–239.

Поступила в редакцию 21.05.2019 г.

Гісторыя касцёла і парафіі Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску

Лаўрыненка К.В.

Люблінскі каталіцкі ўніверсітэт Яна Паўла II, Люблін (Польшча)

Гісторыя касцёла і парафіі Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску з'яўляецца неад'емнай часткай гісторыі Рымска-каталіцкага Касцёла на Беларусі.

Мэта артыкула — разгледзець ролю і месца касцёла і парафіі Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску.

Матэрыял і метады. Даследаванне пабудавана на выкарыстанні шырокага кола дакументаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці і крыніц, выдадзеных Рымска-каталіцкім Касцёлам, а таксама навуковых публікацый, што дазваляла рэканструяваць гісторыю касцёла і парафіі Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску. Метадалагічную аснову склалі прынцыпы гістарызму і аб'ектыўнасці. У даследаванні выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя (гістарычны і лагічны, аналіз і сінтэз), так і спецыяльна-гістарычныя (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны) метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Першы касцёл Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску быў пабудаваны ў XVII стагоддзі як кляштарны касцёл бернардзінцаў. Каменны касцёл у стылі барока з'явіўся ў XVIII стагоддзі. У XIX стагоддзі пасля ліквідацыі кляштара бернардзінцаў касцёл стаў парафіяльным. Трагічным быў лёс святыні ў XX стагоддзі. Практычна ўсе святары, якія служылі ў касцёле пасля 1917 года, былі рэпрэсаваныя і расстраляныя. У 1938 г. парафія спыніла сваё існаванне. У пасляваенны час касцёл паступова разбураўся, у выніку ён быў зняты з дзяржаўнага ўліку як помнік архітэктуры, а ў 1958 годзе ўзарваны. У 2001 годзе парафія Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску ўзнавілася.

Заключэнне. Пробашч парафіі касцёла Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску з 2003 г. ксёндз Алег Буткевіч будаваў планы па ўзнаўленні велічнага храма ў цэнтры Віцебска. Калі ён стаў у 2013 г. ардынарыем Віцебскай Рымска-каталіцкай дыяцэзіі, то прадпрыняў канкрэтныя дзеянні па ўзнаўленні касцёла. На сённяшні момант вядуцца прыгатаванні да абраджэння аднаго з найпрыгажэйшых касцёлаў Віцебска.

Ключавыя словы: касцёл Святога Антонія, ксёндз, помнік архітэктуры.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 25–32)

The History of St. Anthony of Padua Church and Parish in Vitebsk

Laurynenka K.V.

John Paul II Catholic University of Lublin (Poland)

The history of St. Anthony of Padua Church and parish in Vitebsk is an essential part of the history of the Roman Catholic Church in Belarus.

The purpose of this article is to examine the history of St. Anthony of Padua Church and parish in Vitebsk.

Material and methods. This research is based on the use of a wide range of documents from the State Archive of Vitebsk Region, the sources published by the Roman Catholic Church and research papers. This allowed reconstructing the history of St. Anthony of Padua Church and parish in Vitebsk. The methodological basis is the principles of historicism and objectivity. Both general scientific (historical and logical, analysis and synthesis) and special historical (historical genetic and historical comparative) methods were used in the research.

Findings and their discussion. The first Church of St. Anthony of Padua in Vitebsk was built in the 17th century as a convent church of the Bernardines. In the 18th century, the stone baroque church was erected. In the 19th century, the monastery of the Bernardines was dissolved and the Church became a parochial one. The fate of the Church in the 20th century was tragic. Almost all priests who served in the Church after 1917 were repressed and executed. In 1938 the parish ceased its existence. After the war, the Church was destroyed gradually, which is why it was not protected as a work of architecture anymore. In 1958 it was blown up. The parish of St. Anthony of Padua was revived in 2001.

Conclusion. The parish priest of St. Anthony of Padua church in Vitebsk (since 2003) Fr. Aleh Butkievich was planning the reconstruction of the majestic Church in the center of Vitebsk. In 2013 he became the ordinary Bishop of the Vitebsk Roman Catholic diocese and initiated the concrete undertakings to revive one of the most beautiful churches in Vitebsk.

Key words: St. Anthony of Padua Church, priest, work of architecture.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 25–32)

Каталіцтва ў Віцебску мае моцныя і трывалыя пазіцыі. Ужо ў XIV стагоддзі, калі горад наведваў Ягайла разам са сваёй жонкай святой Ядвігай, тут знаходзіўся каталіцкі місіянер. Першы ж касцёл у горадзе – фарны – быў збудаваны дзякуючы вялікаму князю Вітаўту ў пачатку XV стагоддзя. У XVII стагоддзі ў Віцебск прыбылі езуіты, дамініканцы і бернардзінцы, а ў XVIII стагоддзі піяры і трынітарыі, якія пабудавалі тут свае кляштары і касцёлы пры іх. Такім чынам, акрамя фарнага касцёла, на 1772 год у Віцебску мелася 5 мужчынскіх кляштараў разам з касцёламі. Аднак у першай палове XIX стагоддзя ўсе кляштары былі ліквідаваны. У выніку змен у другой палове XIX стагоддзя ў Віцебску функцыянавалі толькі дзве парафіі – Святога Антонія Падуанскага і Святой Барбары. Такі ж стан рэчаў захаваўся і ў 1917 годзе. І менавіта касцёл і парафія Святога Антонія Падуанскага адыгралі найбольш значную ролю ў гісторыі каталіцкага Віцебска.

Мэта артыкула – разгледзець ролю і месца касцёла і парафіі Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску.

Матэрыял і метады. Даследаванне пабудавана на выкарыстанні шырокага кола дакументаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці і крыніц, выдадзеных Рымска-каталіцкім Касцёлам, а таксама навуковых публікацый, што дазволіла рэканструяваць гісторыю касцёла і парафіі Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску.

Метадалагічную аснову склалі прынцыпы гістарызму і аб’ектыўнасці. У даследаванні выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя (гістарычны і лагічны, аналіз і сінтэз), так і спецыяльна-гістарычныя (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны) метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Гісторыя касцёла Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску бярэ свой пачатак з XVII ст., калі ў 1676 г. для патрэб манахаў-бернардзінцаў на Ратушняй плошчы стараннямі віцебскага ваяводы Яна Антонія Храпавіцкага, кальвініста, які навярнуўся ў каталіцтва на магіле святога Антонія Падуанскага ў Падуі, былі пабудаваны драўляны храм і кляштар.

У час Паўночнай вайны ў 1708 г. кляштар і касцёл былі спалены, аднак у 1730–1731 гг. адбудаваны. Праз два гады, 31 мая 1733 г., драўляныя касцёл і кляштар зноў згарэлі падчас пажару, што адбыўся ў Віцебску. Пасля гэтага пажару бернардзінцы амаль год карысталіся гасціннасцю езуітаў, пакуль не займелі свой кляштар. Нарэшце ў 1736 г. на сродкі Казіміра і Тэклі Саковічаў распачалося будаўніцтва му-

раванага касцёла і кляштара, завяршылася ў 1740 г. Касцёл і кляштар былі атынкаваны звонку і знутры, дах быў пакрыты гонтай. Трохпавярховы кляштар складаўся з трох карпусоў, якія былі размешчаны ў выглядзе літары П і далучаліся да касцёла такім чынам, што ўтваралі ўнутраны светлавы двор. З поўдня ля кляштара знаходзіўся вялізны гаспадарчы двор. Землі на ўсход ад касцёла да ракі Віцьба займаў вялікі сад, што належаў кляштару. На першым паверсе кляштара знаходзіліся глыбокія сутарэнні, келлі і пякарня. На другім паверсе, апроч келляў манахаў, размяшчаліся вялікая трапезная і кухня. На гэтым жа паверсе быў уваход у касцёл, праўда, на больш высокім, чым кляштар, узроўні. На трэцім паверсе знаходзіўся навіцыят, над трапезнай – бібліятэка [1, с. 9–10].

Касцёл рэзка адрозніваўся ад прымыкаючых да яго кляштарных пабудоў. Трохнефавы будынак меў толькі чатыры ўнутраныя апоры, дзякуючы чаму яго вонкавы контур плана без сакрыстый абалі галоўнага алтара быў блізкі да квадрата. У адрозненне ад большасці касцёлаў Беларусі вонкавы фасад гэтага храма меў рысы, якія развіваліся ў шырыню. Верагодна, што месца, на якім стаяў храм, абумовіла і невялікую працягласць касцёла ў глыбіню [1, с. 10].

У 1768 г. касцёл быў кансэкраваны ў гонар святога Антонія Падуанскага біскупам-суфраганам Феліксам Тавяньскім.

Каля 1820 г. у віцебскі кляштар з Нясвіжа часова быў перанесены навіцыят Літоўскай правінцыі, які знаходзіўся да 1827 г. На той час тут налічвалася 9 манахаў, хаця звычайна іх служыла менш. Так, у 1832 г. у кляштары было толькі тры манахі [2, с. 337–338].

У тым жа 1832 г. кляштар бернардзінцаў ліквідаваны, аднак клер застаўся. Пазней у касцёле пачалі служыць дыяцэзіяльныя святары. Да 1841 г. касцёл называлі пакляштарным. Першапачаткова касцёл Святога Антонія функцыянаваў як філіяльны, і толькі ў 1843 г. тут была ўтворана самастойная парафія. З 1854 г. пачынае падавацца колькасць вернікаў парафіі (праўда, не заўсёды дакладная) – 4575.

У парафіі Святога Антонія ў свой час служылі некалькі знакавых для Рымска-каталіцкага Касцёла асоб. Так, у 1884–1885 гг. абавязкі вікарыя выконваў Слуга Божы ксёндз Антоні Малецкі (1861–1884–1926–1935), з 1926 г. дапаможны біскуп Магілёўскі і першы Апостальскі адміністратар Ленінграда.

У 1888–1889 гг. вікарыем у парафіі служыў ксёндз Казімір Міхалькевіч (1.02.1865–1888–

1923–1940), у 1908–1917 гг. адміністратар Віленскай дыяцэзіі, з 1923 г. біскуп-суфраган Віленскай дыяцэзіі.

З 11 кастрычніка 1896 па 8 кастрычніка 1903 г. абавязкі прэфекта мужчынскай і жаночай гімназій, а таксама прыватнага сямігадовага пансіёна выконваў Слуга Божы ксёндз Канстанцін-Рамуальд Будкевіч (9.06.1867–26.09.1893–1.04.1923, Масква, турма АДПУ) [3, с. 45]. Шмат намаганняў святар прысвяціў працы каталіцкага Таварыства дабрачыннасці, якое дзейнічала ў Віцебску. У сакавіку 1923 г. святар быў арыштаваны ў Маскве па групавой справе каталіцкага духавенства разам з арцыбіскупам Янам Цяплякам і благаслаўлёным, на той момант дыяцэзіяльным святаром, Тэафілюсам Матулёнісам, затым асуджаны і расстраляны.

У 1861 г. парафія налічвала 4034 вернікі. На яе тэрыторыі знаходзіліся капліцы ў мясцовасцях Гародня, Цехаўка, Лужын, Хоцімль, Лявонтава, Скуратава і Ледцы, а таксама філіяльны касцёл у Віцебску пад тытулам святога Міхала Арханёла [4, с. 89].

У 1901 г. парафія налічвала 4443 вернікі, у 1912 г. – 5000, у 1917 г. – 5100 [5, с. 191; 6, с. 175; 7, с. 162]. На 1917 г. у парафіі меліся капліцы ў мясцовасцях Гародня, Цехаўка, Лужын, Хоцімль, Лявонтава, Скуратава, Сэрца.

Неабходна адзначыць, што парафіянамі касцёла Святога Антонія была большасць каталікоў Віцебска [8, с. 366].

5–7 верасня 1909 г. у Віцебску адбылася кананічная візітацыя біскупа Стэфана Данісевича, у час якой ён удзяліў сакрамэнт канфірмацыі 1629 вернікам [9, с. 138]. Трагічна склаўся лёс святароў, якія служылі ў касцёле Святога Антонія пасля 1917 г.

У 1916–1919 гг. адміністратарам парафіі быў ксёндз Вінцэнт Балюль (1874–1899–13 ці 31.8.1944). У 1919 г. святар быў арыштаваны як закладнік, аднак праз некаторы час вызвалены. У 1921 г. ксёндз Балюль выехаў у Польшчу [10, с. 36].

У 1919–1921 гг. адміністратарам парафіі з’яўляўся ксёндз Уладзіслаў Жаўняровіч (20 ці 26.12.1885–1915–5.10.1937), які дагэтуль у 1916–1918 гг. быў вікарыем у парафіі. Уначы з 26 на 27 лютага 1927 г., афіцыйна пробашч парафіі Абольцы, святар арыштаваны ў Віцебску і асуджаны калегіяй АДПУ 18 красавіка таго ж года за “антысавецкую агітацыю” і “выдаванне сакрэтных звестак” да пяці гадоў пазбаўлення волі. Пакаранне ксёндз Жаўняровіч адбываў

у Салавецкім лагеры АДПУ Карэльскай АССР. У 1930 г. зняволенне святару было заменена трохгадовай высылкай, падчас якой ён знаходзіўся ў Краснаярскім краі. Ксёндз Жаўняровіч быў вызвалены 3 мая 1933 г. З 1934 г. ён жыў у Веліжы Смаленскай вобласці, дзе і быў паўторна арыштаваны 20 жніўня 1937 г., а 27 верасня прыгавораны да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [10, с. 170–171].

Наступны адміністратар парафіі ў 1922–1925 гг. (у 1915–1922 гг. вікарыі) ксёндз Леанард Бараноўскі (1875–1900–12.12.1930) арыштаваны 4 ліпеня 1922 г. як закладнік, аднак праз 3 тыдні вызвалены, працягваў сваё служэнне ў касцёле. Наступны раз святар быў арыштаваны 5 лютага 1925 г. у Віцебску і 26 чэрвеня 1925 г. асуджаны калегіяй АДПУ як “агент польскай разведкі”, а таксама за “дапамогу нелегальнаму выезду людзей у Польшчу” да 3 гадоў пазбаўлення волі. Этапаваны ў Салавецкі лагер. Аднак пасля сканчэння тэрміну 13 ліпеня 1928 г. пастановай асобай нарады АДПУ святар быў высланы на 3 гады ў Сібір, дзе і памёр ад тыфу ў в. Тагур Томскай акругі Нарымскага краю [10, с. 44].

Ксёндз Ян Францук (1.6.1891–1915 – пасля 1948), які служыў пры парафіі ў 1916–1920 гг., спачатку як прэфект, затым як вікарыі, быў арыштаваны 4 мая 1920 г. і асуджаны калегіяй асабага аддзела Заходняга фронту як “удзельнік польскай шпіёнскай арганізацыі” да 3 гадоў пазбаўлення волі. Быў этапаваны ў Смаленскі палітычны ізалятар НК, потым у Маскву, Нова-Пяскоўскі лагер НК. Святар вызвалены ў лютым 1921 г. па хадайніцтве Чырвонага Крыжа і ў 1922 г. выехаў у Польшчу [10, с. 415–416]. Ксёндз Юзаф Ворслаў (28.8.1886–1910–1937?), вікарыі у 1919–1920 гг., паводле некаторых звестак быў арыштаваны ў 1937 г. і расстраляны [10, с. 97].

У 1922–1925 гг. і, верагодна, каля 1926–1929 гг. вікарыем пры парафіі быў ксёндз Пётр-Бярнард Капуста (14.03.1886 ці 1891–1917–1.11.1937, ст. Мядзведжая Гара, Сандармох Карэльскай АССР). Служыў у Мазыры, арыштаваны 25 снежня 1930 г. Быў асуджаны калегіяй АДПУ 23 жніўня 1931 г. за “правядзенне антысавецкай агітацыі” і як “кіраўнік контррэвалюцыйнай шпіёнскай арганізацыі” да 10 гадоў пазбаўлення волі. Этапаваны ў Салавецкі лагер. Тройкай НКУС Ленінградскай вобласці прыгавораны 10 кастрычніка 1937 г. да расстрэлу [10, с. 209].

У 1921 г. прызначэнне ў парафію і адначасова ў касцёл Святой Барбары ў якасці вікарыя атрымаў ксёндз Стэфан Трускоўскі (2.9.1896–1921–1.3.1959), якому перад гэтым патаемна ўдзяліў прэзбітэрскае пасвячэнне арцыбіскуп Ян Цяпляк. Падчас правядзення кампаніі па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей святар адмовіўся аддаваць богаслужэбныя рэчы з касцёла Святой Барбары і Святога Антонія [11, ф. 70, воп. 1, спр. 24, л. 31], за што быў арыштаваны ў 1922 г., асуджаны да 5 гадоў пазбаўлення волі і вывезены ў Бутырскую турму Масквы. Затым святар быў вызвалены ў выніку абмену палітвязнямі паміж Польшчай і СССР і 28 красавіка 1924 г. выехаў з СССР [10, с. 406].

6 ліпеня 1925 г. пробашчам касцёла Святога Антонія Падуанскага і касцёла Святой Барбары, а таксама дэканам у Віцебску быў прызначаны ксёндз Пётр Аўгла (11.5.1861–11.2.1887–27.8.1937, Магілёў, турма НКУС). У Віцебску святар паўторна арыштаваны ў 1927 г. (першы раз у 1922–1923 гг.), і абвінавачаны ў “шпіянажы на карысць Польшчы” і “контррэвалюцыйнай агітацыі”. Каля 200 дзён святар правёў у смаленскай турме АДПУ. Пасля вызвалення ксёндз Аўгла быў прызначаны генеральным вікарыем біскупа Слосканса. 15 чэрвеня 1937 г. святар зноў арыштаваны, 25 жніўня прыгавораны “тройкай” НКУС да вышэйшай меры пакарання з канфіскацыяй маёмасці і расстраляны [10, с. 25–27].

14 лістапада 1926 г. менавіта ў касцёле Святога Антонія Магілёўскі генеральны вікары ксёндз Вітальд Пашкевіч, будучы разам са Службой Божым, новапрызначаным біскупам Баляславам Слоскансам, Апостальскім адміністратарам у Магілёве, абвесціў аб ягоным прызначэнні [12, с. 376]. Дарэчы ксёндз Баляслаў Слосканс служыў кароткі час яшчэ як звычайны святар у канцы 1924 – першай палове 1925 г. у віцебскім касцёле Святой Барбары, дапамагаў у душпастырскай дзейнасці ў парафіі Святога Антонія. Сведчыць аб гэтым той факт, што ў час просьбы ва ўлад дазволу на прыбыццё з Полацка ксяндза Адольфа Філіпа на фэст у гонар святога Антонія 13 чэрвеня 1925 г. сярод духавенства, што служыць пры парафіі, былі названы ксяндзы Шукель і Слосканс [11, ф. 118, воп. 4, спр. 34, л. 180].

У 1927–1930 гг. адміністратарам парафіі з’яўляўся ксёндз Юзаф Вярыга (1866 ці 1867–1891 – пасля 1933), які дагэтуль, у 1922–1925 гг., быў вікарыем. Святар арыштаваны 28 лютага 1933 г. у Віцебску і асуджаны 5 мая

1933 г. асобай нарадай пры АДПУ за “антысавецкую агітацыю і як арганізатар антысавецкай арганізацыі” да 3 гадоў высылкі ў Казахстан, дзе і загінуў [10, с. 104].

Наступным адміністратарам парафіі ў 1930 г. быў прызначаны ксёндз Ігнат Шукель (1877–1903–1935?). Святар арыштаваны 19 кастрычніка 1930 г. і асуджаны 4 ліпеня 1931 г. паводле пастановы калегіі АДПУ як “кіраўнік контррэвалюцыйнай арганізацыі ПАВ” да вышэйшай меры пакарання (заменена на 10 гадоў пазбаўлення волі). Затым ксёндз Шукель быў этапаваны ў Салавецкі лагер, дзе і загінуў [10, с. 449].

Летам 1933 г. у Віцебск прыехаў ксёндз Язэп Барадзюля (4.9.1893–1919–27.9.1983), вызвалены пасля першага арышту. Святар арыштаваны ў Камена-Губінскім касцёле 29 снежня 1926 г. прадстаўніком Мінскага АДПУ, зняволены ў Лепельскай турме АДПУ, затым 1 студзеня 1927 г. перавезены ў Мінскую ўнутраную турму АДПУ. Абвінавачваўся ў “выкладанні веравучэння малалетнім” і “выкарыстанні рэлігійнага вучэння з мэтай звяржэння савецкай улады”. Быў асуджаны калегіяй АДПУ 4 сакавіка 1927 г. да 3 гадоў пазбаўлення волі і этапаваны ў Салавецкі лагер. У 1930 г. пасля сканчэння тэрміну высланы ў Архангельск, адкуль за душпастырскую дзейнасць яго накіравалі далей на Поўнач. Толькі летам 1933 г. святар вызвалены, пасля чаго прызначаны пробашчам касцёла Святога Антонія і касцёла Святой Барбары. У Віцебску святар праслужыў толькі два тыдні на працягу кастрычніка. Пасля адмовы супрацоўніцтва з АДПУ уканцы 1933 г. ксёндз Барадзюля зноў быў высланы ў Архангельск [10, с. 41–42; 13, с. 16].

У 1934–1935 гг. наступным адміністратарам парафіі з’яўляўся ксёндз Эўгеніюш Крулікоўскі (1875–1899–1935) [14, с. 41].

Апошнім святаром, што служыў у касцёле Святога Антонія ў міжваенны час, быў ксёндз Адольф Філіп (5.1.1885 ці 1886–1909–1937). Пасля адбыцця 10-гадовага тэрміну на Салаўках святар быў вызвалены і ў лістападзе 1936 г. прыехаў у Віцебск, дзе 28 сакавіка 1937 г. адслужыў у касцёле Святога Антонія апошняю рэзурэцыю перад закрыццём святыні [15, с. 212]. У жніўні 1937 г. ксёндз Філіп зноў арыштаваны, асуджаны да вышэйшай меры пакарання і расстраляны [10, с. 413–414].

У 1938 г. з дапамогай падатковага ціску Віцебскі гарсавет забраў касцёл у вернікаў [16, с. 79]. На вызвалены будынак прэтэндавалі Віцеб-

скі абласны гістарычны музей і Віцебскі абласны медыцынскі інстытут. Летам 1939 г., нягледзячы на тое, што пастанова ВЦВК і СНК ад 10 жніўня 1933 г. аб ахове гістарычных помнікаў забараняла выкарыстоўванне архітэктурных помнікаў пад любыя мэты, акрамя музеяў, касцёл быў перададзены Віцебскаму медыцынскіму інстытуту, які пачаў пераабляць яго пад фізкультурную залу.

Аднак тыя, хто разумеў каштоўнасць касцёла як архітэктурнага помніка, пачалі выказваць занепакоенасць, што гэта знішчыць помнік. 20 лістапада 1939 г. касцёл як помнік архітэктуры быў узяты на ўлік урадавай навуковай экспедыцыяй па перапісе і пашпартызацыі помнікаў рэвалюцыі, гісторыі і мастацтва. 17 снежня 1939 г. камісія ў складзе прадстаўнікоў Віцебскага абласнога камітэта КП(б)Б, Віцебскага абласнога гістарычнага музея, начальніка навуковай экспедыцыі па перапісе помнікаў рэвалюцыі, мастацтва і гісторыі, абласнога аддзела Савета ваяўнічых бязбожнікаў і Віцебскага гарсавета здзейсніла агляд будынка касцёла. Прадстаўнікі камісіі адзначылі, што, нягледзячы на тое, што касцёл стаіць пусты параўнальна нядаўна, тым не менш ужо адзначаліся прыкметы разбурэння: паравы кацёл быў завалены вапнай, ацяпляльныя трубы захаваліся толькі ўнутры, архітэктурныя ўпрыгожванні звонку будынку пачалі сапсавацца і разбурацца, унутраныя архітэктурныя ўпрыгожванні, скульптуры і жывапіс “знішчаюцца злой рукой”, будынак пачынае пакрысе “перабудовацца”. У адной з сакрыстых была абсталявана кватэра, прабіта шырокае акно. Іншыя памяшканні пачалі выкарыстоўвацца як сховішча. Гэтая ж экспедыцыя ўзняла пытанне перад урадавай камісіяй пры СНК БССР аб перадачы будынка Віцебскаму абласнаму гістарычнаму музею [11, ф. 1947, воп. 1, спр. 103, л. 9].

21 лютага ўрадавая камісія па пашпартызацыі помнікаў гісторыі і мастацтва ў складзе начальніка экспедыцыі Юркі Віцьбіча і архітэктара М. Мельніка другі раз аглядзела касцёл і склала па выніках агляду акт. Знамянальна, што ў гэтым акце адзначалася наступнае: “...узяты нашай экспедыцыяй на ўлік касцёл выпадкова ацалеў ад злачыннай дзейнасці ворагаў народа, якія, прыкрываючыся “левымі” фразамі, узарвалі аманалам помнікі мастацтва”. Камісія сцвярджала, што будынак прадстаўляе выключную каштоўнасць як помнік двух архітэктурных стыляў – звонку ён вытрыманы ў стылі барока, унутры – у стылі рэнесансу. Канстатавала-

ся, што помнік пачынае разбурацца, а на конт планаў медыцынскіх прыстасаваць левы неф касцёла пад фізкультурную залу адзначалася, што гэта незваротна пашкодзіць будынак, бо ўсталяванне сістэмы абагрэву і прабіццё новых вокнаў знішчыць фрэскі. Гэты ж акт дае ўяўленне, што на той момант яшчэ захавалася ў касцёле – гэта амбон, алтары, фрэскі, якія яшчэ не страцілі сваёй яркасці, на бакавых алтарах захаваліся два абразы – святога Язафата Кунцэвіча і Папы Урбана XIII, аднак вітраж з выявай Маці Божай быў часткова пашкоджаны. У гэтым акце камісія абгрунтоўвала неабходнасць перадачы касцёла пад Антырэлігійны музей [11, ф. 1947, воп. 1, спр. 103, л. 10–14].

19 сакавіка 1940 г. Віцебскі гарсавет перадаў касцёл Віцебскаму гістарычнаму музею для арганізацыі антырэлігійнага філіяла музея, які было прапанавана адчыніць ужо 1 мая 1940 г. [11, ф. 1947, воп. 1, спр. 103, л. 23]. Паколькі Віцебскі медыцынскі інстытут распачаў рамонт касцёла, у прыватнасці, былі зашклёныя ўсе вокны, таму ягоныя прадстаўнікі запатрабавалі ад музея вяртання грошай, патрачаных на рамонт у суме 2926 рублёў 96 капеек [11, ф. 1947, воп. 1, спр. 103, л. 43].

Акт ад 2 красавіка 1940 г. апісвае, у якім стане тады знаходзіўся касцёл: у многіх месцах атынкаўка як звонку, так і ўнутры асыпалася, шмат дзе выбіта шкло. У двары было шмат смецця і вапны. Унутры пры ўваходзе ў касцёл знаходзіліся дзве вялікія кучы смецця, на падлозе былі бітае шкло, цэгла і атынкаўка. Мастацкія скульптурныя ўпрыгожванні, за рэдкім выключэннем, амаль усе былі пашкоджаныя (адбіты галовы, рукі і ногі і г.д.), паўкруглае акно над другімі ўваходнымі дзвярыма з вітражом Маці Божай з каляровага шкла было пашкоджана з правага боку, быў выбіты вітраж ва ўнутраных уваходных дзвярах. Унутраныя дзверы і дзверы шаф у большасці былі ўзламаны і разбураны. Левая сакрыстая выкарыстоўвалася пад жыллё. Ва ўсіх памяшканнях валяліся абломкі. Запачельныя сцены былі вільготныя і цяжкія, ад нераўнамернай тэмпературы і вільгаці насценныя і столевыя фрэскі ў некаторых месцах патрэскаліся і верхні слой фарбы разам з вапнай асыпаўся. Падлога ў некаторых месцах прагніла і патрабавала замены. Усе абразы і рэліквіі, за выключэннем дзвюх, намаляваных на сцяне, адсутнічалі. Сходні на званіцу месцамі былі пашкоджаны. Арган паламаны, усе ягоныя металічныя часткі і арганныя мяхі адсутнічалі, засталася толькі драўляная аснова [11, ф. 1947, воп. 1, спр. 103, л. 36–36а].

У Антырэлігійным музеі сярод іншага былі змешчаны рэліквіі святой Еўфрасінні Полацкай.

З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны вернікі паўбіралі са святыні антырэлігійныя экспанаты, касцёл зноў дзейнічаў. Рэліквіі св. Еўфрасінні былі вернуты ў Полацк.

Не захаваліся звесткі пра святароў, якія падчас Вялікай Айчыннай вайны служылі ў касцёле Святога Антонія. Верагодна, па чарзе іх змянілася некалькі.

Пасля вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў касцёл зноў быў зачынены.

Пра стан касцёла ў пасляваенны час сведчыць акт ад 10 лютага 1946 г., складзены па выніках агляду будынку інжынерамі-будаўнікамі. Паводле гэтых звестак паверхня фасада мела дробныя пашкоджанні, меліся сляды ад куль і асколкаў. Верхні карніз у фасаднай частцы касцёла быў разбураны на 90 працэнтаў і толькі невялікай працягласці астаткі карніза, што ўцалелі, давалі ўяўленне аб ягонай форме да разбурэння. Сярэдні карніз меў пашкоджанні на 50 працэнтаў, задні фасад касцёла, сярэдняя траціна якога з’яўлялася алтарнай часткай касцёла, быў амаль не пашкоджаны, калі не лічыць разбурэння верхняга карніза на 50 працэнтаў. Купальная частка касцёла, а разам з ёй увесь дах былі знесены, што сказала сапраўднае аблічча помніка. Меўся алтар, ягоныя скульптуры былі пашкоджаны на 50 працэнтаў, аднак адзначалася, што іх можна адрэстаўраваць. Таксама дастаткова захаваліся інтэр’еры, упрыгожанні і роспісы, а на сценах і зводах касцёла – жывапіс алеем і лепныя ўпрыгожанні. Фундамент касцёла быў не пашкоджаны. Сцены разбурэнняў у асноўным не мелі, зала касцёла была перакрыта цагляным скляпеннем, якое мела частковыя пашкоджанні, сістэма скляпенняў алтарнага перакрыцця была пакрыта сеткай дробных расколін. Паколькі ў касцёле адсутнічаў дах, а пры гэтым меліся два выцяжныя вокны, таму ў будынак траплялі ападка. Такім чынам, паводле заключэння спецыялістаў, касцёл меў пашкоджанні на 30 працэнтаў, але з поспехам мог быць адноўлены. Кошт помніка ў тым тэхнічным стане ацэньваўся ў 1950000 рублёў [11, ф. 2820, воп. 4, спр. 7, л. 77–79].

Яшчэ ў 1947 і 1949 гг. касцёл Святога Антонія быў у спісе помнікаў архітэктуры Беларускай ССР, якія знаходзіліся пад аховай дзяржавы [11, ф. 2820, воп. 4, спр. 7, л. 43, 75]. Тым не менш будынак быў перададзены Віцебскаму “Гархарчгандлю”, які выкарыстоўваў яго пад склад

гародніны, што моцна разбурала касцёл. Пры гэтым упраўленне па справах архітэктуры маніторыла дадзеныя аб стане касцёла, які неаднаразова абследаваўся. Пасля абследавання 8 красавіка 1949 г. упраўленне па справах архітэктуры пры Савеце Міністраў БССР 21 красавіка таго ж года даслала дырэктару Віцебскага “Гархарчгандлю” заяву, дзе канстатавалася, што “арандатар абуральна адносіцца да захавання каштоўнага помніка архітэктуры – будынак не рамантуецца, дах разбураецца і скляпенні пагражаюць абрынуцца, фасад знявечаны”. Копіі гэтага дакумента былі дасланы старшыні Віцебскага гарсавета дэпутатаў працоўных і начальніку Віцебскага абласнога аддзела па справах архітэктуры. Упраўленне прапанавала неадкладна распачаць рамонт будынка, дзеля чаго было неабходна скласці каштарыс і праект аднаўлення, узгадніўшы гэта з Віцебскім абласным архіўным аддзелам [11, ф. 2820, воп. 4, спр. 7, л. 60].

Паступовае знішчэнне касцёла ў выніку неадпаведнай эксплуатацыі прывяло да таго, што ўжо 29 лістапада 1950 г. упраўленне па справах архітэктуры пры Савеце Міністраў Беларускай ССР, дасылаючы начальніку Віцебскага абласнога аддзела па справах архітэктуры спіс помнікаў, адносна якіх трэба было прыняць рашэнне – пакідаць іх у спісе помнікаў ці не, прымаючы пад увагу, між іншым, такія крытэрыі, як архітэктурная і гістарычная нязначнасць, а таксама дрэнная захаванасць, рэкамендавала касцёл Святога Антонія з гэтага спіса выключыць [11, ф. 2820, воп. 4, спр. 7, л. 79–80].

2 красавіка 1952 г. камісія ў складзе прадстаўнікоў упраўлення па справах архітэктуры як рэспубліканскага, так і абласнога ўзроўню агледзела некаторыя помнікі архітэктуры г. Віцебска, каб вырашыць пытанне аб мэтазгоднасці іх пакінуць ў новым спісе помнікаў архітэктуры БССР рэспубліканскага значэння, сярод якіх быў і касцёл Святога Антонія. Камісія канстатавала, што ўсе агледжаныя помнікі падчас вайны атрымалі моцныя пашкоджанні, працэнт іх разбурэння дасягае 80–90 працэнтаў. Апошнія абставіны, на думку членаў камісіі, узнімалі пытанне: ці з’яўляецца іх аднаўленне магчымым і рацыянальным? З гэтай прычыны камісія палічыла, што, паколькі гэтыя помнікі страцілі ўсялякую каштоўнасць, таму немэтазгодна ўносіць іх у новы спіс помнікаў архітэктуры рэспубліканскага значэння [11, ф. 2820, воп. 4, спр. 7, л. 87].

Нягледзячы на тое, што ў Віцебску не было ніводнага дзеючага касцёла, нелегальна рэлігій-

нае жыццё працягвалася. Час ад часу нешматлікія віцебскія вернікі збіраліся на малітвы без святара. Неаднаразова з душпастырскай паслугай у 1958–1959 гг. да вернікаў Віцебска прыезджаў ксёндз Віктар Шутовіч з Барысава. Ён затрымліваўся ў хаце адной з веруючых і ўдзяляў сакрамэнты [11, ф. 4029, воп. 2, спр. 9, л. 69].

Пры магчымасці віцебскія вернікі выязджалі для прыняцця сакраментаў у касцёлы Літвы і Латвіі. Адначасова яны спрабавалі вярнуць сабе святыню. У кастрычніку 1956 г. дзве жанчыны-каталічкі з г. Віцебска звярнуліся да ўпаўнаважанага ў справах рэлігійных культаў па пытанні рамонту і адкрыцця касцёла ў горадзе. Зразумела, што вяртаць касцёл вернікам улады не планавалі, таму ўпаўнаважаны паведаміў: калі вернікі гэтага жадаюць, то павінны адрамантаваць касцёл за ўласны кошт [11, ф. 4029, воп. 2, спр. 6, л. 21].

Раніцай 15 красавіка 1958 г. касцёл Святога Антонія быў узарваны [11, ф. 322, воп. 7, спр. 43, л. 32–33].

У 1987 г. на месцы касцёла быў устаноўлены фантан “Зліццё трох рэк”.

У 1989 г. на Беларусі адбылося адраджэнне структур Каталіцкага Касцёла. У 1990 г. пасля прыезду ў Віцебск святара дамініканца Януша Скэнчэка пачала дзейнічаць парафія Святой Барбары. Пасля ўтварэння ў 1999 г. Віцебскай дыяцэзіі адзіная да таго часу віцебская парафія Святой Барбары была падзелена на некалькі, у выніку парафія Святога Антонія Падуанскага ў Віцебску была адроджаная 1 красавіка 2001 г. Арганізацыя новай парафіі была даручана манахам-францішканам канвентуальным з Панеўнік, планавалася, што тут будзе служыць айцец Сабін Яцэк Тлок OFM, аднак па стане здароўя ён працу не распачаў. Фактычна асноўны цяжар працы прышоўся на плечы дыякана Аляксандра Амяльчэні, які быў дасланы сюды на дыяканскую практыку.

10 чэрвеня 2001 г. пасля ўрачыстай святой Імшы для парафіі быў асвечаны абраз святога Антонія Падуанскага, намаляваны мясцовым мастаком Эдуардам Галуставым. 21 чэрвеня 2001 г. парафія была зарэгістравана.

Першапачаткова Імша для парафіян цэлебравалася ў касцёле Святой Барбары. 16 жніўня 2002 г. парафія атрымала ўласны будынак – былы Дом культуры, што належаў Віцебскаму вучэбна-вытворчаму прадпрыемству “Галант” па вуліцы Гагарына, 46а.

Будынак знаходзіўся ў жахлівым стане – працякаў дах, сцены і падлога былі абшарпаны.

Перш чым узяцца за рамонт будынка, Віталій Кучынскі, другі старшыня касцёльнага камітэта, разам з іншымі вернікамі ўсталяваў на будынку вялізны крыж. Адбылося гэта ў свята Узвышэння Святога Крыжа – 14 верасня 2002 г. Разам з братам жонкі ён зварыў крыж у падвале свайго дома, да будынка касцёла вернікі перанеслі яго на руках, а затым на вярхоўках усцягнулі па сцяне наверх. Адначасова Віталій Кучынскі зрабіў яшчэ адзін крыж – драўляны, усталяваны на сцяне прэзбітэрыя [17].

Першым пробашчам парафіі быў прызначаны ксёндз Анджэй Бочар MS, які выконваў свае абавязкі ад жніўня 2002 да верасня 2003 г. Абавязкі вікарыя ў парафіі ў 2002 г. выконвалі ксёндз Віталій Галец і ксёндз Аляксандр Рагіня.

21 верасня 2003 г. душпастырскую паслугу ў парафіі распачаў ксёндз Алег Буткевіч, які заняўся грунтоўнай перабудовай будынка клуба на сакральны аб’ект.

Вікарыямі ў парафіі ў час служэння ксяндза Буткевіча былі: у 2004 г. – ксёндз Віктар Місевіч, у 2009 г. – ксёндз Ян Пугачоў, у 2012–2013 гг. – ксёндз Антон Лагунёнак.

29 лістапада 2013 г. ксёндз Алег Буткевіч быў прызначаны новым ардынарыем Віцебскай дыяцэзіі. 18 студзеня ў катэдральным касцёле яму была ўдзелена біскупская сакра, а ўжо на наступны дзень ён цэлебраваў першую Імшу ў парафіі ў якасці біскупа.

23 лютага 2014 г. біскуп Алег Буткевіч прадставіў у парафіі яе новых пастыраў – пробашча ксяндза Вячаслава Барка і вікарыя айца Станіслава Памыкалу SJ (скончыў служэнне ў парафіі летам 2017 г.). Менавіта ксёндз Вячаслаў Барок і завяршыў рамонтную работу ў касцёле. Распісы ў святыні выканаў мастак Уладзімір Кандрусевіч.

11 чэрвеня 2017 г. біскуп Віцебскі Алег Буткевіч здзейсніў кансэкрацыю касцёла.

Заклучэнне. Доўгі час пробашча адроджанай парафіі Святога Антонія ксёндз Алег Буткевіч марыў аб аднаўленні касцёла на яго гістарычным месцы. Калі ён стаў у 2013 г. ардынарыем Віцебскай Рымска-каталіцкай дыяцэзіі, то з дапамогай сённяшняга пробашча касцёла Святога Антонія ксяндза Вячаслава Барка распачаў падрыхтоўку да гэтай высакароднай справы. Ужо ў 2015 г. Міністэрства культуры прыняло рашэнне, што не будзе супраць рэканструкцыі будынка са змяшчэннем па восі фундаменту, паколькі аднавіць касцёл на ранейшым месцы азначае выйсці на праездную частку вуліцы [18].

У 2017 г. была створана “Эскізная прапанава па аднаўленні касцёла Святога Антонія”. Падрыхтаваў яе архітэктар Ігар Радзько, вядомы ў горадзе спецыяліст, што працаваў над рэканструкцыяй многіх гістарычных будынкаў цэнтра. На сённяшні момант парафія атрымала афіцыйны дазвол на выкананне навукова-даследчых і праектных работ. Па аднаўленні касцёла вядуцца перадапрактычныя работы. Паколькі дагэтуль у гістарычных архівах не знойдзены праект касцёла, ягонае аднаўленне будзе абапірацца на апісанні, якія захаваліся да гэтага часу. Дзякуючы адбудове касцёла Святога Антонія ажыве адзіны архітэктурны ансамбль былой Ратушной плошчы.

Літаратура

1. Квітніцкая, А. Прыёмы фарміравання гандлёва-адміністрацыйнага цэнтра Віцебска ў 18 ст. / А. Квітніцкая // Віцебскі сшытак. – 1995. – № 1. – С. 8–12.
2. Witebski dekanat // Podręczna encyklopedia kościelna. T. XLI–XLII. – Warszawa, Lublin, Łódź, 1915.
3. Чаплицкий, Б. О. Константин Будкевич (1867–1923). Жизнь и деятельность / пер. с пол. С. Карпенко, Т. Захарова; под ред. Т. Захаровой. – СПб.: Речь, 2004.
4. Directorium horarum canonicarum et missarum pro archidioecesi Mohiloviensi in annum Domini MDCCCLXI. – Vilnae: Typis Jusephi Zawadzski, 1860.
5. Directorium divini officii et missarum pro archidioecesi Mohiloviensi nec non pro dioecesi Minscensi in annum Domini 1901. – Vilnae: Typis Jusephi Zawadzski, 1900.
6. Directorium divini officii et missarum pro archidioecesi Mohiloviensi nec non pro dioecesi Minscensi in annum Domini bissextilem 1912. – СПб.: С.-Петербург. Губернская Типография, 1912.
7. Directorium divini officii et missarum pro archidioecesi Mohiloviensi nec non pro dioecesi Minscensi in annum Domini 1917. – Druk: Tow. Akc. Sztuki drukarskiej w Piotrogradzie.
8. Nasze kościoły. T. 1. Część 3: Archidiecezja Mohylowska. Witebszczyzna. – Warszawa: Biblioteka Narodowa, 2001.
9. Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926) / Wybór tekstów i opracowanie ks. Marian Radwan SCJ. – Kraków: Wydawnictwo Księży Sercanów SCJ.
10. Маракоў, Л. Рэпрэсiраваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі 1917–1964 / Л. Маракоў. – Мінск: “Смэлтэк”, 2009.
11. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці.
12. Гарбінскі, Ю. Беларускія рэлігійныя дзеячы XX ст. / Ю. Гарбінскі; навук. рэд. савет: У. Конан (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МНОК “Беларускі кнігазбор”, 1999.
13. Ксёндз Язэп Барадзюля. Дваццаць пяць гадоў турмы, лагераў і ссылкі / ксёндз Язэп Барадзюля // Наша вера. – 1995. – № 1. – С. 12–18.
14. Fibek, J. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi. Część 1: Diecezja Witebska. Tom 1: Wschodnia część diecezji Witebskiej / J. Fibek. – Łomża: Zakon Braci Mniejszych Kapucynów, Prowincja Warszawska, 2016.
15. Dzwonkowski, R. SAC. Religia i Kościół katolicki w ZSSR oraz w krajach i na ziemiach okupowanych 1917–1991. Kronika / R. Dzwonkowski. – Lublin: Tow. Naukowe KUL, 2010.
16. Віцьбіч, Ю. Не змоўклі віцебскія арганы / Ю. Віцьбіч // Наша вера. – 1995. – № 1. – С. 78–79.
17. Лаўрыненка, К. “Мы танцавалі ў гэтым клубе на выпускным, а сёння тут касцёл”: у Віцебску асвятлілі касцёл Св. Антонія [Электронны рэсурс] / К. Лаўрыненка. – Рэжым доступу: catholic.by. – Дата доступу: 13.06.2017.
18. Лаўрыненка, К. Міністэрства культуры не бачыць перашкодаў, каб касцёл Св. Антонія быў адбудаваны [Электронны рэсурс] / К. Лаўрыненка. – Рэжым доступу: catholic.by. – Дата доступу: 09.12.2015.

Паступіў у рэдакцыю 20.05.2019 г.

Дзейнасць губернатараў па сацыяльна-эканамічным развіцці беларускіх губерняў у 1864–1914 гг.

Ляпешкін Я.М.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

У артыкуле разгледжана дзейнасць губернатараў Віленскай, Гродзенскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай губерняў (ацэнкі, прапановы, перапіска) у сферы сацыяльна-эканамічнага развіцця (добраўпарадкаванне, ахова здароўя, пажарна-санітарны стан, будаўніцтва чыгунак і інш.) у 1864–1914 гг. Адлюстроўваюцца матывы і на-ступствы дзейнасці: станоўчыя і адмоўныя бакі.

Мэта артыкула – раскрыць уплыў губернатараў на сацыяльна-эканамічнае развіццё беларускіх губерняў у 1864–1914 гг.

Матэрыял і метады. Выкарыстаны матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Нацыянальнага гістарычнага архіва ў Гродна, Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва. Метадамі даследавання з’яўляюцца агульнанавуковыя і спецыяльна-гістарычныя: гісторыка-тыпалагічны і гісторыка-сістэмны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Паказана, што адным з прыярытэтных накірункаў у дзейнасці губернатараў было забеспячэнне надзейнага пажарна-санітарнага стану і падтрыманне сістэмы аховы здароўя ў губерні. Адзначаецца, што начальнікі беларускіх губерняў кіраваліся ў сваёй дзейнасці палітычнымі разлікамі ўрада, а гаспадарчы інтарэс мясцовага насельніцтва адыходзіў на другі план.

Заклучэнне. Кіраўнікі беларускіх губерняў садзейнічалі (праз службовую зацікаўленасць) сацыяльна-эканамічнаму развіццю падначаленых тэрыторый (банкаўская сфера, шляхі зносін, водаправод, тэлефон, нумарацыя дамоў і назвы вуліц, падаткаабкладанне, пазыкі і субсідыі). Праўда, губернатарскія ініцыятывы (адкрыццё банкаўскай установы, будаўніцтва чыгуначнай веткі і інш.) нярэдка замаруджваліся ці ўвогуле не падтрымліваліся з боку вышэйшага начальства па фінансавых, палітычных або ваенна-стратэгічных прычынах.

Ключавыя словы: беларускія губерні, губернатары, сацыяльна-эканамічнае развіццё.

(Ученые записки. – 2019. – Том 29. – С. 33–40)

The Activities of Governors on the Social and Economic Development of Belarusian Provinces in 1864–1914

Liapeshkin Y.M.

Educational Establishment “Belarusian State University”, Minsk

The article describes the activities of the governors of the Vilnia, Grodno, Minsk, Vitebsk and Mogilev Provinces (assessments, proposals, correspondence) in the field of social and economic development (landscaping, health, fire and sanitary condition, construction of railways, etc.) in 1864–1914. The motifs and consequences of the activity, positive and negative sides, are considered.

The purpose of the article is to reveal the influence governors had on the social and economic development of the Belarusian provinces in 1864–1914 through their activities.

Material and methods. Materials from the National Historical Archive of Belarus, the National Historical Archive in Grodno, the Russian State Historical Archive are used. The research methods are general scientific and special historical: historical-typological and historical-systemic.

Finding and their discussion. It is shown that one of the priorities in the activities of the governors was to ensure reliable fire and sanitary conditions and maintain the health system in the province. It is noted that the heads of the Belarusian provinces were guided in their activities by the political calculations of the government, while the economic interest of the local population faded into the background.

Conclusion. The heads of the Belarusian provinces contributed (through service interest) to the social and economic development of subordinate territories (banking, communications, water supply, telephone, numbering of houses and street names, taxation, loans and subsidies). However, gubernatorial initiatives (the opening of a banking institution, the construction of a railway line, etc.) were often slowed down or refused altogether by their superiors for financial, political, or military-strategic reasons.

Key words: Belarusian provinces, governors, social and economic development.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 33–40)

Вышэйшымі прадстаўнікамі дзяржаўнай улады на губернскім узроўні ў другой палове XIX – пачатку XX ст. з’яўляліся губернатары. Яны не толькі рэалізавалі распа-
раджэнні вышэйшага кіраўніцтва, але і аказвалі сваімі прапановамі ўплыў на ўрадавую палітыку, самастойна прымалі рашэнні, якія спрыялі сацы-
яльна-эканамічнаму развіццю губерні.

У гістарыяграфіі ў XXI стагоддзі стала ўзра-
стаць цікасць да беларускіх губернатараў эпохі Расійскай імперыі. Пры гэтым вывучалася толькі дзейнасць асобных губернатараў [1; 2] альбо раз-
глядаліся іх мерапрыемствы ў межах адной з бе-
ларускіх губерняў [3]. Дзейнасць кіраўнікоў усіх беларускіх губерняў цалкам не аналізавалася.

Мэта артыкула – раскрыць уплыў губернатараў на сацыяльна-эканамічнае развіццё беларускіх гу-
берняў у 1864–1914 гг.

Матэрыял і метады. Выкарыстаны матэры-
ялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Нацыянальнага гістарычнага архіва ў Гродна, Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва. Ме-
тадамі даследавання з’яўляюцца агульнанавуко-
выя і спецыяльна-гістарычныя: гісторыка-тыпала-
гічны і гісторыка-сістэмны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Згодна з “Агульным губернскім устанавленнем” Зводу законаў Расій-
скай імперыі 1857 г. губернатары прызначаліся і зваліся манархам, але былі падведанымі Міністэрству ўнутраных спраў (МУС) [4, с. 61]. Адначасова яны падпарадкоўваліся генерал-гу-
бернатарству на той тэрыторыі, дзе існаваў гэты орган улады [4, с. 157].

“Агульны наказ грамадзянскім губернатарам” ад 3 чэрвеня 1837 г. кваліфікаваў губернатараў як начальнікаў губерняў, якія павінны былі сачыць за выкананнем законаў, абавязваліся захоўваць грамадскі спакой, бяспеку, здаровы стан насельніцтва; забяспечваць харчаваннем губерню, аказваць бездапаможным апеку; ажыццяўляць нагляд за правасуддзем, выкананнем законных пастановаў і патрабаванняў; садзейнічаць умацаванню народнага дабрабыту; сачыць за зборам падаткаў і выкананнем павіннасцей [5, с. 362, 393].

У лік абавязкаў губернатараў па сацыяльна-эканамічнай сферы ўваходзіў нагляд за належным уладкаваннем гарадоў і сёл. Яны павінны былі спрыяць развіццю прамысловасці, сельскай гаспадаркі, рамяства і гандлю; садзейнічаць стварэнню маставых на гарадскіх плошчах і вуліцах; надаваць увагу мерам аховы гарадоў і сёл ад пажараў (добрае ўладкаванне пажарнай часткі і прыняцце мер засцярогі ад пажару); паляпшаць шляхі зносін унутры губерні; назіра-

ць за спраўным утрыманнем бальнічных устаноў; рабіць неабходныя распаджэнні для папярэджвання і спынення эпідэміі; старацца распаўсюджаць прышчэпленне супраць воспы і інш. [5, с. 379–380, 382–383, 386–387, 391–392, 399–401].

Сваю дзейнасць губернатары ажыццяўлялі праз канцылярыю губернатара [4, с. 163–165], губернскае праўленне (у якім яны старшынствавалі), а таксама – праз прыказы і камісіі [5, с. 362]. Начальнікі губерняў абавязкова з’яўляліся старшын-
нямі ў наступных установах: прыказе грамадскай апекі, камісіі народнага харчавання, будаўнічай і дарожнай камісіі, воспенным камітэце, губернскім камітэце грамадскага здароўя, аддзяленні камерцыйнага савета і мануфактурным камітэце, камітэце аб конназаводстве, рэкруцкім камітэце, камітэце земскіх павіннасцей і адмысловай аб гэтых павіннасцях прысутнасці, статыстычным камітэце, турэмным камітэце [4, с. 61–62].

Рэформы, якія распачаліся ў 60-я гг. XIX ст. у Расійскай дзяржаве, вельмі асцярожна, са шматлікімі абмежаваннямі і адтэрміноўкамі праводзіліся і на беларускіх землях.

Перад тым як распаўсюдзіць дзейнасць Гарадавога палажэння ад 16 чэрвеня 1870 г. на заходнія губерні, МУС абмяркоўвала пытанне спосабу яго ўвядзення з мясцовымі генерал-губернатарамі і начальнікамі Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губерняў. Віленскі генерал-губернатар А.Л. Патапаў (1868–1874) і кіеўскі генерал-губернатар А.М. Дандукоў-Корсакаў (1869–1878), як і згаданыя губернскія начальнікі, выказваліся за паступовае ўвядзенне Палажэння 1870 г. з абмежаваннем прадстаўніцтва яўрэяў і палякаў у органах самакіравання [6, с. 25–26]. З 1875 г. яно ўступіла ў законную сілу ў беларускіх гарадах [6, с. 27].

Але, нягледзячы на абмежаванні, губернатары так і засталіся незадаволенымі значнай колькасцю яўрэйскага і польскага прадстаўніцтва ў гарадскім самакіраванні і немагчымасцю ўмяшання ў яго дзейнасць з боку губернскай адміністрацыі [7, с. 35–36]. Так, віцебскі губернатар В.М. Далгарукаў (1884–1894) у 1889 г. прадставіў міністру ўнутраных спраў праект змен Гарадавога палажэння 1870 г. для заходніх губерняў [7, с. 37]. Асноўныя прынцыпы гэтага праекта знайшлі адлюстраванне ў новым Гарадавым палажэнні 1892 г. У ім узмацняліся выбарчы цэнз і кантроль за дзейнасцю гарадскога самакіравання з боку губернатара. Прычым у Беларусі значна змяншалася колькасць яўрэйскіх выбаршчыкаў [7, с. 39].

Разам з уплывам на ход рэформаў губернатары займаліся і больш надзённымі пытаннямі

сацыяльна-эканамічнага жыцця падведамасных тэрыторый.

У галіне добраўпарадкавання населеных пунктаў губерні і інфраструктуры, якая іх аб'ядноўвала, начальнікі губерняў прыкладалі пастаянныя намаганні.

У выніку рэвізіі Віцебскай губерні губернатар П.П. Касагоўскі (1867–1868) прыйшоў да высновы, што невысокая добраўпарадкаванасць гарадоў была звязана з незадавальняючым станам гарадскіх даходаў. Ён лічыў, што павелічэнне даходаў і затым паляпшэнне становішча гарадоў залежыць ад саміх гарадскіх уласнікаў. Таму 27 мая 1868 г. начальнік губерні прапанаваў “прадпісаць усім гарадскім думам Віцебскай губерні неадкладна ўтварыць з асяроддзя гарадскіх колаў інвентарныя камісіі па правілах, выкладзеных у дадзенай ім інструкцыі, асобнікі якой паслаць у думы з тым, каб яны неадкладна ... распачалі работы...” [8, арк. 145].

Інвентарным камісіям, згодна з інструкцыяй, ставілася мэта скласці вопісы рухомай і нерухомай гарадской маёмасці і ўказаць сродкі павелічэння гарадскіх даходаў [8, арк. 146].

Заслугоўваюць увагі і іншыя губернатарскія ініцыятывы. Так, праект водаправода П.Я. Растоўцава (1869–1880) быў ухвалены віцебскай гарадской супольнасцю. Таму губернатар хадайнічаў перад міністрам унутраных спраў аб атрыманні дзяржаўнай грашовай дапамогі на рэалізацыю гэтай задумы [1, с. 180].

На добраўпарадкаванне гарадоў звярталі ўвагу і начальнікі Мінскай губерні. Так, губернатар

Я.А. Касінаў (1868–1869) пры аглядзе губерні заўважыў незадавальняючы стан гарадскіх гаспадарак. У выніку ён пераняў задуму свайго віцебскага калегі. 25 верасня 1868 г. праз губернскае праўленне гарадскім думам было прапанавана заснаваць у кожным горадзе інвентарную камісію, якая і павінна была распрацаваць шляхі да павелічэння гарадскіх даходаў і да паляпшэння гарадскога добраўпарадкавання паводле дадзенай інструкцыі [8, с. 155–155 зв.].

Губернатар А.І. Пятроў (1879–1886) выступіў з ініцыятывай усталявання паказальнікаў на вуліцах Мінска. І ў пачатку 1880 г. Мінская гарадская дума прыняла рашэнне аб усталяванні вулічных паказальнікаў. Таксама гарадская дума падтрымала прапанову А.І. Пятрова аб добраўпарадкаванні абочыны Лібава-Роменскай чыгункі [3, с. 245].

Пры ўдасканаленні бытавых умоў у Мінску гарадскія ўлады атрымалі дапамогу з боку губернатара А.І. Пятрова ў фінансавым пытанні. Гарадскі галава ў 1885 г. вёў перамовы з начальнікам

Мінскай губерні пра “перадачу гораду пазыкі на прывядзенне ў парадак гарадскіх водаправодаў 6 тысяч руб. з сум, сабраных на дапамогу пагарэльцам...”. Губернатар згаджаўся адпусціць гораду патрэбную суму ў якасці пазыкі, але з выплатаю на працягу шасці гадоў з працэнтамі. Пры гэтым у выпадку якога-небудзь бедства патрабавалася вярнуць увесь заняты капітал. Гарадская дума прыняла гэтыя ўмовы [9, арк. 11–11 зв.].

Паляпшэннем пазнавальнасці вулічнай сеткі займаўся мінскі губернатар А.Ф. Гірс (1912–1915). 22 сакавіка 1913 г. ён выдаў абавязковую пастанову для мястэчак і дачных пасёлкаў Мінскай губерні аб нумарацыі дамоў і сядзіб. Уладальнікі абавязваліся пазначаць нумары сваіх дамоў і сядзіб, а на рагавых дамах – вывешваць табліцы з пазначэннем назвы вуліц [10, арк. 4]. 24 сакавіка 1913 г. А.Ф. Гірс паведаміў міністру ўнутраных спраў аб выданні згаданай пастановы і абгрунтаваў свае дзеянні. Мінскі губернатар тлумачыў, што нумарацыя дамоў і ўчасткаў значна палегчыла б выкананне работ пры абкладанні маёмасцей падаткам [10, арк. 13–13 зв.].

Губернатары клапаціліся і пра развіццё новых сродкаў сувязі. Так, магілёўскі губернатар М.А. Зіноўеў (1893–1901) вёў перапіску з Галоўным упраўленнем пошт і тэлеграфаў аб наладжванні ў Магілёве тэлефоннай сувязі. Але хадайніцтва пра ўладкаванне гарадской тэлефоннай сеткі магло быць распачата толькі па ўнясенні паловы ўсталяванай за карыстанне ёй гадавой платы. Таму, згодна з выстаўленай таксай, 27 жніўня 1898 г. губернатар прасіў усіх, хто выказаў згоду на карыстанне тэлефонам, унесці абаненцкую плату за паўгода наперад у памеры 37 руб. 50 кап. [11, арк. 7].

І гэты заклік знайшоў водгук. Зацікаўленыя прыватныя асобы і ўстановы ўносілі плату і прысылалі квітанцыі губернатару [11, арк. 14–19]. Некаторыя ж чыноўнікі, такія як старшыня Магілёўскага акруговага суда, адмаўляліся ад усталявання тэлефоннай сувязі з-за адсутнасці наяўных грошай [11, арк. 11].

Але пры М.А. Зіноўеве магіляўчане не дачакаліся правядзення ў горадзе тэлефоннай сеткі. Галоўнае ўпраўленне пошт і тэлеграфаў праз начальніка Мінскай паштова-тэлеграфнай акругі 31 ліпеня 1901 г. праінфармавала ўжо наступнага магілёўскага губернатара М.К. Сямякіна (1901–1902), што “ў цяперашні час не мяркуецца ўладкавання ў г. Магілёве ўрадавай тэлефоннай сеткі для агульнага карыстання” [11, арк. 52].

Аднак вырашаць гэтае пытанне працягваў яго пераемнік М.М. Клінгенберг (1902–1905). У 1903 г.

ён ізноў хадайнічаў у Галоўнае ўпраўленне пошт і тэлеграфу наконт наладжвання ў Магілёве тэлефоннай сеткі. Нарэшце, 21 верасня 1903 г. яно паведаміла губернатару, што “зроблены ўсе распараджэнні і сетку мяркуецца адкрыць восенню бягучага года” [12, арк. 52–52 зв., 57].

Падтрыманне належнага санітарнага стану населеных пунктаў і барацьба з эпідэміямі становіліся неад’емным клопатам для начальнікаў губерняў. Напрыклад, віленскі губернатар С.Ф. Панюцін (1863–1868) у 1866 г. актыўна спрыяў спыненню эпідэміі халеры ў Вільні. Гарадская супольнасць нават хацела ўручыць С.Ф. Панюціну ганаровае грамадзянства, але ён адмовіўся [13, с. 294].

Для папярэджвання эпідэміі халеры і воспы віцебскі губернатар П.Я. Растоўцаў хадайнічаў у міністра ўнутраных спраў аб фінансаванні аплаты дадатковых фельчараў і дактароў, а таксама аб набыцці медыкаментаў. Губернатар арганізаваў бясплатную вакцынацыю ад воспы для бедных жыхароў і пасадзейнічаў заснаванню ў 1874 г. Віцебскага медыцынскага таварыства [1, с. 182–183].

Наступствы эпідэміі у тагачасных гарадскіх умовах маглі быць жудаснымі. Таму начальнікі губерняў актыўна сачылі за адпаведнай інфармацыяй і рабілі неабходныя захады ў выпадках пагрозы заразнай хваробы.

Камісія аб мерах папярэджвання і барацьбы з чумнаю пошасцю аб’явіла 4 мая 1910 г. Віцебскую губерню ў стане пагрозы халеры. У сувязі з гэтым губернатар Б.Б. Гершаў-Флотаў (1904–1911) прыняў неадкладныя меры. 5 мая ён выдаў абавязковую пастанову, якая ўтрымлівала падрабязныя санітарныя патрабаванні для мясцовых жыхароў. За іх парушэнне прадугледжвалася грашовае пакаранне да 300 рублёў або арышт да 3 месяцаў [14, арк. 192–193]. 6 мая 1910 г. павятовым спраўнікам і паліцмайстрам Віцебскай губерні спешна было разаслана распараджэнне аб расклейцы пастановаў ва ўсіх больш-менш значных населеных пунктах губерні [14, арк. 116–117]. Падобныя адміністрацыйныя захады спрыялі пераадоленню наступстваў эпідэміі.

З прычыны моцнага распаўсюджвання ў паветах Мінскай губерні натуральнай воспы ў цыркуляры ад 1 сакавіка 1881 г. губернатар А.І. Пятроў экстранна прадпісаў павятовым спраўнікам правесці наўнасць у фельчараў у дастатковай колькасці воспеннага матэрыялу. У адваротным выпадку ён загадваў распарадзіцца аб яго набыцці. Губернатар таксама прапаноўваў, па магчымасці, сачыць за спраўным прышчэпленнем воспы. А.І. Пятроў абавязваў павятовых спраўнікаў у выпадку ўзмацнення натуральнай воспы даносіць яму і ўсялякімі

мераў растлумачваць сялянам усю неабходнасць і карысць прышчэплення [15, арк. 3–3 зв.].

У сваёй дзейнасці губернатары надавалі значную ўвагу і супрацьпажарным мерапрыемствам. Пажары былі частай з’явай у другой палове XIX – пачатку XX ст. Таму губернатары падчас інспектарскіх паездак удзялялі даволі часу на ацэнку і прыкладзенне ў парадак стану супрацьпажарнай бяспекі.

Так, праверка ў 1872 г. магілёўскім губернатарам А.С. Дамбавецкім (1872–1893) дзейнасці магілёўскай пажарнай каманды паказала яе поўную неэфектыўнасць. У выніку начальнік губерні распарадзіўся пакараць вінаватых і выправіць недахопы [2, с. 44].

Падобныя інспекцыі праводзіў выконваючы пасаду (в.п.) магілёўскага губернатара А.І. Пільц (1910–1916). У цыркуляры ад 22 чэрвеня 1910 г. ён прасіў звярнуць увагу земскіх начальнікаў і павятовых спраўнікаў Магілёўскай губерні на “ўтрыманне ў поўным парадку сельскіх і валасных пажарных абозаў”. З’яўленне гэтага дакумента стала вынікам праверкі аднаго з валасных праўленняў, дзе ў нядбайным стане знаходзіўся пажарны абоз: “...рукаў ад машыны разарваны, самая машына ляжала ў нейкім хляве, калёсы з-пад яе знаходзіліся ў іншым месцы і, відавочна, служылі і для іншых мэт і, нарэшце, ні бочак, ні вёдраў пры абозе не існуе”. Начальнік губерні з сумам канстатаваў гэты факт, паколькі штодня паступалі весткі пра пажары, “ахвярамі якіх робяцца цэлыя паселішчы” [16, с. 155].

Звярталі на гэтыя абставіны ўвагу і віцебскія губернатары. Калі да П.Я. Растоўцава ў 1870 г. паступіла прапанава аб паляпшэнні пажарнай часткі, то ён распарадзіўся паведаміць пра гэта адмысловай камісіі і асобна прапанаваў камісіі арганізаваць памяшканне для пажарнай каманды [1, с. 180–181].

У Віцебскай губерні былі заснаваны вольныя пажарныя таварыствы. П.Я. Растоўцаў хадайнічаў аб зацвярджэнні іх статутаў і бяспшліннага правозу з-за мяжы пажарнага рыштунку для гэтых таварыстваў [1, с. 181].

Клапаціліся аб пажарнай бяспецы і ў Гродзенскай губерні. Пры аглядзе гродзенскім губернатарам М.М. Цэймернам (1879–1883) брэсцкага пажарнага абозу ён заўважыў шматлікія няспраўнасці. У сувязі з тым, што набыццё і рамонт пажарнага абозу фінансавалася з гарадскога бюджэту, начальнік губерні 30 мая 1879 г. прасіў брэсцкага гарадскога галаву “прыняць са свайго боку самыя энергічныя меры, каб пажарны абоз у даволі хуткі час быў прыведзены ў спраўнасць...” [17, арк. 4–5].

Працавалі эфектыўна і віленскія губернатары. У справаздачы за 1894 г. віленскі губернатар М.А. Грэвеніц (1885–1895) адзначаў наяўнасць для тушэння пажараў у сельскай мясцовасці толькі “першабытных прылад”. Набыццё спецыяльных супрацьпажарных матэрыялаў за кошт сялян, якія не мелі для гэтага сродкаў, было немагчыма. Таму начальнік губерні, згодна з заключэннем губернскай па сялянскіх справах прысутнасцю, звярнуўся да генерал-губернатара П.В. Аржэўскага з просьбай аб дазvole “расходаваць штогод па 20000 р. са страхавога капіталу на паступовае набыццё для валасцей вогнегасільных снарадаў без патрабавання ад сялян вяртання гэтых грошай”. Імператар, які азнаёміўся са справаздачай, пакінуў адзнаку насупраць гэтай прапановы – “пажаданая мера” [18, арк. 6–7].

Такім чынам, важным накірункам у дзейнасці начальнікаў губерняў было забеспячэнне надзейнага пажарна-санітарнага стану ў губерні для папярэджвання непажаданых наступстваў.

Неад’емнай галіной у сацыяльна-эканамічнай сферы, дзе праяўлялася губернатарская актыўнасць, была сістэма аховы здароўя. Лячэбныя ўстановы абавязкова правяраліся губернатарам. У выпадках выяўлення хібаў ён падпісваў іх выпраўляць.

Так, у поле зроку віцебскага губернатара У.М. Вярхоўкіна (1863–1867) трапіла бязладдзе Віцебскай яўрэйскай бальніцы. Таму 12 кастрычніка 1865 г. ён прапанаваў Віцебскаму губернскаму праўленню зрабіць наступныя распараджэнні: папоўніць адсутную колькасць бальнічных рэчаў; абавязаць апекуноў бальніцы выконваць прынятыя абавязкі “не на словах, а на справе”; невылечных і састарэлых хворых аддаць на апеку сваякоў або дабрачынцаў; зладзіць вонкавы парадак у бальнічным доме; запатрабаваць справаздачу прыходу і выдатку грашовых сум бальніцы [19, арк. 1–1 зв.].

У 1880 г. губернатар В.В. фон Валь (1880–1884), які абрэвізаваў Віцебскую губерню, станоўча выказваўся аб заснаванні сельскай бальніцы ў г. Гарадку. Яна існавала на сродкі сялян, мела “зручнае памяшканне” і ўтрымлівалася “даволі прыстойна”. Начальнік Віцебскай губерні загадаў паведаміць пра гэта ва ўсе павятовыя па сялянскіх справах прысутнасці, “звярнуўшы іх асабліваю ўвагу аб пажаданасці ўстановы такіх і па іншых гарадах” [20, арк. 151 зв., 175].

Звярталі ўвагу на стан аховы здароўя і ў Гродзенскай губерні. Пры аглядзе Гродзенскай бальніцы мясцовы губернатар М.М. Цэймерн выявіў недахопы ў матэрыяльным забеспячэнні (казённая бялізна і пасцельныя рэчы без належных

клеймаў) і ў харчаванні (“капуста апынулася цалкам нікуды непрыдатнай”). Ён звярнуў увагу і на ўмовы ўтрымання хворых: “...я прызнаю нязручным, трыманне пры бальнічнай установе хатняга быдла, якім абзавёўся наглядчык бальніцы”. З прычыны гэтага 11 чэрвеня 1879 г. губернатар прапаноўваў Гродзенскаму прыказу грамадскай апекі ліквідаваць заўважаныя нязручнасці [17, арк. 12–13].

У справе аховы здароўя губернатары не толькі праводзілі праверкі, але і рабілі больш даступным медыцынскае абслугоўванне. Па прапанове мінскага губернатара В.І. Чарыкава былі арганізаваны перасоўныя лазарэты, якія маглі аказваць медыцынскую дапамогу і ў сельскай мясцовасці [3, с. 239].

Такім чынам, сістэма аховы здароўя была адным з прыярытэтных накірункаў у дзейнасці начальнікаў губерняў.

Безумоўна, ажыццяўленне рэформаў у сельскай гаспадарцы не абыходзілася без удзелу губернатараў. Напярэдадні Сталыпінскай аграрнай рэформы ўказам ад 4 сакавіка 1906 г. ствараліся губернскія і павятовыя землеўпарадкавальныя камісіі. Губернскія камісіі павінны былі стварацца пад старшынствам губернатара. Як адзначае даследчыца А.А. Падарожняя, “да канца існавання імперыі, губернскія ўлады ў Беларусі захавалі за сабой поўны кантроль над сялянскім самакіраваннем і яго рэфармаваннем”, паколькі спецыялісты, якія праводзілі аграгэаграфічныя мерапрыемствы, знаходзіліся пад наглядам губернатара. Напрыклад, у Віцебскай губерні значныя сродкі на аграгэаграфічныя патрэбы вылучаліся земствам і губернскай землеўпарадкавальнай камісіяй [21, арк. 66].

У копіі журнала прыватнай нарады земскіх начальнікаў Рэчыцкага павета, якая адбылася 19 мая 1913 г., зафіксавана асабістая прапанова мінскага губернатара А.Ф. Гірса. Праз павятовага прадвадзіцеля дваранства ён звяртаў увагу на пажаданасць “пераходу сельскіх грамад ад натуральнага праз перадачу хлеба ў крамы да грашовага спосабу харчовага забеспячэння сельскага насельніцтва”. На нарадзе падтрымалі гэту прапанову і вырашылі для яе ажыццяўлення прыняць усе неабходныя меры [22, арк. 115]. Такім чынам, губернатар садзейнічаў больш прагрэсіўным рынкавым адносінам гаспадарання.

Начальнікі губерняў звярталі ўвагу і на становішча ў прамысловасці. У штогадовых справаздачах губернатары нярэдка прыводзілі не толькі ацэнкі бягучага стану сацыяльна-эканамічнага развіцця губерні, але і свае прапановы.

Так, магілёўскі губернатар А.П. Беклемішаў (1857–1868) у справаздачы імператару за 1865

г. падкрэсліваў недастатковае развіццё мясцовых фабрык і заводаў. Пры гэтым ён выказваў спадзяванне, што “заводская прамысловасць у выніку адмены прыгоннага права значна тут будзе развівацца”, бо губерня багатая на лес і суднаходныя рэкі [23, арк. 19 зв.–20].

Начальнікі губерняў аналізавалі прычыны таго ці іншага стану прамысловага развіцця. “Па недахопу прадпрымальнасці і капіталаў і адсутнасці тэхнічнай адукацыі фабрычная і заводская прамысловасць у Віленскай губерні развіта слаба”, – пісаў віленскі губернатар А.М. Жамчужнікаў (1882–1885) у справаздачы за 1883 г. [24, арк. 4–4 зв.].

У справаздачы за 1872 г. віцебскі губернатар П.Я. Растоўцаў ахарактарызаваў застоіны стан у развіцці мясцовай прамысловасці і гандлю. Таму ён прызнаваў вельмі карысным для паляпшэння эканамічнага стану адкрыццё ў Віцебску аддзялення Дзяржаўнага банка. У гэтым яго падтрымала і віцебская гарадская супольнасць. У сувязі з гэтым губернатар уваходзіў з прадстаўленнем да міністра фінансаў [1, с. 177–178]. Але з-за чаргі падобных хадайніцтваў просьба не магла быць задаволена ў бліжэйшы час [25, арк. 126].

Намаганні кіраўнікоў губернскай адміністрацыі накіроўваліся на ўдасканаленне шляхоў зносінаў. Напрыклад, губернатар А.П. Беклемішаў адзначаў вельмі слабае разгортванне суднаходства ў Магілёўскай губерні і лічыў, што прычына таго “заклучаецца ў Дняпроўскіх мелях і засмечанасці рэчышча”. Са свайго боку ён тлумачыў манарху: “...адносна паглыблення фарватара на найгалоўных мелях ... вядзецца цяпер перапіска з ведамствам шляхоў зносінаў” [23, арк. 21 зв.]. Яшчэ чыноўнік прапаноўваў злучыць адмысловай веткай Віцебска-Смаленскую чыгунку з Магілёвам – “крайнім пунктам суднаходнага Дняпра” і “перадавым портам дзейнасці па русіфікацыі супраць апалчанага захаду” [23, арк. 43 зв.]. Адсюль вынікае, што ў сваіх прапановах па гаспадарчым развіцці губерні А.П. Беклемішаў кіраваўся не толькі эканамічнымі чыннікамі, але і палітычнымі.

Мадэрнізацыя Расійскай імперыі патрабавала развіцця транспартнай сістэмы, у тым ліку і на беларускіх землях.

Ініцыятывы будаўніцтва чыгунак часта ўзнікалі з боку прыватных асоб. Так, у пачатку 1860-х гг. група буйных палескіх землеўладальнікаў хадайнічала аб правядзенні чыгуначнай лініі, якая злучыла б Беласток з Пінскам. У 1862 г. Аляксандр II дазволіў ажыццявіць падобны праект, але без урадавага фінансавання. Таму стваралася адмысловае акцыянернае таварыства Літоўскай чыгункі і пла-

навалася пабудаваць лінію на працягу 1863–1865 гг. Але ў сувязі з паўстаннем 1863–1864 гг. гэты праект адмоўна ацаніў Заходні камітэт. На яго думку, чыгунка служыла б умацаванню сувязі беларускіх губерняў з польскімі, а не з Цэнтральнай Расіяй. Таму імператар зацвердзіў забарону [26, с. 123, 125–126]. Гэты прыклад паказвае тое, што будаўніцтва чыгунак нават за некажэнны кошт не магло ажыццяўляцца, калі гэта супярэчыла ваенна-стратэгічным ці палітычным планам імперскага ўрада.

У гэтыя працэсы ўцягваліся і галоўныя адміністратары губерні.

Так, у 1882 г. слуккі павятовы прадвадзіцель дваранства хадайнічаў ад імя мясцовых памешчыкаў перад мінскім губернатарам А.І. Пятровым аб правядзенні чыгункі паміж г. Слуцкам і станцыяй Гарадзей. Ён тлумачыў, што Слуцкі павет з’яўляецца ўрадлівай мясцовасцю губерні і вырабляе значныя запасы хлеба. Да таго ж у павеце значная колькасць ляснога матэрыялу. Але “пры адсутнасці ж водных ды чыгуначных зносінаў з гандлёвымі пунктамі надзвычай шмат губляецца ў матэрыяльных адносінах і сапраўды вельмі мае патрэбу ў правядзенні чыгункі” [27, арк. 1–1 зв.].

15 мая 1882 г. в.п. губернатара віцэ-губернатар І.П. Альбядзінскі (1876–1886) звярнуўся з гэтым хадайніцтвам у Праўленне Маскоўска-Брэсцкай чыгункі і прасіў паведаміць: “...ці можна чакаць, што пытанне аб злучэнні г. Слуцка з лініяй Маскоўска-Брэсцкай дарогі будзе вырашана ўрадам у сцвярдзальным сэнсе” [27, арк. 3].

Таварыства Маскоўска-Брэсцкай чыгункі 20/21 ліпеня 1882 г. са свайго боку зрабіла заключэнне аб неабходнасці правядзення чыгункі. Таварыства спадзявалася “на гатоўнасць мясцовых землеўладальнікаў, зацікаўленых у правядзенні веткі, аказаць сваё матэрыяльнае садзейнічанне” для ажыццяўлення гэтага праекта і прасіла губернатара хадайнічаць перад урадам “аб здавальняючым вырашэнні пытання...” [27, арк. 4–4 зв.].

Мінскі губернатар А.І. Пятроў прадпісаў паліцэйскім Слуцкага і Навагрудскага паведаў Мінскай губерні “аказаць поўнае садзейнічанне” інжынеру і камерцыйнаму агенту. Іх камандзіравала Праўленне Маскоўска-Брэсцкай чыгункі для збору звестак, неабходных пры абмеркаванні ўмоў уладкавання пад’язной чыгуначнай веткі ад Слуцка да станцыі Гарадзья Маскоўска-Брэсцкай чыгункі [27, арк. 12]. Але праз Слуцк чыгунка так і не прайшла [28, с. 22]. Таму хадайніцтвы губернатара і слуккіх землеўладальнікаў не мелі поспеху.

Зусім па-іншаму разгортваліся падзеі пры ініцыяванні будаўніцтва чыгункі “зверху”. З кра-

савіка 1882 г. імператар ухваліў прапанову ваеннага міністра “аб пабудове распараджэннем ваеннага ведамства ўчастка чыгункі ад станцыі Жабінка, Маскоўска-Брэсцкай чыгункі, да г. Пінска, даўжынёй 138 верст”. Для падрыхтоўчай работы над гэтай лініяй Ваенным міністэрствам былі камандзіраваны ў Мінскую губерню інжынеры і тэхнікі, якія забяспечваліся адкрытымі лістамі ад Галоўнага штаба. 7 мая 1882 г. Дэпартамент агульных спраў МУС па распараджэнні міністра прасіў мінскага губернатара загадаць мясцовым уладам аказваць гэтым спецыялістам “садзейнічанне пры выкананні ўскладзенага на іх даручэння” [29, арк. 1–1 зв.].

Часовае кіраўніцтва па пабудове Жабінка-Пінскай чыгункі 30 мая 1882 г. паведаміла начальніку Мінскай губерні, што з ліпеня плануе распачаць будаўніцтва, у сувязі з чым прасіла распарадзіцца “павятовым, валасным і сельскім уладам ... губерні аб аказанні агентам ... садзейнічання...” [29, арк. 6–6 зв.].

9 чэрвеня 1882 г. мінскі губернатар падпісаў пінскаму павятовому спраўніку аказаць падтрымку галоўнаму агенту па адчужэнні маёмасцей і іншым асобам, якія знаходзяцца ў яго распараджэнні, і паведаміць пра гэта ўладальнікам участкаў, землі якіх адышлі пад будаўніцтва чыгункі [29, арк. 7].

Работы па Жабінка-Пінскай чыгунке вяліся хутка, і ўжо 9 лістапада 1882 г. яе адкрылі для перавозкі пасажыраў і тавараў [26, с. 129].

Такім чынам, праекты будаўніцтва чыгунак, прапанаваныя з цэнтра і важныя з пункту гледжання ваеннай стратэгіі, былі больш паспяховымі, чым ініцыятывы грамадскай супольнасці, якія падтрымліваў начальнік губерні. Гэта сведчыць аб тым, што цэнтральная ўлада пакідала для губернатараў не бязмежны ўплыў на ход мясцовага жыцця. Агульнадзяржаўныя інтарэсы мелі перавагу над мясцовымі.

Некаторыя губернатары імкнуліся максімальна палепшыць стан губерні за тэрмін свайго кіравання. Так, начальнік Магілёўскай губерні А.С. Дамбавецкі адразу пасля прызначэння пачаў праводзіць у жыццё змены, накіраваныя на ліквідацыю запазычанасцей перад дзяржавай [2, с. 39].

У 1874 г. па яго прадстаўленні Міністэрства фінансаў згадзілася адтэрмінаваць нядоімкі сялян на 10 гадоў. Прычым на працягу гэтага тэрміну прадугледжвалася “спаганяць аклады выкупных плацяжоў у палавінным памеры, пры гэтым дадаць іншую палову да нядоімкі, пагашэнне якой павінна пачацца па заканчэнні 10 гадоў” [2, с. 39–40].

А.С. Дамбавецкі таксама настаяў на тым, каб сяляне, згодна з указам імператара ад 2 лістапада 1863 г., атрымалі прырэзкі, якія не былі ім перададзены. Акрамя таго, пры А.С. Дамбавецкім была ўстаноўлена часовая апека над сялянскімі гаспадаркамі і нават цэлымі вёскамі, якія мелі значныя нядоімкі [2, с. 40–41].

Фінансаванне сялянскага самакіравання забяспечвалася за кошт сялян. З падачы А.С. Дамбавецкага гэтая катэгорыя расходаў сялянскага насельніцтва зведала рэструктурызацыю. Напрыклад, жалаванне валаснога старшыні і пісара было значна паніжана, што скарачала расходы сялянскай сям’і [2, с. 41–43].

Пры ўладзе А.С. Дамбавецкага ажыццяўляліся меры, накіраваныя на змяншэнне нядоімак яўрэйскага насельніцтва. Для гэтага нядоімкі ўключаліся ў суму каробачнага збору. Такім чынам адбылося перанясенне падатковага цяжару з бедных яўрэяў на больш заможных. Новаўвядзенні аказаліся эфектыўнымі і змаглі пакрыць запазычанасці бяднейшых кагалаў [2, с. 43].

Тым не менш у пачатку 1880-х гг. МУС адзначала, што “акладныя зборы як з сельскіх жыхароў, так і з прыватных уласнікаў паступалі ў апошнія гады вельмі нездавальняюча”. Міністэрства разлічвала пры парадку, які ўжо ўсталяваўся, на паспяховае паступленне падатных плацяжоў з сялян. Але значнае назапашванне нядоімак лічылася за прыватнымі землеўладальнікамі. Таму губернатар А.С. Дамбавецкі 22 лістапада 1883 г. па просьбе міністра ўнутраных спраў падпісваў чынам паліцыі, каб “яны пры спагнанні надалей акладных збораў дакладна і няўхільна кіраваліся ўказаннямі, якія існуюць у законе” [30, арк. 60].

Варта згадаць, што былі начальнікі, якія больш думалі пра ўласны дабрабыт, чым пра развіццё даручанай ім губерні. Напрыклад, чыноўнік У.М. Токараў у 1876 г. быў прыцягнуты да суда за злоўжыванні падчас знаходжання на пасадзе мінскага губернатара [3, с. 229–230].

Заклучэнне. Такім чынам, рэгламентаваная заканадаўствам дзейнасць начальнікаў пяці беларускіх губерняў была шматбаковай. Яе сутнасць заключалася ў рэальнай ацэнцы наяўнай сітуацыі, выяўленні праблем і прыняцці мер, накіраваных на іх вырашэнне рознымі organami. Апошняе адбывалася праз распараджэнні падначаленым асобам, установам і хадайніцтвы вышэйшаму кіраўніцтву. Адным з прыярытэтных накірункаў у дзейнасці губернатараў было забеспячэнне надзейнага пажарна-санітарнага стану і падтрыманне сістэмы аховы здароўя. Кіраўнікі беларускіх губерняў ака-

звалі пэўны ўплыў на ўрадавую палітыку, часта выступалі з прапановамі і асабіста садзейнічалі (праз службовую зацікаўленасць) сацыяльна-эканамічнаму развіццю падначаленых тэрыторый (банкаўская сфера, шляхі зносін, водаправод, тэлефон, нумарацыя дамоў і назвы вуліц, падаткаабкладанне, пазыкі і субсідыі). Праўда, губернатарскія ініцыятывы (адкрыццё банкаўскай установы, будаўніцтва чыгуначнай веткі і інш.) нярэдка замазваліся ці ўвогуле не падтрымліваліся з боку вышэйшага начальства па фінансавых, палітычных або ваенна-стратэгічных прычынах. Пры гэтым у першую чаргу важную ролю адыгрывалі палітычныя разлікі ўрада, а гаспадарчы інтарэс беларускага насельніцтва адыходзіў на другі план.

Літаратура

- Вернер, И.Л. На губернаторском посту (о деятельности Павла Яковлевича Ростовцева по управлению Витебской губернией в 1869–1880 гг.) / И.Л. Вернер // Архивариус: сб. науч. паведамл. і арт. / рэдкал.: Ю.М. Бохан [і інш.]. – Мінск: НГАБ, 2007. – Вып. 5. – С. 175–187.
- Сидоренко, Б.И. Могилевский губернатор Александр Станиславович Дембовецкий и его время / Б.И. Сидоренко. – Могилев: АмелияПринт, 2012. – 250 с.
- Бригадин, П.И. Минские губернаторы: история власти / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – 351 с.
- Свод законов Российской империи: изд. 1857 г.: [в 16 т.]. – СПб., 1857. – Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. – 1474 с.
- Общий наказ гражданским губернаторам: именной указ Сенату, 3 июня 1837 г., № 10303 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2: в 55 т. – СПб., 1838. – Т. 12: Отд. 1. – С. 361–439.
- Юрочкин, М.А. Реформа городского самоуправления в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / М.А. Юрочкин. – Гомель: Белницэкологія, 2002. – 151 с.
- Подорожная, Е.А. Проект витебского губернатора В.М. Долгорукова по реформированию городского самоуправления / Е.А. Подорожная // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. работ / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В.В. Бушик (отв. ред.), Д.И. Наумов, Г.А. Космач [и др.]. – Минск: БГПУ, 2011. – С. 35–40.
- Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1931. Сведения о результатах ревизии уездных присутственных мест и учреждений, произведенной начальником губернии. 23.06.1868–05.11.1868.
- НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3976. Дело об исправлении городских водопроводов Минской городской управой. 15.06.1885–01.01.1903.
- НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 8308. Дело об издании обязательного постановления о нумерации домов, усадеб в местечках и дачных поселках Минской губ. 22.03.1913–06.09.1913.
- НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1146. Переписка с Главным управлением почт и телеграфов об устройстве в гор. Могилеве телефонной станции. 27.06.1901–17.08.1901.
- НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1853. Дело об устройстве в гор. Могилеве телефонной сети и план гор. Могилева. 24.07.1902–09.10.1903.
- Майков, П.М. Панютин, Степан Феодорович / П.М. Майков // Русский биографический словарь: в 25 т. – СПб.–М., 1896–1918. – Т. 13: Павел, преподобный – Петр (Илейка). – 1902. – С. 293–296.
- НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 2. Спр. 705. Дело об объявлении в положении усиленной охраны гор. Полоцка, Двинска, Речицы и др. 24.03.1905–23.11.1910.
- НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3584. Циркуляр губернатора уездным исправникам о принятии мер по прививке против заболеваний натуральной оспы в губернии. 27.02.1881–01.03.1881.
- Могилевские губернские ведомости. – 1910. – 26 июня. – № 50.
- Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Гродна. – Ф. 1. Воп. 8. Спр. 2. Дело о ревизии губернатором присутственных мест по уездам губернии. 22.05.1879–17.12.1879.
- Навукова-даведачная бібліятэка Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва. – Папка 87673. Всеподданнейший отчет виленского губернатора за 1894 г. – 11 арк.
- НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 52604. Дело по предписанию витебского губернатора Витебскому губернскому правлению о приобретении для Витебской еврейской больницы необходимых больничных вещей и наведении надлежащего там порядка. 12.10.1865–13.10.1865.
- НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 3. Спр. 14619. Дело по предложению витебского губернатора о ревизии, произведенной им по всем уездам Витебской губернии. 26.07.1880–05.11.1880.
- Подорожная, Е.А. Местные органы государственной власти и управления в Беларуси (1861–1914 гг.): структура, функции, кадры: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.А. Подорожная. – Минск, 2014. – 180 л.
- НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 8105. Дело о службе минского губернатора действительного статского советника А.Ф. Гирса. 26.11.1912–08.08.1915.
- НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 975. Сведения к годовому отчету за 1865 г. 17.03.1865.
- Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 1284. Воп. 223. 1884 г. Спр. 89. Дело со всеподданнейшим отчетом о состоянии Виленской губернии за 1883 г. 07.05.1884–25.06.1884.
- НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 35222. Материалы ко всеподданнейшему отчету по Витебской губ. за 1872 г. 28.12.1872–02.04.1873.
- История белорусской железной дороги. Из XIX века – в век XXI: 1862–2012 / В.В. Яновская [и др.]. – Минск: Мастацкая літаратура, 2012. – 958 с.
- НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3716. Дело о разрешении помещикам Слуцкого уезда построить железнодорожную ветвь от гор. Слуцка до ст. Городеи Московско-Брестской жел. дороги. 29.04.1882–28.08.1882.
- Обзор Минской губернии за 1901 год. – Минск: Минский губернский статистический комитет, 1902. – [2], 47, [48] с.
- НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 3717. Дело о строительстве участка железной дороги от ст. Жабинка до гор. Пинска Московско-Брестской железной дороги. 10.05.1882–14.08.1882.
- НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 1187. Циркуляры губернатора (копии) об открытии церковно-приходских школ при церквях. Списки иностранных подданных. 08.01.1883–31.12.1883.

Паступіў у рэдакцыю 03.04.2019 г.

Фотографии в газете «Сталинская молодежь» (конец 1930-х гг.) как визуальный источник по истории культуры советской Беларуси

Яценко О.Г.

Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины», Гомель

Сегодня визуальные источники вполне оправданно все чаще входят в круг материалов, которые вовлекаются историками в процесс научного исследования. Они не только широко и образно дополняют письменные свидетельства, но во многих случаях весьма содержательны как самостоятельный вид источника. В числе таких материалов особое место принадлежит документальной фотографии. К ее изучению неоднократно обращались специалисты. Историография вопроса довольно обширна, подходы к рассмотрению фотоизображений уже стали классическими и широко заявлены не только в научной, но и учебной литературе. Вместе с тем по-прежнему актуально обращение к конкретным фотоматериалам, характеризующим отдельные аспекты отечественной истории и культуры накануне Великой Отечественной войны.

Цель исследования — характеристика культуры советской Беларуси довоенных лет на основе фотографий, опубликованных на страницах газеты «Сталинская молодежь» (1938).

Материал и методы. Автор обратилась к подборке фотографий в газетах предвоенного времени на примере издания «Сталинская молодежь» за 1938 год. Данный комплекс сохранился в достаточно полной мере. Газета «Сталинская молодежь» являлась органом Центрального Комитета ЛКСМБ, впоследствии она была переименована в «Знамя юности». Газета выходила несколько раз в неделю, поэтому общая численность фотоиллюстраций за календарный год достигала для тех десятилетий огромного количества. Это издание было очень разнообразно по подбору фото и позволяет ныне охарактеризовать культурные традиции советской эпохи.

Применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также специально-исторические — историко-типологический и историко-сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Обширные фотоматериалы связаны с историей развития образования, театра, музыки, спорта, праздничной и национальной культуры. Фотоснимки в газете дают основание для выводов об эволюции советской культуры в целом и ее проявлениях в разных союзных республиках. Фотографии как источник обладают высокой степенью объективности, так как воспроизводят реальные картины жизни. Однако в подборках фотографий по истории культуры БССР предвоенных лет очевидна лакировка событий за счет ограничений изображений, тенденциозной выборки в пользу положительных сюжетов.

Заключение. Важной особенностью отбора фотоизображений по истории культуры, как и по другим темам, являлся принцип насаждения коллективного начала в культуре и искусстве. Излюбленными сюжетами выступали массовые мероприятия — демонстрации, физкультурные парады, коллективные чтения, многолюдные сцены в спектаклях. Исключение негатива, сопровождавшего строительство государства, также было непреложным правилом при формировании комплексов фотографий для публикации в газете. Преобладали группы молодежи, что соответствовало не только идеям социалистического строительства и роли молодежи в обществе, но и основному направлению самого издания ЛКСМБ.

Ключевые слова: Беларусь, советская культура, фотография, исторический источник, газета, молодежь, детство, праздник.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 41–45)

Photos in the “Stalin Youth” Newspaper (the Late 1930-s) as a Culture History Visual Source of the Soviet Belarus

Yashchenko O.G.

Educational Establishment “Francisk Skorina Gomel State University”, Gomel

Today, visual sources are justifiably more and more often included in the range of materials that are involved by historians in the process of scientific research. They not only widely and figuratively complement the written evidence, but in many cases are very informative as an independent source. Among these materials, a special place belongs to documentary

photography. Experts have repeatedly turned to its study. The historiography of the issue is quite extensive, approaches to the examination of photographs have already become classical and are widely stated not only in scientific, but also in educational literature. At the same time, it is still relevant to refer to specific photographic materials characterizing certain aspects of national history and culture on the eve of the Great Patriotic War.

The purpose of this study is to characterize the culture of Soviet Belarus before the War based on photographs published in the pages of the newspaper "Stalin Youth" (1938).

Material and methods. Let us turn to the selection of photographs in newspapers in the pre-war years on the example of the 1938 paper "Stalin Youth". This complex has been preserved to the fullest extent. The newspaper "Stalin Youth" was the paper of the Komsomol Central Committee, later it was renamed the "Banner of Youth". The newspaper was published several times a week, so the total number of photo illustrations for a calendar year reached a huge number for those decades. This publication was very diverse in the selection of photos and allows us today to characterize the cultural traditions of the Soviet period.

General scientific methods of analysis and synthesis, as well as special historical methods, the historical-typological and historical-comparative methods, were used.

Findings and their discussion. Extensive photographic materials are related to the history of the development of education, theater, music, sports, festive culture and national culture. Photographs in the newspaper provide a basis for conclusions about the development of Soviet culture in general and its manifestations in different Union Republics. Photos as a source have a high degree of objectivity, as they reproduce real pictures of life. However, in the selection of photographs on the history of culture of the BSSR of the pre-war years, the lacquering of events is obvious due to the limitations of images, tendentious selection in favor of positive subjects.

Conclusion. An important feature of the selection of photographic images on the history of culture, as well as on other topics, was the principle of introducing a collective principle in culture and art. Favorite plots were mass events — demonstrations, sports parades, collective readings, crowded scenes in performances. The elimination of the negative, which accompanied the construction of the state, was also an immutable rule in the formation of complexes of photographs for publication in the newspaper. Groups of young people predominate, which corresponded not only to the ideas of socialist construction and the role of young people in society, but also to the mainstream of the publication of the Lenin Communist Youth Union of Belarus.

Key words: Belarus, Soviet culture, photography, historical source, newspaper, youth, childhood, holiday.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 41–45)

В настоящее время визуальные источники вполне оправданно все чаще входят в круг материалов, которые вовлекаются историками в процесс научного исследования. Они не только широко и образно дополняют письменные свидетельства, но во многих случаях весьма содержательны как самостоятельный вид источника. В числе таких материалов особое место принадлежит документальной фотографии. К ее изучению неоднократно обращались специалисты. Историография вопроса довольно обширна, подходы к рассмотрению фотоизображений уже стали классическими и широко заявлены не только в научной, но и учебной литературе. Вместе с тем по-прежнему актуально обращение к конкретным фотоматериалам, характеризующим отдельные аспекты отечественной истории и культуры накануне Великой Отечественной войны.

Цель исследования — характеристика культуры советской Беларуси довоенных лет на основе фотографий, опубликованных на страницах газеты «Сталинская молодежь» (1938).

Материал и методы. Обратимся к подборке фотографий в газетах предвоенного времени на примере издания «Сталинская молодежь» за 1938 год. Данный комплекс сохранился в достаточно полной мере. Газета «Сталинская молодежь» являлась органом Центрального Ко-

митета ЛКСМБ, впоследствии она была переименована в «Знамя юности». Фоторафии размещались в каждом номере и в ряде случаев даже две-три на странице. Газета выходила несколько раз в неделю, поэтому общая численность фотоиллюстраций за календарный год достигала огромного для тех десятилетий количества. Это издание было очень разнообразно по подбору фотоматериалов, здесь публиковались не только портреты вождей и передовиков производства, но также многие кадры, имевшие познавательное значение для читателя и позволяющие ныне охарактеризовать культурные традиции советской эпохи.

Применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также специально-исторические — историко-типологический и историко-сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Обращение к характеристике истории культуры и повседневности жителей советской Беларуси на основе фотодокументов газеты «Сталинская молодежь» (1938 год) осуществляется впервые. Все представленные в номерах газеты фотоснимки по истории культуры БССР можно условно разделить на несколько тематических групп.

Обширные фотоматериалы связаны с историей развития образования. К их числу относятся

снимки о начале и завершении учебного года, процессе обучения [1]. Благодаря фотографиям можно оценить внимание государства к развитию высшей школы. Часто встречаются публикации фотоснимков, характеризовавших различные выступления студентов Белорусского государственного института физической культуры, в связи с освещением демонстраций и парадов, спортивного движения [2]. К тематике образования содержательно примыкает показ на фотографиях развития библиотечного дела – постановочные типовые фото молодежи с книгой. Ярким примером можно считать размещение фотографии с видом здания Государственной библиотеки имени В.И. Ленина в Минске [3].

Сюжет о чтении дополнялся публикацией материалов о юбилейных датах в мире литературы и искусства, а также о развитии театрального искусства Беларуси и пр. Особое место на страницах издания отводилось фотографиям скульптурных изображений, они были призваны не столько популяризировать собственно произведения искусства, сколько утверждать новые идеологические устои за счет пропаганды соответствующих тем. Упомянем в этом ряду фотографии скульптур Глебова «Красноармеец и колхозница танцуют белорусский народный танец “Лявониха”» и «На границе» (выполнена в соавторстве) [4].

Освещалась театральная жизнь Беларуси: в ряде случаев именно с помощью фото, запечатлевших новые театральные постановки. В номере за 16 декабря 1938 года обнаружены статья и фотография, свидетельствующие об истории деятельности театра кукол в Минске [5]. Примечательны фотоснимки о выступлениях самодеятельных коллективов. В качестве показательного примера приведем фотоматериал о выступлении клуба железнодорожников в Гомеле на третьей Всебелорусской олимпиаде художественной самодеятельности [6].

Праздничная культура также может быть реконструирована на основании газетных фотоматериалов. Встреча Нового года, развлечения возле украшенной елки отображали тенденции эволюции праздничной культуры горожан [7]. На фотоснимках можно найти показ и других праздничных дат календаря, огромное значение придавалось революционной тематике, особенностью таких фотографий было заказное шаблонное визуальное обеспечение торжеств.

Национальный колорит и его описание как декоративного элемента советской культуры присутствовало на страницах газеты «Сталин-

ская молодежь». Широко рекламировались через фотопубликации национальные костюмы белорусов, традиционные танцы – «Лявониха» [8]. Исследование подобных иллюстраций и комментариев к ним позволяет представить формы отражения национального вектора культуры в периодической печати как важную составляющую советской пропаганды. Белорусский компонент был обязательным при освещении разных сюжетов, но воплощение этой идеи происходило довольно однообразно и поверхностно, ключевым подходом выступала маркировка пространства и событийного ряда деталями, которые ассоциировались с принадлежностью к титульному этносу. Фотофиксация служила как удобное средство для достижения максимально эффективного результата, фотоизображения наглядно обрисовывали очертания тех или иных предметов и явлений и на подсознательном уровне прививали читателю мысль о присутствии в обществе внимания к национальным пластам культуры, при этом не предполагая глубокого погружения в суть национальной политики.

Счастливое детство как важный компонент советской культуры также обстоятельно преподносилось журналистами с позитивной стороны, этой теме посвящались целые страницы с фотографиями. К числу фото, показывающих мир советских детей, относятся публикации об отдыхе в пионерских лагерях, о купаниях в реке, а также о жизни самых маленьких групп детей в дошкольных учреждениях [9]. Часто фотографии детей прилагались к газетным статьям, призванным осветить учебу и досуг подростков, одобрить их активное участие в общественной жизни. Непременным условием была подача фотоматериалов в положительном ракурсе, дети представлялись на фото с улыбками на лицах, увлеченные теми или иными делами или развлечениями.

В некоторых случаях редакция газеты считала нужным давать информацию о тех или иных аспектах благоустройства городских территорий, например, об уходе за цветами в оранжереях Минска весной. На одном из выразительных фото – работница Минского треста зеленого строительства [10].

Кроме возможности воссоздания облика культуры в советской Беларуси фотоснимки в газете дают основание для выводов об эволюции советской культуры в целом и ее проявлениях в разных союзных республиках. Межэтнические культурные взаимосвязи в фотоматериалах прослеживаются четко, при этом следует отметить показ

культурных событий – фестивалей, праздников, выступлений танцевальных и музыкальных коллективов в Молдове и Украине, демонстрацию новых интересных архитектурных объектов в Грузии (например, новое здание Дома связи в Тбилиси) [11]. Практически все представлявшие читателю фотографии отражали официальный пласт культуры и содействовали процессам интернационализации.

В фокусе фотообъектива всегда оставалась столица Советского Союза Москва, пропаганда различных сторон жизни в ней активно осуществлялась и за счет представления будней и праздников москвичей: развлечения в Центральном парке имени М. Горького на аттракционе «Вертикальное колесо», присутствие на соревнованиях на первенство Москвы по теннису [12]. Значимые события в культурной жизни всей страны также отображались и становились более эффектными для восприятия молодых читателей с привлечением фотографии. В данном контексте необходимо отметить рекламу фильма «Волга-Волга», на фото в газете была показана улыбающаяся артистка Любовь Орлова, сыгравшая главную роль Дуни Петровой в этом знаменитом советском фильме [13]. Фотографии газеты несут информацию о жизни детей и подростков, развитии художественной самостоятельности на пространстве Советского Союза. В одном из номеров газеты запечатлены кадры из столичного Дома пионеров, который посетили участники детского ансамбля танца из Азербайджана во время декады азербайджанского искусства в Москве. На фото крупным планом фигурирует портрет юной участницы коллектива в национальном костюме [14].

Фотографирование происходило в разных городах, как правило, крупных культурных центрах, однако и малые городские населенные пункты становились целью для выезда фотокорреспондентов, если в них намечались важные мероприятия. И все же очевидно преобладание среди фотоиллюстраций тех, которые запечатлели Минск и значительные культурные объекты в различных городах БССР. Среди культурных объектов городского пространства в качестве самых распространенных на фотографиях следует назвать библиотеки, учреждения образования. К типичным фотоизображениям необходимо отнести одиночные и групповые постановочные портреты с атрибутами, свидетельствующими о роде занятий или связанными с конкретным событием (книга для учащихся, сценический костюм и ин-

терьеры сцены для артистов, пространства стадионов для спортсменов и пр.).

Авторство иногда указывалось путем записи фамилии фотокорреспондента (например, фото В. Грунтфеста, фото И.С. Шишко) и его принадлежности к Белсоюзфото либо под фотоизображением делалась подпись «Союзфото». Встречались и неподписанные фотоснимки. Наиболее часто в газетах за 1938 год ставились работы Л. Мазелева.

Несомненно, пристального внимания заслуживают комментарии к размещенным в номерах фотографиям. Чаще они представляли собой короткие информационные заметки о месте и времени события, об участниках, о приуроченности запечатленных действий к определенному торжеству, дате, актуальным процессам в советском обществе. Иногда фотографии иллюстрировали развернутые тексты по разным проблемам или прилагались к новостным колонкам. Отдельные фото представляли собой самостоятельные публикации, в каждом таком случае комментарий формировался с учетом цели размещения фото. Использовался и следующий прием – фотография дополняла не только текст, но и прилагалась к рисункам, которые сопровождали статью для усиления эмоционального воздействия.

Качество фото соответствовало техническим возможностям своего времени, необходимо также учитывать уровень развития полиграфии и технологию выпуска периодических изданий накануне Великой Отечественной войны. Здесь широко применялась ретушь, искусственное подчеркивание наиболее важных смысловых, в том числе идеологических, моментов. К их числу принадлежат специальная прорисовка имен вождей на праздничных плакатах, дат Великой Октябрьской социалистической революции на транспарантах и пр., лиц вождей и видных деятелей коммунистической партии и правительственных персон, знаковых с политической позиции объектов – особо выделялись контуры Дома правительства, а также очертания двигавшейся по центральным улицам на парадах военной техники для подчеркивания военной мощи страны и пр.

Сами фото как источник обладают высокой степенью объективности, так как воспроизводят реальные картины жизни. Однако в подборках фотографий по истории культуры БССР предвоенных лет очевидны лакировка событий за счет ограничений изображений, тенденциозной выборки в пользу мажорных сюжетов, создание иллюзии всеобщего счастья за счет демонстра-

ции исключительно радостных торжественных мероприятий, позиционирования только положительных персонажей, выбор объектов для фотографирования, в первую очередь, исходя из их классовой принадлежности и возможности на подобных примерах донести до широкого круга читателей актуальные идеи политической и социальной жизни. Впечатление от просмотра таких фотографий должна была усиливать публикация портретов выдающихся деятелей советской культуры как положительных примеров для подражания молодежи (например, фото А.В. Богатырева, композитора и кандидата в делегаты Верховного Совета БССР) [15].

Заключение. Изученный комплекс фотографий в газете «Сталинская молодежь» (1938 г.) и на его базе описание ряда аспектов культуры БССР в предвоенные годы доказывают высокий статус визуальных источников в исторических исследованиях, раскрывают перспективы привлечения подобных материалов для дальнейшей разработки историко-культурного развития Беларуси.

Важной особенностью отбора редакцией издания «Сталинская молодежь» фотоизображений по вопросам истории культуры, как и по другим темам, являлся принцип насаждения коллективного начала в культуре и искусстве, поэтому группы на фото всегда многочисленны, фотографии предпочитали общие планы. Излюбленными сюжетами выступали массовые мероприятия – демонстрации, физкультурные парады, коллективные чтения, многолюдные сцены в спектаклях и пр. Исключение негатива,

сопровождавшего строительство государства, также было непреложным правилом при формировании комплексов фотографий для публикации в газете. Преобладали группы молодежи, что соответствовало не только идеям социалистического строительства и роли молодежи в обществе, но и основному направлению самого издания ЛКСМБ. Понятие «советизация» в самых разных его смыслах широко воплотилось в фотографии на страницах прессы для комсомольцев, в том числе газеты «Сталинская молодежь», и позволило подборкам фотоматериалов, опубликованным в данном издании предвоенного времени, превратиться в ценный источник по истории культуры советской Беларуси.

Литература

1. Сталинская молодежь. – 1938. – 30 мая. – С. 3; 2 сент. – С. 4; 6 окт. – С. 3; 22 нояб. – С. 3.
2. Сталинская молодежь. – 1938. – 4 мая. – С. 4.
3. Сталинская молодежь. – 1938. – 10 июля. – С. 3.
4. Сталинская молодежь. – 1938. – 16 июля. – С. 2; 12 окт. – С. 3.
5. Сталинская молодежь. – 1938. – 16 дек. – С. 4.
6. Сталинская молодежь. – 1938. – 1 нояб. – С. 4.
7. Сталинская молодежь. – 1938. – 26 дек. – С. 4.
8. Сталинская молодежь. – 1938. – 1 мая. – С. 4; 8 мая. – С. 4.
9. Сталинская молодежь. – 1938. – 4 июля. – С. 4; 14 авг. – С. 3; 18 авг. – С. 4; 12 окт. – С. 2.
10. Сталинская молодежь. – 1938. – 10 апр. – С. 4.
11. Сталинская молодежь. – 1938. – 24 нояб. – С. 4.
12. Сталинская молодежь. – 1938. – 20 мая. – С. 4; 18 июня. – С. 4.
13. Сталинская молодежь. – 1938. – 26 апр. – С. 4.
14. Сталинская молодежь. – 1938. – 20 апр. – С. 3.
15. Сталинская молодежь. – 1938. – 6 июня. – С. 2.

Поступила в редакцию 24.05.2019 г.

Создание и особенности функционирования системы управления прифронтовой зоной и тылом Западного фронта российской армии в 1915–1918 гг.

Петренко А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В исследовании рассматривается создание системы управления прифронтовой зоной и тылом Западного фронта российской армии в 1915–1918 гг. Раскрываются особенности функционирования Западного фронта как отдельного института управления и его взаимодействия с гражданской администрацией белорусских губерний.

Цель статьи — выявить причины создания и особенности взаимодействия систем управления Западным фронтом российской армии, прифронтовой полосы и тыловой зоны на белорусских землях.

Материал и методы. *В работе на основе широкого круга архивных и мемуарных источников анализируется система интендантского управления Западного фронта российской армии. Используются общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические методы (историко-генетический, историко-системный) методы исследования.*

Результаты и их обсуждение. *Создание Западного фронта российской армии в 1915 г. и переход к позиционной войне привели к качественному изменению системы управления фронтом и тылом. Возникла необходимость точного определения границ фронтовой зоны, прифронтовой полосы и тыла для координации действий командования и гражданской администрации. В 1915–1918 гг. система управления тылом претерпевала значительные изменения в попытках избавиться от недостатков, выявленных в «Положениях о полевом управлении войск в военное время» (1914).*

Заключение. *В 1914–1916 гг. Ставка Верховного главнокомандующего предприняла попытку создания централизованной системы интендантского управления. На основе «Положений о полевом управлении войск в военное время» была сформирована система управления Западного фронта российской армии. К числу ее особенностей относились общие управления главного начальника снабжений для Западного и Северного фронтов, замещение офицеров интендантской службы военными чиновниками. Управление территориями прифронтовой зоны и общего тыла осуществлялось в координации с гражданской администрацией.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, Западный фронт российской армии, прифронтовая зона, тыловая зона, интендантство.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 46–50)

Creation and Features of Functioning of the Management System of the Frontline Zone and the Rear of the Russian Army Western Front in 1915–1918

Petrenko A.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Creation of the management system of the frontline zone and the rear of the Russian Army Western Front in 1915–1918 is considered in the article. Features of functioning of the Western Front as a separate management institution as well as its interaction with the civil administration of Belarusian provinces are revealed.

The purpose of the article is to find out the causes of the creation and features of the interaction of the Russian Army Western Front management systems, the frontline belt and the rear zone in Belarusian lands.

Адрес для корреспонденции: e-mail: avarisa@gmail.com — А.В. Петренко

Material and methods. On the basis of a wide range of archive and memoir sources the system of the intendant management of the Russian Army Western Front is analyzed. General scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) as well as special historical (historical genetic and historical system) methods are used.

Findings and their discussion. The creation of the Russian Army Western Front in 1915 and the transition to the position war resulted in the necessity of qualitative changes of the frontline and the rear management system. It was necessary to precisely determine the boundaries of the front zone and the rear to coordinate the commander and civil administration activities. In 1915–1918 the system of the rear management underwent considerable changes in the attempts to get rid of the shortcomings which had been identified in the Regulation on the Army Field Management in the War Time (1914).

Conclusion. In 1914–1916 the Supreme Commander-in-Chief Headquarters made an attempt to create a centralized system of intendant management. On the basis of the Regulation on the Army Field Management in the War Time the system of management of the Russian Army Western Front was shaped. Its main features were: general departments of the Chief Quartermaster for the Western and the Northern Fronts, substitution of intendant officers with military officials. Frontline zone territories and the rear management was coordinated with civil administrations.

Key words: First World War, the Russian Army Western Front, the frontline zone, the rear zone, intendant service.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 46–50)

Первая мировая война — одно из наиболее значимых событий XX века, затронувшее судьбы большинства европейских народов. В 1915–1918 гг. активные боевые действия проходили на территории Беларуси, которая стала одним из основных театров войны. Разрушению подверглись города и местечки, в запустение пришли огромные территории посевных площадей. В итоге экономический потенциал белорусских губерний был существенно подорван.

С августа 1915 г. на территории Беларуси сформирован Западный фронт российской армии. Его создание явилось вынужденной мерой в рамках реорганизации Северо-Западного фронта под натиском наступления германских войск. Командование фронта и армий, входивших в его состав, прилагало усилия для формирования систем управления фронтом, прифронтной полосы и тыловой зоны. Необходимость обеспечения войск Западного фронта продовольствием, оружием, транспортом и техническими средствами приводила к использованию людских и материальных ресурсов на неоккупированной территории Беларуси.

В современной отечественной исторической науке не ослабевает интерес к событиям Первой мировой войны. В этой связи становится актуальным изучение особенностей функционирования Западного фронта как отдельного института управления и его взаимодействия с гражданской администрацией белорусских губерний.

Цель статьи — выявить причины создания и особенности взаимодействия систем управления Западным фронтом российской армии, прифронтной полосы и тыловой зоны на белорусских землях.

Материал и методы. При написании публикации использовались архивные материа-

лы военного делопроизводства Национального исторического архива Беларуси и Российского государственного военно-исторического архива, для характеристики особенностей системы управления Западным фронтом и его тылом — мемуары генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего Ю.Н. Данилова.

В статье применены общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические (историко-генетический, историко-системный) методы исследования.

Результаты и их обсуждение. К началу XX века российская система управления войсками в военное время прошла долгий путь развития. Итогом ее эволюции стало «Положение о полевом управлении войск в военное время» (1914), подписанное императором Николаем II накануне Первой мировой войны. В разработке этого документа приняли участие комиссии Военного министерства и Генеральный штаб российской армии. В качестве основы использовалось «Положение о полевом управлении» (1868), которое уже не отвечало изменившимся требованиям к системе управления армией. Поскольку документ готовился в сжатые сроки, это негативно отразилось на его качестве.

Во время разработки «Положение о полевом управлении» подвергалось критике со стороны военных специалистов. Например, генерал-квартирмейстер Генерального штаба (в годы Первой мировой войны — генерал-квартирмейстер Ставки) Ю.Н. Данилов отмечал в своих мемуарах: «Этим положением должны были определяться: организация высших войсковых соединений, управление ими, устройство тыла и служба всякого рода снабжения. Проект встретил, однако, много возражений, преимущественно со стороны ведомств, занимавших привилегированное положение и желавших видеть своих предста-

вителей более самостоятельными, нежели это было определено общей схемой» [1, с. 81–82]. Только 29 июля 1914 г., т.е. всего за три дня до начала войны, было утверждено верховной властью одно из самых важных для военного времени положений.

Одним из главных недостатков «Положения о полевом управлении войск в военное время» стало отсутствие четкой формулировки понятий «прифронтовая зона» и «зона тыла». По сути, в этом документе впервые появилось само понятие «фронт» как совокупность армий, решающих общую оперативно-стратегическую задачу. В свою очередь, «тыл» понимался в широком смысле как территория, прилегающая к фронтовому району. Поэтому к ней были отнесены губернии, объявленные на военном положении. «Прифронтовая зона» определялась как территория, относящаяся к району действий каждой из армий фронта. Согласно «Положению» главнокомандующий получил полномочия самостоятельно устанавливать пространственные границы фронта, прифронтовой зоны и тыла. Статья 91 «Положения о полевом управлении» определяла главнокомандующего фронтом как «начальника армий, крепостей и флота, предназначенного для совместных действий с армиями данного фронта» [2, с. 8].

В то же время для обслуживания войск фронта сохранялась система военных округов. В статье 638 «Положения» уточнялось: «Распределение военных округов для обслуживания фронта или отдельных армий определяется повелением Верховного главнокомандующего. Границы военных округов театра военных действий остаются те же, что и в мирное время» [2, с. 104]. Военный округ возглавлял главный начальник, осуществлявший свои полномочия через военно-окружные управления. Одновременно военно-окружные управления на театре военных действий подчинялись главному начальнику снабжений фронта.

Фронт и его тыл оказались изолированными друг от друга. В результате с началом боевых действий выявился еще один недостаток «Положения» – размытость полномочий управлений штаба фронта и отдельных армий. Зачастую их функции дублировались, что еще больше усложняло руководство фронтом. В ходе войны обнаружилась бессистемность и безыдейность подходов к составлению важнейшего документа российской армии. Итогом стали усложнение и бюрократизация системы управления тылом.

Подобные тенденции оказались характерными и для Западного фронта российской армии. При его создании возникла необходимость определения фронтовой зоны. В приказе Верховного главнокомандующего № 422 от 11 сентября 1915 г. указывалось: «...разграничительной линией между районами, подчиненными Главнокомандующим армиями Северного и Западного фронтов и районами общего тыла, подчиненным Главному Начальнику снабжений Северного и Западного фронтов, устанавливается линия – Псков, Остров, Опочка, Себеж, Дрисса, Лепель, Борисов, Осиповичи, Мозырь, Ельск. Перечисленные пункты входят в состав районов, подчиненных Главнокомандующим» [3, л. 316].

К 17 августа 1915 г. приказом Верховного главнокомандующего № 387 были определены границы территорий, подведомственные фронтовым управлениям и тылу. В приказе отмечалось: «В изменение приказов моих № 347 и № 359 войсковые районы армий фронта в хозяйственном и административном отношении считать отделенными от района, подчиненного Главному начальнику снабжений, следующей условной линией: Валк, Ржица, Друя, Молодечно, Несвиж, Лунинец, Сарны» [4, л. 294].

Впоследствии уже приказом генерала А.Е. Эверта, назначенного Главнокомандующим Западным фронтом, границы районов фронта и тыла были уточнены в соответствии со складывающейся боевой обстановкой. В приказе по фронту № 405 от 23 августа 1915 г. указывалось: «...войсковые районы армий фронта считать отделенными от района, подчиненного Главному начальнику снабжений армий Северного и Западного фронтов, следующей линией: Дрисса, Докшицы, Минск, Старые Дороги, Мозырь. Все пункты, находящиеся на указанной линии, относятся к району общего тыла» [5, л. 305].

Таким образом, произошло определение географических границ Западного фронта, находящихся в непосредственном подчинении главнокомандующего. Прифронтовая зона устанавливалась приказами главнокомандующего в зависимости от конкретной ситуации. Она находилась в подчинении главного начальника снабжений, который осуществлял свои полномочия через военно-окружные управления. Остальная территория губерний, объявленных на военном положении, относилась к району общего тыла и управлялась гражданской администрацией. Границы прифронтовой территории постоянно изменялись, что приводило к допол-

нительным согласованиям зон ответственности между фронтовым управлением и гражданской администрацией. В отдельных случаях канцелярия губернатора согласовывала собственные действия с этапно-хозяйственными отделами армий, в район действия которых входили подведомственные территории.

Необходимость точного определения границ фронтовой и прифронтовой территорий была связана с важностью тесного взаимодействия управления начальника снабжений фронта с администрацией минского губернатора в вопросах обеспечения армий продуктами питания, фуражом и бытовыми товарами. В фонде 299 Национального исторического архива Беларуси содержится обширная переписка минского губернатора А.Ф. Гирса и начальника снабжений Западного фронта о реквизициях скота у населения, об уточнении сроков оплаты населению за изъятые продукты питания, уточнении районов действия армий фронта. В качестве примера можно привести телеграмму канцелярии губернатора, направленную в штаб 4-й армии: «Ввиду включения Минского уезда в районы действий X и IV армий и значительной разницы цен на продукты в означенных армиях прошу разрешить минскому уездному предводителю дворянства при реквизиции скота, повозок и лошадей пользоваться ценами X армии как более отвечающими интересам местного населения» [6, л. 90].

С переходом к позиционной войне в 1915 г. возросло количество служб и учреждений в прифронтовой и тыловой зонах Западного фронта. Обеспечение снабжения армий продовольствием и боеприпасами, увеличение количества транспорта, перемещаемого личного состава привели к необходимости качественного изменения системы управления тылом. На протяжении 1914–1916 гг. в «Положение о полевом управлении войск в военное время» вносились изменения и дополнения [7; 8].

В соответствии с ними реорганизовывалась система управления тылом. В управление дежурного генерала штаба Западного фронта поступали фронтовые сводки, сведения о необходимом количестве боеприпасов, продовольствия и транспорта. Эти данные анализировались этапно-хозяйственным отделением и в сжатых донесениях передавались главному начальнику снабжений. Далее они рассредоточивались по отделениям в зависимости от назначения. И на основе обработки полученных данных формировались приказы главного начальника снабже-

ний, адресованные военно-окружным управлениям и гражданской администрации.

Важно отметить одну из ключевых особенностей тыловой структуры – многие управления главного начальника снабжений были общими для Западного и Северного фронтов. К их числу относились управления этапов и транспортов. Это решение Ставки было связано с необходимостью координации действий армий двух фронтов. В то же время такое объединение приводило к путанице и усложнению организации работы на местах – в прифронтовой зоне.

Еще одной особенностью системы управления Западным фронтом стало замещение офицеров в этапно-хозяйственных отделах штабов армий на военных чиновников. В приказе Верховного главнокомандующего отмечалось: «Допустить замещение должностей этапно-хозяйственного отдела штаба армии, входящей в состав армий фронта (штат № 13), военными чиновниками» [9, л. 91].

В 1916 г. войска Западного фронта участвовали в крупномасштабных стратегических операциях – Нарочанской и Барановичской. С увеличением потерь офицерского состава армий Западного фронта тенденция их замещения на чиновников стала характерна даже для этапных и обозных батальонов. 29 ноября 1916 г. штаб Ставки направил приказ № 3004 главнокомандующему Западным фронтом генералу А.Е. Эверту: «В случае невозможности заместить должности младших офицеров в этапных и обозных батальонах офицерскими чинами на таковые должности могут назначаться зауряд-военные чиновники, при условии соответствующей подготовки их для означенной цели начальником военных сообщений армий фронта» [10, л. 108].

В целом, анализируя обширный массив документов фондов 2048 (Приказы главнокомандующего Западным фронтом) и 2019 (Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта) Российского государственного военно-исторического архива, можно отметить основную идею Ставки – создание строгой централизованной системы управления тылом. Поэтому была предпринята попытка объединить снабжение армий и руководство общим тылом в рамках управления главного начальника снабжений Западного фронта. В каждой из армий, входивших в его состав, управление тыловыми районами и снабжением осуществлялось этапно-хозяйственными отделами штабов. В то же время на уровне корпусов и дивизий подобного

объединения полномочий не происходило. Начальники службы тыла и снабжения подчинялись непосредственно командиру, координируя свои действия.

Заключение. Таким образом, основным документом военного делопроизводства, определившим понятие «фронт» и сформировавшим его структуру, явилось «Положение о полевом управлении войск в военное время». Этот ключевой документ был создан в сжатые сроки накануне Первой мировой войны и подвергался исправлениям и дополнениям. В 1914–1916 гг. Ставка предприняла попытку создания централизованной системы интендантского управления. На основе «Положения о полевом управлении войск в военное время» была сформирована система управления Западного фронта российской армии. К числу ее особенностей относились общие управления главного начальника снабжений для Западного и Северного фронтов, а также замещение офицеров интендантской службы военными чиновниками. Управление территориями прифронтовой зоны и общего тыла осуществлялось в координации с гражданской администрацией.

Литература

1. Данилов, Ю.Н. Россия в Мировой войне / Ю.Н. Данилов. – Берлин: Слово, 1924. – 424 с.
2. Положение о полевом управлении войск в военное время. – СПб.: Военная типография, 1914. – 154 с.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2048. Штаб главнокомандующего армиями Западного фронта. Оп. 1. Д. 19. Приказы Западного фронта.
4. РГВИА. – Ф. 2048. Оп. 1. Д. 6. Приказы главнокомандующего Западного фронта.
5. РГВИА. – Ф. 2048. Оп. 1. Д. 21. Приказы Западного фронта.
6. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 299. Минское губернское правление Министерства внутренних дел, город Минск Минского уезда Минской губернии. Оп. 2. Д. 16024. Дело о реквизиции скота и имущества на нужды армии у населения Минской губернии.
7. Приложения к Положению о полевом управлении войск в военное время: № 1–17. – СПб.: Военная типография, 1914. – 173 с.
8. Изменения и дополнения статей Положения о полевом управлении войск в военное время, последовавшие в период времени с 20-го июля 1914 г. по 1-е марта 1916 г. – Петроград: Военная типография, 1916. – 24 с.
9. РГВИА. – Ф. 2144. Штаб 10-й армии. Оп. 1. Д. 17. Приказы главнокомандующего Западного фронта.
10. РГВИА. – Ф. 2019. Штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта. Оп. 1. Д. 146. Приказы о назначении разграничительных линий тыловых путей частей войск и армий.

Поступила в редакцию 31.05.2019 г.

Организация военного обучения молодежи на волостных сборных пунктах ССРБ в начале 1919 года

Крюковский В.Д.

Белорусский государственный университет, Минск

Белорусские исследователи раскрыли многие проблемы политической и организационной деятельности партийных и советских органов по укреплению Красной Армии, военно-патриотическому воспитанию трудящихся. Однако государственная политика военного обучения молодежи республики остается малоизученной.

Цель статьи — проанализировать в масштабах республики эффективность работы волостных пунктов военного обучения, обобщить накопленный опыт, приемлемый для использования в настоящее время, вскрыть причины, препятствовавшие подготовке молодого поколения к защите Родины в освещаемый период.

Материал и методы. При написании публикации исследователем изучены документы ЦБ КП(б)Б, ЦК комсомола республики, губернских исполкомов Советов, делопроизводство, доклады, отчеты, справки работников всеобуча военных комиссариатов ССРБ. Методология статьи основана на принципах анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, аналогии, объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. В работе рассматривается историография военно-патриотического воспитания молодежи республики в изучаемый период. Раскрываются организация всеобщего военного обучения населения сел и деревень в январе-феврале 1919 года, накопленный в ряде мест успешный опыт. Отмечается, что абсолютное большинство обучающихся составляла молодежь. Исследователь анализирует проблемы всеобуча, связанные с нехваткой оружия, боеприпасов, денежных средств. Но в целом государственная политика военного обучения была глубоко продуманной и решила планируемые задачи.

Заключение. Складывавшаяся в ССРБ система всеобщего военного обучения, несмотря на непродолжительный срок функционирования, обеспечила в основном потребности Красной Армии в обученном резерве. Большинство из прошедших военное обучение получили хорошие основы военных знаний и успешно защищали территорию Беларуси от польских легионеров в 1919–1920 гг.

Ключевые слова: военное обучение, организация работы, военкоматы, сборные пункты, оружие, снаряжение, инструкторы, призывники, молодежь.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 51–56)

Organization of Military Training of Young People at the Volost (District) Recruiting Stations of the SSRB in the Early 1919

Krukouski U.D.

Belarusian State University, Minsk

Belarusian researchers revealed a lot of issues of the political and organizational activities of the Party and Soviet bodies on strengthening the Red Army, military and patriotic upbringing of people. However the state policy of military training of the Republic youth is still little studied.

The purpose of the article is to analyze within the Republic the efficiency of volost military training stations, to generalize the accumulated experience, which can be used nowadays, to reveal causes that impeded training younger generation to defend their Motherland in the described period.

Material and methods. In writing the article the researcher studied documents of the Central Committee of the Communist Party of Belarus, Central Committee of the Communist Youth Union, Region administrations, current documentation, reports, notes by education specialists of military commissariats. The methodology of the article is based on the principles of analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, analogy, objectivity and historicism.

Findings and their discussion. Historiography of the military and patriotic upbringing of the Republic youth in the studied period is considered in the article. Organization of general military training of young people at the volost recruiting stations

of the Republic in January-February 1919 is analyzed. Successful experience gained in a number of places is revealed. It is pointed out that the absolute majority of trainees were young people. The issues connected with general compulsory training, the absence of weapons, ammunition and the lack of funds are analyzed. At the same time, in general, the state policy of military training was well-considered and basically fulfilled its mandated tasks.

Conclusion. *The system of mandatory military training in the Soviet Socialist Republic of Belarus satisfied the needs of the Red Army in the trained reserve in spite of its short existence. Most of those who were trained received good basics of military knowledge and defended successfully the territory of the Republic against Polish Army in 1919–1920.*

Key words: *military training, organizational structure, military registration and enlistment offices, recruiting stations, weapons, equipment, instructors, conscripts, young people*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 51–56)

В Республике Беларусь сложилась своя школа в освещении вопросов военного строительства, патриотического воспитания трудящихся, молодежи. В историческом аспекте, например, научный интерес представляют работы П.А. Селиванова [1]. В монографии и докторской диссертации освещаются политическая и организационная деятельность партийных органов, исполкомов Советов и военных комиссариатов по укреплению Красной Армии в 1917–1920 гг. Рассматривается их работа по привлечению трудящихся к вооруженной защите молодого Советского государства, формированию красноармейских частей и подразделений, организации всеобщего военного обучения. Вместе с тем в вопросах военного строительства автор исследует главным образом деятельность исполкомов и военкоматов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, входивших с февраля 1919 года в состав РСФСР. Работа же большинства военных органов власти Минской губернии, все уезды Гродненской, юго-восточные уезды Виленской губерний (после взятия польскими легионерами в апреле 1919 г. города Вильно решением руководства ЛитБел ССР вошли в состав Минской губернии) не анализируются вообще.

Большое научное и практическое значение имеют труды П.Г. Чигринова [2]. В монографии и диссертационном исследовании анализируются марксистско-ленинская методология патриотического воспитания, деятельность партийных организаций по воспитанию морально-политической готовности трудящихся к защите социалистического Отечества, партийное руководство оборонно-массовой работой, формы и методы военно-спортивной подготовки населения, шефские связи трудовых коллективов и воинских частей. Однако вопросы создания и совершенствования организационной структуры руководства подготовкой молодежи к защите Родины, улучшения материально-технической базы, воспитания организаторских и инструкторских кадров всеобщего военного обучения,

деятельности территориальных дивизий и других частей по военно-спортивной подготовке детей, допризывников и призывников, средств массовой информации и пропаганды, учреждений культуры ограничиваются лишь рядом примеров и фактов.

В исследованиях А.Г. Хохлова, И.А. Басюка, С.А. Пивоварчика [3] рассматриваются вопросы создания и деятельности частей особого назначения освещаемого периода, состояния оборонительных сооружений вдоль западных границ БССР, боеготовности воинских соединений Западного округа накануне и в начальный период Великой Отечественной войны.

Формы и методы деятельности партийных, комсомольских, других общественных организаций, средств массовой информации и пропаганды по военно-патриотическому воспитанию трудящихся и молодежи освещаются в ряде кандидатских диссертаций. Интерес в этой связи вызывают исследования П.Е. Пикульского, В.Ф. Кушнера, Н.Е. Семенчика [4]. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают накопленный опыт партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки трудящихся и молодежи к защите Отечества, приводят примеры из практики государственных и общественных структур по военно-спортивной работе с юношами и девушками, шефские связи трудовых коллективов и частей Красной Армии, показывают роль периодической печати в патриотическом воспитании молодого поколения. Однако комплексно государственная политика подготовки молодежи к защите Родины в БССР в диссертациях не рассматривалась.

Отдельные аспекты военного обучения молодого поколения на территории ССРБ и Литбел ССР представлены в книгах отечественных историков [5]. В монографии Д.Н. Хромченко раскрывается оборонно-массовая деятельность общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы [6].

Научный интерес для исследования проблем воспитания подрастающего поколения, истории

и методики патриотической работы с молодежью представляют труды белорусских педагогов. В докторской диссертации К.А. Куликовича [7] освещаются история и педагогические приемы спортивной практики с юношами и девушками Беларуси в предвоенные годы. В кандидатских диссертациях В.И. Шаврука, Г.П. Коваленко [8] раскрываются педагогические приемы воспитания, опыт военно-патриотической работы со школьниками накануне Великой Отечественной войны.

Характерные формы и методы патриотической деятельности комсомола республики в 1919–1930 гг. освещаются в сборниках очерков и научных статей [9]. Отдельные вопросы военной и физической подготовки, воспитания молодежи в исследуемый период рассматриваются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании анализа научных исследований и иных источников можно сделать вывод, что государственная политика подготовки молодого поколения к защите Родины в ССРБ остается малоисследованной.

Цель статьи – проанализировать в масштабах республики эффективность деятельности сборных пунктов военного обучения волостного звена, обобщить накопленный опыт, приемлемый для использования в настоящее время, вскрыть объективные и субъективные причины, мешавшие в работе.

Материал и методы. Источниковой базой работы явились фонды национального и государственных областных архивов Республики Беларусь, различные публикации. Нами изучены материалы ЦБ КП(б)Б, ЦК комсомола республики, губернских исполкомов Советов, делопроизводство, доклады, отчеты, справки работников всеобуча военных комиссариатов ССРБ. Это позволило получить сведения о деятельности организационной структуры руководства военной подготовкой молодежи низового звена. Практически все использованные материалы впервые вводятся в научный оборот. Методология статьи основана на принципах анализа, синтеза, индукции, дедукции, обобщения, аналогии, объективности и историзма.

Результаты и их обсуждение. Организационная структура руководства подготовкой молодежи к защите Родины в Социалистической Советской Республике Белоруссия складывалась на основе марксистской концепции всеобщего вооружения народа, ленинского учения о защите социалистического Отечества, решений VII экстренного съезда РКП(б), IV чрезвычайного Всероссийского

съезда Советов (март 1918), декретов СНК РСФСР «О создании Красной армии» (январь 1918), ВЦИК и СНК РСФСР «Об обязательном обучении военному искусству» (апрель 1918) и уже накопленного опыта работы в Западной области. С 15 по 29 декабря 1918 года в Москве прошел 2-й Всероссийский съезд по всеобщему военному обучению (всеобучу), на котором утверждена программа военной подготовки трудящихся [10, л. 25–35].

Вопросы военного строительства и всеобуча обсуждались на первом съезде КП(б)Б, заседаниях ЦБ КП(б)Б 10 и 20 января 1919 года. Была поставлена задача создать в республике эффективную систему всеобщего военного обучения населения [11, л. 13; л. 22, 33а]. В соответствии с решениями партийных органов 22.01.1919 г. временным рабоче-крестьянским советским правительством Белоруссии принят декрет «О всеобщем военном обучении и мобилизации». Обязательно военному обучению подлежали граждане Белорусской советской республики в возрасте: а) школьном, низшая ступень которого определялась комиссариатом просвещения; б) подготовительном, от 16 до 18 лет и в) призывном от 18 до 40 лет. Обучение подготовительного и призывного возрастов возлагалось на все местные комиссариаты по военным делам; школьного – на комиссариат просвещения при ближайшем участии комиссариата по военным делам.

К обучению привлекались рабочие, работающие на заводах, фабриках и мастерских, экономах и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда. За организацию обязательного обучения на местах отвечали губернские, уездные и волостные военные комиссариаты. Учебный процесс должен был производиться непрерывно в течение 8 недель, не менее 12 часов в неделю, итого – 96 часов [12]. В местах непосредственного обучения программа корректировалась специалистами сборных пунктов волостных и уездных (городских) военкоматов. Контролирующая функция возлагалась на отделы всеобуча, инспекторов, военных руководителей и комиссаров от волостного до республиканского уровня. Общее руководство военной подготовкой населения осуществлялось Комиссариатом по военным делам и Реввоенсоветом РСФСР.

Обучение военному искусству складывалось на территории республики не одновременно. В не занятых немецкими войсками восточных уездах Витебской, Могилевской и всей Смоленской губерний обучение уже проводилось с лета 1918 года, в освобождаемых от кайзеровских частей волостях Беларуси военные занятия стали проводиться

после формирования местных органов советской власти. В Минской и Гродненской губерниях налаживание учебного процесса осуществлялось с января, практические занятия с населением (главным образом с молодежью) в пунктах военного обучения – с февраля-марта 1919 года.

Формирующаяся организационная структура всеобщего обучения включала ряд уровней – от волостных сборных пунктов до комиссариата по военным делам ССРБ. Низовое звено составляли пункты, бюро обучения волостных военкоматов. В связи с острой нехваткой квалифицированных кадров на первичном уровне государственного управления в условиях гражданской войны приказом РВСР № 484 от 28.12.1918 г. должности председателя волысполкома и волостного военного комиссара совмещались [13, л. 18].

Заслуживает внимания опыт работы сборного пункта № 1 села Лобановка Чериковского уезда. Местные партийные активисты, анализируя вопросы всеобщего обучения Лобановской волости, в декабре 1918 года пригласили на собрание ячейки военкома Пухлавцева, заведующего отделом обучения Маркова. Решением ячейки волостным политическим комиссаром назначили коммуниста Разумова, из проживающих в деревнях и селах офицеров старой армии выбрали заведующим волостным бюро и пунктом № 1 сотенного инструктора-организатора Холаева. На период проведения первой очереди обучения призывников (январь 1919 года) отдел всеобщего обучения на основах совместительства пригласил одного взводного и двух отделенных инструкторов, все они в начале января прошли плановую аттестацию в волостном военном комиссариате.

Волисполком выделил учебные помещения, комнату для хранения оружия, плац для прохождения военного строя, участки земли для стрельбища и тактических занятий, дрова для отопления учебных классов. Уездный военкомат передал винтовки, патроны, мишени, уставы, наставления, служебную документацию.

Сотенный инструктор Холаев применительно к местным условиям уточнил учебную программу, составил расписание занятий. Под руководством военкома сотрудники учетной части волостного военкомата и сборного пункта составили списки подлежащих обучению, каждому жителю под роспись выдали повестки. Все призванные на занятия были крестьянами в возрасте 18–19 лет. 96-часовая учебная программа включала строевую, тактическую подготовку, изучение оружия, стрельбу из винтовки, окопное дело, политические занятия. Обучение проводилось с 1 по 23 января пять раз в неделю по

шесть часов, в субботу – два часа из расчета проведения в этот день индивидуальных отработок для отстающих в освоении военных знаний и пропускавших занятия. Под руководством политического комиссара Разумова в населенных пунктах волости организовывались беседы о политике советской власти, распространялись газеты, плакаты, листовки о целях всеобщего обучения, проводились политзанятия на пункте обучения.

В обязанность инструкторов входила ежедневная подготовка подробного плана-конспекта на каждый час военной подготовки, все они ежедневно проходили индивидуальное собеседование с заведующим бюро. Особое внимание обращалось на качество занятий. В случае отставания конкретного лица в усвоении учебного процесса инструктор работал с ним индивидуально. При отсутствии прогресса вопрос выносился на заседание педсовета. Заведующий пунктом определял количество дополнительных часов для индивидуальной деятельности с отстающими. Общая дополнительная учебная нагрузка ограничивалась 48, дневная 2, в субботу 6 часами.

Организация учебного процесса продумывалась до мелочей. Отделенный инструктор вел список подчиненных, в котором ежедневно делал отметки о выполнении учебной программы. Каждому гражданину в первый день занятий выдавалась регистрационная карточка, в которой делались отметки о его успеваемости. В случае неявки молодого человека на военную учебу инструктор делал запись в списке и докладывал руководству. Переписчик бюро на основании донесений записывал все нарушения в журнал, в котором в специальных графах отмечались фамилии прогульщиков, количество пропущенных часов обучения с указанием, что в это время проходило отделение (взводом), причина неявки, меры воздействия при отсутствии уважительных объяснений.

Пропущенные часы отрабатывались в конце недели либо после планового обучения. Умышленно пропускавшие занятия разбирались на комиссиях сельских или волостных советов, которые, как правило, штрафовали нарушителей в размере от 10 до 25 рублей. При повторном пропуске военной учебы без уважительных причин размер административного наказания удваивался, после третьего прогула дело передавалось в уездный суд. Отделенные, взводный и сотенный инструкторы следили, чтобы каждый приписанный к участку прошел полный курс обучения. Каждое занятие отделенного (взводного) инструктора посещалось заведующим бюро, волостными военными или по-

литическим комиссарами, работниками уездного военкомата.

Системная работа способствовала высокой посещаемости занятий, качественному усвоению программы всеобщего. На итоговых испытаниях 23 и 24 января комиссией в составе военкома Чериковского уезда Свадковского, инспектора Мышковского, волвоенкома Пухлавцева, политического комиссара Разумова и инструктора-организатора Холаева отмечено высокое индивидуальное и коллективное качество подготовки призванных на обучение, которые по военным знаниям не отличить от солдат полевых частей, годами проходивших службу. Все 116 призывников Лобановского пункта обучения получили удостоверения о прохождении полного курса всеобщего [14, л. 158, 159, 213].

Эффективно работали с молодежью сборные пункты Старосельской, Жеребычской волостей Витебского, Войханской, Болецкой Городокского, Коптевичской, Пышнянской Лепельского, Бононской, Замшанской Полоцкого, Братковичской, Дубровицкой Чериковского, местечек Клецк, Погост Слуцкого уезда [15, л. 68, 189, 275, 277, 278 об.; 159 об., 161 об., 162] и др.

Налаживанию военного обучения препятствовали недостаток оружия, финансовых средств на закупку оборудования и снаряжения. Так, на пунктах обучения Барановской, Будницкой, Вязьменской, Ильинской, Маклаковской, Сертейской, Церковищенской волостей Велижского, Бобиничской, Несинской, Тяпинской, Ульской, Ушачской, Черствятской волостей Лепельского уезда в январе 1919 года не имелось исправных винтовок, станков для прицеливания, военного снаряжения и спортивного инвентаря. Изучение оружия происходило по рисункам самодельно сделанных плакатов и некомплектным 3-линейкам, тактические занятия на пересеченной местности проводились с использованием неисправных или деревянных винтовок. Все это придавало несерьезность процессу обучения, снижало интерес молодых людей к военной подготовке и не позволяло в полном объеме выполнить учебную программу [16, л. 171, 175, 198–200, 202, 204, 206].

В некоторых волостях местные исполкомы самоустраивались от помощи сборным пунктам в проведении агитационно-просветительной работы с населением о необходимости проведения военного обучения, что способствовало уклонению некоторых жителей от обязательных занятий. Например, инспектору Витебского уездного военного комиссариата Соколову при проверке (по итогам января 1919 года) посещаемости населением

волостных пунктов всеобщего военного руководителем Ловжанской волости заявил, что, исходя из опыта январского обучения призывников первой очереди, обращаться за помощью в волостной исполком бессмысленно, это только отнимет время и испортит настроение. Воздействовать на пропускавших занятия граждан инструкторам приходилось главным образом угрозами их административного и уголовного наказания.

Имели место случаи халатного и даже безответственного отношения к своей работе со стороны некоторых инструкторов. Проведенная в начале февраля 1919 года инспектором Городокского уезда Киберевым проверка хода военного обучения на центральном призывном пункте Казьянской волости показала, что занятия посещают не более 1/4 от количества подлежащих обучению, винтовки хранятся не в оружейной комнате в пирамидах, а кучей приставлены в углу за столом волостного военного комиссара. Оружие содержится в ужасном состоянии, все поржавело снаружи и изнутри, так как ни разу не смазывалось [16, л. 68а, 274, 275, 275 об.].

Исследование большого количества источников прояснило, что, несмотря на непродолжительный срок функционирования и имеющиеся проблемы и недостатки объективного и субъективного характера, складывающаяся система всеобщего военного обучения ССРБ в значительной степени обеспечила подготовку населения (главным образом молодежи) к защите Отечества. Большинство из прошедших военное обучение получили хорошие основы военных знаний и эффективно защищали территорию республики в ходе войны с польскими legionерами.

Заключение. Изученные автором материалы свидетельствуют о том, что в начале 1919 года в республике складывались основы системы подготовки молодежи к защите Родины. В селах и деревнях под руководством партийных ячеек и местных советов создавались бюро и пункты военного обучения населения. Непосредственно этим процессом занимались уездные, волостные военные комиссариаты, сотенные инструкторы, партийные и комсомольские активисты. В ряде сборных пунктов обучение населения военному делу проводилось на высоком уровне. Исследование показало, что абсолютное большинство из числа проходивших всеобщее составляли подростки и молодежь от 16 до 30 лет. Накопленный опыт организации военного обучения требует обстоятельного осмысления и возможен, по мнению автора, для использования на современном этапе.

В ходе организации и проведения начальной военной подготовки выявились проблемы объективного и субъективного характера. Проведению военного обучения мешали экономическая разруха, отсутствие финансовых средств на закупку оборудования и снаряжения, отсутствие реальной помощи со стороны некоторых органов исполнительной власти. Имели место случаи халатного и даже безответственного отношения к своим обязанностям со стороны отдельных инструкторов, уклонения призывников от посещения военных занятий.

Складывающаяся в ССРБ система всеобщего военного обучения, несмотря на непродолжительный срок функционирования, обеспечила в основном потребности Красной Армии в обученном резерве. Большинство из прошедших военное обучение получили хорошие основы военных знаний и успешно защищали территорию Беларуси от польских легионеров в 1919–1920 гг.

Литература

1. Селиванов, П.А. Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П.А. Селиванов. – Минск: Наука и техника, 1973. – 208 с.; Селиванов, П.А. Деятельность партийных и государственных органов Белоруссии по созданию и укреплению советской военной организации (октябрь 1917 – 1920 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / П.А. Селиванов; АН БССР, Отд-ние обществ. наук. – Минск, 1974. – 58 с.
2. Чигринов, П.Г. Военно-патриотическое воспитание трудящихся. Из опыта работы компартии Белоруссии (1926–1941 гг.) / П.Г. Чигринов. – Минск: Беларусь, 1981. – 207 с.; Чигринов, П.Г. Деятельность КПСС по военно-патриотическому воспитанию трудящихся в период построения и упрочения социализма 1926 – июнь 1941 г. (на материалах Компартии Белоруссии): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01 / П.Г. Чигринов; Ин-т ист. партии при ЦК КПБ. – Минск, 1985. – 43 с.
3. Хохлов, А.Г. Коммунистические части особого назначения в Белоруссии / А.Г. Хохлов. – Минск, 1974; Хохлов, А.Г. Вооруженная защита советской власти в 1917–1925 гг. (на материалах Белоруссии): дис. ... д-ра ист. наук / А.Г. Хохлов. – Минск, 1987; Басюк, І.А. Заходняя асобная ваенная акруга – Заходні фронт напярэдадні і ў пачатковым перыядзе Вялікай Айчыннай вайны: дис. ... д-ра гіст. навук / І.А. Басюк. – Мінск, 2004; Пивоварчик, С.А. Формирование и развитие системы фортификационного строительства в Беларуси (1772–1941 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / С.А. Пивоварчик. – Минск, 2009.
4. Пиульский, Е.В. Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы первой пятилетки (1926–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Е.В. Пиульский; М-во высш. и сред. спец. образования БССР [и др.]. – Минск, 1975. – 26 с.; Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.Ф. Кушнер; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.; Семенчик, Н.Е. Печать советской Белоруссии в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Е. Семенчик; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1987. – 24 с.
5. Грицкевич, А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / А.П. Грицкевич. – Минск: Харвест, 2010. – 496 с.; Резник, А.Н. От БССР к СССР. Исследования по истории формирования и развития белорусской государственности на советской основе (вторая половина 1918 – конец 1922 гг.) / А.Н. Резник. – Минск: Энциклопедикс, 2011. – 412 с.
6. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920–1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск: БНТУ, 2017. – 204 с.
7. Куликович, К.А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945–1970 гг.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / К.А. Куликович; Моск. гос. ин-т физ. культуры. – М., 1972. – 53 с.
8. Шаврук, В.И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920–1965 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В.И. Шаврук; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967; Коваленко, Г.П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917–1941): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / Г.П. Коваленко; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972.
9. Комсомол – нашей доблестной партии сын: из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии: [сб. очерков] / редкол.: А.К. Зинин, А.А. Маркевич. – Минск: Госиздат БССР, 1960. – 492 с.; Ленинский комсомол Белоруссии – общеобразовательной школе: содержание, формы и методы работы по обучению и коммунистическому воспитанию молодежи (1941–1980 гг.) / АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1982. – 352 с.
10. Всеобщее военное обучение. Основы агитации и популяризации идей милиционной системы по 2-му Всероссийскому съезду в Москве: [сб. ст.] / Марьясин [и др.]; под ред. Марьясина; сост. В. Златолинский. – Пб.: Библиотека журнала «Военно-революционная мысль», 1919. – 63 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3, 38.
12. Звезда. – 1919. – 24 янв.
13. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 3.
14. Государственный архив Могилевской области (ГАМг). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 18.
15. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203; ГАМг. – Ф. 232. Оп. 1. Д. 18; Звезда. – 1919. – 26 февр., 27 февр.
16. ГАВт. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203.

Поступила в редакцию 05.06.2019 г.

Крепостное право в Российской империи в 1762—1861 годы: проблемы столетнего периода

Пархимович Н.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В аграрной истории Беларуси особое место занимает проблема крепостного права. В отечественной историографии подробно проанализированы причины и предпосылки реформы 1861 года, ее содержание, особенности на территории Беларуси, итоги и значение. Вместе с тем даже в фундаментальной работе «История крестьянства Беларуси» авторы не уделили должного внимания причинам, которые препятствовали отмене крепостного состояния во второй половине XVIII — первой половине XIX столетия.

Цель работы — выявить и проанализировать объективные и субъективные причины, тормозившие отмену крепостного права во второй половине XVIII — первой половине XIX столетия.

Материал и методы. Материалом для статьи явились опубликованные документы, работы российских и белорусских историков, Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. Исследование проводилось на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Результаты и их обсуждение. В руководящих кругах Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX века присутствовало понимание необходимости упразднения крепостного права. В этом была определенная логика, так как в 1762 году Петр III отменил «крепостное» состояние дворян. Однако ни у одного из российских императоров в данный период не хватило решимости царским указом упразднить крепостное состояние помещичьих крестьян. И это несмотря на то, что императоры были самодержцами и обладали неограниченной властью. Отсутствие политической воли у российских императоров обозначенного периода — одна из причин, препятствовавших отмене крепостного права.

Заключение. Сложность задачи, отсутствие политической воли со стороны российских императоров, боязнь помещиков лишиться крестьянского труда — основные причины, препятствовавшие отмене крепостного права в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX века.

Ключевые слова: крепостное право, указ, реформа, дворяне, крепостные крестьяне, частная собственность, Секретный комитет, дворянское землевладение, государственный аппарат.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 57–62)

Serfdom in the Russian Empire in 1762—1861: Problems of the Hundred Years Period

Parkhimovich N.N.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

In the agrarian history of Belarus special place is taken by the problem of serfdom. In domestic historiography causes and preconditions of the 1861 Reform, its contents, features on the territory of Belarus, results and significance are analyzed in details. At the same time, even in the fundamental work “History of Peasantry in Belarus” its authors did not pay proper attention to the causes which hampered the abolition of serfdom in the late 18th — early 19th centuries.

The purpose of the work is to find out and analyze objective and subjective reasons which retarded the abolition of serfdom in the late 18th — early 19th centuries.

Material and methods. The research material was published documents, works by Russian and Belarusian historians, Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Collection of Laws of the Russian Empire. The study was conducted on the basis of a complex system of general scientific and special historical methods, the author's generalizations and conclusion.

Findings and their discussion. The authorities of the Russian Empire in the late 18th — early 19th centuries had the idea of the necessity of serfdom abolition. It was logical to a certain extent since in 1762 Peter III abolished the serfdom of gentry.

However, none of the Russian emperors in that period possessed the resolution to abolish serfdom of peasants, even in spite of the fact that all the emperors had absolute power. The lack of the Russian emperors' of political will in that period was one of the reasons why serfdom was not abolished.

Conclusion. *The complexity of the task, the lack of the Russian emperors' political will, the fear of landlords to lose peasants' labor were the main reasons which hindered the abolition of serfdom in the Russian Empire in the late 18th – early 19th centuries.*

Key words: *serfdom, decree, reform, gentry, serf peasants, private property, Secret committee, gentry land ownership, state apparatus.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 57–62)

На протяжении нескольких веков существование крепостного права оправдывалось необходимостью обеспечить материальное благополучие дворянского служилого сословия. Крестьянин, зная, что его барин служит, мирился со своим состоянием. Отмена в 1762 году обязательной службы дворян нарушила сложившийся порядок вещей: вы служите – мы работаем. Логичным был бы следующий шаг властей – отмена крепостного состояния помещичьих крестьян. Однако это было сделано только 100 лет спустя. В отечественной историографии нет работ, в которых подробно анализируются причины, препятствовавшие упразднению крепостного состояния. Даже в фундаментальном исследовании «История крестьянства Беларуси» лишь упомянуто, что «... большинство помещиков выступало против ликвидации крепостничества» [1, с. 42].

Цель работы – выявить и проанализировать объективные и субъективные причины, тормозившие отмену крепостного права во второй половине XVIII – первой половине XIX столетия.

Материал и методы. Материалом для статьи явились опубликованные документы, работы российских и белорусских историков, Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. Исследование проводилось на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Результаты и их обсуждение. Первым шагом к упразднению крепостного состояния в Российской империи можно считать попытку Екатерины II поставить этот вопрос перед членами комиссии, созванной в 1767 году для систематизации законов. Однако, не получив поддержки от депутатов, императрица отступила и до конца своего правления к данному вопросу больше не возвращалась. Более того, в годы ее правления был принят ряд законов, расширивших власть помещиков над крепостными крестьянами. Так, указ от 22 августа 1767 года запрещал крестьянам жаловаться на собственных хозяев: «Ежели крепостной человек,

отложась от должного своему помещику послушания, подаст на него недозволенную жалобу, то челобитчик и сочинитель жалобы подвергаются наказанию» [2, с. 206]. Наконец, закон 1785 года, даровавший дворянству новые и подтверждавший ранее существовавшие привилегии, даже не выделял крестьян из числа недвижимого имущества помещика. Крестьянин признавался частью имущества владельца, а не личностью [3, с. 548].

С другой стороны, императрица не могла не реагировать на то, что некоторые известные политики и общественные деятели призывали к ограничению и даже ликвидации крепостничества. Так, Петр Панин считал необходимым установить фиксированные нормы крестьянских работ и платежей в пользу дворян. Новгородский губернатор Яков Сиверс предлагал предоставить крестьянам право выкупа воли за деньги. Возможно, указ от 7 ноября 1774 года, согласно которому «...по неисполнению помещиком его обязанностей в отношении к продовольствию крепостных его людей сии последние будут нищенствовать, то за каждого пойманного в прошении милостыни будет взыскиваться с владельца один рубль пятьдесят копеек серебром», стал ответом на подобные предложения [2, с. 223]. На большее Екатерина II не решилась.

Причин тому несколько. Во-первых, не только большинство дворян, но и представители других сословий не поддержали стремление императрицы к отмене крепостного права. Это ясно продемонстрировали депутаты Уложенной комиссии, не являвшиеся дворянами. Более того, они потребовали предоставить им право покупать крепостных крестьян. Во-вторых, экономическая система, основанная на крепостном праве, еще не исчерпала себя. Успехи русского оружия времен Екатерины II были тому свидетельством. Наконец, в окружении Екатерины не существовало команды, способной разработать и реализовать реформирование крепостнической системы. Общество не было готово к отмене крепостного состояния, и Екатерина II отступила.

Очередную попытку облегчить крепостное состояние предпринял Павел I. В 1797 году барщина крепостных крестьян была ограничена 3-мя днями в неделю. Это был первый реальный шаг к облегчению крепостного положения, принятый властью. Однако он не получил существенной практической реализации, поскольку помещики его проигнорировали, а сам император вскоре был убит.

В первой половине XIX столетия отмена крепостного права стала одной из важнейших задач, стоявших перед страной, наряду с конституционным устройством государства. В 1803 году был обнародован царский указ, позволявший дворянам отпускать крепостных крестьян на волю. Со стороны императора это был зондаж: пойдут ли дворяне на отмену крепостного состояния добровольно? До конца царствования Александра I свободу таким путем получили немногим более 50 тысяч крестьян, что составляло менее одного процента крепостных. Тем самым на вопрос «Желает ли российский помещик дать свободу крестьянам?» был дан ясный ответ со стороны дворян.

Во время правления Александра I об отмене крепостного права впервые открыто заговорили в правительственных кругах и обществе. Среди авторов проектов были представители разных политических взглядов: от либералов до консерваторов. При этом проекты консерваторов являлись иногда прогрессивнее проектов представителей либерального течения. Это утверждение справедливо в отношении проектов Николая Мордвинова, считавшегося либералом, и Алексея Аракчеева, слывшего консерватором. Первый предлагал предоставить крестьянам только личную свободу. Аракчеев же считал необходимым наделить крестьян 2-мя десятинами земли. Самым перспективным, на наш взгляд, был проект Егора Канкрин, который предлагал государству выкупить крестьян у помещиков с достаточным для ведения крестьянского хозяйства земельным наделом. Реализация этого плана была рассчитана на 61 год и должна была завершиться в 1880-х годах [4, с. 466]. Ни один из предложенных проектов не был реализован.

Победа России в войне с Францией в 1812 г. погрузила страну в эйфорию. Александр I и его окружение видели себя спасителями Европы от французского владычества. Разгром Наполеона заставил посмотреть на проблему крепостничества иначе: если крепостническая Россия разгромила буржуазную Францию, значит, система жизнеспособна. Зачем ликвидировать то, что при-

несло пользу? Подобный факт остудил на некоторое время тех, кто стремился к отмене в России крепостного состояния. Это коснулось и позиции императора. Вероятно, он оставался сторонником отмены крепостного права. Свидетельством тому стало предоставление личной свободы крестьянам в Эстляндии и Лифляндии в 1816–1819 гг. С другой стороны, в 1809 году он ограничивает право ссылки помещиками крестьян в Сибирь, но в 1822 году восстанавливает его. Несмотря на то, что крепостное право не было отменено при Александре I, его заслугой явилось начало публичного обсуждения этой проблемы в правительственных кругах и обществе.

Во время правления Николая I было создано 9 Секретных комитетов для подготовки документов об отмене крепостного права. В царствование этого императора проведены реформирование состояния государственных крестьян и инвентарная реформа помещичьих крестьян, упразднено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь за мелкие проступки. Наконец, в 1848 году крепостным крестьянам было разрешено покупать населенную землю. Предпринимались и другие меры, направленные на облегчение крепостного состояния. Эти факты свидетельствуют о том, что эйфория от победы в войне 1812 года постепенно уходила, а реальная экономическая и политическая жизнь в стране требовала решить проблему крепостного права. Однако крепостное право устояло и в данный период.

Одной из причин, мешавших отменить крепостничество, Николай I называл отсутствие в стране лиц, способных подготовить и осуществить реформу. С этим утверждением нельзя согласиться. Команда реформаторов, которая при Александре II подготовила проект отмены крепостного права, появилась не вдруг. Все реформаторы были продуктами эпохи Николая I. Видимо, уже в тот период в среде дворян сформировался ряд молодых чиновников, убежденных в необходимости ликвидации крепостничества. В данном случае речь идет о брате царя Константине, Николае и Дмитрие Милютиных, Александре Головнине, Александре Горчакове, Михаиле Рейтерне. Если бы они не сформировались к середине века как убежденные сторонники отмены крепостничества, Александру II не удалось бы в короткое время склонить их к необходимости отмены крепостного состояния. Именно при их непосредственном участии были подготовлены и в 1861 году Александром II утверждены документы, которые положили конец крепостному со-

стоянию крестьян в Российской империи, в том числе и на белорусских землях.

Таким образом, в руководящих кругах Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX века уже присутствовало понимание необходимости отмены крепостного состояния. Однако ни один из российских императоров данной эпохи не решился прекратить крепостное состояние помещичьих крестьян царским указом, например аналогичным закону, который положил конец обязательной государственной службе дворян. И это несмотря на то, что императоры обладали неограниченной самодержавной властью. Отсутствие политической воли со стороны императоров – вот одна из главных причин, препятствовавших отмене крепостного состояния крестьян.

На наш взгляд, были еще препятствия в деле отмены крепостного права, которые не смогли преодолеть предшественники Александра II. Одно из них заключалось в том, что помещик не только являлся собственником крестьян, но и осуществлял ряд функций, которые в условиях личной свободы последних должно было бы взять на себя государство. Мы имеем в виду то, что помещик выполнял в отношении своих крепостных роль судьи, полицейского, налогового инспектора, оказывал им помощь в результате стихийных бедствий и неурожаев. После отмены крепостного права государство должно было бы взять на себя все эти функции, которые выполнял помещик. Это означало, что необходимо было создать соответствующие учреждения, подобрать кадры для них, а в бюджете предусмотреть финансирование. На решение этих задач требовались время и деньги. Чиновничий же аппарат в первой половине XIX века на губернском уровне был малочислен и не мог взять на себя дополнительные функции. Губернаторы руководили губернией через свои канцелярии. В составе канцелярии насчитывалось в среднем 56 человек. Этот штат дополняли 323 технических служащих и 132 человека военной команды [5, с. 272]. На губернию, в составе которой было от 300 до 400 тысяч ревизских душ, такого штата для решения новых задач, которые появились бы в результате отмены крепостничества, было недостаточно.

Законодательными актами 1762 и 1785 годов дворяне были освобождены от обязательной службы, но сохранили право на владение крестьянами и землей как частной собственностью. Подобные привилегии имели только помещики. Ликвидация крепостничества предполагала как минимум личную свободу для крепостных.

Освобождение крестьян с землей означало лишение помещиков части их недвижимого имущества, которое являлось их частной собственностью. Следовательно, отменяя крепостную зависимость, любому из действующих императоров необходимо было нарушить право частной собственности помещиков на крестьян и землю, дарованную царскими же указами. В результате дело выглядело так: ликвидация крепостного состояния начиналась с нарушения права частной собственности и открывала путь для становления в стране новых общественных отношений, основой которых являлась частная собственность. Так появилась одна из важнейших проблем подготовительного периода. Я.И. Ростовцев, председатель редакционных комиссий, писал Александру II в октябре 1859 года: «Смотря с точки зрения гражданского права вся зачатая реформа от начала до конца несправедлива, ибо она есть нарушение прав частной собственности; но как необходимость государственная и на основании государственного права реформа эта законна, священна и необходима» [6, с. 89].

Выход из ситуации был найден Александром II. Он организовал дело отмены крепостного права так, будто сами помещики составили проект о прекращении крепостной зависимости крестьян и добровольно отдавали часть своей земли крестьянам за выкуп, а император лишь издал соответствующий указ. В царском манифесте от 19 февраля 1861 года утверждалось: «Самому дворянству предоставили Мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян, причем дворянам предлежало ограничить свои права на крестьян и подыять трудности преобразования не без уменьшения своих выгод» [7, с. 173]. Император учел опыт своего дяди Александра I, который попытался ликвидировать крепостное право не царским указом, а волеизъявлением помещиков. Александр II сделал выводы из потерпевшего неудачу проекта Александра I и заменил право помещика самому решать, быть ли крестьянину свободным, на право инициировать отмену крепостного состояния и самому составить соответствующий проект о новом устройстве быта крестьян. Вопрос о том, отменять или не отменять крепостничество, уже не ставился. Это принималось как данность.

Понимали ли сами дворяне необходимость отмены крепостного права? На этот вопрос можно ответить: да, понимали. Одновременно правы те исследователи, которые утверждают, что большинство помещиков выступало против ликвидации крепостного состояния. Но нельзя

согласиться с мнением, которое имеет место в исторической литературе, что все дело в реакционности господствующего сословия и его презрении к мужику. Да, это было, но не только данное явление мешало дворянину освободить крепостных крестьян. Проблема заключалась в другом.

Крестьяне из года в год на протяжении не одного столетия обеспечивали своих хозяев средствами к существованию. Помещику не было необходимости беспокоиться об организации производства, о реализации продукции, полученной в его владении, рабочей силе для обработки земли. Это был налаженный процесс. Ликвидация крепостной зависимости ставила перед дворянином новые задачи. Каждый из помещиков должен был решать проблему рабочей силы, думать о том, что выращивать на земле, чтобы иметь прибавочный продукт. Наконец, он должен был приобрести средства производства, так как ранее его земля обрабатывалась преимущественно крестьянским инвентарем. Не все помещики были готовы к подобному повороту дел в силу обычной человеческой психологии. Наконец, не все из них имели средства, которые требовались на перестройку хозяйства. Как одно из следствий, при понимании неэффективности крепостничества, стремление к его сохранению. Следовательно, проблема была в том, что дворяне боялись потерять привычный, – сложившийся веками уклад жизни, в котором крепостное право избавляло их от решения многих задач.

В исторической литературе укоренилось мнение о том, что отменить крепостное право правительство вынудили крестьянские протесты, которые явились составной частью революционной ситуации 1859–1861 гг. Между тем выступления крестьян в середине XIX века не были столь масштабными, чтобы угрожать существовавшему строю. В 1858–1860-х годах на территории Беларуси было зафиксировано (по неполным данным) 19 коллективных случаев отказа от барщины, 17 отказов от подчинения помещику, 17 групповых побегов из поместий, 3 убийства помещиков, 2 нападения на усадьбы помещиков и 2 случая коллективных порубок помещичьих лесов [1, с. 36–37]. Такой же характер и масштаб носили выступления крестьян и в других губерниях России. Никакой угрозы существующему строю они не несли. Безусловно, они демонстрировали наличие в деревне проблем, одной из которых было крепостное право. Но, с другой стороны, это были проблемы конкретных помещиков, которые довели крестьян до состояния, вследствие которого те вынуждены были выразить протест.

Правда, это не значит, что в крепостной деревне были довольны существующим положением вещей. Как говорилось выше, до 1762 года в сознании крестьян крепостное состояние объяснялось так: барин служит – мы работаем. После этого года подобный баланс был нарушен. Служба для дворянина стала необязательной, а вот крепостное право для крестьянина сохранилось. Поэтому у крестьян росло понимание несправедливости сложившейся ситуации. К середине XIX века напряжение возросло, но это не была «революционная ситуация». Положение в крепостнической деревне накануне 1861 года не было таким острым, чтобы заставить правительство пойти на прекращение крепостного состояния. Мы считаем, что власти опасались не столько протестов крестьян, сколько протестов дворян, и это тормозило процесс ликвидации крепостничества. Выступления крестьян казались самодержавной власти меньшей угрозой, чем проявлявшее себя недовольство дворян, что не способствовало активизации процесса по отмене крепостного состояния в помещичьей деревне. Это был еще один фактор, который препятствовал отмене крепостного права в Российской империи.

С другой стороны, и помещики, и крестьяне ожидали отмены крепостного права. Подготовка к отмене крепостного права велась правительством втайне, не афишировалась. Большинство помещиков, не зная деталей, были обеспокоены грядущей реформой. Крестьяне же считали, что помещики препятствуют ликвидации крепостничества. Сложившаяся ситуация создавала напряжение в обществе, грозила взрывом и требовала скорейшего решения.

Каждая крестьянская семья в условиях крепостничества мечтала о том, чтобы получить свободу и землю. Иного пути крестьяне для себя не видели. Связанный с землей на протяжении многих поколений и лишенный права собственности на нее, крестьянин желал и одного, и другого. Поэтому для того, чтобы учесть интересы крестьян, отменяя крепостное право, правительству нужно было наделить крестьян землей на правах собственников. Это можно было сделать за счет земель помещичьих, которыми пользовались крепостные, или за счет свободных государственных. В европейской части страны, где были сосредоточены крепостные, свободных земель не было. Переселять крестьян на свободные земли в Сибирь было в то время нереально. Оставался первый вариант – наделить землей крестьян за счет помещичьих земельных владений. Указ от 1803 года показал, что добро-

вольно делиться землей с крестьянами помещики не хотят. После этого был испытан другой вариант. В 1816–1819 годах в Прибалтике отменили крепостное право. Крестьяне получили личную свободу, но без земли. Они могли приобрести ее у помещиков, но за деньги. В 1858 году в Эстонии произошло крестьянское восстание, основное требование крестьян – вернуть земли, которых они лишились в 1816–1819 гг. Подобные события окончательно склонили Александра II к необходимости обеспечить крестьян землей в ходе отмены крепостного права. Сделано это было таким образом, чтобы показать крестьянам, что о них заботится государство, а помещики жертвуют часть своих земель. Государство предоставляло крестьянам ссуду на покупку земли у помещиков, а те согласились на продажу своих земель. Эти шаги не были проявлением «отцовской» заботы о российском крестьянстве, как об этом говорилось в Манифесте. В действиях властей просматриваются скорее экономический расчет и боязнь крестьянских протестов, чем истинная забота. Косвенно это подтверждает персональный состав Секретного комитета по крестьянскому делу. С согласия императора его членами стали Яков Ростовцев и Модест Корф. На первом же заседании они заявили, что крестьян не имеют и в вопросах сельского хозяйства не сведущи. На что был дан ответ: этого и не требуется, поскольку члены Комитета будут решать проблему исходя из интересов государства, а не сельского хозяйства (*т.е. крестьянства*) [6, с. 77].

Помещичьи крестьяне, помимо повинностей в пользу своих владельцев, выполняли и государственные: должны были по распоряжению властей нести службу и платить налоги. Если бы правительство оставило крестьян без земли, то страна потеряла бы большую часть налогоплательщиков. Таким образом, не в интересах крестьянства, а в интересах государства должны были решать проблему в Секретном комитете.

Страшной для власти действительностью могли стать и повсеместные крестьянские протесты, которые оказались бы реальной, а не мнимой опасностью для существующего строя в случае освобождения крестьян без земли.

Следовательно, власти были неискренни, когда утверждали, что истинно пекутся о крестьянстве. Интересы крестьян были вторичными. А вот поиски нужного и выгодного государству и дворянам решения крестьянской проблемы, безусловно, требовали времени, что и повлияло на увеличение периода подготовки отмены крепостного состояния в России.

Если война 1812 года отсрочила отмену крепостного права, то Крымская ее ускорила. Однако она не стала решающим фактором, приведшим к ликвидации крепостного права в 1861 году. Итоги Крымской войны не были для Российской империи катастрофическими. Крепостническая система могла бы сохраняться на протяжении еще нескольких десятилетий, если бы не политическая воля Александра II.

Заключение. Следовательно, уже во второй половине XVIII века в правительственных кругах России было понимание того, что крепостное право необходимо отменять. Однако сделано это было только сто лет спустя. Главными причинами, препятствовавшими отмене крепостного права, были отсутствие политической воли со стороны российских императоров; сопротивление дворянства, которое понимало низкую эффективность крепостного труда, но страшилось новых экономических реалий; победа России в войне 1812 года, продемонстрировавшая превосходство России над буржуазной Францией; долгие поиски нужного варианта реформы, который бы удовлетворял государство и дворянство. Наконец, требовалось время, чтобы сформировалась плеяда чиновников, способных подготовить и осуществить реформу.

Литература

1. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3 т. / 3.Е. Абезгаўз [і інш.]; пад рэд. В.П. Панюціча. – Мінск: Бел. навука, 2002. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. – 552 с.
2. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. – Том IX: законы о состояниях. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 572 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. XXII: с 1784 по 1788. От № 15902 до 16758. – СПб.: Тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 1174 с.
4. Ружицкая, И.В. Егор Францевич Канкрин и крестьянский вопрос в России // И.В. Ружицкая // Экономическая история: Ежегодник. 2002: сб. ст. / редкол.: Л.И. Бородин [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 455–481.
5. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – Ч. 1. – 597 с.
6. Федоров, В.А. Падение крепостного права в России: документы и материалы: Социально-экономические предпосылки и подготовка крестьянской реформы. Вып. I / В.А. Федоров. – М., 1966. – С. 89–92.
7. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён): вучэб. дапаможнік / А.Ф. Вішнеўскі, Я.А. Юхо; пад агул. рэд. праф. А.Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.

Поступила в редакцию 06.06.2019 г.

Тэндэнцыі развіцця горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў 1944–1991 гг.: гістарыяграфія пытання

Пятрэнка Н.А.

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава», Віцебск

Беларуская гістарычная навука вылучае пасляваенную ўрбаністыку як актуальную праблему сучаснасці і патрабуе ад даследчыкаў усебаковага вывучэння гарадскога жыцця. Адным з такіх накірункаў з'яўляецца праблема развіцця горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска.

Мэта артыкула — прааналізаваць комплекс гістарыяграфічных крыніц па пытаннях горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў 1944–1991 гг. і выявіць тэндэнцыі іх эвалюцыі.

Матэрыял і метады. *Пры напісанні публікацыі прааналізаваны працы даследчыкаў па пытаннях развіцця горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў 1944–1991 гг. У аснову даследавання накладзены прынцыпы аб'ектыўнасці і гістарызму. Былі ўжыты гісторыка-параўнальны, гісторыка-праблемны і гісторыка-сістэмны метады.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Гістарыяграфічны аналіз паказаў, што ґрунтоўныя даследаванні па гісторыі гарадоў БССР і г. Віцебска пачалі з'яўляцца з канца 1950-х гг. у сувязі з паскарэннем працэсаў урбанізацыі. Савецкімі гісторыкамі актыўна вывучалася сацыяльна-эканамічнае жыццё з вызначальнай роляй партыі і прыцягненнем факталагічных матэрыялаў. З 1990-х гадоў асноўная ўвага даследчыкаў была скіравана на вывучэнне культурнага развіцця г. Віцебска. Нягледзячы на шэраг даследаванняў, пасляваенная віцебская ўрбаністыка не стала аб'ектам спецыяльнага навуковага вывучэння.*

Заклучэнне. *Аналіз гістарыяграфічных крыніц па тэме горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска паказаў, што дадзенае пытанне пэўным чынам закранаецца ў працах шэрага навукоўцаў. Аднак назіраецца недастатковая вывучанасць пасляваеннага развіцця г. Віцебска, што актуалізуе патрэбу ў стварэнні даследаванняў па адпаведнай тэматыцы. Дадзенае даследаванне павінна дазволіць гістарыяграфіі віцебскай урбаністыкі выйсці на новы ўзровень вывучэння пытання.*

Ключавыя словы: *беларускі савецкі горад, гарадская архітэктура, горадабудаўніцтва, добраўпарадкаванне, урбанізацыйныя працэсы.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 63–68)

Development Tendencies of City Building and Improvement of Public Services in the City of Vitebsk in 1944–1991: Historiography of the Issue

Piatrenka N.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Belarusian history science considers the post-War urbanistics to be one of the current contemporary issues and requires the researchers' comprehensive study of city life. One of such directions is the problem of the development of city building and improvement of public services of the City of Vitebsk.

The purpose of the article is to analyze the complex of historiography sources on the issues of city building and improvement of public services of the City of Vitebsk in 1944–1991 and identify their development tendencies.

Material and methods. *While writing the article we analyzed publications by researchers on the issues of the development of city building and improvement of public services of the City of Vitebsk in 1944–1991. The study is based on the principles of objectivity and historicism. The historical and comparative, the historical and problem and the historical and system methods were used.*

Findings and their discussion. *The historiography analysis indicated that substantial research on the history of the BSSR cities and the City of Vitebsk appeared in the late 1950s in connection with the process of urbanization. Soviet historians actively studied social and economic life with the decisive role of the Party and the attraction of factual material. Since the*

1990s the researchers' main attention was paid to the study of the cultural development of Vitebsk. In spite of a number of researches the post-War Vitebsk urbanistics did not become an object of special scientific research.

Conclusion. Analysis of historiography sources on the topic of city building and improvement of public services of the City of Vitebsk indicated that the issue is properly touched upon in some researches. However, the post-War development of the City of Vitebsk is insufficiently studied, which makes the necessity of doing the research of the corresponding topic current. Such research must make it possible for the historiography of Vitebsk urbanistics to reach a new level of the study of the issue.

Key words: Belarusian Soviet city, city architecture, city building, improvement of public services, urbanistic processes.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 63–68)

Сучасная беларуская навука вылучае ўрбаністыку з шэрага актуальных гістарычных праблем і патрабуе ад даследчыкаў усебаковага вывучэння гарадскога жыцця. Адным з прыярытэтных накірункаў для гістарычнага даследавання з'яўляюцца праблемы пасляваеннага горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання гарадоў БССР. Асабліва важную ролю пачынае адыгрываць дадзеная тэматыка ў сувязі з узростаннем сучасных урбанізацыйных працэсаў і нявырашанасцю жыллёвай праблемы. Вывучэнне гісторыі гарадоў вылучаецца як асобная сфера гістарычнага пазнання толькі з другой паловы XX ст. — пасляваенны беларускі горад і ў наш час застаецца слаба даследаваным. Акрамя таго, актуальнасць даследавання заключаецца і ў неабходнасці пераасэнсавання і выкарыстання вопыту пасляваеннага перыяду савецкай Беларусі.

Мэта артыкула — прааналізаваць комплекс гістарыяграфічнай літаратуры па пытаннях горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў 1944–1991 гг. і тэндэнцыі яе развіцця.

Матэрыял і метады. Пры напісанні публікацыі прааналізаваны працы даследчыкаў па пытаннях развіцця горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска ў 1944–1991 гг. У аснову даследавання пакладзены прынцыпы аб'ектыўнасці і гістарызму. Былі ўжыты гісторыка-параўнальны, гісторыка-праблемны і гісторыка-сістэмны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У гістарыяграфіі, прысвечанай працэсам горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска, можна вылучыць два этапы: савецкі (1944–1980-я гг.) і постсавецкі (1990–2010-я гг.). Двухэтапны храналагічны падзел гістарыяграфічных матэрыялаў тлумачыцца асаблівасцямі навуковых метадаў і падыходаў, а таксама логікай даследаванняў па абазначанай праблематыцы [1].

У першы пасляваенны час перад даследчыкамі паўстала задача вывучэння шляхоў аднаўлення пасляваеннага мірнага жыцця — галоўнага пытання гэтага перыяду. Прыярытэтным навуковым накірункам з'яўлялася даследаванне сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны.

Нягледзячы на складанасці пасляваеннага часу і адсутнасць матэрыяльнай базы, першыя публікацыі, якія закраналі тэму добраўпарадкавання гарадоў БССР, пачалі з'яўляцца ўжо ў 1940-х гг. У прыватнасці, ускосна закранала гісторыю гарадоў БССР абагульняючая праца А.М. Манусевіча і Л.М. Сосіна, у якой быў прааналізаваны працэс развіцця Савецкай Беларусі за першую пасляваенную пяцігодку БССР [2]. У манаграфіі 1949 г. «Социалистическое народное хозяйство БССР» аўтарамі ажыццяўлялася спроба даследавання пытанняў аднаўлення і адраджэння савецкага горада пасля вайны [3]. Першыя пасляваенныя навуковыя працы дазваляюць прасачыць агульныя асаблівасці накірункаў добраўпарадкавання горада таго часу.

З сярэдзіны 1950-х гг. пачынаецца новы этап развіцця гістарыяграфіі, характэрнай рысай якога стаў адносны плюралізм у метадалогіі гістарычнай навукі. Таксама адбывалася пашырэнне дакументальнай і крыніцзнаўчай базы вывучэння гарадскога жыцця [1]. Усё гэта стала перадумовай з'яўлення грунтоўных тэматычных даследаванняў па гісторыі гарадоў БССР і Віцебска ў прыватнасці.

З канца 1950-х гг. у сувязі з паскарэннем працэсаў урбанізацыі назіраецца тэндэнцыя прыцягнення асаблівай увагі гісторыкаў да вывучэння горадабудаўнічай тэматыкі. Сярод літаратуры гэтага перыяду вылучаецца праца прафесара мастацтвазнаўцы Ю.А. Ягорава «Градостроительство Белоруссии» [4]. Аўтар імкнецца паказаць працэс развіцця горадабудаўніцтва на тэрыторыі Беларусі ў розныя гістарычныя перыяды. Адну частку кнігі ён прысвяціў пытанням развіцця архітэктуры і горадабудаўніцтва ў БССР, фарміравання тыповых рыс праектаў планіроўкі і асаблівасцей архітэктурна-мастацкага афармлення гарадоў Беларусі да сярэдзіны 1950-х гг. У 1957 г. выходзіць кніга «Архитектура и градостроительство Советской Белоруссии» пад рэдакцыяй Ю.А. Ягорава і А.П. Воінава [5]. Увага даследчыкаў была скіравана да апісання этапаў развіцця беларускай савецкай архітэктуры: ад пасляваеннага аднаўлен-

ня гарадоў да добраўпарадкавання парадных ансамбляў. Дадзеныя даследаванні дазваляюць прасачыць і прааналізаваць асаблівасці пасляваеннага горадабудаўніцтва г. Віцебска.

Першым пасляваенным даследаваннем непасрэдна г. Віцебска стала манаграфія Г.А. Нікіціна «Віцебск», выдадзеная ў 1959 г. [6]. У працы значыцца звесткі па гісторыі горада ў розныя перыяды, утрымліваецца важная інфармацыя, якая закранае пасляваеннае адраджэнне і перспектывы эканамічнага развіцця. У навуковым выданні прысутнічае шмат факталагічнага матэрыялу: статыстычныя і справаздачныя дадзеныя па пытаннях развіцця жыллёвага будаўніцтва, прамысловасці і сацыяльнай сферы горада.

Значнае месца ў даследаваннях надавалася факталагічным дадзеным развіцця гарадоў у вызначаны перыяд. У 1965 г. была выдадзена праца Т.С. Страмцовай «Проектирование и строительство жилых и общественных зданий в Белоруссии». У ёй разглядаліся пытанні грамадзянскага будаўніцтва і гарадской жыллёвай праблемы [7]. Каштоўны матэрыял па пытаннях горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання Віцебска ў пасляваенны перыяд БССР можна знайсці ў працах А.Я. Кудравіцкага і М.П. Круглова [8; 9]. Грунтоўны аналіз фарміравання жыллёвага фонду і будаўніцтва ў гарадах Беларусі знайшоў адлюстраванне ў дысертацыях В.У. Бучынай і Т.М. Пучкавай [10; 11].

У 1968 г. была падрыхтавана праца «БССР. Віцебская вобласць», якая ўтрымлівала інфармацыю па гістарычным развіцці Віцебшчыны [12]. Асаблівая ўвага надавалася савецкаму перыяду развіцця горада: паказаны працэс аднаўлення і адраджэння пасля вайны, зроблены аналітычны агляд асаблівасцей працэсаў сацыяльна-эканамічнага і культурнага жыцця г. Віцебска.

Перыяд 1970–1980-х гг. характарызуецца шэрагам змяненняў у развіцці айчынай гістарычнай навукі. У гістарыяграфіі пашыраецца тэматычнае поле даследаванняў, дзе значнае месца надаецца сацыяльным пытанням і асабліва вырашэнню жыллёвай праблемы. Дадзеныя аспекты знайшлі адлюстраванне ў працах А.А. Воінава, які даследаваў розныя этапы станаўлення і развіцця беларускай архітэктуры і будаўніцтва да канца 1970-х гг. У працы «История архитектуры Белоруссии» аўтар спрабаваў вызначыць асноўныя рысы, якія прысутнічалі ў гарадской архітэктуры перыяду Савецкай Беларусі [13]. Былі даследаваны розныя аспекты айчынай архітэктуры – ад горадабудаўнічай арганізацыі жылых комплексаў да кампазіцыйных асаблівасцей асобных

жылых будынкаў. У вучэбным дапаможніку «Жилищное строительство в Белорусской ССР» аўтарам прааналізаваны пытанні дзяржаўнай палітыкі ў галіне жыллёвага будаўніцтва ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе [14]. Значнае месца ў даследаванні займае выкарыстанне шырокага кола статыстычных дадзеных па праблемах развіцця масавага жыллёвага будаўніцтва ў пасляваенны перыяд.

Вялікую ўвагу беларускія навукоўцы звярнулі на вывучэнне г. Віцебска ў сувязі са святкаваннем тысячагоддзя заснавання горада. Менавіта пры падрыхтоўцы да свята было выдадзена шмат выданняў, брашур, альбомаў, стварылі хранікальна-дакументальныя фільмы і турыстычную карту-схему. Напрыклад, аддзелам культуры гарвыканкама была падрыхтавана праца «Витебские парки культуры и отдыха», а Беларускае добраахвотнае таварыства аховы помнікаў гісторыі і культуры падрыхтавала выданне «Помнікі гісторыі Віцебска» пад аўтарствам В.Б. Караткевіча [15; 16].

У 1974 г. пабачыла свет першае выданне кнігі «Віцебск: гісторыка-эканамічны нарыс», прысвечанае гісторыі і працоўнаму шляху Віцебшчыны ў гады савецкай улады, а таксама другое выданне кнігі «Віцебская вобласць. БССР», што пашырыла межы гісторыка-эканамічнага апісання Віцебскай вобласці [17; 18]. Нягледзячы на тое, што ў працах значнае месца надавалася ўсебаковаму аналізу пытанняў сацыяльна-эканамічнага развіцця, ускосна закраналіся пытанні горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска.

Сярод літаратуры гэтага перыяду асобна вылучаецца праца Т.І. Чарняўскай «Архітэктура Віцебска: з гісторыі і планіроўкі забудовы горада», якая была выдадзена ў 1980 г. [19]. Аўтарам здзейснены разгорнуты агляд развіцця архітэктуры горада ў розныя перыяды. Па тэме даследавання апісваецца працэс развіцця планіровачных сістэм і тэрытарыяльных перабудоў Віцебска. Быў прасочаны шлях аднаўлення і развіцця пасляваеннага горада, паказаны этапы яго фарміравання і вызначаны асаблівасці планіроўкі.

Гарадская тэматыка закранаецца ў даследаваннях З.У. Беленькага і А.М. Падліпскага «Витебск и окрестности» і «Памятные места Витебщины» [20; 21]. Дадзеныя выданні знаёмяць з гісторыяй г. Віцебска, лёсам вуліц і зон адпачынку, развіццём навуковых і культурных цэнтраў горада.

У працы С.Д. Філімонава абгульняецца вопыт праектавання і будаўніцтва грамадскіх комплексаў у БССР (60–70-я гады) [22]. Разглядаюцца шляхі аптымізацыі архітэктурных і аб'ёмна-планіровачных рашэнняў, перспектывы-

ных напрамаў у развіцці асобных тыпаў грамадскіх будынкаў. Аўтар прасачыў шлях ад класічнай архітэктуры да індустрыяльнай, а таксама паказаў развіццё і ўдасканаленне індустрыяльных метадаў будаўніцтва да пачатку 1980-х гг.

У 1985 г. пад рэдакцыяй С.В. Марцэлева выходзіць навуковае выданне «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць» [23]. Матэрыялы скампанаваныя па раёнах, але як самастойная тэрытарыяльная адзінка вылучаецца абласны цэнтр. Праца ўтрымлівае звесткі па гісторыі г. Віцебска. Таксама ўзгадваюцца помнікі археалогіі, гісторыі, архітэктуры, манументальнага і манументальна-дэкаратыўнага мастацтва. Кожнаму помніку прысвечаны артыкул, у якім дадзена характарыстыка яго гістарычнай і мастацкай каштоўнасці.

Пытанні па гісторыі архітэктуры і будаўніцтва гарадоў БССР асвятляюцца ў працах У.І. Анікіна. У даследаванні «Жилой район крупного города (опыт Белоруссии)» асноўная ўвага прысвечана пытанням фарміравання жылых частак савецкага горада, планавання і будаўніцтва [24]. У вучэбным дапаможніку «Архитектурное проектирование жилых районов» аўтар разглядае асноўныя прынцыпы фарміравання жылых раёнаў, прыёмы планіроўкі і забудовы [25]. У манаграфіі «Градостроительство Белоруссии» калектыў аўтараў аналізуе асноўныя горадабудаўнічыя этапы, прынцыпы планіроўкі, забудовы і архітэктурна-ландшафтнай арганізацыі [26].

Шмат інфармацыі знаходзіцца ў энцыклапедычным даведніку «Віцебск», які быў выдадзены ў 1988 г. аўтарам-складальнікам І.П. Шамякіным і інш. [27]. Даведнік утрымлівае больш за 100 артыкулаў, якія прысвечаны г. Віцебску. У ім знаходзяцца матэрыялы гістарычнага агляду, што дазваляе прасачыць архітэктурна-планіровачныя асаблівасці, сацыяльна-эканамічнае развіццё і культурна-асветніцкую дзейнасць горада ў розныя перыяды. Фактычна дадзены даведнік падводзіць вынікі першага этапу развіцця гістарыяграфіі па вызначанай тэме.

Такім чынам, для гістарыяграфіі 1944–1980-х гг. характэрнай асаблівасцю з’яўляўся акцэнт на пытаннях сацыяльна-эканамічнага развіцця, што дыктавалася кірункам Камуністычнай партыі СССР. З канца 1950-х гг., у сувязі з паскарэннем працэсаў урбанізацыі, у беларускай гістарыяграфіі савецкага часу назіраецца спроба прыцягнення асаблівай увагі да вывучэння горадабудаўнічай тэматыкі. З гэтага часу сталі з’яўляцца грунтоўныя даследаванні,

якія датычыліся гісторыі як гарадоў БССР, так і непасрэдна г. Віцебска. Гісторыкамі Савецкай Беларусі актыўна вывучаўся пераважна сацыяльна-эканамічны бок жыцця горада ў кантэксце вывучэння ролі партыі ў павышэнні дабрабыту насельніцтва. Нягледзячы на гэта, для даследаванняў савецкага часу характэрна прыцягненне значнай колькасці факталагічных матэрыялаў па пытаннях віцебскага горадабудаўніцтва.

Другі этап развіцця гістарыяграфіі абазначанага пытання пачынаецца з 1990-х гг., калі адбываецца пераход да нацыянальнай гістарыяграфічнай канцэпцыі. Дадзены перыяд характарызуецца параўнальна новымі падыходамі і метадыкай даследаванняў [1].

Асаблівае месца ў працах гісторыкаў надалася пытанням пераасэнсавання культурнага развіцця мінулых перыядаў. У энцыклапедычным даведніку «Архітэктура Беларусі» змешчана больш за 1200 артыкулаў, якія ўтрымліваюць інфармацыю пра выдатныя помнікі архітэктуры і горадабудаўніцтва [28]. Па тэме даследавання ёсць даведкі пра некаторыя вуліцы і асобныя будынкі савецкага часу.

Сярод літаратуры гэтага перыяду вылучаюцца працы, якія датычыліся культурнага развіцця беларускіх гарадоў. Значная частка аўтараў акцэнтавала ўвагу на тэматыцы, прысвечанай помнікам архітэктуры. У дысертацыі Ю.Ю. Захарынай аналізуецца эвалюцыя мастацкага вобраза архітэктуры Беларусі з 1970 да 2000-х гг. [29]. Аўтарам асвятляюцца змены горадабудаўнічых канцэпцый, выяўляюцца стылявыя, кампазіцыйныя, канструкцыйныя асаблівасці, сістэматызуюцца фактары і сродкі выразнасці архітэктуры. У працы даследавана стылявое аблічча культавых, грамадскіх і прамысловых будынкаў Беларусі, вызначана масавае і ўнікальнае ў жыллёвай архітэктуры Беларусі апошняй чвэрці XX – пачатку XXI ст.

Новыя погляды выражае кніга «Страчаная спадчына», якая знаёміць чытача з гісторыяй знішчаных помнікаў нацыянальнага дойлідства [30]. Апошняя частка кнігі, пад рэдакцыяй Ю.У. Чантурыя, называецца «Гарады і час». Аўтар адзначае, што для старажытных пабудов, асабліва храмаў, лёсавызначальным стаў савецкі перыяд. Гэты час быў трагічным па прычыне залішне радыкальных ідэй сацыяльнага пераўтварэння і ўрбаністычнага прагрэсу. Віцебскі гісторык І.А. Цішкін ў кнізе «Страчаная прыгажосць горада» прасачыў аспекты развіцця аблічча гістарычнага цэнтра, а таксама лёс асобных архітэктурных помнікаў, што былі знішчаны [31].

Нягледзячы на тое, што перыяд пачатку 2000-х гг. часам трактуецца як перыяд крызісу гістарычнай навукі, калі адбываўся працэс пераасэнсавання тэарэтычных і метадалагічных асноў, пры гэтым назіраецца тэндэнцыя да новай хвалі вывучэння гісторыі гарадоў. Асабліва плённыя крокі зрабілі вучоныя ГрДУ імя Я. Купалы: былі выдадзены навуковыя зборнікі, прысвечаныя гістарычнай урбаністыцы. Аўтары закранулі праблемы вывучэння гісторыі гарадоў у беларускай гістарыяграфіі другой паловы XX – пачатку XXI ст. Таксама праведзены даследаванні працэсаў урбанізацыі і эвалюцыі горада як фактара гістарычнага развіцця [32]. Аўтары прыйшлі да высновы, што большасць сучасных гісторыкаў імкнецца да вывучэння горада дасавецкага перыяду, а даследаванне гарадоў БССР так і не стала аб'ектам спецыяльнага навуковага аналізу.

Асаблівай увагі патрабуе гісторыка-дакументальная хроніка «Памяць» – шматтомнае серыйнае выданне энцыклапедычнага характару. 27 кніг серыі былі прысвечаныя Віцебскай вобласці, дзве з якіх непасрэдна г. Віцебску [33; 34]. У іх падрабязна распавядаецца пра гісторыю горада, знакамітых людзей, якія нарадзіліся і жылі тут. Цэнтральнае месца ў выданні прысвечана перыяду Вялікай Айчыннай вайны, але важную ролю адыгрывае частка, у якой разглядаецца перыяд з 1945 г. да нашых дзён. Значная частка выдання прысвечана пытанням матэрыяльнай і духоўнай спадчыны.

А.А. Шамрук у сваёй навуковай працы «Архитектура Беларуси XX – начала XXI в. Эволюция стилей и художественных концепций» аналізуе ў кантэксце культурных, мастацкіх, сацыяльна-гістарычных аспектаў савецкую і постсавецкую архітэктурныя практыкі [35]. Манаграфія Ю.А. Татарынава «Города Беларуси. Витебщина» складаецца з невялікіх артыкулаў, прысвечаных абласному цэнтру і цікавым месцам Віцебскай вобласці [36].

Тэма даследавання закранаецца ў энцыклапедыях «Рэгіёны Беларусі» – універсальным шматтомным выданні, прысвечаным асобным абласцям краіны. Другі том энцыклапедыі, выдадзены ў дзвюх кнігах, прысвечаны Віцебскай вобласці [37]. У энцыклапедыі ў сістэматызаваным парадку дадзена інфармацыя аб усіх сферах жыцця горада: прыродзе, гісторыі, эканоміцы, культуры, ахове здароўя, адукацыі, сацыяльнай сферы і г.д.

Адной з выдатных прац па тэме даследавання стала надрукаваная ў 2011 г. манаграфія А.У. Русецкага і Ю.У. Русецкага «Архитектура и

градостроительство в художественной культуре Витебщины с 1918 г. до наших дней» [38]. Аўтарамі ўпершыню ў гісторыі культуры акрэсленай тэрыторыі зроблена спроба сістэмна даследаваць працэсы станаўлення новай архітэктуры і горадабудаўніцтва. У працы здзейснены аналітычны агляд развіцця гарадоў Віцебскага рэгіёна ў перыяд савецкай і незалежнай Беларусі. Выданне ўяўляе сабою першае грунтоўнае даследаванне па пытаннях асаблівасцей горадабудаўніцтва Віцебшчыны, акрамя гэтага ўключае шэраг ілюстрацый, схем і планаў г. Віцебска.

У 2018 г. пабачыла свет энцыклапедыя «Гарады і вёскі. Віцебская вобласць» [39]. Першая кніга дзясятага тома знаёміць з гісторыяй абласнога цэнтру, а таксама Аршанскага, Бешанковіцкага, Браслаўскага і Верхнядзвінскага раёнаў. Разглядаюцца этапы станаўлення і развіцця г. Віцебска, тлумачыцца шэраг гістарычных падзей і даецца ацэнка гаспадарча-эканамічнай і культурнай дзейнасці горада на розных этапах. Дадзенае выданне павінна атрымаць працяг, плануецца яшчэ некалькі тамоў, якія будуць прысвечаныя гарадам і вёскам Віцебскай вобласці.

Такім чынам, другі этап гістарыяграфіі вылучаецца параўнальна новымі падыходамі да вывучэння, калі адбываецца пераход да нацыянальнай гістарыяграфічнай канцэпцыі. Постсавецкі этап развіцця гістарыяграфіі пасляваеннага віцебскага горадабудаўніцтва характарызуецца адсутнасцю грунтоўных прац за першае дзесяцігоддзе і новай хваляй даследавання ў наш час. З 1990-х гг. асноўная ўвага даследчыкаў была скіравана на вывучэнне культурнага развіцця г. Віцебска дасавецкага перыяду. Пасляваенная віцебская ўрбаністыка не стала аб'ектам спецыяльнага навуковага вывучэння.

Заклучэнне. Такім чынам, гістарыяграфічны аналіз паказаў, што грунтоўныя даследаванні па гісторыі гарадоў БССР і непасрэдна г. Віцебска сталі з'яўляцца з канца 1950-х гг. у сувязі з паскарэннем працэсаў урбанізацыі. Трэба адзначыць, што гісторыкамі Савецкай Беларусі актыўна разглядаўся пераважна сацыяльна-эканамічны бок жыцця горада ў кантэксце вывучэння ролі партыі ў павышэнні дабрабыту насельніцтва. Нягледзячы на гэта, для даследаванняў характэрна шырокае выкарыстанне навукоўцамі факталагічных матэрыялаў. З 1990-х гг. асноўная ўвага вучоных была скіравана на вывучэнне культурнага развіцця г. Віцебска, была зроблена спроба даследаваць працэсы станаўлення савецкай архітэктуры і горадабудаўніцтва.

Пасляваенная віцебская ўрбаністыка не стала аб'ектам спецыяльнага навуковага вывучэння. Адкрыццё архіваў і публікацыі лакальных даследаванняў павінны дазволіць гістарыяграфіі віцебскай урбаністыкі выйсці на новы ўзровень вывучэння праблемы.

Аналіз гістарыяграфічных матэрыялаў па тэме горадабудаўніцтва і добраўпарадкавання г. Віцебска даследчыкамі паказаў, што дадзенае пытанне пэўным чынам закранаецца ў працах навукоўцаў. Аднак назіраецца недадатковая вывучанасць пасляваеннага развіцця г. Віцебска, што актуалізуе патрэбу ў стварэнні даследаванняў па адпаведнай тэматыцы.

Літаратура

- Белазаровіч, В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: вучэб. дапаможнік / В.А. Белазаровіч. – Гродна: ГрДУ, 2006. – 346 с.
- Манусевіч, А.М. Савецкая Беларусь у новай сталінскай пяцігодцы / А.М. Манусевіч, Л.М. Сосін. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1948. – 113 с.
- Соціалістычнае народное хозяйство БССР / С.Н. Малинин [и др.]. – Мінск: Изд-во Академии наук БССР, 1949. – 430 с.
- Егоров, Ю.А. Градостроительство Белоруссии / Ю.А. Егоров. – М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1954. – 283 с.
- Архитектура и градостроительство Советской Белоруссии / Ю.А. Егоров [и др.]. – Мінск: Акад. наук БССР, 1957. – 195 с.
- Нікіцін, Г.А. Віцебск / Г.А. Нікіцін. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1959. – 110 с.
- Страмцова, Т.С. Проектирование и строительство жилых и общественных зданий в Белоруссии / Т.С. Страмцова. – Мінск: Наука и техника, 1965. – 139 с.
- Кудрявицкий, А.Е. Вопросы очередности в застройке и в благоустройстве городов в послевоенный период на примере городов БССР: автореф. дис. ... канд. техн. наук: 05.23.21 / А.Е. Кудрявицкий; Бел. политехн. ин-т. – Мінск, 1960. – 20 с.
- Круглов, Н.П. Состояние коммунального благоустройства г. Витебска, динамика острых кишечных заболеваний и пути дальнейшего оздоровления города: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.03.10 / Н.П. Круглов; Ленингр. гос. ин-т усовершенствования врачей. – Л., 1960. – 22 с.
- Бучина, В.В. Жилищный фонд городов Белорусской ССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.В. Бучина; Акад. наук БССР. – Мінск, 1965. – 27 с.
- Пучкаева, Т.М. Размещение жилищного строительства в городах Белоруссии: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Т.М. Пучкаева; Акад. наук БССР. – Мінск, 1965. – 25 с.
- БССР. Витебская область / В.И. Пепелиев [и др.]. – Мінск: Беларусь, 1968. – 196 с.
- Воинов, А.А. История архитектуры Белоруссии / А.А. Воинов. – Мінск: Вышэйшая школа, 1975. – 216 с.
- Воинов, А.А. Жилищное строительство в Белорусской ССР / А.А. Воинов. – Мінск: Вышэйшая школа, 1980. – 224 с.
- Дорогокупец, А.Д. Витебские парки культуры и отдыха / А.Д. Дорогокупец. – Витебск, 1971. – 28 с.
- Короткевич, В.Б. Памятники истории Витебска / В.Б. Короткевич. – Мінск: Полымя, 1975. – 22 с.
- Витебск: историко-экономический очерк / В.П. Воробьева [и др.]. – Мінск: Наука и техника, 1974. – 224 с.
- Витебская область. БССР / Е.С. Прокофьева [и др.]. – Мінск: Беларусь, 1974. – 238 с.
- Чарняўская, Т.І. Архітэктура Віцебска: з гісторыі і планіроўкі забудовы горада / Т.І. Чарняўская. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.
- Беленький, З.В. Витебск и окрестности: справочник-путеводитель / З.В. Беленький, А.М. Подлипский. – Мінск: Полымя, 1984. – 112 с.
- Подлипский, М.А. Памятные места Витебщины / М.А. Подлипский. – Мінск: Беларусь, 1987. – 48 с.
- Филимонов, С.Д. Архитектура общественных зданий Белоруссии / С.Д. Филимонов. – Мінск: Вышэйшая школа, 1985. – 118 с.
- Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / Акад. навук БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору, Беларуская Савецкая Энцыклапедыя; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1985. – 495 с.
- Аникин, В.И. Жилой район крупного города (опыт Белоруссии) / В.И. Аникин. – М.: Стройиздат, 1987. – 190 с.
- Аникин, В.И. Архитектурное проектирование жилых районов / В.И. Аникин. – Мінск: Высшая школа, 1987. – 207 с.
- Градостроительство Белоруссии / В.И. Аникин [и др.]. – Мінск: Высшая школа, 1988. – 246 с.
- Витебск: энциклопедический справочник / И.П. Шамякин [и др.]. – Мінск: БелСЭ, 1988. – 408 с.
- Архітэктура Беларусі: энцыклапедычны даведнік / А.А. Воінаў [і інш.]. – Мінск, 1993. – 620 с.
- Захарына, Ю.Ю. Сучасная архітэктура Беларусі: праблема мастацкай выразнасці (70-я – 90-я гады XX ст.): дыс. ... канд. мастацтвазнаўства: 17.00.04 / Ю.Ю. Захарына. – Мінск, 2001. – 148 арк.
- Страчаная спадчына / Т.В. Габрусь [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2003. – 351 с.
- Цішкін, І.А. Віцебск: Страчаная прыгажосць горада / І.А. Цішкін. – Віцебск: Абл. друк., 2002. – 48 с.
- Шыбека, З.В. Ці існуе ў Беларусі гістарычная ўрбаністыка / З.В. Шыбека // Гістарычная ўрбаністыка: асновы метадалогіі і крыніцазнаўчая база: зб. навук. арт. – Гродна, 2011. – С. 13–31.
- Памяць: Гіст.-дакументальная хроніка Віцебска: у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002. – Т. 1. – 648 с.
- Памяць: Гіст.-дакументальная хроніка Віцебска: у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2003. – Т. 2. – 680 с.
- Шамрук, А.А. Архитектура Беларуси XX – начала XXI в. Эволюция стилей и художественных концепций / А.А. Шамрук. – Мінск, 2007. – 135 с.
- Татаринов, Ю.А. Города Беларуси. Витебщина / Ю.А. Татаринов. – Мінск: Энциклопедикс, 2006. – 208 с.
- Белова, Т.В. Регионы Беларуси: в 7 т. / Т.В. Белова. – Мінск: Белорусская энциклопедия, 2011. – Т. 2: Витебская область. – 640 с.
- Русецкий, А.В. Архитектура и градостроительство в художественной культуре Витебщины с 1918 года и до наших дней / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск: ВГУ, 2011. – 180 с.
- Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя / Ін-т мастацтваў, этнагр. і фалькл. НАН Беларусі; рэдкал.: В.В. Віталёва [і інш.]. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2018. – Т. 10: Віцебская вобласць. – 340 с.

Паступіў у рэдакцыю 06.06.2019 г.

Зароново — селище эпохи Великого переселения народов в окрестностях Витебска

Бубенько Т.С.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Проведенных археологических исследований в Витебском Подвинье недостаточно для изучения миграционных процессов, протекавших в регионе в период Великого переселения народов, и решения проблемы о времени и путях расселения славян на территории Витебского Подвинья.

Цель статьи — введение в научный оборот новых материалов, позволяющих реконструировать основные этапы жизнедеятельности селища Зароново и определить этническую принадлежность его жителей.

Материал и методы. *В основу работы положены материалы авторских исследований на селище в 2018 г., проведенных с использованием археологических методов. При этом применялись методы как исторических, так и археологических исследований: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический.*

Результаты и их обсуждение. *Раскопки, впервые проведенные на селище возле д. Зароново, дали богатейшую коллекцию артефактов первой половины — третьей четверти I тыс. н.э., что позволило изучить материальную культуру и быт его обитателей на различных этапах существования поселения.*

Заключение. *Исследование селища Зароново, а также находки материалов круга древностей киевской культуры и типа Абидни на других памятниках Витебского Подвинья (Городок, Вышадки, Жуково, Загорцы) показывают, что этнические процессы в регионе в I тыс. н.э. не ограничивались взаимодействием культур днепро-двинской, штрихованной керамики и дяковской. Со второй четверти I тыс. н.э. фиксируется проникновение в Витебское Подвинье отдельных раннеславянских группировок, что привело к постепенной ассимиляции местного балтского населения.*

Ключевые слова: *археологический комплекс, раскопки, селище, городище, культурный слой, хронологические индикаторы, племена, этнос.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 69–75)

Zaronovo — a Settlement of the Epoch of the Great Migration of the Nations on the Outskirts of Vitebsk

Bubenko T.S.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The archeological research in Vitebsk Dvina area is insufficient for the study of migration processes in the Region in the period of the Great Migration of Nations and the solution of the problem of the time and the ways of Slavs populating Vitebsk Dvina area.

The purpose of the article is introduction into scientific circulation of new materials which make it possible to reconstruct the main stages of the life of Zaronovo settlement and find out the ethnic identity of its inhabitants.

Material and methods. *The basis of the article is materials of the authors' researches in the settlement in 2018 which were conducted with the help of archeological methods. While writing the article methods applied both in historic and archeological studies were used: the comparative and historic, the typological, of historical reconstruction, the mapping.*

Findings and their discussion. *Studies, which were conducted on the settlement of Zaronovo for the first time, presented a rich collection of artifacts of the first half — third quarter of the 1st millennium A.D. which made it possible to identify the main stages of the existence of the settlement, and find out the ethnic identity of its inhabitants.*

Conclusion. *The study of the settlement of Zaronovo as well as the finding of materials of a range of ancient objects of Kyiv culture and Abidni type on other monuments of Vitebsk Dvina area (Gorodok, Vyshadki, Zhukovo, Zagortsy) indicates that the ethnic processes of the 1st millennium A.D. were not limited by the interaction of the cultures of Dnieprodvinsk, striped ceramics and Diakov. Since the second quarter of the 1st millennium A.D. the penetration of some early Slavonic groups into Vitebsk Dvina area, which resulted in gradual assimilation of the local Baltic population, is observed.*

Key words: *archeological complex, excavations, settlement, town area, cultural layer, chronological indicators, tribe, ethnos.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 69–75)

В плане изучения древностей раннего железного века и раннего средневековья Витебское Подвинье является «белым пятном», где на сегодняшний день исследовано немногим более 20% памятников. Территория Витебского Подвинья в силу географического положения – контактная зона трех крупнейших племенных группировок раннего железного века: днепро-двинской, штрихованной керамики и дьяковской. Роль каждой из них в этнокультурных процессах, происходивших в регионе на протяжении I тыс. н.э., до сих пор не установлена и требует серьезного изучения. Проведенных исследований недостаточно для рассмотрения миграционных процессов периода Великого переселения народов и решения проблемы о времени и путях расселения славян на территории северо-восточной Беларуси.

Обозначенная проблема в ее целостном виде практически не разрабатывалась. В контексте общеоисторических исследований отдельные вопросы этой проблемы в той или иной степени освещались в трудах исследователей XIX в., в 20–30-х годах XX в. – А.Н. Лявданским, А.Д. Каваленей. Во второй половине XX века археологическое изучение памятников I тыс. н.э. в данном регионе проводили К.П. Шут, Г.В. Штыхов, В.И. Шадыро, О.Н. Левко, П.Н. Подгурский. Локальный характер работ не позволил ученым воссоздать целостную картину социально-экономического, этнического и духовного развития населения Витебского Подвинья в раннем железном веке и раннем средневековье.

В рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма 13.1 «История и культура», задание «Население Витебского Подвинья в I – начале II тыс. н.э.», в 2017–2018 гг. были проведены раскопки на археологическом комплексе возле д. Зароново Витебского района (120 кв. м).

Цель статьи – введение в научный оборот новых материалов, позволяющих реконструировать основные этапы жизнедеятельности селища Зароново и определить этническую принадлежность его жителей.

Материал и методы. В основу работы положены материалы авторских исследований на селище в 2018 г., проведенных с использованием археологических методов. При этом применялись методы как исторических, так и археологических исследований: сравнитель-

но-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический.

Результаты и их обсуждение. Археологический комплекс Зароново, некогда состоявший из городища и примыкающего к нему селища, расположен в 3,0 км юго-восточнее д. Зароново Витебского района. Городище занимало южную оконечность высокой и довольно узкой моренной гряды; от основного платопоселения было отделено яром, по дну которого протекает ручей, впадающий в р. Горожанку. Селище полукольцом опоясывало городище с востока, юга и юго-запада, его площадь была не менее 1,2 га [1, с. 104].

В середине 1960-х годов городище на 80% было уничтожено при строительстве дороги Витебск–Полоцк, остальная часть памятника и гряда разрушены при строительстве дороги на д. Машкино. Разрушению подверглось и селище, расположенное южнее и восточнее укрепленного поселения, слой которого экскаватором столкнули на дорогу [2, с. 9–13, 23–24]. С тех пор памятник считался утраченным для науки.

Изучение топографических карт XIX – середины XX в. и сведений, полученных при обследовании данного памятника в конце 1920-х годов, позволило нам локализовать на местности остатки археологического комплекса и сделать его доступным для научных исследований. В настоящее время от комплекса сохранились небольшой участок северного склона городища и примыкающая к нему часть селища между р. Горожанкой и карьером на месте уничтоженного поселения.

Широкомасштабные раскопки, впервые проведенные на селище в 2018 г., дали богатейшую коллекцию артефактов первой половины – третьей четверти I тыс. н.э., благодаря чему удалось выделить основные этапы жизнедеятельности поселения, определить этническую принадлежность его обитателей.

С ранним этапом существования комплекса органично связывается небольшой по мощности слой 1, который, судя по немногочисленным находкам: нож с горбатой спинкой (рис. 2: 2), круглая пряжка с утолщенной рамкой (рис. 2: 1), керамика (рис. 2: 12) – образовался здесь не ранее второй четверти I тыс. н.э. Судя по небольшой мощности слоя, селище функционировало непродолжительное время и погибло во время пожара, на что указывает зольно-угольная прослойка, перекрывающая сверху древнейшие напластования.

Повторное заселение участков у подножия городища и возвышенной террасы с его южной стороны произошло, по-видимому, непосредствен-

но после пожара, поскольку следов длительного прерывания жизни на селище не зафиксировано. Новый период характеризует средний стратиграфический слой, содержащий в основном артефакты, временные рамки бытования которых не выходят за пределы второй половины IV – V в.

Судя по остаткам раскопанных жилищ, прошлое население проживало в небольших домах срубной конструкции с углубленным в землю полом. В качестве отопительных устройств использовались открытые очаги. В одном из раскопов удалось полностью исследовать жилую постройку размерами 3,75 × 2,80 м, углубленную в материк до 0,25 м. Строение возведено у подножия городища, из-за уклона площадки западная стенка дома была врезана в грунт на глубину до 0,5 м. Вход в жилище в виде округлой ступеньки располагался с северной стороны. Справа от входа зафиксирован развал очага размерами 0,8–1,0 × 0,8 м, сложенный из небольших камней диаметром 8,0–12,0 см в поперечнике. Под очагом вскрыта яма (0,4 × 0,45 м), в которой, собственно, и лежала основная часть камней. При их расчистке найдены фрагменты лепных горшков и пережженные кости животных. Сверху отопительное устройство было перекрыто слоем золы и углей. В центре постройки имела яма от столба диаметром 0,2 м, который, по всей видимости, поддерживал крышу. От перекрытия крыши сохранилась довольно толстая песчаная подсыпка (до 0,2 м). Стены жилища имели срубную конструкцию, нижний венец был впущен в материк. Судя по мощной угольной прослойке (до 5 см) внутри помещения, постройка имела деревянный пол.

В заполнении жилища найдено довольно редкое среди древностей изучаемого периода украшение – пельтовидная лунница из свинцово-оловянистого сплава (рис. 1: 3). Подвеска с двумя довольно длинными загнутыми внутрь крайними «рогами» и небольшим выступом между ними имела размеры 3,0 × 1,5 см (с ушком). По краю украшение декорировано псевдозернью (?); возможно, это была зернь, однако изделие несколько пострадало при пожаре. Лунницы, инкрустированные зернью и сканью, относятся в основном ко второй половине III в. н.э., но отдельные образцы продолжали встречаться и в IV в. наряду с гладкими лунницами-пельтами. Со второй половины IV в. трехрогие лунницы и их дериваты стали популярными и на севере Европы [3, с. 115–116]. Наиболее близкой аналогией зароновскому украшению является пластинчатая трехрогая лунница с городища Свила-1 [4, с. 67,

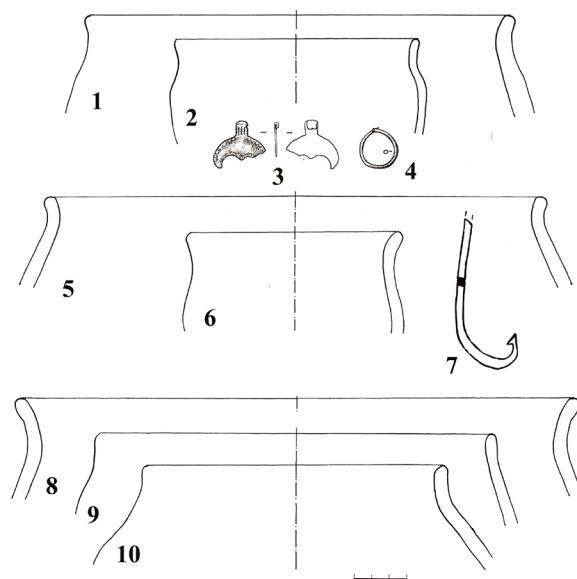

Рис. 1. Вещевой комплекс из жилой постройки 1 – (стратиграфический слой 2): 1, 2, 5, 6, 8–10 – верхние части лепных горшков (графическая реконструкция); 3 – лунница пельтовидная из цветного металла; 4 – височное кольцо; 7 – фрагмент железного рыболовного крючка

мал. 17.I: 5]. Общее типологическое и стилистическое сходство позволяет предположить, что оба изделия могли быть изготовлены по одному образцу, с той лишь разницей, что зароновская лунница – литая, а подвеска из Свила сделана из пластины. находка в Витебске литейной формочки для отливки пельтовидных лунниц может свидетельствовать о существовании в Витебском Подвинье в середине – третьей четверти I тысячелетия н.э. местного производства данных украшений.

Из прочих артефактов следует упомянуть маленькое височное колечко из цветного металла со следами позолоты (?) (рис. 1: 4), фрагмент железного рыболовного крючка (рис. 1: 7) и два битрапециодных пряслица.

В жилище собрано более трехсот фрагментов от горшков второй четверти I тысячелетия н.э., а также фрагмент подлощенного сосуда (рис. 1: 2). Посуда подобной формы для Белорусского Подвинья нехарактерна, ближайшие аналогии зароновской керамике известны в Поднепровье (киевская культура и Абидня) (рис. 1: 1, 5, 6, 8–10).

Анализ всей совокупности находок из раскопок селища указывает на отчетливо выраженные южные импульсы в материальной культуре его жителей: керамика, железная бритва (рис. 2: 3), серп с пяткой (рис. 4: 9), долотовидное кресало (рис. 2: 4), пельтовидная лунница и др. В данном слое преобладают три типа керамики:

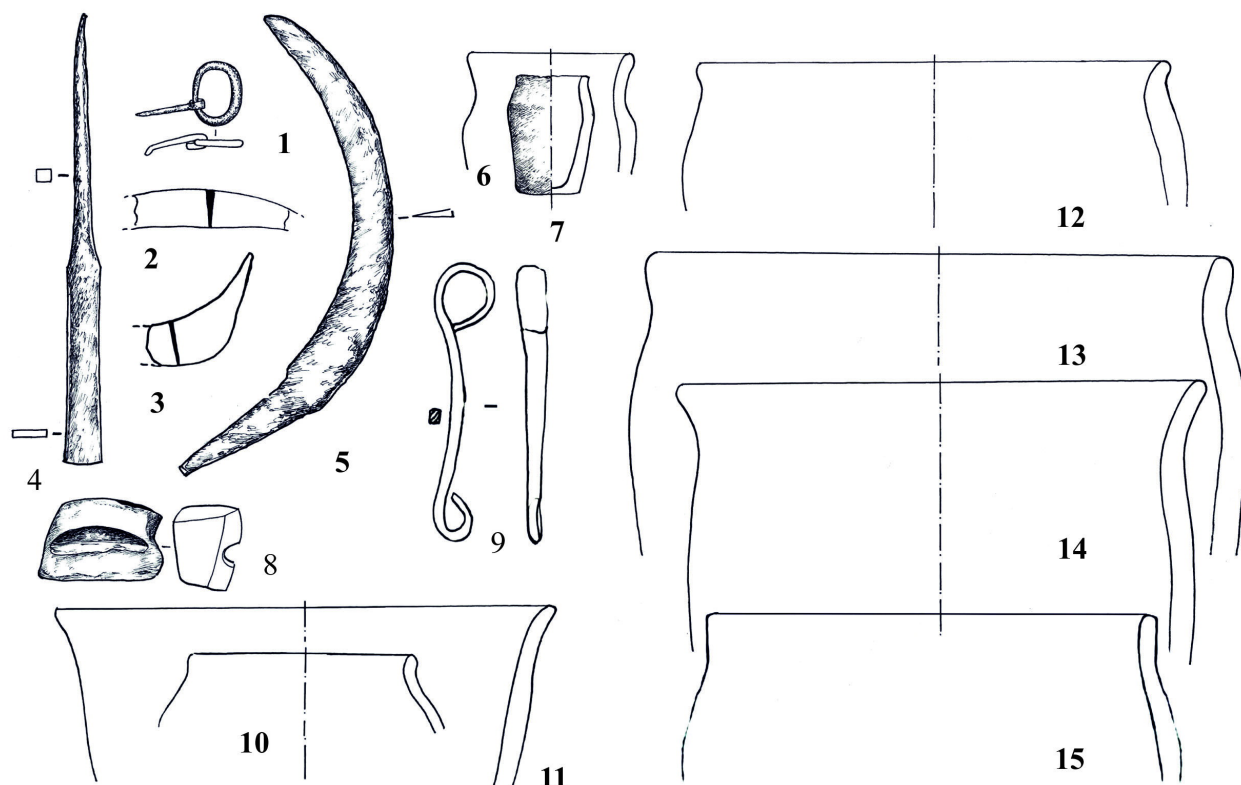

Рис. 2. Вещевой комплекс нижнего (1, 2, 12) и среднего слоя (3–11): 1 – железная пряжка; 2 – нож (фрагмент); 3 – бритва железная (фрагмент); 4 – кресало долотовидное (железо); 5 – серп железный; 6–7 – миниатюрные сосуды; 8 – блоковидное кресало из доломита (?); 9 – звено двусоставных удил; 10–15 – лепные горшки (графическая реконструкция)

округлобокие (тип 1 по Н.В. Лопатину) и ребристые горшки (тип Р-2 по Н.В. Лопатину) с максимальным расширением в средней части, а также горшки типа 7, происхождение которых Н.В. Лопатин связывает с верхнеднепровским вариантом киевской культуры, впитавшим традиции местной днепро-двинской керамики [5, с. 36, рис. 11]. Небольшой процент горшков имеет ребро в верхней трети сосуда (рис. 2: 10, 11, 13–15). Единичны фрагменты чернолощеной, подлощеной и каннелированной керамики. Последняя имела распространение среди германских древностей позднеримского времени, известна на памятниках вельбарской культуры. На территории Восточной Европы она встречается в черняховских могильниках Поднепровья и Поднестровья, на селище Узмень. Посуда с каннелированной верхней частью бытовала с III в. до середины V в., максимум ее распространения пришелся на IV в. [6, с. 34–35].

Мощные напластования последнего этапа существования поселения, фиксируемые во всех раскопах, свидетельствуют о возросшей хозяй-

ственной активности жителей неукрепленного поселка. О плотности застройки можно судить по количеству очагов, вскрытых в верхнем стратиграфическом слое (7 очагов). Отсутствие следов от столбовых ям позволяет предположить, что население проживало в наземных жилищах срубной конструкции. Материальная культура продолжает линию развития предыдущего периода. Керамика селища и верхнего слоя городища Зароново идентична керамике селищ Узмень–Жабино–Городок [5, с. 36, рис. 11], что дает основание причислить комплекс Зароново к вышеназванному кругу древностей (рис. 3: 1–12).

Среди артефактов, относящихся к последнему периоду жизни поселения, выделяется группа древностей, которую следует связывать с постзарубинецким населением и ранними длинными курганами.

Железная и бронзовая В-образные литые рифленные пряжки (рис. 4: 4, 5) с полукруглым сечением дуги на основании язычка имеют квадратное утолщение, имитирующее цветную вставку. Вставка и язычок железной пряжки,

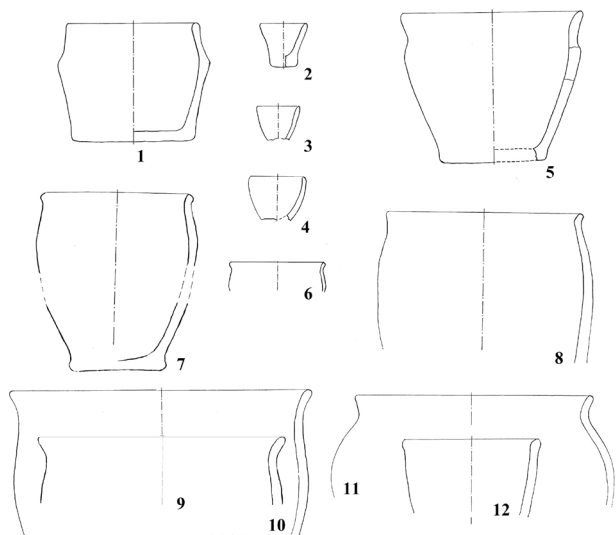

Рис. 3. Керамика из верхнего слоя (стратиграфический слой 3) селища возле д. Зароново: 1, 5–12 — лепные горшки (графическая реконструкция); 2–4 — верхние части миниатюрных сосудов

как и рамка, украшены рифлением. Ближайшие аналогии зароновским пряжкам встречаются нечасто, это единичные находки из Линдоры, Курово, Рысна-Сааре, Усть-Белой-V, Лемницы. По классификации И.А. Бажана и С.Ю. Каргапольцева, среднеевропейские В-образные железные пряжки с рифлением могут быть датированы второй-третьей четвертью V в. — началом VI в. [7, с. 29, рис. 3]. Н.В. Лопатин и А.Г. Фурасев относят появление данных пряжек на Северо-Западе Руси к середине — второй половине V в. н.э. [5, с. 63]. Е.Р. Михайлова считает, что для Восточной Европы время бытования пряжек следует расширить с конца IV в. до второй половины VI — VII в. [8, с. 530].

Шпора с коротким пирамидальным шипом и загнутыми наружу расплюснутыми крючками, дуга из граненого дрота несколько расширена в центральной части, шип изнутри заклепан (рис. 4: 8). М.М. Казанский считает, что шпоры данного типа попали в лесную полосу Беларуси и России с группами мигрирующего постзарубинецкого населения и принадлежат римскому времени (вторая треть IV в. н.э.) [9, т. 1, с. 265]. В.Б. Перхавко подобные шпоры, правда, с небольшим коническим шипом (тип V), в лесной полосе Восточной Европы датировал второй-третьей четвертью I тысячелетия н.э. [10, с. 122].

Полиэдрические бусины из синего стекла (рис. 4: 2, 3) среди центрально-европейских древ-

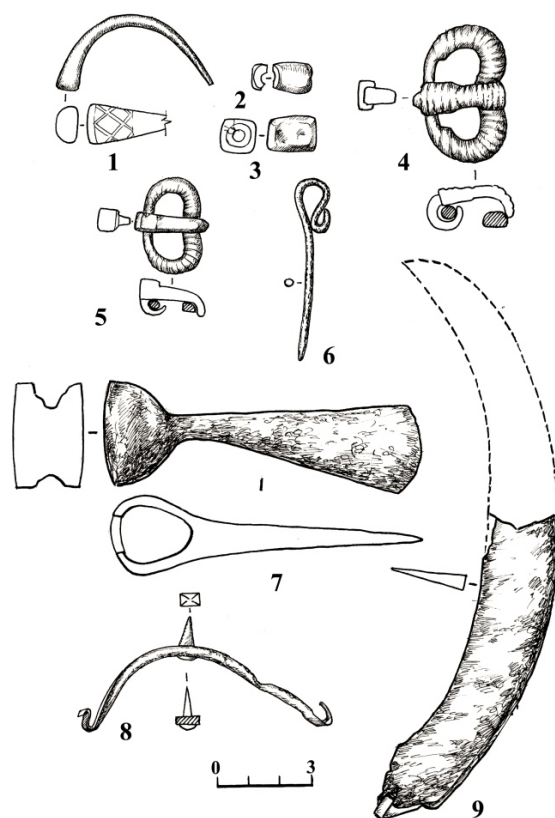

Рис. 4. Хронологические индикаторы верхнего слоя селища Зароново (стратиграфический слой 3): 1 — бронзовый браслет (фрагмент); 2, 3 — бусы полиэдрические; 4, 5 — В-образные пряжки; 6 — посоховидная булавка; 7 — боевой топор; 8 — шпора; 9 — серп (2 фрагмента). Материал: 1, 5 — бронза; 2, 3 — стекло синее; 4, 6–9 — железо

ностей известны со второй половины II — первой трети III в. [11, Bd. 43, S. 38]. Данные украшения присутствовали практически во всех культурах Восточной Европы в III–VII вв. н.э. На юге это памятники черняховской, киевской и пражской культуры [12, с. 37]. В древностях балтов данный тип бус связывают с могильниками Латвии II–III вв., юго-восточной Эстонии преимущественно IV в. На сопредельных с Витебским Подвижным памятниках культуры псковских длинных курганов исследователи называют более широкую дату: вторая половина IV — первая половина VI в. [13, с. 348; 5, с. 65].

Хронологические индикаторы верхнего слоя селища: В-образные пряжки (рис. 4: 4, 5), полиэдрические синие бусы (рис. 4: 2, 3), серп «с пяткой» (рис. 4: 9), шпора с загнутыми наружу расплюснутыми крючками (рис. 4: 8), узколезвийный боевой топор (рис. 4: 7), браслет с расширяющимися концами (рис. 4: 1) и т.д., в большинстве случаев перекрывающие друг друга, — позволяют предварительно датировать

его V–VII вв. (рис. 4). Очевидно, селище Зароново не прекратило существования в V веке, как ряд поселений круга Узмень–Заозерье, и жизнь на нем продолжалась до конца VII века.

Сопоставление стратиграфии селища с напластованиями городища позволяет нам выделить три этапа существования археологического комплекса Зароново.

Благоприятные условия, сложившиеся в последней четверти I тысячелетия до н.э. во время малого климатического оптимума SA-2 и начавшейся регрессии 7 Балтийского моря, способствовали интенсивному освоению племенами днепро-двинской культуры южных склонов Городокской возвышенности по линии Городок–Казиново–Бураково–Зароново–Старое Село [14, с. 28]. Одновременно с ними с юга – юго-запада сюда проникли небольшие группы носителей культуры штрихованной керамики, с северо-востока – дьяковское население. С первым периодом жизни на памятнике связаны напластования черной окраски, насыщенные зольно-угольными включениями (на городище и селище им соответствует нижний слой). Керамический комплекс этого времени наряду с керамикой днепро-двинского облика содержит штрихованную (11,0%) и текстильную керамику (4,5%), что подтверждает тезис об одновременном проникновении сюда разноэтничных групп населения. К сожалению, полное отсутствие хронологических индикаторов не позволяет датировать древнейший слой городища, можно лишь заметить, что инфильтрацию отдельных групп штриховиков в ареал днепро-двинской культуры исследователи связывают с рубежом – первыми веками I тысячелетия н.э. [15, с. 75].

Вызванное благоприятными климатическими условиями и регрессией Балтийского моря существенное понижение уровня грунтовых вод сделало пригодными для заселения пониженные участки рядом с городищами. В этот период возникли селища на ряде памятников, расположенных на южной оконечности Городокской возвышенности (Старое Село, Лужесно, Городок, Бураково, Казиново). Со второй четвертью I тысячелетия н.э. следует связывать возникновение селища у подножия городища Зароново. Полное отсутствие в керамическом комплексе селища посуды днепро-двинского облика позволяет предположить о проникновении в исследуемый регион отдельных групп населения с Поднепровья. К.П. Шут считал, что днепро-двинцы покинули городище в конце III в. н.э. [2, с. 13].

Возможными причинами миграции южных племен в северные регионы послужили, с одной стороны, дестабилизационные процессы второй половины IV в., вызванные военными столкновениями с готами и вторжением гуннов, а с другой – благоприятные климатические условия, сложившиеся в первой половине I тысячелетия н.э. Освободившиеся от воды территории в зоне Лучосской и Суражской низменностей открыли южанам проход в ранее труднодоступные места правого берега Западной Двины, где имелись прекрасные возможности для занятия животноводством и земледелием.

Последний период существования исследуемого комплекса связан с населением, в материальной культуре которого прослеживаются черты, характерные как для банцеровско-тушемлинской общности, так и культуры ранних длинных курганов. Подобная картина наблюдалась и при исследовании археологического комплекса Старое Село Витебской области (расположен в 15,0 км от Зароново), где рядом с городищем I–VII вв. имеются ранние длинные курганы [1, с. 99–102; 16, с. 241].

Заключение. Исследование селища Зароново, а также находки материалов круга древностей киевской культуры и типа Абидни на ряде других памятников Витебского Подвинья показывают, что этнические процессы в регионе в I тыс. н.э. не ограничивались взаимодействием культур днепро-двинской, штрихованной керамики и дьяковской. Со второй четверти I тыс. н.э. фиксируется проникновение в Витебское Подвинье с юга отдельных славянских группировок, что привело к постепенной ассимиляции местного балтского населения.

Сопоставление вещевых комплексов селища Зароново с материалами поселений южной части Псковской области подтверждает, что материалы, характерные для памятников типа Городок–Узмень–Заозерье и культуры ранних длинных курганов, имели единовременное распространение как на юге Псковской области, так и на северо-востоке Беларуси.

Литература

1. Ляўданскі, А.М. Археалёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе / А.М. Ляўданскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы археалёгічнай камісіі. – Менск, 1930. – Т. II. – С. 94–104.
2. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1964 г. / К.П. Шут // ААНД Ин-та истории Нац. акад. наук Беларуси. – Минск, 1965. – Д. 237. – 64 с.
3. Каргапольцев, С.Ю. К вопросу об эволюции трехрогих пельговидных лунниц в Европе (III–VI вв.) / С.Ю. Кар-

- гапольцев, И.А. Бажан // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – Вып. 7. – С. 113–121.
4. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) / В.І. Шадыра. – Мінск: Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі, 2006. – 150 с.
 5. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев / Рос. акад. наук, Ин-т археологии, Гос. Эрмитаж. – М.: Ин-т археологии Рос. акад. наук, 2007. – 251 с. – (РСМ. Археология славян и их соседей : сер. науч. публ.; вып. 8).
 6. Фурасьев, А.Г. Демидовка и Узмень. Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники / А.Г. Фурасьев // ГАЗ. – 1997. – № 11. – С. 33–38.
 7. Бажан, И.А. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации / И.А. Бажан, С.Ю. Каргапольцев // КСИА. – 1989. – Вып. 192. – С. 28–35.
 8. Михайлова, Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е.Р. Михайлова // Петербургский апокриф. Послание от Марка / ред. О.В. Шаров; Stratum Библиотека. – Кишинев: Высш. антрополог. школа, 2011. – С. 527–555.
 9. Казанский, М.М. Оружие киевской культуры / М.М. Казанский // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. – СПб.; Псков, 1997. – Т. 1. – С. 262–269.
 10. Перхавко, В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В.Б. Перхавко // СА. – 1978. – № 3. – С. 113–126.
 11. Tempelmann-Maczyńska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum / M. Tempelmann-Maczyńska; Römisch-germanische kommission des Deutschen archäologischen instituts zu Frankfurt am Main. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1985. – Bd. 43: Römisch-Germanische Forschungen. – 420 s.
 12. Вяргей, В.С. Сучасны стан і праблемы даследавання пражскай культуры ў Беларусі / В.С. Вяргей // Славяне на тэрыторыі Беларусі ў дэсударэсценны перыяд: к 90-летію со дня рожнення Леоніда Давыдовіча Побоя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларуская навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянскія древнасці Беларусі). – С. 14–61.
 13. Мастыкова, А.В. Датіроўка і паходжанне стэкланых бус із могільніка ў оз. Сьезжее / А.В. Мастыкова, А.В. Плохов // Дыялог культур і народаў сярэдневяковай Еўропы. К 60-летію со дня рожнення Е.Н. Носова / ред.: А.Е. Мусін, Н.В. Хвощінская. – СПб.: Дмiтрый Булацін, 2010. – С. 337–357.
 14. Микляев, А.М. Каменны–железны век у междуречье Западной Двины и Ловати / А.М. Микляев // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1995. – Вып. 9. – С. 7–39.
 15. Егорейченко, А.А. Об ареале культуры поздней штрихованной керамики / А.А. Егорейченко // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. – М.: Наука, 2004. – С. 70–76.
 16. Подгурский, П.Н. Раскопки городища Старое Село / П.Н. Подгурский // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларусі, бліжайшаго і далёкага зарубешся: матэрыялы міжнарод. науч.-теорет. конф., Віцебск, 19–20 апр. 2007 г. / Віцеб. гос. ун-т; редкол.: В.А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Віцебск: Изд-во УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2007. – Ч. 2. – С. 239–241.

Поступила в редакцию 24.06.2019 г.

ФИЛОСОФИЯ

Информационное общество и трансформация ценностных измерений духовного мира человека

Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Информационное общество, процессы глобализации оказывают существенное влияние на сферу духовной жизни общества, характер взаимоотношений людей, их ценностные ориентации.

Цель статьи — анализ ценностных измерений духовной сферы общества.

***Материал и методы.** Материалом работы являются процессы трансформации духовности, социализации молодежи в современных условиях. Авторами использованы общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** Человечество стало носителем и свидетелем невиданного технического прогресса, внедрения информационных технологий во все сферы человеческого бытия. В то же время налицо проявления гуманитарного, антропологического кризиса. Подвергаются переоценке базовые моральные ценности, углубляются процессы взаимного отчуждения людей, стандартизации их жизни. Данные проблемы нельзя решить технологическими средствами, т.к. информация перестает быть ценностно нейтральной. Важное значение приобретают социокультурные факторы, идеологические ориентиры.*

Трансформация духовных основ современного общества с неизбежностью ставит вопрос о роли и месте молодежи в динамике общественных процессов, что обуславливает необходимость совершенствования процесса ее социализации, корректировки содержания и структуры социально-гуманитарного образования.

***Заключение.** Успешное развитие общества, решение как стратегических, так и тактических задач его модернизации предполагает определение его духовных, идеологических приоритетов, внимание к качеству человеческого потенциала.*

***Ключевые слова:** глобализация, информационное общество, кризис элит, стандартизация жизни, социально-гуманитарное образование.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 77–82)

Information Society and Transformation of Value Dimensions of the Person's Spiritual World

Krivososova E.E., Rudkovski E.I.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masharov University", Vitebsk

Information society, globalization processes affect significantly the sphere of spiritual life of the society, the character of people's relations, their value orientations.

The purpose of the article is analysis of value measurements of the spiritual sphere of the society.

***Material and methods.** The research material is processes of spirituality transformation, of the socialization of youth in the contemporary conditions. General logical and generally accepted methods of theoretical research are used by the authors.*

***Findings and their discussion.** Mankind has become the bearer and the witness of unbelievable technical progress, of the introduction of information technologies into all spheres of human being. At the same time, humanitarian, anthropological crisis is manifesting itself. Basic moral values are reconsidered; processes of mutual alienation of people, their life standardization are deepened. These problems can't be solved by technological means since information stops being value neutral. Social and cultural factors and ideological landmarks become significant.*

Transformation of the spiritual bases of the contemporary society inevitably poses the question about the role and the place of the youth in the dynamics of social processes which preconditions the necessity in the improvement of the process of their socialization, correction of the contents and the structure of the social and humanitarian education.

***Conclusion.** Successful development of the society, solution of both strategic and tactical tasks of its modernization presupposes identification of its spiritual, ideological priorities, attention to the quality of human potential.*

***Key words:** globalization, information society, elite crisis, life standardization, social and humanitarian education.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 77–82)

Противоречия, как и достижения глобализирующегося мира, многогранны. Как правило, исследователи указывают на актуальность и необходимость решения геополитических, экономических, военно-стратегических, экологических проблем глобализации. При этом остаются недооцененными ее духовные, культурные проблемы, вопросы социогуманитарной, цивилизационной идентичности. Очевидно, что здесь нельзя стоять на позициях голого «экономизма» и «технократизма», игнорировать ценностное измерение взаимозависимого мира, нарастающие противоречия между глобальным и национально-особенным. Важны духовные приоритеты, которые придают человеческой жизни определенный смысл, а человеческой цивилизации в целом и отдельным социумам – надежду на устойчивое развитие.

Цель статьи – анализ трансформации ценностных измерений духовности в условиях информационного общества.

Материал и методы. Материалом работы являются информационное общество, его влияние на трансформацию духовных ценностей человека, проявления антропогенного кризиса, вопросы социализации молодежи в современных условиях. Использованы общелогические и общепризнанные методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Глобализация, сближающая народы, безусловно, имеет целый ряд позитивных сторон: интенсификацию экономических связей, широкий доступ к информации, социальную подвижность населения, рост уровня жизни, усиливающийся диалог культур и т.д. Вместе с тем нельзя не видеть и негативных последствий взаимозависимости мира: нивелировку культурных различий, стандартизацию общественной и духовной жизни, нарастание манипуляционного воздействия СМИ и масс-культуры. Человечество стало носителем и свидетелем невиданного технического прогресса, внедрения информационных технологий во все сферы жизни общества. В то же время человек вступил во всеобщий гуманитарный, антропологический кризис. Подвергаются переоценке базовые ценности человеческого бытия: долг, честь, совесть, традиционные устои семьи.

Национальные культуры все больше оказываются, если использовать категорию постмодернизма, в состоянии трансгрессии. Трансгрессия – понятие, фиксирующее феномен

преодоления непроходимой границы и прежде всего – границы между возможным и невозможным [1, с. 1048]. Это выход за пределы привычного, достижение по отношению к нему внешней позиции. Согласно постмодернизму, трансгрессия означает преодоление всяких ограничений, любых духовных запретов и норм в опыте «абсолютной негативности». Безусловно, духовная жизнь человечества на протяжении многих веков была связана с трансгрессией. Смена эпох так или иначе подразумевала выход за пределы, границы существовавших правил, запретов, формирование новых структур и ценностей, как позитивных, так и негативных. Вместе с тем подобный процесс все чаще переходит в отрицание предельных оснований культуры.

Важно учесть, что культура – это не только преодоление, «выход за пределы», но и все то, что связано с исторической памятью народа, его прошлым, позволяющим сохранить свою культурную идентичность. Однако сегодня мы становимся свидетелями, как теряется мировоззренческая целостность, определенность, устойчивость путем трансформации ценностной иерархии: обесцениваются традиционные социокультурные идеалы, происходит релятивизация норм общественной жизни, подмена базовых моральных ценностей духовными суррогатами. Углубляются процессы девальвации социальных связей, взаимного отчуждения людей в условиях не знающих границ либерализации, урбанизации, стандартизации их жизни. Как и предсказывал Г. Маркузе, стал реальностью одномерный человек.

В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением, что «наступает новая динамическая эпоха антропоцентрической цивилизации, когда начинают доминировать не материальные ценности, а духовно-нравственные, идет процесс усиления сознательного информационного договаривающегося общества» [2, с. 71]. Полагаем, что это, скорее, сфера должного, но не сущего. Многое в духовной жизни глобализирующегося мира не может не пугать. В частности, речь идет о имеющем место негативном, деструктивном воздействии СМИ на сознание людей, образ их жизни и мыслей на фоне экспоненциального роста информации.

«Становится характерным наличие раздвоенного типа человека: на человека знающего и человека манипулируемого. Человек манипулируемый к концу XX в. выглядит примерно

так. Это человек информационный (живущий в виртуальном мире, который навязывают ему СМИ). Это человек асоциальный, не желающий нести на себе бремя гражданской ответственности и явно недостаточно социализированный. И это человек массовый (потребляющий), для которого свобода становится свободой исключительно потребительского выбора» [3, с. 81].

Информация часто приходит на смену смыслу. По крайней мере высшему смыслу бытия человека. Как никогда обостряются экзистенциальные проблемы. Возникает вопрос: можно ли решить данные проблемы технологическими средствами? Полагаем, что это вопрос риторический. Информация в современном социализирующемся социуме перестает быть ценностью нейтральной. Она создает, направляет общественное сознание, часто меняет на противоположные знаки оценку общественных ценностей, становится мощным фактором формирования массового общества. Последнее имеет две отличительные черты. Во-первых, потребитель информации теряет чувство реальности окружающего мира, становится пленником различного рода духовных фантомов, общественных мифов. Часто СМИ, соответствующим образом формируя подачу информации, формируют у человека безразличие к общественным проблемам, апатию, потерю ориентации в сложном и противоречивом мире. Порой это оборачивается нигилизмом, всплеском деструктивной деятельности. Во-вторых, массовая культура ориентирована на невзыскательный вкус человека массы, стандартизирует жизнедеятельность людей. В итоге люди все больше становятся похожими, внутренне колонизированными: одинаково питаются, одеваются, думают. На место индивидуальности приходит, по словам М. Хайдеггера, нечто среднее, *das Man*: «В использовании публичных транспортных средств, в применении публичной информационной системы (газета) всякий другой подобен другому. Это бытие-с-другими полностью растворяет свое присутствие всякий раз в способе бытия “других”, а именно так, что другие в их различительности и выраженности еще больше исчезают. В этой незаметности и неустановимости люди разворачивают свою собственную диктатуру. Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят; но мы и отшатываемся от “толпы”, как люди отшатываются; мы нахо-

дим “возмутительным”, что люди находят возмутительным» [4, с. 126–127].

С тех пор масштабы стандартизации общественной жизни, инфляции духовных ценностей выросли многократно. Размываются пределы допустимого и недопустимого, стыдного и бесстыдства. Следует отметить, что раньше аморальное, девиантное, противоправное поведение было характерно для «социального дна». Сегодня оно поднялось по социальной лестнице, стало характерным и для тех представителей общества, которые не относят себя к социальным низам, чувствуют себя элитой общества. В этой связи актуально звучат слова Х. Ортега-и-Гассета: «В наше время даже в избранных группах преобладают люди-“массы”. ...в среде интеллектуалов, которые по своей сущности призваны быть людьми высокого интеллектуального уровня, мы замечаем все больше и больше псевдоинтеллектуалов – непрофессиональных, некомпетентных и не обладающих ни одним из присущих интеллектуалам качеств. С тем же явлением мы встречаемся и в среде сохранившейся аристократии» [5, с. 45]. Известному философу не откажешь в прозорливости. Ему удалось нащупать тенденции развития западного общества, его духовного кризиса. Используя понятие «человек-масса», мыслитель дает точный портрет как современного обывателя, так и представителя истеблишмента. Речь идет об измельчании личности в современном мире, ее нивелировке обществом потребления. Важно заметить, что самые глубинные основания общественных кризисов и потрясений – это закрытость, изоляция и кризис элит, которые выступают в качестве координирующего и направляющего центра социума. На это обратил внимание Р. Тот, отмечая, что «кризис элит является вершиной любого кризиса культуры, поскольку базовые ценности всегда определяют элиты» [6, с. 124]. Сегодня мы стали свидетелями кризиса неолиберальной политической элиты, ее неспособности идеологически подстроиться под рост влияния правых сил, дать вразумительные ответы на вызовы времени. Важнейшими идейными парадигмами неолиберальной элиты являются приоритет ценностей мультикультурализма над ценностями национальной культуры, акцент на десувенинизацию государств на основе региональных интеграционных объединений, гипертрофированное преувеличение правоохранительной проблематики, что находит, к слову, свое выра-

жение в защите прав меньшинств в ущерб мнению и ценностям большинства. Западная элита становится слишком заносчивой, уверовала в собственное всеисилие и, как следствие, теряет популярность.

Нельзя не отметить, что в 90-х гг. XX столетия властная элита России нанесла тяжелый урон прежде всего духовной сфере общества. Вся энергия была потрачена на меркантильные задачи обогащения узких социальных групп любой ценой. Граждане страны стали объектом мощной кампании по формированию через СМИ потребительской психологии, для которой деньги, эпатаж, вычурность становятся единственным мерилom жизненного успеха. Конъюнктурные ценности все больше завоевывают духовное пространство страны, а через СМИ и интернет проникают в сопредельные государства.

Масс-медиа страны-соседки, кроме погони за избыточным материальным потреблением, не могут предложить внятных идеологических ценностей, которые бы объединяли социум, давали представление о направлении, векторе развития общества. Отсутствие идеологических ориентиров, девальвация духовных ценностей ведут к росту или апатии, или альтернативных, как правило протестных, течений. В конечном счете социальная аномия не может не привести к снижению ответственности, творческого потенциала народа, динамики общественного развития. Стремление освободить общество от «идеологических пут» является замаскированной попыткой распространения идеологии либерализма в ее современном западном издании. Идеологию нельзя отменить ни под флагом «деидеологизации», ни требованиями учета здравого смысла, ни ссылками на законодательные акты. Перспективы, определенность установок должны быть и у конкретного человека, и у всей страны. Должен быть горизонт. Беды нынешнего социума часто обусловлены отсутствием четких духовных ориентиров, которые должны базироваться на менталитете народа, исторических традициях, этнокультурных особенностях, самоуважении нации.

Трансформация социально-политических и духовных основ современного общества с неизбежностью ставит вопрос о роли и месте молодежи в динамике общественных процессов. Как молодое поколение понимает, оценивает процессы обновления и способно ли оно их поддержать? Будут ли в будущем обществе

социальный мир и стабильность, утвердятся ли принципы гуманизма, демократии и справедливости? Ответы на эти и многие другие вопросы следует искать в современной молодежной среде, студенческих аудиториях и школьных классах. Молодежь ищет себя. Происходящие в обществе процессы оказывают существенное влияние на ее ценностные, мировоззренческие ориентации, место в системе социальных отношений. Понятно, что молодые люди могут и должны стать активными субъектами общественных перемен. Но это возможно лишь тогда, когда наряду с объективными условиями (материальное благосостояние, развитие демократии, состояние духовной культуры общества и т.д.) значительное большинство молодежи а) будет иметь мировоззренческий стержень, гражданские позиции, систему нравственных ценностей; б) обладать инициативностью, мобильностью в социальном и психологическом отношении, способностью гибко реагировать на изменяющиеся условия.

Важную роль в формировании личностных качеств молодых людей играют социально-гуманитарные дисциплины (СГД) которые преподаются в вузах. Кроме того, они важный фактор информационной и в целом духовной безопасности. Последнюю нельзя обеспечить лишь запретами и ограничениями. Важно сформировать у молодежи невосприимчивость, иммунитет ко всему, что разрушает духовные основы человеческого бытия.

Информационная среда современного человека, как уже отмечалось, резко изменилась. Он получил практически неограниченный доступ к очень разнородной, неупорядоченной информации. Это обуславливает необходимость определенной корректировки целей социально-гуманитарного образования, его принципов и структуры.

К важнейшим принципам функционирования социально-гуманитарного знания можно отнести:

- фундаментальность, способность отображать и решать актуальные проблемы развития общества;
- единство обучения и воспитания. Содержание каждой дисциплины должно включать солидный духовно-нравственный и идеологический потенциал, сочетать теоретический анализ процессов общественной жизни с их ценностными интерпретациями. Преподавание СГД не может быть лишь услугой. Необходимо отказаться от подобного «торгового» их предна-

значения. Образование призвано формировать не только профессиональные, но и личностные компетенции, мировоззрение, позволяющее человеку адекватно отвечать на вызовы времени;

– инновационность в содержании, формах, методах и технологиях преподавания и обучения.

Названные задачи и принципы социально-гуманитарного образования могут быть реализованы через целостную его систему, обеспечивающую непрерывность и преемственность овладения дисциплинами с учетом специфики профессии будущего специалиста. То место, которое занимают СГД в структуре образовательного процесса, не отвечает, на наш взгляд, вызовам времени. Вряд ли технократический подход к процессу подготовки кадров можно считать оправданным, нельзя все измерять сиюминутной экономической выгодой. По нашему мнению, определенные проблемы в сфере преподавания социально-гуманитарных дисциплин приведут к тому, что формирование гражданских, личностных качеств окажется под угрозой. Кого должен воспитывать университет: всесторонне образованного человека или профессионала узкой специализации? Здесь нельзя рассуждать согласно строгой дилеммы: или/или. Следует вспомнить слова философа М. Мамардашвили: человек не может добиться серьезных достижений в одной области, если он равен нулю в других. Уже ощущается недостаток у молодежи гуманитарного мироощущения и миропонимания. А что дальше?

В последние десятилетия реформирование блока СГД стало перманентным. Как шагреневая кожа, сокращаются объемы и наименования дисциплин. Если раньше в разряд необязательных были переведены такие дисциплины, как этика, эстетика, логика, религиоведение, то в новой концепции СГД к ним фактически причислены политология, социология и др. Целостное преподавание фундаментальных, академических дисциплин заменяется изучением лишь их отдельных разделов/спецкурсов (социология – социологией управления, социологией образования; политология – политической культурой, теорией политических систем и т.д. Это все равно, что биологию заменить спецкурсом о брюхоногих моллюсках, а географию – изучением только рельефа и недр.) Вряд ли подобная образовательная стратегия будет способствовать реализации выдвинутого полвека назад лозунга Дж. Хоманса о возвращении к человеку.

Обязательными остаются лишь философия и история белорусской государственности. Нет нужды говорить о важности данных дисциплин. К примеру, философия является теоретическим ядром мировоззрения, учит мыслить, выполняет огромную методологическую функцию в научном поиске. Однако необходимо учесть, что нет прямой, однозначной связи между философскими взглядами и гражданскими, политическими позициями человека. Известны случаи, когда отдельные мыслители, придерживающиеся примерно одинаковых философских позиций, принадлежали к разным политическим лагерям. Вот почему важно преподавание политологии в вузе как обязательной дисциплины. Не следует забывать, что политическое образование является одним из ключевых ресурсов демократической трансформации общества. Демократия не может существовать без политически образованных граждан. Политическое участие, способность к просвещенному выбору, контроль над деятельностью представителей власти требуют специальных знаний. Граждане должны понимать, как функционируют демократические институты, в чем ценность демократических прав и свобод, какими возможностями они обладают по их защите и реализации. Пробелы в научных знаниях часто восполняются стереотипами массового сознания, социальными мифами, деструктивными идеями.

Полагаем, что на всех педагогических специальностях в разряд основных должен быть включен курс этики и эстетики, учитывая процессы турбулентности в духовной сфере современного общества. Ведь любой учитель – это не только профессионал-предметник, но и не в меньшей мере воспитатель.

Часто можно услышать ссылки на то, что в вузах западных стран нет привычного нам блока СГД. Но почему мы свои проблемы и задачи должны измерять чужими мерками? Задача вуза в том, чтобы дать солидную теоретическую подготовку не только по спецпредметам. Практические умения и навыки нельзя трактовать слишком прямолинейно и утилитарно. Не следует брать на вооружение технократический подход, когда отдельные дисциплины, прежде всего СГД, объявляются чуть ли не лишними с точки зрения экономической пользы. Сформировать личность гражданина, человека с креативным мышлением может весь комплекс предметов, включая СГД. Необходимо пом-

нить опыт высшей школы СССР, уровень его науки, которые ничем не уступали западным образцам. Нельзя все измерять западным или экономическим аршином. Еще М. Вебер отмечал, что экономическая модель человека – это слишком узкая его модель. Если встать на узкие технократические позиции, то можно прийти к выводу, что в обществе вообще многое бесполезно. Например, нужна ли культура во всех ее проявлениях?

Заключение. Будущее развитие страны зависит от качества человеческого потенциала. А последнее есть не только квалификация (что бесспорно), но и личностные ориентации, гражданские позиции. Без осознания каждым человеком и народом в целом своей самости, собственного духовного стержня, без осознания причастности к базовым национальным ценностям проблематично говорить об успешной реализации всех социальных проектов. Система

образования и воспитания должна совершенствоваться с учетом новых реалий и накопленного исторического опыта.

Литература

1. Можейко, М.А. Трансгрессия / М.А. Можейко // Новейший философский словарь / гл. ред. А.А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: ООО «Интерпрессервис»: Книжный дом, 2001. – 1279 с.
2. Яновский, Р.Г. Гуманитарные перемены и духовность / Р.Г. Яновский // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – № 1(2). – С. 70–73.
3. Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2009. – 214 с.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. В.В. Бибихина. – М.: AD MARGINEM, 1997. – 451 с.
5. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1991. – 638 с.
6. Тот, Р. Европейский кризис культуры как предпосылка к войне / Р. Тот // Новейшая история России. – 2015. – № 1. – С. 122–132.

Поступила в редакцию 22.02.2019 г.

Взаимосвязь архетипичного и ситуационного в имидже политического лидера

Чикиндин М.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Важную роль для устойчивого развития демократического государства играют выборы политического лидера. Наибольшие шансы на политический успех имеет тот претендент, создаваемый образ которого вселяет в электорат уверенность в способности избранника реализовать их социальные ожидания в сложившейся политической и экономической ситуации.

Цель статьи — выявить механизмы архетипичного и ситуационного элементов в процессе формирования положительного имиджа политического деятеля.

Материал и методы. *Материалом исследования служат программы предвыборных кампаний кандидатов на высшие государственные посты и приемы построения их позитивного политического имиджа. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.*

Результаты и их обсуждение. *Эффективными инструментами построения имиджа политика являются позиционирование, мифологизация, эмоционализация. Большое воздействие на предпосылки выбора оказывают экспектации избирателей, обусловленные социальными обстоятельствами. Избиратели ориентированы в большей степени на эмоционально-образное, а не рациональное восприятие программных заявлений. Если люди не хотят жить по-старому, то необходимо создать архетипичную основу лозунга, призывающего к новым целям и свершениям. Архетипичное всегда ситуационно окрашено, оно принимает форму, соответствующую социокультурным и политическим реалиям конкретного исторического времени.*

Заключение. *При формировании имиджа следует учитывать гибкую диалектику взаимосвязи архетипичного и ситуационного. Актуализация архетипа, который коррелируется со сложившимися социально-экономическими и политическими условиями, позволяет с помощью современных информационных технологий активно воздействовать на символично-мифологические основы коллективного бессознательного. Важно, чтобы предлагаемые архетипичные стандарты, упакованные в эффективные знаково-символические формы, не оказались обыкновенным политико-популистским симулякром.*

Ключевые слова: *имидж, архетип, экспектация, стереотипизация, ситуативность.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 83–88)

Interconnection of the Archetypal and the Situational in the Political Leader's Image

Chikindin M.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

An important role in the sustainable development of the democratic state belongs to political leader elections. Most politically successful is the candidate the created image of whom makes the electorate sure of the abilities of the chosen nominee to implement their social expectations in the given political and economic situation.

The purpose of the research is to find out mechanisms of archetypal and situational elements in the process of shaping a positive image of the politician.

Material and methods. *The research materials are election campaign programs of higher state positions candidates as well as techniques of shaping their political images. The basic methods are analysis, synthesis, interpretation, comparison, typologization.*

Findings and their discussion. *Efficient instruments for shaping a politician's image are: positioning, mythologization, emotionalization. The preconditions of the choice are greatly influenced by expectations of the electorate under social circumstances. The voters are aimed at the emotional and image rather than at the rational perception of the program statements. If people don't want to live the old way of life it is necessary to shape an archetypal basis of the slogan which*

calls to new accomplishments and aims. The archetypal is always situation colored, it takes the shape, which corresponds the social and cultural and political reality of a definite historic time.

Conclusion. *While shaping the image it is necessary to take into account flexible dialectics of the interconnection of the archetypal and the situational. Actualization of the archetype which correlates with the given social and economic as well as political conditions makes it possible to actively influence the symbolic and mythological bases of the collective unconscious with the help of the contemporary information technologies. It is important that the suggested archetype standards, which are packed into efficient sign and symbol forms, should not be usual political and populist simulacra.*

Key words: *image, archetype, expectation, stereotypization, situationality.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 83–88)

Важную роль для устойчивого развития демократического государства играют выборы политического лидера. Наибольшие шансы на политический успех имеют те претенденты, создаваемый образ которых вселяет в электорат уверенность в способности избранника реализовать их социальные ожидания в сложившейся политико-экономической ситуации.

Цель статьи – выявить механизмы воздействия архетипичного и ситуационного элементов на процесс формирования положительного имиджа политического деятеля.

Материалы и методы. Материалом исследования служат программы предвыборных кампаний кандидатов на высшие государственные посты и приемы построения их позитивного политического имиджа. Основными методами выступают анализ, синтез, интерпретация, сравнение, типологизация.

Результаты и их обсуждение. Понятие «имидж» прочно вошло в обиход социогуманитарного и философского дискурсов. Выявлению его содержания и объема, сигнификата и денотата посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных авторов (достаточно обстоятельный обзор публикаций по данной тематике дан, например, А.Н. Костючковым [1]). Рассматриваемый концепт имеет ряд семантических точек соприкосновения с такими понятиями, как престиж, репутация, авторитет, символ. Но наиболее близким к нему является понятие «образ». Образ выступает как субъективное представление об объекте и способен меняться в зависимости от внешних обстоятельств и внутренних состояний субъекта, развиваться и обладать большим творческим потенциалом. Имидж характеризуется заданностью, своеобразной объективной субъективностью, т.е. навязанной субъективностью. Задача имиджмейкера сформировать у аудитории впечатление, что предлагаемый образ рожден самостоятельно в представлении каждого. Имидж – воображаемый образ чело-

века, группы, организации, события, процесса или явления, создаваемый профессиональными имиджмейкерами [2, с. 286]. Ввиду наличия элемента навязывания извне творческое развитие имиджа весьма затруднительно. При имиджевом отображении воспринимаемого объекта ракурс восприятия умышленно смещается. В этом смысле имидж – искажение действительности, ее иллюзорное отображение. Но подобное отражение «возникает в головах людей. Извне им может предлагаться только та или иная имиджевая модель» [3, с. 41]. Стоит также иметь в виду, что имидж – это социальный феномен и существует не у одного отдельно взятого человека, а в определенных социальных группах. Имидж представляет собой «публичное “Я” человека», «свернутый текст», особую коммуникативную единицу, посредством которой можно воздействовать на массовое сознание [4, с. 173]. Здесь следует учитывать, что в процессе формирования имиджа участвуют 2 стороны: «проектирующая» и «принимающая». В соответствии с известными законами социальной психологии «принимающая сторона» нуждается в лидере.

Лидерство (от англ. *leader* – ведущий) – ситуация в рамках социальной группы, когда один индивид берет на себя функции управления с последующими обязательствами данной группы подчиняться его указаниям. По Ф. Ницше, «стремление к лидерству – это проявление “творческого инстинкта”, которое свойственно для духовной аристократии» [5, с. 286]. Г. Тард в теории подражания отмечал, что «основной закон общественной жизни – это подражание последователей лидеру» [6, с. 260], символический облик которого отвечает запросам времени и общества. С психологической точки зрения, имидж – реальность иллюзорного пространства.

Эффективными инструментами построения имиджа являются позиционирование, мифологизация, эмоционализация. Позиционирование

предполагает помещение объекта в благоприятную для него информационную среду, где целевым аудиториям предоставляется лишь та информация, в которой они заинтересованы. Информация должна включать в себя сведения о преимуществах кандидата над его политическими оппонентами. Мифологизация – обращение к представлениям, уже имеющимся в сознании, их усиление и развитие имиджа. Она основывается на образном мышлении и предполагает влияние на эмоциональное восприятие кандидата со стороны электората. Образы политического лидера обычно являются также персонификацией и выражением определенной культурологической парадигмы. Они по своей природе синкретичны и синтезированы из определенных идеологий и идеологом, укорененных в доминирующих в обществе «культурных образах»: мифологических, религиозных, национально-этнических, политико-идеологических, моральных, имиджевых, эстетических и др. Процесс мифологизации закрывает неизвестные для избирателя детали, маскируя их, создавая определенную легенду, миф, выставляя политика в положительном или отрицательном свете. В качестве дополнительного средства мифологизации может применяться эмоционализация путем перевода коммуникационного обращения на понятный язык, добавление к информации эмоциональной окраски для положительного восприятия. Основные пути эмоционализации – действия, вызывающие соболезнавание, радость или стремление бороться с общим врагом. Все это и должно составлять модель положительного восприятия политика с точки зрения электората. Маловероятно, что избиратель когда-нибудь лично пересечется с кандидатом, но с имиджем политика он встречается практически ежедневно. Именно на этапах мифологизации и эмоционализации проявляется архетипичная основа построения имиджа.

Архетип в данной работе рассматривается не в «юнгговском» понимании в качестве структурного элемента человеческой психики, скрытого в коллективном бессознательном, а как властный «первообраз», закрепленный в национальных традициях, коллективном и индивидуальном мышлении в форме стереотипа. На архетипах «выросла особая интеллектуально-символическая традиция, в соответствии с которой политическое мышление осуществлялось преимущественно в символических

формах, создавая и трансформируя не столько идеи, сколько образы» [7, с. 94]. Основной прием работы с архетипами в политической сфере заключается в попытке усилить подсознательное впечатление. Для этого необходимо соединить конкретные качества политического лидера с архетипическими знаками, символами и мифологическими сюжетами в подсознании избирателей.

Наиболее популярными являются три архетипа политического лидера: Отец, Герой, Идол/Пророк. Каждый из них имеет базовую характеристику, определяющую образ: для Отца – справедливость, для Героя – мужество, для Пророка – сакральный дар.

Образ Отца в системе политического лидерства характерен для стабильных традиционных обществ с преобладанием принципов коллективизма. Здесь можно вспомнить конфуцианскую концепцию построения государства. Китайское общество с основополагающими принципами уважения и почитания старших, гуманности и инвариантности ритуалов должно быть подобно семье, где император – отец, а подданные – его сыновья и дочери. Данный архетип лидерства присущ многим странам с сохранившимися коллективистскими реалиями. Во многом эта традиция идет еще от русского монархизма и образа «царя-батюшки». В Советском Союзе Сталина называли «Отцом народов». На постсоветской территории государственный лидер Туркменистана С. Ниязов получил официальное имя Туркменбаши – «Отец все туркменов». За Президентом Беларуси А. Лукашенко в обиходном сознании закрепился образ «Батьки», отражающий архетипического Отца патриархальной семьи, всевластного и ответственного, строгого, принципиального, но одновременно склонного к милости и справедливости. Его приход к власти был обусловлен слабым социально-экономическим положением страны после развала Советского Союза, преобладавшим пессимизмом и апатией в обществе. Был необходим активный, решительный и бескомпромиссный лидер, который смог бы объединить общество, повести людей за собой. Образ «Отца» является интегрирующим для политико-социального пространства. Нужда в политическом отцовстве основывается на нескольких составляющих: этических императивах, подданнической политической культуре, традиционализме, почитании старших, религиозной и исторической традиции. Во многом данный архетип также

характерен для монархий, где монарх осуществляет «отцовские функции» в качестве помазанника Божьего, онтологически олицетворяя идею Небесного отцовства. По отношению к данному архетипу люди ощущают чувство любви и страха. Для архетипа Отца характерен тип политического имиджа «Хозяйственник», предполагающий наличие управленческих качеств политика, акцент на административные и экономические дарования. Политическая деятельность и политическая борьба – вторичны. Акцент на эффективность развития сфер, которыми управляет. Успех определяется желанием масс видеть лидера, готового взять на себя всю ответственность за общественные дела. З. Фрейд утверждал, что «авторитет лидера в массах подобен авторитету отца в семье. Люди в своей массе испытывают острую необходимость подчиняться авторитету» [8, с. 245].

Архетипическая фигура Героя чаще всего пробуждается в период социальных потрясений и неустойчивой политической ситуации. Данный тип строится на апеллировании к чувствам народа. Образ Героя весьма важен в переломных исторических обстоятельствах: при необходимости смены традиционного типа властвования, многолетнего лидера либо в период сложной внешнеполитической ситуации. Наглядно иллюстрирует это политическая ситуация, сложившаяся в Украине. Во многом образ архетипичного Героя олицетворял для украинцев В. Зеленский как кандидат в период избирательной кампании на пост президента Украины 2019 года. «В политике настоящие великие люди те, которые предвидят зарождающиеся потребности, события, подготовленные прошлым, и указывают путь, которого следует держаться» [9, с. 109]. Очень часто мы можем наблюдать в рамках архетипа Героя лидера-знаменосца, лидера-революционера, лидера-пожарника. Знаменосец характеризуется привлекательностью, собственным видением ситуации, способностью увлечь за собой массы в стремлении изменить элементы политической системы ради осуществления своей мечты. Революционер не приемлет господствующие политические идеалы, предлагает взамен новые, стремится преобразовать общество в более радикальной манере по сравнению со знаменосцем. Лидер-пожарник должен отличаться быстротой действия, решительностью, способностью вовремя отреагировать на изменяющуюся ситуацию и возникающие проблемы.

Но деятельность такого лидера, как правило, достаточно кратковременная и он не способен работать на долгую перспективу и в стабильной обстановке.

Архетипический образ Пророка связан с «приписыванием» лидеру субстанционально-религиозной природы и наложением религиозной мировоззренческой матрицы на его образ и деятельность, как это, например, происходило в императорском Риме. Важнейшей задачей политического лидера в подобном социальном контексте являлась организация своих взаимодействий с последователями по модели, внешне соответствующей религиозному ритуалу. По мере же развития общества происходили «формализация», «рутинизация» и бюрократизация личностной харизмы, доминирование статусно-ролевого и институционального над личностным и иррациональным [10, с. 63]. Основной тип политического имиджа при данном архетипе – «реформатор» или «консерватор», в зависимости от выбора модели политического поведения со стороны лидера. Реформационная модель политического поведения лидера предполагает стремление к эволюционным изменениям социальных и политических элементов системы, критику прошлого и акцентирование внимания на политической программе политика. Наиболее оптимально применять образ данного лидера в построении имиджа в периоды обновления после кризиса. Построен образ на создании в сознании нации объединяющего начала в лице политического лидера. Не пользуется популярностью в периоды стабильности и социального развития. Консервативная модель предполагает традиционализм, большую роль духовной и светской религии (идеологии), осторожные реформы и элитизм в процессе принятия политических решений. Г. Лебон писал, что «лидер – это хороший психолог, он может подчинить толпу и повести ее за собой» [9, с. 153].

Избиратели ориентированы в большей степени на эмоционально-образное, а не рациональное восприятие имиджа. В западноевропейской культуре лидер располагается вне остальных: «вне и над» (при публичных выступлениях), «вне и впереди» (при возглавлении шествия). Многими воспринимается это на интуитивном уровне. Более того, оценка тех или иных качеств политиков существенно варьировалась в зависимости от ситуативного контекста. Архетипичное всегда ситуационно

окрашено, принимая форму, соответствующую социокультурным и политическим реалиям конкретного исторического времени. В период кризиса и ситуативной опасности более приемлемым будет кандидат, основными чертами которого являются решительность, бескомпромиссность, стойкость, активность, гибкость. Занятие политиком определенного политического поста неминуемо приводит к его сравнению с предшественником. Важными представляются политический климат, в котором лидер начинает свою деятельность, и попытка создать свой имидж на контрасте с прошлым. Если люди не хотят жить по-старому, то необходимо создать архетипичную основу лозунга, призывающего к новым целям и свершениям. Показательным примером в России была передача поста премьер-министра в России от Е. Примакова В. Путину и положительная оценка этого действия со стороны электората. Е. Примаков как представитель старшего поколения олицетворял собой консерватизм, желание спокойствия и определенности, склонность к компромиссам, медлительность, рассудительность. Однако внутривнутриполитическая ситуация, которая сложилась тогда в России, особенно опасность террористической угрозы, требовала совершенно иной типаж политика. И на политической авансцене появился В. Путин со своим знаменитым «где поймал, там и замочим». Этим несколько грубоватым заявлением подчеркивалось, что новый политический лидер олицетворяет собой решительность, бескомпромиссность, жесткое действие, порядок. Также показательным примером может являться контраст имиджа «сильного президента» Р. Рейгана, который пришел на смену оказавшемуся слабым лидером Дж. Картеру в период наступления сложной социально-экономической и внешнеполитической ситуации для США.

Политический имидж должен опираться на имеющиеся качества человека, но в то же время иметь психологическую пластичность. Имидж политика не должен включать в себя противоречащие друг другу черты. В нем акцентируются на 2–3 положительных качествах, на которые сделана ставка в политической кампании. Данные черты должны вызывать у электората спонтанные, эмоционально позитивные представления о способности претендента на власть реализовать их социальные ожидания. Для этого символический облик культурологически стилизуется в рамках конкретно-

исторических эпох. Для эпохи Средневековья, например, была характерна сакрализация политического лидера, обусловленная преобладанием религиозного мировоззрения в этот период. Не случайно именно для данной эпохи характерны споры о главенстве между светской и духовной властью, а страшнейшим наказанием для светского монарха являлась анафема, так как, отлучая неугодного властителя от церкви, тем самым Церковь лишала богоизбранности образ правителя. В индустриальном обществе, наоборот, в системе политического лидерства доминировала схема политико-идеологических идентификаций, основанных преимущественно на рациональных аргументах. Ведущими являлись сложившаяся репутация политика, эффективность его управления, а не его имидж. В информационном обществе мы наблюдаем синтез эмоционального и рационального, кроме того, большое внимание уделяется виртуализации создаваемого образа политического лидера. Лидер государства во многом должен олицетворять и символизировать государственную национальную идеологию в глазах избирателей. Как указывает Г.Г. Дилигенский, «в любых исторических условиях выбор политической ориентации лишь у меньшинства людей совпадает с выбором политической концепции. У большинства политический выбор связан с выбором персонифицированным: ориентация персонифицируется в политическом лидере или организации, образы которых персонифицируются с теми предпочтениями, в которых выражаются политические интересы людей... Чувственно воспринимаемый образ политиков – это для большинства людей единственно доступный источник суждения о гарантиях осуществления разделяемых ими политических целей...» [11, с. 336–337]. Архетипы помогают структурировать мировоззрение через самооценку своего положения и положения других людей в этом мире. Познавание закономерностей воздействия архетипов и их умелое ситуационное применение могут выступать сильным средством воздействия на людей и их отношения. Для десимволизации внешнего облика претендента на политическое лидерство и его заявлений необходима соответствующая политическая и социально-философская культура субъекта восприятия.

Заключение. При формировании имиджа политического лидера следует учитывать гибкую диалектику взаимосвязи архетипичного и ситуационного. Поиск нужного архетипа, кото-

рый хорошо коррелируется с социальными ожиданиями электората, необходимо осуществлять на основе глубокого и всестороннего социально-философского, экономического и политического анализа социальной ситуации, которая не устраивает целевую электоральную аудиторию. Знание экспектации последней позволяет опытным имиджмейкерам с помощью современных информационно-медийных технологий активно воздействовать на мифологические основы коллективного бессознательного и усиливать их эмоциональную окраску. Избиратели должны быть предельно внимательными, ибо предлагаемый архетипичный стандарт, упакованный в эффектные знаково-символические образы, может оказаться обыкновенным политико-популистским симулякром.

Литература

1. Костючков, А.Н. Международный имидж и особенности его формирования в условиях глобализации / А.Н. Костючков // Глобализация, регионализация, пограничье: монография / под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 139–146.
2. Ольшанский, Д.В. Политический PR / Д.В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
3. Почепцов, Г.Г. Паблик-релейшнз для профессионалов / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2001. – 624 с.
4. Феофанов, О.А. Реклама: Новые технологии в России / О.А. Феофанов. – СПб.: Питер, 2000. – 384 с.
5. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – 512 с.
6. Тард, Г. Мнение и толпа / Г. Тард // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 416 с.
7. Щербинин, Н.Г. Цветовая классификация политических лидеров России: лидер белый, красный и черный / Н.Г. Щербинин // Полис. – 2000. – № 4. – С. 94–104.
8. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – СПб.: Питер, 2003. – 342 с.
9. Лебон, Г. Психология толп / Г. Лебон. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 416 с.
10. Лысюк, А.И. Образ политического лидера: структура и детерминанты / А.И. Лысюк // Вестник Брестского университета. – 2010. – № 1. – С. 60–69.
11. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология / Г.Г. Дилигенский. – М.: Новая школа, 1996. – 351 с.

Поступила в редакцию 07.06.2019 г.

Возможности реализации современных тенденций в сфере дополнительного образования молодежи (социально-философский аспект)¹

Ильюшенко Н.С.

ГНУ «Институт философии Национальной академии наук Беларуси», Минск

В работе описана роль дополнительного (неформального) образования молодежи в достижении целей устойчивого развития (ЦУР). Предложена модель образовательной программы, позволяющей сформировать у детей и подростков глобальные компетенции, соответствующие ЦУР: ценностные ориентации (гуманности, толерантности, сохранение природного и культурного разнообразия); навыки критического, творческого мышления.

Цель статьи — раскрыть возможности дополнительного образования молодежи в условиях современных социальных трансформаций.

Материал и методы. Исследование базируется на анализе международных (Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года) и национальных (Кодекс об образовании Республики Беларусь; Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года; Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 годы; Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года и др.) документов, затрагивающих вопросы целей и задач неформального образования. При этом используются компаративный метод, позволяющий эксплицировать отличительные черты дополнительного образования, а также общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение. Определены и описаны современные тенденции в сфере дополнительного образования молодежи, служащие достижению ЦУР. Рассмотрены возможности реализации данных тенденций в образовательном пространстве Республики Беларусь посредством имплементации комплексной, практико-ориентированной обучающей программы для детей и подростков «Зеленое Солнце», включающей теоретические и методические наработки коллектива ученых Института философии НАН Беларуси.

Заключение. Следовательно, благодаря видимым перспективам развития дополнительного образования молодежи в Республике Беларусь определены наиболее значимые направления совершенствования дополнительного образования в условиях современной социокультурной динамики.

Ключевые слова: устойчивое развитие, дополнительное образование, глобальные компетенции, образовательная программа, философия для детей.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 89–95)

Opportunities for the Implementation of Modern Trends in the Field of Additional Education of Young People (Social and Philosophical Aspect)

Ilyushenka N.S.

*State Scientific Institution “Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk*

The role of additional (non-formal) education of youth to achieve the goals of sustainable development (SDG) is described in the article. The model of an educational program which allows children and teenagers to develop global competencies (values of humanity, tolerance, preservation of natural and cultural diversity; skills of critical, creative thinking) is proposed.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по гранту БРФФИ «Наука-М 2018» на тему «Философия в структуре инновационных технологий школьного образования: концептуальные основания, методологический инструментарий, перспективы имплементации в РБ» (договор с БРФФИ от 30.05.2018 г. № Г18М-113).

The purpose of the article is to reveal the possibilities of additional education of youth in the context of modern social transformations.

Material and methods. *The article is based on the analysis of international (The 2030 Agenda for Sustainable Development) and national (Republic of Belarus Education Code; The National Strategy of the Stable Social and Economic Development of Belarus for the Period till 2020; State Program “Education and Youth Policy” for 2016–2020; Conceptual Approaches to the Development of the Education System of the Republic of Belarus until 2020 and for the future until 2030, etc.) documents. For explication the distinctive features of additional education a comparative method has been used as well as general scientific methods.*

Findings and their discussion. *The current trends in the field of additional education of youth which serve the SDGs are analyzed. The possibility of realization of these trends in the Belarusian educational area through implementation of comprehensive and practice oriented training program of additional education for children and teenagers “Green Sun” is considered. The program is based on theoretical and methodological works of scientists from the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus.*

Conclusion. *Prospects for the development of additional education of youth in the Republic of Belarus are described. The most significant directions of improving additional education in the conditions of modern social and cultural dynamics are identified.*

Key words: *sustainable development, additional education, global competences, educational program, philosophy for children.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 89–95)

Согласно экспертным оценкам, представленным Фондом Организации Объединенных Наций в области народонаселения (UNFPA) по состоянию на 2016 год, в мире проживало порядка 125 миллионов детей в возрасте 10 лет, а численность молодых людей в целом к этому периоду достигла максимума за всю историю человечества. Современное поколение 10-летних детей уже было окрещено многими исследователями как «Поколение ЦУР». Данное название означает, что именно этим детям будет отведена ключевая роль в достижении Целей устойчивого развития, провозглашенных ООН и направленных на искоренение нищеты, обеспечение всеохватывающего экономического роста, укрепление здоровья и повышение благополучия всех людей к 2030 году, когда они станут молодыми взрослыми людьми, выходящими на рынок труда. От этого поколения будет зависеть успешность реализации принимаемых решений, а значит и возможности достижения ЦУР в принципе.

Республика Беларусь неоднократно признавала свое стремление способствовать осуществлению Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой в сентябре 2015 г. В этой связи реализация конкретных мер, направленных на подготовку молодых белорусских граждан к решению сформулированных в Повестке – 2030 задач, приобретает первостепенное значение.

Для того чтобы молодые люди были готовы к вызовам, с которыми им придется столкнуться в будущем, важно уже сейчас снабдить их инструментами, позволяющими решать задачи,

актуальные не только для сегодняшнего дня, но и в более отдаленной перспективе. Образование является средством, способным дать будущему поколению взрослых необходимые ценностные и мировоззренческие опоры, знания, сформировать востребованные компетенции и навыки. Особенно важным представляется развить у современных детей и подростков так называемые «глобальные компетенции» – способность критически рассматривать с различных точек зрения проблемы глобального характера и межкультурного взаимодействия; осознавать, как культурные, религиозные, политические, расовые и иные различия могут оказывать влияние на восприятие, суждения и взгляды людей; вступать в открытое, уважительное и эффективное взаимодействие с другими людьми на основе разделяемого всеми уважения к человеческому достоинству (PISA-2018) [1].

Несмотря на то, что школьному обучению по-прежнему принадлежит ключевая роль в развитии обозначенных компетенций, исследователи все чаще отмечают (например, [2]), что формальное школьное образование недостаточно хорошо справляется с поставленными перед ним задачами, в результате чего ведется поиск новых средств и форм обучения, отвечающих современным социокультурным вызовам.

Цель статьи – раскрыть возможности дополнительного образования молодежи в условиях современных социальных трансформаций.

Материал и методы. Для этого анализировались как международные, так и национальные документы, фиксирующие в своем содержании

стратегически значимые задачи в области образования. В частности, нами были изучены Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, Кодекс об образовании Республики Беларусь, Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года, Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 годы, документ «Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года» и иные документы, затрагивающие вопросы целей и задач неформального образования. При этом использовались компаративный метод, позволяющий эксплицировать ключевые черты дополнительного образования молодежи, а также общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ ключевых документов позволил сделать вывод о том, что концепция дополнительного (неформального – согласно терминологии ЮНЕСКО [3]) образования, может быть признана в качестве достойного приложения к обязательному школьному обучению детей и подростков, способного компенсировать его слабые места.

Показательно, что перспективность дополнительного образования отмечалась еще в 2000 году на международном Симпозиуме по неформальному образованию (г. Страсбург, 13–15 октября 2000 г.). В ходе мероприятия статус дополнительного образования был приравнен по значимости к общему образованию [4, с. 17–18], а в основное содержание концепции дополнительного образования вошло не только расширение образовательных возможностей его непосредственных реципиентов, но также повышение профессионализма и вовлеченности педагогов. Последнее обстоятельство связано с тем, что дополнительное образование предоставляет больше пространства для свободного применения учителями инновационных технологий и методик преподавания, что нередко бывает затруднено в организациях формального образования. Дополнительное образование, таким образом, может быть признано средством, способствующим достижению цели максимально полного удовлетворения индивидуальных образовательных (познавательных) потребностей детей и подростков, включая те, что выходят за рамки тем, очерченных утвержденными государственными программами формального образования.

В Республике Беларусь дополнительное образование детей и молодежи определяется как вид образования, направленный на развитие личности воспитанника, формирование и развитие его творческих способностей, удовлетворение его индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном, физическом совершенствовании, адаптацию к жизни в обществе, организацию свободного времени, профессиональную ориентацию [5].

Проведенный сравнительный анализ формального и неформального типов обучения позволил эксплицировать особенности дополнительного образования. Данный вид обучения:

- привлекает детей благодаря сочетанию черт общего образования и культурно-развлекательного досуга, а также за счет более широкого диапазона деятельности (видов активностей), организованной по принципам добровольности, свободы выбора и самоопределения;
- быстро реагирует на требования изменяющегося мира и новые социальные запросы, перестраивая свои программы в соответствии с новыми трендами, в том числе на рынке труда;
- своей целью видит не только сообщение специальных (предметных) знаний и развитие узкого набора компетенций, но также умения ребенка быть частью сообщества и взаимодействовать с другими людьми на принципах гуманности, толерантности, взаимоуважения.

В связи со сказанным представляется важным упомянуть результаты зарубежных исследований, подтверждающих, что посещение детьми дополнительных образовательных курсов и кружков положительно влияет на их развитие, социализацию, школьное обучение и в целом будущую жизненную успешность. В частности, было установлено, что:

- посещение дополнительных занятий стимулирует интерес детей к окружающему миру, что повышает их успеваемость по общеобразовательным школьным программам, снижает количество пропусков занятий и в целом ведет к повышению школьной успеваемости [6];
- дополнительные занятия способствуют формированию у детей самооценки, адекватной их реальным достижениям [7];
- дети из малообеспеченных семей, вовлеченные в различные виды внешкольной активности, оказываются в меньшей степени склонны к девиантному (антисоциальному) поведению [8];
- участие во внешкольных образовательных мероприятиях стимулирует развитие коммуни-

кативных компетенций, закладывает основы моделей успешных социальных взаимодействий, необходимых для самореализации во взрослой жизни [9].

Таким образом, этот тип образования дополняет существующие виды формального обучения, способствуя гармоничной социализации личности, становлению детей и подростков как полноценных членов общества.

База, на которой реализуется дополнительное образование детей в Республике Беларусь, включает дома детского и молодежного творчества; кружки по интересам; подростковые тематические клубы; музыкальные, хореографические, спортивные секции; хобби-центры; творческие лаборатории и ассоциации; частные образовательные организации и др. Также занятия по программам дополнительного образования могут проводиться и в школах (например, в качестве факультативных уроков), однако, в отличие от мероприятий формального образования, они ориентированы на работу с детьми во внеурочное (свободное от основных занятий) время.

Основой дополнительного образования являются образовательные программы. Эти программы, в отличие от программ формального образования, характеризуются рядом параметров:

- обучение детей, как правило, осуществляется на основе авторских разработок самих педагогов;
- они близки интересам детей, затрагивают волнующие их вопросы и могут трансформироваться в зависимости от актуальных запросов обучающихся, родителей, общества;
- предполагают использование нестандартных, творческих, инновационных методик и технологий обучения.

Благодаря подобной специфике и дети, и педагоги оказываются заинтересованными в процессе передачи и получения новых знаний, вовлекаются в педагогический процесс, что положительно сказывается на результатах обучения.

Среди современных трендов дополнительного образования детей и подростков можно выделить:

1) отказ от тотальной цифровизации и гаджетизации образовательного процесса – противостоит тренду формального образования, где упор делается на все возрастающую интеграцию ИКТ в сам ход обучения, в котором наблюдается прогрессирующая зависимость от процессов информатизации и компьютеризации. Несмотря на масштабное проникновение технологий в сферу образования, они не приводят к фундаментальным изменениям образовательных целей, содер-

жания учебных курсов, а также сущностно не трансформируют позиции педагога и обучающегося. В результате «цифровая нагрузка» – особенно в детском и подростковом возрасте – нередко имеет целый ряд негативных последствий: ухудшение здоровья (особенно зрения); перегруженность информацией; сложности социализации и установления межличностных отношений. Так, опросы учителей показывают, что именно использование гаджетов видится в качестве основной причины того, что обучающиеся испытывают трудности в общении лицом к лицу, имеют сниженные показатели критического мышления и их способности выполнять домашнюю работу [10]. Многие элитные образовательные учреждения вводят полный запрет на применение гаджетов до 14 лет, стремясь таким образом «помочь детям стать “активными создателями”, а не “пассивными потребителями”» [11]. Разумеется, уйти от цифровой революции не удастся – сегодня рынок труда требует наличия у будущих специалистов целого ряда «цифровых» компетенций. Однако целью дополнительного образования, среди прочего, должно стать освоение детьми и подростками моделей поведения, не опосредованных компьютерными и информационными технологиями;

2) отказ от излишней специализации – в программах дополнительного образования особое внимание уделяется не только формированию и развитию специальных навыков и компетенций, но и общим навыкам обучения и общения – так называемому «комплексу жизненных навыков». Как отметил региональный советник ЮНЕСКО для стран Восточной Европы и Центральной Азии Тигран Епаян, «детям, особенно в подростковом возрасте, когда они переходят во взрослую жизнь, больше всего нужны именно эти навыки и знания. Далеко не всегда их могут научить этому в семье». По его мнению, дополнительное образование «могло бы заполнить такую важную нишу» [12]. При этом отказ от узкой специализации означает включение в программу различных видов деятельности, в том числе не близких друг другу: например, вычисление (счет), рисование, рассказывание историй. Разнообразие видов деятельности, подчиненных общей цели, позволяет достичь всестороннего развития личности ребенка;

3) отказ от ориентации на дальнейшую индивидуализацию работы и приоритет коллективных форм активности – несмотря на то, что сегодня большое распространение получают

инициативы, направленные на выстраивание персональных образовательных траекторий, популярностью пользуются онлайн курсы, которые можно осваивать самостоятельно, – в сфере дополнительного образования ставка делается на поддержание коллективных форм обучения и взаимодействия. Такое обучение отвечает задаче формирования у детей и подростков ценностей дружелюбности, толерантности, человеколюбия, учит общению с разными людьми, развивает умение жить в коллективе.

Примером программы дополнительного образования, находящейся в соответствии с описанными трендами, а также ставящей перед собой задачу развития «глобальных компетенций» и «комплекса жизненных навыков», востребованных в будущей взрослой жизни, является программа внешкольного обучения детей и подростков «Зеленое Солнце» (авторы: Н. Ильюшенко, Н. Кутузова, Д. Кутузов, О. Давыдик). Название программы вдохновлено мыслью известного детям писателя Дж. Р.Р. Толкиена, согласно которой «придумать зеленое солнце легко; трудно создать мир, в котором оно было бы естественным...». Программа разработана для занятий с детьми 10–12 лет. Она служит педагогическим средством формирования и развития комплекса навыков: умения учиться, логически и критически мыслить, творчески подходить к решению поставленных задач, работать в команде, общаться и находить общий язык с людьми, имеющими различные мировоззренческие и культурные установки. Особенность программы состоит в сознательном отказе от использования в образовательном процессе компьютеров и иных средств ИКТ, ориентации на развитие у детей и подростков навыков живого межличностного взаимодействия, культуры коммуникации и мышления в диалоге друг с другом. Ее оригинальность подтверждается применением авторских научных данных, основанных на исследовании потенциала использования философии для детей в обучении молодежи, полученных в рамках работы над проектами, поддержанными Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований: «Философское консультирование: методологические основания, принципы реализации и перспективы развития в Республике Беларусь» (2014–2016 гг.; руководитель – М.Б. Завадский; исполнитель – Н.С. Ильюшенко), «Философия в структуре инновационных технологий школьного образования: концептуальные основания, методологический инструментарий, перспек-

тивы имплементации в РБ» (2018–2020 гг.; руководитель – М.Б. Завадский; исполнители – Н.С. Ильюшенко, А.Ю. Дудчик). Небольшая продолжительность программы (3 месяца по 2 занятия в неделю) и продуманная структура занятий позволяют реализовывать ее на базе различных организаций дополнительного образования.

Реализации поставленных задач служит разделение работы на три модуля.

Модуль 1. «Размышляем о мире и человеке: философия для детей и подростков» – содержит задания и упражнения по следующим направлениям обучения: «История и традиции», «Критическое мышление», «Нравственность и мораль», «Навыки коммуникации». Цели модуля:

1) познакомить детей с ключевыми философскими идеями, традициями и культурой своей страны и других стран (поможет подготовить детей к жизни в своем обществе, а также лучше понимать людей, выросших в других культурах и имеющих иные ценности, мировоззренческие установки, культурный багаж);

2) поддержать и развить пытливость ума, любознательность (научит замечать, обнаруживать проблемы и осуществлять поиск их решения; станет основой для реализации установки «образование в течение всей жизни»);

3) развить аналитическое и критическое мышление (позволит лучше ориентироваться в возрастающих объемах информации, выделять главное, выстраивать причинно-следственные связи, планировать деятельность в соответствии с выбранными целями);

4) сформировать коммуникативные компетенции/навыки (разовьет умение формулировать и выражать свои мысли, вести дискуссии, адекватно выстраивать аргументацию);

5) сформировать нравственные качества (научит решать конфликты, выбирая этически приемлемые способы действия).

Данные задачи решаются путем применения различных форм обучения, среди которых сократический диалог, беседа, чтение и разбор притч, анализ жизненных ситуаций, решение логических задач, игровые методы, дебаты, проектная деятельность, сторителлинг (создание историй), коммуникативный тренинг.

Модуль 2. «Учимся мыслить нестандартно: теория и практика решения изобретательских задач» – данный блок содержит задания, направленные на формирование навыков решения изобретательских задач. Здесь дети и подростки знакомятся с основными методиками теории ре-

шения изобретательских задач; обучаются поиску нестандартных решений и навыков их практического применения; развивают творческое воображение, навыки аналитического, критического мышления.

Модуль 3. «Создаем новые миры: основы архитектурного моделирования» – представляет собой серию занятий, в процессе которых у детей формируются пространственное мышление, навыки архитектурного моделирования. Дети под руководством педагога создают персонажей и жилое пространство для них, проектируют новые (фантастические) миры.

Длительность обучения по каждому блоку составляет 8 занятий по 2 часа каждый. В результате обучения у детей и подростков формируются кругозор и любознательность, познавательная активность; развиваются навыки творческого подхода к решению учебных задач; формируются умения планировать деятельность, выделять главное и второстепенное, устанавливать причинно-следственные связи; совершенствуются навыки коммуникации, вырабатывается умение правильно и последовательно излагать свои мысли, выстраивать аргументацию, отстаивать позицию.

Для имплементации программы в педагогическую среду страны авторами был разработан алгоритм продвижения/освоения образовательной программы:

1 этап. Авторы программы обучают тренеров (педагогов дошкольного образования) – форма обучения: онлайн курс, который включает 14 часов (длительность одного модуля – 4 часа, а также 2 часа для общей дискуссии с участием авторов программы). По результатам обучения тренеры, успешно прошедшие курс, получают сертификаты Института философии Национальной академии наук Беларуси, которые дают право осуществлять педагогическую работу с детьми и подростками по данной программе.

2 этап. Обучение детей и подростков сертифицированными тренерами. Авторы программы осуществляют супервизию обучающего процесса по итогам работы каждого модуля (3 сессии, длительность сессии – 2 часа).

3 этап. Итоговая презентация результатов работы тренеров с детьми (при участии авторов программы).

4 этап. Дети и подростки – участники образовательной программы получают сертификат Института философии Национальной академии наук Беларуси об успешном прохождении курса.

Следует отметить, что разработанная программа пока не прошла апробацию в полном объеме. Отдельные элементы программы были реализованы в рамках работы проекта Empowering roma girls through education in Belarus (Center of Equal Rights Expertise (Lithuania); Expert and educational partnership Romaintegration (Belarus) в сентябре 2017 – марте 2018 г.). Проект выполнялся в рамках реализации общественной Программы социальной интеграции ромского населения в Беларуси. В рамках проекта проведено занятие по теме «Философия для детей» с учениками 4 класса базовой школы № 15 г. Бобруйска. Также программа была представлена на Первой Китайской международной выставке импорта в г. Шанхай (КНР) (СПЕ–2018) 5–10 ноября 2018 года в рамках работы национальной экспозиции павильона «Торговля услугами», где получила высокие оценки и стала предметом интереса со стороны китайских партнеров. Согласно итогам 2018 года, образовательная программа «Зеленое Солнце» вошла в топ-10 самых просматриваемых профилей организаций НАН Беларуси.

Заключение. Среди преимуществ имплементации данной программы в систему дополнительного образования Республики Беларусь особенно следует выделить то обстоятельство, что ее реализация может стать средством достижения не только образовательных целей, но и служить профилактике девиантных форм поведения среди молодежи, что обусловлено социализирующим потенциалом программы «Зеленое Солнце», продвижением ценностей дружелюбности, терпимости, человеколюбия, взаимоуважения. Именно это направление – развитие не отдельных прикладных компетенций, но формирование общих ценностных установок и развитие навыков коммуникации «лицом к лицу», относящихся к глобальным компетенциям, на наш взгляд, должно быть отнесено к приоритетным направлениям развития дополнительного образования молодежи на современном этапе социокультурного развития.

Литература

1. PISA-2018. Preparing Our Youth for an Inclusive and Sustainable World: The OECD PISA global competence framework [Electronic resource]. – 20.11.2018. – Mode of access: <https://www.oecd.org/education/Global-competency-for-an-inclusive-world.pdf/>. – Date of access: 21.04.2019.
2. Willems, J. Society's Growing Need for Non-Formal Education [Electronic resource] / J. Willems // Lindau

-
- Nobel Laureate Meetings. – 01.08.2017. – Mode of access: <https://www.lindau-nobel.org/blog-society/growing-need-for-non-formal-education/>. – Date of access: 23.04.2019.
3. Non-Formal Education with Children and Young People [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.snj.public.lu/sites/default/files/publications/Depliant_Oktober2013_GB.pdf. – Date of access: 24.04.2019.
4. Ардабацкая, И.А. Неформальное образование в школе: проблемы и перспективы / И.А. Ардабацкая // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – С. 17–20.
5. Кодекс об образовании Республики Беларусь 243-3 от 13.01.2011 г. – Ст. 228.
6. U.S. Department of Health and Human Services, Administration for Children and Families, “School-Age Children’s Out-of-School Time: Expanding Opportunities”, Child Care Bulletin, 23 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nccic.org/ccb/issue23.pdf>. – Date of access: 21.04.2019.
7. Fletcher, A. Structure leisure activities in middle childhood: links to well-being / A. Fletcher, P. Nickerson, K.L. Wright // Journal of Community Psychology. – 2003. – Vol. 31, № 6. – P. 641–659.
8. National Research Council and Institute of Medicine. “Effects of Child Care”, Working Families and Growing Kids: Caring for Children and Adolescents. Committee on Family and Work Policies [Electronic resource] / Eugene Smolensky and Jennifer A. Gootman, eds. Board on Children, Youth, and Families, Division of Behavioral and Social Sciences and Education. – 2003. – Washington, DC: The National Academies Press. – Mode of access: <http://www.nap.edu/books/0309087031/html/>. – Date of access: 27.04.2019.
9. Junge, Sh. Building Life Skills through Afterschool Participation in Experiential and Cooperative Learning / Sh. Junge, S. Manglallan, J. Raskauskas // Child Study Journal. – 2003. – Vol. 33, № 3. – P. 165–174.
10. Porter, A. The problem with technology in schools [Electronic resource] / A. Porter // The Washington Post January 28, 2013. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/blogs/therootdc/post/the-problem-with-technology-in-schools/2013/01/28/cf13dc6c-6963-11e2-ada3-d86a4806d5ee_blog.html?noredirect=on&utm_term=.c33e552c1e5c. – Date of access: 27.04.2019.
11. Espinoza, J. A London school has banned all technology [Electronic resource] / J. Espinoza // The Telegraph. 29 Sep. 2015. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/education/educationnews/11899724/A-London-school-has-banned-all-technology.html>. – Date of access: 27.04.2019.
12. Доступно ли неформальное образование в Беларуси? [Электронный ресурс] // Аргументы и факты в Беларуси. – 29 чэрв. 2013. – Режим доступа: <http://uzv.by/dostupno-li-neformalnoe-obrazovanie-v-belarusi/>. – Дата доступа: 27.04.2019.

Поступила в редакцию 12.06.2019 г.

Социально-экономическое развитие белорусско-российского приграничья глазами молодежи

Давлатова Е.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Белорусско-российское приграничье является зоной активного взаимодействия двух стран. Это место своеобразного сращивания, разорванного после распада СССР единого экономического, политического и духовного пространства.

Цель статьи — раскрыть отношение студенческой молодежи к состоянию интеграционных процессов и социально-экономическому развитию белорусско-российского приграничья.

Материал и методы. Работа базируется на результатах социологических исследований, проводимых кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова на протяжении последних лет. Использовались общесоциологические методы сбора, обобщения и анализа полученного эмпирического материала.

Результаты и их обсуждение. Определено оценочное видение студенческой молодежью и состояния интеграционных процессов и социально-экономического развития белорусско-российского приграничья.

Заключение. Результаты исследования показали, что в сознании значительной части студенческой молодежи пока что отсутствуют четкие представления о состоянии и основных направлениях белорусско-российского приграничного сотрудничества.

Белорусско-российское приграничье является передним краем союзного строительства. Данная сопредельная зона двух дружественных стран должна стать объектом пристального внимания не только региональной, но и центральной власти.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, приграничье, «трансграничный человек», сотрудничество, интеграционные процессы, регион, молодежь.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 96–100)

Social and Economic Development of Belarusian-Russian Borderline Zone as Seen by Young People

Davlatova E.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Belarusian-Russian borderline zone is an area of the active interaction of the two countries. This is a place of a certain fusion of the unified economic, political and spiritual space which was broken after the collapse of the USSR.

The purpose of the article is to reveal the attitude of student youth to the state of integration processes and to the social and economic development of Belarusian-Russian borderline zone.

Material and methods. The article is based on the findings of sociological research conducted by the Department of Social and Humanitarian Sciences of Vitebsk State P.M. Masherov University over several years. General sociological methods of the collection, generalization and analysis of the obtained empiric material were used.

Findings and their discussion. Assessment vision of both the state of integration processes and the social and economic development of Belarusian-Russian borderline zone by student youth is identified.

Conclusion. The research findings indicated that student youth's ideas lack clear vision of the state and basic directions of Belarusian-Russian borderline cooperation.

Belarusian-Russian borderline zone is the front line of Union building. This borderline zone of the two friendly countries must become the object of close attention by not only regional but also central authorities.

Key words: social and economic development, borderline zone, "cross-border man", cooperation, integration processes, region, youth.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 96–100)

После образования суверенного белорусского государства общественное сознание граждан страны претерпело существенные изменения. В значительной степени это коснулось молодежи, особенно студенческой, которая наиболее чувствительна к социальным переменам. Она быстрее отзывается на изменения в обществе и легче адаптируется к новым условиям жизни.

Кафедра социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова продолжительное время занимается исследованием содержания, структуры и динамики духовного мира студенческой молодежи белорусско-российского приграничья. Данная проблематика разрабатывалась в рамках реализации следующих научных проектов:

1. «Образы России и Беларуси в контексте приграничья как специфической социокультурной реальности» (договор с БРФФИ № Г12РП-004 от 15.04.2012), 2012–2014 гг.

2. «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья как основополагающие факторы приграничного сотрудничества» (договор с БРФФИ № Г15-130 от 04.05.2015), 2015–2017 гг.

3. «Определить состояние социокультурной среды белорусско-российского приграничья и раскрыть ее влияние на ход интеграционных процессов и строительство Союзного государства» (договор с ГПНИ № 08/16 от 01.01.2016), 2016–2018 гг.

4. С 1 марта 2019 года кафедра приступила к выполнению задания по теме ГПНИ «Аксиологическое измерение образа жизни молодежи и феномен "приграничного человека"» (задание подпрограммы «Социология и философия» 3.2.07).

Основным объектом исследования стали студенты Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. Выбор данного учреждения образования во многом продиктован его высокой приграничной репрезентативностью. Это обусловлено тем, что, во-первых, сам Витебск представляет собой ярко выраженный город белорусско-российского приграничья. Во-вторых, значительное число обучающихся в нем студентов – уроженцы

административных районов Беларуси, которые непосредственно граничат с Псковской и Смоленской областями России (Городокский, Витебский, Лиозненский, Дубровенский и другие районы).

Для получения общего представления о социокультурном облике молодежи, роли исторического и этнического сознания в его формировании в 2013 и 2016 годах проводились социологические опросы студентов и магистрантов всех факультетов университета. Исследовались конфессионально-этнические, языковые, культурно-бытовые и ментальные характеристики белорусско-российского приграничья как основы выстраивания союзнических отношений с Россией [1–5]. Аналогичные исследования были проведены в 2018 году. Результаты, полученные при обработке анкет, свидетельствуют о том, что принципиальных изменений в духовном мире студенчества за этот период не произошло.

Респондентам было предложено также ответить на ряд вопросов, раскрывающих отношение молодых людей к состоянию интеграционных процессов и социально-экономическому развитию белорусско-российского приграничья в целом и локальному проживанию в частности.

Цель статьи – раскрыть отношение студенческой молодежи к состоянию интеграционных процессов и социально-экономическому развитию белорусско-российского приграничья.

Материал и методы. Использовались общесоциологические методы сбора, обобщения и анализа полученного эмпирического материала. Методологическую базу составили общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ 445 анкет студентов и магистрантов университета позволяет сделать вывод о том, что, по мнению опрошенных, эффективность приграничного сотрудничества зависит прежде всего от таких факторов, как уровень экономического развития региона и однотипность хозяйственных систем, близость господствующих в массовом сознании ценностных ориентаций, сложившегося образа региона.

Последний неразрывно связан с региональной идентичностью, которая предстает как осознание своего единства с определенным региональным сообществом людей, конкретным местом бытия во всех его проявлениях. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание собственного отличия от них.

На вопрос «Знаете ли Вы историю своего региона?» были получены следующие результаты: знаю и постоянно интересуюсь – 20%; знаю отдельные фрагменты истории региона – 58%; мои знания поверхностны – 22%; не интересуюсь – 4%. Знают отличительные черты культуры родного региона и постоянно интересуются историей культуры 19%, знают лишь отдельные сферы культурной жизни региона 56%, о поверхностных знаниях сообщили 22%. Интересуются состоянием белорусско-российского приграничья от случая к случаю 48% респондентов, постоянно – 7%, наряду с другими проблемами – 26%; не интересуются – 23%. Те, кто интересуются состоянием белорусско-российского приграничья, указали, что им, в основном, интересны политические (43%) и социально-экономические (45%) проблемы.

Отвечая на вопрос «Что Вас не устраивает в организации повседневной жизни региона?», большинство указали на невысокий уровень материального благосостояния населения (78%) и на уровень экономического развития (64%). Слабо был оценен и индекс успешности Витебского региона среди пяти приграничных регионов страны. 50% опрошенных отметили, что приграничный регион Витебской области не относится к регионам с растущей занятостью, растущими доходами, производительностью труда.

Самый большой индекс успешности у молодежи при опросе получил Брестский регион. Следует отметить, что Брестская область имеет более благоприятные условия для трансграничного сотрудничества с соседними государствами. Это связано с тем, что через ее территорию уже давно успешно функционируют торговые коридоры в страны Европы и обратно. Второе место получила Гомельская область, третья – Гродненская. Минская область не рассматривалась.

Вопрос «Какая из форм белорусско-российской интеграции, на Ваш взгляд, наиболее эффективна?» дал следующие результаты: за союзное государство высказались 32% опрошенных, за евразийский союз – 14%; за создание одного госу-

дарства с едиными органами власти – 24%; затруднились ответить – 30%.

Последняя цифра вызывает тревогу и показывает, что часть молодежи проявляет индифферентное отношение к белорусско-российским интеграционным процессам.

Отвечая на вопрос «Чем, на Ваш взгляд, отличается белорусское приграничье от сопредельного российского приграничья?», 57% опрошенных указали на существенные различия в культурной жизни Витебской области и иных областей Российской Федерации. Они касаются менталитета населения (39%), традиций и обычаев (26%), бытовой культуры (20%). Но главной отличительной особенностью называют уровень экономического развития – 52% и качество инфраструктуры – 66%.

Российская Федерация притягательна, прежде всего, в экономическом плане (трудоустройство) – 59%; в культурном плане – 23%; в аспекте политического устройства – 13%. Наиболее эффективными мерами для дальнейшего развития приграничного сотрудничества большинство респондентов видят создание современных предприятий (63%), совершенствование союзных органов управления (34%), разработку единых идеологических принципов сотрудничества (34%), развитие различных контактов (32%).

Большинство респондентов считает, что активному сотрудничеству в белорусско-российском приграничье мешают, прежде всего, различие экономических моделей двух государств (46%), отсутствие необходимой нормативной базы (34%), расхождение идеологических приоритетов государств-соседей (37%).

В целом результаты анкетирования по вопросам приграничного сотрудничества показали, что в сознании значительной части студенческой молодежи пока отсутствуют четкие представления о сути и направлениях регионального сотрудничества.

При проведении интеграционной политики в белорусско-российском приграничье необходимо учитывать один чрезвычайно важный этно-цивилизационный и социокультурный фактор. Речь идет о том, что в любом исторически сложившемся приграничье культур, в том числе и в белорусско-российском, существует культурно-антропологический тип людей, который является носителем ряда признаков смежных культур одновременно [6; 7]. Это обусловлено тем, что для сохранения своей этнической

самобытности приграничному человеку приходилось в процессе исторической эволюции вырабатывать защитные социокультурные механизмы. В итоге формировался своеобразный «бикультурный», «гибридный», «андрогинный» тип человека, пограничная природа которого оказывается в сущностных основаниях инвариантной [8, с. 7].

По мнению М.А. Слемнева, на «этнопсихологический, духовно-нравственный и, в целом, социокультурный облик приграничного человека влияют история взаимоотношения народов, которая откладывается в их социальной памяти, разделяющая их языковая дистанция, менталитет, религиозная вера, степень прозрачности административных границ в прошлом и настоящем. Но при любых обстоятельствах люди приграничья острее других ощущают экономическое, идеологическое и культурное дыхание сопредельной стороны» [9].

Модель «пограничного человека» хорошо резонирует с социокультурными реалиями современного белорусского общества, которому присущи этноконфессиональная толерантность, относительная гармония между материальной и духовной сторонами жизни, индивидуализмом и коллективизмом, соборностью, умение ладить с соседями [10, с. 100–101]. А их у Беларуси немало.

Наша страна, как известно, имеет общую границу с пятью государствами. На востоке наибольшую по протяженности с Российской Федерацией, которая составляет 990 км, на юге с Украиной – 975 км, на северо-западе с Литвой – 462 км, Латвией – 143 км и на западе с Польшей – 399 км.

Ранее указанные качества белорусов, которые в известной степени являются синтезом западного и восточного менталитетов, позволяют нашему государству осуществлять вполне естественную многовекторную внешнюю политику. При реализации ее главного направления – глубокой и всесторонней интеграции с Россией следует максимально использовать такие специфические «особенности» населения приграничных регионов Беларуси и России, как двуязычие, доминирующая укорененность православной культуры, совместное историческое наследие, общая генная память поколений, обилие родственных связей по обе стороны границы и др. [6, с. 132–133]. Наличие подобной общности братских приграничных народов признает абсолютное большинство опрошенных нами студентов.

К сожалению, этот огромный интеграционный потенциал, особенно применяемый к молодежи белорусско-российского приграничья, используется явно недостаточно. На данное обстоятельство должны обратить самое пристальное внимание не только региональные органы власти, но и соответствующие институциональные структуры Союзного государства.

Как известно, осенью текущего года в Санкт-Петербурге пройдет очередной, шестой по счету Форум регионов Беларуси и России. Он будет полностью посвящен молодежной тематике. Центральное место при этом планируется отвести выработке согласования молодежной политики, которая должна способствовать вовлечению молодежи Беларуси и России в процесс союзного сотрудничества, в том числе и в приграничных регионах.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в оценочной характеристике опрошенных восточные приграничные регионы Беларуси заметно проигрывают в индексе успешности экономического развития и материального достатка населения западным регионам Беларуси. Значительная часть молодежи слабо интересуется состоянием белорусско-российского приграничья и региона, в котором она проживает. У многих отсутствует понимание сути приграничного сотрудничества. Это необходимо учитывать при согласовании и воплощении в практическую деятельность экономических, политических и социальных программ Союзного государства. Более активное участие Витебской области в приграничном сотрудничестве, прежде всего экономическом, позволит усилить материальный потенциал области, улучшить положение дел в социальной сфере, решить проблемы местного значения.

Будущее белорусско-российских отношений во многом зависит от согласованной молодежной политики, нацеленной на активное вовлечение подрастающего поколения в развитие интеграционных процессов.

Литература

1. Давлатова, Е.В. Духовный мир студенческой молодежи и роль исторического сознания в его формировании / Е.В. Давлатова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2017. – Т. 23. – С. 137–143.
2. Давлатова, Е.В. Социальное самочувствие студенческой молодежи в трансформирующемся обществе / Е.В. Давлатова, Е.О. Далимаева // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2016. – Т. 21. – С. 121–131.
3. Давлатова, Е.В. Проблемы здорового образа жизни глазами студенческой молодежи / Е.В. Давлатова,

- Е.О. Далимаева // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2016. – № 4(93). – С. 78–88.
4. Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 26 нояб. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2013. – 134 с.
 5. Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы междунар. науч.-практ. заоч. конф., Витебск, 2 февр. 2017 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск, 2017. – 219 с.
 6. Востриков, С.В. Парадоксы национального восприятия в условиях приграничья: исторические особенности развития этноэволюционных процессов / С.В. Востриков // Образы России и Беларуси в контексте приграничья. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – 236 с.
 7. Левяш, И.Я. Теоретические вопросы регионологии / И.Я. Левяш // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 22. – С. 3–17.
 8. Кочан, В.М. Формирование человека приграничья: маргинализация, интеграция, андрогинизация [Электронный ресурс] / В.М. Кочан. – Режим доступа: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/1912-formirovanie-cheloveka-iogranichja-marginalizatsija-iintegratsija-androginizatsija.html>. – Дата доступа: 12.08.2017.
 9. Слемнев, М.А. Социокультурная среда и феномен «пограничного человека» / М.А. Слемнев // Глобализация, регионализация, пограничье: монография / П.А. Водопьянов [и др.]; под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 105.
 10. Слемнев, М.А. Социокультурная реальность: структура и факторы исторической динамики / М.А. Слемнев // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2016. – Т. 22. – С. 99–106.

Поступила в редакцию 18.06.2019 г.

Образ «нового человека» в культурной политике фашистского режима в Италии (1922–1943 гг.)

Голубев В.А.

ГНУ «Институт философии
Национальной академии наук Беларуси», Минск

Известно, что термин «фашизм» (от «fascio») итальянского происхождения, это в переводе означает «пучок, связка, объединение». Фашизм как политическое течение зародился в Италии в начале 20-х годов XX в., в период острейшего социально-экономического кризиса, резкого обострения классовой борьбы. Фашистами себя называли последователи Б. Муссолини, которые придерживались антикоммунистической идеологии, проповедовали националистические идеи, неприязнь к инакомыслию и выступали за возвращение Италии национальной гордости. В научных и политических кругах под фашизмом понимается экстремистское течение праворадикального толка, отличающееся крайним национализмом, шовинизмом, ксенофобией, расовой и религиозной нетерпимостью.

Цель статьи — рассмотреть характерные черты образа «нового человека» и конкретные пути его реализации в итальянской культуре периода фашистской диктатуры.

Материал и методы. В своей работе автор опирался на исследования послевоенного кризиса в Италии и установления в стране фашизма (Б.Р. Лопухов), политики реорганизации итальянского государства в период фашистской диктатуры (Г.С. Филатов). Особый интерес представляли научные труды В.Д. Ежова, рассматривавшего социокультурные причины возникновения фашизма, М. Бертольди, занимавшегося проблемой создания т.н. «Театра массы» как одного из элементов пропаганды навязываемой фашистами культурной политики, А. дель Пуппо, описавшего комплекс мероприятий, проводимых фашистским руководством в Италии для формирования нового «Общества эры фашизма» и «нового человека», А. Трикоми, изучавшего итальянскую литературу данного периода и выделившего основную идею, которая должна была преследоваться итальянскими писателями и поэтами, К. Сингуинетти, занимавшейся анализом отражения идей фашизма в итальянском изобразительном искусстве.

При этом использовались общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Культурная политика в период фашистского двадцатилетия проводилась различными государственными структурами. В 1922 г. это была Служба по печати Президиума совета, в 1926 г. — Служба по печати Главы правительства, в 1934 г. — Государственный секретариат по вопросам прессы и пропаганды, в 1936 г. — Министерство печати и пропаганды, в 1937 г. — «Минкультуры» (Ministero della Cultura Popolare). Большое внимание уделялось пропаганде достижений фашизма за пределами Италии, чем занималось созданное в 1923 г. общество «Италика», позднее включенное в состав Национального фашистского института культуры.

Несмотря на личные агрессивные призывы к изменению, сам Муссолини довольно редко уделял внимание событиям в мире искусства и культуры. Живопись он не любил, литература представляла для него небольшой интерес, выставки он посещал только при их открытии. В основном пропагандой в сфере культуры занимались такие люди, как Дж. Джентиле, Д. Альфьери, С. Де Боттаи.

Особое место занимала пропаганда достижений фашизма в экономике и культуре, что должно было внушить итальянцам мысль о величии их страны. В 1932 г., в день десятилетия фашистской революции, прошел II Конгресс деятелей культуры, на котором присутствовал лично Б. Муссолини. На конгрессе выступил Дж. Джентиле, который доложил о мероприятиях, проводимых в области культуры, и о том, что благодаря их политике Италия стала неузнаваемой, итальянцы изменились, а иностранцы, посещая Италию, восхищаются достижениями в области культуры и формированием нового типа людей.

Заключение. Таким образом, социокультурная среда Италии после Первой мировой войны стала благодатной почвой для т.н. «культурной мелиорации», проводимой фашистами. Стремясь разрушить сложившиеся нравы и создать общество «эры фашизма», в котором господствовала бы «новая мораль», фашисты основной акцент сделали на воспитании «нового человека» как основного элемента данного общества.

Ключевые слова: фашизм, корпоративное государство, культурная политика, «новый человек».

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 101–109)

The Image of “the New Man” in the Cultural Policy of Italian Fascist Regime (1922–1943)

Golubev V.A.

State Scientific Institution “Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk

The term fascism (fascio) is known to be of Italian origin which means “band, union”. Fascism as a political trend was born in Italy in the early 20s of the 20th century during sharp social and economic crisis, increase of class struggle. B. Mussolini’s followers called themselves fascists; they adhered to the anti-communist ideology, professed nationalist ideas, hatred to the otherwise minded and stood for the revival of Italy’s national pride. In scientific and political circles fascism is understood as an extremist right-radical trend characterized by extreme nationalism, chauvinism, xenophobia, race and religious hatred.

The purpose of the article is to consider characteristic features of the image of “the new man” and definite ways of its implementation in the Italian culture of the period of fascist dictatorship.

Material and methods. *Researchers studied the post-War crisis in Italy and the establishment of the fascist dictatorship (B.R. Lopukhov), analyzed the policy of the reorganization of the Italian state in the period of the fascist dictatorship (G.S. Filatov). Studies by V.D. Yezhov who investigated social and cultural reasons why fascism emerged are of special interest. Among foreign researchers we should mention M. Bertholdi who was concerned with the problem of creation of the so called “Theater of the Mass” as one of the elements of fascist cultural policy propaganda. A. del Puppo described a complex of measures taken by fascist leadership in Italy for shaping a new “Society of Fascist Era” and “the new man”. A. Trikomini studied Italian literature of that period and analyzed the main idea which Italian writers and poets were to follow. K. Singuinetti studied the reflection of fascist ideas in Italian fine arts.*

General logical and generally accepted methods of theoretical research are used by the author.

Findings and their discussion. *Cultural policy during the fascist twenty years was conducted by different state institutions. In 1922 it was Council Board Press Service, in 1926 – Head of the Government Press Service, in 1934 State Secretariat for Press and Propaganda, in 1936 Press and Propaganda Ministry, in 1937 “Minculpop” (Ministero della Cultura Popolare). Much attention was paid to the promotion of the achievements of fascists outside Italy, which Italika Society founded in 1923 dealt with. Later it was included into the National Fascist Institute of Culture.*

In spite of personal aggressive calls for changes Mussolini himself rarely paid attention to events in the world of art and culture. He didn’t like painting, literature was of little interest for him, he attended exhibitions only at opening ceremonies. Mostly such people like J. Gentile, D. Alfieri, S. De Bottei were engaged in propaganda in the sphere of culture.

Propaganda of fascist advances in economy and culture took a special place which was to suggest Italian grandeur. In 1932, on the day of the fascist revolution tenth anniversary, the 2nd Congress of Workers of Culture took place which was attended by B. Mussolini. J. Gentile reported at the Congress about measures taken in the field of culture and about their policy which changed Italy beyond recognition and made Italians change; while foreigners visiting Italy admired the advances in the field of culture as well as the formation of a new type of people.

Conclusion. *Thus, the social and cultural environment of Italy after World War I became good soil for the so called cultural melioration conducted by fascists. Destroying the existing morals and creating a society of the fascist era in which a new model would rein fascists paid special attention to breeding “a new man” as the main element of this society.*

Key words: *fascism, corporate state, cultural policy, “a new man”.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 101–109)

Известно, что термин «фашизм» (от «fascio») итальянского происхождения, что в переводе означает «пучок, связка, объединение». Фашизм как политическое течение зародился в Италии в начале 20-х годов XX в., в период острейшего социально-экономического кризиса, резкого обострения классовой борьбы. Фашистами себя называли последователи Б. Муссолини, которые придерживались антикоммунистической идеологии, проповедовали

националистические идеи, неприязнь к инакомыслию и выступали за возвращение Италии национальной гордости. В научных и политических кругах под фашизмом понимается экстремистское течение праворадикального толка, отличающееся крайним национализмом, шовинизмом, ксенофобией, расовой и религиозной нетерпимостью. Для него характерны культ насилия, использование террористических методов, попрание демократических принципов и норм.

В последнее время во многих странах происходит существенное обострение социально-политической обстановки, наблюдается кризис процесса демократизации. В этих условиях заметно активизируется деятельность различных националистических и ультраправых организаций, находят свое проявление и неофашистские настроения. Особую популярность и поддержку подобного рода настроения и действия имеют в молодежной среде. Формируется отдельный сегмент молодежной субкультуры, где идеи о величии нации и «сильной руке» получают наиболее благодатную почву, культивируются агрессивность и враждебность, ненависть и презрение, пропагандируются реакционные взгляды и лозунги.

В этой связи очень важно переосмыслить проблему возникновения и распространения фашизма не только как социально-политического течения, но и как инструмента особого идеологического влияния на сознание и поведение молодых людей, которое нашло отражение в различных сферах культурной жизни.

Цель статьи – рассмотреть характерные черты образа «нового человека» и конкретные пути его реализации в итальянской культуре периода фашистской диктатуры.

Материал и методы. В своей работе мы опирались на исследования послевоенного кризиса в Италии и установления в стране фашизма (Б.Р. Лопухов), политики реорганизации итальянского государства в период фашистской диктатуры (Г.С. Филатов). Особый интерес представляли научные труды В.Д. Ежова, рассматривавшего социокультурные причины возникновения фашизма, М. Бертольди, занимавшегося проблемой создания т.н. «Театра массы» как одного из элементов пропаганды навязываемой фашистами культурной политики, А. дель Пуппо, описавшего комплекс мероприятий, проводимых фашистским руководством в Италии для формирования нового «Общества эры фашизма» и «нового человека», А. Трикоми, изучавшего итальянскую литературу данного периода и выделившего основную идею, которая должна была преследоваться итальянскими писателями и поэтами, К. Сингуинетти, занимавшейся анализом отражения идей фашизма в итальянском изобразительном искусстве. С учетом актуальности проблемы распространения экстремистских и радикальных идей представляется необходимым особо выделить социально-этические аспекты влияния фашизма (неофашизма) на сознание и поведение молодых людей.

При этом использовались общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Возникновение национальных государств после Первой мировой войны не могло не повлиять на развитие общества и конкретного человека в каждом из них. Падение империй означало и падение прежних, сословных устоев и приход им на смену новых. Значимую роль сыграли и революции в России, показавшие, что сословная структура общества изжила себя.

Особую значимость приобретает и формирование национальных идей, что было характерно, во-первых, для молодых государств, образовавшихся в результате распада империй. Во многих из них активно действовало рабочее движение, воодушевленное революционными событиями в России. Это крайне отрицательно воспринимала складывающаяся национальная буржуазия. Она также противостояла идее интернационализма, считая подъем рабочего движения своей основной угрозой. Во-вторых, идеи национального возрождения затронули страны, которые потерпели поражение в войне или испытали т.н. «национальное унижение».

В Италии складывалось тяжелое экономическое и политическое положение. Неудовлетворенность итогами переговоров с союзниками по поводу итальянских территориальных претензий отразилась на национальном самосознании итальянцев. Экономические и политические кризисы, следовавшие один за другим, подорвали веру многих итальянцев в демократические ценности и идеалы. Недовольство росло как среди представителей рабочего класса, неудовлетворенного своим социальным и материальным положением, так и среди крестьянства, которое разорялось, а также среди итальянской буржуазии, обеспокоенной на фоне кризисов ростом рабочего движения.

Широкие слои населения ратовали не за демократические свободы и ценности, а за сильную личность, способную вывести страну из кризиса, удовлетворить требования различных социальных слоев и восстановить потерянный авторитет Италии на международной арене. В этот же период проявил себя фашизм – радикальное течение националистического толка, отличающееся явной антикоммунистической направленностью. Интернационализм, по мнению фашистов, проповедовал враждебные для Италии ценности, направленные на разру-

шение и уничтожение страны. В противовес этому фашисты опирались на национализм, который сможет вернуть Италии национальную гордость и позволит сплотиться всем силам в едином, «корпоративном» государстве для возрождения и создания «Великой Италии».

Фашисты крайне отрицательно отреагировали на рабочее движение в период «красного двухлетия» 1920–1921 гг. Благодаря этому они получили поддержку у буржуазии. В то же время фашисты высказывались за идею «социально справедливого общества», чем привлекли на свою сторону большое число рабочих и мелкое крестьянство.

В обозначенный исторический период начинает формироваться массовое общество. Различные достижения культуры, науки, техники, ранее доступные немногим, высшим слоям и сословиям, теперь приобретают общедоступный характер. Массовое общество изменило сознание людей, их отношение к большинству ценностей. Все это отражалось в т.н. «культуре масс», которая характеризовалась упрощенным пониманием ценностей, формированием обывательского мировоззрения и ханжеской морали.

Опираясь на идею «корпоративного государства», фашисты призывали разрушить существовавшую на тот момент систему общества и «буржуазную мораль». Муссолини открыто говорил об уничтожении «старой морали», устоев, сложившихся в итальянском обществе, которые мешают возрождению итальянской нации и восстановлению величия Италии. «Буржуазная мораль», или «мораль приспособленчества», как ее называл Муссолини, была охарактеризована им как «мораль жалкого собственника, который склонен к компромиссу, стремится к комфортной жизни и эгоизму». Фашистская мораль трактовалась как мораль героя, способного пожертвовать жизнью во имя дуче и Италии. Мораль рассматривалась фашистами как формируемые государством идеалы. Общество, «масса» не могут быть источником морали. Фашистское государство взяло на себя роль «этического учителя», начав проводить в жизнь политику т.н. «культурной мелиорации».

В планах Муссолини было создание новой Итальянской империи, которая стала бы достойной наследницей империи Римской. Для этого с 1922 г., после «похода на Рим» и взятия власти в свои руки, Муссолини объявил о грядущей «эре фашизма». Италия, как первое в мире фашистское государство, должна была

сформировать абсолютно новое, бесклассовое, фашистское общество, все индивиды которого были бы сплочены единой целью – созданием «великой Италии». Муссолини выступал в этом государстве не только как политический, но и как духовный лидер. В новом обществе каждый человек был обязан трудиться на благо Италии и бросать все силы по первому приказу дуче. Именно дуче и фашистская верхушка формулировали для этого общества идеалы.

Одним из центральных постулатов политики «культурной мелиорации» был образ «нового человека». Главным критерием, который бы отличал «нового человека», дуче считал дисциплину и безоговорочное подчинение, выполнение задач родины, которые формулировал он сам. «Новый человек» должен был стать моральным идеалом, образцом, к которому должны были стремиться люди. Ему следовало на самом глубоком духовном уровне жертвовать своими взглядами, идеями, убеждениями во имя идеалов фашизма, принимать новые ценности как свои собственные. Девизом, который выступал бы в качестве жизненной позиции «нового человека», были три слова: «Верить, повиноваться, сражаться».

«Верить» – значит без размышлений принимать за истину любое утверждение дуче, не иметь никаких возражений по поводу его решений. «Повиноваться» – беспрекословно воплощать в жизнь волю дуче, жертвовать своими идеалами, ценностями, жизнью для того, чтобы реализовать решение одного человека. «Сражаться» – уничтожать по первому приказу дуче всех «врагов итальянской нации». Война воспринималась как явление необходимое, и сражаться, быть в постоянной борьбе, культивировать насилие в себе как жизненную потребность было основным содержанием данного высказывания.

«Новый человек» – это прежде всего солдат. Война должна была стать необходимым явлением в фашистской Италии. Насилие не рассматривалось как нечто пагубное и неприемлемое, напротив, насилие по призыву дуче, а следовательно, направленное на благо Италии, рассматривалось как явление положительное. Оно выступало как ключевой инструмент для борьбы со злом в лице инакомыслия, либерализма и коммунизма.

Беспрекословное подчинение воле дуче, ведущее якобы к величию и духовному обновлению итальянской нации, а также последующие

попытки массовизации сознания Муссолини озвучил во время одного из своих выступлений в Таранто: «Для того чтобы так было, я буду вашей головой!» [1]. Стоит сказать, что на кадрах кинохроники, которые запечатлели эту речь дуче, видно, что итальянцы, собравшиеся на площади перед дворцом, откуда он выступал, с восторгом восприняли его заявление. Для того чтобы понять, почему же итальянцы так единогласно и восторженно восприняли заявление Муссолини, нужно исследовать, как и какими средствами проводилась в жизнь культурная политика по формированию «нового человека».

Культурную политику в период фашистского двадцатилетия осуществляли различные государственные структуры. В 1922 г. это была Служба по печати Президиума совета, в 1926 г. – Служба по печати Главы правительства, в 1934 г. – Государственный секретариат по вопросам прессы и пропаганды, в 1936 г. – Министерство печати и пропаганды, в 1937 г. – «Минкультпоп» (Ministero della Cultura Popolare). Большое внимание уделялось пропаганде достижений фашизма за пределами Италии, чем занималось созданное в 1923 г. общество «Италика», позднее включенное в состав Национального фашистского института культуры.

Несмотря на личные агрессивные призывы к изменениям, сам Муссолини довольно редко уделял внимание событиям в мире искусства и культуры. Живопись он не любил, литература представляла для него небольшой интерес, выставки он посещал только при их открытии. В целом культурная жизнь его интересовала мало. В основном пропагандой в сфере культуры занимались такие люди, как Дж. Джентиле, Д. Альфьери, С. Де Боттаи.

Особое место занимала пропаганда достижений фашизма в экономике и культуре, что должно было внушить итальянцам мысль о величии их страны. В 1932 г., в день десятилетия фашистской революции, прошел II Конгресс деятелей культуры, на котором присутствовал лично Б. Муссолини. На конгрессе выступил Дж. Джентиле, который доложил о мероприятиях, проводимых в области культуры, и о том, что благодаря их политике Италия стала неузнаваемой, итальянцы изменились, а иностранцы, посещая Италию, восхищаются достижениями в области культуры и формированием нового типа людей [2].

Деятельность по созданию «нового человека» коснулась прежде всего такой сферы,

как *образование*. Муссолини назначил министром образования философа и социолога Дж. Джентиле, который вскоре стал инициатором школьной реформы. Основная цель данной реформы – привить подрастающему поколению итальянцев новые идеалы, ценности и нравы, соответствующие фашистской идеологии. Реформа заключалась в следующем. Во-первых, был продлен срок обучения в начальной школе до пяти лет, а затем в дополнительной школе – еще три года. Во-вторых, в школьной программе усиливался гуманитарный компонент. На начальном этапе вводилось изучение «Закона Божьего», а затем в средней школе – преподавание основ философии. Это объяснялось тем, что дети, которые живут в католической стране, обязаны знать духовные ценности своего народа. Философии же следовало расширять круг их мировоззрения. Образование, по мнению Дж. Джентиле, должно сочетать в себе «интеллектуальное и моральное развитие человека» [3, с. 184]. Со школьной скамьи детям необходимо было уяснить, что система ценностей нового режима не противопоставляет себя ценностям христианским. Учащимся объяснялось, что фашистское государство является защитником христианства в отличие от коммунистов-атеистов, которые отвергают мораль христианскую. Курс философии же обосновывал целесообразность и жизненную необходимость установления фашистской диктатуры. В-третьих, процесс преподавания велся исключительно на итальянском языке, а также уделялось больше времени для изучения национальной истории, особенно эпохи Древнего Рима. Стоит отметить и тот факт, что ученикам прививались практические навыки, направленные на их применение в жизни. Активно проводились т.н. «экскурсии по родной земле». Значительное внимание уделялось урокам фашистской идеологии, на которых рассказывалось о личности Б. Муссолини, «чистоте» его идеалов, «непогрешимости» его представлений. Он описывался как спаситель Италии, который ведет страну единственно верной дорогой.

В дальнейшем формирование «нового человека», начавшееся в школе, продолжалось в сфере *молодежной политики*. Учащиеся, независимо от их статуса, обязаны были вступать в фашистские детские отряды – «балилла», где не было даже элементарных признаков личной свободы. Свобода в данном случае трактовалась как порок, который развращает челове-

ка, приводит к падению нравов в обществе, разрушает дисциплину и государство. Вместо свободы предлагалось простое подчинение. Одновременно с этим пропагандировалось «равенство», однако оно обозначало не одинаковое положение всех людей, а равное положение низлежащих перед вышестоящими. Все участники «балилла» носили одинаковую форму, должны были строго и беспрекословно подчиняться своим воспитателям. К провинившимся нередко применяли физические наказания, порой публичные. Высказывать свое личное мнение запрещалось. Данные мероприятия должны были воспитывать в подрастающем поколении чувства слепого повиновения высшей власти, авторитет которой не должен был оспариваться даже в мыслях. Поэтому неудивительно, что воспитанные в подобном духе молодые люди с восторгом воспринимали любое публичное решение фашистской верхушки: будь то заявление о казни очередного врага нации или объявление о начале войны.

Большое внимание в организации «балилла» уделялось изучению истории Италии, физической подготовке и идеологической работе. Сам гимн организации, который назывался «Волчата», имел следующие строки: «Мы из Рима, мы – балилла, мы любим Дуче, его имя у нас в сердцах, а Италия – в мыслях!». Это говорит о том, что Муссолини и Италия с детства должны были восприниматься как единое целое. Погибнуть во имя идеалов дуче считалось высшим долгом у сформировавшегося «нового человека». По своему духу «балилла» практически полностью соответствовала созданной в 1930-х гг. в Германии организации «гитлерюгенд». Обе эти организации воспитывали подрастающее поколение в обстановке жестокости, которая именовалась «справедливостью». Гуманизм и человечность же расценивались как трусость, и искоренение подобного порока ставилось далеко не второстепенной задачей. Проводимые массовые драки и побоища, основной целью которых было нанесение команде противника как можно большего вреда, являлись нормой. Особое внимание уделялось спорту и спортивным состязаниям – для хорошей физической подготовки будущих бойцов. Так вырабатывалось безжалостное отношение к противнику. Кому предстояло быть этим противником, объяснялось довольно просто: противник тот, на кого укажет дуче.

Отсутствие опыта у итальянской армии в ведении боевых действий в эфиопской войне

привело к решению привития военных навыков каждому молодому итальянцу, независимо от его статуса и отношения к воинской службе. В 1936 г. были сформированы молодежные отряды «Squadrista», где большое внимание, помимо военной подготовки, уделялось идеологической работе. Описанные ранее мероприятия, которые в детстве закладывали необходимые ценности, дополнялись утверждением о важности войны как цели. Молодым людям внушалась востребованность войны, которая должна происходить каждые 15–20 лет для обновления нации. Состоять в данной организации было обязанностью каждого итальянца в возрасте от 18 до 25 лет. Обновление нации, ее очищение как живого организма оценивалось как необходимое условие ее существования. Это следовало понимать каждому индивиду нового, фашистского общества, и война должна была стать основным инструментом этого очищения.

С детства человеку начинали прививаться мысли о необходимости насилия. Оно расценивалось не как аморальное действие, которое имело деструктивный характер, подавляющее иные ценности, воззрения, а как обыденность, действие, посредством которого нужно существовать. Насилие по отношению к инакомыслящим было ключевым положением фашистской политики. Война и насилие культивировались в сознании молодых итальянцев, что вкупе с создаваемым образом врага делало из человека и общества в целом безликую подчиняющуюся массу. Образование и молодежная политика закладывали основы в формировании «нового человека».

Важные изменения культурной жизни коснулись непосредственно *искусства*, которое теперь должно стать фактически базовым элементом пропаганды фашистской идеологии. Иными словами, фашизм не поддерживал «...бытовое искусство, отражающее чувства мелкой буржуазии, социалистическую прозаичность или демократическую трусость» [4]. Напротив, созданное в 1923 г. культурное движение «Novecento», позднее получившее всецелую поддержку фашистского режима, призвало вернуться к канонам искусства Древнего Рима или эпохи Ренессанса. Наиболее известная работа этого движения называлась «Корпоративная Италия», выполненная в стиле древнеримской мозаики и ставшая своеобразным символом «Novecento». В 1926 г. был создан На-

циональный институт культуры, который затем преобразовался в Академию Италии (Accademia d'Italia), а движение «Novecento» провозглашалось государственным искусством.

Отдельно следует сказать о портретном жанре. Портрет стал одним из основных жанров, который проповедовал фашистскую идеологию. Наиболее популярным было изображение Б. Муссолини в т.н. «наполеоновских» позах, ставшее обязательным для выпускников академии. Помимо академического портрета, портреты дуче также выполнялись в стиле футуризма. Такие изображения помещались в основном на агитационные и пропагандистские плакаты, призывающие к уничтожению врагов режима и строительству нового корпоративного государства. Иными словами, отношения у фашистов с футуризмом «...не выходили за рамки принятой режимом концепции “итальянизации”, более того, отмечалась очень значимая национализация искусства» [5, с. 194].

Повлияло изобразительное искусство и на культ личности Муссолини. Изображения лидера, плакаты с его именем, транспаранты и просто цитаты висели практически на каждой улице итальянских городов. В Риме, например, сложили целую стену, на которой слово «дуче» было написано более тысячи раз. Повсеместно воздвигались памятники и бюсты.

Основной задачей фашистских плакатов было воспитание в обществе культа войны, «поскольку она проявляет лучшие человеческие качества, заставляя человека напрягаться всем своим существом, а не бездействовать... Война очищает и обновляет нацию...» [6]. Поэтому изобразительное искусство в целом изображало войну не как бедствие для сотен тысяч и миллионов людей, а как героический поход против низменных чувств. Война на плакатах, картинах выглядела как победоносное шествие солдат, сокрушающих врага, которому бы не следовало ждать пощады. Война итальянской нации за ее величие против всех, кто, по мнению фашистской верхушки, мешает ее величию, – вот ключевая идея, которую стоило донести искусству.

Идеология повлияла и на *театр*. Фашистская пропаганда в лице Д. Альфьери, ответственного за т.н. «народную культуру», желала видеть «рождение драматического театра, выражающего идеальные мотивы и ценности фашистского духа» [7, с. 80]. Была поставлена задача создания «массового театра», репер-

туар которого отражал бы идеалы фашистской революции, став тем самым одним из элементов пропаганды. По сравнению с кинематографом, который в то время в Италии только набирал популярность, театр охватывал более широкий круг зрителей (наравне с оперой), поэтому организовывались т.н. «театральные субботы». Данное название получали небольшие оперные и театральные постановки, нацеленные в основном на тех людей, чей доход составлял менее 800 лир в месяц, а также на солдат и студентов. Ставились они вечером в субботу так, чтобы каждый желающий смог бы на них попасть. Следует отметить, что данное мероприятие пользовалось популярностью не только среди итальянских рабочих, но и среди интеллигенции. Для того чтобы жители всех регионов Италии смогли приобщиться к театральному искусству, Дж. Форцано с одобрения «Минкультпоп» создал передвижной театр (итал. Carro di Tespi). Особенно важной с точки зрения Д. Альфьери его деятельность была на окраинных территориях Италии, например, в Триесте. В этой связи М. Корси отмечает: «Увидев, как театральные вагончики въезжают в город и располагаются на площади, быстро выстраивая свои шатры и монтируя скелет сцены, оставляя пространство на несколько сот или тысяч зрителей, сразу же начинает собираться публика, которая с воодушевлением и страстью наблюдает за разворачивающимися событиями на сцене...» За время своего турне по Италии театр посетил 43 коммуны, а на спектакли было продано около 300 000 билетов [7, с. 82]. В репертуаре, который проходил строгую цензуру, были в большинстве своем т.н. «патриотические» произведения. Историческая тема представлялась постановками произведений, отражающих историю Древнего Рима, в которых подчеркивалось величие римлян, считавшихся предками итальянцев, а всеми низменными качествами наделялись окружавшие их народы, под которыми понимались прежде всего эфиопы, французы и др. Современная тема раскрывалась в первую очередь достижениями фашизма в разных сферах жизни. В доступной форме до людей доносились основные идеалы фашизма – величие итальянской нации и борьба с врагом, который ей угрожает.

Популярность начинает набирать *кинематограф*. Кино как часть пропагандистской машины должно было воспроизводить великую историю Италии и показывать лучшие сторо-

ны фашизма даже в художественных фильмах. В 1924 г. основан Институт кинематографии LUCE (L'Unione Cinematografica Educativa), целью которого являлись агитация и просветительская деятельность. С 1927 г. пропагандистские фильмы, выпущенные LUCE, показывались в кинотеатрах перед демонстрацией художественных фильмов. Обычно содержание таких фильмов формировало образ дуче, который одним среди первых участвовал в битвах за урожай на юге станы, основных стройках. Запечатлены были на пленку и его речи, которые призывали к действиям во имя Италии. Одной из ключевых фигур итальянского кинематографа был Л. Фредди, который с 1934 г. являлся главой генерального директората кинематографии. Побывав в Голливуде, он захотел реализовать в Италии похожий проект – киноиндустрию на коммерческой основе. В конце 1930-х гг. на экранах появились художественные фильмы исторического содержания. Один из них – «Сципион Африканский», поставленный кинорежиссером К. Галлоне в 1937 г. На V Венецианском кинофестивале создателю фильма была вручена высшая награда – Кубок Муссолини. Военная драма «Пилот Лучано Серра» (режиссер Г. Алессандрини) стала одним из самых популярных военных фильмов в Италии в предвоенное время.

Итальянская *литература* периода фашизма выполняла свои функции пропаганды. Главным образом, она обличала «мелкобуржуазные привычки, несущие угрозу Италии» [8, с. 5]. Важной фигурой в итальянской литературе становится поэт-националист Г. Д'Аннунцио, близкий друг и соратник Б. Муссолини. Его стихи, которые он писал с пятнадцатилетнего возраста, носили более лирический характер, они были направлены на поиски чистоты святости, а также наполнены глубоким чувством любви к Италии и итальянцам. Несмотря на то, что в области литературы действовала цензура, она не была настолько тотальной, как в нацистской Германии. В Италии не существовало массового сожжения книг при университетах, даже после ее сближения с Германией. Тогда же проявился литературный талант будущего детского писателя Дж. Родари.

Итальянская *архитектура* фашистского двадцатилетия основывалась на заимствовании стилей Древнего Рима. Новая архитектура подавалась как преемница всех основных римских традиций. Сам Б. Муссолини считал не-

обходимым уничтожение в плане архитектуры всего того, что напоминало бы о темных веках Средневековья и нежелательных страницах итальянской истории. Вместо них по проекту, предполагаемому ведущими итальянскими архитекторами Э. дель Деббิโอ и В. Пьяченца, планировалось создание «Нового Рима», который должен был отражать величие Италии и будущей Итальянской империи. Примерами монументальных зданий, построенных в данном стиле, можно считать здание фашистской выставки, вокзал в Милане. Отдельно следует упомянуть о г. Литтория (современный г. Латина), построенном в едином фашистском стиле. Сам стиль олицетворял собой громоздкое здание, минимально декорированное, но довольно большое по размерам. Именно размеры, отсутствие лишних элементов и минимализм декора по замыслам архитекторов должны были олицетворять дух фашизма в камне.

В 1930-е гг. было решено окончательно нанести удар по старой архитектуре. Тогда же от пл. Венеции к Колизею в Риме был построен Проспект Империи – ровная, практически прямая улица, проложенная по древним форумам и памятникам. Их разрушение Муссолини олицетворял с неподдельной гордостью. Вторая улица Кончилиационе уничтожила средневековые постройки возле собора Св. Петра и была украшена массивными зданиями с колоннадой. Беспощадное разрушение архитектуры прошлого и прокладка новых улиц на месте снесенных сооружений символизировали удар фашизма по прежним ценностям и устоям, которые решительно должны были искореняться из сознания итальянцев. Огромные расчищенные пространства, колоссальные по территории площади символизировали величие фашизма, широкие проспекты, проложенные через старые кварталы с тесными улицами, воспринимались как расчистка пути для идеалов новой эпохи, которая должна окончательно уничтожить прежний порядок.

Идеализируя Древний Рим, итальянский архитектор Э. дель Деббิโอ создал проект огромного стадиона, украшенного большим количеством статуй и огромной стелой Муссолини. Стадион получил название Foro Mussolini. Стадион должен был стать новым римским Колизеем, символом новой империи.

Итальянская *музыка* данного периода отражалась в пришедшем из США джазе, однако возрастал интерес и к национальной музыке.

Популяризировались старые итальянские бар-короллы и серенады (например, в 1930-х гг. Дж. Де Стефано исполнил и дал «второе рождение» песне «Marechiaro»). Возвращение «второй жизни» старым произведениям оценивалось как акт «духовного возрождения» Италии, реставрации отдельных моментов ее прошлого. Однако нельзя сказать о том, что музыкальное искусство было полностью направлено на возрождение традиций прошлого. Писались и современные для того времени произведения, которые отражали основные ценности и идеи установившегося режима. Музыка как элемент пропаганды выражался прежде всего в написанных в то время военных маршах и песнях. Вторым гимном Италии, наравне с королевским, становится «Giovinezza», которая по утрам звучала каждый день на итальянском радио. Первые строфы гимна должен был наизусть знать каждый итальянский школьник:

«В границах Италии
Итальянцы переделаны.
Их переделал Муссолини
Для завтрашней войны,
Для радости работы,
Для мира и для лавра,
Для презрения тех, кто отверг Отечество!»

Заключение. Таким образом, социокультурная среда Италии после Первой мировой войны явилась благодатной почвой для т.н. «культурной мелиорации», проводимой фашистами. Стремясь разрушить сложившиеся нравы и создать общество «эры фашизма», в котором господствовала бы «новая мораль», фашисты основной акцент сделали на воспитании «нового человека» как основного элемента данного общества.

«Новый человек» должен был в полной мере соответствовать провозглашенному фашистами основному призыву: «Верить, повиноваться, сражаться». Он должен был принимать фашистские ценности как свои, без колебаний выполнять отданные ему приказы, а о наличии собственного мнения не могло идти даже речи. Как универсальный солдат, «новый человек» должен был в любой момент пойти на войну и умереть во имя идеалов дуче. Создание такого типа человека, «человека эпохи фашизма», проводилось посредством культурной политики,

а также прививаемой в процессе воспитания и образования новой системы ценностей. Школьная реформа, проведенная Дж. Джентиле, была направлена на создание основной базы для новых ценностей, а молодежная политика откровенно ориентировалась на распространение культа насилия и жестокости.

Однако следует отметить, что политика «культурной мелиорации» в Италии не была проведена успешно и не смогла в должной мере выполнить свои задачи. В отличие от нацистской Германии, где идеи национал-социализма и культ фюрера имели более выраженный агрессивный и антигуманный характер, сложились в своего рода квазирелигиозную форму, в Италии культурная политика была более мягкой, в стране резко не попирались национально-культурные традиции. Возможно, это послужило причиной того, что антифашизм в Италии получил свое распространение уже на начальном этапе войны и в итоге стал той силой, которая способствовала сокрушению фашистского режима в целом.

Литература

1. Mussolini, B. Discorso al Taranto a 7 settembre 1934 [Электронный ресурс] / B. Mussolini // Il Quotidiano Politico di Alberto Calle. – Режим доступа: <http://albertocallequotidianopolitico.blogspot.com/2014/10/discorso-del-duce-benito-mussolini.html>. – Дата доступа: 28.05.2018.
2. Нестерова, Т.П. Политика итальянского фашизма в сфере культуры: по материалам II Конгресса фашистских институтов культуры (1931). Выступление Джованни Джентиле 21 ноября 1931 г. Выступление Гвидо Висконти ди Модроне 22 ноября 1931 г. / Т.П. Нестерова // Уральский вестник международных исследований. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 3. – С. 190–203.
3. Gentile, G. La Riforma dell'educazione. Discorsi ai maestri di Trieste / G. Gentile. – Firenze: G.C. Sansoni, 1975. – VIII, 186 p.; 20 cm.
4. Sanguinetti, C. / LA CONCEZIONE DELLE ARTE FIGURATIVE NELLA POLITICA CULTURALE DEL FASCISMO / C. Sanguinetti. – Lasagna, 2011. – 27 p.
5. A. del Puppo. Da Soffici a Bottai / A. del Puppo. – Scuola Normale Superiore di Pisa, Italia, 204 p.
6. Mussolini, B. Dottrina politica e sociale del fascismo.
7. Bertoldi, M. Teatro di Massa, propaganda e italianizzazione. Il Carro di Tespi in Alto Adige (1930–1943) / M. Bertoldi // GR/SR 20 (2011) 1, p. 80–96.
8. Tricomi, A. Fascistissimi Sempre. Il Fascismo nella Letteratura italiana / A. Tricomi // E-REVIEW DOSSIER 6, 2018, 12 p.

Поступила в редакцию 17.06.2019 г.

ФИЛОЛОГИЯ

Экфрасіс у беларускай літаратуры XIX — пачатку XX стагоддзя

Бароўка В.Ю.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле асэнсоўваецца вербальная інтэрпрэтацыя твораў архітэктуры, скульптуры, жывапісу беларускімі пісьменнікамі XIX — пачатку XX стагоддзя.

Мэта даследавання — выявіць дэтэрмінацыю, паэтыку і дынаміку вербальнай інтэрпрэтацыі твораў архітэктуры, скульптуры, жывапісу ў творах беларускіх пісьменнікаў XIX — пачатку XX стагоддзя, акрэсліць ролю аўтарскай індывідуальнасці ў вербальным асваенні помнікаў выяўленчага мастацтва.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для навуковага асэнсавання экфрасісу сталі творы Т. Зана, А. Ходзькі, А. Петрашкевіча, Я. Баршчэўскага, М. Багдановіча, Я. Купалы, В. Ластоўскага і Я. Коласа. Асноўныя метады даследавання — культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны, дэскрыптыўны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аб'ектам асэнсавання пісьменнікаў XIX — пачатку XX стагоддзя з'яўляліся як айчыныя, так і замежныя творы візуальнага мастацтва. У артыкуле прасочваюцца дэтэрмінацыя і дынаміка экфрасісу. Пачатак вербальнай інтэрпрэтацыі твораў выяўленчага мастацтва быў пакладзены паэтамі-філаматамі і Я. Баршчэўскім. У творах “Роздум каля руінаў Гедымінавага замка” А. Петрашкевіча, “Гербы” А. Ходзькі, “Табакерка” Т. Зана, “Шляхіц Завальня...” і “Драўляны дзядок...” Я. Баршчэўскага па-мастацку рэалізаваліся праграмныя ўстаноўкі рамантызму і філамацкая ідэя абуджэння гістарычнай памяці суайчыннікаў. Пісьменнікі XIX стагоддзя праз вербальнае ўвасабленне помнікаў культавай архітэктуры і бытавой культуры падкрэслівалі адметнасць беларускай рэчаіснасці. На пачатку XX стагоддзя экфрасіс трывала ўвайшоў у творчасць М. Багдановіча, В. Ластоўскага, ён таксама сустракаўся ў паэзіі Я. Купалы, Я. Коласа. Гэтыя пісьменнікі звярталіся да вербалізацыі помнікаў айчынай і замежнай архітэктуры (М. Багдановіч, В. Ластоўскі, Я. Купала, Я. Колас), скульптуры (М. Багдановіч, В. Ластоўскі), жывапісу (М. Багдановіч). Разгорнутыя экфрасісы прадстаўлены вершамі М. Багдановіча “Касцёл святой Анны ў Вільні” і “Пагоня”, пераважная большасць экфрасісаў у беларускай літаратуры лаканічныя па форме.

Заключэнне. Экфрасіс у творах беларускіх пісьменнікаў XIX — пачатку XX стагоддзя дэтэрмінаваўся абставінамі развіцця літаратуры, неабходнасцю пашырэння яе тэматычнага дыяпазону і арсенала вобразна-выяўленчых сродкаў, творчай індывідуальнасцю аўтараў. Спецыфіка экфрасіса ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя заключалася ў фрагментарным увасабленні помнікаў рэлігійнай архітэктуры, геральдыкі, прадметаў бытавой культуры, у літаратуры пачатку XX стагоддзя — помнікаў айчынай і замежнай архітэктуры, скульптуры, жывапісу. Экфрасісы М. Багдановіча вылучаліся акцэнтаваннем эстэтычных і этычных імператываў аўтара; В. Ластоўскага, Я. Купалы і Я. Коласа — філасафічнасцю, артыкуляцыяй грамадска-сацыяльных прывяртэтаў.

Ключавыя словы: экфрасіс, мастацкае адлюстраванне, аксіялагічная шкала, мастацкі прыём, творчая індывідуальнасць.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 111–118)

Ekphrasis in the Belarusian Literature of the XIX — Early XX Centuries

Barouka V. Yu.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masharov University”

The article explores the verbal interpretation of works of architecture, sculpture, painting by Belarusian writers of the XIX — early XX century.

The aim of the research is to find out the determination, poetics and dynamics of the verbal interpretation of works of architecture, sculpture, painting by Belarusian writers of the XIX — early XX century, as well as to establish the role of the author in the verbal understanding of monuments of fine arts.

Material and methods. The material for the study of ekphrasis was the works of A. Petrashkevich, T. Zan, A. Khodzka, Ya. Barshchevsky, M. Bahdanovich, V. Lastouski, Ya. Kupala, Ya. Kolas. The basic research methods are cultural-historical, structural-typological and descriptive.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: dvkessibar@mail.ru — В.Ю. Бароўка

Findings and their discussion. The object of understanding by the writers of the XIX – early XX century was both objects of the domestic and foreign visual art. The determination and the dynamics of ekphrasis are traced in the article. The beginning of the verbal interpretation of works of visual art was laid by poets-philomatists and by Yan Barshchevsky. In the works “Reflections at the Ruins of the Castle of the Gedimins” by A. Petrashkevich, “Coats of Arms” by A. Khodzka, “Snuffsbox” by T. Zan, “Shlyakhtsits Zavalnya” and “Wooden Grandpa” Y. Barshchevsky, it was explained in accordance with the aesthetic program of romanticism as well as the philomatist idea for updating the historical memory of compatriots. Writers of the XIX century through the verbal incarnation of the monuments of religious architecture, heraldry, elements of everyday culture emphasized the uniqueness of the Belarusian reality. At the beginning of the XX century ekphrasis can be seen in the works of M. Bahdanovich and V. Lastouski, it also fragmentarily can be met in the poetry of Ya. Kupala and Ya. Kolas. These authors turned to the verbalization of monuments of national and world architecture (M. Bahdanovich, V. Lastouski, Ya. Kupala, Ya. Kolas), sculpture (M. Bahdanovich, V. Lastouski), painting (M. Bahdanovich). The developed ekphrasises are presented by the poems of M. Bahdanovich “The Church of St. Anna in Vilno” and “The Chase”; most of the ekphrasises in Belarusian literature were laconic in form.

Conclusion. Ekphrasis in the works of Belarusian writers of the XIX – early XX century was determined by desire of the authors to expand the thematic range of literature, the arsenal of artistic means, to depict cultural monuments and by the author's creative individuality. Specificity of ekphrasis in the Belarusian literature of the XIX century was in the predominant depiction of monuments of religious architecture, heraldry, objects of everyday culture while in the literature of the early XX century – in monuments of domestic and foreign architecture, sculpture and painting. Ekphrasis in the works of M. Bahdanovich accentuated primarily the aesthetic and ethical imperatives of the writer; in the works of V. Lastouski, Ya. Kupala, Ya. Kolas – philosophical, civil and social priorities.

Key words: ekphrasis, artistic image, artistic technique, axiological scale, creative individuality.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 111–118)

Літаратура – адкрыты для ўзаемадзеяння з іншымі від мастацтва. Вынікі такога ўзаемадзеяння яскрава прадстаўлены, напрыклад, у экфрасісе. Тэрмін “экфрасіс” ужываецца ў шырокім і вузкім значэннях слова. У шырокім значэнні слова “экфрасіс” – гэта любое апісанне, аднак з XX стагоддзя больш прынята вузкая трактоўка значэння слова, дзе “экфрасіс” ёсць вербалізацыя помнікаў вобразна-выяўленчага мастацтва. Пытанні спецыфікі мастацкага вобраза ў літаратуры і выяўленчых мастацтвах асэнсоўваліся з часоў антычнасці, цікавыя назіранні Леанарда да Вінчы ў трактце “Спрэчка жывапісца з паэтам, музыкантам і скульптарам”, дзе праводзілася думка, што паэзія – гэта нямы жывапіс, а жывапіс – нямая паэзія, і артыкуляваўся магутны інтэлектуальна-сугестыўны пачатак жывапісу. Нямецкі асветнік Г.Э. Лесінг у працы “Лаакаон, або Аб граніцах жывапісу і мастацтва” сістэмна вылучыў спецыфіку прасторавых і часавых мастацтваў, звярнуў увагу на адметнасць рэпрэзентацыі і рэцэпцыі мастацкіх вобразаў у паэзіі і жывапісе. З другой паловы XX стагоддзя актуалізавалася шматаспектнае даследаванне экфрасісу, у айчынным літаратурна-навуковым яго вывучэнне пакуль прадстаўлена адзінкавымі публікацыямі, сярод якіх трэба вылучыць працы Т.Я. Аўтуховіч і Я.А. Гарадніцкага. Між тым вывучэнне экфрасісу беларускімі літаратуразнаўцамі і на матэрыяле айчыннай літаратуры дазволіла б унесці пэўныя ўдакладненні ў агульнапрынятыя меркаванні пра дэтэрмінанты і шляхі вербалізацыі твораў

вобразна-выяўленчага мастацтва, пра эстэтычную ідэнтыфікацыю аўтараў.

Мэта дадзенай работы заключаецца ў выяўленні дэтэрмінацыі, дынамікі і паэтыкі вербальнай інтэрпрэтацыі твораў архітэктуры, скульптуры, жывапісу ў творах беларускіх пісьменнікаў XIX – пачатку XX стагоддзя, вызначэнні ролі аўтарскай індывідуальнасці ў вербальным асваенні помнікаў выяўленчага мастацтва.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для аналізу абраны творы Ануфрыя Петрашкевіча, Тамаша Зана, Аляксандра Ходзькі, Яна Баршчэўскага, Максіма Багдановіча, Янкі Купалы, Вацлава Ластоўскага, Якуба Коласа. Асноўныя метады даследавання – канкрэтна-гістарычны, структурна-тыпалагічны, дэскрыптыўны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вядомы спецыяліст па пытаннях экфрасісу Леанід Гелнер слушна пісаў: “Захапленне многіх сучасных літаратуразнаўцаў экфрасісам абгрунтаванае, трэба думаць, дваістае. Народжаны антычнай традыцыяй дыскурсіўных тыпалогій, ён выплыў на хвалі цікавасці да рыторыкі, характэрнай структуралізму і «новай крытычнай тэорыі». Прыналежнае да з’яў міжвідавых, памежных, змешаных, – паняцце адпавядае самым глыбокім запатрабаванням постмадэрнізму. Няма сумневу, што яго ўваскрашэнне ажывіла дыскусійны форум апошніх гадоў” [1, с. 45]. Сапраўды, экфрасіс як з’ява “шматаспектная і поліфункцыянальная” [2, с. 45] мае патрэбу ў даследаванні, асэнсаванне экфрасіса паспрыяе ўдакладненню прыроды літаратуры як віду мастацтва, а такса-

ма адметнасці мастацкага вобраза, паглыбленню ўяўленняў пра ўзаемадачынненні мастацтва слова і іншых відаў мастацтва, пра спецыфіку эстэтычнай ідэнтыфікацыі нацыянальных літаратур і канкрэтных пісьменнікаў.

Па сцвярджэнні многіх літаратуразнаўцаў, традыцыя экфрасіса бярэ пачатак з “Карцін” Філастрата. Прычым, да гэтага часу дакладна не ўстаноўлена з Філастрата I, Філастрата Флавія ці Філастрата III Лемнаскага. Экфрасіс – адмысловая з’ява ў слоўнай творчасці з прычыны таго, што ён выступае своеасаблівым “перакладам” мастацкіх вобразаў з “мовы” аднаго віду мастацтва на “мову” другога віду мастацтва. Характэрнай рысай экфрасіса з’яўляецца ініцыятыўна-творчая вербалізацыя помнікаў выяўленчага мастацтва. У межах розных літаратурных жанраў экфрасіс выступае як канцэптуальны мастацкі прыём, а нярэдка і як “рыторыка-нараталагічны прыём затрымання дзеяння” [1, с. 45] дзеля характарыстыкі часу, месца, персанажаў.

Экфрасіс – з’ява складаная, генетычна і функцыянальна паліморфная. Справа ў тым, што прасторавыя і часавыя віды мастацтва адмысловыя па сродках стварэння мастацкага вобраза, па арганізацыі мастацкага часу і мастацкай прасторы. Яшчэ Г.Э. Лесінг адзначаў у знакамітым “Лаакаоне...” праблематычнасць адэкватнай рэпрэзентацыі прасторава-часавай прадметнасці сродкамі літаратуры, бо, на яго думку, пры гэтым знікае ілюзія плыні часу ў слове, што выступае важнай умовай дзейнасці мастацтва слова. Творы выяўленчага мастацтва – гэта не застылыя аб’екты, бо змест, сэнсавыя напаўненне іх не раскрываецца імгненна, што дэтэрмінуе цяжкасці пры іх вербальным асэнсаванні. Дынаміка, найперш сэнсавая, заключаная ў творах выяўленчага мастацтва, сутыкаецца з дынамікай пісьменніцкіх зроку і ацэнкі, сфарміраваных рознымі фактарамі, да якіх адносяцца, напрыклад, гістарычны час, культурны вопыт, узрост, эстэтычны густ аўтара літаратурнага твора і яго рэцыпіентаў.

Да экфрасіса айчынныя пісьменнікі на працягу існавання нашага прыгожага пісьменства галоўным чынам звярталіся спарадычна. Прычына такой з’явы – маласпрыяльныя ўмовы развіцця беларускага пісьменства, адметнасць чытацкай аўдыторыі, накіраванасць інтэнцый пісьменнікаў на першаступеннае ўвасабленне грамадскіх з’яў. Першыя ўзоры экфрасіса ў новай беларускай літаратуры прапанавалі паэты філамацкага кола. Іх увага да экфрасіса вынікала і з агульнаэстэтычных устаноў рамантызму, і з філамацкай

праграмы актуалізацыі гістарычнай памяці суайчыннікаў. Ануфры Петрашкевіч у вершы “Роздум каля руінаў Гедымінавага замка” (1817) праз элементы экфрасіса напамінаў пра былую магутнасць і Вялікага княства Літоўскага, і Гедымінавага замка як сімвала дзяржаўнасці, дзе падкрэслівалася: “Гербы, высокія штандары // Ды зброя замак аздаблялі” [3, с. 239]. Руіны замка ў вершы – сведчанне заняпаду былой славы. Экфрасіс як прыём ляжыць і ў аснове вядомага твора Т. Зана “Табакерка” (1818). Герой паэмы – стары воін, што ў маладосці адстойваў патрыятычныя ідэі Барскай канфедэрацыі, гэта значыць ідэі дзяржаўнай незалежнасці Рэчы Паспалітай, а ў сталым веку ўласнымі мастацкімі выявамі на табакерцы імкнуўся абудзіць ідэі вольнасці, таму стальной іголкай выкольваў “Дзівосы з дзівосаў. Спачатку абшары // Палеткаў абводзіў, узгоркі, імшары, // Будынкаў аддалены строй. // А потым пад ціхі свой спеў // Над сцэнкамі з быту карпеў” [3, с. 205]. Малюнкі пахавання Свінтарога, вяселля, Купалля, працы ратаяў, жней, касцоў акцэнтавалі непаўторнасць культуры літвінаў, прыгажосць і ўрадлівасць іх зямлі. Дастаткова арыгінальны па мастацкіх адзнаках верш Аляксандра Ходзькі “Гербы”, дзе праз рэпрэзентацыю геральдыкі паказваюцца ўзаемаадносіны ВКЛ і Польскага каралеўства, удала выкарыстоўваецца іншасказанне, заснаванае на сінтэзе метафары і метаніміі. Персаніфікаваны аўтарам герб ліцвінаў – Пагоня – у вершы ўвасабленне дзяржаўнай незалежнасці ды ваярскага духу насельнікаў ВКЛ, што ганарыцца сабой: “Я – ліцвінаў Пагоня, // Меч сынам нясу ў звоне – // Ён крывёй яшчэ ляшскай дыміцца. // Змалку бітвы хай знаюць, // Да крыві прывыкаюць, // Што я ліў і што зноў будзе ліцца” [3, с. 344]. Белы арол – польскі герб, лірычны герой твора просіць белага арла, не раз бітага ліцвінамі, зменшыць ваяўнічасць: “Што ляціш, орле белы, // Ты з Літвы, ачмурэлы? // Бы кап’ё, твая вострая дзюба. // Грудзі з дзюбаю тою // Ты запэчкаў крывёю. // Сядзь ля Нёмна, змый кроў” [3, с. 344]. Два гербы, дзве дзяржавы павінны, паводле лірычнага героя твора, аб’яднацца ў імя будучыні і свабоды, а не ваяваць паміж сабой. Элементы экфрасіса тут, такім чынам, выконвалі сэнсавыяўленчую функцыю.

Ян Баршчэўскі ў вядомым творы “Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях” (1844–1846) лаканічна апісаў культурныя пабудовы роднага краю. Напрыклад, у раздзеле “Полацк” сцісла пералічваліся прыкметы гарадскога пейзажу: “Званы св. Стафана,

на замкавай гары – царква св. Сафіі, якія, стоячы ў тумане, здаецца, імкнуцца да воблакаў; іх постаці-веліканы пануюць над горадамі і над усёй ваколіцай” [4, с. 140]. Баршчэўскі праз эскізныя занатоўкі перадаваў гісторыю помнікаў, агульнае ўражанне ад іх, а таксама ўскосна ўказваў на рэлігійную талерантнасць насельніцтва паўночнай часткі Беларусі: “У ваколіцах Полацка кожная мясціна ў апавяданнях тутэйшых жыхароў мае нейкую гістарычную памятку; на другім беразе Дзвіны за некалькі верст адсюль стаіць невялічкі касцёл св. Казіміра; тут, апавядаюць, з’явіўся Казімір перад войскам сваіх суайчыннікаў і перавёў іх праз імклівую рачную плынь; і сёння паказваюць у тым месцы пад Струнем пясчаны падводны вал, па якім пераходзіла войска; царква Барыса і Глеба, нібыта пабудавана цудоўным чынам самімі святымі” [4, с. 140–141]. Экфрасіс у прозе Я. Баршчэўскага галоўным чынам сцісла характарызуе час, месца дзеяння, саміх персанажаў, перадае настальгічны настрой апавядальніка. Пры гэтым аўтар спалучаў у адно эскізныя адзнакі розных з’яў. Характэрнае для Баршчэўскага апісанне пакоя ў гасцінным шляхецкім доме, убачанае падарожнікам: “Ён завёў мяне ў святліцу, дзе былі стол, крэслы і іншыя рэчы сваёй работы з бярозы, простыя, але зручныя. На сценах у ракітавых асадах виселі абразы Збавіцеля, Маткі Богае з надпісам унізе: «Klauber Svulpst» і гравіраваныя некалі ў полацкай друкарні партрэты св. Ігнація Лаёлы, Андрэя Баболі, Францішка Ксаверыя і іншых. На шафе ў куце я заўважыў нейкую драўляную галаву, носам і лысінаю падобнаю да Сакрата; твар паколаты, пашарпаны і сям-там апалены” [4, с. 284]. Дарэчы, беглая характарыстыка скульптурнай выявы Сакрата дастаткова шматзначная: з аднаго боку, паколаты, пашарпаны і апалены твар філосафа сведчыў пра тое, што скульптура старая, з другога боку, пра адносінны грамадства да праўдалюбцаў, бо драўляны дзядок, паводле зместу аповесці, часта ўказваў людзям на іх заганы.

Пісьменнікі XIX стагоддзя галоўным чынам фрагментарна ўзнаўлялі помнікі быту, культавай архітэктуры, геральдычныя выявы пераважна з айчыннай рэчаіснасці. Экфрасісы пісьменнікаў XIX стагоддзя экспліцытныя і лакалічныя па форме.

Пачатак XX стагоддзя – перыяд станаўлення многіх мастацкіх традыцый, у тым ліку і традыцый экфрасіса. Пэўны ўнёсак у гэты працэс належыць Максіму Багдановічу, Янку Купалу, Ва-

цлаву Ластоўскаму, Якубу Коласу. Экфрасіс у Янкі Купалы экспрэсіўна-рамантычны па сваёй прыродзе, угрунтаваны на артыкуляцыі незвычайнага, а таксама на іншасказанні. Тыповы для Купалы верш “Палац” заснаваны на кампазіцыйным кантрасце: высокі ды непрыступны безыменны палац і нізкія сялянскія хаткі. Палац паказваецца асенняй вясёльнай парой у змрочным атачэнні прыроды: “Стогнуць пад мурам халодным таполі; // Крыліцца ў ветках начніца; // Моляцца совы па днеўным прыволлі; // Вецер калыша званіцай” [5, с. 85]. Апісанне палаца стварае трывожны настрой: “Сцелюцца мжакі асенняй валокны; // Вечар нялюдзен, трывожан; // Шыбамі звоняць палацавы вокны, // Ценямі мур упрыгожан” [5, с. 85]. Палац закінуты, бязлюдны: “Высакі, бледны адвечныя сцены, // Мары-слупы чарадою; // Важны дзядзінец, трава па калена; // Сад з агародай живою” [5, с. 85]. Яго выгляд нараджае пачуццё страху і трывогі: “Бел, як астрог сярод пусткавай пашы, // Думку палац неспакое” [5, с. 85]. Купала-рамантык праз экфрасіс артыкуляваў кантраснасць светабудовы. Яго верш “Замкавая гара” з падзагалоўкам (“З віленскіх абразоў”) напоўнены сумам ад сузірання руінаў Гедымінавага замка. Канцэптуальная аснова твора набліжана да верша А. Петрашкевіча “Роздум каля руінаў Гедымінавага замка”, толькі з элементамі дэталізацыі і фальклорнай вобразнасці: “Над Віллёй-ракой, // Па гары крутой // Туман сцелецца; // Не то лом-ламок, // Не то дом-дамок // Там віднеецца” [5, с. 199]. У творы згадваецца, што замак належаў Гедыміну: “Слаўны Гедымін, // Князь Літвы – літвін, // Душа чыная, // Многа лет таму // Ён гэтым жыў даму, // Жыў з дружнаю” [5, с. 199]. Раней замак маніфеставаў моц дзяржавы: “Горда мур глядзеў // На зямлю, як леў, // Сцяной крэпкаю; // Не адной бітвы // Тут сыны Літвы // Былі сведкаю” [5, с. 199]. Сучасны стан былога замка – паказчык заняпаду краю. Надзвычай характэрнае для стылю Купалы ўжыванне эстэтычна зніжанага параўнання сцен разбуранага замка з катухам для кур: “Як катух ля кур, // Дрэмле пусткай мур, // Цэгла валіцца; // Нават гнёзды віць // Птушка не ляціць – // Знаць, пужаецца” [5, с. 199]. Экфрасіс у Я. Купалы – прыём, з дапамогай якога выяўлялася аўтарскае кантраснае, палярызаванае бачанне свету, падкрэслівалася недасканаласць сацыяльнай рэчаіснасці.

М. Багдановіч прапанаваў эстэтычна праспектыўныя варыянты экфрасіса. Яго верш “Касцёл св. Анны ў Вільні” – шэдэўр беларускай паэзіі

пачатку XX стагоддзя. Твор цалкам прысвечаны ўзнёсламу апісанню касцёла святой Ганны, выдатнага помніка гатычнай архітэктуры. Верш пачынаўся з прапановы-парады лірычнага героя: “Каб залячыць на сэрцы раны, // Забыць пра долі цяжкі глум, // Прыйдзіце да касцёла Анны, // Там знікнуць сцені цяжкіх дум” [6, с. 247]. У выяве архітэктурнага помніка акцэнтуюцца яго надзвычайная лёгкасць: “Як лёгка да гары, як красна // Узносіць вежы ён свае! // Іх зарыс стройны ў небе ясна // Ізломам дзіўным устае” [6, с. 247]. Візуальна касцёл святой Ганны памкнёны да неба, ён сімвалізуе прагу духоўнасці, спрадвечнае імкненне да яе: “А вастрыі іх так высока, // Так тонка ў вышу неба тнуць: // Што міг – і ўжо здаецца воку, // Яны ў паветры паплывуць” [6, с. 247]. Выгляд будынка робіць уражанне, што “быццам з грубаю зямлёю // Расстаўся стройны, лёгкі гмах // І вось, чаруючы красою, // Ўступае ў блакітны шлях” [6, с. 247]. У дадзеным творы М. Багдановіч застаецца верным сабе як паэту, калі праз экфрасіс сцвярджае гаючую сілу прыгажосці: “Глядзіш, – і сціхнуць сэрца раны, // І забываеш долі глум. // Прыйдзіце да касцёла Анны, // Там знікне горыч цяжкіх дум” [6, с. 247]. Знакамітая Багдановічава “Пагоня” па форме ўяўляе сабой апісанне герба ВКЛ, а таксама ўражанняў і інтэнцый лірычнага героя. Герб “Пагоня”, як вядома, упрыгожвае вароты Вільні – Вострую Брану: “Толькі ў сэрцы трывожным пачую // За краіну радзімую жаж, – // Ўспомню Вострую Брану святую // І ваякаў на грозных канях” [6, с. 314]. Па-майстэрску ўвасобленая дынамічная выява вершнікаў на конях на гербе ВКЛ нараджала думку, што “Старадаўняй Літоўскай Пагоні // Не разбіць, не спыніць, не стрымаць” [6, с. 314]. “Пагоня” натхняе лірычнага героя на развагі: “У бязмерную даль вы ляціце, // А за вамі, прад вамі – гады. // Вы за кім ў пагоню спяшыце? // Дзе шляхі вашы ідуць і куды?” [6, с. 314]. Лірычнаму герою ўяўляецца, што выява старадаўняга герба накіравана да нашчадкаў: “Мо яны, Беларусь, панясліся // За тваімі дзяццмі ўздагон, // Што забылі цябе, адракліся, // Прадалі і аддалі ў палон?” [6, с. 314]. Як вядома, у нашых продкаў вокліч “Пагоня!” гучаў загадам да згуртавання і барацьбы падчас суровых выпрабаванняў, загадам да абароны Радзімы, таму лірычны герой у новым часе просіць “ваякаў на быстрых канях” нагадаць адступнікам пра абавязак перад Бацькаўшчынай: “Бійце ў сэрцы іх – бійце мячамі, // Не давайте чужынцамі быць!” [6, с. 314]. Стары герб – напамін пра былую моц, з аднаго боку,

а з другога – увасабленне патрыятычных надзей аўтара: “Ўсё лятуць і лятуць тыя коні, // Срэбнай збруяй далёка грымяць... // Старадаўняй Літоўскай Пагоні // Не разбіць, не спыніць, не стрымаць” [6, с. 314–315].

Экфрасіс у творах М. Багдановіча – семантычна важны прыём мастацкага адлюстравання і асэнсавання актуальных грамадскіх, этычных, філасофскіх праблем. Багдановіч першым канцэптуальна рэпрэзентаваў у зборніку “Вянок” творы італьянскага жывапісу. Вершаваныя творы “У вёсцы” і “Вераніка” з раздзела “Мадонны” ўтрымлівалі лаканічныя характарыстыкі Мадонаў на палотнах Рафаэля. Вершаванае апавяданне “У вёсцы” пачыналася з канстатацыі: “Хвалююць сэрца нам дзявочыя пастаці // І душы мацярэй нас могуць чараваці; // Вышэйшая краса ў іх злітнасці жывой! // Артысты-маляры схіляліся прад ёй, // Жадаючы з’явіць цераз свае халасціны // Пачуцці мацеры ў вобліку дзяўчыны, // Красы тэй сімвалам, Маць-Дзева, стала Ты – // І глянулі Твае з-пад пэндззяў чарты” [6, с. 144]. Дваісты вобраз Мадонны як дзяўчыны і маці адбіваецца і ў абліччы вясковай дзяўчынкі, што супакойвала спалоханага брата: “А, можа, не краса была ў дзяўчынцы той, – // Дзяўчынцы ўпэцканай, і хілай, і худой, // А штось вышэйшае, што Рафаэль вялікі // Стараўся выявіць праз Маці Божай лікі” [6, 145–146]. Падобная мікрасюжэтная сітуацыя паўтараецца ў вершаваным апавяданні “Вераніка”: “І мела дзеўча выгляд маці, // Калі тады ка мне яна, // Трывожнай ласкаю паўна, // Схілілася, як да дзіцяці, // Зіяючы перада мной // У новай пекнасці жывой: // У тэй, што з постаццю дзяўчыны // Злівала мацеры чарты. // О, як прыгожы – дзіўны ты // Двайной красы аблік ядыны! // Ажыў у ім твой вечны цэль, // Мадон тварыцель Рафаэль!” [6, с. 152]. Мадонны на палотнах Рафаэля для М. Багдановіча – прыклады мастакоўскай здольнасці занатаваць істотнае, вечнае. Значная роля ў творчасці М. Багдановіча належала тэме мастацтва. Яго верш-зварот да “едкага крытыка” ў вядомым трыялеце сваім пафасам скіраваны на акцэнтаванне пастулатаў, што ў мастацтве вельмі важныя творчы пачатак і асоба творцы. М. Багдановіч пазначаў: “Чэліні статуі не рабіў, // А толькі статуэткі, Аднак, артыста шчыры быў. // Чэліні статуі не рабіў, – // Ты чуеш, крытык едкі? // Дарма ты трыялет ганьбіў! // Чэліні статуі не рабіў, // А толькі статуэткі” [1, с. 269]. Бенвенута Чэліні, як вядома, праславіў сябе змястоўнымі малымі скульптурнымі формамі. Ён меў рэпутацыю смелага эксперыментатара. Стварэнне

трыялета паэтам параўноўваецца са стварэннем малых скульптур. М. Багдановіч згадвае Чэліні дзеля аргументацыі ўласных эстэтычных пазіцый, зыходзячы з перакананняў, што важкі змест не залежыць ад памераў формы, што вышталцонасць формы – паказчык таленту аўтара. Асацыяцыя з паркавым дызайнам Антуана Вато падкрэслівала мастацкую абазнанасць лірычнага героя верша “У старым садзе”: “Прыгожы сад, які любіў Вато: // Між дрэў зялёных статуі паўсталі, // Вось грот, гадзіннік сонечны, а далі // Фантан... Напэўна саду год за сто” [6, с. 262].

Экфрасіс ужываўся Багдановічам і ў паасобных праявістых творах. Рускамоўны эцюд “Мадонна” пісьменнік напоўніў разважаннямі пра суадносіны жыцця і мастацтва ў іх часавай рэспектыве. Апавядальнік захоплена дзяліўся ўражаннямі ад наведвання Дрэздэнскай галерэі: “Много хорошего и даже просветляющего довелось мне увидеть, но всего лучше были Мадонны. <...> Вы и сами знаете, надо полагать, что Мадонны эти – соль всей живописи тогдашней, а потому, стало быть, и всяческой; ибо вряд ли можно сказать, что с тех пор живопись далеко вперед ушла. Ну, там в мелочах техники, может статься, и есть что-нибудь новое, – правду молвить, мало я что смыслю в этих делах. Но чтобы по глубине вложенных в картины идей мы средневековые превзошли, – в этом, скажу я вам, можно сильно сомневаться” [7, с. 44]. Герой-апавядальнік раіў браць пад увагу не знешнія прыкметы сярэднявечнага жывапісу, а яго сутнасць, не лічыць яго выключна рэлігійным: “Религиозность сия не в содержании, а в форме больше была, или, вернее сказать, чуть ли не в сюжетах одних. Традиция этакая существовала, что, мол, художнику картины из библейской жизни всего более пристало писать. Они, художники тогдашние, так и делали; а ежели их души не тем были полны, так что ж? Ведь все равно эти посторонние элементы к картинам так или иначе пристегивались, на манер этаких чужеродных растений произрастали. Хочет, скажем, художник портрет своего заказчика нарисовать, – помещает его на картине в виде апостола, что ли. Возлюбленную свою какую-нибудь Юдифью представит или там в числе женщин-мироносиц изобразит. Пожелает свой итальянский или фламандский пейзаж дать, или даже бытовую обстановку свою, – что ж, и этому нет помехи, лишь бы у картины название поцерковнее было. Ну, а отвлеченные идеи тем же способом пробовали воплощать” [7, с. 44–45]. Мастакі Сярэднявечча і Адраджэння, “цельно-

сти, что ли, жажда, или образ высшей красоты создать стремясь, попробовали они в одном лице слить между собой черты и девственной, и материнской красоты. Слить, понимаете, и образом этим завершить все здание искусства, выросшее из преклонения перед женственностью и ее красотой. Головокружительное намерение было. Тут-то традиция писать Мадонн и пригодилась, ибо давала она готовые формы для воплощения мысли этой. Изображая ее, сию Деву-Мать, они всего легче могли передать эту идею свою. И передали, скажу я вам. А так как Мадонны эти – недостижимые вершины искусства, Монбланы его, что ли, то, стало быть, как я говорил, слияние обеих сторон женственности в некий монолит – это и есть венец всяческой красоты. Конечно, не все Мадонны эту идею в себе таят. Отнюдь нет. Напротив, большинство из них изображают просто девушек, у которых, Бог весть почему, на руках ребенок сидит. Да и те мастера, у Мадонн которых сквозь девичье лицо материнское выражение выступает, – и они, говорю я, может быть, к воплощению этого совершенно бессознательно стремились” [7, с. 45–46]. Самае агульнае ўражанне ад адлюстравання лікаў святых на карцінах Сальватора Розы стала прадметам спецыяльнага абмеркавання ў “Апавяданні аб іконніку і залатару”, дзе аўтар выказаў уласныя меркаванні пра суадносіны традыцый і наватарства ў творчым працэсе. Мастацкае ўвасабленне айчынных і замежных помнікаў у творчасці М. Багдановіча было накіравана на асвятленне значных эстэтычных праблем.

Прыём экфрасіса ў паэзіі і прозе Вацлава Ластоўскага засведчыў захапленне аўтара мастацтвам і гісторыяй, філасофскі склад мыслення. Змест вершаў “На Каложы ў Горадні”, “На Полацкім замчышчы” ўгрунтаваны на выснове працесную сувязь паганства і хрысціянства на беларускіх землях. Каложа – помнік архітэктуры XII стагоддзя, у вершы “На Каложы ў Горадні” зазначаецца: “У час прадаўны // княгіні апраметнай – // багіні Марвы // быў тут святарны гай” [8, с. 207], дзе палілі памерлых. Пасля нейкі валадар пабудаваў храм: “У сцены побач з цэннай // грэцкай плінтай // паклаў старых багоў алтар // і прадзедаў сваіх прысок // Панура зецяць да цяпер // з амшэлых сцен // пустыя жалнікі” [8, с. 208]. Гукі з жалнікаў падчас службы нараджаюць пытанні: “Ці то паган пакайны стогн, // ці мо палайка замагільная, // пакрыўдна абурлівая?..” [8, с. 208]. У вершы “На Полацкім замчышчы” выказвалася меркаванне,

што храм узводзіўся на месцы язычніцкага капішча, што “на попеле // старэтных стодаў, // пад засцю ценяў іх – // у почце грэчаскіх святых // засела Софас, // мясцовую сабой змяняючы Паладу” [8, с. 209]. Афіна Палада – антычная багіня мудрасці і перамогі, Сафія – хрысціянская багіня мудрасці. Кёльнскі сабор, пабудаваны па ўзору славутага Ам’енскага, у аднайменным вершы прадстае сімвалам змагарнага духу готаў, іх перамогі над Рымам, сімвалам наступлення новых часоў [8, с. 210–211]. Вацлава Ластоўскага падчас кароткага знаходжання ў складзе беларускай дыпламатычнай місіі ў 1923 годзе ўразілі помнікі італьянскай культуры. Яго характарыстыка сабора святога Марка ў Венецыі ў аднайменным вершы спалучае дэскрыптыўны, сугестыўны і медытатыўны пачаткі: “Візантыі таўпежнай – // бліскучай, чваннай і мнагагрэшнай – // сівы мрамур старых сцен // замацаваў пакайны гімн! // Масіў яго к зямлі прырос, // як собіна святая, // і толькі Апалонаў воз // імкнецца да нябёс. // Ўнутры вачамі грозных ўладароў // з залочанага стропу на шэры дол // святых поспікі халодным зрокам // з суровасцю нямой глядзяць! // Яны – імперыі нябеснае княжаты, // багомасцю багаты, – // няслі ў жыцці крыжы, // дык ты ... цяпер // дрыжы! // Ці будзь раўнёю ім: // або чарнец, або ўладар... // Спагаду літасці табе // не суліць іхні зрок, // калі зняважыў неўзнарок // зямны ты ці нябесны цэзарызм. // Ўвесь гэты холад, пыху і суровасць // адно мякчыць: залочана асноведзь” [8, с. 212–213]. Сабор святога Марка ў Венецыі – архітэктурны помнік з выразнымі элементамі візантыйскага стылю, для В. Ластоўскага гэта ўваабленне дэспатызму, які прымушае скарыцца чалавечы дух. Чатырохрадкоўе “З Мікеланджэла”, што стала перакладам верша Ф. Цютчава 1855 года, напоўнена элегічным настроем, яно ўтрымлівае пераасэнсаванне адной са скульптур вялікага італьянца Мікеланджэла Буанароці: “Маўчы, прашу цябе, не важ мяне будзіць! // У гэты век такі праступны і бясстыдны, // Не жыць, не чуць – які то быў бы лёс завідны! // Прыемна спаць, а каменем усё ж лепей быць...” [8, с. 221]. Алюзія на скульптуру “Засынаючы раб” Мікеланджэла выяўляла настрой В. Ластоўскага пасля наведвання Італіі, яго эмацыянальную ацэнку сітуацыі, у якой апынуліся людзі, што не прымалі падзел роднага краю на ўсходнюю і заходнюю часткі, але не маглі змяніць палітыку еўрапейскіх дзяржаў. Праз экфрасіс у праяўным творы “Троцкі замак” В. Ластоўскі акцэнтаваў няўмольны і разбуральны рух часу: “Вуглавая круглая башта, а ў ёй круглыя вокны-стральніцы. Вецер дзьме

ў круглае вакно, як у флейту, а башта – гугнявым старэчным голасам – на старасвецкую вайсковую нотку – бубніць вызаў камусьці ў прасторы:

Дай у двубой, мы з табой

Сілай змерымся...” [8, с. 123].

Стары замак у паказе пісьменніка – надзейны захавальнік таямніц мінулага: “Я схаваўся пад зацень старых муроў і пачаў азірацца. На змочаным дажджом, шэрым ад часу тынку ўнутранай сцяны гатыцкага стылю замка праступалі стараветныя сценныя малятуры. Абрываліся контуры кастырных візантыцкіх святых, і іх строгія, глыбокія ў містычнай задуме вочы ўпіліся ў мяне. Я стаяў, абварожаны дзіўным з’явішчам, загадкаю мінуўшчыны, разгадку якой прашчыры назаўсёды забралі з сабой у магілу. Гатыцкі дух захаду крыў у сваіх нетрах генія ўсходу” [8, с. 123]. В. Ластоўскі галоўным чынам пазбягаў разгорнутых апісанняў помнікаў архітэктурны, жывапісу, ён звычайна вылучаў сэнсавыя значныя дэталі.

Творчасць Якуба Коласа пачатку ХХ стагоддзя пакінула адзінкавыя прыклады выкарыстання прыёму экфрасіса. Так, у паэме “Сымон-музыка” перададзена ўражанне героя ад Нясвіжскага замка: “А той замак – ух, махіна! // Мур адзін наводзіць страх, // І няветла яго міна; // Перад ім ты – муха, прах! // Страшны замак, цяжкі, грозны, // Пара вежаў, як адна, // А навокал роў глыбожны, // І не згледзіш яго дна” [9, с. 568]. Апісанне замка ў паэме схематычна-эскізнае. Сымон не па сваёй волі трапіў туды, замак для яго – этап чарговага паднявольнага жыцця, таму выклікае ў Сымона пачуццё варожасці. Народнага музыку зацікавіў не столькі замак, колькі праца стваральнікаў, мэтазгоднасць такой раскошы: “Колькі ж трэба было працы, // Каб тут вырасла гара? // Хто дбаў князю на палацы? // Хто нажнёс яму дабра? // Хто выводзіў тыя вежы? // Хто той замак будаваў? // Златаблескія адзежы // Хто ля сцен яго саткаў? // Чые рукі з мазалямі // Тут зняслі свае дары? // Потам, кроўю і слязамі // Сцяманаваны мury! // Колькі роскашы – страхоцце! // А нашто яна? Каму?” [9, с. 568]. Экфрасіс у Коласа – сродак характарыстыкі персанажа, выяўлення грамадскіх прыярытэтаў пісьменніка, рэалізацыі меркаванняў пра несправядлівае ўладкаванне свету.

Заклучэнне. Экфрасіс у творах беларускіх пісьменнікаў ХІХ – пачатку ХХ стагоддзя дэтэрмінаваўся ўмовай развіцця літаратуры, неабходнасцю пашырэння яе тэматычнага дыяпазону, пашырэння арсенала вобразна-выяўленчых сродкаў, творчай індывідуальнасцю аўтараў.

Спецыфіка экфрасіса ў беларускай літаратуры XIX стагоддзя заключалася ў фрагментарным увасабленні помнікаў рэлігійнай архітэктуры, геральдыкі, прадметаў бытавой культуры; у літаратуры пачатку XX стагоддзя – помнікаў айчыннай і замежнай архітэктуры, скульптуры, жывапісу. Аўтары пачатку XX стагоддзя таксама засяроджваліся на перадачы ўражанняў ад помнікаў візуальнага мастацтва. Сэнсавая напоўненасць экфрасіса ў творах Максіма Багдановіча выяўлялася ў пераважным акцэнтаванні ўласных эстэтычных і этычных імператываў, Вацлава Ластоўскага, Янкі Купалы і Якуба Коласа – у філасафічнасці, артыкуляцыі грамадска-сацыяльных прыярытэтаў.

Літаратура

1. Геллнер, Л. Экфрасис, или Обнажение приема. Насколько вопросов и тезис / Л. Геллнер // “Невырази-

мо выразимое”: экфрасис и проблемы репрезентации в художественном тексте: сб. ст. / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. – М., 2013. – С. 41–60.

2. Гарадніцкі, Я.А. Літаратура як мастацтва: камунікатыўнасць, інтэртэкстуальнасць, наратыўнасць / Я.А. Гарадніцкі. – Мінск: Беларус. навука, 2014. – 401 с.
3. Філаматы і філарэты: зборнік. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1998. – 400 с.
4. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1998. – 480 с.
5. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Т. 2. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 342 с.
6. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – Т. 1. – 752 с.
7. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1996. – Т. 2. – 600 с.
8. Ластоўскі, В. Выбраныя творы / В. Ластоўскі. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 1997. – 512 с.
9. Колас, Я. Збор твораў: у 14 т. / Я. Колас. – Мінск: Маст. літ., 1974. – Т. 6. – 624 с.

Паступіў у рэдакцыю 03.04.2019 г.

Письмо М. Смотрицкого от 14 августа 1628 года: лингвистический аспект

Вардомацкий Л.М.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Выводы относительно времени и истоков национальной закреплённости языковых форм должны базироваться на максимально широком лингвистическом поле и достаточном количестве языковых фактов. Вместе с тем в последние десятилетия историко-лингвистические исследования в нашей стране представлены лишь единичными публикациями.

Цель настоящей работы — на основе комплексного анализа языка одного из памятников письменности начала XVII века проследить, с одной стороны, степень сохранения традиций и, с другой стороны, формирование новых тенденций в развитии письменного языка на восточнославянской территории в начале XVII века.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил язык текста письма М. Смотрицкого митрополиту Киевскому Иове Борецкому от 14 августа 1628 года относительно некоторых не принятых и раскрытированных Киевским собором его сочинений, опубликованных после перехода М. Смотрицкого в униатство. Письмо это впервые было опубликовано в 1865 году во втором томе сборника «Акты, относящиеся к истории южной и западной России».

Результаты и их обсуждение. Письмо М. Смотрицкого, известного религиозного деятеля начала XVII века, автора «Грамматики», являясь оригинальным документом, даёт современному исследователю возможность определить некоторые тенденции развития новых форм в языке восточных областей Великого княжества Литовского. В тексте письма отмечается ряд фонетических, лексических и грамматических особенностей, восходящих к древнерусскому языку. Однако языковые формы такого рода уже нельзя назвать определяющими в языке анализируемого памятника письменности. В нём достаточно активно и последовательно отражаются как фонетические, так и грамматические языковые элементы, характеризующие формирование языка нового времени, приобретающего черты, отличающие его как от древнерусского (восточнославянского) предшественника, так и от языка, формирующегося на территории восточнее днепровского бассейна. Подобные языковые особенности в данном письме М. Смотрицкого представлены особенно широко.

Заключение. Текст письма М. Смотрицкого от 14 августа 1628 года представляет несомненный интерес для историков-языковедов. С одной стороны, он отражает произошедшее у его автора изменение отношения к использованию им же выработанных в 1618 году языковых норм, что связано с изменением конфессиональных ориентиров М. Смотрицкого, с другой — текст письма объективно отражает развитие новых тенденций в формировании письменного языка на восточнославянской территории в первой трети XVII века.

Ключевые слова: язык, история языка, исторические лингвистические исследования, памятник письменности, текст, языковые формы.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 119–124)

The Letter of M. Smotritsky's of August 14, 1628: Linguistic Aspect

Vardomatsky L.M.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

Conclusions regarding the time and origins of national fixedness of linguistic forms should be based on the widest possible linguistic field and a sufficient number of linguistic facts. At the same time, in recent decades, historical linguistic studies in our country are generally represented only by single publications.

The purpose of this work is, on the basis of a complex analysis of the language of one of the early 17th century written monuments, to trace, on the one hand, the degree of preservation of traditions and, on the other, the formation of new tendencies in the development of the written language in the East Slavic territory in the early 17th century.

Material and methods. The material for the study was the language of the text of M. Smotritsky's letter of to Metropolitan of Kiev I. Boretsky dated August 14, 1628 regarding some unaccepted and criticized by Kiev Council essays of his, published after M. Smotritsky had started following Uniate church. This letter was first published in 1865 in the second volume of the collection "Acts Regarding the History of the Southern and Western Russia".

Findings and their discussion. The text of the letter of the famous religious figure of the early 17th century M. Smotritsky, the author of the «Grammar», which is the original document, gives the modern researcher the opportunity to identify some traditional and new forms of language development of the Eastern regions of the Great Duchy of Lithuania. In the text of the letter a number of phonetic, lexical and grammatical features are noted, dating back to the Old Russian language. However, linguistic forms of this kind can no longer be called defining in the language of the analyzed monument of writing. It quite actively and consistently reflects both phonetic and grammatical linguistic elements that characterize the formation of the language of the new time, acquiring features that distinguish it from both ancient Russian (East Slavonic) predecessor and the language formed in the territory east of the Dnieper basin. Such language features in this letter of M. Smotritsky are presented especially widely.

Conclusion. The text of the letter of M. Smotritsky dated August 14, 1628 is of undoubted interest for linguistic historians. On the one hand, it reflects the change in attitude to the author's use of the linguistic norms developed by him in 1618, which is connected with the change in the confessional orientation of M. Smotritsky. On the other hand, the text of the letter objectively reflects the development of new trends in the formation of the written language in the East Slavic territory in the first third of the 17th century.

Key words: language, history of language, historical linguistic studies, a monument of writing, text, language forms.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 119–124)

Двадцать первый век, формируя новые геополитические реалии, одновременно пытается опереться на исторические параллели и истоки современных общественных процессов. И в качестве одного из важнейших аргументов достаточно часто используются факты языка «как естественного и всестороннего отражения жизни общества». Однако убедительность таких «фактов» на самом деле далеко не всегда очевидна. «Младограмматики» конца XX – начала XXI в. предлагают обществу ту диахроническую картину языка, которая соответствует их историческим пристрастиям (или желаниям), но которая не всегда соответствует историческим языковым реалиям. Язык – это намного более тонкий общественный инструмент. И прямолинейные выводы, а тем более формулировки определений относительно времени и истоков национальной закреплённости языковых форм должны базироваться на максимально широком лингвистическом поле и максимально большом количестве языковых фактов. Еще в 1903 году Д.И. Довгялло обращал внимание на необходимость «точного копирования древнейших актов как самого драгоценного материала для изучения древнего белорусского языка», поскольку только в этом случае можно говорить о достоверности выводов [1, XI]. В этом же году Е.Ф. Карским опубликован перечень доступных для лингвистического исследования документов XVI–XVII веков [2, с. 349–405]. Однако и к настоящему времени системное лингвистическое исследование письменных памятников эпохи формирования новых восточнославянских языков еще нельзя признать

исчерпывающим и законченным, тем более что в последние десятилетия историко-лингвистические исследования в нашей стране вообще представлены лишь единичными публикациями.

Цель настоящей работы – на основе комплексного анализа языка одного из памятников письменности начала XVII века попытаться определить (в возможной степени) языковую ситуацию, сложившуюся в восточных областях Великого княжества Литовского к этому времени, и истоки формирования некоторых начальных признаков белорусского и – отчасти – украинского языков, отраженных в рассматриваемом тексте. Это позволит хотя бы фрагментарно, но с большой долей вероятности (с учетом специальной эпистолярной стилистики, продиктованной особенной адресностью письма) проследить, с одной стороны, степень сохранения традиций и, с другой стороны, формирование новых тенденций в развитии письменного языка на восточнославянской территории в начале XVII века.

Материал и методы. Материалом для исследования послужил язык текста письма М. Смотрицкого митрополиту Киевскому Иове Борецкому от 14 августа 1628 года, которое было написано им во время нахождения в монастыре святого «Михайла-Золотоверхого в Києви». В этом письме он просит митрополита о встрече, желая «усты ко устамъ, ... а не презъ трейтию особы» изложить митрополиту свою точку зрения относительно некоторых не принятых и раскритикованных Киевским собором его сочинений, опубликованных после перехода М. Смотрицкого в униатство. Письмо это впер-

вые было опубликовано в 1865 году во втором томе сборника «Акты, относящиеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссією» под № 50 [3]. С тех пор документ, по нашим сведениям, не переиздавался и известен сегодня лишь узкому кругу историков.

Сбор и анализ языковых особенностей текста письма проводился методом сплошной выборки и типологической классификации полученного материала с использованием метода сравнительно-исторического лингвистического анализа.

Результаты и их обсуждение. Исследование языка указанного письма интересно в том числе и тем, что до его появления – в 1619 году – его автором М. Смотрицким были опубликованы «Букварь» и «Граматики славенския правильное синтагма». Именно с этого времени мы можем говорить о внедрении в восточнославянскую кириллическую письменность такого понятия, как нормированность, поскольку были сформулированы и предложены в качестве учебного материала правила и законы грамотного употребления языковых форм. И следует понимать, что первым хранителем и распространителем нормированной формы письменного языка являлся сам М. Смотрицкий. С другой стороны, девять лет, прошедшие со дня издания указанных учебных пособий, в эпоху резкого обострения конфессиональной борьбы, с особенной остротой проявлявшейся на территории восточной части нынешней Беларуси, не могли не отразиться на языке и в языке, который являлся и зеркалом, и жертвой, и знаменем этой борьбы. И с подобной точки зрения изучение языка текстов, написанных рукой М. Смотрицкого, представляет несомненный интерес для языковедов-историков.

К 1628 году М. Смотрицкий окончательно принимает униатство, активным противником и критиком которого он был еще 10 лет назад, создавая свою «Граматику». В его новых публикациях отчетливо звучат призывы к единению церквей, но с принятием правил униатской церкви. Новые конфессиональные ориентиры в прямом смысле отражаются и в языке его сочинений.

Нам известна копия письма М. Смотрицкого митрополиту Киевскому Иове Борецкому от 14 августа 1628 года, выполненная неким «*Мартиномъ Климовичомъ, намѣстникомъ одѣ вельможного кнежати его мл. Александра зъ Острога Жаславского, воеводы Кіевского... для вписаня до книгъ нинѣшнихъ кгородкихъ Кіевскихъ*» 30 августа 1628 года, то есть через 16 дней после напи-

сания оригинала. Эта копия и была опубликована археографической комиссией в 1865 году.

Прежде чем говорить о языковых особенностях письма, необходимо сделать вывод относительно соответствия текста, опубликованного в 1865 году, оригиналу. В этой связи мы исходим из следующего. Во-первых, копии такого рода, с которыми приходилось работать исследователям (записи документов в архивные книги, которые в те времена велись очень тщательно), практически всегда передают орфографические особенности оригинала. Встречающиеся единичные описки выявляются без заметных затруднений, поскольку даже зрительно выделяются из общей канвы текста. Во-вторых, данные копии сопровождаются, как правило, приписками, что они исполнены «слово в слово». Такая приписка присутствует и в рукописной копии, с которой осуществлялась публикация 1865 года: «*Ta karta przepisana slowo w slowo, iedno nie korygowano ieszcze manum*» – «Этот документ переписан слово в слово без внесения каких-либо исправлений». (*Здесь и далее перевод наш. – Л.В.*)

Публикация письма археографической комиссией в 1865 году, как и все публикации исторических документов этого времени, преследовала не языковедческие, а историографические цели. А в таких публикациях, что мы можем с сожалением наблюдать, например, в публикациях документов, относящихся к истории витебского края, А. Сапунова, языковая составляющая текста (и, как мы сегодня понимаем, важнейшая) часто приносилась в жертву фактологической, содержательной стороне документа [4]. В нашем случае проведенный анализ публикации 1865 года не выявил системных языковых противоречий, отклонений, «осовремененности» в передаче фонетических, лексических и грамматических особенностей текста. Следовательно, можно заключить, что и копия, сделанная в 1628 году, и опубликованный текст 1865 года аутентичны в языковом отношении оригиналу письма, написанного рукой М. Смотрицкого. Поэтому историко-лингвистический анализ текста даст нам возможность выделить некоторые языковые признаки, характеризующие письменную форму языка этого периода, фрагментарно проследить (с учетом специальной эпистолярной стилистики, продиктованной особенной адресностью письма) степень сохранения традиций и формирования новых тенденций в развитии письменного языка на восточнославянской территории в начале XVII века.

В качестве общей характеристики текста следует отметить, что он практически лишен выраженных старославянских признаков, что несколько странно, учитывая специфику его содержания. Исключение разве что составляет активное использование, особенно в начальной части текста, приставки *пре-* в именных формах со значением высшей степени качества: *преосвещенному митрополиту Киевскому, господину моему пречесному, съ прочією превозлюбленою братією, пречесных ми господиновъ*. Однако данная приставка – старославянского происхождения и, следовательно, должна писаться не через *-е-*, а через *-ѣ-*: *прѣ-* (как и *прѣд-*, и *чрѣз-*). Тем более, что по тексту во всех других необходимых случаях буква *ѣ* используется исторически правильно. Однако в случае с *пре-* / *прѣ-* М. Смотрицкий последовательно, значит сознательно, использует форму *пре-*. Предположение, что данное написание – влияние польской орфографии (ср. польск. *przed, przez*) маловероятно, поскольку еще в грамматике 1619 года М. Смотрицкий считает букву *ѣ* необходимым элементом орфографии. На наш взгляд, наиболее вероятным объяснением этой, с точки зрения исторической орфографии, «ошибки» может являться лишь то, что используемые в тексте слова, начинающиеся с *пре-*, к этому времени утратили первоначальное значение «высшей степени качества» и не воспринимались как восходящие к старославянскому варианту русской приставки *пере-*.

Одним из признаков старославянизмов (в том числе и в современном русском языке) является наличие аффрикаты *-щ-* на месте восточнославянской *-ч-*: *освещение* (но *свечение*), *совещание* (но старорусск. *вече*), *аще* (в Русской Правде – *аче*). Однако М. Смотрицкий смело и последовательно допускает в тексте своего письма восточнославянские разговорные формы. Так, на месте *-щ-* используется сочетание *-сч-*: *есче, допусчєнь, обсчмѣ, обсчого, преосвєщенства*. И только в одном случае *-щч-*: *присидѣщчих*.

В этой связи интерес представляет и написание *-е-* в слове *митрополитъ* («преосвєченному митрополиту Киевскому...»). Сегодня (и в истории) распространенной формой этого слова является (и являлась) форма *митрополит*. На то, что в исследуемом тексте это не позднейшая опечатка, указывает точно такое же написание этого слова и во вступительной приписке к документу переписчика Мартина Климовича, выполнившего известную нам копию 30 августа того же 1628 года. Вероятно, здесь мы можем видеть эле-

мент обратной «реформаторской» деятельности М. Смотрицкого в области языка. Дело в том, что распространенная сегодня форма *митрополит* восходит к новогреческой *μῆτροπολίτης* («митрополитис»), где буква «η» произносилась как [и], что было принято и создателями кириллицы. М. Смотрицкий применяет старогреческий вариант фонетического значения этой буквы – [ε :]. (Сравните современное слово *метрополия*).

По всему тексту последовательно используется новая форма окончания родительного падежа *-ого* полных прилагательных и местоимений: «*презору отцевскаго*»; «*за одбижєного и зоставленого и оттрученого*»; «*которого возванія*». Известно, что в московских памятниках письменности часто продолжали сохраняться более старые переходные варианты на *-аго*: *милаго, добраго, светаго*.

Текст письма М. Смотрицкого отражает и некоторые сохраняющиеся к этому времени в разной степени активности и поддерживаемые автором «Грамматики славенския правильное синтагма», но объективно уходящие из восточнославянских диалектов грамматические формы. Среди них.

1. Окончания дательного падежа древнерусского типа склонения существительных на *-*ŭ* (что сегодня характерно польскому языку): «*господинову моему пречесному*».

2. Энклитические формы возвратного местоимения в препозиции: «*въ которой ся уродилемъ*», «*ся друкуеть*».

3. Энклитические формы местоимения первого лица в Д. и В. падежах: «*превозлюбленную ми о Христи братією*», «*мя восточная светая Церковь... повееть*», «*мя... уродила*».

4. Старые формы В. и Р. падежей возвратного местоимения и местоимения первого лица: «*презь мене*» (вм. меня), «*себе судити*» (вм. себя), «*отъ себе оттрутили*» (вм. отъ себя).

5. Древнерусские формы Д.п. возвратного местоимения: «*собѣ не зычилъ*». Кстати, так же и в приписке Мартина Климовича: «*такъ се въ собѣ маеть*».

6. Формы, восходящие к плюсквамперфекту: «*судити мусилъ былъ*», «*гдѣ бысте... отбигли*».

7. Употребление формы винительного неодушевленного для существительного во множественном числе: «*черезъ посланники*» (вм. *черезъ посланниковъ*).

Однако отмеченные и подобные консервативные языковые формы такого рода уже нельзя назвать определяющими в языке анализируемо-

го памятника письменности. В нем достаточно активно и последовательно отражаются как фонетические, так и грамматические языковые элементы, характеризующие формирование языка нового времени, приобретающего черты, отличающие его как от древнерусского (древнеславянского) предшественника, так и от языка, формирующегося на территории восточнее днепровского бассейна. Подобные языковые особенности в данном письме М. Смотрицкого представлены особенно широко. И здесь контрастно выделяются две группы.

Первая группа новых для восточнославянских говоров языковых форм определяется их очевидной соотнесенностью с польским языком. Особенно широко здесь представлены специфические формы глаголов первого лица: «*Сподевалемсе я*» («я надеялся»), «*пробылемъ о томъ*» («я прибыл для того...»), «*ся уродилемъ*» («я родился»). Такая же глагольная форма, кстати, используется и в предисловии к письму Мартина Климовича: «*пріймуючи читалемъ*» («принимая, я прочитал»). В двух случаях находим целые польскоязычные фразы, записанные кириллицей: «*безъ жадныхъ заводовъ диспутаційныхъ учинено быти належало*». Ср. в польск.: *Bez żadnych zawodów dysputacyjnych...*; «*што ся южъ стало презъ друкъ*». Ср. в польск.: *co się już stało przez druk*. – «Что уже произошло с помощью печати».

Причем обращает на себя внимание значительное количество именно лексических полонизмов в тексте письма: «*Вшеляко*» (польск. *wszelako*), «*за спольною о томъ номовою*» (польск. *wspólny*), «*презъ друкъ*» (польск. *przez druk*), «*сподевалемсе я звыклое*» – «надеялся я как всегда...» (польск. *zwykłe*), «*въ справахъ церковныхъ намовы* – польск. *patowu* – «уговор, подстрекательство».

Ко второй группе отнесем целый ряд фонетических, лексических и грамматических явлений, отражающих этап формирования нового языка территории (первоначально, вероятно, от Вильно до Киева). Причем ряд отраженных в тексте явлений характеризуют формирующиеся белорусские языковые признаки. Среди них:

1. Отверждение исконно мягких шипящих: «*для чого въ край сеи на назначоный ... часъ пробылемъ*»; «*для чого черезъ посланники...*»; «*тяжшого нижъ есть вина моя*»; «*радою нашою*»; «*не шырачи тыхъ* (вм. более древн. *техъ*) *речей*»; «*до обского*».

2. Отражение на письме диссимилиации в сочетании **-чт-**, что характерно для белорусского

языка: «*абы што*», «*што ся южъ стало*»; «*штобы презъ мене ... быти належало*»; «*што бы ку смятению церковному быти*».

3. Предлог **зъ** на месте древнерусского **съ**: «*зъ себе самого*»; «*зъ воды и Духа уродила*».

4. Интересной особенностью текста является обозначение [р] отвердевшего (что не свойственно украинскому языку) в предисловии к письму киевского переписчика Мартина Климовича, которое исполнено в том же году и в том же месяце, что и оригинал письма М. Смотрицкого: «*Отець Іосифъ Бобрыковичъ*»; «*монастыра церкви брацкое*». Между тем в самом тексте письма [р] обозначается в соответствии с его этимологией: «*презъ трейтии особы*»; «*прошу презору*»; «*присидящихъ пречесныхъ ми господиновъ*». Однако написание **-е-** в приставке **пре-** в данном случае не может свидетельствовать о качестве звука [р]. Но сравним здесь же в тексте: «*пробылемъ*».

5. Анализируемый текст дает возможность говорить и о постепенном, но активном к началу XVII века совпадении [ѣ] с [е] в неполногласных сочетаниях. Причем текст письма свидетельствует, что первоначально этот процесс развивается в старославянских по происхождению предлогах-приставках, поскольку в них последовательно М. Смотрицкий использует **-е-** на месте более раннего **-ѣ-**: «*презъ трейтии особы*»; «*стало презъ друкъ*»; «*презъ мене*»; «*прошу презору*». Данный процесс уже отражается и в написании существительных старославянского происхождения с неполногласными сочетаниями: «*будеть вредъ*».

6. В ряде случаев на месте **-ѣ-** последовательно используется **-и-**, что отражает, вероятно, уже живую особенность украинской речи: «*Совиту милости вашихъ*»; «*дило есть немощное*»; «*всихъ до того совитомъ лежащихъ*»; «*преотлиглость мещца*»; «*во мни*», «*въ Києви*». В этом не было бы ничего странного, если вспомнить о месте рождения М. Смотрицкого. Однако в предыдущих текстах, изданных М. Смотрицким, такая украинская фонетическая особенность столь последовательно не отражалась. Интересно, что в приписке-послесловии Мартина Климовича к копии письма переход **-ѣ-** в **-и-** практически не отражается: «*Писанъ у Києвѣ*».

Подобную особенность – появление [и] на месте более раннего [ѣ] – отмечал еще Е.Ф. Карский: «Малорусизмов на первых порах в него (в письменный язык. – Л.В.) не вносили: они заходили постепенно, все более и более возраста. Особенно при Петре Могили (1596–

1647 г. – Л.В.), когда центр западнорусской образованности из Вильны был перенесен в Киев, малорусизмы полились в западнорусский язык обильным потоком. Киевский литературный язык этого времени уже не может быть назван западнорусским» [2, с. 342].

Заключение. Как видно, текст письма М. Смотрицкого от 14 августа 1628 года представляет несомненный интерес для историков-языковедов. С одной стороны, он отражает произошедшие у его автора изменения отношения к использованию им же выработанных языковых норм, что связано с изменением конфессиональных ориентиров М. Смотрицкого, с другой – текст письма объективно отражает развитие новых тенденций в формировании письменного языка на восточнославянской территории в первой трети XVII века. Однако это все еще лишь тенденции. И о существовании к этому времени трех самостоятельных восточ-

нославянских языков на основании имеющихся фактов говорить, на наш взгляд, еще преждевременно.

Литература

1. Довгялло, Дм.Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый [Электронный ресурс] / Дм.Ив. Довгялло. – Витебск, 1903. – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/002055968892936183cdd>. – Дата доступа: 10.12.2018.
2. Карский, Е.Ф. Белорусы / Е.Ф. Карский. – Варшава, 1903. – Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. – 478 с.
3. Акты, относящиеся к истории южной и западной России, собранные и изданные археографическою комиссією. Томъ второй (1399–1637). – Санктпетербургъ, 1865. – С. 76.
4. Сапунов, А. Витебская старина / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – Т. 1. – 668 с.

Поступила в редакцию 24.05.2019

Словаўтваральныя тыпы беларускай навуковай фаўнаменклатуры

Грачыха Т.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны пытанням словаўтварэння сучаснай беларускай фаўністычнай наменклатуры ў параўнальным плане са словаўтварэннем на пачатковым этапе яе фарміравання ў 20-я гады XX стагоддзя.

Мэта — вызначыць у сінхронічным і дыяхранічным аспектах структурна-словаўтваральныя асаблівасці навуковых намінацый жывёльнага свету розных тэматычных груп.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі рода-відавыя намінацыі фаўны, змешчаныя ў сучасных энцыклапедычных і лексікаграфічных выданнях, а таксама тэрміналагічных слоўніках 20-х гадоў XX стагоддзя. У якасці асноўных метадаў аналізу выкарыстоўваліся апісальна-аналітычны і параўнальна-супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. У працы вызначаны і даследаваны словаўтваральныя тыпы беларускай навуковай фаўнаменклатуры на прыкладах рода-відавых намінацый звяроў, птушак, рыб, земнаводных і паўзуноў.

Разгледжаны такія асноўныя спосабы сінхронічнага ўтварэння вытворных фаўнаноменаў, як афіксацыя і складанне. Вызначаны адназоўнікавыя, аддзяслоўныя, адпрыметнікавыя, адвыклічнікавыя тыпы, прадуктыўныя і непрадуктыўныя афіксы і спосабы ўтварэння фаўнаменклатуры.

Выяўлены ўплыў заалагічнай тэрміналогіі пачатковага этапу яе фарміравання на станаўленне сучаснай беларускай навуковай фаўнаменклатуры.

Заключэнне. Можна доказна канстатаваць, што ўтварэнне фаўністычных номенаў розных тэматычных груп адбываецца па агульных лексічных законах. На пачатковым этапе фарміравання беларускай навуковай фаўнаменклатуры была характэрна арыентацыя на дыялектныя моўныя рэсурсы. Для сінхронічнага словаўтварэння сучаснай фаўнаменклатуры характэрны спосаб афіксацыі, прычым, найбольш прадуктыўным з’яўляецца спосаб суфіксацыі, адзначана таксама асноваслоўна-складанне і асноваскладанне з суфіксацыяй, лексіка-семантычны і марфалага-сінтаксічны спосабы ўтварэння.

Ключавыя словы: заалагічная тэрмінасістэма, фаўністычная наменклатура, словаўтварэнне, словаўтваральны тып, спосабы ўтварэння вытворных фаўнаноменаў, дэрыват, суфіксальны фармант, афіксацыя, складанне, субстантывацыя прыметнікаў.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 125–129)

Word Building Types of Belarusian Scientific Fauna Nomenclature

Grachykh T.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masharov University”, Vitebsk

The article centers round issues of word building of the contemporary Belarusian fauna nomenclature in the comparative aspect with the word building at the initial stage of its shaping in the 20-s of the 20th century.

The purpose of the article is to identify in the synchronic and diachronic aspects structural and word building features of scientific nominations of the animal world of different thematic groups.

Material and methods. The research material is genda and species fauna nominations which are placed in contemporary encyclopaedia and lexicographic publications as well as terminological dictionaries of the 20-s of the 20th century. The main analysis methods are the descriptive and analytical and the comparative.

Findings and their discussion. Word building types of Belarusian scientific fauna nomenclature are singled out and studied on the examples of genda and species nominations of animals, birds, fish, amphibians and reptiles.

Such basic ways of synchronic building of faunamenes as affixation and composition are considered. Substantivation, formation from verbs, adjectives, interjection types are identified as well as productive and non-productive affixes and ways of building fauna nomenclature.

Influence of zoological terminology of the initial stage of its shaping on the maturation of the contemporary Belarusian scientific fauna nomenclature is identified.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: gta5963980@mail.ru — Т.А. Грачыха

Conclusion. We can quite definitely state that building fauna names of different thematic groups follows general lexical laws. At the initial stage of shaping Belarusian scientific fauna nomenclature aiming at dialect language resources was typical. For synchronic word building of the contemporary fauna nomenclature the way of affixation is characteristic; at the same time, the most productive is the way of suffixation. Root composition and root composition with suffixation, the lexical and semantic and the morphology and syntactic ways of word building are also pointed out.

Key words: zoological terminology system, fauna nomenclature, word building, word building type, ways of building created faunamenes, derivative, suffixal formant, affixation, composition, substantivation of adjectives.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 125–129)

Функцыянаванне і развіццё нацыянальнай мовы немагчыма без упарадкаванай і ўнармаванай навуковай тэрміналогіі і наменклатуры розных галін ведаў. У сувязі з гэтым праблемы тэрміналогіі з’яўляюцца актуальнымі ў сучасным мовазнаўстве і даследуюцца як лінгвістамі, так і спецыялістамі розных навуковых напрамкаў. Пытанні станаўлення, развіцця і функцыянавання беларускай тэрміналогіі даследавалі ў сваіх працах такія беларускія мовазнаўцы, як В.П. Красней, Л.А. Антанюк, А.І. Падлужны, В.К. Шчэрбін, Н.В. Лаўрыновіч і інш. Аднак і на сённяшні дзень беларускія тэрмінасістэмы, у тым ліку і заалагічная, з’яўляюцца недастаткова даследаванымі і ўнармаванымі. Рода-відавыя намінацыі розных тэматычных груп жывёльнага свету ўтвараюць фаўністычную наменклатуру, якая з’яўляецца састаўной часткай заалагічнай тэрмінасістэмы і лексіка-семантычнай падсістэмай сучаснай беларускай мовы. Даследаванне структурных і словаўтваральных сувязей паміж номенамі на розных этапах развіцця беларускай тэрміналогіі мае важнае значэнне для вырашэння праблем унармавання сучаснай заалагічнай тэрмінасістэмы.

Мэтай дадзенай працы з’яўляецца вызначэнне структурна-словаўтваральных асаблівасцей намінацый жывёльнага свету розных тэматычных груп у сінхронічным і дыяхранічным аспектах, каб выявіць уплыў пачатковага этапу фарміравання заалагічнай тэрміналогіі на станаўленне сучаснай беларускай навуковай фаўнаменклатуры.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі рода-відавыя намінацыі фаўны, змешчаныя ў сучасных энцыклапедычных і лексікаграфічных выданнях, а таксама тэрміналагічных слоўніках 20-х гадоў XX стагоддзя. У якасці асноўных метадаў аналізу выкарыстоўваліся апісальна-аналітычны і параўнальна-супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Асноўнай адзінкай класіфікацыі словаўтваральнай сістэмы з’яўляецца словаўтваральны тып – структурна-семантычны ўзор, схема ўтварэння новых

слоў, якая пры гэтым характарызуецца агульнасцю часціны мовы ўтваральнага слова, фарманта, словаўтваральнага значэння. Фаўністычныя номены матывуюцца часцей назоўнікамі, у меншай ступені – дзеясловамі, прыметнікамі, выклічнікамі ці гукапераймальнымі словамі.

Афіксацыя і складанне – асноўныя спосабы сінхронічнага ўтварэння вытворных фаўнаномаў. Часцей за ўсё дэрываты ўтвараны шляхам афіксацыі, у першую чаргу, спосабам суфіксацыі.

Суфіксальны фармант -к (а).

Адназоўнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *каменка, соўка-сплюшка, піскулька*. Адпрыметнікавыя тыпы са значэннем ‘назвы птушак’: *стракатка, малінаўка; мядзянка* ‘назва паўзуна’. Аддзеяслоўныя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *перасмешка, перапёлка*. Аддзеяслоўнае ўтварэнне гукапераймальнага характару: *кращка* ‘назва птушкі’.

У словаўтваральнай сістэме сучаснай фаўнаменклатуры фармант **-к (а)** з’яўляецца пашыраным. У 20-я гады ён таксама ўдзельнічаў у словаўтварэнні. Напрыклад, адназоўнікавыя ўтварэнні, якія абазначаюць назвы птушак: *канарка, норка*; адпрыметнікавыя тыпы: *стракатка* ‘назва птушкі’; *калючка* ‘назва рыбы’; аддзеяслоўныя: *рыбалка, рыбацка* ‘назвы птушак’ [1].

Суфікс -ок.

Адназоўнікавыя ўтварэнні: *шулячок, сокал-каршачок* ‘назвы птушак’, *кажанок* ‘назва млекакормячага’. Адвыклічнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *чырок-свістунок, чырок-траскунок*.

Прадстаўленыя дэрывацыйныя тыпы непрадуктыўныя. Параўн. з фаўнаменклатурай 20-х гадоў, напрыклад, назвы птушак: адназоўнікавае ўтварэнне *шулячок*, аддзеяслоўнае ўтварэнне *чырок* [1].

Суфікс -ак (-як).

Адпрыметнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *пухляк, зімняк*; ‘назвы звяроў’: *заяц-бяляк, заяц-русак*; ‘назва рыбы’: *гарчак*.

Суфікс **-ак (-як)** сустракаецца ў розных лексіка-семантычных групах фаўны. Параўн. з найменнямі 20-х гадоў, напрыклад, адназоўніка-

вае ўтварэнне *самяк* ‘назва рыбы’, адвыклічнікавае ўтварэнне *дро́п-дуда́к* ‘назва птушкі’ [1].

Суфіксальны фармант -ан/к (а), -ян/к (а).

Адназоўнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *валася́н/ка, зара́н/ка, крыжа́н/ка, кана́плян/ка, беража́н/ка, прася́н/ка, аўся́н/ка, чара́цян/ка, бера́сцян/ка, пясча́н/ка*; са значэннем ‘назва земнаводнага’: *жарля́нка*. Некаторыя з прыведзеных найменняў можна разглядаць як утварэнні з множнай матывацыяй: матываваныя назоўнікам або прыметнікам. Адпрыметнікавае ўтварэнне: *быстра́нка* ‘назва рыбы’.

Для назваў арнітафаўны адназоўнікавы дэрывацыйны тып з’яўляецца прадуктыўным. Параўн. з найменнямі 20-х гадоў, напрыклад, адназоўнікавыя ўтварэнні: *гліня́н/ка* – ‘назва птушкі’; *вуша́н/ка* ‘назва млекакормячага’; *жарля́н/ка* ‘назва земнаводнага’ [1]. Для намінацыі *гліня́нка* характэрна двайная матывацыя: магчымасць утварэння ад назоўніка або ад прыметніка.

Суфікс -нік.

Адназоўнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *траў́нік, раба́ннік, пясочні́к, ястраб-перапё́лачні́к, ястраб-це́цяроўні́к*; ‘назвы млекакормячых’: *вячэ́рнік, жы́тнік*; ‘назва рыбы’: *бычок-пясочні́к*. Лексемы *жы́тнік, вячэ́рнік* маюць таксама і другую матывацыю: могуць матывавацца прыметнікам. Адвыклічнікавае ўтварэнне: *дзёрба́нік* ‘назва птушкі’.

Адназоўнікавы дэрывацыйны тып з’яўляецца прадуктыўным для найменняў птушак. Параўн. адназоўнікавыя ўтварэнні 20-х гадоў са значэннем ‘назвы птушак’: *чаро́машні́к, дро́п це́цяруча́нік, кура́т/ні́к* [1].

Суфікс -ік (-ык).

Адназоўнікавае ўтварэнне *сычы́к* ‘назва віда птушкі’. Адпрыметнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы відаў птушак’: *крыжа́дзюб-сасно́вік, крыжа́дзюб-яло́вік*; ‘назва млекакормячага’ *заяц-ла́зовік*’.

Дадзеныя дэрывацыйныя тыпы не вызначаюцца прадуктыўнасцю. Словаўтваральны суфікс -ік (-ык) служыць для ўтварэння асобных відаў жывёл.

Суфіксальны фармант -ушк (а), -юшк (а).

Адназоўнікавае ўтварэнне са значэннем ‘назвы птушак’: *амялу́шка*; аддзеяслоўнае – *соўка-сплю́шка*; адпрыметнікавае – *чарну́шка*; адвыклічнікавае – *цірку́шка*.

Параўн. з найменнямі птушак 20-х гадоў: *амялу́шка*, нырок *чарну́шка* [1].

Суфікс -унок.

Аддзеяслоўнае ўтварэнне са значэннем ‘назвы

птушак’: *паўзу́нок, чырок-сві́стунок, чырок-тра́скунок*.

Параўн. рус. чырок-сви́стунок, чырок-тре́скунок [2].

Суфіксальны фармант -аўк (а), -оўк (а), -ёўк (а).

Адназоўнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *арэ́хаўка, сі́таўка*; са значэннем ‘назва рыбы’: *вярхо́ўка*; са значэннем ‘назвы млекакормячых’: *мышо́ўка, палё́ўка*. У намінацыях *вярхо́ўка, палё́ўка* назіраецца двайная матывацыя: іх можна разглядаць і як адпрыметнікавыя ўтварэнні, вылучаючы пры гэтым інтэрфікс -оў- (-ёў). Аддзеяслоўнае ўтварэнне: *шчы́поўка* ‘назва рыбы’. Аддзеяслоўныя ўтварэнні гукапераймальнага характару са значэннем ‘назвы птушак’: *турка́ўка, пеначка-ця́нькоўка, кні́гаўка*.

Параўн. з номенамі 20-х гадоў: адназоўнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *тына́ўка, чаро́таўка, сі́таўка, арэ́хаўка* [1]; *бяро́заўка, жалудо́ўка, гарэ́хаўка* [3]. Аддзеяслоўнае гукапераймальнага характару: *ку́гакаўка* ‘назва птушкі’. Адназоўнікавы тып з суфіксам -аўк- быў прадуктыўны ў 20-я гады пры ўтварэнні намінацый птушак, чаго нельга сказаць пра сучасную арнітанамэнклатуру.

Суфікс -ец (-ець, -эц).

Адпрыметнікавыя ўтварэнні са значэннем ‘назва птушак’: *глушэ́ц, чэрне́ць*; са значэннем ‘назвы рыб’: *гале́ц, сі́нец*. Адназоўнікавае ўтварэнне: *рыбе́ц* ‘назва рыбы’.

Параўн. у 20-я гады: адпрыметнікавае ўтварэнне *глушэ́ц* ‘назва птушкі’.

Суфіксальны фармант -іц (а), -ыц (а).

Адназоўнікавыя ўтварэнні: *ласі́ца* ‘назва млекакормячага’; *ве́раценні́ца* ‘назва паўзуна’. Адпрыметнікавыя ўтварэнні: *блакі́тні́ца* ‘назва птушкі’; *начні́ца, вячэ́рні́ца* ‘назвы млекакормячых (кажаноў)’; *часно́чні́ца* ‘назва земнаводнага’. Для намінацый *начні́ца, вячэ́рні́ца* магчыма двайная матывацыя: іх можна разглядаць і як адназоўнікавыя ўтварэнні з суфіксам -ніц-.

Параўн. у 20-я гады, напрыклад, адназоўнікавыя ўтварэнні: *ве́рацяні́ца* ‘назва паўзуна’; *норы́ца* ‘назва млекакормячага’; адпрыметнікавыя ўтварэнні: *блакі́тні́ца, валася́ні́ца* ‘назвы птушак’. Для намінацыі *валася́ні́ца* магчыма двайная матывацыя: яе можна разглядаць і як адназоўнікавае ўтварэнне з вылучэннем інтэрфікса -ян-.

Суфіксальны фармант -ніц (а).

Адназоўнікавы тып са значэннем ‘назва птушкі’: *чаро́тні́ца*.

Параўн. адназоўнікавыя ўтварэнні 20-х гадоў:

шчытніца, акулярніца ‘назвы паўзуноў’ [1].

Суфіксальны фармант -ух (а).

Аддзяяслоўны тып са значэннем ‘назва птушак’: *пішчуха, рагатуха, сінуха*. Аддзяяслоўны са значэннем ‘назва млекакормячага’: *вавёрка-палятуха*. Адпрыметнікавы са значэннем ‘назва птушкі’: *лысуха*.

У 20-я гады фармант -ух (а) быў непрадуктыўны: *лысуха* [1].

Суфікс -ун.

Аддзяяслоўныя ўтварэнні са значэннем ‘назвы птушак’: *лебедзь-клікун, лебедзь-шыпун, арол-крыкун, цвыркун*. Найменне *цвыркун* можна разглядаць як аддзяяслоўнае ўтварэнне гукапераймальнага характару.

Параўн. аддзяяслоўныя ўтварэнні 20-х гадоў: *сысуны, пльвунуны* [1]. Магчыма, дадзеныя намінацыі з’яўляюцца запазычаннямі з рускай мовы. Параўн. рус. *черныш, пеночка-трещётка, ёрш-носарь* [2; 4].

У 20-я гады сустракаліся словаўтваральныя тыпы, якія не адзначаны ў сучаснай беларускай навуковай фаўнаменклатуры. Адназоўнікавае ўтварэнне са значэннем ‘назва птушкі’ з суфіксам -юх: *канюх*. Адпрыметнікавае ўтварэнне са значэннем ‘назва рыбы’ з фармантам -ізн (а): *бялізна*. Адназоўнікавае ўтварэнне са значэннем ‘назва паўзуна’ з фармантам -ак- (а): *вужака* [1]. Дадзеныя намінацыі прыйшлі ў наменклатуру 20-х гадоў з дыялектнай мовы. Гэтыя словаўтваральныя тыпы захаваліся ў сучасным народным словаўтварэнні.

Найбольш распаўсюджанымі словаўтваральнымі фармантамі з’яўляюцца -к (а), -анк (-а), -янк (а), -нік, -аўк (а), -оўк (а), -ёўк (а). Малапрадуктыўныя словаўтваральныя морфы: -ушк- (-юшк-), -ец (-эц, -ац), -ніц-, -іц- (-ыц-), -ух, -ун.

Пры словаўтваральным аналізе зоаменклатуры як 20-х гадоў, так і нашага часу ўзнікаюць выпадкі, калі адну і тую ж вытворную лексему можна аднесці адразу да двух словаўтваральных тыпаў, што можна растлумачыць структурна-сэмантычнай характарыстыкай зыходнага слова. Напрыклад, намінацыі *начніца, вячэрніца* значэннем і структурай суадносяцца з асновамі прыметнікаў (начны, вячэрні), а таксама і з асновамі назоўнікаў (ноч, вечар), утвараючы два словаўтваральныя тыпы: з суфіксамі -іц- і -ніц-.

Як бачым, з вытворных номенаў найбольш характэрнымі з’яўляюцца адсубстантыўныя суфіксальныя ўтварэнні, аднак пашыраны адпрыметнікавыя і аддзяяслоўныя. Словаўтваральны ланцужок “гукаперайманне – дзяяслоў –

назва” дазваляе аднесці адзначаныя ўтварэнні да аддзяяслоўных з указаннем іх гукапераймальнага характару: *цвырк-цвырк – цвыркаць – цвыркун; кра-кра – кракаць – крачка* і інш.

Для ўтварэння навуковай фаўністычнай наменклатуры прэфіксальны спосаб непрадуктыўны: *падворлік* ‘назва птушкі’ [2]. Не з’яўляецца тыповым прэфіксальна-суфіксальны спосаб утварэння: *паморнік, папаўзень, падарожнік* ‘назвы птушак’: *падкаменичык* ‘назва рыбы’ [2; 4]. Параўн. з арнітаноменамі 20-х гадоў: *падластаўка* [1], *падкаменка, падсалавей* [3] – прэфіксальны спосаб; *падкарыш/нік* [3] – прэфіксальна-суфіксальны.

Складаныя зоаномены, утвораныя спосабамі асновасловаскладання і асноваскладання з суфіксацыяй, матывуюцца словазлучэннямі. Для гэтых номенаў характэрны наступныя структурныя схемы ўтварэння.

Асновасловаскладаннем па схеме “аснова прыметніка + назоўнік” утвораны намінацыі са значэннем ‘назвы птушак’: *сіваграк, сіваваронка, чырвананожка*; са значэннем ‘назва рыбы’: *белавочка*; са значэннем ‘назвы звяроў’: *шыракавушка* [2].

Параўн. з арнітанаменклатурай слоўнікаў 20-х гадоў: *сіваграк, зялёнаножка, чорнагрудка, сіняшыйка, беласоўка* [1], *сіваваронка, галахвосцік* [3]. Суфіксы -к, -ік уносяць памяншальнасць у дадзены тып словаўтварэння. У 20-я гады сустракаліся і іншыя словаўтваральныя тыпы, напрыклад, з базавым дзяясловам: *круцігалоўка* [1], *крутагалоўка* [3]; з базавым назоўнікам: *шыланос, шылахвосцік* [3].

Асноваскладаннем з суфіксацыяй (у тым ліку і з нулявой суфіксацыяй) па схеме “аснова прыметніка + аснова назоўніка” утвораны намінацыі са значэннем ‘назвы птушак’: *чырванакрыл, чырвонаваллѣв/ік (чырвонаваллѣвік), чорнаваллѣв/ік (чорнаваллѣвік), белабровік (белабровік)*; са значэннем ‘назвы рыб’: *верхаводка, краснапёрка, таўсталобік (таўсталобік)* са значэннем ‘назва млекакормячага’: *белазубка* [2]. Па схеме “аснова назоўніка + аснова дзяяслова” утвораны найменні са значэннем ‘назвы птушак’: *гарыхвостка, казадой, рэпалоў, пчалаед, змеяед, мышалоў, мухалоўка, зімародак*; са значэннем ‘назва млекакормячага’: *буразубка* [2]. Па схеме “аснова назоўніка + аснова назоўніка” утвораны номены са значэннем ‘назвы птушак’: *шылахвостка, крыжадзюб*. Сярод утварэнняў пашыраным з’яўляецца асноваскладанне з нулявой суфіксацыяй і суфіксам -к-.

Параўн. з зоаменклатурай слоўнікаў 20-х гадоў: найменні, утвораныя па схеме “асно-

ва прыметніка + аснова назоўніка” са значэннем ‘назвы птушак’: *рудахвостка, чорнакрылка, беллагорлік, чырвонакрыл, тоўстадзюб*. Па схеме “аснова назоўніка + аснова дзеяслова” ўтвораны лексемны са значэннем ‘назвы птушак’: *зімародак, пчалаедка, падлаед, мышалоў*; са значэннем ‘назвы звяроў’: *землярыйка, мясажэры* ‘драпежныя’. Па схеме “аснова назоўніка + аснова назоўніка” ўтвораны найменні: *качкадзюб* ‘назва звера’, *крыжадзюб* ‘назва птушкі’, *вадаземнікі* ‘земнаводныя’ [1; 3].

Найменне *бясцер* ‘назва рыбы’ (бялуга + сцерлядзь) з’яўляецца адзінай складовай абрэвіяцыяй сучаснай фаўністычнай наменклатуры.

Марфалага-сінтаксічны спосаб утварэння не характэрны для рода-відавой фаўнаменклатуры, але ўласцівы вышэйшым сістэматычным катэгорыям таксонаў, сярод якіх адзначаецца субстантывацыя прыметнікаў: *вераб’інападобныя, гусепадобныя, валасянкавыя, цвыркуновыя, дваякадыхаючыя, земнаводныя, карпападобныя, зайцападобныя, млекакормячыя, парнакапытныя, плацэнтарныя* і інш. [2; 4]. Параўн. з таксонамі 20-х гадоў: *калючапёрыя, бязьмесцаплодныя, суставаногія, плечаногія, грэбнягрудыя, пустарогія, храсткапёрыя, плаўняногія* [1].

Усе складаныя намінацыі фаўны з’яўляюцца матываванымі, у тым ліку і новаўтварэнні, у асноўным калькі з рускай мовы: *чырванаваллёвік, чорнаваллёвік, чырвананошка, чырванакрыл* і інш. [2; 4].

Да матываваных найменняў, якія маюць семантычны характар матывацыі і ўтвораны на аснове пераасэнсавання лексіка-семантычным спосабам, трэба аднесці невялікую колькасць метафарычных найменняў (іх 16), што ўзніклі ў выніку моўнай аманіміі і полісеміі. Так, намінацыі *бычок-пясочнік* ‘рыба’, *чарацянка-барсучок, валавока, кулік-верабеі, кулік-сарока, бугай вялікі (бугай малы), конік* лугавы ‘птушкі’ ўзніклі ў выніку метафарычнага пераносу назваў жывёл на адзначаных прадстаўнікоў фаўны па пэўнай прыкмеце падабенства. Назвы *пастушок, каралёк, перавозчык, сявец, перасмешка, казадой, лоцманчык, шчогаць, падарожнік* лапландскі ‘назвы птушак’, *нетапыр-карлік, соня* лясная (*соня* вялікая) ‘назвы звяроў’ [2; 4] утвораны ў выніку пераасэнсавання назваў асоб па прыкмеце падабенства.

Параўн. з фаўнаменклатурай 20-х гадоў: *бакас баранчык, іванчык, будаўнічок, каролік* і інш. ‘назвы птушак’; *бычок звычайны* ‘рыба падкаменшчык’ [1]. У некаторых выпадках працэс метафарызацыі ўскладнены суфіксацыяй: *барсучок, лоцманчык, будаўнічок* і інш. Памяншальна-ласкавыя суфіксы **-ік-, -ок-, -чык** з’яўляюцца дэсемантызаванымі.

Заклучэнне. Такім чынам, утварэнне фаўністычных номенаў розных тэматычных груп адбываецца па агульных лексічных законах. На пачатковым этапе фарміравання беларускай навуковай фаўнаменклатуры была характэрна арыентацыя на дыялектныя моўныя рэсурсы. Пра гэта вядомы айчыны мовазнавец П.У. Сцяцко пісаў: “Сістэма афіксальнага субстантывацыі словаўтварэння беларускіх народных гаворак мае ў цэлым агульнабеларускую аснову. Народна-дыялектнай мове ўвогуле ўласцівы тыя ж дэрывацыйныя рысы і заканамернасці, што і літаратурнай” [5, с. 277]. Некаторыя дыялектныя фаўністычныя найменні ўліліся ў сучасную зоаменклатуру і сталі агульналітаратурнымі. Для сінхранічнага словаўтварэння сучаснай фаўнаменклатуры характэрны спосаб афіксацыі, прычым, найбольш прадуктыўным з’яўляецца спосаб суфіксацыі, вызначаны таксама асновасловаскладанне і асноваскладанне з суфіксацыяй, лексіка-семантычны і марфалага-сінтаксічны спосабы ўтварэння.

Літаратура

1. Беларуская навуковая тэрміналогія / Ін-т беларус. культуры. – Менск, 1927. – Вып. 12: Назвы жывёл. – 71 с.
2. Энциклопедия природы Беларуси: у 5 т. / гал. рэд. І.П. Шамякін. – Мінск: БелСЭ, 1983–1986.
3. Ластоўскі, В. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік / В. Ластоўскі. – Коўна: Др. А. Бака, 1924. – Факсім. выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 832 с.
4. Радкевич, В.А. Биологическая терминология и номенклатура: Словарь русско-белорусско-латинский, белорусско-русский / В.А. Радкевич, Л.М. Вардомацкий, А.А. Лешко; лингв. ред. Н.В. Бирилло. – Минск: Выш. шк., 1993. – 479 с.
5. Сцяцко, П.У. Беларускае народнае словаўтварэнне. Афіксальныя назоўнікі / П.У. Сцяцко. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 320 с.

Паступіў у рэдакцыю 15.02.2019 г.

Обучение студентов неязыковых специальностей иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции с использованием интерактивного подхода

Грушова Л.Д.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В нынешних условиях интеграции Республики Беларусь в мировое сообщество, развития международных связей и научно-технического сотрудничества задача современного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей заключается в подготовке конкурентоспособных специалистов, мотивированных, обладающих научной пытливостью, глобальностью мышления, креативностью, багажом профессиональных знаний, владеющих иностранным языком, готовых решать профессиональные задачи в условиях иноязычной коммуникации.

Иностранный язык является неотъемлемым компонентом профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля. У будущих специалистов неязыкового профиля должен быть сформирован комплекс способностей или иноязычная коммуникативная компетенция. Процесс овладения в кратчайшие сроки приемами и техникой общения на иностранном языке по профессиональной проблематике является довольно сложным и малоизученным процессом, требующим дополнительного рассмотрения.

Цель статьи — выявить пути и способы обучения иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции студентов неязыкового профиля с помощью интерактивного подхода.

Материал и методы. *Исследование проводилось на биологическом факультете в ВГУ имени П.М. Машерова со студентами младших курсов (выборка 100 человек). Основные используемые методы — дискуссия и анализ.*

Результаты и их обсуждение. *Показана значимость интерактивных методов в обучении иностранному языку, приближающих учебные задачи к содержанию будущей профессиональной деятельности студентов; обоснована целесообразность применения метода дискуссии в обучении студентов неязыковых специальностей для формирования иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции; показана важная роль преподавателя в тесном сотрудничестве со студентами в подготовке и проведении занятия-дискуссии; предложен комплекс лексических заданий.*

Заключение. *На примере использования занятия-дискуссии была показана важная значимость интерактивного подхода в обучении студентов неязыковых специальностей иностранному языку и формированию у них иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, которая проявляется в умении вести аргументированную беседу на иностранном языке, используя профессиональную лексику.*

Ключевые слова: *интерактивный подход, метод дискуссии, иноязычная профессионально-ориентированная коммуникативная компетенция.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 130–136)

Training Non — Linguistic Students Foreign Language Professionally — Oriented Communicative Competence Using the Interactive Approach

Grushova L.D.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Nowadays in the conditions of the integration of the Republic of Belarus into the global community, the development of the international links and scientific and technological cooperation the task of foreign language teaching non-linguistic students implies training competitive motivated specialists who possess research inquisitiveness, global way of thinking, creativity,

Адрес для корреспонденции: e-mail: luciena1950@mail.ru — Л.Д. Грушова

a load of professional knowledge, who know foreign languages and are ready to solve professional tasks in the foreign language environment.

The foreign language is an integral component of any specialist professional training. Would-be non-linguistic specialists should possess a complex of abilities or foreign language communicative competence. The process of mastering in the shortest possible time the skills and technique of foreign language professional communication is a rather complicated and insufficiently studied process which requires additional consideration.

The purpose of the article is to reveal ways and techniques of training non-linguistic students foreign language professional communicative competence using the interactive approach.

Material and methods. The study was conducted at Vitebsk State University Biology Faculty with first and second year students (the selection of 100 people). The applied methods are discussion and analysis.

Findings and their discussion. The article reveals the importance of interactive methods in foreign language teaching which approximate teaching tasks to the content of future student's professional activity; practicability of using the discussion method while teaching non-linguistic students is given. The above mentioned method is important for shaping foreign professionally – oriented communicative competence. The important role of the teacher in tight cooperation with students while preparing and conducting discussion classes is shown, a complex of lexical tasks is suggested.

Conclusion. On the example of a discussion class we pointed out the significance of the interactive approach in teaching non-linguistic students a foreign language and shaping their foreign language professional-oriented communicative competence which manifests itself in the ability to talk argumentatively in a foreign language using professional vocabulary.

Key words: interactive approach, method of discussion, foreign language professional-oriented communicative competence.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 130–136)

В нынешних условиях интеграции Республики Беларусь в мировое сообщество, развития международных связей и научно-технического сотрудничества задача современного обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей заключается в подготовке конкурентоспособных специалистов, мотивированных, обладающих научной пытливостью, глобальностью мышления, творческой активностью, багажом профессиональных знаний, владеющих иностранным языком, готовых решать профессиональные задачи в условиях иноязычной коммуникации.

Профессионально-ориентированный подход к обучению иностранному языку предполагает формирование у студентов способности к овладению языком в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления [1, с. 21]. Вузовский курс обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей носит профессионально ориентированный характер, поэтому его задачи определяются, в первую очередь, коммуникативными и познавательными потребностями специалистов соответствующего профиля.

Таким образом, у будущих специалистов неязыкового профиля должна быть сформирована иноязычная коммуникативная компетенция, представляющая собой совокупность сложных интегрированных умений и способностей понимать и интерпретировать особенности чужой культуры в различных ее проявлениях с целью обеспечения эффективной коммуникации и адекватного поведения в контексте коммуникативной компетенции.

При обучении иностранному языку в рамках профессиональной подготовки современных специалистов любого профиля особое внимание уделяется иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции как «...готовности и способности к овладению предметными и научными знаниями в профессиональном общении на иностранном языке ...» [2, с. 124].

Но, как показывает практика, процесс овладения приемами и техникой общения на иностранном языке по профессиональной проблематике и развитие у студентов неязыковых специальностей иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции в кратчайшие сроки (в основном в течение 1–3 семестров) является довольно сложным и малоизученным процессом, требующим дополнительного рассмотрения.

Проведенные исследования подтверждают относительно низкую эффективность традиционных методов обучения, которые не могут в полной мере обеспечить формирование и применение полученных знаний в практической деятельности. В связи с этим целесообразно использовать различные активные методы обучения, которые являются эффективным решением проблемы формирования у студентов умений речевого общения и приближают учебные задачи к содержанию профессиональной деятельности. При введении активных методов обучения в педагогический процесс учебно-познавательная деятельность максимально приближается к ситуациям, часто встречающимся в сфере избранной профессии, и создаются условия для формирования профессионально значимых умений по их практическому применению [3, с. 108].

В настоящее время широкое распространение получило использование интерактивных методов в обучении иностранному языку, которые, например, С.С. Кашлев рассматривает как «способы усиленной целенаправленной деятельности педагога и студентов по организации взаимодействия между собой и межсубъектного взаимодействия всех участников развития» [4].

Интерактивное взаимодействие между студентом, преподавателем и учебными средствами реализуется с помощью коллективных и групповых способов коммуникативного доверительного сотрудничества: «Займи позицию», «Вертушка», «Мозговой штурм», «Карусель», «Аквариум» [5, с. 233–234]. В качестве методов интерактивного обучения используются интеллектуальные упражнения; проблемные технологии (эвристические беседы, эвристические вопросы ...); игровые методы (ролевые, деловые, имитационные) [6, с. 36]; методы коммуникативного взаимодействия «Творческие задания», «Работа в малых группах», обсуждение сложных дискуссионных вопросов и проблем («Школа мнений», «Один – вдвоем – все вместе») ... [7, с. 12]; «Плейсмет», дебаты, симпозиумы и др. В процессе интерактивного обучения эффективно применимы для создания специальной иноязычной среды современные мультимедийные технологии: компьютерные презентации, видеофрагменты, видеослайды, скайпы и т.д. [8].

Таким образом, эффективным способом формирования профессионально значимых коммуникативных умений является использование интерактивных методов обучения иностранному языку, которые призваны развивать у студентов желание практически использовать иностранный язык; развивать речевые, когнитивные, творческие способности; максимально вовлекать всех обучающихся в учебный процесс; активизировать их речемыслительную коммуникативную деятельность.

Цель статьи – выявить пути и способы обучения иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции студентов неязыкового профиля с помощью интерактивного подхода.

Материал и методы. Исследование проводилось на основе практических занятий по иностранному языку в ВГУ имени П.М. Машерова со студентами I–II курсов биологического факультета специальностей «Биоэкология», «Биология и химия», «География». Выборку студентов составили респонденты 4 сборных групп.

При этом в качестве основного интерактивного метода использовался метод дискуссии, который целесообразно применять на завершающем этапе изучения какой-либо программной лексической темы.

Результаты и их обсуждение. Важным способом формирования профессионально значимых коммуникативных умений является метод дискуссии, представляющий собой групповое обсуждение какой-либо проблемы или вопроса с целью принятия решения и предполагающего «... социальную (конвенциональную) форму организации коммуникативной и практической деятельности участников общения ...» [9, с. 38]. Для того чтобы подвести студентов к участию в самой дискуссии, необходимо не одно занятие, мастерство самого преподавателя, а также хорошо продуманная подготовительная работа как преподавателя, так и студентов.

Для успешного проведения дискуссии большое значение имеет выбор темы обсуждения. Тема должна быть интересной, актуальной для студентов определенных неязыковых специальностей. Известно, что студенты запоминают содержание информации намного больше, если материал близкий к их основной специальности, содержит необычные факты, вызывающие сильные эмоции. Информация подобного рода остается у них надолго в памяти.

Нами была определена программная лексическая тема «Глобальные экологические проблемы окружающей среды». После согласования со студентами в качестве основной утверждена подтема «Глобальное загрязнение окружающей среды» и выделены основные проблемы, подлежащие обсуждению («Естественное и антропогенное загрязнение», в которые входят природное, промышленное, транспортное, городское, сырьевое, почвенное, водное, мусорное загрязнение океанов, лесов и городов).

Основная работа по подготовке занятия-дискуссии отводится преподавателю. Преподавателю необходимо было тщательно продумать ход занятия-дискуссии, составить план, подобрать тексты, статьи, дополнительные информационные материалы. При этом обратить внимание на то, что важным условием формирования иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции у студентов неязыкового профиля является «отбор виртуальных источников в соответствии с принципами аутентичности, профессиональной направленности, интерактивности, информационной ценности,

надежности и адекватности для самостоятельной работы» [10, с. 185–187].

Преподавателю следует провести определенную работу по развитию у студентов умений работать с информацией, например, выделять важную для данной темы, в том числе имеющую значение для будущей профессиональной деятельности студентов информацию; умений пользоваться различными видами словарей и серверами.

После отбора информационного материала преподавателю необходимо было составить тематические словари к текстам; разработать комплекс коммуникативных упражнений на овладение требуемым объемом речевого материала; подготовить образцы диалогов, варианты реплик, примеры речевых клише/образцов.

Непременным атрибутом участия студентов в предстоящей дискуссии является знание определенных правил поведения во время занятия-дискуссии. Преподавателю нужно познакомить студентов с «правами» участника дискуссии (возможность критиковать позицию выступающего, соблюдать очередность обращения к собеседнику, придерживаться регламента своих дополнений/предложений и пр.).

Важная составляющая подготовительной работы к занятию-дискуссии – подготовка преподавателем коммуникативных заданий и четких инструкций по их выполнению для самостоятельной работы студентов по дискуссионной теме.

К числу таких заданий относятся следующие виды заданий: чтение и перевод текстов, предложенных преподавателем; поиск в тексте незнакомых слов; пополнение данного ранее к тексту тематического списка слов; поиск дополнительной информации к теме предстоящего обсуждения; перевод и запоминание речевых образцов, необходимых для участия в дискуссии, (например, начало выражения мнения, поддержание мнения выступающего, выражение согласия, выражение несогласия, выражение возражения, ответ на вопрос, внесение своего предложения в обсуждаемый вопрос и пр.).

Особое внимание преподаватель уделяет работе лексического материала, так как опыт работы в вузе показывает, что большинство студентов неязыкового профиля испытывают значительные трудности в устной речи, пытаясь выразить собственные мысли. А для того чтобы воспринимать информацию, вступать в полемику, высказывать свою позицию, студенты должны иметь достаточный объем лексических знаний, так как лексика – исходный строительный материал нашей речи.

С этой целью для усвоения профессиональной лексики студентам предлагаются следующие задания: расположите в три колонки (по частям речи) слова (немецкие существительные, прилагательные, глаголы), созвучные с русскими словами; найдите в тематическом списке немецкие слова, совпадающие с русскими по звучанию, но имеющие другое значение; замените выделенные в предложениях слова и словосочетания синонимами; переведите на русский язык сложные немецкие существительные; найдите соответствующий русский эквивалент для немецких слов, групп слов.

Также студентам предлагаются лексические упражнения, которые должны быть направлены на формирование устойчивых лексических навыков. Сравнение объема значений и формы слова родного и иностранного языков имеет чрезвычайно важное значение для правильного усвоения лексического материала [11, с. 75].

Большое значение для усвоения лексики имеют задания, требующие перевода немецких предложений, содержащих профессионально-ориентированную лексику, и замены синонимами подчеркнутых в данных предложениях слов; например, *Moderne Verkehrsmittel verschmutzen mit ihren Abgasen die Stadtstraßen und beeinflussen die Atmungsorgane der Menschen negativ. Flüsse und Seen werden mit den Abwässern der Betriebe verschmutzt. Durch die ständige Verwendung der Düngemittel wird der Boden zerstört. Das Weltmeer verwandelt sich allmählich in eine riesige toxische Deponie. Das Ausmaß eines Müllflecks im Weltmeer übersteigt die Fläche der USA um das Zweifache. Der Hausmüll wird deponiert, begraben, verbrannt und verwertet. Einige Länder beseitigen den Hausmüll mit biologischen Verfahren*; поиск в тексте профессионально-ориентированных заимствованных слов; расположение данных слов в порядке их употребления в тексте; перевод русских слов и групп слов на немецкий язык, например, *извержение вулкана, наводнение, землетрясение, пожары, смерчи, оползни с гор, выхлопные газы, сточные воды, терриконы, мусорные отходы, заражение почвы, удобрения, мусорная свалка, излучать, задымлять, бутылка многократного использования, экологически сознательный, экологически благоприятный, геномодифицированный, опасный*.

Для лучшего запоминания содержания текста и последующего его воспроизведения студентам предлагаются различные виды чтения текста; поиск в тексте предложений, содержащих новую, интересную информацию (цифры; данные жур-

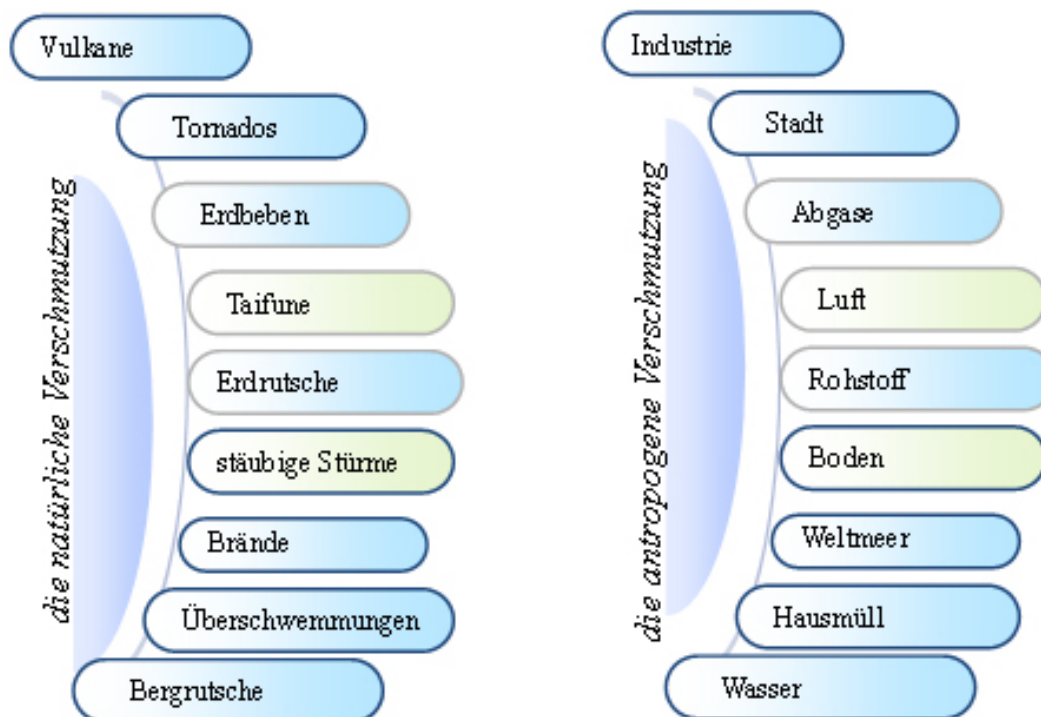

Рис. Примеры ассоциограмм

налистских исследований); поиск в тексте ключевых слов; дополнение неполных предложений информацией из текста; расположение предложений в логической последовательности соответственно содержанию текста; поиск ответов на вопросы к тексту и пр.

Заключительный этап работы над текстом: самостоятельная работа студентов по подбору дополнительной информации к теме «Глобальное загрязнение окружающей среды» в СМИ и сети Интернет; подготовка (видео) презентаций к подтемам с представлением таблиц и цифр; обоснование причин глобального экологического загрязнения; подготовка своих предложений по изменению существующих экологических проблем; составление плана собственного выступления по теме; подготовка сообщений по теме (по одному из направлений темы) «Глобальное загрязнение окружающей среды».

При этом следует подчеркнуть, что при коммуникативной направленности обучения немаловажное значение для подготовки выступлений студентов имеет принятие во внимание личностных особенностей студентов: их мировоззрения, желаний, интересов, склонностей, эмоционально-чувственной сферы, что, безусловно, способствует инициативному участию студентов в той или иной области их познаний.

Таким образом, проведенная подготовительная работа со стороны преподавателя и студентов значительно облегчает восприятие материала на слух, способствует закреплению уже ранее изученного материала и усвоению новой специальной лексики, обеспечивает студентам возможность участия в самой дискуссии.

Занятие-дискуссия начинается со вступительного слова преподавателя, так называемой «установки» на восприятие», в котором излагаются цель и задачи занятия, даются краткая авторская справка и разъяснение образцов выполнения того или иного задания. Подобная установка предлагается с целью активизации студенческой аудитории и содействия ее включенности в процесс обсуждения дискуссионной темы.

Выступления студентов сопровождаются следующими действиями:

- показ видеороликов с пейзажами живой флоры и фауны, с прекрасными видами чистого неба, долин, усеянных луговыми травами и цветами, зеленых лесов и их обитателей, прозрачных озер и ужасающими видами последствий природных разрушений и пребывания человека;

- презентация таблиц с видами природных загрязнений окружающей среды (вулканов, землетрясений, смерчей, тайфунов, оползней (с гор и на земле), пылевых бурь, пожаров, наводнений и пр.);

– демонстрация таблиц, содержащих данные о размере мусорных свалок в Тихом океане (а также в Атлантическом и Индийском океанах), превышающих по своему размеру площади США, Франции, Испании в несколько раз;

– показ таблиц, содержащих данные о количестве произведенного домашнего мусора (в миллиардах/миллионах тонн) в США, России, Китае, Германии, Беларуси за год и в США, Японии, Москве, Витебске ежедневно;

– построение ассоциативной диаграммы.

Необходимо отметить, что важным моментом на занятии-дискуссии является использование метода ассоциограмм, стимулирующего творческую активность студентов, способствующего запоминанию лексики и развитию умений выделять из огромного потока информации основные слова, понятия.

Так, в процессе дискуссии студенты составляют и пополняют следующие ассоциограммы вокруг слов «die natürliche Verschmutzung» – природное загрязнение и «die antropogene Verschmutzung» – антропогенное загрязнение (рис.).

В прениях обсуждаются дискуссионные вопросы, предполагающие аргументированные ответы, подкрепленные сведениями из проработанных текстов, информацией из дополнительных источников и общего кругозора студентов. Например, вопросы следующего характера:

– *Können die Menschen Tornados, Vulkanausbrüche, Überschwemmungen, Berg- und Erdrutsche, Brände verhindern?* – Могут ли люди предотвратить торнадо, извержение вулканов, наводнения, оползни (с гор) и оползни (на земле)?

– *Was kann man unternehmen, um den Himmel über den Städten sauber zu machen?* – Что нужно предпринять, чтобы очистить небо над городами?

– *Wie kann man die Abgase reduzieren?* – Как можно ограничить выхлопные газы?

– *Wie kann man die Abfallberge beseitigen?* – Как можно устранить горы отходов?

– *Kann man den Grund der Ozeane, Meere und Flüsse reinigen?* – Можно ли очистить дно океанов, морей и рек?

– *Wer ist für die Reinheit des Weltmeeres verantwortlich?* – Кто ответственен за чистоту Мирового океана?

– *Woher ist so viel Müll in den Ozeanen?* – Откуда так много мусора в океанах?

– *Welche Verfahren verwenden einige Länder für die Müllbeseitigung?* – Какие методы применяют некоторые страны для устранения мусора?

– *Wie kann man die Bauabfälle verwenden?* – Как можно использовать строительные отходы?

– *Welches Land hält man für einen Pionier bei der Verwendung der Bauabfälle?* – Какую страну считают первой (пионером) в применении строительных отходов?

После обсуждения дискуссионной темы студентами составляется совместная резолюция или соглашение:

– *Im Bilde der ökologischen Informationen über die Naturerscheinungen sein!* – Быть в курсе экологической информации о природных явлениях!

– *Umweltfreundliche Produktion entwickeln!* – Развивать экологически чистое производство!

– *An allen ökologischen Aktionen teilnehmen!* – Принимать участие во всех экологических акциях!

– *Umweltbewusst sein!* – Быть экологически сознательным!

– *Den Hausmüll gut sortieren und nur in spezielle Container wegwerfen!* – Домашний мусор хорошо сортировать и выбрасывать только в специальные контейнеры!

– *Den Ozean-, Meeres- und Flussgrund reinigen!* – Очистить дно океанов, морей и рек!

– *Das Weltmeer vom Müll reinigen!* – Очистить Мировой океан от мусора!

– *Umweltfreundliche Autos produzieren!* – Производить экологически чистые автомобили!

– *Die Abgase reduzieren!* – Ограничить выхлопные газы!

– *Die biologischen Verfahren zur Beseitigung von Hausmüll verwenden!* – Применять биологические методы для устранения домашнего мусора!

– *Auf die Plastikflaschen verzichten und die Mehrwegflaschen verwenden!* – Отказаться от пластиковых бутылок и использовать бутылки многократного применения!

После принятия совместной резолюции используется метод рефлексии, предполагающий оценку результатов дискуссии, значимости полученных новых знаний для будущей профессиональной деятельности студентов и подводятся итоги дискуссии. Студенты сообщают, что они узнали нового, интересного для себя и какая информация может применяться в их будущей профессиональной работе. При этом свои основные выводы они формулируют одним-двумя предложениями:

– *Ich erfuhr über viele Arten der natürlichen und antropogenen Verschmutzung.* – Я узнал о многих видах природного и антропогенного загрязнения.

– *Ich erfuhr über Halden und «Totenseen» in Belarus.* – Я узнал о терриконах и «мертвых озерах» в Беларуси.

– *Ich erfuhr über biologische Verfahren zur Beseitigung von Hausmüll.* – Я узнал о биологических

методах устранения домашнего мусора. *In Australien züchtet man Regenwürmer, in Südkorea – «spezielle Fliegen» – sogenannte «Schwarzsoldaten», in Portugal – Schimmelpilze.* – В Австралии разводят дождевых червей, в Южной Корее – «специальных мух» – так называемых «черных солдат», в Португалии – «плесневые грибы».

– *Ich erfuhr über einen riesigen toxischen Müllhaufen im Weltmeer.* – Я узнал об огромной токсической мусорной куче. *Er wiegt 100 Millionen Tonnen und hat die Länge – 3 200 km und die Breite – 1 600 km.* – Она весит 100 млн тонн и имеет длину 3 200 км и ширину 1 600 км.

– *Ich erfuhr über den Soligorsker Betrieb «Belaruskalij», der für 50 Jahre 500 Mln. Tonnen Rohstoff gefördert hat und wegen der Kalisalzfförderung «die Totenseen» oder Schlamm-speicher gebildet wurden.* – Я узнал о солигорском предприятии «Беларускалий», которое добыло за 50 лет 500 млн тонн сырья, из-за добычи калийных солей образовались «мертвые озера» или «шламохранилища». *Um diese «Totenseen» liegt die 10 Kilometer lange leblose Zone in Polessje.* – Вокруг этих «мертвых озер» находится в Полесье 10-километровая безжизненная зона.

– *Ich erfuhr darüber, dass die USA 255 Mrd. Tonnen Hausmüll pro Jahr und 700 Mio. Tonnen täglich produzieren (und Witebsk – 136 000 Tonnen pro Tag).* – Я узнал о том, что США производят в год 225 млрд тонн домашнего мусора (Витебск – 136 тонн ежедневно).

Заключение. На примере использования занятия-дискуссии нами была показана важная значимость интерактивного подхода в обучении студентов неязыковых специальностей иностранному языку и формированию у них иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции, которая проявляется в умении вести аргументированную беседу на иностранном языке, используя профессиональную лексику.

Важная роль в подготовке и проведении дискуссии на иностранном языке по теме, созвучной изучаемой специальности студентов неязыкового профиля («Биоэкология»), принадлежит тесному сотрудничеству преподавателя со студентами.

Применение метода дискуссии способствует расширению кругозора студентов, активизации речемыслительной профессионально-ориентированной коммуникативной деятельности, раскрытию творческого потенциала, развитию личностных качеств, таких как любознательность, ответственность, уважительное отношение к чужому мнению, и может служить стимулом к дальнейшему изучению иностранного языка студентами неязыкового профиля.

Литература

1. Образцов, П.И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учеб. пособие / П.И. Образцов, О.Ю. Иванова. – Орел, 2005. – 114 с.
2. Ростовцева, В.М. Компетентность и компетенции: герменевтический аспект в контексте диверсификации современного образования / В.М. Ростовцева. – Томск: Изд-во ТПУ совместно с изд-вом ИЧА «КИТ», 2009. – 261 с.
3. Шувалова, Е.В. Активные методы обучения и качество учебного процесса студентов-психологов / Е.В. Шувалова // Территория науки. – 2006. – № 1. – С. 107–112.
4. Кашлев, С.С. Интерактивные методы обучения педагогике / С.С. Кашлев. – Минск: Высшая школа, 2004. – 176 с.
5. Воробьева, И.В. Коммуникативный подход к обучению иностранному языку как дидактический принцип: сб. науч. тр. / отв. ред. И.В. Воробьева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 257 с.
6. Морева, Н.А. Технологии профессионального образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н.А. Морева. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 432 с.
7. Гальскова, Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова. – М.: АРКТИ, 2004. – 12 с.
8. Воробьева, И.В. Мультимедийные технологии в создании коммуникативной иноязычной среды / И.В. Воробьева, Е.М. Прокопьева, В.А. Воробьева // Коммуникативный подход к обучению иностранному языку как дидактический принцип: сб. науч. тр. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – С. 47–54.
9. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И.Н. Борисова. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
10. Климкович, Е.Я. Педагогические условия формирования иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции студентов технического вуза / Е.Я. Климкович // Вестн. СИБАДИ. – 2013. – № 6(34). – С. 182–190.
11. Коростелев, В.С. Основы функционального обучения иноязычной лексике / В.С. Коростелев. – Воронеж: ВГУ, 1990. – 157 с.

Поступила в редакцию 18.04.2019 г.

Образ школы в языковом сознании украинских подростков

Данилевская О.Н.

Институт украинского языка НАН Украины, Киев (Украина)

Своеобразие отражения школьных реалий в сознании украинских подростков свидетельствует об усвоении их дискурсивного поведения.

Цель статьи — выявить особенности формирования и функционирования подросткового социолекта.

Материал и методы. В качестве материала исследования были использованы анкеты школьников, обучающихся в разных регионах Украины на протяжении 2010–2012 годов, в ходе работы над плановой темой «Идиолект подростка: социальные роли, жанры и стратегии коммуникации» в отделе социолингвистики Института украинского языка НАН Украины.

Результаты и их обсуждение. Бунтарское отношение подростков к миру проявляется в образе школы. Наиболее структурирован лексический ряд «Однокласники/однокласниці». В нем преобладают номинации, свидетельствующие о пренебрежительном отношении к классному сообществу, что особенно заметно при сравнении анкет в гендерном аспекте. Характерная черта подростковой языковой группы — склонность к выдумыванию прозвищ. В большинстве случаев подростковый лексикон реализует коммуникативные шаблоны и стереотипы.

Заключение. Школьный субязык следует рассматривать сквозь призму «подросткового бунта», который имеет социальные предпосылки. Бинарное разделение мира на черное и белое предопределяет преобладание в подростковом социолекте лексики отрицательной оценки.

Ключевые слова: социолингвистика, лингвистика детской речи, социолект подростка, школьный жаргон, языковое сознание, подростковая лингвокреативность.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 137–141)

School Realia in the Ukrainian Teenager Conscience: a Sociolinguistic Perspective

Danylevskaya O.N.

Institute of the Ukrainian Language of the National
Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv (Ukraine)

The peculiarity of the reflection of school realia in the minds of Ukrainian teenagers testifies to the improvement of their discursive behaviour.

The purpose of the article is to clarify the features of shaping and functioning of adolescent sociolect.

Material and methods. As the research material, questionnaires of schoolchildren collected in different regions of Ukraine during 2010–2012 were used in the course of work on the planned theme “Adolescent idiolect: social roles, genres and communication strategies” at the Department of Sociolinguistics of the NASU Institute of Ukrainian Language.

Findings and their discussion. The rebellious attitude of adolescents to the world is manifested in the image of the school. Most of the nominations contain the lexical series “Classmates”. Most reactions indicate a disregard of the class community. This is especially noticeable when comparing questionnaires from a gender perspective. A characteristic feature of the teenage language group is a tendency to invent monikers. In most cases, adolescent vocabulary implements communicative patterns and stereotypes.

Conclusions. The school jargon should be viewed through the prism of “adolescent rebellion”, which has social background. The binary division of the world into black and white predetermines the predominance of negative evaluation vocabulary in the adolescent sociolect.

Key words: sociolinguistics, children speech linguistics, teenage sociolect, school jargon, language conscience, teenage linguistic creativity.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 137–141)

По мнению психологов, подросткам присуща амбивалентность и парадоксальность психики. Это проявляется, с одной стороны, во внутренних противоречиях, неустойчивости взглядов, крайней застенчивости, а с другой – в грубости, агрессивности, склонности к экстремальным убеждениям и неординарным суждениям и оценкам [1, с. 16].

Речевой портрет современного подростка вряд ли будет правдивым без учета социальных характеристик этой возрастной категории. Все подростки находятся на содержании родителей или государства, то есть их социальный статус мало чем отличается от социального статуса ребенка. Вместе с тем подростки – это школьники, и потому единственным способом «вращения» в общество для них является систематическое образование, что навязано (предложено) им взрослыми. Именно поэтому социологи настаивают на социальных предпосылках подросткового бунта.

Бунтарское отношение подростков к миру взрослых ярко и последовательно проявляется в образе школы, который и воссоздан в экспериментальном исследовании их языкового сознания.

Цель статьи – выявить особенности формирования и функционирования подросткового социолекта.

Материал и методы. Анкетирование проводилось в разных регионах Украины на протяжении 2010–2012 годов в ходе работы над плановой темой «Идиолект подростка: социальные роли, жанры и стратегии коммуникации» в отделе социолингвистики Института украинского языка НАН Украины. В исследовании обобщен материал анкетирования учеников 5–9 классов Закарпатской и Ивано-Франковской областей.

Результаты и их обсуждение. Итак, вопросы актуализировали коммуникативный опыт школьников: по условиям анкеты подростки должны были вспомнить, как обычно общаются со сверстниками. Детям предлагали записать, как в разговоре с друзьями они называют *школу, директора школы, классного руководителя, учителей-предметников, одноклассников, одноклассниц, отличника (отличницу), родителей, контрольную работу, домашнее задание, шпаргалку, перемену, каникулы, парту, плохую отметку, дневник, классный журнал, учительскую*. Образ школы воплощен в нескольких лексико-семантических полях, наиболее структурированным из которых является ЛСП «Людина». Больше всего номинаций содержит лексический ряд «Однокласники/однокласниці». К примеру, одноклассников закар-

патские школьники называют так: *хлопці, сокласники, друзі, пацани, народ, одники, діти, дітвора, отелепи, дурбелики, ідіоти, придурки, психи*.

Одноклассницы же ассоциируются со следующим рядом: *однокласки, сокласниці, народ, дівки, кралі, тьоли, кози, п'явки, піфи, дурочки, чучала*.

Названные слова располагаются по мере нарастания негативной оценки.

Анкеты подростков из Ивано-Франковской области позволяют несколько расширить перечень, а именно: *баби, берези, голубці, дівулі, дружбани, малі, подруги, реперки, товариші, чуваки*. Нередко подростки приводят примеры прозвищ и девчонок (*Губата, Салтисон*), и ребят (*Дуб, Миха*).

Нельзя не отметить и экспрессивность оценки во вторичных номинациях, за которыми вырисовывается палитра межличностных отношений школьников. Большинство реакций свидетельствует о пренебрежительном отношении к классному сообществу. Это особенно заметно при сравнении анкет в гендерном аспекте, поскольку более агрессивные, грубые номинации предлагают мальчики для одноклассниц, а девочки для одноклассников. Типичной является такая реакция: девочки называют одноклассниц *одноклассницами, подругами, дівчатами*, а ребят в тех же самых анкетах *чуваками, придурками, дебілами*. Подобная тенденция просматривается и в анкетах мальчиков.

По школьной традиции особого наименования заслуживают отличники, а также те ученики, которые не отличаются успехами в учебе. На основе анкет образован такой синонимический ряд к слову «отличник»: *ботанік, відмайник, всезнайка/знайко, розумник/розумнячка, толкоголовий, вундеркіндер, хвальковить, зануда, заучка, зубр, зубрило/зубрилко, бараниця, ошколований, ходячий комп'ютер/ходяча енциклопедія*.

Оценочные нюансы, воплощенные в синонимических рядах номинаций одноклассников-одноклассниц, обусловлены коммуникативной потребностью общения со сверстниками, которая в подростковом возрасте становится доминантной. Тем не менее школа – это и среда институционального общения подростков со взрослыми. В подростковом возрасте не только активизируется потребность стабилизировать контакты со взрослыми, но и обостряется стремление задавать тон в общении с ними. Об этом свидетельствует лексический ряд «Учителі». Следует отметить, что многие школьники, особенно пятиклассники, называют учителей по имени-отчеству и за глаза, в то время как старшие подростки – по имени, в ко-

тором оценочным маркером выступает суффикс, ср.: *Надійка; Надька, Ганька*.

Придумывая своим учителям новые имена, подростки отдают предпочтение номинациям, указывающим на предмет, который тот или иной учитель преподает. Это школьные жаргонизмы, известные многим поколениям учащихся. Например, учителей математики украинские подростки и сегодня часто называют *математичками, матюхами*. Учитель украинского языка – *українка, украй, укромва, мова, мовознавка, мовенія, мовничка, українська*. Преподаватель английского языка – *англічанка, англійка, англійка, іноземка, енглійш, Англія, англійська*. Учитель зарубежной литературы – *зарубіжка, зарубайка, зарубійка, зарлітичка, заруб, зарубка, зарубана, зарубіжка-на, зарубіжничка, зарубіжна*.

Характерная черта подростковой языковой группы – склонность к выдумыванию прозвищ. Основу прозвищ, которые украинские подростки часто придумывают учителям, обычно составляют:

- детали содержания учебного предмета (учительница украинского языка – *Козачка, Метод*; учитель математики – *Косинус*; учитель физики – *Кулон*; учительница природоведения – *Білка*; учитель физкультуры – *Тарзан, Бігунець*; учительница английского языка – *міс Гаднерка*);

- наиболее яркие черты внешности и характера учителя (*Кнопа* – невысокая, с кротким характером учительница; *Паска* – тучная, очень добрая учительница; *Бомба, Шафа, Тумба* – крупная, суровая учительница; *Жирафа* – высокая учительница; *Кім у чоботях* – учительница, которая носит высокие сапоги; *Блакитна Мрія* – учительница, которая отдает предпочтение одежде и макияжу в синих тонах; *Золота* – доброжелательная учительница, которая умело избегает конфликтов с учениками);

- особенности коммуникативного поведения учителя или его речи (*Тобта* – учительница, которая часто употребляет слово «тобто»; *Неетично* – учительница, которая мотивирует замечания ученикам комментарием «*Не етично*»; *Наша школа*; *Будь ласка ідіть сюди* – об учителях, которые часто употребляют соответствующие словосочетания);

- особенности имени (*Омарушка* – от Мария, Маруся; *Дениска, Петрович, Теренташка, Пилип-зип, Ерна-цистерна* – от соответствующих отчеств; *Горішок; Люта* – по фамилии).

Иногда прозвище мотивировано несколькими факторами. Например, учительницу математики *Тамару Сергіївну* дети называют *ТС*, следуя об-

щепринятому в геометрии способу обозначения прямых.

Объектом переименования для украинских школьников традиционно являются классный руководитель (куратор) и директор школы. Слово-образовательные тенденции в этих лексических рядах те же, вот только негативная коннотация в них более яркая, ср.: *керівничка, керя/кера/киря, класна, класнуха, класничка, класша, відьма*.

Следует отметить, что склонность к употреблению прозвищ в разные периоды подросткового возраста проявляется неодинаково. Так, младшие подростки более изобретательны (большинство нетипичных номинаций принадлежит именно пятиклассникам, хотя некоторые ученики этой возрастной категории вообще не употребляют жаргонных номинаций или прозвищ, называя учителей по имени-отчеству). Вместе с тем в неологизмах старшеклассников ярче выражена оценочная составляющая, и они в большей степени согласованы с общими тенденциями жаргонообразования.

Разнообразие школьных реалий воплощено в ЛСП «*Навчання*».

Самым богатым является лексический ряд «*Школа*». Свое «родное» учебное заведение дети называют как правило *божевілляню, тюрмою, каторгою, вуликом* или *мурашником*. Анкеты содержат и такие номинации: *академія, дурдом, пекло, пенхауз, хата*.

Стимул *школа* вызывает у подростков немало ассоциаций. В анкетах учеников 5–7 классов из Ивано-Франковской области (обработано 149 анкет) встречаются, в частности, такие: *навчання (13); знання (9); канікули (6); дурна (6); наука (5); вчитися (5); дурдом (4); в'язниця (3); мука (3); уроки (3); учоба (3); щоб учитися (3); велика (2); вчитель (2); канікули (2); мучилка (2); навчальний заклад (2); параша (2); розум (2); туфта (2); тюрма (2); школяр (2); божевілля (1); болото (1); буда (1); будівля (1); великі знання (1); вона (1); гарний настрій (1); де навчаються (1); дім науки (1); друзі (1); дурість (1); дурна хата (1); жах (1); зло (1); зоопарк (1); катастрофа (1); клас (1); класно (1); коробка (1); лажка (1); місце для навчання (1); мудра (1); мудрість (1); ні (1); нудно (1); нудьга (1); оцінки (1); погана (1); приміщення (1); середня (1); там, де вчуся (1); тлумачний словник (1); фуфло (1); хата (1); храм науки (1); шкільний (1); щастя (1)*.

Из представленного перечня (59 реакций) 23 реакции имеют отрицательную коннотацию, а ядро словаря составляют положительно марки-

рованные или нейтральные реакции: *навчання, знання, канікули, наука, вчитися, уроки*. Отрицательную оценку в ядре содержат реакции *дурна, дурдом, в'язниця, мука*, которые количественно уступают предыдущим.

Как говорилось выше, отрицательная оценка школы является социально мотивированной не только для украинских подростков, что обусловлено межличностной конкуренцией в обучении.

Следует отметить, что в «Словнику асоціативних норм української мови» Н. Бутенко слова-стимула *школа* нет, поэтому делать выводы об изменениях в языковом сознании по результатам проведенного ассоциативного эксперимента было бы преждевременно.

Объектом подросткового словотворчества становятся такие реалии школьной жизни, как домашние задания (*домашка, домаха, доманя, домуня, д/з, хомворк, уроки, завдик*) и контрольные (*контролка/контрольна, контроха, контрошка, контра, ТО, ткр, тематична, роботонька*). Сложно представить и современную школу без шпаргалок, которые дети называют *шпаками, шпорами, фіішками, гармошками, черканями, заничками*.

Выразительная оценочность присуща лексическим рядам «Щоденник», «Класний журнал» та «Погана оцінка», ср.:

Щоденник	<i>Щоден, щоденка, тайник, пужало, щодик/щидик, книга жалоб, гроб, брехун, трехло</i>
Класний журнал	<i>Червона книга, книга темряви, книга правди, страх, ужас, династія, чорний список, журик, зернятко, бомба, око</i>
Погана оцінка	<i>Поганка, біда, прокуратор, біліна, колик, ворона, мерша, фуфу, пара, капець, хвіст</i>

Положительная оценка доминирует в номинациях субполя «Перерва» (*реклама, рекламна пауза, свобода, рай, пауза, відбій, лафа, кайф, нове життя, райська насолода, тема, монастирські дзвони, перекур*), а также «Каникулы» (*вихідні, кайф, воля, шара, передих, отпуск, лафа, балдьож, дні миру, на Канари*).

В большинстве случаев подростковый лексикон реализует коммуникативные шаблоны и стереотипы. Тем не менее словотворчество подростков привлекательно в словообразовательном аспекте, поскольку свидетельствует об активных процессах в речевой стихии. Так, постоянным источни-

ком формирования жаргонного словаря подростков является аффиксация. Продуктивными, в частности, следует считать суффиксы субъективной оценки: *-оньк-* (*роботонька*); *-ан-, -ен-, -ун-* (*доманя, черканя, зарубіжканя; мовенія; домуня*); *-к-* (*зарубіжска, мовознавка*); *-ик-* (*щодик, журик, завдик, колик*); *-ег-* (*імовірно, як фонетичний варіант -иг- – курвега*). Пример префиксально-суффиксального словообразования – слово *ошколований* (так в одном классе называют отличников).

Продуктивным способом является также аббревиация, ср.: *ткр* (тематическая контрольная работа), *дз* (домашняя задача), *ТО* (тематическое оценивание). Много подростковых слов образовано усечением части основы: *фізра, фра, укромова, украй, керя/кера*. Некоторые подростковые слова возникают благодаря морфолого-фонетическим совпадениям: *шпака, шпора* (шпаргалка), *журик* (класний журнал). Источником создания определенных жаргонизмов выступают иноязычные слова, в частности англицизмы [2], употребляющиеся либо как экзотизмы, либо как заимствования-метафоры.

И все же наиболее ярко лингвокреативные способности подростков проявляются в семантической деривации: большинство примеров вторичных номинаций, приведенных в анкетах, – это метафоры или метонимии. Подростки переосмысливают названия популярных кинофильмов и книг, реалий повседневной жизни (*книга темряви, червона книга, база даних* – класний журнал, *сканувати* – списывать).

Проанализированные примеры, безусловно, представляют собой только штрихи к речевому портрету современных украинских подростков, которым присущи особое видение мира, своеобразие его восприятия и познания. Психологи утверждают, что процесс социализации нынешних подростков существенным образом отличается от того, как это происходило в конце двадцатого столетия. К примеру, если подростки 90-х гг. XX ст. превыше всего ставили честность (83,6%), общительность (67%), доброту (54,3%), скромность (53%) и т.п., то сегодня на вершину ценностной пирамиды попали ценности индивидуального характера – здоровье, любовь, дружба, личные материальные выгоды, что обусловлено глобальными социальными трансформациями [3, с. 6]. Такие изменения подтверждают и ответы детей на вопрос «Для чего ты изучаешь языки?». Материалы анкет позволяют сделать вывод, что для украинцев 11–15 лет приоритетны в изучении языков прагматические мотивы.

Предложенные подростками варианты ответов объединили в несколько групп. Больше всего ответов – о важности изучения языков для интеллектуального развития личности (приблизительно 72 ответа из 197 анкет, т.е. 36,5%). Со знанием языков дети связывают формирование и проявление таких интеллектуальных качеств, как мудрость, опыт, эрудиция. 20% опрошенных (40 ответов) особо акцентируют внимание на важности языкового образования для успешного общения. 24% опрошенных (47 реакций) убеждены, что языки нужно изучать, чтобы было комфортно путешествовать. 17% респондентов связывают обучение языкам с будущей успешной карьерой, а 5,5% надеются работать за границей.

Таким образом, социолект подростков можно считать камертоном, позволяющим улавливать тончайшие колебания в аксиологической сфере современного общества. Объяснение этого феномена следует искать в психологической природе подростков, суть которой Ж. Пиаже усматривал в реализации последней фундаментальной децентрации: когда личность теряет зависимость от конкретных объектов в восприятии мира и начинает относиться к миру в смысле того, как его (этот мир) можно изменить [4, с. 104–105]. Собственно, проявлением такого отношения к миру и выступает подростковая лингвокреативность, проанализированная на примере воссоздания образа школы.

Заключение. Своеобразие отражения школьных реалий в сознании украинских подростков свидетельствует об усвершенствовании их дискурсивной деятельности и дискурсивного поведения и позволяет определить этапы социализации, особенности взросления на каждом из них.

Вместе с тем подростковый социолект является тем зеркалом, в котором мы, взрослые, должны узнавать самих себя, так как общение подростков – это, как правило, попытка детей примерить на себя «взрослый» язык, их вербализированная реакция на взрослые ценности – настоящие, а не декларированные.

Школьный субязык следует рассматривать сквозь призму «подросткового бунта», который имеет социальные предпосылки и обнаруживает типологическое сходство во всех обществах, где есть организованное школьное обучение. Бинарное разделение мира на черное и белое предопределяет преобладание в подростковом социолекте лексики отрицательной оценки.

В разные периоды подросткового возраста словотворчество проявляется неодинаково, что обусловлено особенностями психического развития, в процессе которого подростки начинают относиться к миру как к объекту преобразования в соответствии с программой собственной жизни.

Литература

1. Психология современного подростка [Текст] / под ред. Д.И. Фельдштейна; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1987. – 240 с.: ил.
2. Юферова, О. Функційні особливості англіцизмів у сучасній українській прозі [Текст] / О. Юферова // Дивослово. – 2007. – № 12. – С. 36–37.
3. Абдюкова, Н.В. Психологічні особливості соціалізації сучасного підлітка [Текст]: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Н.В. Абдюкова. – К., 2000. – 19 с.
4. Обухова, Л.Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против [Текст] / Л.Ф. Обухова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 191 с.

Поступила в редакцию 01.04.2019 г.

Афоризмы в религиозном дискурсе *

Иванов Е.Е.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

В статье рассматривается религиозно-литературное понимание афоризма как один из аспектов его эмпирической квалификации.

Цель исследования — определить исторические предпосылки и основные этапы развития религиозно-литературного понимания афоризмов, установить их основные свойства и описать метаязыковые особенности как единиц религиозного дискурса.

Материал и методы. Материалом послужили афоризмы, содержащиеся в письменных памятниках, литературных текстах на русском языке, в переводе на русский язык с разных языков мира, а также на латинском, английском и других языках. Общее количество изученных афоризмов составляет более 16 000 единиц из около 70 письменных источников. Методы исследования — эвристический, описательный, таксономический, обобщение, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Религиозно-литературное понимание афоризма впервые было эксплицировано в эпоху Возрождения на рубеже XV–XVI веков, когда появились трактаты в форме афоризмов теологического содержания. Однако свое наибольшее развитие получило только сравнительно недавно (во второй половине XX века) благодаря экстраполяции понятия и термина «афоризм» для обозначения обобщенных по содержанию изречений в канонической и теологической литературе различных религий. Имплицитно религиозно-литературное понимание афоризма зародилось еще в III–II тыс. до н.э. и позднее нашло свое отражение во всех основных религиозных письменных памятниках, религиозных дискурсах разных эпох, культур и народов.

Заключение. Религиозные афоризмы представляют собой класс предметно-тематических единиц, выделяемый на основании двух ключевых свойств: 1) признания высказанных положений истинными независимо от их фактического и логического обоснования (декларативное знание); 2) принятия высказанных положений в качестве безоговорочного руководства для дальнейших суждений, норм поведения и социальных отношений (директивное убеждение). Данные свойства обеспечивают не только идентификацию афоризма с определенной религиозной моделью мира, но и несвободный характер формы афоризма, позволяющий как сохранять его в неизменном виде, так и воспроизводить в готовой (фиксированной) форме при многократном употреблении в речи (это способствует важной для религиозных текстов преемственности передачи сакрального знания).

Ключевые слова: афоризм, эмпирическое понимание, дискурс, религиозный дискурс, предметно-тематический класс афоризмов, религиозный афоризм.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 142–147)

Aphorisms in Religious Discourse

Ivanov E.E.

Educational Establishment “Mogilev State A.A. Kuleshov University”

The article deals with a religious-literary understanding of aphorisms as one of the aspects of its empiric qualification.

The purpose of the article is to study the historical background and the main stages of the development of a religious-literary understanding of aphorisms, to identify their main properties and metalinguistic features as the units of religious discourse.

Material and methods. The material for the research is aphorisms from manuscripts, literary texts in Russian, works of literature translated from different languages into Russian as well as those in English, Latin and other languages. The total number of the aphorisms that have been studied is over 16000 units from about 70 written sources. The methods of the research are descriptive, heuristic, taxonomic, generalization, analysis and synthesis.

Findings and their discussion. A religious-literary understanding of aphorisms was first explicated during the Renaissance in the late 14th — early 15th centuries when the first treatises in the form of aphorisms of theological contents appeared. However, this approach has reached the peak point of its development quite recently (in the second part of the XXth century)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ (совместно с РФФИ) в рамках научного проекта № Г18Р-301.

due to the extrapolation of the notion and the term “aphorism” for denoting the utterances of generalizing semantics in theological and canonical literature. Implicitly a religious-literary understanding of aphorisms originated in 3000–2000 BC and later found its reflection in major religious texts and discourses of different cultures, nations and epochs.

Conclusion. Religious aphorisms are a class of subject-thematic units singled out according to the two basic properties: 1) considering the opinions that were expressed to be true regardless their factual and logic explanation and justification (declarative knowledge), 2) the acceptance of the opinions to be the basis for further judgments and statements, the norm of behaviour and the guide in social relations (directive conviction). These properties provide not only the identification of the aphorism with a particular religious model of the world but also a fixed form of the aphorism that ensures its being constant and unchanged. Such properties also allow to reproduce aphorisms in their fixed form in various speech situations that provides the succession of the transmission of deep sense and sacral knowledge that is vitally important for religious texts.

Key words: aphorism, empirical understanding, discourse, religious discourse, subject-thematic class of aphorisms, religious aphorism.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 142–147)

Афоризм как вербальное средство выражения общих суждений и отражения действительности в обобщенно-универсальной форме издавна известен и продуктивно используется в различных видах дискурса и сферах речевой коммуникации. Афоризмы встречаются в философском, дидактическом, религиозном и других дискурсах древних лингвокультур (Египта, Китая, Греции и др.). С давних времен афоризмы распространены в языке фольклора и художественной литературы, в религиозном, философском, научном, юридическом, политическом, публицистическом и иных дискурсах, в языке устного публичного выступления и в обиходной речи. В каждой разновидности дискурса и сфере речевой коммуникации сформировались соответствующие эмпирические представления об афоризме, которые легли в основу его квалификации в различных отраслях знаний, социокультурных практиках, в терминах разных научных дисциплин (теории познания, философии, этики, литературоведения, риторики, языкознания и др.).

Вместе с тем в существующих отраслевых дефинициях афоризма недостаточно отражены его характеристики как продукта и средства речемыслительной деятельности в отдельных видах дискурса и сферах коммуникации, отраслях знаний и социокультурных практиках как в синхронии, так и в диахронии. Такие характеристики, на наш взгляд, не только детерминируют сложившиеся в разное время эмпирические представления об афоризме и научные направления его изучения [1], но и позволяют в рамках лингвистической теории афоризма [2–4] дифференцировать его на общие предметно-тематические классы единиц, или разновидности афоризма как речевого жанра [5] (афоризмы научные, философские, публицистические, юридические, фольклорные и т.д.).

Цель исследования – определить исторические предпосылки и основные этапы развития религиозно-литературного понимания афоризмов, установить их основные свойства и описать метаязыковые особенности как единиц религиозного дискурса.

Материалы и методы. Материалом послужили афористические единицы, содержащиеся в письменных памятниках, книгах изречений, отраженные в компиляциях афоризмов из различных текстовых источников и устной речи, зафиксированные в справочных изданиях – сборниках и словарях изречений разных эпох и народов на русском языке, в переводе на русский язык с разных языков мира, а также на латинском, английском, немецком, французском и других языках. Общее количество изученных афоризмов составляет свыше 16 000 единиц из более чем 70 письменных источников. Методы исследования – эвристический, описательный, таксономический, обобщение, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. В современной европейской афористике (как области знаний об афоризме, его употреблении и изучении) можно выделить целый ряд общих аспектов эмпирической квалификации (эмпирического понимания) афоризма [6], которые сформировались в разное время, возникли и развивались в различных национальных (или интернациональных) традициях, под влиянием разного рода культурных направлений и социальных процессов, внутри парадигм научного знания и лингвокультур. Аспекты эмпирической квалификации афоризма разграничиваются как по его использованию в той или иной разновидности дискурса или сфере речевой коммуникации, так и на основе набора определенных свойств и функций (дифференциальных признаков) афоризма, характерных для его реализации как вербального средства в рамках данной социальной или культурной практи-

ки, области знания и т.д. Анализ афоризмов, содержащихся в письменных памятниках, книгах изречений, компиляциях из различных текстовых источников и устной речи, зафиксированных в сборниках и словарях изречений разных эпох и народов, показал, что существует девять наиболее значимых аспектов эмпирического понимания афоризма как вербального средства выражения общих суждений и универсального обобщения действительности в форме фразы (фразового текста): научно-философское, литературно-философское, религиозно-литературное, литературно-художественное, литературно-публицистическое, литературно- и народно-юридическое, народно-поэтическое, поэтико-риторическое, обиходно-языковое [7, с. 9–31].

Религиозно-литературное понимание афоризма впервые было эксплицировано, как можно судить по письменным источникам, в эпоху Возрождения на рубеже XV–XVI веков, когда появились трактаты в форме афоризмов теологического содержания. Одним из литературных произведений такого рода, дошедших до наших дней, был трактат «*Aphorismi compunctionis theologiales*» (1497) швабского врача-католика Иеронима Бальдунга (Hieronymus Baldung). Однако свое наибольшее развитие религиозное понимание афоризма получило только сравнительно недавно (во второй половине XX века) благодаря экстраполяции понятия и термина *афоризм* для обозначения обобщенных по содержанию изречений в канонической и теологической литературе различных религий мира.

Подобные изречения с самых давних времен являются неотъемлемой частью священных текстов и религиозных догматов. В древнеегипетском священном своде «Книга Мертвых», сложившемся в основном в эпоху Нового царства с 1550 по 1070 до н.э.¹ и включающем предшествующие ему священные «Тексты Саркофагов» (конец III – начало II тыс. до н.э.) и «Тесты Пирамид» (III тыс. до н.э.), употребляется немало обобщенных изречений типа *Жизнь поднимается из смерти* («Глава о том, как не позволить телу погибнуть»); *Обман и хитрость отвратительны* («Гимн хвалы Ра, когда он поднимается над горизонтом и когда он садится в стране вечной жизни»); *Отвратительная вещь – нечистота* («Глава о преображении в Птаха») и т.п. (перевод А.К. Шапошникова в из-

дании «Древнеегипетская Книга Мертвых: слово устремленного к Свету» (2006). Множество изречений обобщенного содержания встречается в древнейших религиозных письменных памятниках – индийской «Ригведе» (II тыс. до н.э.), иранской «Авесте» (II–I тыс. до н.э.), еврейских «Танахе» и «Торе» (середина I тыс. до н.э.), индийских «Трипитаке (Типитаке)» (вторая половина I тыс. до н.э.) и «Бхагавадгите» (конец I тыс. до н.э.). Изобилуют обобщенными изречениями Библия («Новый Завет», I в. н.э.) и «Коран» (VII в.) и др. Многие из таких изречений приобрели общеизвестность и широкое распространение в письменной и устной речи (в рамках разных религий и вне их), массово употребляются как крылатые цитаты и как пословицы, что является предметом специального изучения, например, «Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре» (2012) К.Н. Дубровиной, «От земли обетованной к небесам обетованным: очерки о судьбах библейских крылатых выражений» (2013) С.Г. Шулежковой, «Библейские цитаты в церковнославянской книжности» (2014) М. Гардзанини и др.

Основными свойствами афоризмов в их религиозно-литературном понимании являются декларативность содержания (высказанные положения признаются истинными независимо от фактического и логического обоснования) и директивность убеждения (безоговорочно принятые положения в дальнейшем определяют суждения, нормы поведения и социальных отношений). Эти свойства афоризма обуславливают идентификацию его содержания с определенной религиозной моделью мира, а также фиксированный характер его формы (несвободу лексико-грамматической организации). Последнее позволяет сохранять (воспроизводить) обобщенное изречение в неизменном виде при многократном употреблении в речи (это обеспечивает важную для религиозных текстов преемственность передачи сакрального знания).

Во многих канонических тестах различных религий афоризмы занимают содержательно важное место. Так, один из уникальных памятников буддизма – «Дхаммапада» (около III века до н.э.), в котором изложены этические принципы раннего буддизма и который составлен, по преданию, из высказываний самого Будды, полностью состоит из одних обобщенных по содержанию изречений в стихотворной форме. В дзэн-буддизме, дискурс которого насыщен краткими изречениями, существует отдельный жанр – *дзюкуго* (завершающая фраза

¹ Окончательная редакция «Книги Мертвых», дошедшая до наших времен, относится к эпохе Саисской династии 663–525 до н.э.

коана), большинство из которых представляют собой по форме и содержанию афористические высказывания (наиболее почитаемы собрания дзякуго конца XV века «*Кудзоси*» Тоё Эйтё и конца XVII века «*Дзэнрин кусю*» Идзюси). Часть библейских текстов состоит преимущественно из афоризмов – «*Книга Екклесиаста*» (Ветхий Завет), «*Нагорная проповедь Иисуса Христа*» (Мф. 5–7) и др. Многие из аятов в сурах Корана являются афоризмами, поскольку «сакральность Корана, возвышенность большинства его сюжетов требовали обобщенно-афористических нравоучительных, а также императивных средств доведения до слушателей и читателей замысла Творца» [8, с. 10], см. «*Мудрость Корана*» (2008). Немалое количество содержательно значимых и выразительных по форме афоризмов находится и в памятниках богословской литературы. Широко известны, например, изречения из трудов христианских богословов (Отцов Церкви и Учителей Церкви) – Григория Богослова (329–389), Иоанна Златоуста (347–407), Аврелия Августина (354–430), Иоанна Дамаскина (675–753), Ансельма Кентерберийского (1033–1109), Фомы Аквинского (1225–1274) и др., компилирующиеся в отдельных сборниках, например, «*Цветник духовный: мысли и изречения святых и великих людей*» (2010), «*Мудрость христианства: большая книга афоризмов и притч: изречения и притчи Нового и Ветхого Завета, комментарии Отцов и Учителей Церкви*» (2012) А. Добродеева, «*Мудрые советы и мысли святых отцов: собрано из творений святых отцов и подвижников благочестия*» (2018) и т.п.

С начала XX века получили широкое распространение сборники изречений, извлеченных из канонических и теологических текстов различных религий мира, например, «*Лучи света: мысли и афоризмы из талмуда*» (1902) и др. Следует заметить, что от собраний изречений из религиозных текстов необходимо отличать сборники изречений религиозной тематики различного (преимущественно не религиозного) происхождения, например, «*Математика. Бог. Вселенная: мудрые мысли*» (2004) В.С. Малаховского, «*Бог не ангел: афоризмы о вере, неверии и суевериях*» (2005) и «*Религия и этика в изречениях и цитатах*» (2009) К.В. Душенко и т.п. Наиболее многочисленны собрания библейских афоризмов, например, «*Библейская цитата: словарь-справочник*» (1999) М.В. Арапова (и др.), «*Словарь*

библейских крылатых слов и выражений» (2000) Г.А. Иоффе, «*Афоризмы. Священное Писание*» (2010) В.Г. Носкова, «*Библейские афоризмы*» (2012) А.Ю. Кожевникова, Т.Б. Линдберг и т.п. Уступают им количественно, но отличаются разнообразием собрания афоризмов знаменитых христианских богословов (в том числе православных), например, «*Сокровищница духовной мудрости: антология святоотечественной мысли*» (2002–2009) в 12 томах, «*Афоризмы святителя Феофана: из духовного наследия святителя Феофана Затворника*» (2004), «*Мудрые мысли и некоторые советы святых отцов и старцев наших дней*» (2005) А.В. Попова, «*Мудрые мысли и некоторые советы святых отцов и старцев наших*» (2010) протоиерея В. Мордасова и т.п. В отдельное направление выдвинулось составление сводов изречений легендарных основателей мировых религий, например, «*Моисей: жизнь, учение; мысли, афоризмы*» (2003) и «*Мухаммед: жизнь, учение, мысли, изречения, афоризмы, суры из Корана, словарь ислама*» (2004) В.В. Юрчука, «*Афоризмы Будды: принципиально новая концепция изречений Будды*» (2009) Й. Раманантаты, «*Иисус Христос: 100 и 1 цитата*» (2017) С.И. Ильичева и т.п. Не менее популярны собрания афоризмов их знаменитых сподвижников, последователей и толкователей (в том числе и нашего времени), например, «*Мысли и афоризмы*» (1993) Шри Ауробиндо, «*Зеленая память. Букет цветов из "Нахдж-уль-балага" Повелителя правоверных Имама Али (мир ему): из высказываний, проповедей и афоризмов Повелителя правоверных Али ибн Абу-Талиба (мир ему)*» (2001) и т.п. Составляются и сборники изречений отдельных известных персонажей канонических текстов, например, «*Соломон: жизнь, учение; мысли, афоризмы*» (2003) В.В. Юрчука и т.п. Помимо этого афоризмы из канонических и богословских текстов регулярно включаются в общие сборники и словари литературных афоризмов, например, «*Энциклопедия афоризмов: Античность. Древняя Индия. Древний Китай. Библия*» (1999), «*Мысли и изречения древних с указанием источника: древние греки, древние римляне, Библия, учителя церкви, мудрецы Талмуда*» (2005) К.В. Душенко, «*Большая книга афоризмов: антология афоризмов от царя Соломона до Станислава Лема: по русским и иностранным источникам*» (2014) К.В. Душенко, «*Лучшие мысли и изречения древних: древние греки,*

древние римляне, учителя церкви, мудрецы Талмуда» (2015) К.В. Душенко и т.п.

Изречения, оторванные от религиозного (догматического или богословского) по содержанию текста-источника, часто перестают соотноситься с религиозным дискурсом, секуляризуются, приобретают новый смысл и/или новую форму. Так произошло, например, с одним из самых известных религиозных изречений *Благими намерениями вымощена дорога в ад*, функционирующих во многих современных европейских языках как поговорка (ср.: англ. *The road to hell is paved with good intentions*, нем. *Der Weg zur Hölle ist mit guten Vorsätzen gepflastert*, венг. *A pokolba vezetõ út is jó szándékkal van kikövezve*, чеш. *Cesta do pekla je dlážděna dobrými úmysly* и др.). Это изречение восходит к высказыванию *L'enfer est plein de bonnes volontés ou desirs* одного из Учителей Церкви Св. Бернарда Клервосского (1091–1153) [9, р. 274]. В основу афоризма Св. Бернарда Клервосского положен библейский образ широкой дороги, вымощенной камнями, которая ведет в ад, ср.: *Путь грешников вымощен камнями, но на конце его – пропасть ада* (Сир. 21, 11); *Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель* (Мф. 7, 13). Афоризм Св. Бернарда Клервосского был повторен (*Hell is full of good meaning and wishings*) английским священником-богословом и поэтом Дж. Гербертом (1593–1633) в его собрании пословиц «*Jacula prudentium*» [10, р. 226] и популяризирован В. Скоттом в романе «*The Bride of Lammermoor*» (1819). Однако к середине XIX века утратил свою исходную форму в результате перефразирования (*The road to hell is paved with good intentions*) [11, р. 514], позднее потерял первоначальный смысл («Сами по себе благие намерения не приведут в рай, чтобы попасть туда, нужно воплощать их в добрые дела»), а в настоящее употребляется в речи в весьма далеком от своего религиозного содержания значении («1. О тех, кто не выполняет своих обещаний. 2. О добрых, искренних намерениях и обещаниях, которые не приводят к желаемому результату») [12].

Первоначальные формы и смыслы широко употребительных религиозных афоризмов являются предметом изучения исторической фразеологии и паремиологии и отражаются в специальных историко-этимологических справочниках, например, «*Сокровища античной и библейской мудрости: происхождение афоризмов и образных выражений*» (1999)

Ю.А. Ракова, «*Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*» (2010) К.Н. Дубровиной и т.п., а также описываются в толковых (нормативных) и переводных словарях библеизмов, например, «*Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений*» (2007) В.М. Мокиенко, «*Толковый словарь библейских выражений и слов*» (2010) Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкиной, «*Deutsche-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*» (2009) Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, «*Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*» (2010) Х. Вальтера, Е. Коморовской, А. Кжановской (и др.), «*Schwarzes Schaf, falscher Prophet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*» (2012) Х. Вальтера и П. Фойту, «*Лента библейской мудрости: краткий русско-словацко-немецкий словарь библейских крылатых слов*» (2012) Д. Балаковой, Х. Вальтера, В.М. Мокиенко, «*Из библейской мудрости = Z biblickej mudrosti = Biblische Weisheiten: русско-словацко-немецкий словарь библеизмов*» (2015) Д. Балаковой, Х. Вальтера, В.М. Мокиенко и т.п. В отдельное направление библейской афорографии выделилось составление сравнительных полилингвальных словарей библейских изречений и выражений, где также, как правило, даются подробные историко-этимологические описания [13; 14].

Религиозно-литературное понимание афоризма не является в современной афористике строго последовательным в содержательном, метаязыковом и функциональном плане. Так, наряду с термином *афоризм* (часто в одном и том же списке) для обозначения обобщенных высказываний религиозного содержания широко употребляются более общие термины *изречение*, *мысль* и т.п. (для извлечений из религиозных текстов еще – *цитата*, *крылатое выражение* и т.п.), а также *притча*, *поучение*, *совет* и др. Вместе с тем в рамках религиозных стилей современных литературных языков (т.е. непосредственными участниками религиозного дискурса) обобщенные изречения обычно не квалифицируются как *афоризмы* по причине отсутствия в традиционно сложившихся жанровых системах религиозной сферы коммуникации речевого жанра «афоризм», который замещается жанрами «изречение»,

«поучение» и т.п. В восточных религиозных системах распространены собственные жанры кратких изречений (например, «дзякуго» в дзэн-буддизме и т.п.).

Заключение. Религиозно-литературное понимание афоризма впервые было эксплицировано в эпоху Возрождения на рубеже XV–XVI веков, когда появились трактаты в форме афоризмов теологического содержания, однако свое наибольшее развитие получило только сравнительно недавно (во второй половине XX века) благодаря экстраполяции понятия и термина *афоризм* для обозначения обобщенных по содержанию изречений в канонической и теологической литературе различных религий мира.

Имплицитно религиозно-литературное понимание афоризма существовало с древности, начиная с III–II тыс. до н.э. и нашло свое отражение во всех основных религиозных письменных памятниках, религиозных дискурсах различных эпох и народов. В рамках религиозных стилей современных литературных языков обобщенные изречения обычно не квалифицируются как *афоризмы* по причине отсутствия в традиционных жанровых системах религиозной сферы коммуникации речевого жанра «афоризм» (на фоне наличия жанров «изречение», «поучение» и т.п., а в восточных религиозных системах специфических жанров кратких изречений – «дзякуго» в дзэн-буддизме и т.п.).

Религиозные афоризмы представляют собой предметно-тематический класс афористических единиц, выделяемый на основании присущего им набора содержательных свойств. К таким свойствам относятся: 1) признание высказанных в афоризмах положений истинными независимо от их фактического и логического обоснования (декларативность знания); 2) принятие высказанных в афоризмах положений без оговорок в качестве руководства для дальнейших поступков, суждений, норм поведения и социальных отношений (директивность убеждения). Эти свойства обеспечивают, с одной стороны, идентификацию содержания афоризма с определенной религиозной моделью мира, а с другой – несвободу лексико-грамматической организации (фиксированный характер формы) афоризма, позволяющую сохранять его в неизменном виде и воспроизводить в готовой форме при многократном употреблении (это способствует важной для религиозных текстов преемственности передачи сакрального знания).

Литература

1. Іваноў, Я.Я. Афарызм у сусветнай і еўрапейскай літаратуры і культуры (да гісторыі і тэорыі афарыстыкі як асобнай сістэмы ведаў) / Я.Я. Іваноў // Адам Міцкевіч і сусветная культура = Adam Mickiewicz i kultura światowa: матэрыялы міжнар. навук. канф., 12–17 мая 1997 г.: у 5 кн. / рэдкал.: Ю. Бахуж [і інш.]. – Гродна, 1998. – Кн. 5. – С. 79–93.
2. Иванов, Е.Е. Афоризм как единица языка (к истории и теории понятия) / Е.Е. Иванов // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2 т. / редкол.: И.М. Кобозева (отв. ред.) [и др.]. – М.: Филология, 1995. – Т. 1. – С. 192–193.
3. Иванов, Е.Е. Изучение языковой природы афоризма в русистике 1960–1980 гг. (проблемы формирования лингвистической теории афоризма) / Е.Е. Иванов. – Минск: Веды, 1999. – 52 с.
4. Лингвистика афоризма: хрестоматия / сост. Е.Е. Иванов. – Минск: Выш. шк., 2018. – 302 с.
5. Иванов, Е.Е. Разновидности афоризма как речевого жанра (на материале английского, польского, русского языков) / Е.Е. Иванов // Язык и культура: сб. науч. ст. к юбилею проф. Э.Ф. Володарской / редкол. Ю.Л. Воротников (гл. ред.) [и др.]. – М.: Изд-во ИИЯ, 2010. – С. 312–315.
6. Іваноў, Я.Я. Афарызм як прадмет філалогіі і аб'ект лінгвістыкі / Я.Я. Іваноў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. – 1994. – № 3. – С. 61–65.
7. Иванов, Е.Е. Лингвистика афоризма / Е.Е. Иванов. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – 156 с.
8. Боднар, С.Н. Менталитет как отражение оценочного суждения / С.Н. Боднар // Сходознавство. – 2011. – № 55–56. – С. 3–18.
9. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / ed. by J. Simpson, J. Speake. – Third Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 364 p.
10. Jacula Prudentium, or Outlandish Proverbs, Sentences, etc. // The English Poems of George Herbert, Together with His Collection of Proverbs Entitled Jacula Prudentium. – London [etc.]: Longman, Green, and Co., 1902. – Pp. 221–260.
11. A Hand-book of Proverbs: Comprising an Entire Republication of Ray's Collection of English Proverbs, with His Additions from Foreign Languages. And a Complete Alphabetical Index; in which are Introduced Large Additions, as Well of Proverbs as of Sayings, Sentences, Maxims, and Phrases, Collected by Henry G. Bohn. – London: H.G. Bohn, 1855. – 583 p.
12. Берков, В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. – М.: Русские словари, 2000. – 624 с.
13. Лепта біблейскай мудрасці: біблейскія крылатыя выражэння і афарызмы на руском, англійскім, беларуском, нямецком, словацкім і украінскім мовах / Д. Балакова [і др.]. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2014. – 208 с.
14. Лепта біблейскай мудрасці: руско-славянскі слоўнік біблейскіх крылатых выражэнняў і афарызмаў з супадзеннямі ў нямецкіх, французскіх, італьянскіх і грэцкіх мовах: у 2 т. / пад агул. рэд. Е.Е. Іванова [і др.]. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – Т. 1: А–О. – 288 с.; Т. 2: П–Я. – 308 с.

Поступила в редакцию 11.04.2019 г.

Динамика интертекстуальности прецедентных феноменов сквозь призму времени

Комаристова И.И.

*Учреждение образования «Минский государственный
лингвистический университет», Минск*

Сопоставительный анализ художественных текстов, являющихся интертекстом, позволил определить, изменилось ли за десять лет ядро интертекста, которое представлено самым многочисленным источником прецедентных феноменов, какие источники прецедентных феноменов являются наиболее приближенными к нему, а какие — наиболее удалены, изменился ли наиболее актуальный и востребованный фонд знаний. В данной публикации описываются обнаруженные изменения и интерпретируются их причины.

Цель статьи — описание и сравнение прецедентных феноменов и онимов, используемых в американской художественной литературе с 1987 по 2004 г. и с 2014 по 2018 г.

Материал и методы. В работе были исследованы тексты американской художественной литературы двух периодов: с 1984 по 2004 г. (период 1) и с 2014 по 2018 г. (период 2). Анализ прецедентных феноменов и онимов, которые характеризуются, как и прецедентные феномены, общеизвестностью, но не используются в метафорическом значении, осуществлялся с применением описательного (приемы наблюдения, обобщения, интерпретации, классификации), сравнительного методов, а также статистического анализа данных.

Результаты и их обсуждение. Ядро американского интертекста до сих пор составляют прецедентные феномены из области искусства, в частности массовой культуры. Его периферия представлена прецедентными феноменами из истории, прессы, религии, мифологии, спорта и науки. Причем в этой же последовательности они удалены от ядра интертекста. 10 лет назад самыми близкими к ядру, как и сейчас, были прецедентные феномены из области истории, прессы, религии. Самыми удаленными от него — прецедентные феномены из области спорта. Данный сопоставительный анализ продемонстрировал, что самыми удаленными от ядра являются теперь прецедентные феномены из области науки. Они количественно уступают прецедентным феноменам из области мифологии, спорта.

Соответственно, мы приходим к выводу о том, что наиболее востребованными у представителей американского языкового сообщества продолжают оставаться прецедентные феномены из области искусства (массовой культуры). Они, как и 10 лет назад, находятся в центре внимания языковой культуры американского языкового сообщества.

Заключение. Источники прецедентных феноменов меняются очень медленно, в то время как сами прецедентные феномены в рамках этих источников не являются константами. Одни названия и имена полностью вытесняются новыми, другие из разряда частотных переходят в разряд редкоупоминаемых. И только редкие имена и названия не теряют своей актуальности, оставаясь наиболее частотными в рамках соответствующего источника.

Ключевые слова: художественный текст, интертекст, ядро интертекста, периферия интертекста, прецедентные феномены, источники прецедентных феноменов, онимы, источники онимов, тематическая группа, языковое сообщество.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 148–156)

Dynamics of Intertextuality of Precedent Phenomena through the Prism of Time

Komaristova I.I.

Educational Establishment “Minsk State Linguistic University”, Minsk

This comparative analysis of fiction (the intertext at the same time), covering different time periods, revealed if the intertext core that is represented by the biggest number of precedent phenomena, has changed for the last ten years; which sources of precedent phenomena are the closest to the intertext core and which ones are the most distant. This analysis makes it possible to speculate if the knowledge fund that is the most actual and in demand has changed. The article describes the revealed changes and interprets their possible reasons.

Адрес для корреспонденции: e-mail: innakomaristova@mail.ru — И.И. Комаристова

The aim of the article is the description of precedent phenomena and onims used in the American literature of 1987–2004 and 2014–2018.

Material and methods. American fiction texts of two periods 1987–2004 (first period) and 2014–2018 (second period) are studied in the paper. The analysis of precedent phenomena and onims, which are characterized as well as precedent phenomena as well-known but are not used in the metaphorical sense, was done by means of descriptive (observation, generalization, interpretation, classification), comparative methods and statistical data analysis.

Findings and discussion. The intertext core is still represented by precedent phenomena from culture, mass culture in particular. Its periphery is formed by precedent phenomena from history, press, religion, mythology, sport and science. Moreover they move away from the core of intertext in the same sequence. Precedent phenomena from history, press, religion were the closest to the core 10 years ago. Precedent phenomena from sport were the most distant from the core. Now precedent phenomena from science are the furthest. Quantitatively they are fewer than the precedent phenomena from the sphere of mythology and sport.

Thus we can conclude that representatives of American linguistic community still require precedent phenomena from the sphere of art (mass culture). These phenomena still remain the center of attention, as ten years ago, of linguistic culture of American linguistic community.

Conclusion. The sources of precedent phenomena change very slowly. Their place in the hierarchy also varies very rarely. But precedent phenomena themselves are not constant within these sources. There are names that are substituted by other ones which correspond to the time and reflect it. Others from frequently used become rarely mentioned. Only rare ones remain topical. It is revealed through their frequent usage within the corresponding source.

Key words: fiction, intertext, intertext core, intertext periphery, precedent phenomena, sources of precedent phenomena, onims, sources of onims, theme group, linguistic community.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 148–156)

Исследователи сходятся во мнении о том, что художественное произведение является не только фактом культуры, но и носителем информации о культуре, хранит культурный код того языкового сообщества, к которому принадлежит автор художественного произведения (В.В. Библер, В.В. Виноградов, Ю.П. Вышенская, С. Ибрагимов, В.Б. Касевич, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, И.Н. Сафронова, В.Н. Телия, В.В. Ученова, А.Г. Цейтлин, М. Ямпольский, E. Marsh).

Несмотря на то, что изучение культурно-познавательного фонда языкового сообщества проводилось многими учеными на материале художественных текстов, они не рассматривались ими как интертекст.

Нам представляется возможным исследование фрагмента культурно-познавательного фонда языкового сообщества и его социокультурной памяти на основе изучения корпуса современных художественных текстов, которые представляют собой произведения, пронизанные интертекстуальными связями.

Цель статьи – описание и сравнение прецедентных феноменов и онимов, используемых в американской художественной литературе с 1987 по 2004 г. и с 2014 по 2018 г.

Материал и методы. Поскольку интертекстуальность включает понятие прецедентности и интерпретируется как способ изучения фрагмента культурно-познавательного фонда языкового

сообщества и его социокультурного портрета, были исследованы тексты американской художественной литературы двух периодов: с 1984 по 2004 г. (период 1) и с 2014 по 2018 г. (период 2). Проанализированные тексты принадлежат разным авторам и направлены на широкую читательскую аудиторию, так как только в этом случае представляется возможным получить объективную картину того фонда знаний, который наиболее актуален и востребован американским языковым сообществом.

Анализ прецедентных феноменов и онимов, характеризующихся, как и прецедентные феномены, общеизвестностью, но не использующихся в метафорическом значении, осуществлялся с применением описательного (приемы наблюдения, обобщения, интерпретации, классификации), сравнительного методов, а также статистического анализа данных.

Результаты и их обсуждение. Сопоставительный анализ интертекста выявил: его ядро по-прежнему представлено таким источником прецедентных феноменов, как искусство, причем, что подтверждает исследование художественной литературы периода 1, массовая культура. Однако в самом источнике были обнаружены изменения в количественном соотношении тематических групп, а также их увеличившееся число в целом. Так, ядро интертекста расширилось за счет таких тематических групп, как фотография и скульптура. В источнике искусство были выявлены следующие тематические группы онимов: мюзиклы,

архитектура и мода. Они также вызывают исследовательский интерес, так как можно предположить, что, характеризуясь, как и прецедентные феномены, общеизвестностью, они могут при определенных условиях быть использованы не в своем первичном значении, а, как и прецедентные феномены, быть употреблены метафорично и, соответственно, приобретя статус прецедентности, стать составляющими интертекста.

Было установлено, что прецедентные феномены из музыки, а не из кино преобладают непосредственно в самом ядре. В целом, прецедентные феномены из кино количественно уступают прецедентным феноменам из литературы. Необходимо отметить, что прецедентные феномены из области телевидения представлены в меньшем количестве, чем прецедентные феномены из живописи.

I. Искусство:

A. Музыка

Как показало исследование американской художественной литературы периода 1, в рамках такого источника, как музыка, были выявлены четыре тематические группы прецедентных феноменов: названия песен, имена исполнителей/групп, имена классических композиторов, имена персонажей рождественских песен. Изучение американской художественной литературы последних пяти лет позволило выявить такие дополнительные тематические группы, как имена композиторов XX–XXI веков, названия классических музыкальных произведений. Имена персонажей рождественских песен, представленные при исследовании американской художественной литературы периода 1, отсутствуют в данной классификации. В рамках источника были обнаружены следующие тематические группы онимов: названия музыкальных альбомов, названия современных музыкальных произведений, имена поэтов-песенников, имена музыкантов XX–XXI веков, имена музыкальных продюсеров, названия музыкальных клубов, названия детских песен, события в мире музыки.

Тематические группы прецедентных феноменов:

1) имена исполнителей/групп:

*It was liberating. I could stumble down the street dressed in pajamas or dressed like **Janis Joplin** – it mattered to virtually nobody, except Benno* [1, с. 145];

2) названия песен:

*«The highway,» she said. «And – .» She listened for a moment. «Steely Dan. An oldie.» She laughed. «Perfect! «**Reeling in the years.**» It's a sign»* [1, с. 297].

Этот пример рассматривается нами как прецедентный феномен, так как название песни соотносится с ситуацией, описанной в произведении: это история любви, которая переступает пределы времени в буквальном смысле;

3) имена композиторов XX–XXI веков:

*Her hair was in two braids – I'd never seen it like that. I thought of **Willie Nelson** or a Native American person* [2, с. 174];

4) имена классических композиторов:

*Its nominal leader was a kid named Ian. He was the cyber equivalent of **Mozart*** [3, с. 189];

5) названия классических музыкальных произведений:

*«Sorry, but I've got to see a man about a wedding.» Feeling almost light-headed with relief, Lucas hurried out the door with Heather and Hollie in tow. He whistled «**The Wedding March**» all the way to the parsonage* [4, с. 351].

Тематические группы онимов:

1) имена музыкантов XX–XXI веков:

*Grandpa played the Deco room, providing background piano between seven and nine o'clock, mostly American-standard ballads and some friskier **Cole Porter** numbers* [5, с. 12];

2) названия музыкальных альбомов:

*On the drive to New Hampshire, we'd sing songs from **Sing Along with Mitch*** [1, с. 144];

3) названия современных музыкальных произведений:

*The sound of Cozy Cole going bullshit on the drums in «**Topsy, Part Two**»* [6, с. 586];

4) имена поэтов-песенников:

*Grandpa Teddy played a number he was sure that I couldn't have heard before, «Deep in a Dream», written by **Will Hudson** and **Eddie De Lange*** [5, с. 80];

5) имена музыкальных продюсеров:

*How could musty old tomes compete with the seductive beats of Digweed and **Oakenfold**?* [6, с. 66];

6) названия музыкальных клубов:

*What made the story such a deliciously fat pitch was the gun she used: a birthday present from the Bumpster himself, now the newest member of the **27 Club*** [6, с. 686];

7) названия детских песен:

*«I don't think that's a problem, you just have to know the words. «**Mary Had a Little Lamb?**»»* [2, с. 122];

8) события в мире музыки:

*Vietnam War, Star Trek, MLK killed, RFK killed, **Woodstock*** [1, с. 100].

Наиболее частотным именем в этом источнике является Битлз.

В. Лумература

Данный источник прецедентных феноменов пополнился такими тематическими группами, как имена поэтов, нехудожественная литература и имена персонажей комиксов. Были выявлены следующие группы онимов: названия поэм/стихотворений, названия детских художественных произведений, награды в области литературы, названия пьес, имена драматургов.

Тематические группы прецедентных феноменов:

1) имена писателей:

It was grand in the way of country estates from Jane Austen novels [7, с. 229];

2) названия художественных произведений:

«I have to admit, her worldview is this weird jumble of Buddhism and libertarianism.»

«It's like a yoga teacher rewriting The Fountainhead» [8, с. 55];

3) имена персонажей художественных произведений:

«Because you are American, like Huckleberry Finn, no?» [9, с. 44];

4) имена поэтов:

«Never mind,» he told his computer. «George Herbert was wrong. Living well isn't the best revenge; loving well is» [6, с. 375];

5) нехудожественная литература:

Once in the men's locker room. Promiscuity was an escape, a route out, a way to take my power back. I read Simone de Beauvoir, I inhaled The Feminine Mystique. There was something, somebody that lived in the country between victim and whore. I was awakening to this [1, с. 130];

6) имена персонажей сказок:

...the Rickys and Maddys of the family, too young to memorize lines, were dressed as sprites and fairies, outfitted in diaphanous wings, wielding Peter Pan swords and Tinker Bell wands [7, с. 92];

7) имена персонажей комиксов:

For orange juice I was Sarge from the Beetle Bailey comic, where Sarge and Beetle Bailey go to Florida and drink all-you-can-drink orange juice [2, с. 51].

В вышеприведенном примере также присутствует и название комикса.

Тематические группы онимов:

1) названия поэм/стихотворений:

She regarded my orange copy of Paradise Lost disdainfully [7, с. 23];

2) названия детских художественных произведений:

So while my classmates gleefully dove into The Lion, the Witch and the Wardrobe, A Wrinkle in Time, and The Borrowers, I was stuck reading Old Yeller [1, с. 46];

3) названия наград в области литературы:

«Maybe he wants to write a Pulitzer Prize expose» [10, с. 191];

4) названия пьес:

We were cast as Nick and Honey in Who's Afraid of Virginia Woolf? [6, с. 193];

5) имена драматургов:

They begin with the classics, working through The Iliad for the third time in Henrietta's life, and soon thereafter Xenophon and Aeschylus, Sophocles and Euripides [11, с. 128].

Наиболее частотным именем в этом источнике является Уильям Шекспир. Ранее встречающиеся в этом источнике самые частотные имена Дракула и Ф.М. Достоевский не были обнаружены ни у одного из писателей, чьи произведения за последние пять лет были нами исследованы.

С. Кино

Этот источник прецедентных феноменов также расширился за счет таких тематических групп, как названия наград в области кино, названия документальных фильмов. Имена сценаристов и имена режиссеров – тематические группы онимов, обнаруженные в данном источнике.

Тематические группы прецедентных феноменов:

1) названия фильмов/сериалов:

Why was the house outfitted like this? And why was this man dressed like Pa from Little House on the Prairie? Was this a movie set? Was he an actor? [1, с. 43];

2) имена актеров:

I mentally recited a list of everything I wanted her to bring back: electricity, ice, television, Marilyn Monroe, a yo-yo, an eight-track stereo tape player, a bottle of good scotch, coffee, a Ford Mustang – in other words, everything she'd told me about [1, с. 103];

3) имена персонажей художественных фильмов/сериалов:

«Karina espied an opportunity to finagle a romantic Caribbean getaway with the Indiana Jones of nutrition bars» [8, с. 190];

4) названия мультипликационных фильмов/сериалов:

*Tat Man is yelling at him, but Sanderson can't make out any words; it's just wah-wah-wah, the sound adults make when they're talking to the kids in the animated **Peanuts cartoons** [6, с. 140];*

5) имена персонажей мультипликационных фильмов/сериалов:

*He wore a tweed blazer and a hunting cap, which made him look like a studious **Elmer Fudd**, but with hair, which poked out around the ear flaps [12, с. 7];*

6) личные имена и названия, связанные с областью кино:

*«I can see you living in **Hollywood**. You'd fit in nicely» [10, с. 8];*

7) названия наград в области кино:

*Clyde shrugged the door, stopped, and turned toward Vonn. Time for **the Oscar** [13, с. 361];*

8) документальные фильмы:

*«dad is making me watch a **lewis and clark documentary**. it's like he's **DRIVING** meto drink» [14, с. 416].*

Тематические группы онимов:

1) имена режиссеров:

*«I am dressed like **Annie Hall**, for your information. One of **Woody Allen's** most brilliant feminist creations. This is a style» [1, с. 198];*

2) имена сценаристов:

*I'd show you a photo we ran about six months into my employment there. Itshowed **Rod Peterson** [6, с. 681].*

В данном источнике не было выявлено наиболее частотных имен и названий. Необходимо отметить, что именно подобный источник претерпел самые значительные изменения, которые проявились не только на уровне положения этого источника в общей иерархии источников прецедентных феноменов, но и в изменениях в самом источнике на уровне имен и названий. К примеру, будучи ранее частотными такие имена и названия, как Шерли Темпл, Марлон Брандо, Спенсер Трейси, Гэри Купер, Кларк Гэйбл, Гаррисон Форд, Дастин Хоффман, Арнольд Шварценеггер, Аль Пачино, Брюс Виллис, Мел Гибсон, Кевин Костнер, «Унесенные ветром», «Завтрак у Тиффани», «Крестный отец», Годзилла, Микки Маус, Минни Маус, не были использованы ни одним из авторов проанализированных нами произведений, написанных в период 2.

В источнике прецедентных феноменов живопись различий с точки зрения тематических групп прецедентных феноменов, обнаруженных при исследовании художественной литературы

периода 1 и периода 2, выявлено не было.

D. Живопись

1) имена художников:

*Decker took out a notebook and began to take notes. His wont was to sink into the back of the couch. Instead, he chose to be professional, precariously perched on the cushion's edge, feeling about as balanced as a **Cezanne** painting [10, с. 69];*

2) названия картин:

*Beside the window... – hung a giant oil painting of Leora flanked by her daughters in a clothed reenactment of Raphael's **Three Graces** [8, с. 239].*

Пикассо и Моне – наиболее частотные имена в этом источнике.

E. Телевидение

Данный источник прецедентных феноменов пополнила тематическая группа имена персонажей телевизионных передач. В новой же классификации отсутствуют имена телемагнатов. В качестве тематической группы онимов были обнаружены названия развлекательных компаний/телекомпаний.

Тематические группы прецедентных феноменов:

1) названия телевизионных программ и телевизионных каналов:

*Like her life was an audition for an **MTV** reality show [14, с. 104];*

2) имена персонажей телевизионных передач:

*The girl waved her hands in front of her mouth like she was **Cookie Monster** eating cookies [14, с. 213];*

3) телевизионные персоналии:

*«Simon, do your **Chris Harrison** imitation» [15, с. 22].*

Названия развлекательных компаний/телекомпаний как тематическая группа онимов, представляющая этот источник:

*Staying up for three nights because he discovered **Battlestar Galactica** on **Netflix**... That was the **MO** to his madness [14, с. 94].*

Наиболее частотных имен и названий в данном источнике выявлено не было.

F. Скульптура

Имена скульпторов и названия скульптур как единственная тематическая группа прецедентных феноменов:

*Lettie rested her chin on her fist while she spoke from her wheelchair, and Nadia thought how she looked like a much older version of **Rodin's The Thinker** [12, с. 307].*

Г. Фотография

Имена фотографов как прецедентные феномены:

«*You are a fabulous copyist, Jen,*» said one of her professors. For that class, Jen had painted identical twins in the **Diane Arbus** mode, and titled the work *Biological Inheritance* [8, с. 21].

Названия фотокартин, которые являются онимами:

...an indelible nightmare Jen had as a freshman in which her first-year painting class was violently purged and repopulated by the blurry wraiths of Gerhard Richter's **Baader-Meinhof** series [8, с. 20].

Следующие источники и тематические группы представлены только онимами.

Мюзиклы рассматриваются нами как отдельный источник, так это музыкально-сценический жанр. Именно подобное сочетание не позволяет причислить их ни к одному из описанных источников.

Н. Мюзиклы

1) имена персонажей мюзиклов:

*What was the school play this year? A musical, Guys and Dolls. I played **Sarah Brown**, the lead* [1, с. 85];

2) названия мюзиклов:

*In the summer of 2000, we stayed on campus because there was going to be a summer production of **The Music Man** in Frick Park* [6, с. 193].

И. Архитектура

1) имена архитекторов:

*Kurt's map walks us down the street toward a second **Gaudi**-designed house* [16, с. 161];

2) имена дизайнеров/декораторов:

*The lamps were set on tabletops designed by masters of art nouveau furniture: the free-flowing signature pieces of **Louis Majorelle** along with the precise inlay work of **Emile Galle*** [10, с. 81];

3) имена инженеров:

*She tapped a piece of girder into place halfway down **Gustave Eiffel's** masterpiece* [6, с. 579].

Ж. Мода

Имена супермоделей:

«*Donna wasn't happy with the pictures of the girls from the Sao Paulo self-defense project, so we ran a slide show of **Gisele Bundchen**-Brady's workout regimen instead*» [8, с. 206].

В этих источниках: мюзиклы, архитектура, фотография, скульптура, мода – выявление наиболее частотных имен и названий не представляется возможным в силу их малочисленности.

Прецедентные феномены из истории, представляя периферию интертекста, по-прежнему располагаются к ядру ближе остальных прецедентных феноменов и определены прежними тематическими группами: исторические события и имена исторических личностей. Однако необходимо отметить, что были выявлены изменения, проявившиеся в обнаружении таких тематических групп онимов, как названия террористических организаций и политических партий.

II. История:

Тематические группы прецедентных феноменов:

1) исторические события:

*With the very last of the plane descending in slow, disastrous, **Hindenburg-like** motion around her, she pursued the opposite vector, kicking and thrashing her body toward the life-giving sky and away from the cheated black hole that waited below* [9, с. 18];

2) имена исторических личностей:

«*He's very rich and he's Russian and he isn't **Putin**. Isn't that the definition of an oligarch?*» [10, с. 403].

Тематические группы онимов:

1) названия террористических организаций:

...and given a list of **Al Qaeda** and **Isis** militant leaders, complete with files that would allow me to write extremely detailed obituaries? [6, с. 728];

2) названия политических партий (0,04%):

...while **Stokely Carmichael** found threats effective, and more radical groups like **the Black Panthers** advocated violence [5, с. 240].

Наиболее частотными в этом источнике являются такие имена и исторические события, как Гитлер, Линкольн, Вторая мировая война, война во Вьетнаме. Есть и имена, которые, относясь в предыдущем исследовании к наиболее частотным, не упоминаются ни одним из авторов рассматриваемых произведений периода последних пяти лет: Роберт Кеннеди, принцесса Диана.

Данное исследование позволило установить, что и через 10 лет прецедентные феномены из прессы продолжают занимать все те же позиции по отношению к ядру интертекста и, как и прежде, представлены названиями известных газет и журналов. В отличие от исследования литературы периода 1 этот источник представлен именами журналистов как тематической группой онимов.

III. Пресса:

Названия известных газет и журналов как прецедентные феномены:

*My mother's **Reader's Digest** condensation of my father's leaving didn't satisfy my curiosity* [5, с. 52].

Имена журналистов как онимы:

*«Lung cancer ate up **Edward R. Murrow**, too»* [5, с. 154].

Наиболее частотным в этом источнике является такое название, как *The Times*. В результате исследования американской художественной литературы последних пяти лет не было обнаружено ранее частотных в данном источнике названий: *The Wall Street Journal*, *The Washington Post*, *Newsweek*.

Прецедентные феномены из области религии так же, как и прецедентные феномены из области истории, прессы и искусства, представляющие собой ядро интертекста, продолжают сохранять свои позиции в рамках его периферии. Тем не менее, как и в вышеописанных случаях, были выявлены новые тематические группы: имена библейских персонажей, имена святых. Однако не было обнаружено тематических групп, представленных в интертексте, созданном художественной литературой периода 1: молитвы и названия или упоминания конфессий. Источник представлен также следующими группами онимов: религиозные гимны, имена теологов, священнослужителей, исторические события в мире религии.

IV. Религия:

Тематические группы прецедентных феноменов:

1) названия священных книг:

*The woman's laugh died slowly on her lips, her eyes once again impenetrable. She held up her hand as though swearing on the **Bible*** [11, с. 478];

2) упоминание имени Бога:

*«But it makes him the ultimate romantic hero. Think of Tony in West Side Story or Jack in Titanic – **Jesus**»* [14, с. 411];

3) имена библейских персонажей:

*I pulled myself up beside him, and we stood, alone, together, at the edge of that great water, where sky met lake, like **Adam and Eve*** [7, с. 243];

4) имена святых:

*...and then the gods or **Saint Eligius** or some other rough divinity coughed up a small curse* [11, с. 438];

5) упоминание имени падшего ангела:

*The Ganzer was thirty-nine years old that season and only good for middle relief, but he was a knuckleballer, and as crafty as **Satan*** [6, с. 516].

Тематические группы онимов:

1) религиозные гимны:

*Next to me, Jake wiggled his eyebrows at the **King Jesus song*** [17, с. 154];

2) имена теологов:

*«It's in the commentary from **Rashi**. He was a great, eleventh-century –»* [10, с. 167];

3) имена священнослужителей:

*The cathedral is in honor of **St. Isaac's of Dalmatia*** [10, с. 207];

4) исторические события в мире религии:

*The religious sect had descended from a band of immigrants who'd broken off from the Russian Orthodox church during the **Great Schism of the seventeenth century*** [12, с. 49].

Наиболее частотными в этом источнике являются такие имена и названия, как Иисус Христос, Библия.

Прецедентные феномены из области мифологии занимают те же позиции в рамках ее периферии относительно прецедентных феноменов из области религии и спорта.

V. Мифология:

*Spend enough time away from land on that salty desert and any manner of peculiar mirages will appear. **Mermen**, St. Elmo's fire, the lost city of Atlantis – anything is possible when too long at sea* [9, с. 169].

В этом источнике наиболее частотным по-прежнему остается такое имя, как *Санта Клаус*.

Как и в художественной литературе периода 1, в качестве прецедентных феноменов в источнике спорт были обнаружены имена спортсменов. Онимы из области спорта проявили большее количественное разнообразие тематических групп: названия спортивных команд, наград, имена спортивных тренеров, имена спортивных комментаторов.

VI. Спорт:

Имена спортсменов как прецедентные феномены:

*Never in my life until then had I heard my grandfather raise his voice in rage, but when he charged into the room, swinging a baseball bat as if **Babe Ruth** had nothing on him, he bellowed like an angry bull, a raging bear* [5, с. 564].

Тематические группы онимов:

1) события, связанные с миром спорта:

*It did please me, that something remained of my old life. «**The Wimbledon Championships** have been going on since the nineteenth century»* [1, с. 166];

2) названия спортивных клубов:

*«Drew used to say he wanted to play in the **NBA**, but then he didn't make the varsity basketball*

team in high school, and since then he hasn't really talked about what he wants to do» [17, с. 237];

3) названия спортивных команд:

«My dad loves football. He's a **Packers** fan» [11, с. 260];

4) названия наград:

«Henry!» he barked. «Henry, we got it!»

Henry worked to draw his mind round. «Got what?»

«**Eclipse Award!** Two-Year-Old Filly!» [11, с. 441];

5) имена спортивных тренеров:

Had told him once in bed that the only book she'd read for pleasure since coming to Moore was *Reach for the Summit: The Definite Dozen System for Succeeding at Whatever You Do*, by Tennessee Lady Vols coach **Pat Summit** [6, с. 361];

6) имена спортивных комментаторов:

Working stiffs, getit? Just like **George Will** said in that book of his. Only he said it like it was a good thing [6, с. 513].

В этом источнике наиболее частотных имен и названий выявлено не было. Более того, ранее частотное имя Майкла Джордана не проявилось в художественной литературе последних пяти лет.

Было установлено, что прецедентные феномены из области науки за 10 лет сместились дальше от ядра интертекста, уступив свои позиции прецедентным феноменам из области мифологии и спорта. Из этого можно сделать вывод о том, что данный фонд знаний американцев практически не актуален и не востребован. Однако теперь подобная область прецедентных феноменов представлена не только именами ученых и философов, но и названиями научных теорий, наград. В качестве онимов были обнаружены названия научных трудов.

VII. Наука:

Тематические группы прецедентных феноменов:

1) имена ученых и философов:

«And who knew about their existence?»

«This is very **Socratic**. Great preparation for law school» [10, с. 182];

2) названия научных теорий:

«I'm like **Zeno's arrow**,» she said [11, с. 145];

3) названия наград:

«We'll see that freak on the news one day, and it ain't gonna be cause she won herself some **Nobel Prize**» [5, с. 221].

Названия научных трудов как онимы:

«But Dr. John Robert Thornton's book **The Temple of Flora**, published just ten years later... those images sell for a lot less» [10, с. 338].

Наиболее частотным в этом источнике является имя Фрейда. Имя Эйнштейна, одно из наиболее частотных в американской художественной литературе периода 1, не было выявлено в американской художественной литературе периода последних пяти лет.

Онимы из области интернета и названия компьютерных игр являются отличительной чертой современной художественной литературы (2014–2018 гг.).

VIII. Интернет:

Электронные ресурсы/социальные сети:

She'd been studying some of the videos people posted on the Internet, especially on **YouTube** [12, с. 337].

Наиболее частотным названием в этом источнике прецедентных феноменов является You Tube.

IX. Компьютерные игры:

«We'll play **computer Battleship** or something when I come back» [6, с. 23].

Малочисленность данного источника не позволяет установить наиболее частотные имена.

Заключение. Источники прецедентных феноменов меняются очень медленно, их место в общей иерархии также подвержено незначительным изменениям, в то время как сами прецедентные феномены в рамках этих источников не являются константами. Одни названия и имена полностью вытесняются новыми, которые соответствуют времени и отражают его. Другие из разряда частотных переходят в разряд редкоупоминаемых. И только редкие имена и названия не теряют своей актуальности, оставаясь наиболее частотными в рамках соответствующего источника, находя отклик у новых поколений.

Ядро американского интертекста до сих пор составляют прецедентные феномены из области искусства, в частности массовой культуры. Его периферия представлена прецедентными феноменами из истории, прессы, религии, мифологии, спорта и науки. Причем в этой же последовательности они удалены от ядра интертекста. 10 лет назад самыми близкими к ядру, как и сейчас, были прецедентные феномены из области истории, прессы, религии. Самыми удаленными от него – прецедентные феномены из области спорта. Данный сопоставительный анализ продемонстрировал, что самыми удаленными от ядра являются теперь прецедентные

феномены из области науки. Они количественно уступают прецедентным феноменам из области мифологии, спорта.

Соответственно, наиболее востребованными у представителей американского языкового сообщества продолжают оставаться прецедентные феномены из области искусства (массовой культуры). Они, как и 10 лет назад, находятся в центре внимания языковой культуры американского языкового сообщества.

Литература

1. Gideon, M. Valley of the Moon / M. Gideon. – London: Harper Collins Publishers, 2017. – 394 p.
2. July, M. The First Bad Man / M. July. – New York: A Division of Simon and Schuster, Inc., 2015. – 276 p.
3. Silva, D. House of Spies / D. Silva. – London: Harper Collins Publishers, 2018. – 526 p.
4. Macomber, D. The Little Bookshop of Promises / D. Macomber. – Great Britain: Mills Boon, 2017. – 379 p.
5. Koontz, D. The City / D. Koontz. – London: Harper Collins Publishers, 2015. – 583 p.
6. King, S. The Bazaar of Bad Dreams / S. King. – New York: Scribner, an imprint of Simon and Schuster, Inc., 2015. – 821 p.
7. Beverly-Whittemore, M. Bittersweet / M. Beverly-Whittemore. – London: Harper Collins Publishers, 2015. – 439 p.
8. Winter, J. Break in Case of Emergency / J. Winter. – London: The Borough Press, an imprint of Harper Collins Publishers, 2017. – 269 p.
9. Huckelbridge, D. Castle of Water / D. Huckelbridge. – London: HQ, an imprint of Harper Collins Publishers Ltd, 2017. – 276 p.
10. Kellerman, F. Murder 101 / F. Kellerman. – London: Harper Collins Publishers, 2014. – 455 p.
11. Morgan, C.E. The Sport of Kings / C.E. Morgan. – New York: Farrar, Straus and Giroux, 2016. – 545 p.
12. Halverson, S.P. The House of Frozen Dreams / S.P. Halverson. – London: Harper Collins Publishers, 2015. – 388 p.
13. Grisham, J. The Whistler / J. Grisham. – New York: Dell, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House, LLC, 2017. – 424 p.
14. Rowell, R. Fangirl / R. Rowell. – London: Macmillan Children's Books, 2014. – 459 p.
15. Albertalli, B. Simon vs the Homo Sapiens Agenda / B. Albertalli. – New York: Harper Collins Children's Books, a division of Harper Collins Publishers, 2016. – 303 p.
16. Perkins, S. Isla and the Happily Ever After / S. Perkins. – New York: Speak, an imprint of Penguin Random House, 2015. – 339 p.
17. Talley, R. Our Own Private Universe / R. Talley. – London: HQ, an imprint of Harper Collins Publishers Ltd., 2017. – 373 p.

Поступила в редакцию 29.03.2019 г.

Концептуальные метафоры ОГНЯ как источник фразеологизмов в английском языке

Кузьмиченко А.А., Мацевич С.Ф.

*Федеральное государственное образовательное учреждение
«Псковский государственный университет», Псков (Россия)*

Согласно антропоцентрическому подходу, которого придерживается современная лингвистика, язык в целом и особенно фразеология представляют собой важнейший механизм, способствующий формированию и укреплению культурной идентичности посредством концептов. Концепты конструируют картину мира, реализуясь в концептуальных метафорах.

Цель исследования — выявление метафорических номинаций ОГНЯ в английском языке и обоснование возможной корреляции концептуальных метафор ОГНЯ и фразеологизмов, содержащих ядро FIRE.

***Материал и методы.** Материалом послужили метафорические номинации ОГНЯ, представленные в Британском национальном корпусе (BNC). Использовался метод концептуально-таксономического анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Выделены две базовые концептуальные метафоры ОГНЯ, которые могут быть представлены в виде бинарных оппозиций: FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING; FIRE IS A CREATIVE POWER/FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER, из которых выведены субординантные модели. Анализ английских фразеологизмов, содержащих ядро FIRE, показал, что они могут рассматриваться в качестве производных базовых и субординантных концептуальных метафор.*

***Заключение.** Анализ концептуальных метафор ОГНЯ и ряда фразеологизмов с ядром FIRE позволяет утверждать, что существует корреляция между базовыми концептуальными метафорами FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING и FIRE IS A CREATIVE POWER/FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER и их субординантными моделями и фразеологизмами в английском языке.*

***Ключевые слова:** концепт, концептуальная метафора, концептуальный и таксономический анализ, базовая когнитивная модель, субординантная когнитивная модель, фразеологизм, когнитивная лингвистика.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 157–162)

Conceptual Metaphors of FIRE as a Source of Phraseological Units in English

Kuzmichenko A.A., Matsevich S.F.

Federal State Educational Establishment “Pskov State University”, Pskov, (Russia)

According to the anthropocentric approach of modern linguistics, language in general and especially phraseology, are the most important mechanisms that contribute to cultural identity formation and strengthening through concepts. Concepts construct the picture of the world, being realized in conceptual metaphors.

The goal of the study is identification of metaphorical nominations of Fire in the English language, as well as the rationale for the possible correlation of the conceptual metaphors of FIRE and phraseological units containing the core of FIRE.

***Material and methods.** The material of the research was the metaphorical nominations of FIRE, represented in the British National Corpus (BNC). The study was conducted by the method of conceptual-taxonomic analysis.*

***Findings and their discussion.** Two basic conceptual metaphors of FIRE, which can be represented as binary oppositions: FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING; FIRE IS A CREATIVE POWER/FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER, from which subordinant models are derived, are highlighted. The analysis of English phraseological units containing the core of FIRE shows that they can be considered as derivatives of basic and subordinant conceptual metaphors.*

***Conclusion.** The analysis of the conceptual metaphors of FIRE and a number of phraseological units with the core of FIRE suggests that there is a correlation between the basic conceptual metaphors FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING and FIRE IS A CREATIVE POWER/FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER and their subordinant models and phraseological units in the English language.*

***Key words:** concept, conceptual metaphor, conceptual and taxonomic analysis, basic cognitive model, subordinant cognitive model, phraseological units, cognitive linguistics.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 157–162)

Адрес для корреспонденции: e-mail: s_matsevich@mail.ru — С.Ф. Мацевич

Современная лингвистика в целом придерживается антропоцентрической научной парадигмы, основное утверждение которой гласит, что каждый язык, в особенности его фигуральные значения, представляет собой отражение картины мира, разделяемой определенным языковым сообществом [1, с. 9]. В частности, выдающимся отечественным лингвистом В.Н. Телия было отмечено, что фразеология является чрезвычайно плодотворной средой для лингвокультурного анализа. Ученым и ее коллективом разрабатывался подход, в фокусе которого находилась интерпретация культурных данных, «закодированных» в фразеологизмах, которые рассматриваются как выражения, реализующие определенные культурные данные, передаются из поколения в поколение через языковые и культурные нормы использования [1, с. 8]. Язык и особенно фразеология, таким образом, представляет собой важнейший механизм, способствующий формированию и укреплению культурной идентичности.

По мнению В.Н. Телия, существуют различные каналы проникновения языка в культуру. Один из них – культурная «сема» (или «семантический компонент»). В данном случае культурный элемент составляет часть общего значения слова или словосочетание, отражающее энциклопедические знания о материале или исторических реалиях, которые оно обозначает. Второй канал – это культурный концепт, представляющий собой абстрактное понятие, который конструирует картину мира культурно специфическим образом [1, с. 9; 2].

Подтверждение положения о культурном концепте можно найти и в трудах основателей когнитивной лингвистики Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые идут еще дальше в своих предположениях относительно взаимодействия языка и культуры и отмечают, что концепты не просто культурно значимы, но они управляют нашей повседневной жизнью вплоть до мельчайших деталей, реализуясь в концептуальных метафорах (или когнитивных метафорах, или концептуальных моделях) [3, с. 4].

На современном этапе развития лингвистики метафора рассматривается не просто как образное средство, связывающее два значения слова, а как одна из базовых ментальных операций, объединяющая две понятийные сферы и создающая возможности использовать возможности одной сферы для концептуализации новой сферы (G. Lakoff, M. Johnson, J. Grady, Z. Kövecses, V. Evans, E.C. Кибрякова, Н.Н. Болдырев, И.А. Стернин, З.Д. Попова).

Цель исследования – выявление метафорических номинаций ОГНЯ в английском языке, а также обоснование возможной корреляции концептуальных метафор ОГНЯ и фразеологизмов, содержащих ядро FIRE.

Материал и методы. Материалом послужили метафорические номинации ОГНЯ, представленные в Британском национальном корпусе (British National Corpus) [4]. Исследование проводилось методом концептуально-таксономического анализа, представляющего собой систему приемов исследования иерархической организации лингвистических объектов, основанной на концептуальной иерархии [5, с. 24].

Результаты и их обсуждение. Анализ метафорического экспликационала концепта ОГОНЬ позволил выделить две базовые концептуальные метафоры ОГНЯ, которые могут быть представлены в виде бинарных оппозиций:

1. FIRE IS A LIVING BEING/ОГОНЬ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – FIRE IS A NONLIVING BEING/ОГОНЬ – НЕЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

2. FIRE IS A CREATIVE POWER/ОГОНЬ – СОЗДАТЕЛЬНАЯ СИЛА – FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER/ОГОНЬ – РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА [6; 7, с. 107–108].

Проведем концептуально-таксономический анализ бинарной оппозиции 1.

Данная оппозиция отражает имманентные свойства огня как материи и его подвижные свойства, обусловленные физико-химическими реакциями.

Концептуальная метафора FIRE IS A LIVING BEING основана на сравнении с живыми существами, где ОГОНЬ наделен свойствами живых существ (внешностью человека или повадками животного, а также умственными или физическими способностями). Анализ языкового материала показывает, что эта модель является наиболее продуктивной.

Соответственно, две субординантные модели могут быть выведены из данной концептуальной метафоры:

- антропологическая концептуальная метафора FIRE IS MAN/ОГОНЬ – ЧЕЛОВЕК, основанная на сравнении с человеком или присущими ему чертами:

The flames crowded;

The fire is a dancer, twirling in the heat;

Fire traps a child.

The town is swept by fire.

Who's in charge of fire;

- зоологическая метафора FIRE IS AN ANIMAL/ОГОНЬ – ЖИВОТНОЕ, опирающаяся на сравнение с животными или присущими им чертами:

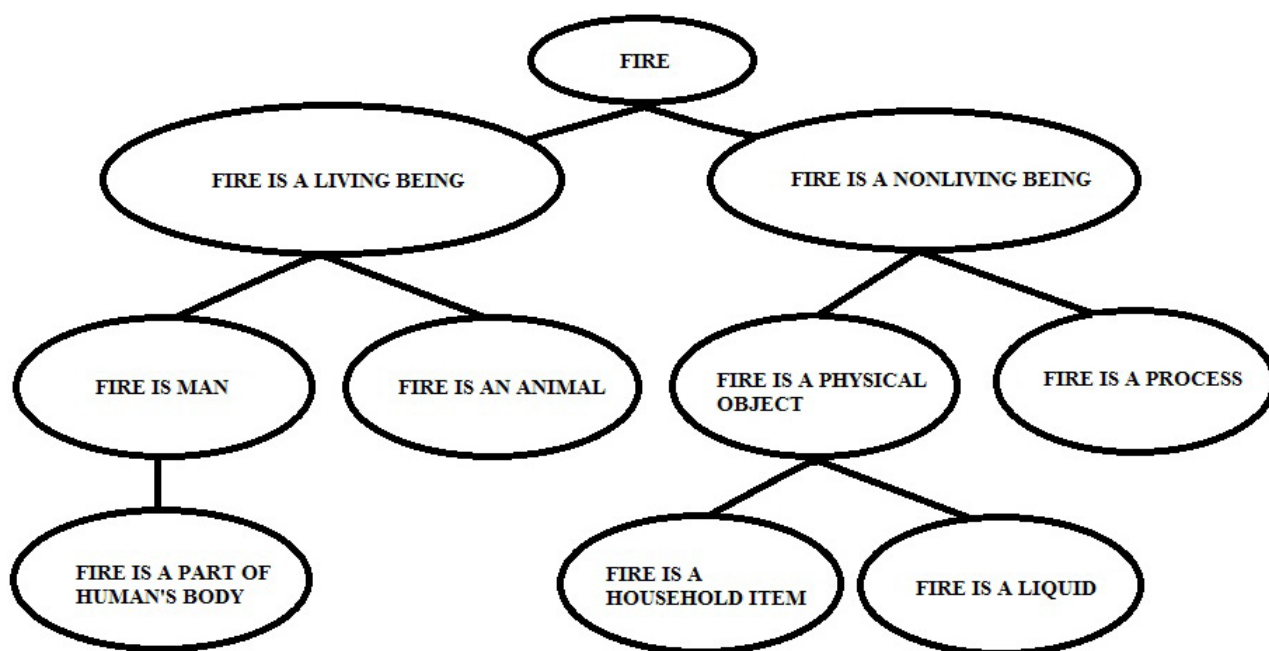

Схема 1. Бинарная оппозиция FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING

...burning serpents;

The fire was a raging tiger.

Из антропологической субординантной модели может быть выведена частная метафорическая модель:

- FIRE IS A PART OF HUMAN'S BODY/ОГОНЬ – ЧАСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА:
And something appeared to them which seemed like tongues of fire.

Fists of fire.

Концептуальная метафора FIRE IS A NONLIVING BEING/ОГОНЬ – НЕЖИВОЕ СУЩЕСТВО представлена метафорами, когнитивным основанием которых является сравнение с объектами неживой природы.

Из данной базовой модели могут быть выведены следующие субординантные модели:

- концептуальная метафора FIRE IS A PHYSICAL OBJECT/ОГОНЬ – ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ основана на сравнении огня с объектами окружающего мира, в результате чего огонь приобретает физические свойства, характерные для объекта:

The Government's cash-before-care NHS shake-up has come under fire – from sickened hospital managers.

Who's going to be the last one to pull their hands out of the fire?

...midsummer evening, the stones crimson in the setting sun, western windows ablaze with fire;

- концептуальная метафора FIRE IS A PROCESS/ОГОНЬ – ПРОЦЕСС основана на сравнении огня с действием, представленным во времени:
...a smoke detector will warn you of smouldering in the earliest stages of a fire...

...the fire started to expand.

Частные модели для метафоры FIRE IS A PHYSICAL OBJECT представлены следующими метафорами:

- концептуальная метафора FIRE IS A HOUSEHOLD ITEM/ОГОНЬ – ПРЕДМЕТ БЫТА исходит из сравнения с бытовыми предметами и представлена такими примерами, как:

...the forks of the flames;

...a blanket of orange and red silk;

- концептуальная метафора FIRE IS A LIQUID/ОГОНЬ – ЖИДКОСТЬ основана на сравнении со свойствами жидкостей и представлена примерами типа:

...bright streams of sparks;

...a slow thick shower of flame;

Earlier, eight people died when fire rained on the city's crowded streets.

Luckily, their homes were spared as the fire flowed away from houses.

Иерархия концептуальных моделей бинарной оппозиции FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING изображена на схеме 1.

Проведем концептуально-таксономический анализ бинарной оппозиции 2.

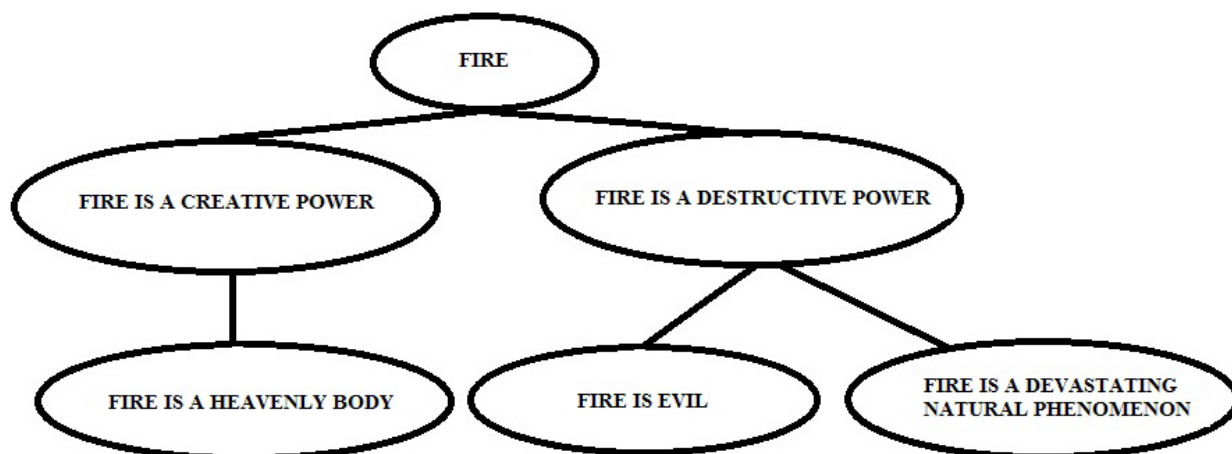

Схема 2. Бинарная оппозиция FIRE IS A CREATIVE POWER/FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER

Данная оппозиция метафорических моделей отражает оценочное представление об огне: как любая природная стихия ОГОНЬ амбивалентен, совмещающая в себе два абсолютно противоположных свойства: разрушение и созидание. И если первое свойство сугубо природное (физическое), то второе – социальное (приобретенное).

Концептуальная модель FIRE IS A CREATIVE POWER/ОГОНЬ – СОЗИДАТЕЛЬНАЯ СИЛА демонстрирует наиболее значимую физическую черту ОГНЯ – давать жизненную силу и энергию, жизнь, тепло, защиту:

The fire is the sun;

...a fire is a beautiful star.

Модель разрушения, напротив, базируется на чертах уничтожения:

The fire was a blazing tornado;

...flickering eyes of hell/горящие глаза ада).

Founded in 1637 and rebuilt after a disastrous fire in 1824.

The sight of Martin Bell falling injured after being hit by Serbian mortar fire reminds us of the risks reporters take to bring us the news.

Субординантной схемой в данном случае является концептуальная метафора FIRE IS A HEAVENLY BODY/ОГОНЬ – НЕБЕСНОЕ СВЕТИЛО (*the fire is the sun; a fire is a beautiful star*).

Базовая модель разрушения FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER/ОГОНЬ – РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ СИЛА, напротив, основана на чертах уничтожения, например, FIRE IS EVIL/ОГОНЬ – ЗЛО (*flickering eyes of hell*), FIRE IS A DEVASTATING NATURAL PHENOMENON/ОГОНЬ – РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ (*the fire was a blazing tornado*).

Иерархия концептуальных моделей бинарной оппозиции FIRE IS A CREATIVE POWER/

FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER представлена на схеме 2.

Как показал анализ языкового материала, наиболее продуктивными концептуальными моделями ОГНЯ являются модели, формирующие оппозицию FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING. Данное положение подтверждается разветвленностью базовых концептуальных метафор, включающих, помимо субординантных, также модели более частного характера.

С целью выяснить, каким образом номинации ОГНЯ могут служить источником фразеологизмов в английском языке, обратимся теперь к самому понятию фразеологизма. Фразеологизм (фразеологическая единица) представляет собой семантически связанные сочетания слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [8].

Фразеологизмы обладают рядом универсальных свойств, а именно: семантической транспозицией лексико-грамматического состава, устойчивостью и воспроизводимостью [8].

Переосмысление всего лексико-грамматического состава или одного из компонентов – существенный признак фразеологизма, лежащий в основе его образования и создающий структурно-семантическую специфику, внутриязыковую идиоматичность, проявляющуюся в невыводимости значения фразеологизма из «прямых» значений составляющих его слов и его синтаксической

конструкции, и идиоматичность межъязыковую, находящую выражение в невозможности «буквального» перевода фразеологизма на другой язык. Формирование фразеологизмов всегда протекает при синтагматическом взаимодействии всех компонентов сочетания. Однако различия в языковой технике номинации приводят к образованию фразеологизмов, различающихся по отме-

ченным выше типовым функционально-языковым и структурно-семантическим свойствам (при индивидуальном смысловом своеобразии каждого фразеологизма).

Смысловая метаморфоза, сопровождающая формирование фразеологизма-идиомы, основывается на каком-либо из видов тропа, на алогизме или на широко известном в данной культуре ре-

Базовая концептуальная модель FIRE IS A LIVING BEING	
FIRE IS MAN	<i>Fire and water are good servants, but bad masters Be breathing fire Fight fire with fire</i>
FIRE IS AN ANIMAL	<i>As quick as fire As fierce as fire</i>
Базовая концептуальная модель FIRE IS A NONLIVING BEING	
FIRE IS A PHYSICAL OBJECT	<i>Fire cannot be hidden in a flax/a sack Play with fire – flirt with danger She is full of fire It's good to take the chestnuts out of the fire with the cat's paws To draw fire Burn a hole in your pocket I have money to burn Come under fire Carry fire in one hand and water in the other Heap coals of fire on (one's) head Hold (one's) fire Soft fire makes sweet malt Between two fires Fire (one's) pistol in the air It doesn't burn in fire</i>
FIRE IS A HOUSEHOLD ITEM	<i>You should know a man seven years before you stir his fire Several irons in the fire</i>
FIRE IS A LIQUID	<i>With fire and sword raining death</i>
FIRE IS A PROCESS	<i>Keep the home fires burning The fat is in the fire</i>
Базовая концептуальная модель FIRE IS A CREATIVE POWER	
<i>Better a little fire to warm us than a big fire to burn us I saw the lights in your window Get on like a house on fire Set the Thames on fire/set the world on fire Great balls of fire!</i>	
Базовая концептуальная модель FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER	
FIRE IS EVIL	<i>I hope you burn in hell To hell with you! Fire and brimstone Fire blanks</i>
FIRE IS A DEVASTATING NATURAL PHENOMENON	<i>Who has skirts of straw needs fear the fire Survive fire and water Chinese fire drill A three-alarm fire Dumpster fire Moving three times is as bad as a fire</i>

чении [8]. Само переосмысление осуществляется в соответствии с формой индуктивного умозаключения: от конкретного явления – к возможным (вероятным) его проявлениям или последствиям. Для фразеологизмов-идиом, независимо от синтаксического строения, характерны слитное значение и синтетическая знаковая функция, аналогичная знаковой функции, присущей слову.

Будучи напрямую связанными с мировоззрением определенного народа, фразеологизмы, несомненно, отражают его национальную культуру, национальные культурные концепты. То, что фразеологизмы – это высокоинформативные единицы языка, является неоспоримым фактом. Фразеологический материал языка неисчерпаем для системного глубинного исследования в его свойствах и отношениях, изучения создания «полной и разносторонней системы ... с ее подсистемами и типологическими разновидностями» [9].

Природа компонента фразеологической единицы в современной фразеологической теории понимается далеко неоднозначно. Существуют разные точки зрения относительно того, сохраняет ли слово, входящее в состав фразеологизма, свои семантические свойства. Но настолько ли переосмысливается лексическое значение, чтобы невозможно было проследить связь с порождающей когнитивной метафорой? Следовательно, рассмотрев понятие фразеологизма, представляется возможным утверждать, что данный термин соответствует в системе понятий З. Кёвечеса [10, с. 199] универсальной концептуальной метафоре, которая обладает рядом аналогичных свойств, таких как устойчивость, воспроизводимость, слитное значение и синтетическая знаковая функция.

Информационное содержание концепта представлено его номинативным полем, включающим в себя не только аналогичную часть речи рассматриваемого концепта, но и все единицы частей речи, образующие лексико-семантическую группу, лексико-семантическое поле, лексико-фразеологическое поле, синонимический ряд, ассоциативное поле.

Номинативное поле концепта содержит ядро – прямые непосредственные номинации самого концепта – и периферию – номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях.

Анализ ряда английских фразеологизмов, содержащих ядро FIRE [11], показал, что они могут рассматриваться в качестве производных базовых и субординантных концептуальных метафор. Выборка фразеологизмов из словаря американских

идиом [12, с. 61–62] с ядерным и периферийным компонентом FIRE подтверждает наши выводы. Отнесенность выявленных фразеологизмов к выделенным концептуальным моделям представлена в приведенной выше таблице.

Заключение. Таким образом, анализ концептуальных метафор ОГНЯ и ряда фразеологизмов с ядром FIRE позволяет утверждать, что существует корреляция между базовыми концептуальными метафорами FIRE IS A LIVING BEING/FIRE IS A NONLIVING BEING и FIRE IS A CREATIVE POWER/FIRE IS A DESTRUCTIVE POWER и их субординантными моделями и фразеологизмами в английском языке. Концептуальные метафоры ОГНЯ и соответствующие им фразеологизмы обладают рядом общих свойств, таких как устойчивость, воспроизводимость и смысловая транспозиция. Если исходить из утверждения Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафора является базовым когнитивным механизмом, то, следуя их логике, необходимо признать, что метафора – универсальный инструмент познания окружающей действительности, который способен к «порождению» других составляющих языка, в том числе и фразеологизмов.

Литература

1. Телия, В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1981.
2. Phraseology: Theory, Analysis, and Applications / ed. by A.P. Cowie. – Oxford: Clarendon Press, 1998.
3. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
4. British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. – Date of access: 17.03.2019.
5. Болдырев, Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н.Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 11–29.
6. Иванова, Р.П. Метафорические модели репрезентации концепта огонь в английской языковой картине мира / Р.П. Иванова // Филологические науки. – 2015. – № 4 (ч. 2). – С. 87–89.
7. Питолина, Н.В. Концептуальные метафоры стихии огня как способ категоризации мира / Н.В. Питолина, А.А. Кузьмиченко // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 106–112.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 2012.
9. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М., 1977. – С. 162–183.
10. Kövecses, Z. Metaphor in Culture. Universality and Variation / Z. Kövecses. – New York: Cambridge University Press, 2005.
11. Oxford Dictionary of English Idioms (3 ed.). Oxford University Press, 2009 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.oxfordreference.com/view/>. – Date of access: 18.03.2019.
12. Matsevich, S. American and Russian Culture through Idioms / S. Matsevich, L. Neustadt. – Псков: «Лорос Плюс», 2014. – 862 с.

Поступила в редакцию 24.04.2019 г.

Формирование компетентностной модели при обучении английскому языку студентов технических вузов с помощью терминологического словаря

Кулешова В.О.

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики, Санкт-Петербург (Россия)*

В связи с реформированием системы образования и переходом от «знаниевого» подхода к компетентностному необходимым стала разработка новых методов формирования компетенций.

Цель статьи — анализ формирования языковой, терминологической, коммуникативной и других компетенций у студентов технических вузов при помощи терминологического словаря.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили документы, выпущенные Европейской комиссией в ходе Болонского процесса, федеральный государственный стандарт по направлению «Фотоника», рабочая программа дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности» для направления «Фотоника», корпус терминов, собранный в ходе исследования (116 терминов) из монографий Казуаки Шакоды «Optical Properties of Photonic Crystals» (2005); Дж.Д. Джонаполаса и др. Photonic Crystals. Molding the Flow of Light (2008) и «Semiconductor Nanocrystal Quantum Dots» под редакцией Андрея Розача (2008). При этом были использованы методы теоретического анализа, синтеза, описания и индукции, а также метод текстового поиска и сплошной выборки, логико-понятийный и категориальный анализ терминов, метод дефиниционного анализа.

Результаты и их обсуждение. В статье описана структура компетентностной модели, характерной для студента технического вуза, выделены компетенции, складывающиеся при обучении английскому языку. Анализируются функции учебного терминологического словаря в процессе формирования компетенций. Подчеркивается роль тезаурусной части словаря как средства создания целостной картины определенной предметной области, также отмечается роль примеров в учебном терминологическом словаре. Рассматривается роль терминологического словаря в формировании компетенции межкультурного взаимодействия.

В ходе исследования было выявлено, что терминологический словарь репрезентирует и классифицирует терминологию предметной области и отображает тематические связи между терминами, таким образом являясь важным и необходимым средством формирования коммуникативной, языковой, терминологической, а также межкультурной компетенции.

Заключение. Данное исследование показывает перспективы разработки терминологических словарей и использования их для формирования компетентностной модели у студентов технических вузов.

Ключевые слова: компетентностная модель, учебный терминологический словарь, терминологическая компетенция.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 163–167)

Forming a Competence-based Model in the Course of Teaching English at a Technical Higher Education Institution Using a Terminological Dictionary

Kuleshova V.O.

*St. Petersburg National Research University of Information Technologies,
Mechanics and Optics, St. Petersburg (Russia)*

In connection with the reform of the education system and the transition from the “knowledgeable” approach to the competence-based one, the development of new methods for the formation of competencies has become necessary.

Адрес для корреспонденции: e-mail: valkyl@rambler.ru — В.О. Кулешова

The aim of the study is to analyze the methods of forming language, terminological, communicative and other competencies among students of technical universities with the help of a terminological dictionary.

Material and methods. *The material for the study was the documents issued by the European Commission during the Bologna process, the federal state standard on the discipline of "Photonics", the curriculum of the discipline of "Foreign language for special purpose" for Photonics students, a corpus of terms collected during the study (116 terms) from Kazuaki Shakoda's book "Optical Properties of Photonic Crystals" (2005); J.D. Johnapolas' et al. "Photonic Crystals. Molding the Flow of Light" (2008) and "Semiconductor Nanocrystal Quantum Dots" edited by Andrei Rogach (2008). The study used the methods of theoretical analysis, synthesis, description and induction, also the method of text search and continuous sampling, logical-conceptual and categorical analysis of terms, the method of definitional analysis.*

Findings and their discussion. *The article describes the structure of the competence-based model, which a technical university student develops, highlights the competencies that are shaped in teaching English. The functions of an educational terminological dictionary in the process of forming competencies are analysed. The role of the thesaurus part, as a means of forming a holistic picture of a particular subject area, is emphasised, the role of examples in the educational terminological dictionary is also noted. The role of the terminological dictionary in the formation of the competence of intercultural interaction is considered.*

The study revealed that the terminological dictionary represents and classifies the terminology of the subject area and displays thematic connections between the terms, thus being an important and necessary means of forming communicative, linguistic, terminological, and intercultural competence.

Conclusion. *The study shows the prospects for the development of terminological dictionaries and their use for the formation of a competence model among students of technical universities.*

Key words: *competence-based model, educational terminological dictionary, terminological competence.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 163–167)

Динамичные изменения в развитии общества, науки и техники привели к необходимости внесения изменений в систему образования. В 1999 году была подписана Болонская декларация, направленная на гармонизацию систем образования в Европе и на повышение мобильности учащихся и преподавателей, в 2003 г. к этому процессу присоединилась Россия, а в 2015 г. Беларусь.

Гармонизация систем образования отразилась не только в переходе на трехступенчатую систему образования (бакалавриат, магистратура и докторантура), но также существенные изменения были внесены в федеральный государственный образовательный стандарт и, как следствие, в образовательные стандарты направлений в различных вузах, которые далее отразились в рабочих программах дисциплин.

Наиболее ярким явился переход от так называемой «знаниевой» модели, где результатом обучения были знания, умения и навыки, к компетентностной модели, где на основе полученных компетенций формируется компетентный специалист и основной упор делается на развитие личности [1].

Толчком к переходу к новой модели образования стало несоответствие результатов обучения требованиям, предъявляемым работодателями в условиях глобализации экономики. Стала очевидной необходимость создания инструмента для перехода от «знать о» к «знать, как», т.к. хотя знание и является важной, однако далеко недостаточной гарантией компетентного специ-

алиста [2]. Новая модель, кроме нацеленности на результат, также делает упор на развитие личности, мотивации и правильных ценностей. В подобном разрезе обучение перестает быть монологом преподавателя, а становится диалогом между обучающимся и преподавателем. Кроме того, эта модель позволяет создавать конкурентоспособного специалиста на основе личностных качеств студента.

Генеральным директором Европейской комиссии по образованию и культуре были предложены ключевые компетенции: базовые (включают в себя языковую и математическую грамотность), цифровые, естественнонаучные (STEM) и языковые. Такая система компетенций нашла отражение в федеральном государственном образовательном стандарте (ФГОС ВТО 3++), для технических направлений стандартом предусмотрено формирование универсальных и общепрофессиональных, а также профессиональных компетенций [3]. Среди универсальных компетенций особый интерес для нас представляют коммуникация и межкультурное взаимодействие, а среди общепрофессиональных – научные исследования и разработка нормативной документации, профессиональные компетенции формулируются самим вузом, основываясь на примерных основных образовательных программах (ПООП).

Цель статьи – анализ методов формирования языковой, терминологической, коммуникативной и других компетенций у студентов технических вузов при помощи терминологического словаря.

Материал и методы. Материалом для данного исследования послужили документы, выпущенные Европейской комиссией в рамках Болонского процесса, такие как «Общее пространство образования – достижение целей» (Берген, 2005), «Понимание европейского пространства высшего образования» (Берлин, 2003), «О всеобъемлющем подходе к преподаванию и изучению языков» (Брюссель, 2018) и, конечно, «Всемирная хартия университетов» (Болонья, 1988). Кроме того, рассматривались компетентностные модели в рамках основной профессиональной образовательной программы высшего образования магистратуры укрупненного направления «Фотоника», рабочие программы дисциплины «Иностранный язык в профессиональной деятельности» для направления «Фотоника». При этом были использованы методы теоретического анализа, синтеза, описания и индукции, а также метод текстового поиска и сплошной выборки, логико-понятийный и категориальный анализ терминов, метод дефиниционного анализа.

Результаты и их обсуждение. Формирование компетентностной модели при обучении английскому языку рассмотрено на примере компетентностной модели, принятой в Университете ИТМО, в качестве примера словаря используем учебный терминологический словарь предметной области фотонные кристаллы. Программой магистратуры по направлениям оптика и фотоника установлены следующие категории компетенций: ключевые компетенции или по-другому социально-личностные и общекультурные (среди них мировоззрение и ценности, мышление, межкультурное взаимодействие и др.), надпрофессиональные компетенции или так называемые «soft skills» (коммуникация, работа в команде и т.д.) и общепрофессиональные компетенции (научное мышление, научное исследование и т.д.). Традиционно компетенциями, формирующимися при обучении английскому языку, считают, безусловно, коммуникацию и межкультурное взаимодействие. Индикаторами достижения здесь служат работа (перевод, написание, редактирование) с различными академическими текстами, умение представлять результаты научной и профессиональной деятельности на всевозможных мероприятиях (доклад на конференции, стендовый доклад и т.д.) и ведение дискуссий на научные и профессиональные темы, а также умение принимать и учитывать социально-культурные особенности при работе в многонациональной команде.

Что касается коммуникации, формирование данной компетенции предусматривает использование словаря в качестве информационной базы для осуществления речевой деятельности на иностранном, в данном случае английском, языке. Словарь представляет собой тематический классификатор определенной области знаний, отражает отношения между терминами, таким образом создает цельную картину данной предметной области и формирует прочный терминологический фундамент, который позволяет понимать и применять максимальное количество терминов.

Для того чтобы отвечать требованиям современной компетентностной парадигмы, словарь должен выполнять следующие функции: 1) формировать в сознании обучающегося целостную картину данной предметной области; 2) способствовать так называемой терминологической компетентности, т.е. умению пользоваться терминами для решения профессиональных задач, с затратой на это минимального количества времени и минимального объема личностного ресурса; 3) репрезентировать отношения между терминами; 4) показывать возможности использования терминов, тем самым встраиваясь в общую концепцию формирования языковой (коммуникативной) компетенции [4].

Для того чтобы словарь выполнял данные функции, информация, представленная в нем, была четко структурирована. Для усиления функции формирования целостной картины мира основные понятия предметной области были представлены в виде тезауруса и снабжены не только переводом, но также примерами использования. Следовательно, мы выделили ключевые понятия данной сферы, пронаблюдали связи между этими понятиями и выявили особенности употребления. Такой компонент станет отправным моментом в осмыслении текста, а также позволит сформулировать собственное высказывание. Для составления тезауруса предметная область, в нашем случае фотонные кристаллы, была разделена на тематические группы. В ходе исследования были выделены три группы, две из них были разделены дополнительно на подгруппы, для каждой подгруппы мы отобрали восемь основных терминов, снабдив их транскрипцией, необходимой грамматической информацией и примерами, иллюстрирующими возможности использования терминов в научной коммуникации.

Для формирования терминологической компетенции послужат англо-русский и русско-

английский указатели, они позволят обучающемуся быстро соотнести научную картину родного языка с иностранным и решать задачи профессионального общения быстро и качественно. В переводной части словаря важно верно решить вопрос омонимии терминов, наиболее правильным будет разные по значению термины разграничить и дать отдельными статьями в словаре, а также включить тематическую атрибуцию для омонимичных терминов, принадлежащих к разным логико-семантическим категориям (напр. процесс – явление) [5].

Для формирования навыков написания и редактирования научных текстов по специальности в словарь включена информация об отношениях между терминами (партитивные, иерархические, решены вопросы синонимии и омонимии терминов). Понимание и, главное, правильное использование иноязычных терминов позволит обучающимся грамотно презентовать свои научные исследования на международной арене и вести продуктивную коммуникацию с коллегами.

Не бесполезной с точки зрения формирования компетентностной модели будет также фонетическая и грамматическая информация, которой снабжена каждая статья в словаре. Что касается фонетической информации, в данном случае это транскрипция, проблема правильного произношения терминов очень остро стоит в современном научном мире, термины становятся сложными, многосоставными и, безусловно, обучающийся должен иметь возможность получить информацию о нормах произношения из словаря, что позволит не только сформировать коммуникативную компетенцию, но также будет способствовать навыку успешного докладчика и оратора.

Становится вполне очевидной роль терминологического словаря в формировании компетентностной модели при обучении английскому языку в техническом вузе. Терминологический словарь создает не только лексическую (терминологическую) базу, он также подчиняет логике и порядку профессиональные знания, полученные в процессе обучения. Это как раз тот случай, когда обучение языку плотно сотрудничает и содействует обучению специальному предмету, и в финале мы получаем компетентного специалиста, который может решать профессиональные задачи не только на родном, но и на английском языке.

Однако небезынтересным также является формирование компетенции межкультурного

взаимодействия с помощью терминологического словаря. Ключевым индикатором достижения компетенции межкультурного взаимодействия выступает умение учитывать культурные и социальные особенности людей в процессе профессионального взаимодействия, т.е. соотносить свою культурную парадигму с культурной парадигмой изучаемого языка, улавливая и соотнося общность и различия в нормах, ценностях, правах и т.д.

На сегодняшний день ученые сходятся во мнении, что изучать язык как закрытую, изолированную систему бесперспективно, очевидной является связь между языком, культурой, историей и человеком.

Исследуя английскую терминологию сферы фотонных кристаллов, мы пришли к выводу, что достаточно продуктивной моделью терминообразования является метафорическая. Современные термины отличаются высокой степенью мотивированности и связью с языковой картиной мира. Рассмотрим для примера термин «lifetime». На русский язык дословно его можно перевести как время жизни (часто используется в словосочетании fluorescence lifetime или время жизни флюоресценции), но русский эквивалент этого термина скорость затухания не менее метафоричен и обусловлен совершенно другой ассоциацией. Таким образом культурный и социальный контекст отражается в терминологических словарях.

Закключение. Необходимо отметить, что терминологический словарь – важный инструмент формирования языковой компетенции у студентов технических вузов. Он является не только проводником в мир научного и технического текста, но также позволяет студенту интегрироваться в иноязычную научную среду, стать не только наблюдателем, но и активным участником профессиональной коммуникации. Кроме того, профессиональное общение выпускников вузов с иностранными коллегами невозможно без наличия у них ряда ключевых (мировоззрение и ценности, мышление, межкультурное взаимодействие и др.) и надпрофессиональных (коммуникация, работа в команде и т.д.) компетенций, которые являются важным условием формирования компетентного специалиста, что, в свою очередь, становится невозможным без обучения иностранному языку, учебный терминологический словарь может стать той нужной опорой и источником опыта для формирования востребованных компетенций [6]. Следует под-

черкнуть, что для формирования компетентного специалиста важны все части словаря, тезаурусная часть позволяет обучающемуся структурировать знания по специальному предмету и, таким образом, при помощи переводной части синхронизировать русскоязычную и англоязычную картины мира, примеры и информация по грамматике помогут использовать терминологическую лексику корректно и гармонично. Подобный подход к созданию и позиционированию терминологических словарей позволяет успешно внедрить их в современную образовательную парадигму.

Литература

1. Трущенко, Е.Н. Организация самостоятельной работы студентов вуза на основе компетентного подхода к профессиональной подготовке специалистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е.Н. Трущенко. – М., 2009. – 28 с.
2. Болонский процесс: нарастающая динамика и многообразие. Документы международных форумов и мнения европейских экспертов / под ред. В.И. Байденко. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2002.
3. Андриенко, А.С. Компетентностный подход к обучению иностранному языку в системе профессиональной подготовки студентов неязыкового вуза [Текст] / А.С. Андриенко. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – 96 с.
4. Качество образования: Библиографический указатель. Болонский процесс в документах / сост.-пер. Е.В. Шевченко. – М.: Логос, 2003.
5. Чайникова, Г.Р. Структура учебного терминологического словаря как средства формирования иноязычной лексической компетенции / Г.Р. Чайникова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь, 2018. – С. 93–97.
6. Массалова, А.Э. Компетентностная модель обучения иностранного специалиста военно-инженерного вуза / А.Э. Массалова // Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование: тез. докл. междунар. конф., Москва, 7–8 дек. 2018 г. / РУДН. – М., 2018. – С. 412–420.

Поступила в редакцию 27.03.2019 г.

Раманная серыя як эстэтычны феномен у беларускай прозе апошняй трэці XX стагоддзя

Навасельцава Г.В.

Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава», Віцебск

Цыклізацыя рамана выступае адметнай эстэтычнай з'явай у беларускай прозе другой паловы XX стагоддзя. Прыклады раманнай серыі прадстаўлены ў творчасці Вячаслава Адамчыка, Івана Чыгрынава. Вышэйсказанае прадвызначае мэту даследавання — ахарактарызаваць раманную серыю як эстэтычны феномен у беларускай прозе апошняй трэці XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. Для вывучэння праблемна-тэматычнай і жанрава-стылёвай спецыфікі раманаў «Шчыглы», «Паводка сярод зімы», «Дзікая ружа», «Сіняе лета», «Бесядзь цячэ ў акіян», «Палыновы вецер» Леаніда Левановіча быў выкарыстаны комплексны аналіз, які ўключае культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратывістыкі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пісьменнік раскрывае сямейную гісторыю на працягу значнага адрэзку часу, увасабляе аўтабіяграфічны вобраз скразнога персанажа, шырока выкарыстоўвае традыцыю сямейнай хронікі. Аповед, хоць найчасцей і вядзецца ад трэцяй асобы, у гэтым выпадку блізка «Я»-апавядальнай стратэгіі, якая дазваляе актуалізаваць розныя сродкі мастацкага псіхалагізму.

Заклучэнне. У творчасці пісьменніка цыклізацыя рамана не выступае паўнаважнай эстэтычнай з'явай, перавага аддаецца найперш раманнай серыі, якая дазваляе мастаку слова вар'іраваць тэмы і праблемы.

Ключавыя словы: раман, жанр, беларуская проза, Леанід Левановіч, цыклізацыя, феномен.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 168–173)

Novel Series as an Aesthetic Phenomenon in the Belaruian Prose of the Last Third of the 20th Century

Navaseltsava G.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Cyclization of the novel is a distinctive aesthetic phenomenon in the Belarusian prose of the second half of the twentieth century. Examples of the novel series are presented in the works of Vyacheslav Adamchik and Ivan Chigrinov. The above predetermines the purpose of the study which is to characterize the novel series as an aesthetic phenomenon in Belarusian prose of the last third of the twentieth century.

Material and methods. To explore the problem-thematic, genre and stylistic specifics of the novels “Goldfinches”, “Flooding in Winter”, “Wild Rose”, “Blue Summer”, “Besed Flowing into the Ocean”, “Malinovy Wind” by Leonid Levonovich a comprehensive analysis that includes cultural, historical, structural-typological methods with elements comparativistic was used.

Findings and their discussion. The writer reveals a family history for a significant period of time, embodies the autobiographical image of the through character, widely uses the tradition of family Chronicles. The story, although most often conducted from a third person, in this case is close to the “I”-the narrative strategy that allows you to update various means of artistic psychology.

Conclusion. In the work of the writer cyclization of the novel is not a full-fledged aesthetic phenomenon, the advantage is given primarily to the novel series, which allows the artist to vary the themes and problems.

Key words: novel, genre, Belarusian prose, Leonid Levonovich, cyclization, phenomenon.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 168–173)

Цыклізацыя рамана, як вядома, адкрывае магчымасці для апрабавання новых эстэтычных мажлівасцяў жанру. У беларускай прозе раманныя серыі прадстаўлены ў творчасці Вячаслава Адамчыка, Івана Чыгрынава. Захоўваючы фармальныя прыкметы эпічнага палатна, мастакі слова звяртаюцца да суб'ектыўнай інтэрпрэтацыі, узнаўлення «Я»-апавядальнай сітуацыі, выкарыстання розных прыёмаў сімволіка-алегарычнага пісьма, этнаграфічнага матэрыялу і этнаграфічнага кантэксту. Пісьменнікі імкнуцца раскрыць храналогію падзей не столькі праз цэнтрабежную, колькі цэнтраімклівую вобразную арганізацыю, хоць мастацкі псіхалагізм выкарыстоўваецца для раскрыцця пераважна статычных вобразаў. Як доказна сцвярджае Л. Корань, раманы Вячаслава Адамчыка, Івана Чыгрынава раскрываюць шляхі фарміравання эпічнай традыцыі ў беларускай літаратуры, але разам з тым сэнсава знакавымі для кожнай раманнай серыі выступаюць менавіта заключныя творы, якія паказальна ілюструюць і такую эстэтычную тэндэнцыю, як інтэлектуалізацыя беларускай прозы [1].

Адметная раманная серыя прадстаўлена ў творчасці Леаніда Левановіча, якога літаратурныя крытыкі называюць летапісцам Прыбаседдзя. У партрэтнай замалёўцы, прысвечанай мастаку слова, Расціслаў Бензюрук звяртае ўвагу на аўтабіяграфічнасць многіх старонак раманаў «Прыдняпроўскай хронікі», як вызначае крытык цыкл аўтарскіх твораў. І «няхай сабе ягоныя Клеявічы сталі Хатынічамі, а галоўны герой – Андрэем Сахутам, але ў ім угадваецца сам аўтар» [2]. Пры гэтым, працягвае крытык, Леанід Левановіч разумеў, што стварае не дакументальнае, а мастацкае, а значыць, мае поўнае права на вымысел і домysel. У творах Леаніда Левановіча «бачацца рысы станаўлення новага беларускага рамана, арыентаванага на сацыяльна-дзейны сінтэз нацыянальнага і агульнаеўрапейскага духоўнага вопыту» [3, с. 571]. Пісьменнік паказвае сваіх герояў неад'емна ад значных сацыяльных і гістарычных варункаў, асэнсоўвае грамадскі вопыт праз індывідуальнае бачанне свету, у чым і выяўляецца традыцыйная эпічнасць раманных тэкстаў. Разам з тым у кожным з твораў раманнай серыі вузлаакрэсленыя храналагічныя каардынаты, шырока выкарыстоўваюцца часавыя рэтраспекцыі, аўтар імкнецца да лаканічнай апавядальнасці, звяртаецца да эфекту публіцыстычнага ўздзеяння. Вышэйсказанае прадвызначае мэту даследавання – ахарактары-

заваць раманную серыю як эстэтычны феномен у беларускай прозе апошняй трэці XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. З дапамогай комплекснага аналізу, які ўключае культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратывістыкі, вывучаецца раманная серыя як эстэтычны феномен у беларускай прозе апошняй трэці XX стагоддзя. Аб'ектам даследавання выступаюць раманы «Шчыглы», «Паводка сярод зімы», «Дзікая ружа», «Сіняе лета», «Бесядзь цячэ ў акіян», «Палыновы вецер» Леаніда Левановіча. Прадметам даследавання абрана праблемна-тэматычная і жанрава-стыльвая спецыфіка гэтых твораў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Раман «Шчыглы» (1986) Леаніда Левановіча адкрывае серыю твораў, у якой распавядаецца гісторыя сям'і Сахутаў, іх аднавяскоўцаў на фоне грамадскіх зрухаў свайго часу. Мясцовыя падзеі ад вызвалення Прыбаседдзя да першага пасляваеннага лета знаходзяцца ў цэнтры ўвагі аўтара ў мастацкім палатне, дзе галоўным сузіральнікам выбраны шасцігадовы Андрэйка. Непасрэднасць дзіцячага светабачання адцяняе трагічную рэчаіснасць, у прыватнасці, з гаворкі дарослых хлопчык даведваецца, што «ідзе блакада. Немец усё паліць. Нішчыць падчыстую. Людзей забівае» [4, с. 14]. Андрэйка ведае, што старэйшая сястра Марына хаваецца ад немцаў у жыце, марыць хутчэй стаць вялікім і пастраляць з аўтамата ўсіх ворагаў. Пісьменнікам паслядоўна паказваецца, як малы чуе стрэлы з «кацюшы» і палохаецца іх, разам са старэйшымі хаваецца ў лесе, вяртаецца ў спаленую вёску: «Ён нічога не пазнаваў, бо вёскі не было, стаялі абкураныя печы з разбуранымі камямі, чорныя абгарэлыя дрэвы. Можа, таму, што печы і дрэвы былі чорныя, твары людзей сумныя, Андрэйку ўсё здавалася чорным: і лес, і поле, і неба з бухматымі восеньскімі хмарамі» [4, с. 24]. Хоць апавед фармальна вядзецца ад трэцяй асобы, тым не менш тыпалагічна блізка «Я»-апавядальнай стратэгіі ўзнаўляецца ўнутраны свет дзіцяці, паслядоўна выкарыстоўваюцца мастацкі псіхалагізм і аўтабіяграфізм. Так, хлопчык прагна чакае вяртання бацькі, якога амаль не памятае, перажывае нішчымніцу і голад, бачыць хараство навакольнага свету. Знакава, што каля спаленай хаты сям'я нечакана знаходзіць кваткуху з куранятамі, якія невядома як маглі апацель, і чытач асацыятыўна супастаўляе іх з Андрэйкам і яго братамі.

На іншасказальным узроўні Леанід Левановіч адкрывае вобраз шчыглоў – дзяцей, чыё маленства апалена вайной, але гэта не змагло адабраць у іх радасці, светлых уяўленняў і мар. Траге-

дыя часу заключаецца ў тым, што вайна забірала жыццё не толькі ў дарослых, і аўтар спрабуе гэта асэнсаваць з гуманістычнай пазіцыі. Памірае ад менінгіту (не было патрэбных лекаў) Андрэйкаў брацік Коля, які, ужо цяжка хворы, разважае зусім не па-дзіцячы, хоча суцешыць маці: «Не плач, мама... Вунь салдат колькі загінула... Ніхто не плакаў... Калі я памру, каб вы не плакалі... Жэўжык за мяне будзе ў школу хадзіць...» [5, с. 85]. Рана сталее і чулы Андрэйка, якому на ўсё жыццё застаецца цяжкая памяць.

У рамане шырока выкарыстоўваецца і аповед ад трэцяй асобы, у выніку чаго аўтар спісала паведамляе пра асноўныя жыццёвыя перыпетыі розных герояў, звязвае гэта з вясковымі падзеямі. Дзякуючы выпадковаму чалавечаму спачуванню і сваёй прафесіі не быў мабілізаваны настаўнік Пётр Мамута, які вучыць дзяцей чытаць і пісаць, не маючы для сваіх вучняў ні кніг, ні сшыткаў, ні алоўкаў. Герой кантрастуе з Паўлам Крупадзёравым, які да вайны працаваў намеснікам упаўнаважанага па нарыхтоўках, вяртаецца з эвакуацыі і сваімі паводзінамі, як і раней, адпавядае ўласнаму прозвішчу. Скалечаны капітан-артылерыст Міхась Даўгалёў становіцца старшынёй раённай планавай камісіі, старанна асвойвае новы для яго род заняткаў, сутыкаецца з тым, што трэба выконваць план, напрыклад, лесанарыхтовак, а працаўнікоў у вёсках засталася надзвычай мала. Становіцца ўчастковым былы партызан Валодзька Бравусаў, які не жадае цяжка працаваць, як гэта робяць калгаснікі, да таго ж ужо адчуў слодыч улады над людзьмі, яму прыемна, калі яго баяцца і слухаюць. Гэтыя і іншыя персанажы падаюцца чытачу праз сціслыя аўтарскія характарыстыкі, якія не ствараюць псіхалагічна глыбокіх партрэтаў. Леанід Левановіч перадае каларыт таго часу, стварае адметную вобразную сістэму, звяртаецца да дэталёвага апісання рэчаіснасці.

Увагай да грамадскай атмасферы, зваротам да яе вобразнага даследавання вызначаецца раман «Паводка сярод зімы» (1983–1987), у якім працягваецца апісанне сямейнай гісторыі Сахутаў. Па-ранейшаму сярод іншых персанажаў прыкметна вылучаецца Андрэй Сахута, які ўжо стаў школьнікам. Герой паказваецца не толькі ва ўзаемаадносінах з родзічамі, але і ў актыўным пазнанні акаляючага свету, дзе ўсё больш складана, чым здаецца на першы погляд. Напрыклад, вялікай радасцю для хлопчыка становяцца доўгачаканыя новыя бацінкі, на якія нават звяртае ўвагу настаўніца, гаворыць дзецям, што ім таксама бацькі набудуць новы абутак, калі будзе добрая вучоба.

Аднак «у Андрэйкі ледзь не сарвалася з языка, што бацінкі купіла сястра Марына, а бацьку ў калгасе грошай не плоцяць, яму толькі працадні запісваюць – палачкі ставяць» [6, с. 11]. Вырашае хлопчык і больш важкія пытанні, у прыватнасці, якім будучы яго адносіны да «Нінкі-паліцайкі», дачкі паліцая Вароніна, які ўцёк з немцамі. Да дзяўчынкі дрэнна адносяцца іншыя дзеці з-за вядомых у вёсцы бацькавых спраў, на якія не можа забыцца заснаваная на спрадвечнай этыцы, пільная да ўсяго добрага і злога сялянская памяць. Паступова Андрэйка прыходзіць да разумення, што малая дачка не можа несці адказнасць за бацьку, нядобра за ўчынкі аднаго чалавека караць іншага.

Пісьменнік завастрае праблему памяці, якую паказальна асэнсоўвае праз вобраз маці. У некалькіх раманах Леаніда Левановіча эмацыйна шматзначна ўвасабляецца, як Кацярына Сахута чакае вяртання старэйшага сына, не верыць у тое, што прапаў без вестак. Застаецца незамужняй старэйшая Андрэйкава сястра Марына, пра якую кажуць, што яе жаніх загінуў на вайне. Аўтар іншазнальна выказвае думку, што ўсім балюча смыляць раны, пакінутыя вайной. Але, як прызнаецца сам аўтар, людзі напалову спаленай вёскі Хатынічы спяшаліся радавацца, спявалі песні, весяліліся, імкнуліся дабраць тое, чаго не мелі за доўгія гады вайны. Гэта і вызначае ідэйную скіраванасць рамана «Паводка сярод зімы», у фінале якога сэнсавапаказальна апісваецца вяселле і зазначаецца, што «над Мамонаўкай-Парцоўкай звінелі песні, нястомна заліваўся гармонік, радасна і гулка грымеў самаробны бубен» [6, с. 314].

У творы нямала прысвечана паказу вялікай стваральнай працы, якая вядзецца прадстаўніцамі мясцовай савецкай улады, партыйнымі кіраўнікамі. Выключэннем становіцца эпізодычны выпадак, калі на лаве падсудных апынуўся Крупадзёраў, які адчуў усёдазволенасць і, хоць сам не паспытаў нястачы, папаўся на камерцыйнай аферы. Прага грошаў ва ўмовах, калі пераважная большасць людзей апынулася на мяжы выжывання, асэнсоўваецца як маральнае злачынства. Цяжкае матэрыяльнае становішча стала заканамерным наступствам вялікіх ваенных страт, і гэта справядліва як для Хатынічаў, Мамонаўкі, паказаных аўтарам, так і для многіх беларускіх вёсак.

Часавыя каардынаты рамана «Дзікая ружа» (1987–1999) выразна акрэсліваюцца з дапамогай хранікальных звестак з БЕЛТА і ТАСС, якія датуюцца сакавіком-жніўнем 1953 года, гэты ж прыём мэтакіравана выкарыстоўваецца ў іншых рама-

нах пісьменніка. За гэты час многія героі перажываюць важныя жыццёвыя перыпетыі, абумоўленыя ў тым ліку духоўнымі зрухамі ў грамадстве. Яшчэ ў рамане «Паводка сярод зімы» вуснамі Андрэйкавага дзядзькі Парфіра, афіцэра-франтавіка, выказваецца надзвычай смелая для таго часу думка, што, калі б Сталін не пасадзіў як ворагаў народа многіх вядомых камандзіраў, вайны маглі і не быць. Яго не спяшаюцца падтрымаць Андрэйкавы бацькі, хоць і наракаюць на цяжкія падаткі, а сам хлопчык ужо шчыра перакананы ў вышэйшасці і непагрэшнасці бацькі народаў, што выразна ілюструе стан грамадскага мыслення.

Невыпадкова весткай пра смерць Сталіна пачынаецца раман «Дзікая ружа» Леаніда Левановіча, дзе прадметам мастацкага даследавання выступае не столькі вясковае жыццё, колькі светапоглядныя змены, якія закранаюць і людзей з вясковага грамадства. Героем, які ацэньвае тыповыя і нетыповыя рэаліі, выступае школьнік Андрэй Сахута, ён прываблівае чытача юнацкай шчырасцю і яшчэ дзіцячай чуйнасцю і ўражлівасцю. Праз яго ўспрыманне паказальна раскрываюцца паводзіны іншых герояў, калі здараецца гэты паваротны момант у савецкай гісторыі: «Даўкі камяк падкаціў да горла Андрэйкі, ён трымаўся, каб не заплакаць, бо вельмі шкода было Марыі Дзямідаўны, шкада вялікага правадыра. Раз гэтак шкадуе Сталіна, нібы роднага бацьку, настаўніка, а яна ж была ў партызанах, яе мужа павесілі немцы, бачыла гора і ліха, – значыць, усё праўда, што пісалі газеты пра сталінскую мудрасць і веліч, пра клапатлівасць і дабрыню. А тое, што плявузгае дзядзька Парфір пра нейкую жорсткасць бацькі, друга і настаўніка ўсіх народаў – гэта плёткі варожыя» [7, с. 5]. Нягледзячы на юны ўзрост, Андрэй выступае ў творы своеасаблівым маральным аўтарытэтам, да якога звяртаюцца з пытаннямі больш сталыя героі, што неспадзявана апынуліся на раздарожжы. Напрыклад, міліцыянер Бравусаў, які быў на фронце і ўпэўнены, што без Сталіна не перамаглі б, сумняваецца: «Ёсць такая песня. “Смело мы в бой пойдем за власть Советов и как один умрём в борьбе за это...” Дык вось неяк задумаўся я. Калі ўсе ўмром за ету ўласць, дык для каго ж яна?» [7, с. 16]. Задумваецца над гэтым пытаннем і Андрэй, якому перададзена шмат з аўтарскага светабачання.

Леанідам Левановічам праўдзіва перадаецца грамадская атмасфера першага пасляваеннага дзесяцігоддзя, удала выкарыстоўваецца шэраг паказальных дэталей. Той жа Андрэй Сахута, уступіўшы ў камсамол, старанна выконвае пер-

шае даручэнне: робіць даклад пра важнасць класавай пільнасці. У новых грамадскіх умовах адметна раскрываецца жыццёвая трагедыя Рамана Свідэрскага, які прайшоў дзве вайны і які заканчвае жыццё самагубствам. Герой не пазбаўлены рыс індывідуальнасці, аднак выступае найперш сацыяльным тыпам: увасабляе мясцовага кіраўніка, які звывся не лічыцца з вяскоўцамі і ў адносінах з людзьмі схільны да жорсткасці. Пасля таго, як агульны парадак змяніўся, Свідэрскі сутыкаецца з варожасцю сваіх аднавяскоўцаў, напружваюцца сямейныя адносіны, чаго герой аказаўся няздольны вытрымаць.

У рамане з паэтычнай назвай «Сіняе лета» (1994–1997) Леанід Левановіч працягвае жыццё свайго скразнога героя Андрэя Сахуты, у рамантычна-ўзвышаных фарбах паказвае яго маладосць, сяброўства і каханне. Узмацняецца эмацыйнасць апавяду ад імя Андрэя, які чуйна трымае павязь з малой радзімай, паспяхова выконвае абавязкі сакратара ў камсамоле, стварае ўласную сям’ю. Пісьменнік арыгінальна працуе з дэталямі, напрыклад, падрабязна апісвае камсамольскае вяселле, якое мелася стаць новай традыцыяй у савецкім грамадстве. Бачанне савецкай рэчаіснасці вачыма маладога чалавека, поўнага надзей, дапаўняецца аўтарскай ацэнкай, якая даецца з вышыні часу. Пры гэтым Леанід Левановіч звяртаецца да асоб вядомых дзяржаўных дзеячаў, у прыватнасці, Мікіты Сяргеевіча Хрушчова.

Пра час так званай «хрушчоўскай адлігі» аўтар зазначае, што ўсе нарады, пасяджэнні, пленумы былі пашыраныя, а сам кіраўнік дзяржавы любіў выступаць пасля замежнай паездкі нават на гарадскім пляцы. Як іранічна заўважае мастак слова, «паслухаць яго сыходзіліся тысячы людзей – дакладней, іх зганялі на плошчу партыйныя кіраўнікі. Даўжэзныя, эмацыйныя прамовы, падчас якіх Мікіта Сяргеевіч любіў і кузькіну маці ўспомніць, перадаваліся на ўсю краіну. На пленумах і нарадах Хрушчоў часцяком паказваў вялізныя пачаткі-кіёўкі: важкі аргумент, што кукуруза – гэта сала, мяса і малако» [8, с. 33]. Нягледзячы на адыёзныя паводзіны, тагачасны кіраўнік савецкай дзяржавы робіць шмат слушнага, напрыклад, праводзіць палітыку амалоджвання партыйных кадраў. Дзякуючы гэтай палітыцы да ўлады ў БССР прыходзіць такі прагрэсіўны дзеяч, як Пётр Міронавіч Машэраў, эпізадычны вобраз якога паказаны з вялікай аўтарскай сімпатыяй. Разам з тым Леанід Левановіч катэгарычны і строгі ў ацэнцы палітычных учынкаў Мікіты Хрушчова, якога папракае за бязлітаснае выкрыццё культу асобы, што не лепшым чынам

закранула і ваенную памяць. Пісьменнік даводзіць, апелюючы да такой важкай катэгорыі, як духоўнасць, што гэта і стала прычынай не толькі краху палітычнай кар’еры самога Хрушчова, але і пачаткам заняпаду магутнай савецкай краіны.

Пераканаўча перадаецца атмасфера ідэалагічнага супрацьстаяння савецкай дзяржавы і заходняга свету. Напрыклад, як грандыёзная падзея ўспрымаецца палёт Юрыя Гагарына ў космас, вітаецца ўсімі савецкімі грамадзянамі. Камуністы і партыйныя кіраўнікі, у тым ліку героі рамана, сярод якіх Даўгалёў, Ніна Гаўрылюк, успрымаюць гэту з’яву найперш як навуковую перамогу над іншымі краінамі. Паказальна разважае Ніна, якая ўзначальвае аддзел прапаганды ЦК: маўляў, хоць мы, савецкія людзі, ходзім яшчэ ў бахілах і фуфайках, але апырэдзілі іх, значыць, наша навука і тэхніка лепшыя ў свеце. Пры гэтым праблемныя моманты жыцця савецкіх грамадзян усялякім чынам нівеліруюцца. Аўтар з вышыні часу бачыць, што ў савецкім грамадстве існавала шмат недахопаў, і як адзін з галоўных вызначае праблему выбару ў мясцовыя партыйныя органы, з чым звязвае і нацыянальнае пытанне: «Народ не выбіраў іх вяршыць ягоны лёс – іх выбіралі вузкакалейныя закрытыя пленумы <...> Лічылася, што рабочай мовай партыйных органаў павінна быць руская мова. Нібыта сваёй, беларускай, нельга выказаць высокую думку, сфармуляваць партыйную ўстаноўку. Ды і таварышы з Масквы могуць не зразумець...» [8, с. 34]. Такім чынам, у рамана «Сіняе лета», ідэйная ўстаноўка якога – паказаць жыццё маладога чалавека ў савецкім грамадстве, значна акцэнтуюцца грамадска-палітычныя складнікі.

У творы «Бесядзь цячэ ў акіян» (2003) працягваецца хранікальны выклад сямейнай гісторыі. Эпізодычна згадваецца, што памёр ад інсульту саракапяцігадовы Васіль Сахута, старэйшы брат Андрэя. Паказаны мудрым селянінам іх бацька Мацвей, які не бачыць жыцця ў вёсцы без каровы і па-ранейшаму займаецца калгаснай стагоўкай. Праз яго разважанні аўтар нагадвае чытачу, што з васьмярых дзяцей засталіся толькі старэйшая дачка Марына і малодшы сын Андрэй, «астатніх, нібы бязлітаснай касою, выкасілі вайна ды жыццёвыя нягоды» [9, с. 14]. Такім чынам пісьменнік імкнецца зрабіць філасофскія абгульненні пра зменлівасць часу, яго вялікі ўплыў на жыццёвыя абставіны, што на ідэйным узроўні закладзена ў назве рамана.

Леанід Левановіч па-ранейшаму паказвае на першым плане вобраз Андрэя Сахуты, аўтабіяграфічнага скразнога героя. Андрэй акружаны

сямейным дабрабытам, бацька ўжо дваіх дзяцей, і паспяхова рухаецца па кар’ернай лесвіцы, становіцца першым сакратаром райкома партыі. Пісьменнік рэтраспектыўна прасочвае жыццёвыя гісторыі яго школьных сяброў, якія толькі эпізодычна згадваліся ў ранейшых творах. Гэта Пятро Махавікоў, што быў лётчыкам і першы раз няўдала ажаніўся, набыў прафесію агранома і стаў рэдактарам на Беларускай тэлебачанні, а пасля знаходзіць сваё сямейнае шчасце.

Рэпрэзентатыўна ўвасабляюць духоўную дынаміку скразных героі раманнай серыі. Так, вясковае жыццё перадаецца праз бачанне рэчаіснасці настаўнікам Андрэем Мамутам, які па-ранейшаму застаецца маральным аўтарытэтам для аўтара. Мамута шмат выступаў перад аднавяскоўцамі, заклікаючы іх то падпісвацца на чарговую пазыку, то змагацца з самагоншчыкамі. Многія тэмы, як прызнаецца самому сабе герой, адышлі ў нябыт, а вось барацьба з рэлігіяй не сціхае, хоць перад Калядамі і ў хатах вяскоўцаў, і ў хаце настаўніка варыцца куцця. Асобныя эпізоды дазваляюць прасачыць дэмакратызацыю грамадскай свядомасці, напрыклад, дачка паліцэйскага, які збег з немцамі і якога ненавідзяць вяскоўцы, атрымлівае ад бацькі пісьмо з Аргенціны і запрашае гэта адзначыць. Да яе не адмаўляюцца прыйсці і вяскоўцы, і Мамута, які «думаў пра Вароніна і ў глыбіні душы не адчуваў на былога паліцэйскага злосці. А ён жа, Варонін, меў намер і яго сям’ю паставіць да сценкі, бо падазраваў у сувязях з партызанамі – Мамута сапраўды быў сувязным. Пасля вайны Прося, жонка паліцая Вароніна, прызналася Мамуце, што яна ўгаворвала мужа не чапаць настаўніка» [9, с. 60].

Аўтар працягвае жыццёвыя гісторыі шэрага скразных герояў раманнай серыі: Міхаіла Даўгалёва, Івана Сырадоева, Уладзіміра Бравусава і некаторых іншых, хоць і не адлюстроўвае дынамікі характараў, раскрывае зусім няшмат новых падзей. Знакавай трагічнай падзеяй, якая прыкметна вылучаецца ў рамана, выступае смерць Пятра Міронавіча Машэрава ў аўтакатастрофе. Вуснамі сваіх герояў пісьменнік асцярожна выказвае версію, што гэта не было няшчасным выпадкам, паслядоўна сцвярджаецца думка, што смерць такога дзеяча – гэта вялікая грамадская страта. Пісьменнік выкарыстоўвае эфект публіцыстычнага ўздзеяння на чытача, супастаўляе грамадскія праблемы і побытавую сферу. Твор «Бесядзь цячэ ў акіян» вызначаецца шматгеройнай раманнай сітуацыяй, узмацняецца хранікальнасць мастацкага аповяду. Зварот да сямейнай гісторыі, увага да жыццёвых

лёсаў аднавяскоўцаў сям'і Сахутаў спалучаецца з аўтарскай ацэнкай грамадска-палітычнага жыцця.

Глыбокая філасофская праблематыка ўласцівая раману «Палыновы вецер» (2002–2008) Леаніда Левановіча, які завяршае раманны цыкл «Шчыглы», «Паводка сярод зімы», «Дзікая ружа», «Сіняе лета», «Бесядзь цячэ ў акіян». Твор адметны найперш тым, што прысвечаны асэнсаванню Чарнобыльскай катастрофы. Так, у радыяцыйнай зоне апынулася вёска Хатынічы, дзе засталіся жыць, не захацеўшы перасяляцца, пенсіянеры: напрыклад, былы ўчастковы Бравусаў і былы настаўнік Мамута. Героі падобныя найперш агульнасцю лёсаў: яны асэнсоўваюць мінулае і новыя акалічнасці, як прыродныя, так і сацыяльныя, разумеюць, што пасля вайны напалову спаленая вёска адраділася, а пасля Чарнобыля, на жаль, не ўзаскрэсне. Экалагічная катастрофа ў нейкай меры выступае іншасказальным увасабленнем грамадска-сацыяльных змен, над якімі аўтар разважае разам з чытачом. Значная мастацкая ўвага нададзена вобразу партыйнага чыноўніка, як гаворыць аўтар, партыйнага функцыянера – Андрэя Сахуты, сакратара абкама партыі па ідэалогіі. Вачыма свайго героя аўтар паказвае, наколькі партыя адышла ад народнага жыцця, стала своеасаблівай сістэмай у дзяржаўнай сістэме, сродкам кар'ернага росту для карыслівых людзей. Пасля распаду Савецкага Саюза Андрэй Сахута, як і многія іншыя чыноўнікі, застаецца без працы, таму вяртаецца на малую радзіму – у радыяцыйную зону, працуе ў лясніцтве, тады як усе іншыя імкнуцца пакінуць небяспечны для здароўя край. Нездарма аб рамане «Палыновы вецер» А.У. Рагуля зазначае, што твор «з'яўляецца своеасаблівым разгорнутым сімвалам – падсумаваннем вынікаў сацыялістычнага будаўніцтва, сэнс якога А. Платонаў азначыў канцэптам *катлаван* у сваім аднайменным рамане» [3, с. 566]. Думаецца, *катлаван* выступае не столькі канцэптам, колькі метафарай, шматсэнсоўнасць якой раскрываецца на філасофскім узроўні твора. Як працягвае даследчык, у «Палыновым ветры» Л. Левановіч «часта звяртаецца да рэтраспектыўнага паказу сацыяльнай і духоўнай рэальнасці на пачатку вялікага сацыяльнага эксперыменту, калі толькі рыхтаваўся катлаван пад фундамент сталінскага сацыялізму. Даўно перажытае вяртаецца аўтарам у кантэкст актуальнага часу, становіцца аб'ектам рэфлексіі. Гэтым самым у творы рэабілітуецца сучаснасць, занябная дзеля “светлай” будучыні, аднаўляецца плынь гісторыі» [3, с. 566]. Леанід Левановіч сцвярджае, што ні грамадская, ні тэхнагенная катастрофа не можа адарваць ча-

лавека ад яго малой радзімы, з якой пачынаецца Радзіма ў цэлым.

Заклучэнне. Такім чынам, пісьменнік раскрывае сямейную гісторыю на працягу значнага адрэзку часу, увасабляе аўтабіяграфічны вобраз скразнога персанажа, шырока выкарыстоўвае традыцыю сямейнай хронікі. Аповед, хоць найчасцей і вядзецца ад трэцяй асобы, у гэтым выпадку блізкі «Я»-апавядальнай стратэгіі, якая дазваляе актуалізаваць розныя сродкі мастацкага псіхалагізму. У выніку асоба галоўнага героя бачыцца пераконаўчай і па-свойму прывабнай, адметна паказваецца і сям'я Сахутаў. Разам з тым іншыя скразныя героі раманняй серыі пазбаўлены псіхалагічнай дынамікі, для іх увасаблення выбрана стратэгія пераважна рэкамендацыі чытачу.

На працягу раманняй серыі аўтар па-мастацку даследуе сацыяльны і грамадска-палітычны кантэкст, якому з кожным наступным творам надае ўсё большую ідэйную значнасць. У раманняй серыі Леаніда Левановіча ўваходзяць мастацкія палотны, розныя паводле сваёй жанравай разнавіднасці. Твор «Шчыглы» блізкі да рамана-ўспаміну, «Паводка сярод зімы» – да сямейнай хронікі з элементамі вясковай прозы, «Дзікая ружа», «Сіняе лета», «Бесядзь цячэ ў акіян» адпавядаюць сацыяльна-палітычнай прозе з элементамі сямейнай хронікі, «Палыновы вецер» варта назваць філасофскім раманам. Як бачым, у творчасці пісьменніка цыклізацыя рамана не выступае паўнавартаснай эстэтычнай з'явай, перавага аддаецца найперш раманняй серыі, якая дазваляе мастаку слова вар'іраваць тэмы і праблемы.

Літаратура

1. Корань, Л. Цукровы пёўнік: літ.-крыт. арт. / Л. Корань. – Мінск: Маст. літ., 1996. – 286 с.
2. Бензярук, Р. Летапісец Прыбяседзя / Р. Бензярук // ЛіМ. – 2018. – 2 лістап. – С. 9.
3. Рагуля, А.У. Леанід Левановіч / А.У. Рагуля // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, АДД-не гуманітар. навук і мастацтваў, Цэнтр даслед. беларус. культуры мовы і літ.; навук. рэд. У.В. Гніламёдаў, С.С. Лаўшук. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – Т. 4, кн. 3. – С. 544–571.
4. Левановіч, Л. Шчыглы: раман [пачатак] / Л. Левановіч // Маладосць. – 1986. – № 8. – С. 11–81.
5. Левановіч, Л. Шчыглы: раман [працяг] / Л. Левановіч // Маладосць. – 1986. – № 9. – С. 59–102.
6. Левановіч, Л. Паводка сярод зімы: раман, апавяданні / Л. Левановіч. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 397 с.
7. Левановіч, Л. Дзікая ружа: раман, аповесць, апавяданне / Л. Левановіч. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 335 с.
8. Левановіч, Л. Сіняе лета: раман, аповесці, эсэ / Л. Левановіч. – Мінск: Маст. літ., 2005. – 358 с.
9. Левановіч, Л. Бесядзь цячэ ў акіян: раман / Л. Левановіч // Польша. – 2003. – № 3. – С. 11–74.

Паступіў у рэдакцыю 11.01.2019 г.

Паралингвистические средства в современной экспериментальной поэзии Австрии, России, Беларуси

Садко Л.М.

*Учреждение образования «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина», Брест*

Современный литературный процесс характеризуется ситуацией, когда стандартные универалистские трактовки утрачивают свои объяснительные и прогностические функции. Необычайно распространенными становятся стратегии письма, направленные на эксперимент и новаторство. Исследование возможностей языка, предпринятое в поэзии авангардистов и неоавангардистов, в частности поэта-конкретиста Э. Яндля, приводит к трансформации конвенционального языка художественной литературы, к использованию возможностей поликодового письма, паралингвистических компонентов. Схожий вектор деятельности обнаруживается и в произведениях современных русских и белорусских поэтов (Ры Никоновой и Насты Грищук соответственно).

Цель статьи — определить особенности функционирования паралингвистических средств и выявить их влияние на содержание и форму поэтического высказывания в произведениях с осложненной семиотической природой Э. Яндля, Ры Никоновой и Насты Грищук.

Материал и методы. Материалом изучения выступают экспериментальные произведения Э. Яндля, перформансы российского поэта Ры Никоновой, произведение «Мы развіталіся» (вербальное и паралингвистическое) Насты Грищук из сборника «Мільён непатрэбных гукаў». Методологическая основа публикации — труды белорусских, русских и зарубежных ученых-гуманитаристов: А. Гугнина, М. Гаспарова, О. Поймановой, Д. Розенталя. Исследование основывается на культурно-исторических принципах, методах компаративистики, формальной школы, а также методике структурного анализа.

Результаты и их обсуждение. В современном поэтическом искусстве обращение к возможностям такого средства создания художественного образа, как паралингвизмы, является одной из определяющих литературно-эстетических доминант. В данном исследовании отмечается, что усиление визуальной, акустической, паралингвистической мотивированности поэтического высказывания, использование игровых приемов во многом обуславливают основные формы и стилистику развития нынешней европейской поэзии, в том числе современной поэзии России и Беларуси.

Заключение. Совокупность вербальных и параязыковых средств в экспериментальных произведениях Э. Яндля, Ры Никоновой, Насты Грищук позволяет глубже и точнее передать общее содержание высказывания, полнее донести эмоциональную составляющую, оригинально заострить яркость, фигуративность и многозначность художественного образа.

Ключевые слова: паралингвистика, поликодовое письмо, конкретная поэзия, фонационные средства, кинетические средства, графические средства, Э. Яндль, Ры Никонова, Наста Грищук.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 174–179)

Paralinguistic Means in the Contemporary Experimental Poetry of Austria, Russia, Belarus

Sadko L.M.

Educational Establishment “Brest State A.S. Pushkin University”, Brest

The contemporary literary process is characterized by the situation when standard universalist interpretations lose their explanatory and prognostic functions. Strategies of writing aimed at experiment and novelty are becoming extremely widespread. The study of the language opportunities conducted in the poetry of vanguard and neo-vanguard writers, the poet-

concretist E. Yandl's in particular, results in the transformation of the conventional language of fiction, in the application of the opportunities of the poly-code writing, paralinguistic components. The similar vector of the activity is also found in the works by the contemporary Russian and Belarusian poets (Ry Nikonova and Nasta Grishchuk correspondingly).

The purpose of the article is to identify functioning features of paralinguistic means and find out their influence on the content and the form of a poetic utterance in works with complicated semiotic nature by E. Yandl, Ry Nikonova and Nasta Grishchuk.

Material and methods. The research material is experimental works by E. Yandl, performances by the Russian poet Ry Nikonova, the work "We Parted" (verbal and paralinguistic) by Nasta Grishchuk from the collection of "Million of Unworthy Sounds". The research methodological basis is works of Belarusian, Russian and foreign scientists-humanitarians: A. Gugin, M. Gasparov, O. Poimanova, D. Rosental. The study is based on cultural and historic principles, comparative and formal school methods as well as the method of structural analysis.

Findings and their discussion. In the contemporary poetic art addressing ways of such a means of creating an artistic image as paralinguistics is one of the decisive literature and aesthetic dominants. The present research points out that strengthening visual, acoustic, paralinguistic motivation of a poetic utterance and the use of game techniques define basic forms and stylistics of the development of European, including contemporary Russian and Belarusian, poetry.

Conclusion. The unity of verbal and paralinguistic means in the experimental works by E. Yandl, Ry Nikonova, Nasta Grishchuk makes it possible to render the general contents of the utterance deeper and more accurately, to carry the emotional component more distinctly, to sharpen the brightness, figurativeness and multi-meaningfulness of an artistic image.

Key words: paralinguistics, polycode writing, definite poetry, phonetic means, kinetic means, graphic means, E. Yandl, Ry Nikonova, N. Grishchuk.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 174–179)

Значительным явлением в отечественной и мировой поэзии авангардизма и поста-вангардизма выступают художественные тексты с осложненной семиотической природой (невербальным компонентом – акустическим, визуальным, кинетическим, пр.). Известный литературовед М.Л. Гаспаров, автор монографии «Очерк истории европейского стиха», анализируя пути развития современного стиха, отмечает наличие «двух нетрадиционных стихотворных форм: стихов для слуха и стихов для глаза» [1, с. 262]. Далее автор подчеркивает особое теоретическое значение конкретной поэзии как одного из ярких неоавангардистских явлений: «Она напоминает, что в XX веке поэзия из искусства слышимого слова стала искусством читаемого слова и что как при своем начале поэзия смыкалась с пением и музыкой, так и теперь смыкается с графическим искусством» [1, с. 265]. Надо отметить, что конкретное искусство во второй половине XX века получает большое распространение. Термин «конкретная поэзия», или «конкретизм», «конкрет-движение», стал условным наименованием целого ряда разнородных явлений в австрийской, бразильской, немецкой, чешской, швейцарской, итальянской, американской литературах. В творчестве поэтов-конкретистов наблюдается доминантная тенденция – через эксперименты с языком освободить энергию конкретного слова, не зависящего от грамматики и пунктуации. Теоретик и практик конкретизма Ф. Мон подчеркивает, что «первичным элементом конкретной поэзии является слово, а не предложение,

как это свойственно всякой другой литературе, будь она традиционная или же современная» [2, с. 95]. «Эстетическое обоснование конкретной поэзии, – как справедливо отмечает известный филолог А.А. Гугнин, – выводится из предпосылки, что звуковая и графическая оболочка слов, их расположение на листе бумаги заключают в себе серьезный смысловой и символический подтекст, не совпадающий полностью с лексическими значениями отдельных слов и словосочетаний, а порой и вступающий с ними в явное противоречие» [3, с. 594].

Таким образом, теория и практика конкретизма во многом апеллирует к возможностям поликодового письма, паралингвистическим средствам коммуникации. Паралингвистика как раздел языкознания изучает «такие характерные для данного языка свойства звучащей речи, как степень громкости, диапазон модуляций голоса, специфическая экспрессивно-эмоциональная окраска и т.д., то есть те свойства, не входящие в систему собственно дифференциальных фонологических противопоставлений, и занимается в целом сферой несловесной коммуникации – изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации (жесты, мимика, ситуация речи и т.д.)» [4, с. 268]. Авторитетный современный лингвист Т.М. Николаева отмечает, что существует три вида средств паралингвистики: «К фонационным средствам относятся: тембр, темп, громкость речи, заполнители паузы (“э-э”, “м-м” и др.), мелодические явления, особенности произношения звуков речи

[диалектные, социальные и идиолектные]. Кинетические средства – это жесты, тип выбираемой позы, мимика. Графические – почерк, способы графических дополнений к буквам, их заменители (&, § и т.п.)» [5, с. 367].

Паралингвизмы как структурообразующие компоненты коммуникации вообще и как средства создания художественного образа в частности имеют большое значение в современной гуманитаристике.

Цель данной статьи – определить особенности функционирования паралингвистических средств и выявить их влияние на содержание и форму поэтического высказывания в произведениях с осложненной семиотической природой Э. Яндля, Ры Никоновой и Насты Грищук.

Реализация данной цели подразумевает решение нескольких задач: уточнить доминантные признаки и специфику паралингвистических средств; выявить стратегии построения произведений современной экспериментальной австрийской, русской и белорусской поэзии с осложненной семиотической природой на примере текстов Э. Яндля, Ры Никоновой и Насты Грищук.

Материал и методы. Материалом изучения выступают экспериментальные произведения Э. Яндля, перформансы российского поэта Ры Никоновой, произведение «Мы развіталіся» (вербальное и паралингвистическое) Насты Грищук из сборника «Мільён непатрэбных гукаў». Методологическая основа публикации – труды белорусских, русских и зарубежных ученых-гуманитаристов: А. Гугнина, М. Гаспарова, О. Поймановой, Д. Розенталя. Исследование основывается на культурно-исторических принципах, методах компаративистики, формальной школы, а также методике структурного анализа.

Результаты и их обсуждение. В современной экспериментальной и «неофициальной» поэзии Беларуси, а также России и ряда западноевропейских стран отмечаются схожие тенденции к использованию паралингвистических средств при создании художественных произведений. Вслед за австрийским теоретиком и практиком конкретизма Э. Яндлем (1925–2000), который, рассуждая о дифференциации произведений конкретизма, предлагает некоторые подходы к систематизации и пониманию экспериментальных речевых и звуковых стихотворений, представим некоторую классификацию конкретистских экспериментальных текстов с ярко выраженной осложненной семиотической природой. Одни из них – это «звуки и слоги к “словоподобным” про-

изведениям»¹ («*Laute und Silben zu wortähnlichen Gebilden*»), другие работают «с возможностями голоса» («*mit den Möglichkeiten der Stimme*») [6, с. 54]. Продолжая размышление, автор группирует стихи в четыре основные разновидности: «стихи “будничного языка” (по-другому, “язык гастарбайтера”); “громкие звуковые стихи”, “безмолвные звуковые стихи”, “визуальные стихи”» («*das Gedicht “in nahezu Alltagssprache” (oder wie er es anderswo nennt: in “Gastarbeiterdeutsch”), “das Stimme verlangende Sprechgedicht”, “das laute wortlose Lautgedicht” und “das stille visuelle Gedicht”*») [7, с. 34].

Особая поэтическая форма «немых» речевых текстов демонстрируется автором в примечаниях к стихотворению «губы» («*die lippen*»²) [8, с. 96]:

«*) эту часть стиха нужно не произносить, а делать очевидной (*diese version ist nicht zu sprechen, sondern sichtbar zu machen; die titel hingegen werden gesprochen*)

**) верхняя губа накрывает нижнюю таким образом, что становится необычно заметной (*die Oberlippe wird so über die Unterlippe gestülpt, daß diese nicht, jene hingegen auffällig, sichtbar ist*)

***)) обе губы в слегка сомкнутом состоянии выдаются вперед в равной мере, становясь заметными (*die Unterlippe wird so über die Oberlippe gestülpt, daß diese nicht, jene hingegen auffällig, sichtbar ist*)».

Текст Э. Яндля «рот*» («*der mund**») [8, с. 97] также представляет собой поликодовый текст с использованием средств кинетики:

часть 1 он открыт он все еще открыт он очень открыт он всё ещё	<i>teil 1</i> <i>er ist offen</i> <i>er ist weiter offen</i> <i>er ist sehr weiter offen</i> <i>er ist zu</i>
часть 1 они не смотрят внутрь они заглядывают внутрь они не смотрят внутрь	<i>teil 2</i> <i>sie sehen nicht hinein</i> <i>sie sehen hinein**</i> <i>sie sehen nicht hinein</i>

Собственно текст данного произведения – это лишь детальные кинестетические указания для декламатора и зрителей, от совместной деятельности которых зависит успех данного про-

¹ Тексты приводятся в переводе автора статьи.

² Сохранена традиция письма конкретизма без прописных букв и знаков препинания.

изведения, в какой-то степени тяготеющего к акциональному искусству. Особую роль играют авторские сноски, представленные дважды. Первое пояснение Э. Яндля к заголовку текста сообщает: «как гласит каждая строка соответственно, рот во время произнесения текста полностью неподвижно открыт, совсем открыт или закрыт, в нем возникновение звуков приближается к обычной звуковой картине через движения других частей – языка, выдвинутых губ – и очень искусного управления воздушными потоками и резонаторами» (*«der aussage der einzelnen zeile entsprechend, ist der mund beim sprechen des textes möglichst vollkommen unbeweglich jeweils offen, weiter offen oder geschlossen zu halten, wobei die lautbildung, in verschiedenen graden von annäherung an das gewohnte lautbild, durch die in bewegung bleibenden teile – zunge und keilkopf – und durch die, möglichst geschickte, lenkung des luftstrom und ausnützung der resonanzräume erfolgt»*). Сноска к одной из строк второй части – «положение рта как в части 1 строка 2» (*«mundstellung wie teil 1 zeile 2»*). Подобные произведения Э. Яндля с использованием различных – вербальных и невербальных средств – буквально озвучивают, зримо представляют слова, делая их протяженными не только во времени, но и в пространстве, что сообщает тексту коммуникативную завершенность и особую выразительность. Отношения между вербальным и невербальным компонентами в подобном тексте паритетные, однако значение паралингвистических средств в текстах «губы» (*«die lippen»*), «рот*» (*«der mund*»*) велико. Известно, что сам Э. Яндль был талантливым лингвоартистом, поэтому такие фонационно-кинестетические эксперименты с силой голоса, протяженностью, интонационным оформлением, мимикой на его концертах являлись непременным средством эмоционально-психологического воздействия на реципиента.

В экспериментах Ры Никоновой (1942–2014), российской поэтессы, художника, теоретика искусства, большой интерес представляют идеи транспонирования различных сфер духовной деятельности, средств и способов репрезентации различных видов искусства. Сама Ры Никонова отмечает: «Прежде всего – система есть. Во всем. Везде чувствуется одна рука, один божественный взгляд, один негатив (матрица). Единообразие принципа толкнуло меня на поиск. <...> И вот я вижу одни и те же стили-формулы в искусстве, математике, науке, философии, религии» [9, с. 227]. Такой подход позволяет говорить о воз-

можностях взаимной синсемантии вербального и невербального, в частности, кинестетического, планов в творчестве самой поэтессы и лингвокреатора. Ры Никонова заявляет: «Выяснилось, что СМЫСЛ зависит не только от БУКВ, их расположения и выделки, но и от среды существования книги, от векторности, от манеры чтения, от фактуры страницы (платформы), и качества любых других литературных элементов (или их заменителей)» [10].

Вот как описаны выступления этого автора в антологии новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны»: «1. Ры Никонова: посвящая графу арачееву (стихотворение-палка, исполнение стиха состоит из одного удара). 2. Ры Никонова: роман из двух фраз / две фразы в 63-х вариантах с жестами, пением, рупорами, полифонией, инверсией, балластом, откусками, графиками, цветом, мульти-тавтологией, наложениями и переплетениями, моделированием и модуляциями, гипер-акцентами, топофонией, корректурой, дуализмом тембров, обертонами, вакуумностью, серийностью, замещениями, интеграцией с математикой, живописью, музыкой, балетом и тэдэ» [11], «это было лучшее во всем чтении стихов: стихи из цифр и букв, стихи из алгебраических корней, дробей и пр. – читала Анна здорово: арифмометр – четко и сухо, как щелчки по носу. Были и стихи с демонстрацией картинок: напр, произносит строго, медленно и размеренно “55”, а показывает цифру “57”. «И тэ дэ» [11].

Остановимся на последней фиксации перформанса Ры Никоновой. В данном описании интерес вызывает пассаж с объявлением и демонстрацией цифр (55 и 57), которые диссонируют друг с другом. Это актуализирует оппозитивные отношения заявленного и ожидаемого, порождает их когнитивное столкновение, что становится средством особого воздействия на адресата данного произведения. Отношения оппозиции между вербальной и паралингвистической информацией часто приводят к комическому эффекту. Однако произведения Ры Никоновой скорее заставляют задуматься о более глубоких категориях – видимости и сущности, о маске и лице.

Известны также поиски поэтической выразительности, которые предприняла Ры Никонова путем транспонирования средств кулинарного искусства и изящного письма. Сама автор назвала эту практику «кулинарарт». Ярким примером является работа Ры Никоновой «Литературная пряность», представляющая собой тарелку, на которой изображены буквы из варенья, при ис-

полнении стиха они слизываются, порождая ситуацию отсутствия знака как означающего. Прибегала автор к паралингвистическим средствам и для создания так называемых «Платформных стихов». Создание таких текстов представляет собой перформанс. Автор произвольно сгибает белый лист, на обороте которого напечатаны/написаны/изображены некие вербальные или паравербальные знаки. Получившийся текст, отмечает Ры Никонова, «зажигает в шрифтовой черноте белый свет пустоты» [10].

На современном книжном рынке Беларуси появился интересный проект бук-арта, осуществленный в 2011 году при поддержке компании «Velcom». Молодые отечественные поэты представили свои тексты (вербальный компонент), а рядом были помещены фотографии (паралингвистический компонент) А. Обуховича (Аляксандр Абуховіч), запечатлевшего своеобразный сурдоперевод художественного текста на язык глухонемых. Автор предисловия к сборнику «Мільён непатрэбных гукаў» Т. Федоренко замечает, что «у кожнага ўдзельніка было чатыры жэсты для рэфлексіі над адным творам. Гэта наймацнейшыя ўражанні, запамінальныя выразы і аўтарскі настрой, праніклі ў самае сэрца. На здымках – звычайныя людзі рознага веку ды роду заняткаў. Іх вочы, міміка, жэсты – іх галасы» [12, с. 4].

Средства кинестетики в определенных случаях выступают единственным способом донесения информации. Так, тактильная и жестовая речь глухих и глухонемых становится для них и средством передачи информации, и способом эмоционального воздействия, сочетая вербальный и паравербальный компоненты.

Произведения в сборнике «Мільён непатрэбных гукаў» являются гетерогенной средой, которая включает в себя как знаки естественного языка, так и изобразительной знаковой системы (фотография, жест, мимика, поза и др.). Причем семантическое пространство организуется в данных произведениях именно на пересечении и взаимообогащении этих различных систем. К примеру, текст «Мы развіталіся» [12, с. 6–7] Насты Гришук (Насты Грышчук, 1992) в своем вербальном компоненте повествует о сложных взаимоотношениях мужчины и женщины, где любовь и разлука – крестный путь трагической судьбы человека:

Мы развіталіся.
На памяць
Я падарыла крыжык свой,

Каб ты і ў ноч, і ў дождж, і ў замець
Не сустракаўся з доляй злой.

Няхай нас болей лёс не зніжа,
Я зноў убачу: ты стаіш.
На шыі – мой маленькі крыжык,
І на плячах – вялізны крыж.

Это проблемно-тематическое поле поддерживается и на уровне невербальной составляющей текста. Жестовая речь переводчика Марии – это четыре сообщения, семантические доминанты поэтического высказывания: крест, душа, благо, путь:

Взаимное обогащение и прирастание информации в анализируемом произведении позволяет говорить о целесообразности подобных художественных экспериментов.

Заключение. Совокупность вербальных и параязыковых средств в экспериментальных произведениях Э. Яндля, Ры Никоновой, Н. Гришук помогает глубже и точнее передать общее содержание высказывания, полнее донести эмоциональную составляющую, оригинально заострить яркость, фигуративность и многозначность художественного образа.

Тексты Э. Яндля, Ры Никоновой, Н. Гришук со сложной семиотической природой основываются на инкорпорации знаков других семиотических систем (живописи, графики, дизайна, музыки, декламации, фотографии, пантомимы). Слово в подобных текстах перестает быть единственным

семантико-информационным центром, что усиливает мотивированность поэтического текста, совмещает текстуальный уровень восприятия с осязаемо-образным, непосредственно данным.

Литература

1. Гаспаров, М.Л. Очерк истории европейского стиха / М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1989. – 271 с.
2. Мон, Ф. О поэзии плоскости / Ф. Мон // Экспериментальная поэзия. Избранные статьи / сост. и общ. ред. Д. Булатова. – Кёнигсберг–Мальборк, 1996. – С. 95.
3. Называть вещи своими именами: программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века / сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева. – М.: Прогресс, 1986. – 640 с.
4. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
5. Николаева, Т.М. Паралингвистика / Т.М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 367.
6. Hinderer, W. Kunst ist Arbeit an der Sprache. Ernst Jandl «schztzngrmm» im Kontext / W. Hinderer // Gedichte von Ernst Jandl / hrsg.: V. Kaukoreit, K. Pfoser. – Stuttgart: Reclam, 2002. – S. 47–60.
7. Hinderer, W. «Das Röcheln der Mona Lisa» / W. Hinderer // Text + Kritik. – 1996. – № 1(129). – S. 31–36.
8. Jandl, E. Poetische Werke: in 11 Bde. / E. Jandl; hrsg. K. Siblewski. – München: Luhterhand, 1997. – Bd. 4: Künstliche baum. – 191 s.
9. Павловец, М. «Вакуумные тексты» Ры Никоновой и «сверхмалые тексты» в литературе / М. Павловец // НЛО. – 2014. – № 6(30). – С. 218–229.
10. Никонова, Ры. Слово – лишнее как таковое [Электронный ресурс] / Ры Никонова // Книгоиздательство Гилея. – Режим доступа: <http://hylaea.ru/news/?id=225>. – Дата доступа: 07.07.2018.
11. Кузьминский, К. Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны» [Электронный ресурс] / К. Кузьминский, Г. Ковалёв. – Режим доступа: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/transpoety.htm>. – Дата доступа: 07.07.2018.
12. Мільён непатрэбных гукаў: Конкурс маладых літаратараў. – Мінск: Галіяфы, 2011. – 30 с.

Поступила в редакцию 04.02.2019 г.

Ролевой статус «свидетель» в устной межличностной коммуникации

Темиргазина З.К., Тезекбаев А.Д.

Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар (Казахстан)

Межличностная коммуникация входит в число актуальных исследовательских направлений современной лингвистики, так как в этом русле накопилось достаточное количество вопросов, требующих серьезного теоретического осмысления и изучения на практическом материале. В этой связи обращение к проблемному полю реализации межличностного коммуникативного взаимодействия представляется важным и значимым. Как известно, ключевое значение в речевой деятельности имеют ее субъекты. К таковым относятся говорящий, слушатель, а также свидетель.

В настоящей работе глубокому анализу подвергается ролевой статус свидетеля как третьего лица, что позволяет достигнуть поставленной исследовательской цели — выявить коммуникативно-прагматические особенности ролевого статуса и коммуникативной ситуации, в которой функционирует указанный ролевой статус.

Материал и методы. Фактический материал исследования — из текстов классической художественной русскоязычной литературы. Интерпретация полученных результатов основывается на использовании верифицированных методов прагмалингвистического и коммуникативного анализов.

Результаты и их обсуждение. Категория свидетеля не имеет общепринятой дефиниции в лингвистике и не закреплена в соответствующих терминологических лексикографических источниках. Однако, основываясь на представлениях, существующих в профанном сознании носителей русского языка, можно определить признаки понятия «свидетель» — это коммуникант, лично присутствующий при речевом контакте, имеющий возможность видеть и слышать его, но не заинтересованный в сути происходящего. В коммуникативных ситуациях, обнаруживающих ролевой статус свидетеля, характерным является неправомерность и нелегальность событий, слов, поступков, в том числе и позиции этических норм.

Заключение. Установлено, что коммуникативной ситуации присущи неправомерность происходящего события или речевых действий, какое-либо нарушение с точки зрения этических, правовых и т.п. норм. Свидетель привлекается для подтверждения этого нарушения или отступления от норм. Он может оказаться также случайным нежелательным очевидцем событий. Параметр желательности характеризует свидетеля в случае его привлечения одним из коммуникантов или обоими коммуникантами. Привлечение третьего лица в качестве свидетеля осуществляется с помощью речевых актов апелляции, призыва, приглашения, просьбы, мольбы и т.п. Такие признаки третьего лица, как неучастие в речевом контакте, незаинтересованность в происходящем, придают ему с точки зрения остальных коммуникантов качество объективности и позволяют ему выступать в роли свидетеля.

Ключевые слова: ролевой статус, свидетель, коммуникативная ситуация, случайный очевидец, нарушитель конфиденциальности.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 180–183)

The Role Status of “Witness” in Oral Interpersonal Communication

Temirgazina Z.K., Tezekbaev A.D.

Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar (Kazakhstan)

Interpersonal communication belongs to the number of current research trends of the contemporary linguistics since it possesses a lot of questions which require serious theoretical consideration and study on the basis of the practical material. Regarding this, addressing the problem area of the implementation of interpersonal communicative interaction seems significant. As is known, speech activity subjects are of key importance. They are the speaker, the listener and the witness. The article deeply analyzes the role status of a third person as a witness which makes it possible to reach the research goal, namely, to find out communicative and pragmatic features of the role status and the communicative situation in which the mentioned role status functions.

Material and methods. The factual research material is taken from texts of the Russian language classical fiction. The interpretation of the obtained findings is based on the application of the verified methods of pragmalinguistic and communicative analyses.

Адрес для корреспонденции: e-mail: zifakakbaevna@mail.ru — З.К. Темиргазина

Findings and their discussion. The category of the witness hasn't got a generally accepted definition in linguistics and is not fixed in the corresponding terminological lexicographic sources. However, on the basis of images which exist in profane consciousness of the Russian language native speakers it is possible to identify the features of the notion of the witness. It is a communicator who is personally present at the speech contact, who can see and hear it but is not interested in the essence of what happens. In communicative situations which reveal the role status of the witness are characterized by the illegitimacy of events, words, acts, including positions of ethic norms,

Conclusion. It has been established that the communicative situation is characterized by the illegitimacy of an ongoing event or speech actions, any violation in terms of ethical and legal norms. The witness is involved to confirm this violation or deviation from the norms. The witness may also be an accidental undesirable eyewitness of the events. The parameter of desirability characterizes the witness in the case of his involvement by one of the communicators or both communicators. The involvement of a third party as a witness is carried out with the help of speech acts of appeals, invitation, request, plea, etc. Such signs of a third party, as non-participation in speech contact, lack of interest in what is happening from the point of view of other communicators, give him the quality of objectivity and allow him to act as a witness.

Key words: role status, witness, communicative situation, bystander, privacy violator.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 180–183)

Коммуникативная ситуация выступает элементарным звеном в членении речевой коммуникации. Традиционно к ее структурным компонентам относят следующие: «говорящий; слушающий; отношения между говорящим и слушающим; тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская); цель; средство общения (язык, диалект, стиль, паразитические средства – жесты, мимика); способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); место общения» [1]. Соглашаясь с этим достаточно распространенным и устоявшимся в теории речевой коммуникации определением компонентов коммуникативной ситуации, мы считаем необходимым отметить недостаточность учета в структуре ситуации только участия основных коммуникантов (говорящего и слушающего), поскольку в этом случае вне пределов исследовательского интереса остается очень важная категория участников общения – третьи лица. Их причисляют к неосновным, необязательным участникам в силу их минимального вклада в речевое общение. Но тем не менее зачастую их присутствие и участие в общении является одним из существенных факторов, в значительной степени определяющих речевое поведение основных коммуникантов.

К третьим лицам в широком понимании мы относим две категории участников: во-первых, коммуниканты, присутствующие при речевом контакте говорящего и слушающего, имеющие возможность их видеть, слышать, наблюдать за ними, но не участвующие вербально в общении; во-вторых, коммуниканты, также присутствующие при речевом контакте говорящего и слушающего, имеющие возможность наблюдать за ними и вступающие в вербальное общение, несмотря на то, что обсуждаемый предмет их непосредственно не затрагивает.

Цель – выявить коммуникативно-прагматические особенности ролевого статуса и коммуника-

тивной ситуации, в которой функционирует указанный ролевой статус.

Материал и методы. В данной статье мы рассмотрим такой ролевой статус третьего участника, как «свидетель», его прагматические характеристики, место в конфигурации участников коммуникативной ситуации и т.д. Материал для прагматического анализа извлечен из художественных текстов русской классической литературы. Единицей прагмалингвистического анализа выступает коммуникативная ситуация.

Однако мы говорим о количестве участников в малых речевых группах из нескольких человек в сфере устной межличностной коммуникации. Исследование коммуникативных ситуаций с учетом роли «третьих лиц» является малоизученной проблемой прагмалингвистики и теории речевой коммуникации и, соответственно, представляется особо значимым для теории и практики межличностной устной коммуникации, поскольку выявляет зависимость речевого поведения человека, выбор коммуникативных стратегий и тактик от неосновных участников, обусловленность смены ролей участников различными факторами, спецификой и статусом «третьих лиц».

Результаты и их обсуждение. Слово «свидетель» в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова определяется следующим образом: «человек, который лично присутствовал при каком-нибудь событии, очевидец» [2, с. 691]. Более полное толкование находим в электронном толковом словаре русского языка под редакцией Д.В. Дмитриева:

«1. **Свидетелем** называют человека, который присутствует лично при каком-либо событии, происшествии. *Непрошенные, невольные свидетели. Стать свидетелем необычного явления.* = очевидец

2. Когда кто-либо разговаривает **без свидетелей**, то это означает, что два человека общаются наедине. *Они дрались без свидетелей.*

3. Если кто-либо **призывает в свидетели** кого-либо, то это означает, что этот человек ссылается на кого-либо в оправдание своих слов.

4. Если что-либо является **немым, безмолвным свидетелем** чего-либо, то это означает, что какие-либо неодушевленные предметы находятся в том месте, где происходит какое-либо событие. *Особую роль играют вещественные доказательства в качестве “немых свидетелей”.*

5. В суде **свидетелем** называют лицо, которое располагает сведениями об обстоятельствах судебного дела. *Свидетель, не достигший шестнадцатилетнего возраста, после его допроса удаляется из зала суда.*

6. В нотариате **свидетелем** называют лицо, которое приглашается для официального удостоверения подлинности или правильности чего-либо. *Вскрыть завещание при свидетелях» [3].*

Опираясь на представления, существующие в профанном сознании носителей русского языка, можно определить признаки понятия «свидетель», существенные для его коммуникативно-прагматической интерпретации. Свидетель – это коммуникант, лично присутствующий при речевом контакте, имеющий возможность видеть и слышать его, но не заинтересованный в сути происходящего. Именно последний признак – незаинтересованность – является основанием для остальных коммуникантов присвоить ему статус свидетеля. Неучастие в коммуникации и одновременно присутствие при речевом контакте придает третьему лицу ореол объективности, основные участники нередко начинают апеллировать к нему как к «третьей стороне» или призывать в свидетели.

Для коммуникативной ситуации, в которой обнаруживается ролевой статус свидетеля, характерным является неправомерность, нелегальность происходящего события, поступка, слов, определяемая одним из коммуникантов. Выявляемое нарушение, проступок не обязательно носят криминальный характер, это могут быть нарушения этических норм, коммуникативного кодекса и т.п.

Например:

– Мне кажется, Федор Иванович, – произнесла, понизив голос, Лиза (когда она не соглашалась со своим собеседником, она всегда понижала голос; притом она чувствовала большое волнение), – счастье на земле зависит не от нас...

– От нас, от нас, поверьте мне (он схватил ее за обе руки; Лиза побледнела и почти с испугом, но внимательно глядела на него), лишь бы мы не испортили сами своей жизни. Для иных людей брак по любви может быть несчастьем; но не для вас, с вашим

спокойным нравом, с вашей ясной душой! Умоляю вас, не выходите замуж без любви, по чувству долга, отречения, что ли... Это то же безверие, тот же расчет, – и еще худший. Поверьте мне – я имею право это говорить: я дорого заплатил за это право. И если ваш бог...

В это мгновенье Лаврецкий заметил, что Леночка стояла подле Лизы и с немym изумленьем уставилась на него. Он выпустил Лизины руки, торопливо проговорил: «Извините меня, пожалуйста», – и направился к дому (Дворянское гнездо. И.С. Тургенев).

Как мы видим, девочка оказалась свидетелем недопустимого с точки зрения правил приличия поведения Лаврецкого с Лизой (он схватил ее за обе руки) и реакции Лизы на это нарушение (Лиза побледнела и почти с испугом, но внимательно глядела на него), что вызывает у девочки невербальную эмоциональную реакцию (с немym изумленьем уставилась на него). Здесь ролевой статус свидетеля характеризуется признаком случайности и неожиданности для основных участников: Леночка оказалась «случайным» очевидцем коммуникативных событий.

Кроме параметра случайности и неожиданности, ролевой статус третьего лица как свидетеля практически всегда сопровождается признаком желательности / нежелательности для остальных коммуникантов или одного из них. Так, появление третьего лица может быть нежелательным в случае, если разговор между основными коммуникантами носит конфиденциальный характер.

См., например:

– Ну, так о чем же тут говорить? Не поможешь разговорами... Влюблены ведь?

– Да... – шепчет нерешительно Полинька, и из глаз ее брызжут крупные слезы.

– Какие же могут быть разговоры? – бормочет Николай Тимофееч, нервно пожимая плечами и бледнея. – Никаких разговоров и не нужно... Утрите глаза, вот и всё. Я... я ничего не желаю...

В это время к пирамиде из коробок подходит высокий тощий приказчик и говорит своей покурательнице:

– Не угодно ли, прекрасный эластик для подвязок, не останавливающий крови, признанный медициной...

Николай Тимофееч загораживает Полиньку и, стараясь скрыть ее и свое волнение, морщит лицо в улыбку и громко говорит:

– Есть два сорта кружев, сударыня! Бумажные и шелковые! Ориенталь, британские, валенсьен, кроше, торшон – это бумажные-с,

а рококо, сутажет, камбре – это шелковые... («Полинька». А.П. Чехов).

Как мы видим, интимный, эмоционально напряженный разговор между Полинькой, дочерью хозяйки модной мастерской, и Николаем Тимофеичем, приказчиком галантерейного магазина, прерывается появлением нежелательного для них свидетеля – другого приказчика с покупательницей. Тогда коммуникант выбирает речевую тактику резкого изменения темы, чтобы скрыть интимность происходящего разговора, неуместного в общественном месте. Ролевой статус свидетеля в подобных ситуациях характеризуется нежелательностью для обоих коммуникантов, свидетели выступают как «нарушители конфиденциальности».

Свидетель может обладать и параметром желательности, если коммуниканты или один из них привлекает третье лицо в качестве свидетеля. Вовлечение третьего лица в вербальную коммуникацию осуществляется либо одним из основных участников, либо само третье лицо, посчитав ситуацию требующей его прямого участия, включается в вербальное общение.

Один из основных участников, обычно уличающий в нарушении собеседника, может призывать третьи лица к более активному вмешательству в речевое общение в качестве свидетеля, используя речевые акты просьбы, мольбы, апелляции, приглашения, требования, призыва, переадресации и др.

Например:

Он жаловался на старосту и то и дело оборачивался к мужикам, как бы приглашая их в свидетели (Мужики. А.П. Чехов).

Зычным голосом, стараясь, чтобы слышали рабочие, с любопытством скопляющиеся у рамы, Романус говорил, что Стриж затолкал музыкантов в карман сцены (Театральный роман. М.А. Булгаков).

Третий участник не всегда охотно соглашается на роль свидетеля, занимая нейтральную позицию в споре или конфликте, и может негативно реагировать на попытки вовлечь его в разговор.

Например:

– А я утром вышел, гляжу – чи-то ноги из-под эроплана торчат. Неужто, думаю, Ваня нынче на улице ночевал? Еще и Афродите говорю: «Погляди, мол, кажись, Ванины ноги из-под эроплана торчат». Слышь, Афродита, – закричал он жене, призывая ее в свидетели, – помнишь, утром я тебе говорил: «Погляди, мол, кажись, Ванины ноги из-под эроплана торчат».

Афродита смотрела на него все с тем же выражением лица, не меняя его и никак

не реагируя на обращенные к ней слова (Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. В. Войнович).

Здесь третье лицо не внимает призыву говорящего поддержать его в качестве свидетеля и сохраняет свой статус молчаливого присутствующего. В данном случае можно говорить о типе равнодушного или нейтрального свидетеля.

Таким образом, специфические характеристики третьего лица позволяют ему участвовать в коммуникации невербально, выполняя разнообразные функции и выступая в различных ролевых статусах.

Заключение. Итак, в ходе исследования мы выявили, что статус «третьего лица» как свидетеля коммуникации оказывает значительное влияние на речевое поведение основных участников коммуникации. Третье лицо как свидетель может занимать нейтральную позицию, но также может становиться активным участником коммуникации, выражая свою позицию вербальным или невербальным способом. Ролевой статус «свидетель» обладает в коммуникативной ситуации следующими прагматическими признаками:

1) ролевой статус «свидетель» характерен для третьих лиц, присутствующих при речевом контакте основных участников;

2) «третье лицо» как неосновной участник является незаинтересованным лицом, что придает ему объективность с точки зрения остальных коммуникантов и служит предпосылкой для привлечения его в качестве свидетеля;

3) для статуса свидетеля типичны также параметры желательности / нежелательности, случайности, неожиданности;

4) коммуникативная ситуация, в которой обнаруживается ролевой статус свидетеля, отличается неправомерностью происходящего события, поступка, слов с точки зрения хотя бы одного из коммуникантов.

Литература

1. Мыскин, С.В. Типология профессиональных коммуникативных ситуаций / С.В. Мыскин // Вестник РУДН. Сер. «Вопросы образования: языки и специальность». – 2015. – № 2. – С. 40–55.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Оникс: Мир и образование, 2011. – 736 с.
3. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Д.В. Дмитриева. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/>. – Дата доступа: 03.03.2019.

Поступила в редакцию 08.04.2019 г.

Семантическая структура категории темпоральности

Рыжкович А. Ч.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», Гродно*

Теоретической предпосылкой исследования служит тезис о том, что категория темпоральности состоит из «сегментов» (микрополей) с определенной семантикой, в каждом из которых существует своя доминанта — языковое средство, основной функцией которого является выражение именно этого значения. В работе рассматриваются микрополе прошлое / настоящее / будущее, микрополе временной локализованности, микрополе одновременности / разновременности момента действия и момента времени, микрополе временного порядка (временной последовательности), микрополе краткости / длительности временного отрезка, микрополе единичности / повторяемости (кратности, разделительности) событий во времени и средства выражения этих сегментов, образующих семантическую структуру категории темпоральности.

Цель статьи — описать микрополя, формирующие семантическую структуру функционально-семантической категории темпоральности, и основные средства их выражения.

Материал и методы. *Методологической базой исследования послужили принципы системности и континуумности в развитии языка, его полевого устройства, идеи проницаемости границ между подсистемами языка, теории функциональной грамматики (в трудах А.В. Бондарко, М.В. Всеволодовой), а также достижения белорусской и русской лингвистики в изучении категории темпоральности. Основные методы — описательный, сравнительно-сопоставительный.*

Результаты и их обсуждение. *Базовыми структурными сегментами категории темпоральности выступают микрополе прошлое / настоящее / будущее, микрополе временной локализованности, микрополе одновременности / разновременности момента действия и момента времени, микрополе временного порядка (временной последовательности), микрополе краткости / длительности временного отрезка, микрополе единичности / повторяемости (кратности, разделительности) событий во времени и средства выражения этих сегментов.*

Заключение. *В ходе развития общества и науки фактор времени приобретает все большее значение, что вызывает неизменный интерес к изучению категории времени во всех ее аспектах. Семантическая структура макрополя темпоральности включает в себя несколько микрополей. В каждом из сегментов категории темпоральности существует своя доминанта — языковое средство, основной функцией которого является выражение того или иного временного значения.*

Ключевые слова: *темпоральность, семантическая структура, функционально-семантическое поле, микрополе.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 184–189)

Semantic Structure of the Category of Temporality

Ryzhkovich A.Ch.

Educational Establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

The theoretical premise of the study is the thesis that the category of temporality consists of “segments” (microfields) with a certain semantics, each of which has its own dominant — a linguistic means, the main function of which is the expression of this meaning. The article discusses the microfield past / present / future, the microfield temporal localization, the microfield of simultaneity / different timing, the moment of action and moment in time, the microfield of the interim order (the interim order), the microfield shorts / the duration of the time interval, the microfield of the oneness / repetition (multiplicity, separability) of events in time and means of expressing these segments, forming the structure of the semantic category of temporality.

The aim of the study is to describe the microfields that form the semantic structure of the functional-semantic category of temporality, and the main means of their expression.

Адрес для корреспонденции: e-mail: annamichalouskaya@mail.ru — А. Ч. Рыжкович

Material and methods. The methodological and theoretical basis of the study was the principles of system and continuum in the development of the language, its field structure, the idea of permeability of boundaries between subsystems of the language, the theory of functional grammar (in the works of A. Bondarko, M. Vsevolodova), as well as the achievements of Belarusian and Russian linguistics in the study of the category of temporality. The main methods of the research are descriptive, comparative.

Findings and their discussion. The main structural segments of the category of temporality are the microfield of the past / present / future, the microfield of the time locality, the microfield of the simultaneity / divergence of the moment of action and the moment of time, the microfield of the time order (time sequence), the microfield of the brevity / duration of the time interval, the microfield of the singularity / repeatability (multiplicity, separability) of events in time and the means of expression of these segments.

Conclusion. In the course of the development of society and science, the time factor is becoming increasingly important, which causes a constant interest in the study of the category of time in all its aspects. The semantic structure of the microfield of temporality includes several microfields. In each of the segments of the category of temporality there is a dominant – a linguistic means, the main function of which is the expression of a time value.

Key words: temporality, semantic structure, functional-semantic field, microfield.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 184–189)

Современное общество развивается ежедневно, поэтому в качестве объекта исследования время выбирают представители таких наук, как **философия** (Н.И. Трубников, В.П. Казарян), **физика** (А.Д. Чернин), **биология** (В.И. Вернадский и др.), **астрономия** (С.Н. Блажко, С. Куликов, С.И. Шкловский), **геология** (В.Т. Трофимов, Т.И. Аверкова, Д.А. Спиридонов, В.М. Цейслер), **социология** (П.А. Сорокин, А.Г. Зарубин, Э.А. Елизарьев), **психология** (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Д.Г. Элькин, А.В. Дроздова), **литературоведение** (В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев, Я.О. Зунделович, М.М. Бахтин, А.М. Темирболат, А.А. Потеня, Н.Г. Николаева и др.), **лингвистика** (М.В. Всеволодова, А.В. Бондарко, В.В. Востоков, Г.А. Золотова, Н.Д. Арутюнова, Н.А. Потаенко, В.Г. Гак, А.В. Кравченко, Н.А. Торопова и др.). Время является основой языковой картины мира и отражается в языке.

Лингвисты наряду с термином «время» используют термин «темпоральность». Как отмечает Д.А. Синкевич, темпоральность – это «категория, определяющая реализацию временных отношений в языке» [1, с. 148]. В соответствии с концепций Т.И. Дешериевой, время лингвистическое – это «формально языковые средства, называемые языковыми временными формами, которые включают в себя морфологические, синтаксические, лексические, контекстуальные средства» [2, с. 111].

Языковеды рассматривают категорию темпоральности в узком и широком значениях. В первом случае категория темпоральности включает в себя «одновременность (настоящее) – предшествование (прошлое) – следование (будущее)»

[3], в широком значении, наряду с перечисленными значениями, в структуру темпоральности входят таксис и временная локализованность.

В теории функциональной грамматики темпоральность определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая сущность физического и философского аспектов времени, реализуемая различными языковыми средствами времени: совокупностью грамматических, лексических и комбинированных средств, где ядром темпоральности является грамматическое время» [3, с. 43].

М.В. Всеволодова включает в структуру функционально-семантического поля (ФСП) русской темпоральности грамматические категории таксиса, аспектуальности, глагольной темпоральности, именной темпоральности, синтаксические категории простого и сложного предложения; строевую лексику: темпоральные реляторы и другие слова темпоральной семантики (*теперь, пора, минута, вечность, время* и т. п.), лексическое поле наречной темпоральности [4, с. 38].

Таким образом, ФСП темпоральности состоит из «сегментов» (микрополей), которые соответствуют временным характеристикам, в каждом сегменте категории темпоральности существует своя доминанта – языковое средство, основной функцией которого является выражение именно этого значения [5, с. 161]. В каждом сегменте поля темпоральности можно выделить ядро и периферию.

Цель статьи – описать микрополя, формирующие семантическую структуру функционально-семантической категории темпоральности, и основные средства их выражения.

Материал и методы. Методологической базой исследования послужили принципы системности

и континуумности в развитии языка, его полевого устройства, идеи проницаемости границ между подсистемами языка, теория функциональной грамматики (в трудах А.В. Бондарко [3], М.В. Всеволодовой [4]), а также достижения белорусской и русской лингвистики в изучении категории темпоральности. Основные методы – описательный, сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. В лингвистической литературе получили описание следующие сегменты (микрополя) семантической структуры функционально-семантического поля (темпоральности:

1. «Микрополе прошлое/настоящее/будущее» выделяют в своих трудах М.В. Всеволодова [4], А.В. Бондарко [3], Ф.И. Панков [6], В.В. Морковкин [7]. В русской морфологической системе глаголов реализуются антропоцентричные и дейктичные представления о времени, которые ориентируются на говорящего и момент речи. Глагольные формы прошедшего времени служат для выражения предшествования называемого действия моменту речи (*писал, создавал*); формы настоящего времени выражают одновременность действия и момента речи (*пишет*); следование после момента речи выражается при помощи форм будущего времени (*будет писать, создаст*). Соответствующая темпоральная лексика также способна выразить противопоставление морфологических временных форм (*в прошлом, в то время; в настоящем, сейчас, в данный момент; в будущем*). Таким образом, основным средством выражения микрополя «прошлое / настоящее / будущее» являются глагольные формы прошедшего, настоящего и будущего времени (*писал / пишу / буду писать*), в качестве средств выражения также могут выступать наречия (*вчера / сегодня / завтра, ныне / впредь / давно*), существительные (*прошлое / настоящее / будущее*), прилагательные (*прежний / нынешний / сегодняшний*), предлоги (*до / в / после*).

2. «Микрополе одновременности / разновременности момента действия и момента времени» описывается в работах М.В. Всеволодовой [4], А.В. Бондарко [3], Ф.И. Панкова [6] и др. Как отмечает М.В. Всеволодова, при одновременности (когда действие происходит в рамках временного отрезка) речь идет о прямом времени (*всю ночь, за неделю, днем*). При разновременности, т.е. в случае, если действие происходит раньше или позже временного отрезка или только частично (своим концом или началом) захватывает временной отрезок,

фиксирующий время действия, налицо так называемое относительное время, в рамках которого выделяют семы предшествования (*до урока*) и следования (*после урока*) [4]. Русские грамматики в качестве одного из средств выражения одновременности и разновременности на уровне сложного предложения выделяют союзы (одновременность: *в тот момент когда, всякий раз когда*; предшествование: *до того как, раньше чем*; следование: *после того как, с тех пор как*).

3. «Микрополе временной локализованности» описывается в работах М.В. Всеволодовой [4], В.В. Морковкина [7].

Последний выделяет в микрополе временной локализованности следующие микрополя:

– локализованность значительного по длине временного отрезка в цепи других отрезков (выражается прилагательными *новое, старое, былое время* и т.п., а также указательными, определительными или притяжательными местоимениями: *свое, наше, это, то время*; существительными: *прошлое, настоящее, будущее, старина*);

– локализованность значительного по длине временного отрезка путем соотношения его с личностью того или иного выдающегося человека или с существованием определенного политического строя (средством выражения данного микрополя могут служить прилагательные: *пушкинское, царское время* или предложно-падежные синтаксемы: *в бытность царя Гороха, в царствование Екатерины* и т.п.);

– локализованность значительного по длине временного отрезка путем соотношения с неким событием (выражается относительными прилагательными: *военное, довоенное время*);

– эмоциональная оценка временного отрезка с точки зрения событий, которые были в его границах (выражается с помощью прилагательных: *хорошее, лучшее, трудное, великое время*) [7, с. 89].

М.В. Всеволодова отмечает также временную локализованность события по отношению к моменту речи, выражаемую наречиями (*давно, недавно, сейчас, скоро* и пр.), прилагательными (*прошлый, будущий, теперешний, долгий, прошлогодний, краткий* и пр.), строевой лексикой (глаголами *совпадать, предшествовать*, существительными *предшественник* и др.) [4, с. 36].

4. «Микрополе временного порядка (временной последовательности)» определяет в своих исследованиях А.В. Бондарко [3]. Согласно кон-

цепции лингвиста, микрополе временного порядка представляет собой отражаемое в высказывании и целостном тексте языковое представление «времени в событиях», т.е. представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервала (*на другой день, через пять минут* и т.п.) [3, с. 18].

5. «Микрополе краткости / длительности временного отрезка» выделяют А.В. Бондарко [3], М.В. Всеволодова [4], В.В. Морковкин [7], Е.А. Реферовская [8]. Длительностью, или продолжительностью во времени, «обладают все действия, так как глагол, который и служит для выражения действия (в широком смысле этого слова, включающем “состояние”, “отношение” и т.д.), в любом случае создает в сознании человека представление о времени, необходимом для названного действия» [8].

М.В. Всеволодова рассматривает длительность как маркированный компонент оппозиции «действие, не маркированное относительно краткости / длительности» (время, не полностью занятое действием): *в среду / вчера позвонил / гулял в парке* vs. «действие, маркированное как длительное» (время, полностью занятое действием): *два часа / долго звонил / гулял в парке* [4, с. 82].

В.В. Морковкин отдельно рассматривает обозначения временных отрезков определенной длительности, которые имеют обиходно-прикладной характер (*урок, рабочий день, декада, четверть, семестр, триместр, отпуск, каникулы* и т.п.), и обозначения временных отрезков определенной длительности, которые участвуют в научных таксономиях (*Возрождение, архейская эра, палеозой, силур, триас* и т.п.) [7].

Микрополе краткости / длительности временного отрезка имеет следующие сегменты:

1) прерывность / непрерывность временного отрезка (А.В. Бондарко [3], Е.В. Падучева [9]). Время отражается, во-первых, как нечто последовательное, непрерывное и, во-вторых, как нечто многоплановое, прерывистое. Непрерывности соответствуют такие формы проявления, как взаимосвязанность, беспредельная делимость, постепенность. Прерывности – изолированность, предельная делимость, скачкообразность [9];

2) внезапность, неожиданность события (А.В. Бондарко [3]). Содержательно высказывания о внезапных событиях способны реализовать два варианта аспектуально-таксисной категориальной ситуации: желание, готовность, наличие предположений для того, чтобы совершилось событие или

осуществилось действие – наступление факта, препятствующего их осуществлению, и «длительность – неожиданное наступление факта» [3]. Средствами выражения внезапности служат союзы (*как вдруг*) и наречия (*вдруг, внезапно, мгновенно*);

3) темп протекания действия (М.В. Всеволодова [4], Ф.И. Панков [5]). Темп представляет собой степень скорости исполняемого действия. Можно действовать медленно, умеренно, быстро и т.д. Темп протекания действия выражается наречиями: *медленно / быстро писал / написал*, глаголами: *медлить, ускориться*; существительными: *скорость, темп*.

6. М.В. Всеволодова [4] и В.В. Морковкин [7] выделяют в своих работах «микрополе единичности / повторяемости (кратности, разделительности) событий во времени». По мнению М.В. Всеволодовой, речь идет о единичном времени, если «действие имело место один раз и соотнесено с конкретным единичным отрезком времени» (*в среду*), «если действие повторялось и повторялись временные отрезки, с которыми соотносится в высказывании действие, или повторяются сами временные отрезки при единичности сопоставляемого с ними действия», – это разделительное время (*по средам*) [4, с. 4]. В рамках относительного времени в случае выражения повторяемости выступают либо вид глагола (*пришел / приходил перед уроками*), либо лексические показатели (*всегда, каждый раз* и под.).

В микрополе единичности / повторяемости событий во времени нами выделены два сегмента:

1) сегмент регулярности / нерегулярности временного отрезка (М.В. Всеволодова [4], В.В. Морковкин [7]). Обозначения повторяемости могут, во-первых, указывать на повторяемость безотносительно к регулярности (*редкий, частый, редко, часто, снова, опять* и т.п.), во-вторых, выражать признак регулярности / нерегулярности, которые, в свою очередь, могут обозначать регулярную (*периодичность, периодичный, ежедневный, ежегодный, каждогодний, ежедневно, ежесуточно* и т.п.) и нерегулярную (*иногда, временами, порой, подчас, время от времени, иной раз, бывало* и т.п.) повторяемость. Регулярность временного отрезка способны выразить предложно-падежные синтаксемы (*по средам, по праздникам, из года в год, раз в день*), словосочетания (*каждый год*), наречия (*иногда, всегда*), средствами выражения нерегулярности временных отрезков выступают предложно-падежные синтаксемы (*время от времени*) или наречия (*порой, временами*);

2) сегмент цикличности времени (В.В. Морковкин [7], Н.И. Толстой [10]). В сознании человека циклическое время рассматривается как последовательность однотипных повторяющихся событий, «жизненных кругов». В языке цикличность времени может быть выражена наименованиями суточных и годовых интервалов (*весна, лето, осень, зима, утро, день, вечер, ночь, весенний, летний, осенний, зимний, утренний, дневной, вечерний, ночной, весной, летом, осенью, зимой, утром, днем, вечером, ночью* и т.п.), которым противопоставляется группа имен, допускающая вычленение названий праздников (*праздник, годовщина, юбилей, Новый год, Первомай, День чего-либо* и т.п.).

Микрополе определенности / неопределенности времени (М.В. Всеволодова [4], В.В. Морковкин [7], Ф.И. Панков [5]) способно покрыть все семантические зоны макрополя темпоральности. Для выражения определенного (точного) времени используются прежде всего количественные и порядковые числительные: рус. *пять лет тому назад, в 2009 году, через два месяца, на шестой день каникул*; бел. *пяць гадоў таму, у 2009 годзе, праз два месяцы, на шосты дзень канікулаў*. Но наряду с номинациями точного времени носителями языка применяются и средства выражения неопределенности и приблизительности времени. Такими средствами в русском языке служат дейктические слова (местоимения, наречия, частицы), неопределенно-количественные числительные, некоторые существительные.

Одним из самых спорных вопросов является включение ФСП таксиса в структуру ФСП темпоральности.

Понятие таксиса введено Р.О. Якобсоном. Современные лингвисты рассматривают таксис как: 1) особую глагольную грамматическую категорию, закрепленную в морфологических формах того или иного языка (О.С. Ахманова, А.И. Бородин, В.А. Жеребков и др.); 2) одну из функционально-семантических категорий, отражающую общую идею времени (А.В. Бондарко, Ю.А. Маслов, С.М. Полянский, В.С. Храковский).

Наличие многочисленных концепций таксиса можно объяснить различным осознанием лингвистами природы данной категории. При этом временная сущность таксиса понимается либо в связи с категорией относительного времени (Л. Теньер, И.А. Мельчук, А.И. Бородин, Е.А. Реферовская и др.), либо в связи с категорией вида (Ю.А. Маслов). В отдельных работах таксис трактуется как «лишняя» для грамма-

тики русского языка категория (В.В. Шигуров, Т.Е. Шаповалова и др.).

Традиционно ядром ФСП темпоральности считается грамматическая категория глагольного времени, а периферией – «лексические показатели», «лексические конкретизаторы глагольного времени», «лексические актуализаторы», т.е. прежде всего падежные формы имени – синтаксемы с темпоральным значением.

Исследователи разграничивают лексические и грамматические средства выражения категории темпоральности. Грамматическими средствами выражения семантики темпоральности являются видо-временные глагольные формы, неличные глагольные формы (полное и краткое причастие), аналитические темпоральные предложные единицы, временные союзы и темпоральные наречия. К лексическим средствам выражения темпоральности относятся части речи с временным значением.

С.И. Суровцева разграничивает лексические, грамматические и фразеологические средства выражения категории темпоральности. В качестве лексических и фразеологических средств выражения темпоральности, по мнению ученого, могут выступать наречия и качественно-обстоятельственные фразеологические единицы (ФЕ), прилагательные и призначные ФЕ, существительные и предметные ФЕ, глаголы и процессуальные ФЕ, числительные и количественные ФЕ, союзы, предлоги и грамматические ФЕ и другие темпоральные указатели. К грамматическим средствам выражения временных отношений относятся категория вида и времени процессуальных единиц, синтаксические конструкции [11].

Е.С. Скобликова на основании семантических и грамматических особенностей выделяет два вида обстоятельств времени, которые выражаются предложно-падежными сочетаниями или наречиями: 1) обстоятельства с семантикой временной приуроченности описываемых событий к определенной дате (*в среду, 24 мая, зимой, на практике, во время войны, на этой неделе, в прошлом году, этой весной, сейчас* и т.д.); 2) обстоятельства со значением действий или состояний – обстоятельства меры времени (*трудился три месяца, жил с октября, с самого детства, с июня по декабрь, работал недолго, готовился к встрече больше месяца* и т.п.). Обстоятельства датировки отвечают на вопрос *когда?*, обстоятельства меры времени соответствуют вопросам *как долго? сколько времени? за какой срок? на какой срок?* [12, с. 229–232].

В.В. Морковкин делит лексико-семантический класс обозначений времени на две группы:

первая включает в себя имена, обозначающие безотносительное время, вторая группа имен служит для обозначения относительного времени. Обозначения времени в работе В.В. Морковкина выражены разными частями речи, в т.ч. и сочетанием предлогов с существительными [7].

Заключение. В ходе развития общества и науки фактор времени приобретает все большее значение, что вызывает неизменный интерес к изучению категории времени во всех ее аспектах (философском, физическом, биологическом, социальном, психологическом, литературоведческом, языковедческом и др.). Семантическая структура макрополя темпоральности включает в себя несколько микрополей (микрополе прошлое / настоящее / будущее, микрополе временной локализованности, микрополе одновременности / разновременности момента действия и момента времени, микрополе временного порядка (временной последовательности), микрополе краткости / длительности временного отрезка, микрополе единичности / повторяемости (кратности, разделительности) событий во времени). Микрополе определенности / неопределенности времени входит в состав всех микрополей макрополя темпоральности. В каждом из сегментов категории темпоральности существует своя доминанта – языковое средство, основной функцией которого является выражение того или иного временного значения.

Литература

1. Синкевич, Д.А. Категория темпоральности в лингво-философском освещении / Д.А. Синкевич // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2009. – № 7 (188). – С. 148–152.
2. Дешериева, Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам / Т.И. Дешериева // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 111–117.
3. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 473.
4. Всеволодова, М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке / М.В. Всеволодова. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 283 с.
5. Панков, Ф.И. Категория наречной темпоральности и ее языковые реализации / Ф.И. Панков // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 161–174.
6. Панков, Ф.И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адвербиальной темпоральности / Ф.И. Панков. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 448 с.
7. Морковкин, В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке) / В.В. Морковкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 168 с.
8. Реферовская, Е.А. Лингвистические исследования природы текста / Е.А. Реферовская; отв. ред. А.В. Десницкая. – Л.: Наука, 1983. – С. 91.
9. Падучева, Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 382 с.
10. Толстой, Н.И. Времени магический круг (по представлениям славян) / Н.И. Толстой // Логический анализ языка: язык и время / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 17–27.
11. Суровцева, С.И. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических темпоральных предлогов современного русского языка: монография / С.И. Суровцева; М-во образ. и науки РФ, ГОУ ВПО «Челябин. гос. пед. ун-т». – Челябинск: ЧГПУ, 2011. – 190 с.
12. Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учеб. пособие / Е.С. Скобликова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.

Поступила в редакцию 15.06.2018 г.

Поэтическая дипломатия в лингвокультуре Китая

Ху Цзядун

Белорусский государственный университет, Минск

Поэтическая дипломатия в Китае имеет давнюю историю и является частью традиционной лингвокультуры Китая. Ее роль в значительной степени определяется тем, какую поэзия играет в культуре Китая, начиная с древнейших времен до наших дней.

Цель статьи — анализ семантики выражения поэтическая дипломатия в русском и китайском языках.

Материал и методы. Исследование проведено на материале текстов, представленных в языковых корпусах русского и китайского языков: национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса научных текстов китайского языка (CNKI). Применены следующие методы: сопоставительный, компонентного анализа и контекстуальный.

Результаты и их обсуждение. В русском языке выражение поэтическая дипломатия не имеет терминологического значения и может употребляться в различных определениях для обозначения коммуникативной ситуации в условиях неофициальной дипломатии — общественной, культурной. В китайском языке это выражение функционирует как научный термин и употребляется для обозначения дискурсивной стратегии в официальном политическом дискурсе.

Заключение. Буквальный перевод китайского выражения 诗赋外交 на русский язык приводит к возникновению омонимии в условиях межязыковой лакунарности.

Ключевые слова: дипломатия; поэтическая дипломатия; дипломатический дискурс; коммуникативная стратегия; коммуникативная ситуация; русский язык, китайский язык, лингвокультура.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 190–194)

Poetic Diplomacy in the Linguistic Culture of China

Khu Tsiadun

Belarusian State University, Minsk

Poetic diplomacy in China has a long history and is part of the traditional linguistic culture of China. Its role is determined to a great extent by the role of poetry in the culture of China from the ancient times up to these days.

The purpose of the article is analysis of the semantics of the expression of poetic diplomacy in Russian and Chinese.

Material and methods. The study is based on texts presented in the language corpuses of the Russian and Chinese languages: the National Russian Language Corpus (NRLC) and the Chinese Scientific Texts Corpus (CNKI). The following methods were used: comparative, contextual, of component analysis.

Findings and their discussion. In Russian the expression of poetic diplomacy hasn't got the terminological meaning and can be used in different connotations to denote a communicative situation in the conditions of informal diplomacy: public or cultural. In Chinese this expression functions as a scientific term and is used to denote a discourse strategy in the official political discourse.

Conclusion. The literal translation of the Chinese expression 诗赋外交 into Russian results in the emergence of homonymy in the conditions of cross linguistic lacunas.

Key words: diplomacy, poetic diplomacy, diplomatic discourse, communicative strategy, communicative situation, the Russian language, the Chinese language, linguistic culture.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 190–194)

Поэтическая дипломатия возникла в Китае в глубокой древности, и в настоящее время ее роль высока: китайские политические лидеры и дипломаты часто прибегают к цитированию строк из известных поэтических и философских произведений, используют

образные выражения в публичных выступлениях. В российских СМИ также встречается выражение *поэтическая дипломатия*, но оно употребляется, как правило, в ином значении. Буквальный перевод указанного китайского выражения на русский язык приводит к возникновению омонимии.

Цель статьи – исследовать семантику выражения *поэтическая дипломатия* в русском и китайском языках, показать общее и различное в семантике и функционировании данных языковых единиц в двух рассматриваемых языках.

Материал и методы. Исследование проведено на материале текстов, представленных в языковых корпусах русского и китайского языков: национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпуса научных текстов китайского языка (CNKI). В статье представлены результаты анализа словарных данных и данных языковых корпусов НКРЯ и CNKI, а также других интернет-ресурсов; приведены текстовые примеры, демонстрирующие принадлежность рассматриваемых выражений к различным функциональным стилям и наличие общих и различных семантических компонентов в семантической структуре данных выражений. Применены следующие методы: сопоставительный, компонентного анализа и контекстуальный.

Результаты и их обсуждение. *Общее и различное в семантике и способах употребления выражения поэтическая дипломатия в русском и китайском языках.* В начале исследования обратимся к вопросу сопоставимости данных языковых единиц в двух рассматриваемых языках. В Большом китайско-русском словаре выражение 诗赋外交 переводится на русский язык словосочетанием *поэтическая дипломатия* и определяется как ‘одна из наиболее важных коммуникативных стратегий в китайском политическом дискурсе’ [1].

Выражение *поэтическая дипломатия* встречается и в русскоязычных СМИ, но в несколько ином значении. Ответим на следующие вопросы: какие именно данные указывают на то, что рассматриваемые выражения не идентичны в двух языках, и можно ли предложить другой вариант перевода китайского выражения во избежание нежелательной омонимии?

Даже предварительное знакомство с функционированием выражения *поэтическая дипломатия* и 诗赋外交 соответственно в русском и китайском языках приводит к выводу о том, что данные выражения принадлежат различным функциональным стилям речи и обладают различной значимостью в языковых системах. Указанное выражение в китайском языке функционирует как научный термин. В корпусе научных текстов китайского языка (CNKI) зафиксировано 9 употреблений данного выражения, его содержание раскрывается в научной литературе [2]. Ре-

дактор «Дипломатического словаря» старший научный исследователь Института международных исследований Китая Пэй Монун в статье «Поэтическая дипломатия» отмечает: «Поэтическая дипломатия – это разновидность дипломатического дискурса во время дипломатических событий (официальная встреча, официальный визит, выступление, банкет, ответ репортеру), во время которого читают стихи или выражают свою позицию, передают информацию с помощью чтения стихотворений» [3].

В национальном корпусе русского языка выражение *поэтическая дипломатия* не зафиксировано ни в одном из подкорпусов [4]. Словари политических, дипломатических терминов на русском языке не содержат одноименной словарной статьи. Поиск в интернете по запросу «Поэтическая дипломатия» приводит к следующему результату: данное выражение употребляется в отдельных текстах публицистического характера. Например, в книге «Ты следующий» Любомир Левчев пишет: «Поэт, который станет мировым чемпионом по путешествиям, который вместе с Андреем Вознесенским создает понятие “поэтическая дипломатия”, первый свой заграничный вояж совершит на советском туристическом “Поезде мира”» [5]. В «Литературной газете» № 06 2014 г. была опубликована статья «Поэтическая дипломатия и дипломатическая поэзия», где под выражением *поэтическая дипломатия* понимается организация встреч поэтов и сотрудников министерства иностранных дел: «С осени минувшего года между литературно-творческим объединением Министерства иностранных дел РФ “Отдушина” и старейшим в Подмосковье Орехово-Зуевским литобъединением “Основа” установились творческие отношения. Мидовцы стали постоянно приглашать ореховозуевцев на свои встречи, где выступают известные поэты страны, дипломаты, исполнители авторских песен. Выступление ореховозуевцев, как всегда, было тепло принято публикой, поэтам были подарены книги руководителя “Отдушины”, дипломата и поэта, лауреата многих российских и международных премий, чрезвычайного и полномочного посла России, мастера спорта СССР Владимира Масалова. Во многом благодаря ему и директору Дома культуры на площади Пушкина Руфине Жеребцовой – подвижнику на ниве культуры – укрепляются творческие узы с коллегами из МИДа и литературными организациями области» [6].

Как свидетельствуют приведенные примеры, под *поэтической дипломатией* в разных контек-

стах понимаются мероприятия международного характера с участием поэтов, встречи поэтов и дипломатов. Можно привести также иные примеры, где выражение *поэтическая дипломатия* приобретает и другие контекстуальные оттенки значения. Все это свидетельствует о нетерминологическом характере данного словосочетания.

Таким образом, обнаруживается разница в семантике и способах употребления рассматриваемых языковых единиц в двух языках. Выражение 诗赋外交 в китайском языке – это научный термин, при помощи которого обозначается определенная дискурсивная стратегия в регулируемой сфере общения – в сфере официально-делового общения, в политическом дискурсе; поэтическая дипломатия – это вид коммуникативного действия официальных политических деятелей Китая. Выражение *поэтическая дипломатия* в русском языке не является терминологическим и употребляется в публицистических текстах для обозначения определенных видов неофициальной дипломатии – общественной, культурной. Слова *поэзия* и *дипломатия* в русских медиа-текстах нередко встречаются в одном контекстуальном пространстве; известно, что глава МИД РФ Сергей Лавров является автором слов гимна МГИМО. В феврале 2017 года журнал «Русский пионер» опубликовал стихотворение дипломата «Год Петуха», где в произведении отражается прекрасное чувство юмора С. Лаврова, однако многие в строках о злобной обезьяне, которую сменил петух, усмотрели некие аналогии со знаковыми мировыми событиями [7]. Связь поэзии и дипломатии в культуре и политике может проявляться многообразно и многогранно, но все-таки термин *поэтическая дипломатия* для обозначения определенного коммуникативного действия политического лица в русском языке отсутствует; это явление лакунарного характера.

Установим далее, насколько правомерен приведенный перевод указанного китайского выражения на русский язык (приводящий к возникновению омонимии). Рассматриваемое выражение в китайском языке состоит из двух частей: подчиненная часть – 诗赋 (*поэзия*) в функции определяющего; главная часть – 外交 (*дипломатия*). При переводе на русский язык в соответствии с грамматическими правилами двух языков определение (определяющее) передается при помощи имени прилагательного, а определяемое, главное – при помощи имени существительного. Таким образом, *поэтическая дипломатия* – это буквальный перевод обозначенного китайского

выражения, причем других вариантов буквально-го перевода нет. Именно подобная модель образования словосочетания использовалась, например, при переводе китайского выражения 乒乓外交 – *пинг-понговая дипломатия* в книге советского дипломата и ученого, доктора исторических наук В.И. Попова «Современная дипломатия: теория и практика» [8, с. 86]. Этот перевод рассматривается как прецедентный случай и единственно возможный буквальный перевод на русский язык китайского выражения с аналогичной структурой. Разумеется, для передачи смысла выражения 诗赋外交 можно предложить другой, не буквальный перевод, но в китайском языке данное выражение является терминологическим, поэтому буквальный перевод предпочтителен, и именно этот перевод дается, как указывалось ранее, в Большом китайско-русском словаре. В русском языке выражение *поэтическая дипломатия* имеет аналогичные лексические компоненты, но определение *поэтическая* модифицирует спектр значений слова *дипломатия* таким образом, что в результате все выражение употребляется для обозначения не коммуникативной стратегии официального политического дискурса, а коммуникативной ситуации в условиях неофициальной дипломатии (публичной, культурной), причем в разных контекстах могут акцентироваться различные компоненты ситуации: говорящий (адресант), слушатель (адресат), тональность общения (неофициальная, дружеская).

Роль поэтической дипломатии как определенной коммуникативной стратегии в политическом дискурсе, ее значимость в лингвокультуре Китая. Поэтическая дипломатия – история ее возникновения, роль в дипломатической практике в разные исторические периоды – активно исследуется китайскими учеными. Как отмечает профессор университета СМИ Китая Лю Ливэнь, поэтическая дипломатия имеет давнюю традицию, она возникла в период Весны и Осени (время первой половины правления династии Восточного Чжоу с 770 до 476 г. до н.э.) [9]. Практика чтения стихотворений во время ведения дипломатических бесед, возникающая в глубокой древности, считается началом поэтической дипломатии в Китае. Как пишет Пэй Монун в статье «Особенная часть в искусстве дипломатии: поэтическая дипломатия», опубликованной в «Вестнике института дипломатии» № 4 за 1992 г., в исторический период Весны и Осени руководители двух стран при встречах обычно читали стихи для того, чтобы достигнуть дипломатических

целей [10]. Ученые приводят примеры поэтических произведений, цитируемых в практике международных переговоров в древности, при этом их данные несколько разнятся. Так, Лю Ливэнь в указанной выше работе отмечает, что в сборнике «Цзо Чжуань» (722–468 гг. до н.э.) содержится 68 стихотворений, которые читались в присутствии зарубежных гостей, а в сборнике «Государственный язык» (990–493 гг. до н.э.) записаны 6 стихотворений, которые были прочитаны на дипломатическом банкете. Пэй Монун приводит иную статистику: в сборнике «Цзо Чжуань» записано 65 стихотворений, в том числе 63 связанных с дипломатической ситуацией. По данным историка Ян Чжицай («Вестник института дипломатии» № 1 за 1986 г.) в сборнике «Государственный язык» указаны 3 дипломатических события, во время которых читали стихотворения [11]. Расхождения в цифрах вызваны тем, что исследуются события далекого прошлого.

Нынешние китайские политики считают крайне важным сохранять традиции поэтической дипломатии, и прежде всего это проявляется в использовании в публичной речи поэтических цитат, образных выражений. Фразеологизмы, которые применяются в публичной речи политическими лидерами, анализируются не только в научной литературе, но и в китайских СМИ. Пример такого анализа представлен, в частности, в статье «10 фразеологизмов, которые использовало МИД Китая в 2017 году» [12].

В древности в дипломатических целях читались только стихи, но в настоящее время используются не только поэтические, но и прозаические образные выражения, афоризмы, пословицы и поговорки. Так, например, выступая на 2-м Международном форуме «Пояс и путь», председатель КНР Си Цзиньпин сказал: «Китайская мудрость гласит: если каждый внесет в строительство по песчинке, в итоге можно построить высокую башню» (русский перевод представлен в программе «Вести», РТР, 26.04.2019). Практически в каждом публичном выступлении политических лидеров можно наблюдать обращение к тем или иным прецедентным текстам культуры. Это издавна считается проявлением уважения к слушателю, приглашением к диалогу культур. Суть поэтической дипломатии заключается не только в использовании такого известного приема аргументации, как отсылка к авторитетному источнику. В дипломатической практике возможно цитирование афоризмов и поэтических строк великих деятелей своей и дружественной страны, а так-

же чтение собственных стихотворений во время международных визитов. Все это имеет целью преодолеть культурные барьеры, создавать чувство близости и в конечном итоге содействовать взаимопониманию цивилизаций.

Возникновение в Китае такого вида коммуникативного действия, как поэтическая дипломатия, вовсе не случайно и соответствует традиционным ценностям китайской лингвокультуры. Роль поэзии в культуре Китая чрезвычайно высока. Поэзия считается «школой чувств», она учит воспринимать окружающий мир во всей полноте бытия, учит быть внимательным, находить правильные и точные слова для выражения мыслей и чувств. Роли поэзии в воспитании и обучении школьников посвящена обширная научная, учебно-методическая литература. Каждый школьник за годы учебы должен выучить наизусть 300 стихотворений и на выпускных экзаменах продемонстрировать знание классической китайской поэзии. Поэтические строки цитируются во многих жизненных ситуациях: это может быть и во время беседы дедушки с внуком, и при выступлении директора школы во время торжественного открытия учебного года. Зная много прекрасных стихотворений наизусть, китайцы могут мыслить поэтическими категориями в обычной повседневной жизни. Поэтическая дипломатия – это гармоничная часть традиционной лингвокультуры Китая.

Как в русской, так и в китайской культуре известно понятие «поэтическая дипломатия», однако значения этого выражения не вполне совпадают в двух языках. Если в китайском языке это научный термин, который вошел в словари, зафиксирован в корпусе научных текстов китайского языка (CNKI) и широко используется в научной литературе, то в русском языке подобное словосочетание не является терминологическим, не отмечено в словарях как специальная языковая единица; не зафиксировано в национальном корпусе русского языка; обращение к русскоязычным интернет-ресурсам показывает, что данное выражение может употребляться в текстах публицистического характера в различных значениях. Следовательно, китайское и русское выражения, совпадающие по лексическому составу при буквальном переводе, обладают различной значимостью в языковых системах.

В китайском языке выражение *поэтическая дипломатия* применяется для обозначения определенной коммуникативной стратегии в официальном политическом дискурсе, а в русском языке – для обозначения коммуникативной си-

туации в условиях неофициальной дипломатии – культурной, общественной. В данном случае мы встречаемся с явлением лакунарного характера при наличии омонимии, возникающей при буквальном переводе китайского выражения на русский язык:

Становление термина в китайском языке связано с развитием и поддержанием традиционных ценностей китайской лингвокультуры, где роль поэзии чрезвычайно велика с древнейших времен до настоящего времени.

Заключение. В работе мы предприняли попытку проанализировать выражения *诗赋外交* и *поэтическая дипломатия* в китайском и русском языках, показать общее и различное в семантике и функционировании данных языковых единиц в двух языках. Проведенное исследование показало, что фрагмент языковой картины мира – поэтическая дипломатия – в своих основных характеристиках неодинаков для носителей китайского и русского языков.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] / Институт изучения русского языка и литературы Университета Хэйлунцзян. – Режим доступа: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E8%AF%97%E8%B5%8B>. – Дата доступа: 13.10.2018.
2. Корпус научных текстов китайского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kns.cnki.net/kns/brief/default_result.aspx. – Дата доступа: 01.02.2019.
3. 裴默农. 诗赋外交 [J]. 世界知识. 1989 年第 16 期, 第 28 页 = *Пэй Монун*. Поэтическая дипломатия / *Пэй Монун* // Мировое знание. – 1989. – № 16. – С. 28.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. – Дата доступа: 02.02.2019.
5. Левчев, Л. Ты следующий [Электронный ресурс] / Л. Левчев. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/280015>. – Дата доступа: 22.02.2019.
6. Голоднова, Е. [Электронный ресурс] / Е. Голоднова // Литературная газета. – 2014. – №. 06 (6449). – Режим доступа: <http://lgz.ru/article/-6-6449-12-02-2014/poeticheskaya-diplomatiya-i-diplomaticheskaya-poeziya/>. – Дата доступа: 01.11.2018.
7. МИД РФ. Сергей Лавров: дипломат, поэт, профессионал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://antimaidan.ru/article/10217>. – Дата доступа: 20.02.2019.
8. Попов, В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: курс лекций / В.И. Попов. – 2-е изд., доп. – М.: Междунар. отношения, 2016. – 576 с.
9. 刘丽文. 春秋时期赋诗言志的理学渊源及形成的机制原理 [J]. 文学遗产. 2004 年第 4 期, 第 33 页 = *Лю Ливень*. Происхождение и схема формирования поэтической дипломатии в период Весны и Осени / Лю Ливень // Наследие литературы. – 2004. – № 4. – С. 33.
10. 裴默农. 外交艺术的奇葩: 赋诗言志 [J]. 外交学院学报. 1992 年第 4 期, 第 56 页 = *Пэй Монун*. Особенная часть в искусстве дипломатии: поэтическая дипломатия / *Пэй Монун* // Вестник института дипломатии. – 1992. – № 4. – С. 56.
11. 杨志才. 春秋时代外交活动中的诗赋 [J]. 外交学院学报. 1986 年第 1 期, 第 74 页 = *Ян Чжицай*. Стихотворение в дипломатических отношениях в период Весны и Осени / Ян Чжицай // Вестник института дипломатии. – 1986. – № 1. – С. 74.
12. Цзян Юе. 10 фразеологизмов, которые использовало МИД Китая в 2017 году / Цзян Юе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.people.cn/n4/2017/1218/c203-10275544.html>. – Дата доступа: 28.04.2019.

Поступила в редакцию 15.05.2019 г.

Процессуальные фразеологические единицы с «пищевым» компонентом в русском и китайском языках

Ма Лун

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Актуальность данного исследования состоит в том, что до сих пор не предпринималось попыток сопоставительного анализа фразеологизмов семантического поля «пища» в русском и китайском языках. Интерес к обозначенной теме обусловлен тем, что пищевой, или гастрономический, код — один из базовых шифров культуры, который пытаются изучить не только культурологи, но и лингвисты [1–3].

Особенность национальной кухни является важнейшей составляющей культуры того или иного этноса. Социум формирует у человека пищевые предпочтения, и в ряде случаев они выступают ярким этническим маркером. Поэтому концепты семантического поля «пища» широко представлены во фразеологии, пословицах и поговорках, в мифах, литературе и т.д. Они по-разному группируются и вербализуются в разных языках в тесной зависимости от лингвистических и культурных факторов. Исследование фразеологических единиц (ФЕ) семантического поля «пища» в русле антропоцентрической парадигмы представляет новый аспект сопоставительного изучения русских языковых единиц в зеркале китайских [4; 5].

Цель статьи — сопоставление процессуальных ФЕ с «пищевыми» компонентами в русле антропоцентрической парадигмы для выявления общего и национально-специфического во фразеологических системах двух неродственных языков, рассмотрение основных видов межъязыковых совпадений и расхождений, описание ФЕ как средств выражения лингвокультурной информации в языковой картине мира.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 986 русских и 624 китайские ФЕ семантического поля «пища». Рабочая картотека была составлена на основе авторитетных толковых и фразеологических русских и китайских словарей. Методологическая база — научные труды русских и зарубежных лингвистов, рассматривающих фразеологию в этнокультурном аспекте с целью постижения языковой картины мира [6–8].

Результаты и их обсуждение. Пищевой код как один из доминантных кодов русской и китайской культур участвует во фразеологическом описании многих сфер жизни человека. Для двух языков значимыми являются единицы с процессуальной семантикой, указывающие на действие, состояние и отношения людей. Концепты пищи, функционирующие в русской и китайской фразеологии, содержат большой пласт национально-культурной информации. Они реально отражают культурную жизнь народа, являются богатым источником материала для успешного диалога культур.

Заключение. Полученные результаты исследования могут найти отражение в курсах по лингвокультурологии, спецкурсах для студентов гуманитарных специальностей, при составлении русско-китайских фразеологических словарей.

Ключевые слова: сравнительно-семантический анализ, русский язык, китайский язык, фразеологические единицы, семантическое поле «пища».

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 195–199)

Process Phraseological Units with the “Food” Component in Russian and Chinese

Ma Loon

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The fact that there haven't been so far efforts of the comparative analysis of phraseological units with the “food” component in Russian and Chinese explains the urgency of the research. Interest in this topic is conditioned by the fact that the food or gastronomy code is one of the basic culture ciphers which not only cultural scientists but also linguists try to discover [1–3].

Peculiarities of the national cuisine are one of the culture components of an ethnos. Society shapes a person's food preferences and in a number of cases they are a distinct ethnic marker. Thus the concepts of the food semantic field are widely presented in phraseology, proverbs and sayings, in myths, literature etc. They are grouped and verbalized differently in different languages in close dependence on linguistic and cultural factors. The study of phraseological units (PU) of the food semantic field within the anthropocentric paradigm presents a new aspect of the comparative study of Russian linguistic units in the mirror of Chinese ones [4; 5].

The purpose of the article is comparison of process PU with the "food" components within the anthropocentric paradigm in view of finding out the general and the national specific in the phraseological systems of the two unrelated languages, consideration of the main types of inter-linguistic coincidences and discrepancies, description of PU as means of expressing linguistic and cultural information in the linguistic picture of the world.

Material and methods. *The research material was 986 Russian and 624 Chinese PU of the food semantic field. The operation card file was made up on the basis of outstanding phraseological Russian and Chinese dictionaries. The methodological base is research works by Russian and foreign linguists who deal with phraseology in the ethnic and cultural aspect aiming at understanding the linguistic picture of the world [6–8].*

Findings and their discussion. *The food code as one of the dominant codes of the Russian and the Chinese cultures participates in the phraseological description of a lot of spheres of human life. For the two languages units with the process semantics indicating action, state and human relations are significant. The concepts of food which function in the Russian and Chinese phraseology possess a vast layer of the national and cultural information. They reflect the real cultural life of the people and are a rich source of the material for the successful dialogue of cultures.*

Conclusion. *The obtained research findings can find reflection in the academic courses on Linguistic Culture Studies, special courses for humanitarian students, in compiling Russian-Chinese phraseological dictionaries.*

Key words: *comparative semantic analysis, the Russian language, the Chinese language, phraseological units, the "food" semantic field.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 195–199)

В силу первостепенной важности для жизни человека концепты семантического поля «пища» широко представлены во фразеологии, пословицах и поговорках, в мифах, различных видах искусства, религии, литературе и т.д. Они по-разному группируются и описываются в разных языках в тесной зависимости от лингвистических и культурных факторов. Исследование ФЕ семантического поля «пища» в русле антропоцентрической парадигмы представляет новый аспект сопоставительного изучения русских языковых единиц в зеркале китайских.

Цель статьи – сопоставление процессуальных ФЕ с «пищевыми» компонентами в русле антропоцентрической парадигмы для выявления общего и национально-специфического во фразеологических системах двух неродственных языков, рассмотрение основных видов межъязыковых совпадений и расхождений, описание ФЕ как средств выражения лингвокультурной информации в языковой картине мира.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 986 русских и 624 китайские ФЕ семантического поля «пища». Рабочая картотека была составлена на основе авторитетных толковых и фразеологических русских и китайских словарей. Методологическая база – научные труды русских и зарубежных лингвистов, рассматривающих фразеологию в этнокультурном аспекте с целью постижения языковой картины мира.

Результаты и их обсуждение. Большую группу русских и китайских ФЕ с «пищевыми» компонентами составляют процессуальные фразеологизмы, которые называют действие, состояние или отношение, существующие в реальной действительности.

В соответствии с семантикой в процессуальной группе можно выделить 4 подгруппы:

1. ФЕ, называющие деятельность человека.
2. ФЕ со значением состояния человека.
3. ФЕ, выражающие взаимоотношения людей.
4. Обстоятельственные ФЕ.

Называющие деятельность и поведение человека ФЕ семантически разнообразны и включают в себя: а) умственную деятельность; б) речевое поведение; в) социальное поведение и т.д. В данной группе из 48 русских фразеологизмов отмечено 12, близких по смыслу китайским.

В рассматриваемых языках выделяется метафорическая модель, ассоциативно связывающая процесс мышления, обдумывания с процессом еды: кит. 大姑娘吃饭 – 细嚼慢咽 – букв. *взрослая девушка ест – мелко измельчает, пережевывает* и медленно глотает 'человек тщательно думает, медленно осмысливает', ср. рус. *переварить* (информацию).

Фантазерство, бесплодная мечтательность ассоциируется с образами недоступных блюд: рус. *захотел птичьего молока* 'невозможное желание'; кит. 癡蛤蟆想吃天鹅肉 – 痴心妄想 – букв. *безобразной жабе захотелось съесть лебедятины* 'насмешка над теми, кто хочет невозможного'.

Положение дел, не соответствующее реальной действительности, в китайском языке ассоциируется с образом летающей вареной утки: 煮熟的鸭子飞上天 – 怪事一桩 – букв. *вареная утка поднялась в небо* – странное дело ‘что-либо не соответствующее нормальной логике’.

Фразеологизмы, называющие разные типы речевого поведения, в большей степени представлены в русском языке: *бобы разводить* ‘говорить чепуху’; *вешать лапшу на уши* ‘говорить неправду, вводить в заблуждение’.

В русском и китайском языках невразумительная речь сравнивается с процессом пережевывания пищи: 含着骨头露着肉 – букв. *некоторые люди говорят, будто у них мясо во рту, которое нужно жевать*, ср. рус. *каша во рту* ‘говорить неотчетливо’.

Следует отметить, что болтливость не поощряется в двух лингвокультурах. При этом если в русской паремии она противопоставлена процессу употребления пищи, то в китайской сравнивается с обжорством, ср.: рус. *ешь пирог с грибами, держи язык за зубами*; кит. *吃饭不知饥, 睡觉不知颠倒, 说话不知深浅* – букв. *кто ест не в меру, говорит без конца, не знает мудрости*.

В китайском также отмечены безэквивалентные ФЕ, содержащие реминисценции пищевых запретов, что связано с традициями страны: 吃猪肉念佛经 – 假善人 – букв. *есть свиное мясо, читать священные книги – притворяться благодетелем* ‘выдавать себя за хорошего человека’.

Человек, попавший в затруднительное положение, ассоциируется в русском и китайском языках с продуктом, сырьем, из которого готовят пищу: рус. *попал как кур во щи* ‘попасть в затруднительную ситуацию’; кит. *人为刀俎, 我为鱼肉* – букв. *другие вроде ножа и кухонной доски, а я вроде рыбы и мяса* ‘собственная жизнь находится в чужих руках’.

Фразеологизмы тематической группы «труд» значительно преобладают в китайском языке, ср.: рус. *есть хлеб не даром* ‘много, усиленно работать’; *добывать хлеб* – ‘зарабатывать необходимые средства к существованию’; кит. *晨炊星饭* – букв. *рано утром позавтракал, а ужин только за полночь* ‘люди очень тяжело работают с утра до вечера’; *吹糠见米* – букв. *выдуть отруби и сразу увидеть рис* ‘очень быстро оказаться действенным’.

В русском языке отмечен фразеологизм, выражающий смысл ‘сделать невозможное для достижения цели’: рус. *разбиться в лепешку*, в то время как в китайском языке акцент переносится на бесполезность работы: *蒸沙成饭* – букв. *варить рис из песка* ‘делать невозможное дело’;

拔苗助长 – букв. *тянуть всходы пшеницы руками, чтобы они скорее росли*.

Только в русском языке зафиксирован фразеологизм со значением ‘не заставишь что-л. сделать’: *калачом не заманишь*.

В группе ФЕ, называющих деятельность человека, особую роль играет микрогруппа со значением «образ жизни»:

а) ‘жить в роскоши; в свое удовольствие’:

– рус. *лить мед на голову* ‘жить богато, зажиточно’; *как сыр в масле кататься* ‘жить в достатке’;

– кит. *食鱼遇鲑* – букв. *часто изменять вкус пищи, чтобы она не была однообразной* ‘богатая жизнь’; *粒米狼戾* – букв. *на полу всё усыпано рисом* ‘богатая жизнь’;

б) ‘жить в бедности, нищете’:

– рус. *манной небесной питаться; лаптем щи хлебать* ‘жить в нищете’;

– кит. *十米九糠* – букв. *десять крупинок риса, девять отрубей* ‘очень бедная жизнь’; *数米量柴* – букв. *считать рис и взвешивать хворост* ‘не в меру считаться с мелочами; жить в нужде’;

в) ‘вести праздный образ жизни’:

– рус. *лопаться с (от) жиру* ‘сильно жиреть, полнеть, обычно при безделье, праздном образе жизни’; *даром (зря) хлеб есть* ‘жить напрасно, не принося никакой пользы’;

– кит. *包饺子剩面 – 白活* – букв. *осталось тесто, когда лепишь пельмени – значит прожил зря* ‘человеку нечем гордиться, за всю жизнь нет успехов или дел, достойных восхваления’;

г) ‘жить за чужой счет’:

– рус. *есть чужой хлеб*;

– кит. *依人篱下* – букв. *опираться на чужую бамбуковую изгородь* ‘жить за чужой счет’;

д) ‘веселое времяпрепровождение, сопровождаемое обильной едой’, рус. *пир горой*; *灯红酒绿* – букв. *роскошный пир под разноцветными фонарями* ‘веселое времяпрепровождение’.

Фразеологизмы китайского языка, в отличие от русских, более детально раскрывают разные стороны жизни человека. Так выделяются ФЕ со значением:

– ‘жить в достатке’: *五谷丰登* – букв. *обильный урожай злаков* ‘вдоволь провианта и всяческого продовольствия’;

– ‘жить экономно, скромно’: *食不重味* – букв. *кушать без второго блюда* ‘жить скромно и просто’;

– ‘вести безнравственный, распутный образ жизни’: *花天酒地* – букв. *проводить время в кутежах и в пьяном разгуле* ‘вести роскошный и развратный образ жизни’;

– ‘вести добродетельный образ жизни’: 饮冰食檠 – букв. *пить холодную воду, есть горькую пищу* ‘чистая жизнь и незапятнанный человек’.

Ряд русских и китайских фразеологизмов, указывающих на определенный образ жизни, не имеет аналогов в каждом из рассматриваемых языков:

– рус. *вариться в общем котле* ‘находиться в какой-либо среде, разделяя ее интересы, взгляды и понятия’; *вариться в собственном соку* ‘жить, работать, решать вопросы изолированно, не используя опыт других, ни с кем не общаясь’; *беситься с жиру* ‘привередничать от пресыщения или безделья’;

– кит. 靠天吃饭 – букв. *есть ли пища, зависит от Неба* ‘жить на стихийных условиях’; 茹毛饮血 – букв. *есть сырое мясо и пить кровь убитых зверей* ‘[вести] дикий первобытный образ жизни’.

Среди фразеологизмов со значением состояния человека выделяется две подгруппы: а) физическое состояние; б) психические ощущения. Всего из 22 русских фразеологизмов отмечено 7 единиц, близких по значению китайским. Первая подгруппа в рассматриваемых языках представлена незначительно.

Интересно отметить, что только в русском имеется фразеологизм со значением ‘пресыщенности’: *сыт по горло* ‘вполне, сверх всякой меры удовлетворен, пресыщен чем-л.’; а также со значением усталости человека: *выжатый лимон*: ‘1) сильно уставший; 2) человек, утративший духовные силы’.

Вторая микрогруппа достаточно обширна по объему; включает единицы, в которых пищевой код культуры соотносится с эмоциональной сферой человека.

Значительную часть составляют ФЕ, относящиеся к тематической группе «эмоции и чувства»: а) отрицательные – страх; страдание, волнение, печаль, огорчение, стыд, разочарование; б) положительные – радость, счастье, увлеченность.

Еда, пища в двух языках связана с наслаждением, удовольствием, что отражено в фразеологизмах: кит. 日求三餐, 夜求一宿 – букв. *у человека нет большего счастья, чем днем три раза поесть, а ночью хорошо поспать*.

Счастливым человек ассоциируется в русском языке с образом масляного блина: *как масляный блин* ‘о том, кто выглядит счастливым, довольным’.

Спокойствие в китайском языке связывается с образом вкусной едой и безмятежного сна: 食甘寝安 – букв. *вкусно ест, безмятежно спит* (спокойное настроение).

Для передачи отрицательных эмоций выступают ФЕ, в которых сильные чувства ассоцииру-

ются с потерей аппетита, ср. рус. *кусок в горло не лезет* ‘кто-л. не может есть из-за усталости, волнения’; кит. 不茶不饭 – букв. *не хочет еду и чай* ‘много сердечных тайных забот’.

В русском и китайском языках страдание ассоциируется с горькой, а в русском с соленой пищей:

– рус. *испивать горькую чашу* ‘много терпеть, страдать’;

– кит. 食不甘味 – букв. *когда на душе неспокойно, то и пища кажется травой* (безвкусной) ‘при потере покоя еда кажется горькой; есть без аппетита’.

Депрессивное состояние отмечено только в русском языке: рус. жарг. *кислые щи* ‘подавленное состояние; депрессия’, ср. *киснуть* ‘быть вялым, унылым’.

В китайском выделяется фразеотематическая подгруппа «страх, испуг, ужас», которая включает фразеологизмы: 大街上卖杂碎 – 提心吊胆 – букв. *продавать горячее блюдо из потрохов, отруби на улице – от страха душа в пятки ушла* ‘сильно перепугаться, трепетать от страха’.

Разочарование в русском языке ассоциируется с соленой пищей, в китайском – с холодом:

– рус. *несолоно хлебавши* ‘разочарование’;

– кит. 冬天吃冰棍 – 凉透心 – букв. *зимой есть мороженое на палочке – полностью разочароваться* ‘у кого сердце подвергалось много раз ударам, тот чувствует уныние и разочарование’.

Такие эмоции, как смущение, стыд, в китайском языке передаются посредством образов лапши, которую едят на ветру: 顶着风吃炒面 – 张不开嘴 – букв. *есть поджаренную лапшу на ветру – трудно произнести слово* ‘стыдно говорить’.

В русском фразеологизмы с семантикой гнева, ярости соотносятся с образом кипения, сильного нагрева, ср. *кипеть негодованием; дойти до белого каления*. В китайском представлено значение ‘смертельно ненавидеть’: 食肉寝皮 – букв. *есть мясо врага и спать на его шкуре*. В русском языке значение ‘испытывать неприязнь’ у ФЕ: *надоел как горькая редька*.

В основе выделения в русском и китайском языках лингвокультуры со значением ‘зависти, страстного желания’ лежит образ аппетитного куска и текущей слюны: кит. 垂涎三尺 – букв. *исходить слюной от чего* ‘облизываться на что-л., с завистью смотреть на кого, что; ср. рус. *глотать слюнки; слюнки текут (потекли)* у кого-л.

Фразеологизмы, выражающие межличностные и социальные отношения, представлены в обоих языках. В русском отмечены единицы, выражающие следующие взаимоотношения:

а) лишение: *выхватывать кусок хлеба из рта* ‘забирать у кого-либо последнее, присваивать себе’;

б) обман: *на бобах провести* ‘обмануть; поступить недобросовестно по отношению к кому-л.’;

в) дружба, близкие отношения: *водить хлеб-соль* ‘быть близкими приятелями’; *пуд соли вместе съесть* ‘прожить долгое время вместе, часто общаться’;

г) гостеприимство: *Демьянова уха* ‘то, что назойливо предлагают, навязывают кому-л. в большом количестве’; *встречать с хлебом-солью*;

д) вражда: *давать киселя* ‘ударять кого-либо коленом сзади’; *ковырять масло* ‘больно щелкать по голове или щипать’;

е) расстройство: *насыпать соли на (под) хвост* ‘сделать неприятность, сильно досадить’;

ж) наказание: *дать (задать) березовой каши; доставаться на калачи (на орехи)*;

з) совместная неудачная деятельность: *каши не сварить* с кем-л. – ‘не сделаешь общего дела’.

В китайском языке выделяются ФЕ, выражающие следующие взаимоотношения:

а) дружба, взаимопомощь: 解衣推食 – букв. *делиться с другим одеждой, пищей и последней копеей* ‘помогать другому, отдавая все’;

б) вражда: 煮豆燃萁 – букв. *варить бобы, сжигая их ботву* ‘вражда между родными братьями’; 鸡蛋里挑骨头 – букв. *искать кость в яйце* ‘искать несуществующие недостатки, нарочно придираться’;

в) конкуренция: 弱肉强食 – букв. *сильный пожирает мясо слабого*;

г) гостеприимство: 白饭青刍 – букв. *белый рис для гостя, свежее сено для его коня* ‘хозяин хорошо принимает гостей’;

д) родственные отношения: 同盘而食 – букв. *вместе есть из одной тарелки* ‘находиться в ближайшем родстве’;

е) благодарность, подарок: 一饭千金 – букв. *одна чашка риса стоит тысячи золота* ‘отплатить благодетелю ценностями’.

В данной группе выделяются 2 русских фразеологизма, совпадающих по форме и содержанию с китайскими: рус. *подливать масло в огонь* / кит. 火上加油 *подливать масло в огонь* ‘обострять неприязненные отношения’; рус. *кормить обещаниями* / кит. 口里摆菜碟儿 – букв. *поставил блюдо только во рту* ‘только приглашал, но никогда не выполнял обещание’.

Обстоятельственные фразеологизмы можно разделить на две подгруппы:

а) со значением количества: *маковое зерно* ‘самое незначительное количество чего-либо’; *как по маслу* ‘быстро, легко’; *как сельдей в бочке* ‘очень много’;

б) со значением образа действия: *в капусту изрубить* ‘на мелкие части’; *как на дрожжах* ‘очень быстро’ (расти, вырастать, подниматься и т.д.); *как мышь на крупу* – пристально и долго или недовольно и озадаченно (смотреть, рассматривать).

Заключение. Проведенный анализ ФЕ с «пищевым» компонентом позволяет сделать вывод, что в русском и китайском языках значительно разработана и широко представлена фразеосемантическая группа «Процессуальные фразеологизмы», которая обозначает: 1) деятельность, поведение человека; 2) физическое и психическое состояние; взаимоотношения людей.

Кроме того, наблюдается сходство в выделении фразеотематических групп, несмотря на то, что в русской и китайской фразеологии использованы различные компоненты, обозначающие пищу. К совпадающим семантическим сферам, указывающим на взаимоотношения людей, относятся «дружба», «вражда», «гостеприимство». При этом в русской фразеологии отмечено значительно большее количество единиц со значением «причинение вреда другому человеку».

Литература

1. Бао Хун. Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках / Бао Хун // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Проблем. группа «Общ. фразеология»; отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1999. – С. 305–310.
2. Верещагин, Е.М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение: сб. ст. / под ред. Е.М. Верещагина. – М., 1982. – С. 89–98.
3. Гак, В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В.Г. Гак // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С. 260–265.
4. Скорик, Л.Г. О структурно-семантических особенностях фразеологических единиц с компонентом-обозначением продуктов питания / Л.Г. Скорик // Современный французский язык в его динамическом аспекте: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: Г.Г. Соколова (отв. ред.) [и др.]. – М., 1987. – С. 148–155.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – С. 35–37.
6. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы фразеологического значения и смысла: в аспекте межкуровневого взаимодействия языковых единиц / Н.Ф. Алефиренко. – Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2000. – 220 с.
7. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов н/Д: Изд-во Рос. ун-та, 1964. – 315 с.
8. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б.А. Ларин // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С. 126–149.

Поступила в редакцию 05.06.2019 г.

Лёс удзельнікаў Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. у мастацкім асэнсаванні Т.Я. Папі і Ф.А. Асяндоўскага

Гладкова Г.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны разгляду лёсаў удзельнікаў Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. у мастацкім асэнсаванні польскіх пісьменнікаў Т.Я. Папі і Ф.А. Асяндоўскага. У раманах Т.Я. Папі “*Po ciernistej drodze*” звернута ўвага на эміграцыйны рух пасля паражэння паўстання, а таксама паказаны лёс польскіх патрыётаў-катаржан. У цэнтры рамана Ф.А. Асяндоўскага “*Mosni ludzie*” далейшы лёс паўстанца, які быў асуджаны да пажыццёвай высылкі ў Сібір. Герой не толькі змог адаптавацца ў новых (часам экстрэмальных) умовах, ён стаў для мясцовага насельніцтва асветнікам і абаронцам яго інтарэсаў.

Мэта — выявіць асаблівасці асэнсавання лёсу паўстанцаў у раманах Т.Я. Папі “*Po ciernistej drodze*” і Ф.А. Асяндоўскага “*Mosni ludzie*” з улікам ідэйнай накіраванасці твораў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу з’явіліся раманы Т.Я. Папі “*Po ciernistej drodze*” (1896) і Ф.А. Асяндоўскага “*Mosni ludzie*” (1938). Асноўныя метады даследавання: культурна-гістарычны, біяграфічны, ідэйна-кампзіцыйнага аналізу мастацкага твора.

Вынікі і іх абмеркаванне. У літаратурнай спадчыне польскай пісьменніцы, перакладчыцы і педагога Ядзвігі Тэрэсы Папі падзеям Лістападаўскага паўстання прысвечаны раман “*Po ciernistej drodze*”, у якім мастацкі час ахоплівае некалькі гадоў да паўстання, непасрэдна падзеі 1830–1831 гг., а таксама перыяд эміграцыі пасля ўзброенага выступлення. Пісьменніцу зацікавіў не толькі ход ваенных падзей на землях Польшчы і Літвы, сэнсавы важны элемент рамана стаў эпілог, у якім адлюстраваны адзін з магчымых варыянтаў ратавання патрыятычных сіл — эміграцыя. Гісторыя Лістападаўскага паўстання таксама выклікала цікавасць вучонага-хіміка, інжынера, даследчыка, натураліста, вандруніка і пісьменніка Фердынанда Антонія Асяндоўскага. Як вынікае з аналізу твора, раман Ф.А. Асяндоўскага “*Mosni ludzie*” стаў своеасаблівым разважаннем над складанасцямі лёсу ўдзельніка Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. Уладзіслава Ліса, прысуд якому быў дастаткова тыповым для многіх асуджаных змагароў. Паказальна тое, што пісьменнік з дапамогай уласных ведаў пра жыццё на Далёкім Усходзе і фантазіі стварыў узорны прыклад нескаронага чалавечага духу. Падкрэслім, што ў адрозненне ад прысвечанага той жа тэме рамана Т.Я. Папі пісьменнік засяродзіў увагу не на эмігранцкіх колах былых польскіх паўстанцаў ці горкай долі катаржнікаў, а на лёсе тых, хто трапіў на пажыццёвае пасяленне ў глыб Расійскай імперыі.

Заключэнне. Такім чынам, Т.Я. Папі і Ф.А. Асяндоўскі падкрэслілі, што, нягледзячы на аб’ектыўную рэальнасць (паражэнне Лістападаўскага паўстання), пачуццё патрыятызму працягвала яднаць нацыю. Дзе б ні апынуліся былыя паўстанцы, яны засталіся вернымі ідэалам волі, незалежнасці і гуманізму.

Ключавыя словы: гістарычны раман, алюзія, Рэч Паспалітая, Каралеўства Польскае, Літва, Расійская імперыя, Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг., нацыянальная свядомасць, дзяржаўнасць, нацыянальна-вызваленчы рух.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 200–207)

The fate of the participants of the November uprising of 1830–1831 in the artistic understanding of T.Ya.Papi and F.A. Ossendovsky

Gladkova A.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to the fate of the participants of the November uprising of 1830–1831 in the artistic comprehension of Polish writers T.Ya. Papi and F.A. Ossendowski. The novel by T.Ya. Papi “*Po ciernistej drodze*” draws attention to the emigration movement after the defeat of the uprising, and also shows the fate of the Polish patriots-convicts. In the center

of the novel of F.A. Ossendowski "Mocni ludzie" – the fate of the rebel, the representative of the noble dynasty of the Fox, which after the uprising as punishment received a sentence of life exile in Siberia. The hero not only was able to adapt to new (sometimes extreme) conditions, he also became for the local population educator and defender of his interests.

The purpose-on the material of the above-mentioned literary texts to identify the features of the author's understanding of the fate of the rebels, taking into account the ideological orientation of the works.

Material and methods. The material for literary analysis were the novels of T.Ya. Papi "Po drodze ciernistej" (1896), F.A. Ossendowski "Mocni ludzie" (1938). The main methods of research were the cultural-historical method, biographical method, as well as the method of ideological and compositional analysis of the work of art.

Results and discussion. In the literary heritage of the Polish writer, translator and teacher Jadwiga Teresa Papi, the events of the November uprising are devoted to the novel *Po ciernistej drodze*, in which the artistic time covers several years before the uprising, the events of 1830–1831, as well as the period of emigration after the armed performance. Writer sativali not only the course of military events on the lands of Poland and Lithuania, Smyslova an important element of the novel was the epilogue, which reflects one of possible variants of rescue of the Patriotic forces – the emigration. The history of the November uprising also sparked the interest of scientist-chemist, engineer, researcher, naturalist, traveler and writer, Ferdinand Anthony Ossendowski. As follows from the analysis of the work, the novel F.A. Ossendowski "Mocni ludzie" became a kind of meditation on the complexities of the fate of a participant of the November uprising of 1830–1831 Vladislav Fox, a sentence which was fairly typical of many convicts wrestlers. It is significant that the writer with his own knowledge about life in the far East and imagination created a model example of the unconquered human spirit. We will emphasize that, unlike the novel devoted to the same subject T.Ya. Papi, the writer focused attention not on emigrant circles of the former Polish insurgents or a bitter share of convicts, and on destiny of those who got on lifelong settlement in depth of the Russian Empire.

Conclusion. So, reflecting on the fate of the rebels, T.Ya. Papi and F.A. Ossendowski stressed that, despite the objective reality (the defeat of the uprising), a sense of patriotism continued to unite the nation. Wherever the former rebels were, they remained faithful to the ideals of will, independence and humanism.

Key words: historical novel, allusion, Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, Lithuania, Russian Empire, November uprising of 1830–1831, national consciousness, statehood, national liberation movement.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 200–207)

Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг. было чарговай спробай патрыятычных сіл Польшчы і Літвы аднавіць былую федэрацыю ў межах 1772 года. Узброенае выступленне пачалося ў Варшаве, ваенныя дзеянні ахапілі як польскую тэрыторыю, так і землі Літвы і Беларусі. Пасля падаўлення паўстання многія актыўныя яго ўдзельнікі пакінулі радзіму, іншыя былі пазбаўленыя маёмасці, трапілі ў турмы, былі прыгавораны да высылкі. Палітычна важная гістарычная падзея знайшла адлюстраванне ў шэрагу мастацкіх твораў польскай літаратуры XIX стагоддзя, вынікі паўстання асэнсоўвалі Ю. Славацкі, А. Міцкевіч, А. Накваска, Т.Т. Еж, Т.Я. Папі, Ф.А. Асяндоўскі і інш. Аб'ектам нашага даследавання сталі гістарычныя раманы польскай пісьменніцы, перакладчыцы, педагога Т.Я. Папі (псеўд. J.T. Gałęzowska) "Po ciernistej drodze" (1896) і вучонага-хіміка, інжынера, даследчыка, натураліста, вандроўніка і пісьменніка Ф.А. Асяндоўскага "Mocni ludzie" (1938).

Мэта – выявіць асаблівасці асэнсавання лёсу паўстанцаў у раманах Т.Я. Папі «Po ciernistej drodze» і Ф.А. Асяндоўскага "Mocni ludzie" з улікам ідэйнай накіраванасці твораў.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу з'явіліся гістарычныя раманы Т.Я. Папі "Po ciernistej drodze" і Ф.А. Асяндоўскага "Mocni ludzie". Асноўныя

метады даследавання – культурна-гістарычны, біяграфічны, ідэйна-кампазіцыйнага аналізу мастацкага твора.

Вынікі і іх абмеркаванне. У літаратурнай спадчыне Ядзвігі Тэрэсы Папі (Jadwiga Teresa Papi, 1843–1906) падзеям Лістападаўскага паўстання прысвечаны раман "Po ciernistej drodze", у якім мастацкі час ахоплівае некалькі гадоў да паўстання, непасрэдна падзеі 1830–1831 гг., а таксама перыяд эміграцыі пасля ўзброенага выступлення. Пісьменніцу зацікавіў не толькі ход ваенных падзей на землях Польшчы і Літвы, сэнсава важным элементам рамана стаў эпілог, у якім адлюстраваны адзін з магчымых варыянтаў ратавання патрыятычных сіл – эміграцыя. Як вядома, пасля паражэння паўстання "другой радзімай" для многіх палякаў стала Францыя, дзе знайшлі прытулак "gwiazdy Polski" паэты-рамантыкі А. Міцкевіч, Ю. Славацкі і інш. Для разумення выбару эміграцыі як адзінага магчымага шляху захавання польскага нацыянальнага духу паказальнае разважанне жонкі ўдзельніка паўстання Ванды Жарніцкай: "Albożby car pozwolił im pracować? scierpowałyby ich myśli, okuł serca, orłów w biedne ptaszyny pozamieniałby! Tam swobodnie pracować mogą i stamtąd budzić będą nasze serca, krzepić naszą nadzieję" [1, с. 290].

Эпілог рамана акрэсліў асаблівасці жыцця польскіх паўстанцаў у Парыжы на прыкладзе

сям'і Юліўша Каньскага – былога ўдзельніка паўстання, доктара з шырокай медыцынскай практыкай. Ідэйна значным цэнтрам заключнай часткі рамана стала апісанне вячэры ў доме Каньскіх, на якую запрошаны А. Міцкевіч і іншыя прадстаўнікі польскага эміграцыйнага руху. Іх намаганнямі ў Францыі створаны камітэт польскай эміграцыі пад кіраўніцтвам вядомага палітычнага дзеяча і пісьменніка Б. Немаеўскага. Аднак гэта арганізацыя не здолела стаць кансалідуемым цэнтрам эміграцыі па прычыне ідэйных разыходжанняў яе ўдзельнікаў. Юліўш Каньскі шкадуе, што дадзеная акалічнасць не дазволіла палякам рэалізаваць у эміграцыі шэраг праектаў, напрыклад, адкрыць польскую школу, стварыць прытулак для суайчыннікаў, якія апынуліся на чужыне без матэрыяльных сродкаў і магчымасці працаваць.

Адзначым, што не ўсе эмігранты-палякі разлічвалі на абяцаную з боку французскіх улад дапамогу: “Francya przygarnęła nas życzliwie i nie odmawia wsparcia tym, którzy przedstawia dowody ubóstwa, lecz nie każdy rękę wyciągać potrafi, by u obcych żebrać jałmużny” [1, с. 298]. Прыкладам стойкасці і ўзорнага пачуцця ўласнай годнасці стаў лёс Адама Сакалоўскага. Як і большасць палякаў, былы паўстанец перайшоў аўстрыйскую мяжу, апынуўся ў Францыі, але працу знайсці не змог. Герой гатовы памерці ад голаду і хвароб, але не жыць з ласкі чужаземцаў: “Każ mi draw rąbać, będę z ochotą, ale nie każ mi żebrać, żyć z łaski obcych, bo tego nie potrafię” [1, с. 299].

Безумоўна, ідэйным натхніцелем польскай эміграцыі ў Францыі быў А. Міцкевіч. Пісьменніца згадала ў рамане гэты вобраз невыпадкова: яго задача – паказаць, што Польшча ў выгнанні ацалела, ёсць сілы, якія кансалідуюць нацыю, значыць, не будуць забытымі суайчыннікамі, якія засталіся на радзіме ў неспрыяльных палітычных умовах. Вячэра заканчваецца словамі паэта: “[...] ty, wieszczę narodu, nie dozwolimy umrzeć Polsce, [...] stąd będziemy krzepić braci, którym niewola ducha osłabi, to cel naszej pracy” [1, с. 305].

Т.Я. Папі таксама адзначыла важную ролю польскіх жанчын, што падзялілі з удзельнікамі паўстання горкі лёс жыцця на чужыне. У творы згадана імя Клаўдзіны Патоцкай, якая стала для суайчыннікаў узорам дабрыні і самаахвярнасці. У эміграцыі яна была сябрам А. Міцкевіча і А. Адынца, апошні назваў яе “gwiazdą moralną”, прыкладам самаахвярнага служэння людзям [2, с. 218].

У эпілогу рамана таксама паказана яшчэ адно магчымае, аднак больш трагічнае, вырашэнне

лёсу паўстанцаў. Маецца на ўвазе этапіраванне ў глыб Расійскай імперыі асуджаных на катаргу польскіх патрыётаў. Зняволеныя, закаваныя ў ланцугі людзі ідуць па бяскрайняй Сібіры, за імі едуць жанчыны, якія добраахвотна вырашылі падзяліць горкі лёс выгнаннікаў з мужамі і братамі. Над сібірскай раўнінай з вуснаў палонных гучыць спеў-надзея, словы яднаюць знясіленых, але нескаронных людзей.

Такім чынам, у рамане “*Po ciernistej drodze*” Т.Я. Папі акрэсліла два асноўныя накірункі далейшага лёсу паўстанцаў 1830–1831 гг.: шлях у эміграцыю, дзе маглі кансалідавацца патрыятычныя сілы для далейшай барацьбы за волю радзімы, і высылка ў Сібір для асуджаных і прыгавораных да катаргі змагароў.

Гісторыя Лістападаўскага паўстання таксама выклікала цікавасць Фердынанда Антонія Асяндоўскага (Ferdynand Antoni Ossendowski, 1876–1945). Яго літаратурная творчасць пакуль не стала аб’ектам грунтоўнага літаратуразнаўчага вывучэння, што тлумачыцца як абставінамі грамадска-палітычнай дзейнасці літаратара, якая не ўхвалялася афіцыйнай уладай, так і тым фактам, што на працягу некалькіх дзесяцігоддзяў творы пісьменніка не мелі перавыданняў і былі мала знаёмыя чытачу. Большасць даследаванняў літаратурнай спадчыны Ф.А. Асяндоўскага скіраваныя на вывучэнне яго кнігі *Przez kraj ludzi, zwierząt i bogów* (1925) як крыніцы гістарычнай і этнаграфічнай інфармацыі, а таксама сканцэнтраваныя вакол праблемы дакладнасці дакументальных нататак вандроўніка [3; 4]. Гістарычныя раманы Асяндоўскага, напісаныя па-польску, аглядава згадваюцца ў шэрагу бібліяграфічных даведнікаў [5; 6].

У мастацкай спадчыне пісьменніка вылучаецца шэраг раманаў, якія адлюстравалі гісторыю шляхецкага роду Лісаў. Серыю адкрываў раман *Wańko z Lisowa* (1929), прысвечаны прыгодам заснавальніка дынастыі Вацлава (з дому Лісаў). Аповед пра падзеі першай трэці XIX стагоддзя і ролю ў Лістападаўскім паўстанні 1830–1831 гг. нашчадка шляхецкага роду Уладзіслава Ліса працягваўся ў рамане *Trębacz cesarski* (1931), і, нарэшце, раман *Mocni ludzie*, у якім прасочваўся далейшы лёс герояў, падводзіў своеасаблівы вынік гісторыі сям’і.

Як вядома, пасля задушэння Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. пачаліся рэпрэсіі. Беларускі гісторык В.В. Швед адзначаў, што “31 кастрычніка 1831 г. выйшаў указ Мікалая I на імя Віленскага і Гродзенскага ваеннага губер-

натара князя Далгарукава, у якім было загадана ажыццявіць над паўстанцамі ваенны суд і пакараць іх на месцах, «где ими злодеяния их учинены». З указа была зроблена копія і разаслана камендантам і павятовым маршалам. Следчыя камісіі былі створаны ў Вільні, Мінску, Гродне, Падольску, Беластоцкай вобласці і інш.» [7, с. 324–325]. У заключнай частцы рамана *Trębacz cesarski* чытаем аб тым, што ўдзельнік паўстання на Літве Уладзіслаў Ліс праз паўгода пасля палону трапіў пад ваенны суд у Віцебску і ў якасці пакарання атрымаў пажыццёвую высылку ў Сібір. Пад № 1750 герой дайшоў да Чалябінска, дзе, нарэшце, яго знайшла жонка, каб падзяліць з каханым усе складанасці жыцця на чужыне [8, с. 285–286].

Раман Ф.А. Асяндоўскага *Mocni ludzie* працягваў папярэдні твор (*Trębacz cesarski*) аповедам пра лёс былога паўстанца: чытач сустракае героя, калі ён прыбыў на прызначанае судом месца жыхарства. Час дзеяння – 1833 год, месца дзеяння – Заходняя Сібір, мястэчка Нарым. Практычна з моманту заснавання (XVI ст.) гэта было месца палітычнага паселішча для высланых дзекабрыстаў, удзельнікаў польскіх паўстанняў, рэвалюцыянераў і г.д. Пра Лістападаўскае паўстанне пісьменнік адзначае: “Na Syberji nikt o zmaganiu się Polaków z cesarzem nie wiedział dokładnie, a że Sybiracy nienawidzili Rosjan – ciemiężców i łapowników jednocześnie, marząc o niezawisłej Syberji, więc ich serca skłaniały się na stronę Polaków, broniących własnej ojczyzny i wolności” [9, с. 16]. Мясцовыя жыхары (самаеды¹) трымаліся нейтральна з новымі пасяленцамі, стрыманасць тлумачылася тым, што меркаванне пра чалавека складвалася, у першую чаргу, на падставе яго ўчынкаў. Паказальна, што першая рэакцыя мясцовага купца Радзівонава на агучаную прычыну высылкі Уладзіслава Ліса – здзіўленне (“Bohaterów przysłać na Syberję, jak pospolitych złoczyńców, tego jeszcze nie bywało”) [9, с. 13].

Першая справа, за якую бярэцца былы паўстанец на чужыне, – будаўніцтва ўласнага дома. Мясцовае насельніцтва аказвае дапамогу новым жыхарам у якасці ўдзячнасці за тое, што Уладзіслаў Ліс выратаваў ад мядзведзя сына купца Радзівонава. Зімой у хаце палякаў працуе школа для дзяцей і дарослых, дзе вучыць грамаце, геаграфіі і гісторыі сам гаспадар (яе наведваюць каля пяцідзясяці вучняў), а яго жонка Юльяна

(з дому Трушкоўскіх) [8] займаецца выхаваннем мясцовых дзяўчат і аказвае медыцынскую дапамогу ўсім жыхарам Нарыма і суседніх паселішчаў. Неабходныя лекі і кнігі па медыцыне гаспадыня атрымоўвае з радзімы ад бацькоў і сяброў, дзякуючы падтрымцы добразычлівых местачкоўцаў сям’і Лісаў удаецца перазімаваць і прызвычаіцца да суролага сібірскага клімату.

Ф.А. Асяндоўскі адзначае адну з сур’ёзных грамадскіх праблем таго часу: непісьменнае карэннае насельніцтва Сібіры становілася ахвярай расійскіх улад, якія, спасылаючыся на неіснуючыя загады, абкладвалі людзей непамернымі падаткамі і фактычна абкрадалі тубыльцаў. Асветніцкая дзейнасць польскага пасяленца спрыяла пашырэнню асветы сярод мясцовых жыхароў. У рамане пра гэта сказана: “Pierwsze, nieznane tu ziarna cywilizacji rzuciły dłonie polskich zesłańców, pokutujących w Sybirze zato, że pragnęli wolności dla swego kraju i narodu, umiłowanego całym sercem, czystem, bohaterskim i ofiarnym” [9, с. 24].

Трапіўшы ў новыя, цяжкія жыццёвыя абставіны, Уладзіслаў Ліс не здрадзіў сваім перакананням, галоўнай каштоўнасцю для яго засталася свабода. Сваім вучням ён апавядаў пра Вялікую французскую рэвалюцыю і ролю Францыі ў пашырэнні свабоды сумлення і абароне правоў чалавека і грамадзяніна. Дарэчы, Францыя ў рамане згадваецца неаднаразова як краіна асветы, менавіта там марыла вучыцца на доктара жонка Уладзіслава, але імператар Мікалай I не даваў дазволу на адукацыю за мяжой, бо, як адзначае аўтар, “nienawidził Francuzów za ich umiłowanie wolności” [9, с. 30]. На перасцярогу купца Радзівонава пра тое, што малады паляк выказвае меркаванні, сугучныя з поглядамі дзекабрыстаў (Рылеева, Песталія, Трубяцкога, Валконскага), Ліс адказвае: “Mówię to, co czuję i w co wierzę. Niema życia bez wolności [...]. Tylko wolny, prawdziwie wolny naród może osiągnąć szczęście na ziemi!” [9, с. 29].

На новым месцы жыхарства ў польскага выгнанніка з’явіўся сябар Воткул, у размове з якім узнікла трапная гістарычная паралель паміж становішчам самаедаў, што былі калісьці вольным народам, але прайгралі “урусам” (“рускім”), і палякаў, якія таксама церпяць расійскі прыгнёт. Прычыну такога заняпаду народнасці самаедаў Ліс бачыць у адсутнасці для мясцовага насельніцтва магчымасці набыць адукацыю, а таксама п’янствам, якое распаўсюджваецца ў Сібіры расійскімі ўладамі, бо платай

¹ Назва карэнных жыхароў рускай Поўначы.

за каштоўнае футра зазвычай служыць гарэлка. “Jedyna wasza broń to oświata”, – робіць выснову герой. Цяпер перад Лісам з’явілася выразна акрэсленая мэта: “Przychodźcie do mnie wszyscy, a nauczę was nie tylko czytać, pisać i rachować, lecz doradzę, jak należy żyć, aby być godnymi nazwy ludzi, a nie bydła, na jakie zamierzają was zamienić wasi wrogowie” [9, с. 32].

У школу да польскіх пасяленцаў прыходзіла амаль усё мястэчка, а гаспадар апавядаў, як засцерагчыся хвароб і п’янства, выходзіць дзяцей, разумець законы, весці справы з купцамі і г.д. Падобная праца прымусіла і настаўніка авалодваць новымі ведамі, што сведчыць пра самаадукацыю як адзіны дзейсны спосаб у дадзеных абставінах палепшыць уласны адукацыйны ўзровень.

Каб не было замору рыбы напрыканцы зімы, дзейсны паляк прапануе рыбакам рабіць палонкі на рацэ, дапамагае мясцоваму насельніцтву займацца рыбалоўным промыслам, вучыцца сам, падыходзячы да любой справы з розумам. Дзякуючы наватарскім прапановам, якія дапамаглі пазбегнуць масавага замору рыбы на рэках Обь, Кець, Чулым, Томь, імя героя становіцца вядомым ва ўсім краі, нават у сталіцы заходняй Сібіры – Томску. Падкрэслім, што аўтар надзяляе свайго героя не толькі выключнымі духоўнымі якасцямі, але таксама і празмернай фізічнай сілай: ён адзін выцягвае невад без дапамогі іншых. Гіпербалізацыя – адзін з частых мастацкіх тропіў у тэксце рамана – працуе на стварэнне вобраза героя-волата, моцнага і целама, і духам, які ўяўляе сабой ідэальны тып змагара-патрыёта, абаронцы справядлівасці, асветніка.

Паказальна, што на чужыне сям’я Лісаў не забываецца на традыцыйнага роднага літвінскага краю: напярэдадні Каляд Юльяна гатуе для мужа і гасцей “tradycyjną litewską «kucję» na sianie, z kilkoma daniami rybnymi, z zupą grzybową z uszkami, tarty mak z miodem i «ślizami»” [9, с. 38]. У хаце Лісаў часта гучыць спеў “Jeszcze Polska nie zginęła...”. Вачыма еўрапейца, асветніка, гуманіста гаспадар глядзіць на некаторыя рускія звычаі. Напрыклад, незразумелай польскаму паўстанцу падаецца традыцыйная руская забава – кулачныя баі. Шляхціц лічыць, што Раство Хрыстова – не для бойкі, а калі людзі жадаюць памерацца сілай, гэта можна зрабіць больш цывілізаваным спосабам – перацягваць канат ці заняцца барацьбой. Такая прапанова зноў знаходзіць разуменне ў мясцовых жыхароў.

Як вядома, пасля беспаспяховых узброеных выступленняў польская грамадскасць, адчуваючы, што паўстанне – гэта не адзіны сродак барацьбы з расійскім самадзяржаўем, звярнулася да неабходнасці грамадскага паразумення, асновай якому служыць супольная дзейнасць на карысць айчыны: “Dobrze jest, że Polska porzuciła narazie politykę! Ta rodzi nieraz niesnaski, właśnie i rozbija siły narodu” [9, с. 38]. Уладзіслаў упэўнены, што выратуе родны край толькі праца, гэта менавіта той фундамент, на якім належыць будаваць дзяржаву. І чым цяжэйшая гэта праца будзе, тым лепш: “Jak wapno cegłę, tak ona zwiąże wszystko w jeden zwał niezłomny, a to, co rozluźniło się podczas sporów o władzę w dobie powstania, praca znowu wzmocni, zacieśni żelaznym pierścieniem wspólnego wysiłku” [9, с. 38–39].

Адзначым, што ў раманах Асяндойскага гучыць крытыка парадкаў Расійскай імперыі, асабліва гэта датычыцца мясцовага самаўпраўства. Насельніцтва аддаленых сібірскіх куткоў прымушаюць прымаць рэвізораў са сталіцы, адорваць іх футрам, даваць хабар, у правінцыі аўтарытэтным лічыцца не закон, а асоба інспектара. Барон Альфрэд Толь, прызначаны рэвізором у Сібір, абраў месцам праверкі самую паўночную кропку рэгіёна – Нарым, дзе выпадкова завітаў у хату польскіх перасяленцаў. Праціпастаўленнем расійскай рэчаіснасці становіцца ў раманах сядзіба Лісаў. Письменнік выкарыстоўвае пры апісанні іх дома селянны матыў: гаспадыня асветлена сонцам, яе залацістыя валасы абрамляюць прыгожы твар, ствараючы ўяўленне святла і цеплыні. Чыноўнік нідзе яшчэ не бачыў такога: на сценах віселі мапы, адна з іх – польская, на паліцах стаялі кнігі (медыцынскія дапаможнікі, класічная французская і нямецкая літаратура, творы вучоных), якія былі невядомымі ў дзікім, адсталым краі. Барон праявіў цікавасць да новых абставін жыцця і працы польскіх перасяленцаў, выказаў словы падзякі за асветніцкую справу і медыцынскую дапамогу мясцоваму насельніцтву, прасіў пры патрэбе звяртацца да яго ў Пецябург.

Дзякуючы Уладзіславу Лісу адкрыўся факт шматгадовага падману мясцовага насельніцтва расійскімі ўладамі. З людзей прымусова дзесяцігоддзямі збіралі падаткі, хця імператрыцай Кацярынай II быў выдадзены загад, згодна з якім народнасць самаедаў вызвалялася ад падаткаў за дабравольнае ўваходжанне ў склад

Расійскай імперыі. Барон Толь дае слова Лісу, што прасочыць за тым, каб справядлівасць была ўсталявана. З узаемадачынненняў герояў вынікае, што іх яднаюць аднолькавыя грамадскія каштоўнасці: абодва ўпэўнены, што ў Сібіры патрэбны адукаваныя людзі і тыя, хто будзе насамрэч клапаціцца пра дабрабыт краю, а не пра ўласную кішэню.

Шэраг эпизодаў рамана паказвае галоўнага героя ў звычайных штодзённых клопатах: паляванне, рыбалоўны промысел, будаўніцтва ўласнай гаспадаркі, земляробства. Уладзіслаў стаў вопытным гаспадаром, выпісаў з Омска новы плуг, які значна глыбей узнімаў скібы зямлі, першым пачаў выкарыстоўваць высушаную і перацёртую на муку рыбу як угнаенне (як тое робяць у Кітаі, Патагоніі, на в. Ява). Таксама Ліс пераняў кітайскі спосаб не сеяць, а садзіць збожжа, як гарох, пра што дапытлівы гаспадар вычытаў у земляробчым часопісе. Ведаючы, што ў Сібіры лета кароткае і нават у чэрвені бываюць замаразкі, Уладзіслаў прыдумаў зрабіць заслону на полі ў выглядзе высокага плота з чароту з паўночнага боку, што абараніла б расліны ад паўночнага ветру. Некалькі такіх загарад ён паставіў упоперак поля, што дазволіла зямлі даўжэй утрымліваць сонечнае цяпло. Такія нестандартныя метады вядзення гаспадаркі выклікаюць напачатку некаторае здзіўленне мясцовага насельніцтва, а потым людзі пераймаюць ад новага суседа зручныя спосабы апрацоўкі зямлі і вырошчвання агракультурных раслін. Пані Юльяна далучаецца да спраў мужа і вучыць мясцовых жанчын вырошчваць бульбу (саджанцы ёй дасылаюць бацькі). Паступова вырошчваннем карыснай гародніны пачынаюць займацца не толькі ў нарымскім рэгіёне, але і ў томскім, табольскім і некаторых іншых. Пісьменнік адзначаў, што польскія перасяленцы стаялі таксама ля вытокаў селекцыі збожжа ў сібірскім краі. Дзякуючы нястомнай працы Лісаў тут павялічылася ўраджайнасць, былі выведзеныя новыя, значна лепшыя, гатункі сібірскага жыта і аўса. “*Taką to pamiątkę po sobie zostawili na Syberji zesłańcy polscy – luszcie czynu i życia*” [9, с. 83].

Паказальна, што Асяндоўскі трапна вылучыў галоўную асаблівасць сям’і Лісаў, адзначаўшы, што яны не былі “атручанымі пасіўнай распаччу і бяссільнай нянавісцю”, як тое магло быць, але прагнулі служыць грамадству, жадалі палепшыць яго ўзровень, аказаць неабходную дапамогу людзям у цяжкім жыцці.

Неўзабаве становішча былога паўстанца пагоршылася з прычыны незадаволенасці ўлад яго асобай і дзейнасцю на карысць самаедаў. Згодна з загадам губернатара Уладзіслаў тэрмінова павінен пакінуць Нарым і накіравацца на пасяленне ў тайгу без сваёй вернай спадарожніцы і каханай жанчыны. У сібірскай неабсяжнай пушчы герой спявае марш Дамброўскага, што сведчыць пра польскі гонар героя і нескаронасць чалавечага духу, а таксама бачыцца сімвалам стойкасці і вернасці ідэалам волі і незалежнасці.

У ідэйна-кампазіцыйным плане асаблівую цікавасць выклікае дзясяты раздзел рамана (“*W zapadłym kącie*”), які напоўнены элементамі рабінзанады: калі чалавек знаходзіцца ў поўнай адзіноце сярод некранутай прыроды, ён пачынае абжывацца, сам здабывае ежу збіральніцтвам і паляваннем, рыхтуе месца для начлегу, клапаціцца пра захаванне правізіі і г.д. Асяндоўскі шмат увагі надае апісання прыроды балоцістага краю тундры, яе жывёльнаму і расліннаму свету. Як у раманах Д. Дэфо спадарожнікам Рабінзона стаў туземец Пятніца, так і ў творы Асяндоўскага Ліс выратаўвае беглага катаржніка, якому дае мянушку Воўк, корміць знясіленага чалавека, дае яму вопратку.

Пагаршэнне жыццёвых абставін і адзінота не зламалі дух перасяленца: разам з беглым катаржнікам Раманам Уладзіслаў будзе зруб на новым месцы, марыць заснаваць паселішча ў гэтым неабжытым краі. Як адзначае аўтар, лекамі ад распачы героям былі чыстае сумленне, хрысціянская ахвярнасць і праца. Гаспадар працуе з раніцы да вечара, вырабае лес, выкарыстоўвае пні, рыхтуе глебу пад насенне. Юльяна не пакідае мужа, едзе да яго, працягвае лячыць людзей у самых аддаленых паселішчах, ратуе іх ад брушнага тыфу, скарбуту, п’янства. Давядзецца змагацца доктарцы з эпідэміяй дыфтэрыту сярод дзяцей Нарыма. Як адзначае пісьменнік, вакцыны ад дадзенай хваробы яшчэ не было, яе створыць пазней вучань Пастэра доктар Лёфлер, таму лекарка выкарыстоўвае сродкі медыцыны таго часу (хіну, парашок пылок каламелі і берталетаву соль), адкрывае своеасаблівы “шпіталь” для хворых, надае належную ўвагу мерапрыемствам па дэзінфекцыі. Пакутуе ад балотнай ліхаманкі Уладзіслаў, неўзабаве сама пані Юльяна цяжка захварэла на небяспечны плеўрыт, толькі дапамога Рамана, які здабыў малако і мядзведжы тлушч, змагла выратаваць гаспадыню. Страх за жонку, якую ледзь не страціў, прывёў галоўнага героя да

рашэння пакінуць тундру і, нарэшце, “самому даць сабе амністыю”.

Разважаючы над тагачаснымі сацыяльнымі праблемамі, Уладзіслаў Ліс падкрэслівае, што самаеды, як і любая іншая народнасць, таксама з’яўляюцца часткай “jednej rodziny ludzkiej” [9, с. 151], асновай грамадскіх зносін павінен выступаць, на думку паляка, звычайны ўзаемаабмен: за каштоўнае футра мясцовае насельніцтва павінна атрымаць соль і тканіну, волава, жалеза, сталь, гарбату і ўсё тое, чаго няма на Поўначы. Апавядаючы людзям пра сваю радзіму і яе славытых герояў, Ліс-асілак (“trębacz cesarski”) трубіць у рог, “ożywała wtedy tajga uśpiona”, і гэты эпізод становіцца алюзіяй на аднайменны раман Ф. Асяндоўскага [8], які мае ідэяна-тэматычную блізкасць з дадзеным творам.

Напрыканцы рамана яшчэ раз узнікае тэма Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. У размове з удзельнікамі навуковай экспедыцыі па Сібіры арнітолагам Рудольфам Гаазам і доктарам Карлам Эрнстам фон Баерам Уладзіслаў Ліс дае ўласную ацэнку паўстанню: “Zato mamy sumienia spokojne, bo uczciwie spełniliśmy nasz obowiązek [...]” [9, с. 169].

Шчаслівы выпадак спрыяе паляпшэнню далейшага лёсу перасяленцаў: за выратаванне жыцця выхавальніка царэвіча Аляксандра вучонага Гааза Уладзіслаў і яго жонка маюць спадзяванне на хуткае вызваленне з сібірскай высылкі. Не забывае пан Ліс на свайго вернага сябра Рамана, просіць дапамогі і для яго. Аповед пра жыццё паўстанца Уладзіслава Ліса заканчваецца на эпізодзе, калі сужэнцы з Петрапаўлаўска, куды ім было дазволена выехаць, каб удзельнічаць у экспедыцыі доктара Баера, нелегальна на амерыканскім судне “Rekin” пакідаюць Расію. Наперадзе – вольнае жыццё і невядомасць.

Адзначым, што на старонках рамана чытач сустракае шмат цікавай этнаграфічнай інфармацыі, што, безумоўна, сведчыць пра культуралагічнае значэнне твора. Напрыклад, пісьменнік часта выкарыстоўвае ў тэксце мясцовыя назвы прылад працы, страў, напой, адзення, для чытацкай зручнасці ўканы твора размешчаны слоўнік, які тлумачыць аўтэнтычныя назвы. Неаднаразова ў тэксце рамана сустракаюцца звесткі пра звычаі і рэлігійныя абрады мясцовага насельніцтва. Жыццёвы вопыт Ф.А. Асяндоўскага-вандроўніка і этнографа спрыяў стварэнню апісанняў з каштоўным пазнавальным значэннем.

Як вынікае з аналізу твора, раман Ф.А. Асяндоўскага “Mocni ludzie” стаў своеасаблівым

разважаннем над складанасцямі лёсу ўдзельніка Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. Уладзіслава Ліса, прысуд якому быў дастаткова тыповым для многіх асуджаных змагароў. Паказальна тое, што пісьменнік з дапамогай уласных ведаў пра жыццё на Далёкім Усходзе і фантазіі стварыў узорны прыклад нескаронага чалавечага духу. Падкрэслім, што, у адрозненне ад прысвечанага той жа тэме рамана Т.Я. Папі, пісьменнік засяродзіў увагу не на эмігранцкіх колах былых польскіх паўстанцаў ці горкай долі катаржнікаў, а на лёсе тых, хто трапіў на пажыццёвае пасяленне ў глыб Расійскай імперыі. Прымусовая высылка на Поўнач не стала для герояў твора фатальнай: у самых цяжкіх прыродных і псіхалагічных умовах яны знайшлі сілы для супраціўлення абставінам і захавалі сілу духу. Безумоўна, выжыць ім дапамагае мясцовае насельніцтва, якое ўдзячна ацаніла дзейнасць польскіх перасяленцаў на карысць людзей: пашырэнне адукацыі сярод народнасцей Сібіры, лекарскую дапамогу, высокія духоўныя якасці, справядлівасць, чалавечнасць і дабрыню палякаў.

Заўважым, што пісьменніцкі аптымізм у вырашэнні лёсу герояў кансалідуецца ў назве твора: моцныя людзі – гэта тыя, хто загартаваны жыццём, хто стаіць на баку справядлівасці і гуманізму, хто памятае пра радзіму і не шкадуе за яе свабоду жыцця, хто клапаціцца не толькі пра сябе і ў любых абставінах не страціць духоўныя сілы, зробіць усё неабходнае для паляпшэння жыцця іншых людзей. Такім з’яўляецца аўтарскі ідэал у творы.

Заклучэнне. Такім чынам, у рамане Ф.А. Асяндоўскага “Mocni ludzie” чытач меў магчымасць пазнаёміцца з завяршэннем чарговага жыццёвага этапу паўстанца Уладзіслава Ліса, адкрыты фінал твора ствараў магчымасць для далейшага развіцця сюжэтнай лініі ў новых гістарычных рэаліях і дазваляў чытачу самому прадбачыць далейшы лёс герояў.

Паражэнне Лістападаўскага паўстання мела значны ўплыў на маральны стан і далейшае палітычнае жыццё грамадства. Як вынікае з прааналізаваных твораў, існавала некалькі шляхоў далейшага вырашэння лёсу ўдзельнікаў паўстання: частка польскага нацыянальнага руху накіравалася ў эміграцыю (пераважна ў Францыю), дзе імкнулася не толькі захаваць вернасць ідэалам вызваленчай барацьбы, але і падтрымліваць дух суайчыннікаў на радзіме, якія падпалі пад рэпрэсіўную палітыку з боку Расійскай імперыі. Лёс іншых удзельнікаў паўстання быў незайздросны:

іх чакала або катарга і хуткая смерць на чужыне ад хвароб, голаду і цяжкіх умоў працы, або прымусовае пажыццёвае пасяленне на вызначанай тэрыторыі.

Разважаючы над лёсам паўстанцаў, Т.Я. Папі і Ф.А. Асяндоўскі падкрэслілі, што, нягледзячы на аб'ектыўную рэальнасць (паражэнне паўстання), пачуццё патрыятызму працягвала яднаць нацыю. Дзе б ні апынуліся былыя паўстанцы, яны засталіся вернымі ідэалам волі, незалежнасці і гуманізму.

Літаратура

1. Gałęzowska, J.T. Po ciernistej drodze: powieść historyczna z dziejów powstania 1830 roku dla młodzieży / J.T. Gałęzowska. – Kraków: Drukarnia Narodowa F.K. Pobudkiewicza, 1896.
2. Album biograficzne zasłużonych Polaków i Polek wieku XIX / z przedm. St. Krzemińskiego. – Warszawa, 1901. – S. 218.
3. Кузьмин, С.Л. Записки Ф.А. Оссендовского как источник по истории Монголии / С.Л. Кузьмин, Ю.Л. Рейт // Восток: Афро-азиатские общества: история и современность. – 2008. – № 5. – С. 97–110.
4. Тепляков, А. Чекисты глазами эмигрантов: К вопросу о достоверности известных мемуаров А.М. Оссендовского и Б.Н. Ширяева / А. Тепляков // Вестник Тверского государственного университета. Сер., История. – 2014. – № 4. – С. 68–81.
5. Чертков, Л.Н. Оссендовский, Антон Мартынович / Л.Н. Чертков // Краткая литературная энциклопедия. – М., 1968. – Т. 5: Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани. – Ст. 485.
6. Оссендовский Антон Мартынович // Энциклопедия фантастики: Кто есть кто / под ред. Вл. Гакова. – Минск, 1995. – С. 694.
7. Швед, В.В. Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.) / В.В. Швед. – Гродна, 2001. – 416 с.
8. Ossendowski, F.A. Trębacz cesarski / F.A. Ossendowski. – Miejsce Piastowe: Tow. św. Michała Archanioła, 1931. – 293 s.
9. Ossendowski, F.A. Mocni ludzie / F.A. Ossendowski. – Lwów–Warszawa: Książnica Atlas, 1938. – 190 s.

Поступіў у рэдакцыю 06.06.2019 г.

Сигналы русской лингвокультуры в лирическом цикле Владимира Набокова «Ушедшее» (сборник «Гроздь»)

Гарганов И.В.

*Луганская государственная академия культуры и искусств
имени М. Матусовского, Луганск*

В настоящей публикации проанализирован ряд лирических произведений, входящих в цикл «Ушедшее» одного из первых поэтических сборников В.В. Набокова, в значительно большей степени известного читателю как прозаик и драматург.

Цель статьи — проанализировать с семантико-композиционных и лингвокультурологических позиций ряд лирических стихотворений одного из ранних поэтических сборников В.В. Набокова «Гроздь».

Материал и методы. Материалом для выполнения исследования послужил указанный лирический цикл, входящий в сборник «Гроздь», который выпущен в 1922 году в Берлине.

При этом были использованы методы семантического, контекстуального, композиционного и интерпретативного анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ дает основания утверждать, что в ранних лирических произведениях В.В. Набокова, вошедших в цикл «Ушедшее», наличествуют разного рода лингвистические элементы, свидетельствующие о принадлежности автора прежде всего к русской культуре, существенно повлиявшей на его мировосприятие на всем творческом пути. Большинство сигналов такого рода обнаруживается при анализе лексико-семантического уровня лирических структур, однако они присутствуют и в сформированной в произведениях подтекстовой информации, которая создается в результате актуализации ассоциативных связей, взаимодействия разных семантических слоев лирического текста, а также под влиянием некоторых других качеств, характерных как для художественной речи в принципе, так и именно для лирики.

Заключение. Выявленные лингвистические элементы, в которых, помимо прочей информации, содержатся также культурные значения и смыслы, свидетельствуют о явном присутствии в творчестве В.В. Набокова существенного пласта русской культуры, оказавшего значительное влияние и на его лирические произведения, созданные в ином лингвокультурном контексте.

Ключевые слова: лирика, лирическая структура, лингвокультура, культурное значение, культурный смысл, лингвостилистические средства, тропы, композиция, подтекст.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 208–214)

Signals of Russian Linguoculture in the Lyrical Vladimir Nabokov's Cycle "The Gone" (Compilation of "Bunch")

Garganov I.V.

Lugansk State Academy of Culture and Art named after M. Matusovskii, Lugansk

The article analyzes a number of lyrical works included in the cycle "The Gone" one of the first poetic compilations of V.V. Nabokov, much more known to the reader as a novelist and playwright.

Material and methods. The material for the study was the specified lyrical cycle included in the compilation "Bunch", which was released in 1922 in Berlin.

The study used the following methods: semantic, contextual, compositional and method of interpretative analysis.

Results and discussion. The analysis gives grounds to assert that in the early lyrical works of V.V. Nabokov, included in the cycle "The Gone", there are various linguistic elements that testify to the author's belonging primarily to the Russian culture, which significantly influenced his perception of the world on the whole creative path. Most of the signals of this kind

are found in the analysis of the lexical-semantic level of lyrical structures, but they are also present in the subtext information formed in the works, which is created as a result of the actualization of associative links, the interaction of different semantic layers of the lyrical text, as well as under the influence of some other qualities characteristic of artistic speech in principle, and it is for the lyrics.

Conclusion. The revealed linguistic elements, which, in addition to other information, also contain cultural meanings and meanings, indicate the obvious presence in the works of V. Nabokov significant layer of Russian culture, which had a significant impact on his lyrical works created in a different linguistic and cultural context.

Key words: lyrics, lyric structure, linguoculture, cultural significance, cultural meaning, formal tools, trails, composition, and subtext.

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 208–214)

Набоков В.В., художник слова, создававший свои произведения на двух языках – русском и английском и, помимо писательской славы, заслуживший также репутацию одного из немногих практически полноценных билингов, известен в основном как автор прозаических и драматургических произведений. О его же лирике вспоминают достаточно редко, и изучению его произведений, относящихся к этому роду литературы, посвящено куда меньше исследований, нежели его прозе и драматургии. Вероятно, именно основной исследовательский акцент на прозаических произведениях В.В. Набокова в значительной степени способствовал формированию о нем как о писателе определенного мнения, на которое обращает внимание И.Л. Галинская: «существует расхожее мнение, утвердившееся в набоковедении, будто это “писатель холодного блеска”, безразлично относящийся к России; его обвиняют в демонстрации писательской техники и в аморализме, в бездуховности и холодности» [1].

Между тем для формирования сколько-нибудь полного представления о творчестве писателя, для осознания своеобразия его личности, думается, необходимо принимать во внимание его творческое наследие в целом. На этом нередко настаивают и исследователи набоковского творчества – так, А.Г. Битов в статье «Ясность бессмертия: Воспоминания непредставленного», предваряющей сборник произведений В.В. Набокова «Круг», писал: «Читайте же стихи Набокова, если вам непременно хочется знать, кто был этот человек <...> Вы увидите Набокова и плачущим, и молящимся» [цитируется по: 1].

Цель работы – проанализировать с семантико-композиционных и лингвокультурологических позиций ряд лирических стихотворений одного из ранних поэтических сборников В.В. Набокова «Гроздь».

Этот сборник был издан писателем в Берлине, в конце 1922 года, когда он уже навсегда поки-

нул родину и пережил один из самых тяжелых моментов своей жизни – смерть отца, который, защищая лидера кадетской партии П.Н. Миллюкова от покушавшихся на него монархистов, 28 марта 1922 года был убит именно в Берлине. Сборник «Гроздь», к подготовке которого его отец имел непосредственное отношение, В.В. Набоков начинает со слов: *Посвящается памяти моего отца.*

Материал и методы. Материалом для анализа послужил лирический цикл «Ушедшее», входящий в сборник «Гроздь», выпущенный в 1922 году в Берлине.

При этом были использованы методы семантического, контекстуального, композиционного, лингвокультурологического и интерпретативного анализа.

Результаты и их обсуждение. Критика встретила сборник «Гроздь» В.В. Набокова весьма недоброжелательно; его рецензенты – Александр Бахрах и Константин Мочульский – «наперебой обвиняли молодого поэта в творческой незрелости и подражательности (прежде всего А. Фету и А. Блоку), выделяя в качестве главного недостатка его лирики “чисто внешний подход к миру, бедность внутренней символики, отсутствие подлинного творческого огня” (Глеб Струве)» [2]. Так, Константин Мочульский заявил, что «у стихов Сирина [псевдоним В.В. Набокова, под которым сборник “Гроздь” был опубликован. – И.Г.] большое прошлое и никакого будущего» [цитируется по: 2]. Лишь один рецензент – Владимир Амфитеатров-Кадашев, товарищ Сирина по литературному объединению «Братство круглого стола», дал безусловно положительный отзыв на этот сборник, уже подвергшийся довольно резкой критике.

В настоящей публикации в наши задачи не входит анализ критических откликов как на рассматриваемый поэтический сборник, так и на входящие в него отдельные стихотворения; наша цель, как уже было отмечено, – рассмотрение

словесной ткани лирических произведений с позиций выявления и последующей интерпретации имеющейся в ней информации лингвокультурного характера, которая могла бы свидетельствовать о том, что писатель, даже покинув родину, сохраняет с ней духовную связь.

Цикл «Ушедшее» (одна из четырех композиционных частей рассматриваемого сборника) объединяет 11 из 36 входящих в это издание стихотворений, что позволяет считать данную композиционную часть одной из принципиально важных для понимания вложенного в составленный сборник смысла.

В некоторых из анализируемых стихотворений Владимира Набокова лирический герой заявляет о своем отношении к покинутой родине совершенно определенно, сопровождая подобные заявления отчетливо выраженными эмоциями и экспрессией. Это наблюдается, к примеру, в стихотворении «Ты видишь перстень мой? За звёзды, за каменья ...»:

*Ты видишь перстень мой? За звёзды, за каменья,
горящие на дне, в хрустальных тайниках,
и на заломленных русалочьих руках,
его я не отдам. Нет глубже упоенья,
нет сладостней тоски, чем любоваться им
в те чуткие часы, среди ночи одинокой,
когда бывает дух ласкаем и язвим
воспоминаньями о родине далёкой...
и многоцветные мне чудятся года,
и колокольчики лиловые смеются,
над полем небеса колеблются и льются,
и жаворонка звон мерцает, как звезда...
О, прошлое моё, я сетовать не вправе!
О, Родина моя, везде со мною ты!
Есть перстень у меня: крупница красоты,
росинка русская в потускневшей оправе...*
(выделено нами. – И.Г.) [3].

Воспоминания о далекой родине для лирического героя приведенного стихотворения и радостны и мучительны одновременно («дух ласкаем и язвим / воспоминаньями о родине далёкой»), однако отношение к родине (к Родине) всегда и везде остается для него неизменным: *О, Родина моя, везде со мною ты!*

Достаточно определенно выражает свое отношение к родине и лирический герой самого объемного стихотворения рассматриваемого цикла «Ночные бабочки», которое завершается строками, где явно звучит тоска по родине, хотя выражена она опосредованно:

*Не знаю, нежные, но из чужой страны
гляжу я в глубину тоскующего сада;*

*я помню вечера в начале листопада,
и дуб мой на лугу, и запах медовой,
и жёлтую луну над чёрными ветвями, –
и плачу, и лечу, и в сумерки я с вами
витаю и дышу под ласковой листвой.*
(«Ночные бабочки») (выделено нами. – И.Г.) [3].

О том, что лирический герой испытывает по отношению к родным местам ностальгию, в данном случае читатель может судить по косвенным признакам: обращаясь к бабочкам, он обозначает место своего пребывания (*чужая страна*), передавая в этом обозначении и свое отношение к нему (судя по всему, это место не смогло заменить ему родину). В воспоминаниях, которые доставляют ему страдания (*плачу*), он стремится перенестись именно в тот, *свой мир* (где «дуб мой на лугу»), который в чужой стране ничего не может заменить: *в сумерки я с вами / витаю и дышу под ласковой листвой.*

Подобный способ выражения отношения к родине – не прямо, непосредственно, а именно опосредованно, с очевидной опорой на характерные для лирики средства передачи тех или иных смыслов, наблюдается в лирике Владимира Набокова значительно чаще. Среди такого рода средств прежде всего следует отметить введение в лирическую структуру элементов, в которых изначально присутствуют культурная информация, нередко дополнительно актуализируемая контекстом, в который эти элементы помещены; а также соответствующую организацию автором языкового материала, в том числе и с привлечением разного рода композиционных приемов и стилистических фигур, в результате чего в лирической структуре формируются культурные смыслы.

В связи с задачами нашего исследования целесообразно более подробно остановиться на трактовке принципиально значимых для его проведения, к которым, вслед за О.А. Леонтович, мы относим **культурное значение** и **культурный смысл**, трактуемые на сегодня достаточно неоднозначно, но тем не менее уже прочно вошедшие в научный аппарат такого междисциплинарного направления, как лингвокультурология, сформировавшегося в последние несколько десятилетий. «Суммируя различные подходы, можно утверждать, что **значение** **внеконтекстно, не интерактивно и статично; смысл, в свою очередь, контекстуально обусловлен, интерактивен и динамичен.** При этом трудно установить границы и рамки перетекания одних смыслов в другие и исчислить всю сложную со-

вокупность факторов, участвующих в их формировании. Язык выступает как инструмент для организации смыслов, продуцируемых в результате мыслительной, эмоциональной и мирозерцательной деятельности человека, и как средство передачи этих смыслов от одного коммуниканта к другому» (выделено нами. – И.Г.) [4, с. 138–139].

Основываясь на приведенном положении, можно, таким образом, заключить, что **культурные значения** могут быть обнаружены в *отобранных автором* из языка лингвистических единицах, в первую очередь словах и устойчивых словесных формулах (фразеологизмах и под.); **культурные же смыслы**, будучи контекстуально обусловленными, формируются в самой словесно-художественной (в данном случае – лирической) структуре в результате *авторской организации* языкового материала.

Слов с безусловно культурной информацией, однозначно отсылающих к русской культуре, в анализируемых стихотворениях В.В. Набокова не очень много, однако все они представляют собой значимые для лирической структуры элементы, как правило, в большой степени определяющие тональность всего текста. Так, в первом стихотворении диптиха «Тристан» использован ряд лексических единиц, однозначно отсылающих к русской культуре. При этом необходимо обратить внимание на то, что цикл из двух стихотворений посвящен герою не *русской*, а инокультурной – изначально *кельтской* – мифологии, хотя более распространено восприятие Тристана и Изольды как легендарных героев рыцарских романов средневековой Европы в принципе; тем не менее для создания этих образов автор активно применяет языковые элементы, в которых присутствует культурная информация, связанная с культурой русской:

ТРИСТАН

I.

*По водам траурным и лунным
не лебедь лёгкая плывёт,
плывёт ладья и звоном струнным
луну лилейную зовёт.
Под небом нежным и блестящим
ладью, поющую во сне,
с увещеваньем шелестящим
волна передаёт волне.
В ней рыцарь раненый и юный
склонён на блёклые шелка,
и арфы ледяные струны
ласкает бледная рука.*

*И веют корабли далече
и не узнают никогда,
что это плачет и лепечет –
луна ли, ветер иль вода... [3].*

В приведенном стихотворении культурным значением наделено прежде всего слово «лебедь», поскольку автором избран для введения в лирическую структуру именно тот семантико-грамматический вариант (из двух сосуществующих в русском языке), который обладает и безусловной культурной информацией, ср. толкование этой лексемы в словаре: «... (нар.-поэт.) **ЛЕБЕДЬ** ... ж. 1. Водоплавающая перелетная птица семейства утиных, с белым (реже черным) оперением, с длинной, красиво изогнутой шеей и плавными движениями. ... *Глядь – *поверх текучих вод Лебедь белая плывёт* (Пушкин). 2. *только ж. (обычно в обращении).* Нар.-поэт. О молодой женщине, девушке» [5, с. 488]. Подтверждением наличия у данного слова культурной значимости является и включенность его во впервые изданный в 2009 году лингвострановедческий словарь «Россия», объединивший «слова, называющие такие реалии быта, истории, культуры, природы и т.д., которые вошли в речь как общенародные названия значимых событий, понятий, предметов, обычаев» [6, с. 2]. В посвященной данной номинации словарной статье, в частности, говорится: «В современном русском языке слово *лебедь* мужского рода, но в старинных песнях и сказках существует вариант этого слова в женском роде. Отсюда *Царевна Лебедь* – одна из главных героинь “Сказки о царе Салтане” А.С. Пушкина Образ Царевны Лебедь получил музыкальное воплощение в опере “Сказка о царе Салтане” Н.А. Римского-Корсакова и в картине М.А. Врубеля “Царевна Лебедь”» [6, с. 313].

Таким образом, употребление данного слова в значении женского рода (в отличие от традиционно свойственного ему в литературном языке значения мужского рода) явственно свидетельствует об авторской установке на актуализацию русских фольклорных традиций, где подобное употребление распространено весьма широко. Эта авторская установка далее подтверждается двукратным использованием слова «ладья», также актуализирующего в стихотворении именно свое *народно-поэтическое* (функционирующее в фольклорных произведениях) значение: «1. **ЛАДЬЯ** ... *Трад.-поэт.* Судно, большая гребная и парусная лодка» [5, с. 485]. А в заключительной части стихотворения к двум указанным

лексическим элементам добавляется еще один аналогичный по своим стилистическим характеристикам – наречие *далече*: «**ДАЛЕЧЕ** ... Нар.-разг. Далеко. **Иных уж нет, а те далече* (Пушкин)» [5, с. 288].

Содержащиеся в перечисленных лексических элементах культурные значения в данном стихотворении поддерживаются и авторской организацией применяемого языкового материала – в частности, системным обращением к употреблению эпитетов в *постпозиции* (черта, весьма характерная для подавляющего большинства русских фольклорных произведений): *по водам траурным и лунным; лебедь лёгкая; звоном струнным; луну лилейную; под небом нежным и блестящим; ладью, поющую во сне; с увещеваньем шелестящим* и под.

Элементы культурного значения обнаруживаются и в номинации *камень*, функционирующей в приведенном ранее стихотворении «Ты видишь перстень мой? За звёзды, за камень...»:

*Ты видишь перстень мой? За звёзды, за камень,
горящие на дне, в хрустальных тайниках,
и на заломленных русалочьих руках,
его я не отдам.*

Данная грамматическая форма множественного числа от слова *камни* – **каменья** – в литературном русском языке первой четверти XX столетия еще не воспринималась как устаревшая. Так, в «Толковом словаре русского литературного языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, зафиксировавшего литературные нормы русского языка первой половины прошлого столетия, формы *камни* и *каменья* поданы как равнозначные по стилистической характеристике (общеупотребительные), хотя по порядку подачи можно заключить, что преобладающей является первая из них [7]. Современные же толковые словари в подавляющем большинстве подают вторую из форм как *устаревшую* – ср., например: «**КАМЕНЬ** ... камни и (устар.) *каменья*» [5, с. 412], которая в настоящее время функционирует либо в фольклорных, либо в стилизованных под фольклорные произведениях.

К лексике, содержащей в своем значении культурный компонент, принадлежит, с нашей точки зрения, и слово *самоцвет*, употребленное В.В. Набоковым в стихотворении «Молчи, не вспенивай души...»:

*Молчи, не вспенивай души,
не расточай свои печали, –
чтоб слёзы душу расцветали*

в ненарушаемой тиши.

*Слезу – бесценный самоцвет –
таи в сокровищнице чёрной...*
(выделено нами. – И.Г.) [3].

Отчасти на содержащуюся в этом слове культурную информацию указывается и при его трактовке в толковых словарях – ср., к примеру, подачу сведений в словарной статье, посвященной данной лексеме, а также в словарной статье, свидетельствующей об образованном от этой лексемы прилагательном *самоцветный*: «**САМОЦВЕТ** ... Самоцветный камень. Русские самоцветы. Сибирские самоцветы. Бусы из самоцветов.

САМОЦВЕТНЫЙ ... 1. Имеющий природную окраску, прозрачность и блеск (о драгоценных камнях). Самоцветный яхонт. Самоцветный камень. **Видишь, камни самоцветные В перстеньке как жар горят* (Некрасов). || Сделанный из самоцвета; с самоцветом. Самоцветный перстень. Самоцветное ожерелье. 2. Традиц.-нар. Цветной, блестящий, сверкающий, как самоцвет. Самоцветные лучи, огни, искры. Самоцветная раковина» [5, с. 1147].

В приведенных словарных статьях нет прямого указания на принадлежность трактуемых слов именно к русской культуре, однако об этом красноречиво говорит, во-первых, помещенный иллюстративный материал, во-вторых – стилистическая помета, сопровождающая второе из значений прилагательного *самоцветный*. Экспрессивную (а соответственно – и лингвокультурную) значимость употребленного в лирическом стихотворении слова *самоцвет* существенно повышает введение его в индивидуально-авторский синкретичный троп – метафору, которая семантически дополнительно осложнена эпитетом: *слеза – бесценный самоцвет в сокровищнице чёрной*.

Практически все рассмотренные выше случаи использования автором культурно значимой лексики демонстрируют «поддержку» содержащейся в словах культурной информации лирическим контекстом. Это обеспечивается рядом художественно-изобразительных и композиционных приемов, о которых отчасти уже шла речь ранее, применяемых автором весьма искусно. Прежде всего это введение рассматриваемых номинаций в состав развернутых тропов и/или стилистических фигур: *каменья, горящие на дне, в хрустальных тайниках; дух ласкаем и язвим воспоминаньями о родине далёкой* (введение культурно значимого слова в развернутые метафорические эпитеты) и др. При подобного рода авторской организации

языкового материала экспрессия и эмоциональность культурно значимых слов закономерно становится в лирическом произведении ощутимой в наибольшей степени; данные приемы следует, на наш взгляд, отнести к особо действенным для подчеркивания культурно значимой информации.

В некоторых случаях культурные смыслы актуализируются в лирическом контексте менее явно, однако нередко более последовательно и системно. Так, к примеру, в небольшом по объему стихотворении «Рождество» преобладающая часть используемых автором эпитетов либо находится *в постпозиции* (о культурной значимости этого приема уже говорилось ранее), либо *дистанцированы* от определяемого слова, что также является одним из средств усиления содержащегося в них смысла:

РОЖДЕСТВО

*Мой календарь полуопалый
пунцовой цифрою зацвёл;
на стёкла пальмы и опалы
мороз колдующий навёл.
Перистым вылился узором,
лучистой выгнулся дугой,
и мандаринами и бором
в гостиной пахнет голубой*
(выделено нами. – И.Г.) [3].

Подобный же прием применен в стихотворении «Я помню только дух сосновый...», во второй строфе объемного стихотворения «Ночные бабочки» и в некоторых других произведениях рассматриваемого цикла.

Проанализированные стихотворения дают также основания утверждать, что одним из наиболее предпочитаемых В.В. Набоковым приемов отбора языкового материала в стихотворении, который опосредованно отсылает адресата-читателя именно к русской культуре, можно считать активное введение в лирический текст имен существительных и реже – имен прилагательных – **дими́нутивов**, которые Анна Вежицка определила как группы слов, наиболее характерные для русской лингвокультуры в сравнении с другими.

«Дими́нутив (демини́тив) (лат. *diminutivus* / *diminutivus* ‘уменьшительный’). Слово с аффиксом, придающим значение уменьшительности (бел-еньк-ий, зайч-ишк-а, зеркаль-ц-е, пострел-ёнок)» [8, с. 93]. В отобранных для анализа лирических произведениях «насыщение» лирического текста дими́нутивами наиболее отчетливо обнаруживается в стихотворении «Ночные бабочки», фрагмент из которого приводится далее:

Усните, крылышки, глазастые головки,

тончайшие сяжки!..

*Вот пухлый шелкопряд,
рябой, как палый лист, вот крылья чёрной совки
с жемчужной ижицей на жилке узловой,
вот веер крохотный с бахромкой световой,
вот кроткий старичок, монашек в тёмной рясе,
и вот царица их, невеста ветерка:
две ленты бархата на розовом атласе,
фламинговый пушок на кончике брюшка...*
(выделено нами. – И.Г.) [3].

Приведенный фрагмент лирического текста, с нашей точки зрения, демонстрирует весьма искусное обращение Набокова-поэта к обозначенному выше приему, поскольку обилие лексических единиц с аффиксами, придающими им значение уменьшительности, в приведенном фрагменте очевидно, хотя эти единицы и неоднородны по своим характеристикам. К собственно дими́нутивам в этом фрагменте относятся такие лексические элементы, как **бахромка** (ср. с *бахрома*), **старичок** (ср. со *старик*), **монашек** (ср. с *монах*), **ветерок** (ср. с *ветер*), **пушок** (ср. с *пух*), **кончик** (ср. с *конец*). Однако в лирическом пространстве в это «поле» дими́нутивности, помимо дими́нутивов явных, «втягиваются» и слова, ассоциативно с ними связанные (прежде всего по имеющимся в них аффиксам и словообразовательным моделям, по которым они созданы): **крылышки**, **головки**, **сяжки**, **совка**, **жилка**, **брюшко**, – которые в свою очередь неоднородны по своей семантике. Часть из этих номинаций, с учетом их основного из функционирующих в стихотворении значений, в полном смысле дими́нутивами не являются; так, номинации **сяжки**, **совка** и **жилка** принадлежат к *терминологической* (в данном случае – *зоологической*, точнее *энтомологической*) лексике: «**СЯЖКИ** ... Зоол. Парные усики на голове насекомых, орган обоняния и осязания» [5, с. 1301]; «**СОВКА** ... 2. Серая ночная бабочка, вредитель сельскохозяйственных растений. *Хлопковая совка*. *Капустная совка*.» [5, с. 1226]; «**ЖИЛКА** ... 3. Нитевидное утолщение на листьях деревьев и крыльях насекомых. *Жилка на листе сирени*.» [5, с. 307]. Безусловно, в стихотворении на энтомологическую тему о всегда любимых Владимиром Набоковым бабочках использование подобного рода номинаций не только уместно, но и является весьма оригинальным индивидуально-авторским приемом, придающим образному плану лирического текста неповторимость и своеобразие.

Вторая часть не являющихся собственно дими́нутивами лексических единиц представляет, на наш взгляд, особый интерес, поскольку

почти идеально «вписывается» в композиционно-семантическую структуру лирического стихотворения: эти слова – *крылышки, головки, брюшко* – включаются в лирическую структуру *одновременно двумя* (или даже *несколькими*) значениями, подтверждая тем самым наличие в лирическом произведении как минимум двух, а иногда и нескольких семантических слоев, обеспечивающих лирической структуре семантическую полифонию. Эти номинации, таким образом, совмещают в себе признаки, с одной стороны, диминутивов, а с другой – зоологических терминов, у которых суффикс **-К-** уже не осознается как уменьшительный. Так, номинация *брюшко* реализует в лирическом тексте как минимум два из присущих ему в языке значений (значения 1 и 2): **«БРЮШКО; ... БРЮШКО́»** 1. *Уменьш.-ласк.* к Брюхо (1–2 зн.). *Погладить брюшко кому-либо. Котёнок с белым брюшком. ... 2. обычно* брюшко́. Задняя часть тела членистоногих животных, следующая за грудью. *Брюшко майского жука, пчелы, осы. 3. обычно* мн.: *брюшки* ... Вырезка с этой части (мяса у рыб и меха у пушных зверей). *Шуба из брюшков белки. Копчёные брюшки осетра»* [5, с. 100]. В данном конкретном случае для автора приоритетным становится именно второе значение, на что в стихотворении указано акцентологически: ударение во введенной в стихотворение номинации ставится на второй слог.

Заключение. Таким образом, проанализированные стихотворения из раннего сборника В.В. Набокова «Гроздь» позволяют сделать вывод о том, что в лирических произведениях писателя память о его родине, России, находит воплощение в разнообразных формах.

Это непосредственные заявления лирического героя о той печали, нередко тоске, которую он испытывает вдали от родных мест (стихотворения «Ты видишь перстень мой? За звезды, за каменья ...», «Ночные бабочки»);

введение в лирическую структуру языковых единиц с культурным значением, которое в большинстве случаев актуализируется в контексте посредством использования различных художественно-изобразительных приемов (первое из стихотворений цикла «Тристан», стихотворения «Молчи, не вспенивай души...» и др.); формирование культурных смыслов непосредственно в лирическом пространстве с участием не только контекстного окружения, но и ряда стилистических и композиционных приемов (стихотворения «Рождество», «Ночные бабочки»).

Литература

1. Галинская, И.Л. Владимир Набоков – современные прочтения. Художественный мир поэзии Набокова [Электронный ресурс] / И.Л. Галинская. – Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/galinskaya-sovremennye-prochleniya/hudozhestvennyj-mir-poezii.htm>. – Дата доступа: 25.05.2019.
2. Мельников, Н.Г. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: рецензии, критические отзывы, эссе, пародии [Электронный ресурс] / Н.Г. Мельников, О.А. Коростелев; под общ. ред. Н.Г. Мельникова. – М., 2000. – 688 с. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/klassik-bez-retushi-literaturnyj-mir-o-tvorchestve-vladimira-nabokova-read-192324-6.html>. – Дата доступа: 27.05.2019.
3. Набоков, В.В. Гроздь [Электронный ресурс] / В.В. Набоков. – Режим доступа: <http://librebook.me/grozd>. – Дата доступа: 25.05.2019.
4. Леонтович, О.А. Методы коммуникативных исследований / О.А. Леонтович. – М.: Гнозис, 2011. – 224 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
6. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 736 с.
7. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935–1940. – Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/>. – Дата доступа: 27.05.2019.
8. Галинова, Н.В. Русская этимология: учеб.-метод. пособие / Н.В. Галинова; науч. ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 110 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

История исследования концепта «родство» в отечественном языкознании

Марфина Ж.В.

*Государственное образовательное учреждение
«Луганский национальный аграрный университет», Луганск*

В статье охвачены данные о направлениях, в которых осуществляется исследование названий родства, отмечен переход от структурно-семантического к концептуально-знаковому, от исторического, лексико-семантического к лингвокультурологическому, выделены направления лингвокультурологического подхода к системе названий родства в связи с формированием современных методик лингвистического анализа текстов культуры.

Цель публикации — обобщить многообразие исследований названий родства, обосновать актуальность концептуального подхода к изучению этой лексико-тематической группы как в пределах одного, так и близко-, неблизкородственных языков.

Материал и методы. *Материал — тексты статей, монографий, в которых анализируется структура концепта «родство», отражающая сложное взаимодействие общекультурных макро-, микро- и субконцептов, для чего были использованы общенаучные методы: обобщения, сопоставления, дифференциации признаков объективных языковых явлений, историографического описания.*

Результаты и их обсуждение. *Систематизированы взгляды ученых на природу, структуру, социально-культурное содержание концепта «родство». Будущие стратегии исследования функциональной семантики названий родства связаны с развитием лингвокультурологии, открывающей особенности национальных, контактирующих и неконтактирующих культур, реализующих себя в микротекстах (фразеология, поговорки, бытовые диалогические единства) и макротекстах (фольклор песенный, обрядовый, литературное творчество), которые опираются на понятийное богатство этих номинаций.*

Заключение. *Сделан вывод, что концепт «родство» благодаря системе разноректорных языковедческих работ предстает как гиперконцептуальное образование, имеющее ряд субконцептуальных реализаций, открытых к междуконцептуальным корреляциям.*

Ключевые слова: *концепт, названия родства, языковая картина мира, фразеопаремиологическая картина мира, лингвокультурология, гиперконцепт, микроконцепт, концептосфера.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 215–219)

The History of the Study of the Concept “relationship” in Russian Linguistics

Marfina Zh.V.

State Educational Institution “Lugansk National Agrarian University”, Lugansk

The article discusses the directions in which the study of relationship, the transition from structural-semantic to conceptual-sign, from historical, lexical-semantic to linguoculturological. The directions of linguoculturological approach to the system of names of kinship in connection with the formation of modern methods of linguistic analysis of cultural texts are analyzed.

Purpose of research — to generalize the variety of studies of relationship, to justify the relevance of the conceptual approach to the study of this lexical-thematic group as within one and related-, non-related languages.

Material and methods. *Material — texts of articles, monographs, which analyze the structure of the concept of “relationship”, reflecting the complex interaction of general cultural macro-, micro- and sub-concepts, for which general scientific research methods were used: generalization, comparison, differentiation of features of objective linguistic phenomena and historiographic description.*

Results and discussion. *The study systematized views of scientists on the nature, structure, socio-cultural content of the concept “relationship”, with the help of generalization, differentiation of signs of the objective of linguistic phenomena, historiographical descriptions as general scientific methods of research.*

Conclusion. *The concept of “relationship” through a system of multi-vector linguistic work appears as hyperconceptual education, having a number subconceptual implementations, open to the correlation between conceptual are concluded.*

Key words: *concept, relationship, picture of the world, phraseoparemiology picture of the world, linguoculturology, hyperconcept, microconcept, conceptual field.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 215–219)

Актуализированный в последние десятилетия в лингвистике концептуальный подход вывел исследования на уровень лингвокультурологического осмысления корреляций языковой и концептуальной картин мира различных народов. В связи с этим те или иные лексико-семантические, лексико-тематические группы предстают под углом ценностно-аксиологической актуализации в определенных национальных дискурсах, отражающихся / не отражающихся в глобализированных макроконтекстах благодаря гипертекстуальности. Идентификация общего, отражаемого в языковом сознании человечества, и этнокультурного, проецируемого на национально-культурное языковое сознание, сопряжена с поиском культурных универсалий, на фоне которых четко проявляются индивидуальные особенности самопознания социально-культурного опыта той или иной языковой общности и его воплощения в характерных текстах. К числу таких универсалий относят концепты как коды культуры человечества, хранящие в себе сегменты опыта, вербализованного в религиозно-мифологической, народно-поэтической (объективация того или иного концепта в дописьменный период), художественной, историко-культурной, научной, публицистической, правовой и т.п. языковых картинах мира. В то же время в каждом языке представлены ключевые концепты, отражающие систему традиционных ценностей (культурных, познавательных, социальных, нравственных и пр.) его носителей.

В сегменте общего, глобального, лингвосциокультурного опыта человечества особое место занимает концепт «родство». Именно он, по определению исследователей, является одним из наиболее значимых в эволюционных изменениях в структуре общественных отношений [1, с. 3] и в обеспечении их стойкости.

Концепт «родство» – это многоуровневая изоморфная семантическая структура, отражающая сложное взаимодействие общекультурных макро-, микро- и субконцептов, наполняющих сферу повседневности – одну из составляющих картины мира.

Цель публикации – обобщить многообразие исследований названий родства, обосновать актуальность концептуального подхода к изучению этой лексико-тематической группы, выделить направления его развития в связи с современными методами лингвистического анализа текстов культуры.

Материал и методы. Данное исследование представляет собой систематизацию идей и

взглядов ученых на природу, структуру, социально-культурное содержание концепта «родство». Это обосновывает выбор общенаучных методов: обобщения, сопоставления, дифференциации признаков объективных языковых явлений, историографического описания.

Результаты и их обсуждение. Сложная природа родства как некоего общественного феномена, социального явления стала объектом изучения многих наук: генетики, правоведения, этнографии, социологии, психологии, истории, антропологии, политологии, культурологии, фольклористики, литературоведения и, безусловно, лингвистики.

Языковедческие исследования родства отмечены разновекторностью. Они основываются на этимологическом, лексико-семантическом, структурно-семантическом, структурно-функциональном синхронном и диахронном аспектах, которые плодотворно проявили себя в истории литературного языка, лексикологии, фразеологии, лингвостилистике, этнокультурологии, лингвокультурологии (Ф. Филин, А. Бурячок, А. Трубачев, И. Козырев, В. Русанивский, Б. Ларин, Ф. Копечный, С. Толстая, В. Кононенко, А. Моисеев, Л. Лисиченко, В. Нимчук, В. Передриенко, Е. Семенов, А. Тараненко, А. Вежибицкая, В. Попов, А. Бурыкин, Н. Добродравин, В. Левицкий, Л. Новиков, О. Ближнюк, И. Фирсова, Н. Микитенко, Л. Николаева, Д. Добрусинец, Е. Ли, М. Николич и др.).

Восточнославянская репрезентация этой лексико-тематической группы, как отмечают ученые, берет свое начало в праиндоевропейском лексическом фонде. В частности, Л. Лисиченко указывает на то, что современные языки Восточной Европы унаследовали от древних славян «разветвленную систему названий родства, которая отражала сложные отношения внутри семьи и рода, где каждый член имел свое место и свои обязанности по отношению к коллективу в целом и к отдельным его членам» [2, с. 117].

Названия родства являются примером лексической микросистемы, которая характеризуется закрытой и четко организованной иерархической структурой. Элементы этой микросистемы объединены денотативной общностью. Эти названия являются функционально и коммуникативно важными, поскольку часто актуализированы в языке как в прямом, так и в переносном (метафорическом, ассоциативном) употреблении, имеют сложные парадигматические и синтагматические связи с другими лек-

сико-семантическими полевыми структурами, образованными именно благодаря стабильному обращению человека говорящего к стойким, наиболее «близким», «прочувствованным» от рождения концептуальным ассоциатам, аккумулярованным в памяти концепта «родство» за всю историю человечества.

Как показывают исследования последних десяти-пятнадцати лет, внимание к названиям родства – проводникам концептуализированного, обобщенного опыта, смысла – не угасло. Наиболее выразительны сопоставительные работы, выполняемые на материале неблизкородственных языков (М. Николич – русский и сербский; Н. Микитенко – русский и чешский; Е. Ли – русский – корейский и пр.), что связано с определением универсальных и культурно-специфических черт в функционировании названий родства. Эпистемиологическая роль этой лексико-тематической группы в изучении культурно-национальных особенностей человеческого поведения (акционального и речевого) привела к утверждению их особого статуса среди концептов, отражающих и коррелирующих интерперсональные отношения. Это отмечено в соответствующих работах В. Карасика [3]. Важно, что большинство исследователей относят концепт «родство» к так называемым концептам-универсалиям (А. Головин), к ключевым (М. Пименова, Ю. Макарец, О. Слипчук, Н. Занегина, Г. Гуняшова и др.) или фундаментальным (Н. Занегина, Е. Верещагин, В. Костомаров и др.) концептам, устанавливающим жизнеустройство человечества, предопределяющим построение более сложных социально-культурных взаимодействий, связей.

Большая часть работ отмечена «отсистемным», «отструктурным» подходом, который заключается в сопоставлении лексикографического описания «ключевых слов – экспликаторов концепта, а также в рассмотрении отношений между экспликаторами в пределах контекста» [4]. Условно эти работы можно поделить на следующие группы: 1) исследования, в которых представлены особенности вербализации концептосферы «семья» и ее фрагментов с опорой на анализ значений ключевого слова в словарных толкованиях; 2) анализ паремиологических единиц, в которые входит изучаемое ключевое слово; 3) сопоставительные работы; 4) изучение концептов на основе ассоциативного эксперимента (Р. Гаваркевич, В. Васюк); 5) работы, в которых анализируется концепт «родство» в художественных текстах

и внимание ученых обращено на построение текстовых парадигм, где воплощается концепт, а также на установление и описание индивидуально-авторских концептов (Н. Венжинович, С. Головкина, Е. Привалова, Т. Пьянкова, Л. Мельник, Н. Охота, В. Янив, Л. Романюк, Т. Крашенинникова, А. Чернова, Ж. Марфина и др.). Все отмеченные направления развиваются на стыке концептуальной лингвистики и лингвокультурологии.

В частности, содержание концепта «семья» на материале словарных статей анализирует Е. Кострубина, которая делает вывод о его близости, прочных ассоциативных и дифференциальных связях родственных компонентов с концептом «дом». Основываясь на этом, автор обозначает существование гиперконцепта «СЕМЬЯ–ДОМ», который относится «к числу самых долговечных и значимых в сознании человека. Близость этих концептов не подлежит сомнению, а сходство и синонимичность лексем, репрезентирующих эти концептосферы, зафиксированы в словарных статьях и наличествуют в устной речи и художественных текстах» [5, с. 51]. Интерпретируя круг концептосфер как взаимодействие «малых концептов», Н. Занегина на словарном материале показала, как пересекаются, например, концептосферы «семья» и «брак», «дитя» и «родители», «брат» и «сестра» [6].

К сопоставительным работам относим исследования микро-, макроконцептов, которые выстраивают общую структуру концепта «родство»: концепта «семья» в различных языках и их диалектах: в русском (Н. Занегина, Е. Добровольская, И. Качинская), украинском (Ю. Макарец, О. Слипчук), английском (Е. Бабина, Р. Саттарова), немецком (Г. Гуняшова), румынском (А. Плотникова), в нескольких языках (А. Мамедгасанова); концепта «мать» в украинском языке (М. Кононенко); концепта «дитя» в русском языке (А. Ашхарава); концептов «брат» / «сестра» в русском языке (Н. Занегина); составляющие гиперконцепта «родство» («отец», «мать», «сын», «дочь» и др.) в русском и шведском языках и т.п. Общий вывод таких работ в том, что все изучаемые микро-, макроконцепты, независимо от объекта исследования, имеют длительную историю существования в различных языках, являются семантически богатыми и структурно сложными, обладают развитой системой образных парадигм, характеризуются культурной значимостью [7].

Наибольший пласт современных исследований концепта «родство» объединяет сопоставительное лингвокультурологическое направление, связанное с изучением вербализации ценностной части данного концепта в различных языках. Исследователи, обратившиеся к изучению макроконцепта «род / семья» в различных национально-культурных реализациях, отмечали, что его наиболее полное и концентрированное воплощение, значимость для повседневного-бытового языкового сознания, ценностно-аксиологическое содержание отражает фразеопаремиологическая картина мира. Как известно, фразеологические единицы составляют наиболее полное выражение национально-культурного компонента в языке, а следовательно, дают возможность установить особенности культурно-исторического и социального опыта народа, раскрыть национальную специфику фразеопаремиологической картины мира. Это позволяет сделать наличие этнокультурного содержания анализируемого концепта [8]. Целый ряд работ посвящен вербализации отдельных микро-, макроконцептов, их взаимосвязи в паремиологических картинах мира различных языков: в русском – «род» (С. Кошарная); украинском – «мать», «дети» (В. Калько), «семья», «муж», «жена» (И. Никольчук); в белорусском – «муж», «жена» (О. Жизневская).

Выделяем ряд сопоставительных работ, связанных с исследованием реализаций концептов «род / семья» во фразеопаремиологических картинах мира различных языков мира (А. Василова, Е. Добровольская – русского, В. Ужченко, В. Кононенко, Ю. Макарец, О. Слипчук – украинского; Е. Бабина, Р. Саттарова – английского; Г. Гунышова – немецкого; Л. Борисова – чувашского; Р. Шамилева – чеченского; А. Головин – русского, английского, немецкого, З. Бигдакирова – татарского, турецкого, английского; С. Адамова – английского, лакского; Т. Шайхуллин – арабского, русского; Н. Гаспарян – русского, армянского; А. Ким – русского, корейского; Р. Ани – русского, индонезийского и пр.).

В контексте формирования языковой картины мира рассматривают отдельные составляющие концепта «родство» (укр. рід, родина, сім'я, мати, батько–мати) В. Кононенко, В. Жайворонков, Ю. Макарец, О. Слипчук, которые относят их «к языковым единицам, наполненным этнокультурным содержанием. Они по большей части и функционируют в культурных контекстах, как народных, так и авторских» [9]. М. Пимено-

ва рассматривает отдельные концепты, в частности *мать*, в качестве иллюстративного материала, репрезентирующего определение понятия *концепт* как представления о фрагменте мира, оно формируется «общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения» [10, с. 131].

Ученые также отмечают способность структурных составляющих концепта «родство» пересекаться с иными концептами и входить в структуру этих концептов. Например, концепт «мать» входит в структуру концептов «родина», «родная земля» (В. Телия, Ж. Колоиз, Н. Малюга), «женщина» (Н. Паскова, Е. Бахтина, Т. Григорьева); концепт «семья» – концепта «быт» (Н. Рудакова); концепты «муж», «сын» – концепта «мужчина» (Е. Зиновьева, М. Довгалаук, А. Головин), концепт «род» – концепта «судьба» (Н. Мазай) и под.

Заслуживает внимания мнение А. Приходько, который относит данный концепт «родство» к разряду антропоморфных, среди которых выделяет и такие подклассы, как фамильные (*муж, жена, мать, отец, сестра, брат, теща, тесть, зять*), гендерные (*мужчина, женщина, муж, мать, отец*). Данные субконцепты «имеют прямое отношение к психическим и физиологическим состояниям человека, восходящим к его способности реагировать на раздражители внешнего мира и переносить их на свой внутренний мир» [11, с. 54].

Заключение. Концепт «родство» благодаря системе разновекторных языковедческих работ предстает как гиперконцептуальное образование, имеющее ряд субконцептуальных реализаций, открытых к междуконцептуальным корреляциям, которые обогащают понятийное содержание этого антропоморфного, социопсихотранскультурного концепта. На сегодняшний день исследования в области истории восточнославянских языков, лексической семантики, ономастологии, фразеологии составляют надежную основу для построения довербальной и вербальной картин мира, обобщающих конкретно-практический, обрядовый (социальный), акциональный опыт человека в микроколлективе. Будущие стратегии исследования функциональной семантики названий родства связаны с развитием лингвокультурологии, открывающей особенности национальных, контактирующих и неконтактирующих культур, реализующих себя в микротекстах (фразеология, паремии, быто-

вые диалогические единства) и макротекстах (фольклор песенный, обрядовый, литературное творчество), которые опираются на понятийное богатство этих номинаций.

Литература

1. Николич, М. Национально-культурный компонент семантики родства-свойства в русской и сербской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Николич. – М., 2016. – 16 с.
2. Лисиченко, Л.А. Бесіди про рідне слово (слово і його значення) / Л. Лисиченко. – Харків: ХДПУ, 1993. – 138 с.
3. Карасик, В.В. Здравый смысл как лингвокультурный концепт / В.В. Карасик // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов. Посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева / под ред. Е.Н. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С. 184–203.
4. Бабина, Е.Ю. Концепт понятия «семья» в английской языковой картине мира [Электронный ресурс] / Е.Ю. Бабина, Р.В. Саттарова // Гуманитарные научные исследования. – 2016. – № 8. – Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2016/08/16044>. – Дата доступа: 29.09.2017.
5. Кострубина, Е.А. Типы концептов: гиперконцепт СЕМЬЯ–ДОМ / Е.А. Кострубина // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6(12). – С. 51–57.
6. Занегина, Н.Н. Концепт семья в русском литературном языке и принципы его описания: дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Занегина. – М., 2011. – 254 с.
7. Ашхарава, А.Т. Концепт «дитя» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Т. Ашхарава. – Архангельск, 2002. – 16 с.
8. Добровольская, Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Е.В. Добровольская. – Режим доступа: <http://sun.tsu.ru/mminfo/0200-67460/020067460.pdf> 2005. – Дата доступа: 09.06.18.
9. Жайворонок, В.В. Етнолінгвістика в колі суміжних наук // Мовознавство. – 2004. – № 5–6. – С. 27.
10. Пименова, М.В. Терминология когнитивной лингвистики: концептуальная система и концептуальная картина мира / М.В. Пименова // Термінологічний вісник. – 2013. – Вип. 2(1). – С. 129–134.
11. Приходько, А.Н. Концепты и концептосферы: монография / А.Н. Приходько. – Днепропетровск: Издатель Беляя Е.А., 2013. – 307 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

Интеллектуальное развитие учащихся в процессе обучения русскому языку

Алейникова О.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В настоящее время в психолого-педагогической науке наблюдается возрастание интереса к интеллектуальному развитию школьников средствами учебных предметов. Перед методикой обучения русскому языку встает проблема создания эффективной образовательной среды, стимулирующей включение учащихся в активную умственную деятельность.

Цель статьи заключается в выявлении развивающего потенциала учебного предмета «Русский язык» относительно интеллектуальной сферы учащихся.

Материал и методы. Теоретико-методологические основы решения заявленной проблемы представлены в научных исследованиях развития мышления в контексте учебно-познавательной деятельности, положениях теории развивающего обучения, основополагающих принципах теории множественного интеллекта. Среди использованных методов выделяются эмпирические и теоретические: наблюдение, описание, моделирование.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования было выявлено, что опора на концепцию «видимого мышления» при обучении русскому языку дает возможность выйти на решение стратегической задачи образовательного процесса: не просто формировать у учащихся определенные лингвистические знания, умения и навыки, а обеспечить овладение системой языковых и речевых понятий и рациональными приемами оперирования этими понятиями. Учебная деятельность, организованная таким образом, способствует формированию и развитию понятийного мышления и речи — важнейших составляющих интеллектуальной сферы личности.

Заключение. Развивающая направленность процесса обучения русскому языку с акцентом на активизации интеллектуальной деятельности учащихся будет способствовать оптимизации педагогического взаимодействия, утверждению антропоцентрической направленности обучения, повышению уровня образованности и, как следствие, увеличению интеллектуального потенциала Республики Беларусь.

Ключевые слова: обучение русскому языку, интеллектуальное развитие, лингвистическое мышление, мыслительные операции, видимое мышление.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 220–226)

Students' Intellectual Development in the Process of Russian Language Teaching

Aleinikova O.S.

Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masharov", Vitebsk

Today psychological and pedagogical sciences experience a growing interest towards students' intellectual development by means of different subjects. Russian Language Teaching methodology faces the problem of creating effective educational environment fostering students' involvement into intensive mental activity.

The aim of the article is to reveal developmental potential of Russian language concerning students' intellectual sphere.

Material and methods. Theoretical and methodological foundations of addressing the stated problem are presented in the scientific researches concerning the development of thinking in terms of learning activity, concepts of theory of developmental education, basic principles of multiple intelligence theory. Among methods used in the research we distinguish empirical and theoretical ones: observation, description, modelling.

Findings and their discussion. During our research it has been found that using "visible thinking" approach in Russian Language Teaching reveals opportunities in solving the strategic task of educational process: not only forming students' linguistic knowledge, skills and competences, but supporting acquisition of language concepts and application of rational tools while operating these concepts. Learning activity organized this way promotes formation and development of conceptual thinking and speech — the most important aspects of individual's intellectual sphere.

Адрес для корреспонденции: e-mail: aleolia7@gmail.com — О.С. Алейникова

Conclusion. *Developmental orientation of Russian Language Teaching process focused on fostering students' intellectual activity will promote improvement of learning interaction, endorsement of anthropocentric emphasis in education, increase of educational attainment and as a result enhancement of intellectual potential of the Republic of Belarus.*

Key words: *Russian Language Teaching, intellectual development, linguistic thinking, mental processes, visible thinking.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 220–226)

Эра фактологических знаний прошла. В современном образовании не стоит задача обучить неосмысленному принятию фактов. Гораздо важнее вооружить учащихся способами и приемами самостоятельного приобретения знаний и оперирования уже имеющимися, воспитывать у них стремление быть размышляющими, любознательными и творческими.

В настоящее время в психолого-педагогической науке наблюдается возрастание интереса к интеллектуальному развитию школьников средствами учебных предметов. Несомненно, интеллектуальная направленность образовательного процесса проявляется при обучении различным дисциплинам. Но, учитывая тесную взаимосвязь языка, речи и мышления, особое положение в курсе общего среднего образования можно отнести филологическим дисциплинам, где наряду с овладением предметным содержанием и речевым развитием учащихся происходит формирование их интеллектуального потенциала. Успешное овладение языком, особенно родным, выступает и дополнительной основой достижения качественного уровня обучения другим дисциплинам.

При реализации направленности образовательного процесса по русскому языку на интеллектуальное развитие учащихся акцент ставится на структурный аспект содержания обучения, когда существенным становится не знание таксономических лингвистических категорий, а овладение процедурой выполнения различных мыслительных операций с этими категориями. Интеллектуальная направленность процесса обучения языку не отрицает коммуникативного подхода. Как отмечает профессор А.Д. Дейкина, «при коммуникативном подходе в обучении важно знать, понимать и учитывать функции языка и его единиц как коммуникативные феномены. Через их осознание развиваются интеллектуальные способности учащихся, дар слова. Качественные изменения в лингвистическом образовании во многом зависят от когнитивности содержания школьного курса по русскому языку, от профессиональной компетентности учителя-словесника обеспечить процесс обучения как понимание – усвоение – применение языка. Зна-

ние как запоминание без осмысленности сути языкового явления (факта) не является достаточным результатом познавательной деятельности» [1, с. 22–23]. Таким образом, приоритетной целью обучения школьников русскому языку становится не накопление ими определенной суммы знаний, а овладение сложной системой лингвистических понятий, знаний языка и о языке, умений пользоваться языком в учебной и коммуникативной деятельности, что и обозначено в концепции учебного предмета [2].

Цель статьи заключается в выявлении развивающего потенциала учебного предмета «Русский язык» относительно интеллектуальной сферы учащихся.

Материал и методы. Теоретико-методологические основы решения заявленной проблемы представлены в научных исследованиях развития мышления в контексте учебно-познавательной деятельности (Л.С. Выготский, Н.А. Менчинская, Н.Ф. Талызина и др.), положениях теории развивающего обучения (В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин, И.А. Якиманская и др.), основополагающих принципах теории множественного интеллекта (Г. Гарднер). Среди использованных методов выделяются эмпирические и теоретические: наблюдение, описание, моделирование.

Результаты и их обсуждение. Согласно теории множественного интеллекта Г. Гарднера, существует, по крайней мере, 7 различных областей, влияющих на уровень общего интеллектуального развития личности. Наряду с такими типами интеллекта, как логико-математический, визуально-пространственный, телесно-кинестетический, музыкальный, межличностный и интраперсональный, Г. Гарднер выделяет и интеллект лингвистический, под которым понимается способность оперировать словами как устно, так и письменно [3]. Такое толкование интеллекта способствует дифференциации развивающих целей процесса обучения языку, позволяя, таким образом, сделать акцент на формировании у учащихся лингвистического интеллекта – способности применять мыслительные и познавательные умения и навыки в различных видах речевой деятельности.

Целесообразно обратиться и к смежному с лингвистическим интеллектом понятию – понятию лингвистического мышления, которое профессор Ф.М. Литвинко определяет как «обусловленный лингвистической теорией психический процесс опосредованного и обобщенного познания системы языка, усвоения его понятий; осмысления отношений и закономерных связей между уровнями языковой системы; выявления оснований, привлекаемых при классификации фактов языка; осознания взаимообусловленности между содержанием и формой в языке; формирования способности понимать логику изложения научных взглядов и строить собственные суждения, содержащие обоснование того или иного языкового явления» [4, с. 191]. Следовательно, основными проявлениями лингвистического мышления выступают умения овладевать и оперировать понятиями, формулировать мысли в вербальной форме и строить собственные высказывания, приводить обоснованные умозаключения и др. Лингвистическое мышление задействует и другие виды умений: риторические (умения грамотно, точно и понятно излагать мысли в процессе осуществления коммуникативных намерений), мнемонические (способности использовать языковые и речевые средства для развития памяти), метаязыковые (умения применять языковые средства для исследования и описания самого языка), метапредметные (умения использовать язык как инструмент познания в различных предметных областях).

Следует отметить, что лингвистическое мышление, как и мышление в широком понимании, является процессом, скрытым от невооруженного наблюдения, что осложняет изучение умственной деятельности личности в процессе обучения. Психолого-педагогический подход к решению данной проблемы был предложен учеными Гарвардского университета (Г. Гарднером, Р. Ритчхартом), разработавшими концепцию «видимого мышления» (Harvard Project Zero) [5].

Концепция «видимого мышления» помогает построить обучение таким образом, что при активном взаимодействии учителя и учащихся, коллективном обсуждении и решении познавательных задач, фиксации мыслей и идей с помощью графических опор умственная деятельность становится «видимой», а следовательно, понятной для участников педагогического процесса.

В основе процесса обучения, организуемого с применением концепции «видимого мышления», лежит не прямая передача знаний обучающимся,

а получение ими представлений о способах оперирования учебным материалом, приемах организации умственной деятельности. Происходит увеличение осознанности и глубины мыслительных процессов, формирование у учащихся умений работать с алгоритмами мышления, развитие склонности к умственной деятельности и так называемой «привычки думать».

Исследователи, занимающиеся вопросами взаимосвязи процессов обучения и развития мышления, определили 8 умственных действий, которые способствуют углубленному пониманию изучаемого материала:

- установление составляющих рассматриваемого объекта;
- пристальное рассмотрение и описание изучаемого объекта или явления;
- опора в суждениях на объяснение и толкование;
- обоснованное рассуждение;
- установление связей;
- рассмотрение объекта изучения с разных сторон;
- улавливание сути и формулировка выводов;
- постановка вопросов и проявление любопытства [6].

Систематическое совершение вышеуказанных умственных действий с лингвистическим материалом приводит к качественным изменениям в мыслительной деятельности учащихся, продвижению интеллектуальных способностей на новый уровень. Например, *рассмотрение языковых явлений с разных сторон* направлено на развитие многоаспектного мышления. В отличие от мышления одностороннего, сфокусированного на одном аспекте рассматриваемого явления, многостороннее мышление помогает учащимся определить альтернативные мнения, решения, идеи. Учащиеся с таким типом мышления предлагают несколько решений лингвистической проблемы, что свидетельствует о дивергентности их мыслительных процессов. Основой дивергентного мышления выступают способность широко мыслить, выделять в языковом явлении множественные характеристики, при необходимости отказываться от найденного решения, не являющегося оптимальным, и продолжать поиски.

Выявление ключевых характеристик изучаемых языковых явлений и понятий, а также *установление взаимосвязей* между ними способствует повышению глубины мышления, развитию умения отвлекаться от поверхностных элементов и свойств, акцентируя внимание на сущностных.

Используя прием *описания языковых явлений*, учащиеся развивают внимание к деталям, скры-

тым, малоизвестным аспектам языка, формируют умения выявлять закономерности. Систематическое применение данного приема в практике обучения языку позволяет учащимся выйти за пределы шаблонного мышления, научиться распознавать не только самые явные и простые аспекты языковых фактов, но и обращать внимание на скрытые, малоизвестные, а зачастую непонятные элементы; преодолеть подмену осмысления учебного материала его механическим воспроизведением; сформировать навыки сознательного перехода от репродуктивной деятельности к самостоятельному творчеству и наоборот.

Развитию мышления учащихся способствует и систематическое *построение обоснованных соответствующими доказательствами умозаключений*. Логичное и аргументированное мышление, в отличие от мышления необоснованного, когда учащиеся не подтверждают свои умозаключения доказательствами либо приводят слабые, с легкостью опровергаемые аргументы, свидетельствует о наличии умений трансформировать имеющиеся знания и опыт, формулировать на их основе новые суждения, приводить вариативные доказательства, выявлять неожиданные закономерности и взаимосвязи.

Для реализации концепции «видимого мышления» учителю-словеснику рекомендуется:

1. Включать в процесс обучения *алгоритмы мышления*. Алгоритмы мышления могут выполнять функции: инструментов, активизирующих мыслительные процессы; опор и структур, позволяющих исследовать, документировать и управлять процессами мышления и обучения; пошаговых стратегий, которым необходимо следовать при выполнении определенных учебных задач [7]. Свойствами алгоритмов выступают целенаправленность (на поиск и рассмотрение различных точек зрения, или на сравнение и установление взаимосвязей, или на формулирование доказательств и умозаключений и т.д.); цикличность (повторяемость); дискретность (структура алгоритма представлена отдельными, последовательными этапами); универсальность (возможность применяться в разнообразных контекстах и формах).

Например, алгоритм «Установи связь – Расширь представления – Задай вопрос». Применяя данный алгоритм, учащиеся сличают новую информацию с той, что изучили раньше; отмечают, какая информация может расширить их представления о рассматриваемых языковых явлениях; записывают вопросы проблемного характера.

Здесь в большей степени задействованы операции абстрагирования и сравнения, поэтому такой алгоритм целесообразно применять тогда, когда у школьников появится значительная база знаний о рассматриваемых явлениях.

2. Внедрять такую форму организации учебного взаимодействия, как *учебный полилог*. В процессе подобного взаимодействия происходит одновременное рождение идей и смыслов и их передача. Однако целенаправленный и последовательный учебный полилог помогает учащимся не только передавать идеи, вносить свой интеллектуальный вклад в общую копилку, но и формулировать корректные вопросы, ведущие к прояснению позиции другого, подтверждению или опровержению своей точки зрения. Происходит интегрирование представленных позиций, а обсуждение проблемы выходит на качественно новый уровень осмысления. Такое открытое образовательное сообщество принятия и ценности мнения каждого способствует преодолению психологических проблем (неадекватной самооценки, боязни неправильного ответа); снижению уровня пассивности учащихся на уроке, активизации их мыслительных процессов; развитию культуры общения и совместного творчества; развитию умений рефлексировать и др.

3. Внедрять в процесс обучения так называемый «язык мышления» – языковые средства, характеризующие мышление. «Язык мышления» акцентирует внимание учащихся на осуществляемых с учебным материалом умственных действиях. Характер овладения содержанием учебного материала (глубина, полнота, точность и т.д.) напрямую зависит от качества развития операционных компонентов мышления (от того, насколько глубокими, всесторонними и точными были умственные действия, совершаемые с изучаемыми объектами). И наоборот – «качественные особенности знаний существенно определяют возможности формирования мыслительных операций» [8, с. 246]. Важное значение приобретает включение формулировок заданий, направленных на развитие тех или иных мыслительных операций. Примеры таких формулировок приведены ниже (табл.).

4. *Документировать* (фиксировать) процесс мышления в виде картинок, презентаций, таблиц, ментальных карт, диаграмм, схем и т.д. Мышление обретает видимую форму, что дает дополнительную опору, служащую инструментом оценивания прогресса учащихся и позволяющую выявить пробелы в знаниях или недостаточный

Примеры формулировок заданий, развивающих мыслительные операции

Мыслительные операции	Анализ	Синтез	Сравнение	Классификация	Абстрагирование	Обобщение	Систематизация
Образцы формулировок заданий	изучите, выявите, определите, найдите, проанализируйте, разбейте на части и др.	создайте, разработайте, сформулируйте, предположите, объедините и др.	сравните, сопоставьте, соотнесите, противопоставьте, распределите, найдите общее и различное и др.	сгруппируйте по определенному признаку, предложите несколько вариантов группировки, сгруппируйте по нескольким признакам одновременно и др.	выделите признаки, дайте определение, исключите лишнее, установите закономерность, восстановите последовательность, представьте и др.	определите общее, выявите закономерность, замените одним словом, к названию данного предмета или понятия подберите название одной его части и др.	систематизируйте, примените, приведите к общему, расскажите, докажите, объясните и др.

уровень сформированности умений и навыков. «Видимыми» умственными процессами легче управлять: появляется возможность их изменения, улучшения, отложенного рассмотрения и т.д.

При обучении русскому языку школьники сталкиваются с трудностями в работе над словарными написаниями. Для оптимизации процессов объяснения и запоминания непроверяемых написаний рекомендуется использовать словарные карты, выступающие своего рода аналогом ментальных карт (Т. Бьюзен) и представляющие собой визуальную репрезентацию словарной статьи, где приведена систематизированная информация об изучаемом слове. В работе над построением таких словарных карт целесообразно следовать заданному алгоритму действий:

1) словарное слово запишите в центре листа;

2) вокруг центрального слова расположите несколько наиболее подходящих информационных блоков («Значение», «Изображение», «Мой рисунок», «Этимологическая справка», «Ассоциации» «Однокоренные слова», «Синонимы», «Антонимы», «Загадка», «Памятка», «Ребус», «Примеры употребления» и др.);

3) в соответствии с количеством выбранных информационных блоков нарисуйте главные вет-

ви от центрального слова. Расположите блоки по одному в каждом ответвлении;

4) если необходимо, нарисуйте от главных ветвей второстепенные ответвления;

5) в каждом второстепенном ответвлении расположите информацию, которая визуализирует, конкретизирует или поясняет информацию главной ветви;

6) оформите словарную карту с помощью различных цветов, форм и др.

Цель данного алгоритма: он позволяет в интерактивном режиме вести работу по систематизации и закреплению учебного материала; обеспечивает 5–7 повторных восприятий слова, что способствует переводу информации о его правильном написании из кратковременной памяти в долговременную.

Применение алгоритма: составляя ментальные карты, т.е. «рисую мысли», учащиеся демонстрируют индивидуальный способ восприятия, обработки и представления информации. Учебная деятельность и формируемые умения становятся наблюдаемыми.

Запуск алгоритма: перед началом использования алгоритма обратите внимание учащихся на то, что он служит для запоминания написания

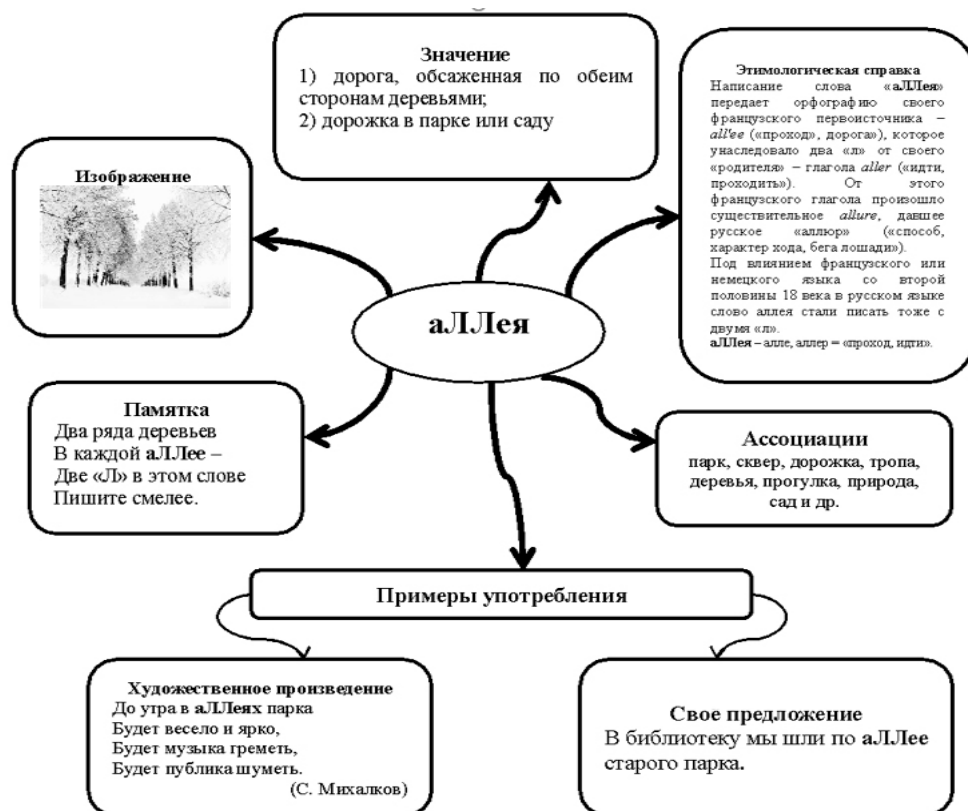

Рис. Словарная карта «Аллея»

словарных слов на основе составления ментальной карты. Приведите примеры словарных карт (рис.). Попросите учащихся поразмышлять над возможными вопросами, возникающими при рассмотрении карты (Как этимология слова влияет на его написание? Зачем нужно подбирать к слову синонимы, антонимы? и др.). Впоследствии, когда учащиеся поймут принцип алгоритма, они могут работать в малых группах, парно или индивидуально.

5. Развивать *метакогнитивные умения* учащихся, побуждая их задумываться о собственных познавательных процессах и возможностях их использования. Наличие у учащихся высокого уровня развития метакогнитивных стратегий свидетельствует о сформированных умениях учиться: самостоятельно определять цели обучения, управлять собственной мотивацией, осуществлять самоконтроль, выявляя трудности и устанавливая пути их преодоления, и др. Для реализации метакогнитивной направленности учителю наряду с вопросами по учебному материалу необходимо задавать вопросы, касающиеся непосредственно самого процесса обучения (Для чего необходимо владеть данной информацией? Как вам удалось это узнать? Опишите

трудности, с которыми вы столкнулись при выполнении задания. Есть ли другой способ выполнения этого задания? и т.д.).

6. Широко внедрять в практику обучения *вопросы* как один из наиболее эффективных инструментов обучения. В зависимости от цели (повторение, прогнозирование, выявление пробелов, углубление понимания, рассмотрение различных точек зрения и т.д.) вопросы бывают разными по форме и содержанию. Особую ценность для интеллектуального развития представляют стимулирующие умственную деятельность дивергентные вопросы (открытого типа со множеством верных решений), требующие последовательных рассуждений и углубленного взгляда на проблему, а не простого озвучивания верного ответа (как при работе с конвергентными вопросами). Вероятно, конвергентные вопросы в большей степени обращены к памяти и не требуют применения навыков мышления высшего порядка (установления причинно-следственных связей, приведения логических умозаключений и их аргументирования, оценивания результатов своей мыслительной деятельности и т.д.). Дивергентные же вопросы не предполагают единственно правильного ответа и требуют пояснения (Поче-

му...? Что будет (не будет), если...? Каковы причины...? Какова цель...? и т. д.).

Несомненно, поиску ответов на дивергентные вопросы следует отводить достаточное количество времени, что поможет учащимся сформулировать более развернутые и обоснованные суждения, подобрать оригинальные, нешаблонные решения, проявить большую уверенность и заинтересованность.

При работе с вопросами учителю нужно избегать ситуаций взаимодействия с одними и теми же учащимися и стараться спрашивать и тех, кто проявляет низкий уровень активности на уроке.

Заключение. Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

– выявленные противоречия между формальными знаниями учащихся и несформированными умениями оперировать имеющимися знаниями, применять их на практике препятствуют становлению школьников как полноценных субъектов учебной деятельности и, как следствие, создают трудности в обучении;

– направленность процесса обучения русскому языку на интеллектуальное развитие учащихся позволяет реализовывать субъект-субъектное педагогическое взаимодействие, что ведет к увеличению осмысленности и глубины понимания при овладении учебным лингвистическим материалом, активизации речемыслительной деятельности, формированию сообщества мыслящих, высокомотивированных учащихся;

– понимание и изучение необозримых процессов всегда затруднено. Однако, придавая «видимость» процессу мышления, наблюдая и фиксируя мысли и идеи учащихся, осуществляя мониторинг качественных изменений в их умственной деятельности, учитель создает условия для продвижения школьников в процессе овладения лингвистическими знаниями на качественно новый, глубокий и осмысленный уровень. Происходит активизация проблемно-поисковой речемыслительной деятельности, что оказывает существенное влияние на развитие как общих (интеллектуально-познавательных), так и специальных (языковых и речевых) способностей;

– трудностями, препятствующими широкому внедрению концепции «видимого мышления» в процесс обучения русскому языку, являются значительные временные затраты, требуемые

для овладения учащимися умениями осознанно, четко, понятно излагать свои идеи, используя при этом «язык мышления»; дополнительные усилия со стороны учителя в организации процесса обучения; некоторые проблемы с оцениванием, возникающие по причине того, что оценивать необходимо не только продукт учебной деятельности, но и процесс; тем не менее постепенное внедрение в процесс обучения даже отдельных элементов обозначенной концепции приводит к качественным изменениям в познавательной деятельности школьников.

Полученные результаты подтверждают важность дальнейшего исследования лингвометодических аспектов реализации развивающей функции обучения, что, в свою очередь, будет способствовать достижению предметной (овладение русским языком во всех видах речевой деятельности) и метапредметной (формирование школьника как субъекта самостоятельной учебной деятельности) целей.

Литература

1. Дейкина, А.Д. Коммуникативно-когнитивное содержание обучения русскому языку: проблема соотношения / А.Д. Дейкина // Актуальные вопросы методики преподавания русского языка и русского языка как иностранного: коллективная монография. – М.: Спутник+, 2016. – С. 19–25.
2. Концепция учебного предмета «Русский язык» // Русский язык и литература. – 2009. – № 7. – С. 3–8.
3. Gardner, H. Frames of mind: the theory of multiple intelligences / H. Gardner. – New York: Basic Books, 1993. – 496 p.
4. Литвинко, Ф.М. Формирование лингвистического мышления учащихся филологических классов / Ф.М. Литвинко // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / редкол.: И.С. Ровдо [и др.]. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 2. – С. 191–194.
5. Harvard Project Zero [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.pz.harvard.edu>. – Date of access: 29.04.2019.
6. Ritchhart, R. Making thinking visible: How to promote engagement, understanding, and independence for all learners / R. Ritchhart, M. Church, K. Morrison. – San Francisco: Jossey-Bass, 2011. – 320 p.
7. Ritchhart, R. Making thinking visible / R. Ritchhart, D. Perkins // Educational Leadership. – 2008. – Vol. 65. – P. 57–61.
8. Богословский, В.В. Общая психология: учеб. пособие для студентов пед. институтов / В.В. Богословский [и др.]; под ред. В.В. Богословского. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1981. – 383 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

Дискурс и семантическое поле в лингвистических исследованиях

Дружина Н.Л.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматриваются те структуры знания, которые объективируются в лингвистике с помощью слова «дискурс»; обоснована необходимость анализа единиц семантического поля в различных типах дискурса. Внимание к данным терминам вызвано тем, что язык и культура требуют для их наиболее полного познания и осмысления комбинации различных лингвистических методов.

Цель исследования — рассмотреть основные теоретические подходы к определению понятия «дискурс»; обосновать взаимодействие лингвистических категорий «дискурс» и «семантическое поле»; выявить дискурсивную специфику восприятия семьи в русской, белорусской и немецкой лингвокультурах.

Материал и методы. *В статье раскрываются преимущественно теоретические вопросы, поэтому в ней использованы тексты монографических работ, посвященных проблемам полевых исследований, вопросам лингвокультурологии и дискурсивного анализа, а также фрагменты текстов из периодической печати и комплекса мини-текстов дидактической разновидности педагогического дискурса. Для достижения поставленной цели использовались методы наблюдения, обобщения, сопоставления, систематизации, полевой метод и метод анализа дискурса.*

Результаты и их обсуждение. *При изучении семантических полей в родственных и неродственных языках целесообразно учитывать специфику дискурсивного функционирования единиц поля, так как дискурс как лингвистическая категория и полевой метод исследования лексики находятся в отношениях взаимодополнения.*

Заключение. *Полевой метод не является достаточным для адекватного моделирования содержания некоторых семантических полей, в частности семантического поля «семья» в русском, белорусском и немецком языках. Целесообразно также применять методики анализа дискурсивного функционирования единиц поля.*

Ключевые слова: *дискурс, семантическое поле, родной язык, семья, универсальные и идиоэтнические характеристики семьи.*

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 227–231)

Discourse and Semantic Field in Linguistic Research

Druzhina N.L.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article reveals those structures of knowledge which are represented in linguistics with the help of the word discourse; the necessity of the analysis of the units of the semantic field in different discourse types is justified. The interest in this terms is determined by the fact that language and culture demand the combinations of different linguistic methods for their better cognition and comprehension.

The purpose of the study is to consider basic theoretical approaches to definition of the term discourse; to prove the contact of the linguistic categories of discourse and semantic field; find out discursive specificity of understanding of the family in Russian, Belarussian and German linguocultures.

Material and methods. *In the article primarily theoretical issues are discussed for this reason the following materials were used: monographs dedicated to semantic field study, issues of cultural linguistics and discursive analysis, fragments of texts from periodicals and mini-texts of didactic diversity relating to pedagogical discourse. To achieve the purpose, we used the methods of observation, generalization, comparison, systematization, the field method and the method of discourse analysis.*

Findings and their discussion. *During the investigation of semantic fields in cognate and non-cognate languages it is advisable to take into account the specificity of discursive functioning of field units since discourse as a linguistic category and discourse as a field method are complimentary.*

Conclusion. *The field method is not sufficient for adequate modeling of the content of some semantic fields in particular for the semantic field “family” in the Russian, Belarussian and German languages. It is advisable to use methods of analysis of the discursive functioning of the field units.*

Key words: *discourse, semantic field, mother tongue, family, universal and idioethnic characteristics of a family.*

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 227–231)

Важной задачей языковедческой науки на любом этапе ее развития является осмысление того, каким образом осуществляется «вторжение родного языка в мышление и деяния его носителей» [1, с. 163]. Обращение к проблеме взаимосвязи понятий «семантическое поле» и «дискурс» с позиций лингвистического детерминизма базируется на философско-лингвистических идеях об особой роли родного языка в формировании картины мира и отражении культурно маркированных понятий.

Проблематика национально-специфичного своеобразия семантических полей, формирующих лексическую систему языка, в настоящее время является предметом исследования многих лингвистов. Важная опора предпринимаемого нами анализа семантического поля – понятийная категория «дискурс», поскольку дискурсивное восприятие изучаемого нами феномена «семья» в русской, белорусской и немецкой лингвокультурах имеет свою специфику.

Цель исследования – рассмотреть основные теоретические подходы к определению понятия «дискурс»; обосновать взаимодействие лингвистических категорий «дискурс» и «семантическое поле»; выявить дискурсивную специфику восприятия семьи в русской, белорусской и немецкой лингвокультурах.

Материал и методы. В статье раскрываются преимущественно теоретические вопросы, поэтому в ней использованы тексты монографических работ, посвященных проблемам полевых исследований, вопросам лингвокультурологии и дискурсивного анализа, а также фрагменты текстов из периодической печати и комплекса мини-текстов дидактической разновидности педагогического дискурса. Для достижения поставленной цели нами использовались методы наблюдения, обобщения, сопоставления, систематизации, полевой метод и метод анализа дискурса.

Результаты и их обсуждение. Обращение к проблеме дискурса во взаимосвязи с семантическим полем не является случайным, поскольку дискурс как лингвистическая категория и полевой метод исследования лексики находятся в отношениях взаимодополнения. Анализ и моделирование семантического поля только на основании данных лексикографических источников не будет полным, поскольку словарное толкование «не способно объяснить всех реальных применений слова» [2, с. 235]. Словарный состав языка находится в непрерывном движении, поэтому составители словарей не в состоянии за-

фиксировать все новые коннотации, тенденции метафорических и метонимических переносов, ассоциации носителей языка и т.д., т.е. результаты процесса, в которое вовлекается слово при описании изменяющейся действительности. Таким образом, необходимость обращения к дискурсу для исследования семантического поля является очевидной.

Обратимся к рассмотрению основных теоретических подходов к определению понятия «дискурс». Итак, термин «дискурс» – одно из ключевых понятий лингвистики, его анализ представляет несомненный теоретический и практический интерес. Однако следует отметить также, что дискурс относится к числу самых неоднозначно трактуемых понятий современного языкознания.

Теория дискурса восходит к античной риторике, но оформляться в самостоятельную область исследования она начала в 60-х годах XX века. У истоков изучения дискурса находились такие зарубежные ученые, как З. Харрис, Э. Бенвенист, Т. ван Дейк, П. Серио; проблема дискурса разрабатывалась в трудах российских ученых – Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасика, Ю.С. Степанова и др.

Термин «дискурс» допускает множество научных интерпретаций. Например, П. Серио рассматривает дискурс как: 1) эквивалент понятию «речь» в сосюрровском смысле, т.е. любое конкретное высказывание; 2) единицу, по размеру превосходящую фразу, высказывание в глобальном смысле; 3) воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию; 4) беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания; 5) речь, присваиваемую говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания; 6) речь (*langue discours*); 7) систему ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции; 8) высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет [3, с. 26–27].

В энциклопедических источниках излагается трактовка дискурса, основанная на определении термина посредством таких понятий, как текст, речь. Так, дискурс – это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, уча-

ствующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [4].

Согласимся с Е.С. Кубряковой, которая полагает, что «за термином “дискурс” сегодня стоит такая разветвленная структура знания, неизменными компонентами которой уже являются знания о речи и речевой деятельности, о том, что ее источником могут являться и одно лицо, и два, и еще гораздо большее количество участников, что она может и должна рассматриваться во всех социо-, культурно- и личностно-обусловленных прагматических условиях ее порождения, по ходу ее протекания, проявляя зависимость от указанных факторов, а также, что по мере осуществления речи строится за счет определенным образом выбираемых языковых средств новая данность, выражающая интенции ее отправителя и оказывающая воздействие на других участников коммуникативного акта, а также отражающая и порождающая особый мир (ментальное образование), могущий быть репрезентированным в виде текста» [5, с. 125].

Дискурс понимается также как «запечатленный в вербальных и невербальных знаках процесс социального взаимодействия людей» [6, с. 13].

По мнению В.И. Карасика, «дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в “сухом остатке” общения, с другой стороны» [7, с. 231].

Ю.С. Степанов считает, что дискурс – это «“язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности... Это “возможный (альтернативный) мир”» [8, с. 44].

Несмотря на отсутствие единства во взглядах ученых на сущность понятия «дискурс», многих исследователей дискурса объединяет следующее: выход за пределы текста, учет внелингвистических факторов в процессе коммуникации, ориентация на социальное в языке.

Классификации дискурса, имеющиеся в арсенале современной лингвистической науки, в качестве отправной точки учитывают такие критерии, как сфера функционирования, принадлежность индивидуальному или коллективному субъекту, функция деятельности и др. Например, в зависимости от сферы функционирования выделяют научный, юридический, политический, педагогический, военный дискурсы.

Широко известна в лингвистике классификация В.И. Карасика, в которой, противопоставляя индивидуальный и коллективный субъекты, ис-

следователь выделяет следующие типы дискурса: персональный (лично-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный). В первом случае говорящий выступает как «личность во всем многообразии личностных характеристик». Во втором случае говорящий выступает как представитель определенного социального института, также «статусно-ориентированным является и общение незнакомых или малознакомых людей, например, вопросы к незнакомым людям о времени или о местонахождении какого-либо учреждения» [7, с. 239].

В.Е. Чернявская, суммировав различные точки зрения на сущность дискурса в отечественном и зарубежном языкознании, сводит их к двум основным типам: 1) «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» и 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [9, с. 14, 16].

Концепция понимания дискурса в нашем исследовании складывается из содержательных характеристик данного понятия, предложенных Н.Д. Арутюновой, В.И. Карасиком и др. Термин «дискурс» понимается нами как корпус текстов, концентрируемый вокруг некоторого опорного концепта, или культурной ценности. Итак, дискурс – совокупность письменных текстов, служащих формой овнешнения идей в определенной понятийной сфере, имеющей культурно-ценностную значимость.

Семантическое поле «семья» исследуется нами на материале текстов двух разных типов институционального дискурса – публицистического и педагогического. Анализ семантического поля на основании данных лексикографических источников не позволяет наблюдать процесс развития и функционирования единиц поля в полной мере. Обращение к текстам двух разных типов институционального дискурса, публицистическому и педагогическому, помогает проследить особенности осмысления феномена «семья» и выявить нюансы значений лексемы, не отраженные в словарях. Современные публицистические и педагогические тексты, будучи обращенными к широкому кругу читателей, служат трансляторами ценностей культуры, оперативно фиксируют и вербализуют изменения, происходящие во всех без исключения сферах жизни, в том числе и в семейной.

Анализ семантического поля на материале публицистических и педагогических контекстов представляет несомненный интерес, поскольку

ку контекст является средством семантической идентификации значений многозначной языковой единицы. По мнению Б.А. Плотникова, именно в «дистрибутивных свойствах слова реализуются как постоянные, так и переменные семантические признаки слова, ...отношение говорящего к используемой языковой единице и отношение ее к другим языковым единицам» [10, с. 39].

Следовательно, публицистические и педагогические контексты представляют собой репрезентативный материал для анализа семантического поля, ядром которого является культурно маркированное понятие «семья». Особенности содержательной структуры публицистических и педагогических контекстов обуславливают правомерность обращения к ним как к источникам языкового материала, поскольку масс-медиа и современная педагогическая наука наиболее лабильно отзываются на изменения в социальных институтах и общественной идеологии.

Исследование семантического поля «семья» в публицистическом дискурсе – это анализ фрагментов текстов из периодической печати, которые содержат информацию о брачно-семейных, партнерских и родственных отношениях. Данный тип дискурса не является жестко регламентированным и включает в себя элементы политического, научно-популярного, педагогического дискурсов, что позволяет составить наиболее полное представление об осмыслении понятия «семья» на высоком уровне абстракции.

В педагогическом дискурсе нами проанализирован комплекс мини-текстов дидактической разновидности педагогического дискурса, посвященный вопросам семьи и семейного воспитания. Следует отметить, что традиционно термин «педагогический дискурс» понимается как последовательность «интенций речевых действий в типовой ситуации социализации» [7, с. 266]. Под педагогическим дискурсом мы понимаем профессиональный педагогический диалог, представленный в специальной научно-практической литературе.

В ходе исследования нами установлены некоторые дискурсивные особенности восприятия семьи в русской, белорусской и немецкой лингвокультурах. Следует особо отметить, что содержательное наполнение понятия «семья» не статично, оно меняется, и наиболее активно эти изменения отражаются в средствах массовой информации и педагогических источниках, поскольку семья, ее формы и функции находятся в фокусе постоянного внимания журналистов и ученых.

Например, традиционная семья в славянской культуре остается в числе ключевых ценностей, ведь для русских и белорусов испокон веков свидетельством зрелости человека считалось создание им семьи, рождение детей. Тексты СМИ и педагогические контексты подтверждают информацию о том, что семья присутствует в числе базовых ценностей наравне с домом, детьми, здоровьем, любовью, работой.

Также специфическими особенностями семьи в русской и белорусской культурах являются относительно небольшая популярность таких форм семьи и брачно-семейных отношений, как гостевые браки, «гражданский брак», однополые союзы и другие альтернативные формы родственных отношений, которые в нынешнем обществе относятся к разряду семейных, а также имеют более широкое распространение в немецкой культуре.

В отличие от русских и белорусов, немцы воспринимают семью как неоднозначную, дисгармоничную структуру, в которой равным образом присутствуют ценностная и антиценностная составляющие: ад, хаос, пессимизм, отсутствие порядка и т.п. В немецких контекстах в большей степени, чем в русских и белорусских, прослеживается также восприятие семьи как места выяснения отношений, соперничества, борьбы, эмоционального дискомфорта и т.п.; негативный образ семьи присутствует преимущественно в публицистических контекстах.

Для немецкого языка уникальным является описание семьи в рамках механистической метафоры, т.е. семья осмысливается как техническое устройство, машина, механизм: *die größte Sozialisierungsmaschine* / величайшая машина социализации; *Auslaufmodell* / модель, снятая с производства.

Специфическая особенность немецкого восприятия – представление о семье как сети (паутине): члены семьи выступают в качестве «ячеек», которые взаимосвязаны и в то же время автономны. Данная метафора имеет широкое хождение в современной немецкой культуре, применима к разным сферам человеческой жизни, в том числе к семейным отношениям. В немецкой публицистике широко дискутируется вопрос о проникновении сетевой метафоры в область человеческих взаимоотношений (*Netzwerk-Euphorie* / эйфория сети).

Первоначально метафора сети использовалась для характеристики технических объек-

тов: железнодорожные сети и т.д.; в 30-е годы XX века метафора сети распространилась на сферу социальных и эмоциональных контактов: сеть знакомых, сеть родственников, сеть друзей и т.п. Широкоупотребительная в немецкой культуре метафора сети (паутины), используемая в контексте семейной организации, подчеркивает наряду с идеей целостности семейной структуры ее открытость, обособленность отдельных «ячеек», ориентацию на индивидуализм.

Заключение. Таким образом, анализ семантического поля «семья» в разных типах дискурса позволяет выявить универсальные и идиоэтнические характеристики семьи в исследуемых лингвокультурах.

Дискурс является одним из самых сложных и неоднозначных понятий в лингвистике. Рассматриваемый термин допускает не только разные варианты произношения (с ударением на первом и втором слоге), но и большое количество научных интерпретаций. Дискурс изучается лингвистами в различных аспектах, например, в аспекте взаимосвязи и взаимодействия понятий «семантическое поле», «дискурс», «родной язык», что позволяет развивать целостную теорию дискурса, а также совершенствовать методы исследования семантики родственных и неродственных языков.

Литература

1. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 232 с.
2. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
3. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12–53.
4. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
5. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова; Ин-т языкознания РАН. – М.: Знак, 2012. – 208 с.
6. Седов, К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.
7. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
8. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. – М.: Рос. гос. ун-т, 1995. – С. 35–73.
9. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. – С. 11–22.
10. Плотников, Б.А. Основы семасиологии: учеб. пособие для филол. фак. вузов / Б.А. Плотников; под ред. А.Е. Супруна. – Минск: Выш. шк., 1984. – 223 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

Ипостаси адресанта мемуарного произведения (на материале мемуаров А.А. Успенского «В плену»)

Коваленко Е.И.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Среди основных особенностей мемуарного текста исследователи отмечают ретроспективный характер когнитивной деятельности автора-мемуариста. Именно этот признак мемуарной прозы обуславливает «расслоение» писательского «эго» на две ипостаси, раздвоение личностной позиции автора на «я прошлое» (участника событий) и «я настоящее» (наблюдателя).

Цель статьи — реконструировать ипостаси, свойственные адресанту (автору), в мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену».

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужило мемуарное произведение А.А. Успенского «В плену». При этом использованы общенаучные (наблюдения и обобщения) и лингвистические (композиционный анализ, контекстуальный анализ, интерпретативный) методы.

Результаты и их обсуждение. В статье представлены результаты исследования мемуарного произведения А.А. Успенского «В плену» в аспекте функционирования в нем различных ипостасей адресанта: 1) установлены способы обозначения адресанта; 2) выявлены и рассмотрены различные планы адресанта, композиционно организующие мемуарный текст; 3) определены их соотношения и иерархия во внутреннем мире произведения; 4) выявлены способы речевого выражения ипостасей автора.

Заключение. В зависимости от соотношения адресанта с текстовым и реальным временем выделены три ипостаси автора исследуемого мемуарного текста: повествователь, персонаж, комментатор. В результате взаимодействия планов повествователя и персонажа в произведении «В плену» автором создается уникальный ретроспективный образ собственного авторского «я».

Ключевые слова: мемуарный текст, ипостаси адресанта, речевая маска, повествователь, персонаж, комментатор, образ «я», А.А. Успенский.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 232–238)

Images of the Addresser of the Memoir Works (Based on the Memoirs of A.A. Uspensky “In Captivity”)

Kovalenko E.I.

Educational Establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

Among all the main features of the memoir text, researchers note the retrospective nature of the cognitive activity of the memoir writer. It is the sign of memoir prose that causes the “fractionation” of the writer’s “ego” into two images, a split of the author’s mind into the “I am the past” (event participant) and “I am the present” (observer).

The purpose of our study is to reconstruct the images peculiar to the addresser (the author) in the memoirs “In Captivity” by A.A. Uspensky.

Material and methods. The material for the study was the memoir work of A.A. Uspensky “In Captivity”. We used the general scientific methods: methods of observation and generalization, as well as linguistic methods: the method of compositional analysis, the method of contextual analysis, the interpretative method.

Results and its discussion. The article presents the results of the study of the memoirs of A.A. Uspensky “In Captivity” in the aspect of the functioning in it of various images of the addresser: 1) the means for designating the addresser are established; 2) various plans of the addresser compositionally organizing the memoir text are identified and considered; 3) their relationship and hierarchy in the inner world of the work are determined; 4) the ways of speech expression of the author’s images are revealed.

Conclusion. Depending on the correlation of the addresser with the textual and real time, we identified three images of the author of the studied memoir text: the narrator, the character, the commentator. In the result of the interaction of the plans of the narrator and the character in the work “In Captivity”, the author creates a unique retrospective image of his owns “me”.

Key words: memoir text, images of the addresser, speech mask, narrator, character, commentator, the image of “me”, A.A. Uspensky.

(Scientific notes. — 2019. — Vol. 29. — P. 232–238)

Адрес для корреспонденции: e-mail: katja.p92@mail.ru — **Е.И. Коваленко**

Среди основных особенностей мемуарного текста исследователи отмечают ярко выраженный ретроспективный характер когнитивной деятельности автора-мемуариста. Т.Г. Симонова, например, определяет «ретроспективность» как «воспоминание о давно и совсем недавно минувшем» [1, с. 22]. Именно этот признак мемуарной прозы обуславливает «расслоение» писательского «эго» на две ипостаси, раздвоение личностной позиции автора на «я прошлое» (участника событий) и «я настоящее» (наблюдателя). В лингвистических и литературоведческих источниках, посвященных мемуаристике, данные ипостаси писательского «эго» отмечаются многими исследователями, однако обозначаются различными терминами: «автор» и «автобиографический герой» [2]; «я» описывающего субъекта и «я» – объект описания [3]; повествующее «я» и повествуемое «я» [4].

Обозначенное качество мемуарного текста обусловило и появление в мемуаристике особого типа повествователя (нарратора). В частности, для мемуаров характерен так называемый «диегетический нарратор», характеристику которого находим у В. Шмида: «Диегетическим будем называть такого нарратора, который повествует о себе самом как о фигуре в диегесисе. Диегетический нарратор фигурирует в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект)» [4, с. 81]. Повествователь в мемуарах, таким образом, не противопоставляется биографическому автору, а превращается в одну из его речевых масок, главной функцией которой выступает непосредственное самовыражение автора как определенной языковой личности, обладающей конкретной биографией.

Использование автором типологических приемов мемуарного жанра в сочетании с индивидуально-авторскими, как и в любом прозаическом произведении, обуславливает различные соотношения сфер повествователя в прошлом и настоящем: «на первый план в тексте либо выступает повествователь, вспоминающий прошлое, либо передается непосредственный “голос” повествователя в детстве или юности, наконец, может устанавливаться динамическое равновесие обоих взаимодействующих планов» [3, с. 134].

Цель статьи – реконструировать ипостаси, свойственные адресанту (автору), в мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену». Сопутствующие задачи: 1) установить способы обозначения адресанта; 2) выявить и рассмотреть различные планы адресанта (ипостаси,

речевые маски), композиционно организующие мемуарный текст; 3) определить их соотношение и иерархию во внутреннем мире произведения; 4) выявить способы речевого выражения ипостасей автора.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужило мемуарное произведение А.А. Успенского «В плену». При этом использованы общенаучные (наблюдения и обобщения) и лингвистические (композиционного анализа, контекстуального анализа, интерпретативный) методы.

Результаты и их обсуждение. В мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену» описываются события с февраля 1915 года по ноябрь 1917 года (текстовое время); создание же мемуаров датируется 1933-м годом (реальное время). В зависимости от соотношения адресанта с текстовым и реальным временем можно выделить три основные ипостаси автора исследуемого мемуарного текста: 1) **повествователь** (рассказчик, хроникёр), создающий текст и «управляющий» его временем; 2) **персонаж**, принимающий непосредственное участие в описываемых событиях; 3) **комментатор**, описывающий события с «сегодняшней» точки зрения, оценивающий, создающий и интерпретирующий.

Адресант в произведении А.А. Успенского «В плену» четко обозначен. Основное языковое средство, указывающее на него, – это **местоимение «я»**, которое выделяет как описывающего прошлое субъекта речи, так и объект его описания (изображения): *«Еще и сейчас я живо представляю себе наш лагерь Нейссе, этот пыльный плац и узенькие проулочки между дощатыми бараками, где мы, пленные, бродили и группами, и парами, и поодиночке, все время мечтая о свободе»* [5, с. 244]; *«Был один заветный уголок в лагере, это четыре-пять кустов сирени и скамейка около церкви-манежа. Сюда я любил заходить посидеть около Храма Божьего. Здесь, когда сумерки обращались в темноту и уже не видны были наши охранители-часовые и унылые бараки, я, лежа на скамейке, любил смотреть на звездное небо, и я с неописуемым изумлением и радостью убеждался, что и здесь оно такое же родное – не чужое...»* [5, с. 245–246; здесь и далее текст цитируется по изданию, включенному в список литературы, с указанием в скобках страниц. – Е.К.].

На адресанта в мемуарах А.А. Успенского также указывает **местоимение «мы»**. Оно используется при:

а) описании совместных действий (состояний) повествователя и близкого к нему лица (лиц): «Много еще грустных вещей в эту ночь рассказывал мне мой старый хозяин, пока **мы** не разошлись спать» (с. 433);

б) установке на типизацию для указания на широкий круг лиц, то множество, представителем которого осознает себя повествователь: «Только в десять часов вечера конвойные остановили нас на ночлег в какой-то деревне. **Нам** отвели холодный и пустой сарай, так как все хаты оказались переполненными немецкими войсками, и уже **мы** начали располагаться на отдых, как вдруг раздалась немецкая команда: идти дальше! **Мы** вышли из сарая и построились на улице, и что же? Здесь, ночью, на морозе немцы продержали нас почти три часа! А ведь **многие из нас** были раненые и почти все больные» (с. 198).

Следует отметить, что в произведении «В плену» А.А. Успенского местоимения «мы» и «я» представлены в динамическом чередовании, что, с нашей точки зрения, свидетельствует о желании автора усилить значимость коллективного опыта, вбирающего в себя и опыт личный.

События прошлого описываются **мемуаристом-рассказчиком** в исследуемом мемуарном тексте при помощи видовременных форм глаголов прошедшего времени, что связано с ретроспективным характером мемуарной прозы. Приметами речи мемуариста-рассказчика в этих случаях являются даты и другие указатели временного характера, создающие хронологическую канву произведения. Ср., например: «**1915 год. 8/21 февраля** – роковой день, когда в августовских лесах жалкие остатки русского 20-го корпуса, а с ним и нашего 106-го пехотного Уфимского полка (27-й дивизии) окружены были четырьмя немецкими корпусами и после неравного боя принуждены были сдаться в плен! Бой был неравный, потому что русские войска, после почти непрерывных, в течение двенадцати дней и ночей, боев, остались без патронов и снарядов» (с. 195).

План повествования представлен как единичными событиями, описываемыми при помощи форм глаголов прошедшего времени совершенного вида, так и событиями повторяющимися, описываемыми посредством глаголов прошедшего времени несовершенного вида: «**Вошел** батюшка, а за ним два офицера, причем один из них плакал, а другой, обнявши его, успокаивал. Плакавший **заказал** панихиду. Это был капитан Колпак (всегда во время Богослужения прислуживавший батюшке в алтаре), только что по-

лучивший письмо из России о том, что жена его после двух операций рака **скончалась**, оставив четырех малых детей сиротами. Батюшка **облачился**, и **началась** панихида» (с. 296–297); «На проверке обыкновенно **присутствовали** все чины комендатуры. При появлении коменданта фельдфебель громко **кричал**: “Achtung” (для команды солдат), на что комендант **прикладывал** руку к козырьку, и казалось, как будто этим он и нас, стоящих в строю, **приветствовал**. Так же, как и на фортах, и в лагере Нейссе, фельдфебель **выкликивал**, сильно коверкая, наши фамилии. Кроме того, фельдфебеля, обходя наш фронт, **поверяли** число офицеров по комнатам» (с. 319).

Рассмотрим случаи перемещения плана мемуариста-рассказчика в сферу мемуариста-персонажа, то есть видоизменение объективного авторского повествования в субъективизированное. Некоторые ситуации прошлого (или их часть) интерпретируются как актуально значимые, вновь переживаемые, отсюда широкое употребление в тексте форм настоящего исторического: «Громко **стучат** по каменному полу подкованные гвоздями сапоги наших “охранителей”, резко **светит** луч ручного электрического фонарика по нашим лицам и **слышится** громкий шепот: “Eins, zwei, drei”!..» (с. 223); «Серенький, с утра дождливый день. Я **лежу** с книгой в руках в постели. Дождь непрерывно и монотонно **стучит** по плоской крыше нашего барака. На душе тоскливо. Все еще неизвестно, когда нас будут отправлять на родину, и я **начинаю подозревать**, что все это обман» (с. 424).

Вспоминая о прошлом, в некоторых фрагментах текста повествователь перевоплощается в себя же в тот временной отрезок, о котором идет речь, и воссоздает образы непосредственного восприятия, перемещаясь в план персонажа. К речевым средствам, создающим эффект непосредственного восприятия (прием представления), относятся: употребление частицы «вот», устанавливающей дейксис представления; использование глаголов, обозначающих «наблюдаемые» действия; прилагательных с семой «странный»; предлогов, местоимений и наречий, указывающих на конкретную пространственную точку зрения очевидца событий; номинативов, связанных с планом настоящего; временных смещений, вопросов, уточняющих характер ситуации. В исследуемом мемуарном тексте также представлены фрагменты, создающие эффект непосредственного восприятия. Например: «**Вот**, наконец, и зеленый мост,

Снипишки (Снипишки – один из районов Вильнюса. – Е.К.), **улица и тот дом**, где до войны я жил с семьей долгое время» (с. 431); **Слышно**, как в притворе костела грубо ругаются немцы, когда кто-нибудь не скоро возвращается обратно...» (с. 204); «**Вот** из открытого окна **слышно**, как красивый баритон под звуки гитары поет цыганский романс о любви. Из другого окна **слышится** дружный хохот молодежи, и в моих мечтах реет и манит мираж скорой свободы!» (с. 420).

В некоторых фрагментах текста передается непосредственный «голос» персонажа в описываемый период прошлого, представленный формами внешней и внутренней речи персонажа. Внешняя речь маркирована формами прямой речи (произнесенной или написанной): «Комендант, сопровождавший по лагерю сестру и ее спутника-испанца (как представителя нейтральной державы), сначала отказал ей в этой просьбе, но когда, при осмотре помещений, подошли мы с нею к двери, ведущей на чердак, **я шепнул ей: “Здесь наша церковь”**» (с. 306); «Комендант долго рассматривал иконочку, а потом обратился ко мне с такой просьбой: – Господин полковник, не можете ли вы этот образок продать мне, он напоминает мне благословение моей матери. – **Господин полковник, – ответил я, – с удовольствием подарил бы я вам эту иконочку, если бы это была моя собственность, а не достояние нашей церкви**» (с. 394); «В ответ на это письмо В. Н. и, в частности, о “Деревне” Пушкина, **я написал: “Это стихотворение и мое любимое. Кто не знает, что за эти стихи, за этот вопль о страданиях народа, за эту правду, сказанную поэтом Царю открыто, Пушкин был сослан в места не столь отдаленные!”**» (с. 362–363).

Наши наблюдения свидетельствуют о большей частотности форм внутренней речи персонажа, представленных небольшими по объему текстовыми вкраплениями прямой или несобственно-прямой речи. Данные формы внутренней речи вводятся в текст при помощи глаголов «думал», «рассуждал» и т.п.: «“Несчастливая Литва!” – **думал я**» (с. 434); «Зачем, **думал я**, народы враждуют и уничтожают друг друга, когда мир так велик и прекрасен, когда жизнь человеческая должна быть особенно ценима, чтобы успеть познать этот мир со всеми разнообразными творениями Господа, созданными на пользу того же человека?» (с. 421); «**Я рассуждал**: чего жена боится? что мне может сделать новое правительство России? За что оно меня будет

преследовать?» (с. 416); «**Я тогда невольно задал себе вопрос**: “Неужели это те самые немки, которые еще не так давно, при враждебной манифестации перед нашим лагерем, по нашему адресу потрясали своими кулачками?!”» (с. 330).

Конструкции внутренней речи в форме вопросов, с нашей точки зрения, указывают на автокоммуникативность, отражая в данном случае ретроспективные мысли автора-персонажа.

В мемуарной прозе автор зачастую становится творцом образа собственного «я» в описываемый период прошлого, который также может быть определен как одна из ипостасей адресанта. **Образ «я»** создается посредством приемов «самообъективации», которые находят выражение во взаимодействии планов повествователя и персонажа. Рассмотрим примеры самообъективации в исследуемом мемуарном тексте.

В своих мемуарах А.А. Успенский не дает развернутой автобиографии, лишь некоторые эпизоды его жизни до пленения упоминаются в тексте. Ср., например: «Явилась мысль устроить Богослужение. Наша Stub’a, узнав от уфимцев, что **я в своем полку исполнял должность церковного ктитора**, выбрала меня ктиторм» (с. 423–424); «Предложено было и мне прочитать что-нибудь на тему или о религии (как ктитору нашей церкви), или о театре, так как многие офицеры (Виленского гарнизона) **знали о моем постоянном участии и режиссерстве в любительских спектаклях в Вильне**» (с. 343).

Отсутствуют в исследуемом мемуарном тексте и подробные языковые портреты близких повествователю людей, однако отдельные упоминания о них повсеместно встречаются в тексте в сопряжении с пересказами автором содержания их писем: «Прислали письма **жена моя и дочь**. Они, как беженки из Вильно, жили теперь в Москве и жили очень печально. Письмо жены было полно семейными заботами о дочери и мальчиках и ни слова не говорило о важных политических событиях. Получил я письмо и **от сына Валентина** – кадета Полоцкого корпуса. Он со своей ротой перекочевывал из города в город: <...>» (с. 377); «И вот, в одно печальное утро, каким-то путем прибывший из России еврей вручил мне письмо **от моей сестры**. Она извещала меня о смерти шести самых близких мне лиц: **отца, жены, дочери, сестры, брата и его жены!** Все умерли один за другим, в течение небольшого периода времени, в ужасных условиях “беженства” и жизни в “большевицком раю”...» (с. 436).

Образ «я», воссоздаваемый в исследуемом мемуарном тексте, запечатлен также в описании поступков автора в прошлом, которые всегда характеризуют его как положительного героя: *«И вот, с ведома старшего в лагере, я, совместно с представителями от французов, англичан и бельгийцев, обратился к коменданту с просьбой отвести всем исповеданиям для Богослужения – манеж, а нам, православным, – назначить постоянного священника»* (с. 265); *«Снял Черновецкий шинель и очутился в костюме немецкого пейза. Я, спрятав его шинель, помог ему взобраться при помощи двух столов и веревочной лестницы через открывающийся люк – на чердак. Угол манежа, где мы все это проделали, не был видим из главного здания. Я пожелал беглецу успеха, и люк захлопнулся»* (с. 269).

Образ «я» в мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену» дополняется упоминанием об увлечениях героя в описываемый период, которые характеризуют его как личность интересующуюся, образованную и талантливую: *«Сначала я старался ставить небольшие пьесы из чеховского репертуара, избегая пьес со многими женскими ролями <...>»* (с. 352); *«Времени было достаточно, и я постарался затронуть обе предложенные мне темы, и 21 декабря 1916 года при большом собрании офицеров, выражаясь по-военному, я “сделал доклад”, т.е. прочитал лекцию на тему “Религиозно-нравственное значение литературы и искусства”»* (с. 344); *«Я изучал французский язык и бухгалтерию»* (с. 359). Особое значение мемуарист уделяет чтению, причем литературные интересы персонажа в описываемый период направлены преимущественно на литературу религиозную: *«Особенно заинтересовала меня книга Н. Дурново “Так говорил Христос”»* (с. 400); *«Когда особенно тяжело было на душе и мрачные мысли не давали мне покоя, я, по совету нашего духовного отца в плену о. Назария, читал Евангелие, присланное В. М. Урванцевой, и находил в этом святом, неисчерпаемом источнике жизни успокоение»* (с. 404).

Средствами самоописания и самохарактеристики в исследуемом мемуарном тексте служат также оценки повествователем действий других лиц, исторических ситуаций, предметов, его сентенции и афоризмы, оценки прочитанных книг: *«Шайка международных авантюристов-коммунистов, прикрывавшихся псевдонимами в виде русских фамилий, возглавляемая этим Лениным, сначала, для закрепления своей власти,*

объявила “свободу”: <...>, а потом, окончательно захватив власть в свои руки, заменила слово “родина” – “интернационалом”, причем стерла самое слово “Россия”!» (с. 382); *«Объявление самоопределения народов и связанных с ним возрождения и самостоятельности некоторых государств, как Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Грузия, порадовало меня за моих боевых товарищей по русской армии, <...>»* (с. 400); *«Кто, кто эти судьи и обидчики офицеров, и что они сами дали России?! Где они были в то время, когда офицеры в продолжение трех лет тысячами погибали, защищая свою Родину?!»* (с. 416); *«Нужно быть извергами, слугами сатаны, чтобы назвать религию “опиумом для народа, развращающим сердце”. <...> Если это – опиум, то священный опиум, укрепляющий сердце человека»* (с. 405); *«Да, на войне судьба переменчива: вчера они у нас были в плену, а сегодня мы у них!»* (с. 202); *«Особенно заинтересовала меня книга Н. Дурново “Так говорил Христос”. В этой книге автор много говорит о совершенствовании и работе человека над самим собой, что дает ему внутреннее удовлетворение и примирение со всеми людьми: отсюда мир и согласие на земле»* (с. 400).

Значимы для самоинтерпретации и описания окружавших повествователя в прошлом предметов или природных явлений, которые, как правило, открыто субъективны, часто оценочны и отображают индивидуальные особенности личности, своеобразие ее взгляда на мир, воплощают силу его памяти о прошлом: *«Стоял июль месяц. Равнодушная к человеческому горю природа сияла своей красотой. В своей тоске я стремился к одиночеству и гулял один, любясь необыкновенно красивыми окрестностями Гнаденфрея с живописными рощами на холмах и белыми лентами шоссе, обсаженных фруктовыми деревьями. Уже поспели черешни, и на перекрестках дорог их дешево продавали немецкие женщины. Целые поля необыкновенно красивого лилового вереска ласкали взор. По вечерам, в тихом свете заката, виднелись бредущие с полей стада. Я гулял до изнеможения, чтобы возможно позднее возвращаться в лагерь»* (с. 413).

Вышеперечисленные приемы и средства репрезентации планов повествователя, персонажа и образа «я» отчетливо ориентированы на актуализацию прошлого. Очевидно явное присутствие в произведении А.А. Успенского «В плену» и плана авторского настоящего, воплощаемого посредством самоперебивов, комментариев, кор-

рекции своих воспоминаний и т.п., которые являются приметами речевой маски комментатора: *«Не знаю, как я перенес этот удар! Ведь я так мечтал после войны и плена обнять этих самых дорогих и милых мне лиц, найти среди них утешение и успокоение после всего пережитого, а жестокий рок принес мне такое непоправимое горе! Но... доволен о себе»* (с. 436); *«Я уверен, что и Германия в свое время также вернет будущей, не большевицкой, России знамя 106-го пехотного Уфимского полка, <...>»* (с. 341); *«Я думаю, почувствовали и они красоту русского Богослужения, полного духовной радости, в эту пасхальную ночь:<...>»* (с. 289); *«Рассказы эти так были полны картинками изумительного героизма русской пехоты и артиллерии, что я тогда с некоторым недоверием выслушивал их, но вот теперь, когда источники немецкой и особенно русской военной литературы лежат передо мною <...>, я упрекаю себя в недоверии к рассказам участников этих боев»* (с. 231); *«Какая часть сражалась со мной? Узнаю ли я когда-нибудь подробное описание этого боя у немцев? И вот сейчас, спустя целых восемнадцать лет, я это узнал: передо мной лежит солидная книга – почтенный труд немецкого генерала от артиллерии Max von Gallwitz “Meine Föhrtätigkeit im Weltkrieg”, Berlin, 1930. Verlag vom E.G. Wittier u. Sohn»* (с. 252).

В исследуемом мемуарном тексте нами выделены фрагменты, маркированные иронической экспрессией, которая возникает в результате несоответствия точек зрения повествователя в прошлом и настоящем: *«Не забуду, как сильно волновался я тогда и по поводу своего Георгиевского креста. Как смешны представляются мне теперь эти мои сетования и скорбь, и опасения, что я, быть может, совсем не получу Георгиевского креста! Мог ли я тогда предполагать, как закончится война?!»* (с. 251–252); *«Ведь так всем нам хотелось верить, что “вернется на землю любовь”! Какими наивными были наши мечты о любви и скором мире на земле, показала впоследствии жестокая действительность!»* (с. 345).

К плану повествователя в настоящем следует отнести и авторские рассуждения, имеющие вневременной характер: *«Является вечный роковой вопрос: “В чем же смысл войны?”. Есть идеалисты, что верят в возможность прекращения войны на земле, но такие чаяния были у человечества до Р. Х. и после Р. Х., а однако войны не прекращаются и сейчас, несмотря на то, что государства всего мира осудили войну как*

варварское средство разрешения конфликтов, и учреждена Лига Наций, и даже работает “комиссия по разоружению”, – эти же государства готовятся к, быть может, еще более ужасной войне!!!» (с. 437).

Особое значение в репрезентации речевой маски комментатора отводится метатекстовым элементам, которые содержат те или иные сведения энциклопедического характера. Ср., например: *«Гнаденфрей – маленькое местечко в Верхней Силезии с одной кирхой, с несколькими десятками двух- и одноэтажных домиков, с четырьмя-пятью асфальтированными улочками и, между прочим, с двумя хорошими цветочными магазинами. Живописные окрестности»* (с. 258); *«Схимонахия – это монахия, заживо отпетая и потому навсегда отрекшаяся от видимого мира, обыкновенно живущая где-нибудь в скиту, но одиноко, вдали от главного монастыря, и совершенно не показывающаяся людям»* (с. 267).

Установка на воспоминания делает приметой мемуарного жанра повторяющиеся лексические единицы с семой «память»: помню, помнится, не забуду, как сейчас вижу и т.п., которые вводят описание какой-либо реалии, факта или ситуации в прошлом. Данные языковые средства сигнализируют о взаимодействии речевой маски комментатора и маски повествователя: *«Вспоминается одно праздничное меню (по случаю какого-то табельного дня): на первое блюдо сладкий суп (без мяса), а на второе – компот с фиалками и подснежниками! Как мы злились и смеялись тогда над этим меню! Многие из нас не стали есть фиалок и подснежников <...>»* (с. 213); *«Помню, как один из конвойных солдат, познанчик-поляк, начал делить по кусочку свой хлеб ближайшим около него пленным офицером»* (с. 197); *«Я как сейчас вижу эту трогательную в плену картину: многих, и седых, и юных, плачущих офицеров, которые, как дети, не могли сдержать себя и всхлипывали, стоя со свечами у своих постелей»* (с. 226); *«Никогда не забуду этого ночлега в храме Божиим! Было нестерпимо обидно от всех унижений, и невольно глаза устремлялись вверх, к алтарю, к слабо освещенному лунным светом Лику Христа Спасителя; невольно многие из нас в полумраке храма тихо плакали»* (с. 204–205).

В приведенных текстовых фрагментах лингвистически зафиксирована когнитивная деятельность памяти автора, мыслительные операции, в результате которых формируется и получает завершение мемуарное произведение.

Заключение. Изучив мемуарное произведение А.А. Успенского «В плену» в аспекте выявления в нем ипостасей автора (его речевых масок), мы пришли к следующим выводам:

1) в зависимости от соотношения адресанта с текстовым и реальным временем можно выделить три ипостаси автора исследуемого мемуарного текста: повествователь, персонаж, комментатор;

2) речевая маска повествователя является основой композиции исследуемого мемуарного текста, в то время как «голосам» персонажа и комментатора в данном случае отводится сопутствующая роль, однако весьма важная для формирования событийного и образного строя произведения;

3) события прошлого описываются мемуаристом-рассказчиком преимущественно при помощи видовременных форм глаголов прошедшего времени; помимо этого в исследуемом тексте представлены случаи смещения плана мемуариста-рассказчика в сферу мемуариста-персонажа (широкое употребление в тексте форм настоящего исторического и речевых средств, создающих эффект непосредственного восприятия);

4) в ряде фрагментов текста воплощен непосредственный «голос» персонажа в описываемый период прошлого, представленный формами внешней и внутренней речи;

5) в результате взаимодействия плана повествователя и плана персонажа в произведении «В плену» автором создается ретроспективный образ собственного авторского «я» при помощи приемов самообъективации;

6) план авторского настоящего расширяется посредством самоперебивов, комментариев, коррекции собственных воспоминаний, рассуждений и т.п., которые являются приметами речевой маски комментатора;

7) активное использование лексических единиц с семой «память» актуализирует взаимодействие речевых масок комментатора и повествователя, а также позволяет образно конкретизировать процесс создания автором мемуарного произведения.

Литература

1. Симонова, Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие / Т.Г. Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
2. Гинзбург, Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1977. – 448 с.
3. Николина, Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н.А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 422 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
5. Успенский, А.А. На войне. В плену: Воспоминания / А.А. Успенский. – СПб.: Издательство К. Тублина, 2015. – 448 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.

Дискурсивные инструменты социальной, коммерческой и политической рекламы¹

Солодовникова Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Дискурс социальной, политической и коммерческой рекламы, представляя собой устойчивое системное образование, обладающий как общими, так и различными чертами, является особым видом современной коммуникации, оказывающим существенное воздействие на подсознание массового адресата. Этот тип дискурса обладает определенным функциональным, предметно-тематическим и жанровым своеобразием, учет которого способствует его востребованности государством, общественными и некоммерческими организациями и бизнес-сообществом в качестве эффективного средства управления социальными, политическими и экономическими процессами.

Цель исследования — раскрыть дискурсивные инструменты социальной, политической и коммерческой рекламы.

Материал и методы. Материалом послужили современные работы исследователей в области социального, политического и коммерческого дискурсов и рекламы как особого институционального феномена. Для иллюстрации использованы примеры рекламных сообщений городских билбордов (около 200 единиц). При этом применялись такие общенаучные методы, как системный, социально-институциональный, сравнительно-исторический, а также метод регистрируемого наблюдения.

Результаты и их обсуждение. Манипуляция — одна из форм современной социальной практики доминирующих групп, направленная на воспроизводство социального, политического, экономического доминирования посредством повседневных практик и, в частности, дискурса социальной, политической и экономической рекламы. Дискурсивные инструменты социальной, политической и коммерческой рекламы раскрываются сквозь призму процесса технологизации самого дискурса, что позволяет разграничить понятия «манипуляция», «стратегия» и «технология». Установлено, что дискурсивные инструменты включают в себя и технологии, и различные стратегии, и манипуляции, в основе которых лежит персуазивность как наиболее оптимальный способ воздействия на адресата. Рассматриваются черты, характерные для рекламного дискурса в целом и для дискурсов социальной, политической и коммерческой рекламы в частности. Анализируются наиболее релевантные классификации персуазивных стратегий, на основании чего делается вывод о комплементарности рассмотренных классификаций. Предлагается классификация дискурсивных инструментов как политической, так и коммерческой, а также социальной рекламы на основе понимания мотивов потребителя рекламы (вне зависимости от ее типа).

Заключение. Исходя из мотивационной структуры, присущей потребителю, выявлены следующие инструменты (стратегии) дискурса политической, коммерческой и социальной рекламы: информирующие; поддерживающие; побудительные; стимулирующие. Установлено, что интертекстуальность, являя собой поликодовый инструмент рекламного дискурса, образует особый стратегический блок, в арсенале которого статистические данные и подсчеты, паремии, цитации, обращение к религиозному дискурсу, ссылки на правовое законодательство, использование прецедентных имен, фактов, событий, произведений искусства.

Ключевые слова: дискурс-анализ, реклама, инструмент, коммуникация, воздействие, технологизация, манипулирование, стратегия, мотив.

(Ученые записки. — 2019. — Том 29. — С. 239–243)

Discourse Tools of Social, Commercial and Political Advertising

Saladounikava T.V.

Belarusian State University, Minsk

The discourse of social, political and commercial advertising, representing a sustainable system phenomenon, possessing both common and different features, is a special kind of modern communication that has a significant impact on the subconsciousness of the mass recipient.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г18МС-003 от 30.05.2018.

This type of discourse has a certain functional, subject-specific and genre originality, the consideration of which contributes to its relevance by the state, public and non-profit organizations and the business community as an effective means of managing social, political and economic processes.

The purpose of the study is to reveal the discursive tools of social, political and commercial advertising.

Material and methods. *The material of the study was the modern works foreign researchers in the field of social, political and commercial discourses and advertising as a special institutional phenomenon. For illustration, we used examples of advertising messages of city billboards (about 200 units). The study used such general scientific methods as a systemic, socio-institutional, comparative-historical, as well as the method of recorded observation.*

Findings and its discussion. *Manipulation is one of the forms of modern social practice of the dominant groups, aimed at reproducing social, political, economic domination through everyday practices, and, in particular, the discourse of social, political and economic advertising.*

Discursive tools of social, political and commercial advertising are revealed through the prism of the process of technologization of the discourse itself, which makes it possible to distinguish between the concepts of "manipulation", "strategy" and "technology". It has been established that discursive instruments include technologies, and various strategies, and manipulations, which are based on persuasiveness as the most optimal way of influencing the addressee. It has been considered the features that are characteristic of advertising discourse in general, and for discourses of social, political and commercial advertising in particular. The most relevant classifications of persuasive strategies have been analyzed, on the basis of which it has been drawn the conclusion about the complementarity of the considered classifications. A classification of discursive instruments of political, commercial and social advertising based on an understanding of the advertising consumer's motives (regardless of its type) is proposed.

Conclusion. *Based on the motivational structure inherent in the consumer, the following tools (strategies) of political, commercial and social advertising discourses have been revealed: informing; supportive; inducing; stimulating. It has been established that intertextuality, being a polycode instrument of advertising discourse, forms a special strategic block, in the arsenal of which statistical data and calculations, pararemmas, citations, appeal to religious discourse, references to legal legislation, use of case names, facts, events, works of art.*

Key words: *discourse analysis, advertising, tool, communication, impact, technologization, manipulation, strategy, motive.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 239–243)

Дискурс социальной, политической и коммерческой рекламы, представляя собой устойчивое системное образование, обладающий как общими, так и различными чертами, является особым видом современной коммуникации, оказывающим существенное воздействие на подсознание массового адресата. Это тип дискурса обладает определенным функциональным, предметно-тематическим и жанровым своеобразием, учет которого способствует его востребованности государством, общественными и некоммерческими организациями и бизнес-сообществом в качестве эффективного средства управления социальными, политическими и экономическими процессами. Характеризуя нашу эпоху как «эпоху вселенского обмана», Ч.С. Кирвель наряду с другими нынешними исследователями указывает на беспрецедентные возможности манипулирования общественной и личной жизнью людей, говоря даже об информационном сетевом закабалении мира [1]. Возникли глобальные информационные поля, способные действовать на сознание людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции в планетарном масштабе. Анализ властного измерения манипуляции предполагает описание средств, с помощью которых одни социальные группы и индивиды осуществляют контроль над окружающими

(S.R. Clegg, T.W. Luke, T.A. van Dijk, T.E. Wartenberg). В данной работе мы исходим из идеи о том, что манипуляция – эта одна из форм сегодняшней социальной практики доминирующих групп, направленная на воспроизводство социального, политического, экономического доминирования посредством повседневных практик, и, в частности, дискурса социальной, политической и экономической рекламы.

Цель исследования – раскрыть дискурсивные инструменты социальной, политической и коммерческой рекламы.

Материал и методы. Материалом послужили современные работы известных исследователей в области социального, политического и коммерческого дискурсов и рекламы как особого институционального феномена. Для иллюстрации использованы примеры рекламных сообщений городских билбордов (около 200 единиц). При этом применялись такие общенаучные методы, как системный, социально-институциональный, сравнительно-исторический, а также метод регистрируемого наблюдения.

Результаты и их обсуждение. С целью раскрытия дискурсивных инструментов, используемых в современных типах рекламы (социальной, коммерческой, политической), обратимся к определению исходного понятия настоящего этапа исследования – инструмент дискурса. Оговоримся,

что данное понятие рассматривается нами сквозь призму процесса технологизации, пронизывающего все сферы человеческого бытия, представляющего собой процесс оптимизации общения посредством изучения уже существующих дискурсивных практик, разработки собственных практик, а также обучения этим практикам [2].

Исследователь С.Н. Плотникова, которая трактует технологизацию дискурса в терминах конструирования мира, подчеркивает ее глобальную значимость и объясняет, что «при грамотном использовании дискурсивных технологий конструирование мира лишается спонтанности и случайности, обеспечивается возобновляемость успешных действий, регулируются взаимоотношения между индивидом и группой» [3, с. 97]. Отметим при этом, что во многих работах современных российских дискурсологов разграничиваются термины «технология» и «стратегия» [3; 4 и др.]: «дискурсивная технология, по сравнению с дискурсивной стратегией, в большей степени основывается на успешном когнитивном сценарии, а ее применение предполагает такие действия технолога, которые приближают беседу к определенному прототипу, известному технологу. Термин “стратегия” <...> подразумевает лишь общую направленность речевых актов говорящего, их нацеленность на главный смысл (концепт), то в понятие технологии входит еще и некая четкая алгоритмизация, соответствие шаблону, стандарту, идеалу» [4]. Из сказанного можно заключить, что всякая технология изначально стратегична, но не любая стратегия технологична.

Еще один термин, близкий к дискурсивной технологии, необходимый в нашем исследовании, – «манипуляция». Разграничивая понятия «манипуляция» и «технология», С.Г. Кара-Мурза указывает, что «манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний. Встречаются, конечно, талантливые самородки с мощной интуицией, способные к манипуляции сознанием окружающих с помощью доморощенных средств. Но размах их действий невелик, ограничивается личным воздействием – в семье, бригаде, роте или банде. Если же речь идет об общественном сознании, о политике, хотя бы местного масштаба, то, как правило, к разработке акции привлекаются специалисты или хотя бы специальные знания, почерпнутые из литературы или инструкций. Поскольку манипуляция общественным сознанием стала технологией, появились профессиональные работники, владеющие этой технологией (или ее частями)» [5, с. 15].

В данном контексте отметим, что дискурсивные инструменты, по нашему мнению, включают в себя и технологии, и различные стратегии, и всевозможные манипуляции, в основе которых лежит персуазивность, под которой понимается «определенное воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убеждения в чем-то, призыва к совершению или не совершению им определенных действий» [6, с. 65], «сознательное, намеренное воздействие на когнитивно-ментальную сферу читателя с целью добиться нужного манипулятору результата» [7, с. 281]. Отметим, что соотношение понятий «персуазивность», «манипуляция» и «аргументация» подробно рассмотрено Й. Кнапе, по мнению которого манипуляция в большей степени опирается на стереотипы, субъективное восприятие действительности, воображение реципиента, в то время как аргументация ориентирована на интеллектуальное воздействие, основанное на логических умозаключениях. Персуазивность же использует оба подхода: говорящий опирается на рациональное обоснование, при этом для оформления своей мысли он применяет эмоционально-оценочные средства (т.е. учитывает субъективные факторы), в результате чего адресат подвергается двустороннему, а значит и более эффективному, воздействию [8, с. 120]. По этой причине представляется обоснованным в качестве дискурсивных инструментов рекламы говорить именно о персуазивных стратегиях как наиболее оптимального способа формирования определенного мнения адресата.

Бесспорно, рекламный дискурс представляет собой специфический вид коммуникации, основной целью которой является воздействие на реципиента с определенной целью: побудить его к приобретению того или иного продукта (коммерческая реклама) или выбору того или иного типа поведения (социальная и политическая реклама). При этом отличительными чертами рекламного дискурса являются следующие: 1) наличие предметной доминанты – рекламируемого объекта или субъекта, который является внешним по отношению к адресату; 2) наличие функциональной доминанты в виде интенциональной коммуникативной установки, провоцирующей те или иные действия; 3) осознанное использование определенных образов и приемов с целью реализации функциональной доминанты.

Существуют различные классификации персуазивных стратегий, однако в большинстве случаев речи идет преимущественно о политической

коммуникации. Так, например, О.Н. Паршина [9, с. 42] предлагает классификацию, основанную на интенции говорящего, и выделяет следующие стратегии: *самопрезентация* (демонстрация символической принадлежности к определенной социальной, статусной или политической группе; стремление создать впечатление общности взглядов, интересов говорящего и аудитории), *борьба за власть* (различного рода уловки, демагогические приемы, гиперболоизация, отвлечение от основной проблемы и т.д.), *удержание власти* (тактики информирования, разъяснения, указания путей решения проблемы и т.д.), *формирование эмоционального настроя адресата, убеждение, агитация*.

О.Л. Михалева в свою очередь приводит классификацию, основанную на средствах достижения результата и выделяет стратегии на понижение / повышение репутации оппонента, а также стратегии театральности, направленные на создание «зрелищности» коммуникации [10, с. 60].

Г.С. Филаткина же строит классификацию на различии типов коммуникации и выделяет три основные стратегии, которые соответствуют «пассивному, активному и интерактивному» [11, с. 60] типам коммуникации.

Представляется, что приведенные выше классификации коммуникативных стратегий не носят противоречащий друг другу характер, а находятся скорее в отношениях комплементарности, однако применительно к нашему материалу могут быть использованы с определенными ограничениями и дополнениями ввиду того, что материалом для построения подобных классификаций являлся исключительно политический дискурс.

Что касается рекламного политического дискурса в Республике Беларусь, отметим, что ввиду отсутствия развитой политической системы общества политическая реклама в Беларуси зачастую совпадает с социальной, поскольку именно социальная реклама в данной ситуации начинает брать на себя функции политической рекламы и отражать основные направления политики и идеологии государства (напр., *Голосуй за будущее!*, *Выбирай Беларусь для народа!*, *Заплати налоги!*, *Берегите лес!* и т.д.).

По нашему мнению, в основе стратегий дискурса (дискурсивных инструментов) как политической, так и коммерческой, а также социальной рекламы лежит понимание мотивов потребителя рекламы (вне зависимости от ее типа). Первый мотив – это желание потребителя получить информацию о чем-либо (товаре, услуге, объекте и т.д.). Второй мотив – это получение так назы-

ваемой поддерживающей информации, т.е. информации, которая бы поддерживала мнение потребителя относительно того или иного товара / услуги. Восприимчивость людей избирательна, что является одним из способов уменьшения когнитивного диссонанса в случаях шквала негативной или опровергающей информации. Третий мотив – стремление потребителя получить побудительную информацию, содержащуюся в рекламном сообщении: человек всегда ищет что-то новое, и именно любознательность формирует его точку зрения об окружающем мире вещей. Четвертый мотив – проявление интереса к стимулу рекламного сообщения: в рекламном сообщении для потребителя может быть интересен сам стимул, который может стать своего рода предпосылкой к действию. Безусловно, существуют и другие мотивы, лежащие в основе обращения потребителя к рекламе, однако мотивы, приведенные выше, являются наиболее типичными и могут быть положены в основу классификации основных дискурсивных инструментов рекламы.

Исходя из предложенной мотивационной структуры, выделим следующие инструменты (стратегии), характерные для дискурсов политической, коммерческой и социальной рекламы:

1) информирующие (25 лет совместной заботы – информационный билборд фонда социальной защиты; АРЕНДА нежилых помещений – билборды Центра недвижимости г. Витебска и т.д.);

2) поддерживающие (*Чистые НЕБО, ЗЕМЛЯ и ВОДА самыми ценными БУДУТ ВСЕГДА!*; *С заботой о здоровье!* – билборд Витебского молокозавода; *С МяскоВит все просто и вкусно!*; *Витебск – моя любоу, мая гісторыя, мая будучыня!*; *Гордимся историей!* и т.д.);

3) побудительные (*Пристегни самое дорогое!*; *Обустроим малую родину*; *VIVA BRASLAV*; *РАДУЙСЯ! Без алкоголя МЕЧТАЙ! Без наркотиков МОЛОДЕЖЬ за здоровый образ жизни!*; *# пройди ТЕСТ на ВИЧ касается даже тех, кого не касается* – информационная кампания Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) и Министерства здравоохранения Республики Беларусь и т.д.);

4) стимулирующие (*Всем безлимит!* – билборд компании Velcom A1; *Витебск фестивальный!*; *Беларусь помнит* – серия билбордов с известными людьми, рассказывающими о своих предках-участниках Великой Отечественной войны; *Даже котик покупает В РАССРОЧКУ!* *Купить просто* – рекламная кампания интернет-магазина бытовой техники 21vek.by и т.д.).

А поскольку рекламный дискурс «апеллирует к ядерным элементам национально-культурного пространства и служит ярким показателем общей культуры и культурной памяти общества» [12, с. 210], интертекстуальность (под которой мы, вслед за М.В. Терских, понимаем межтекстовое взаимодействие, побуждающее реципиента искать связи с другими текстами [13]), наряду с обозначенными выше дискурсивными инструментами, также представляет собой поликодовый инструмент рекламного дискурса. Среди основных инструментов интертекстуальных включений, собственных дискурсам политической, коммерческой и социальной рекламы, выделим следующие:

- статистические данные и подсчеты (как правило, округленные цифры и обобщенные данные);
- обращение к паремиологическому фонду (с возможными лексическими, синтаксическими и орфографическими трансформациями);
- цитирование известных личностей;
- обращение к религиозному дискурсу;
- ссылки на правовое законодательство;
- использование прецедентных имен, фактов, событий, произведений искусства (как правило, с «обыгрыванием» в новом созданном дискурсивном пространстве).

Заключение. Отметим, что данный подход к классификации дискурсивных инструментов рекламы, не претендуя на полноту и окончательность, позволил все же сделать ряд обобщений, необходимых для дальнейшего исследования. Так, персуазивность проявляет себя как манипулирование сознанием, а впоследствии, и поведением адресата, и реализуется не через убеждающее аргументированное воздействие, но как внедрение в сознание адресата определенных шаблонов, оценок, стереотипов, ожиданий в соответствии с моделируемой картиной реальности. В основе дискурсивных инструментов рекламы, вне зависимости от ее типа, лежит понимание мотивов потребителя. Исходя из обобщенной мотивационной структуры потребителя, были выделены главные инструменты дискурса социальной, политической

и коммерческой рекламы. Каким образом «работают» выделенные нами инструменты на более широком фактологическом материале – дальнейшая задача нашего исследования.

Литература

1. Кирвель, Ч.С. Социальная философия: учеб. пособие / Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – 2-е изд., дораб. – Минск: Выш. шк., 2013. – 495 с.
2. Fairclough, N. Technologicalisation of discourse / N. Fairclough // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C.R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. – New York: Routledge, 1996. – 312 p.
3. Плотникова, С.Н. Стратегичность и технологичность дискурса / С.Н. Плотникова // Лингвистика дискурса – 2: Вестник ИГЛУ. Сер., Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Иркутск, 2006. – С. 87–98.
4. Копылова, Н.В. Дискурсивные технологии взаимодействия говорящих в беседе / Н.В. Копылова // Вестник ИГЛУ. – Иркутск, 2011. – С. 96–103.
5. Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.
6. Чернявская, В.Е. Программа политической партии как персуазивный текст / В.Е. Чернявская, И.Ю. Логинова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2005. – Т.5, № 11. – С. 64–75.
7. Виноградов, С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи / С.И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 281–317.
8. Голоднов, А.В. Риторический метадискурс: основания прагмалингвистического моделирования и социокультурной реализации (на материале современного немецкого языка): монография / А.В. Голоднов. – СПб.: Астерион, 2011. – 344 с.
9. Паршина, О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика / О.Н. Паршина; под ред. О.Б. Сиротининой. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 136 с.
10. Михалева, О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М.: Либроком, 2009. – 252 с.
11. Филаткина, Г.С. Коммуникативные стратегии в политическом медиадискурсе президентов Венесуэлы, Эквадора, Бразилии (1999–2014): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Г.С. Филаткина; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2015. – 265 л.
12. Алексеева, М.С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М.С. Алексеева; Урал. гос. пед. ун-т. – Нижний Тагил, 2009. – 236 с.
13. Терских, М.В. Инструменты интертекстуальности в дискурсе социальной рекламы / М.В. Терских // Научный диалог. – 2017. – № 9. – С. 69–80.

Поступила в редакцию 10.06.2019 г.

РЕЦЕНЗИЯ

Гісторыя Беларусі для спецыяльнасці 1-02 01 01 Гісторыя і грамадазнаўчыя дысцыпліны: вучэбна-метадычны комплекс па вучэбнай дысцыпліне: у 2 ч. / склад. І.У. Мандрык. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2019. – Ч. 2. – 199 с. – Тыраж 182 экз.

Сённяшні этап у развіцці нашага грамадства ставіць перад гістарычнай навукай найгалоўнейшую задачу – даць аб’ектыўную ацэнку найбольш важным фактам, падзеям і працэсам мінулага краіны, азнаямленне з якімі дапаможа фарміраванню ў моладзі нацыянальнай свядомасці і далучэнню яе да актыўнага ўдзелу ў будаўніцтве суверэннай, моцнай і квітнеючай Рэспублікі Беларусь.

Менавіта гэта імкнуўся вырашыць прафесар, доктар гістарычных навук І.У. Мандрык у вучэбна-метадычным комплексе па гісторыі Беларусі (перыяд мадэрнізацыі савецкай мадэлі).

З аналізу зместу ВМК можна ўбачыць, што пры распрацоўцы дадзенай працы аўтар прымяняў сучасныя навуковыя падыходы.

Выданне пабудавана на базе тэарэтычных распрацовак, якія назапашаны за апошнія гады навукоўцаўмі рэспублікі, а таксама на аснове дакументаў Нацыянальнага архіва рэспублікі, абласных дзяржаўных архіваў (гэта тычыцца больш за ўсё Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці).

Вельмі важна, што асноўнай устаноўкай, у адпаведнасці з якой ствараўся ВМК, былі прынцыпы кананічнасці і патрыятычнасці, без чаго нельга ўявіць айчынную гісторыю.

Дакументальная база, якой карыстаўся аўтар, надала яму магчымасць з высокай дакладнасцю высветліць прычынна-выніковыя сувязі і паказаць заканамернасці гістарычнага развіцця беларускага народа ў савецкі перыяд.

Аўтар працы згодна з агульнапрынятай канцэпцыяй праз усе раздзелы вучэбнага комплексу даводзіць да яго карыстальнікаў, што афіцыйны курс, які існаваў і праводзіўся кіраўніцтвам БССР, безумоўна, не быў

адзіна магчымым. Гістарычны працэс у рэспубліцы насіў нераўнамерны, хвалепадобны і спіралепадобны характар. У беларускім грамадстве мелі месца і трагізм, і застоі, і абмежаванасць нацыянальна-культурнага жыцця, іншыя хібы. Але разам з тым развіццё Беларусі ў савецкі час вызначаецца прагрэсам у развіцці матэрыяльнай вытворчасці і высокімі духоўнымі дасягненнямі беларускага народа.

Уключэнне ў выданне матэрыялаў, якія раней не былі ўведзены ў навуковы зварот, дазволіла аўтару раскрыць многія старонкі мінулага ў новым асвятленні, давесці да аматараў гісторыі Айчыны слушную думку, што нават у самыя змрочныя часы палітычнага рэжыму грамадская атмасфера ў краіне была прасякнута пафасам стваральнай працы. У вытворчай дзейнасці беларускага народа мелі месца сапраўдныя працоўны гераізм і добрасумленнае служэнне Айчыне. У працоўнае асяроддзе ўкараняліся каштоўнасці чалавечай дабрыні, салідарнасці і справядлівасці. Намаганнямі працоўных у краіне сфарміравалася развітая структура эканомікі і высокая навука-ёмістая прамысловая вытворчасць.

Асабліва хуткія тэмпы сацыяльна-эканамічнага развіцця рэспубліка мела ў перадавае і паслявае час. Працоўныя БССР разам з народамі нацыянальных рэспублік Сярэдняй Азіі, Каўказа, Прыбалтыкі, іншых рэгіёнаў паспяхова вырашалі задачы па фарміраванні цэласнага высокатэхналагічнага народнагаспадарчага комплексу СССР.

Значную цікавасць ВМК набывае яшчэ і таму, што асэнсаванне гістарычнага працэсу ў БССР зроблена з акцэнтаваным паказам падзей, што адбываліся на рэгіянальным узроўні – у Прыдзвінскім краі.

Прадуктыўны падыход аўтар выбраў пры асвятленні сучаснага гістарычнага перыяду

ў развіцці краіны. Ён паказвае, што развіццё Рэспублікі Беларусь пасля набыцця ёю суверэнітэту адбываецца ў кантэксце еўрапейскай і сусветнай цывілізацый.

Хаця фарміраванне сацыяльна арыентаванай дзяржавы, здольнай рэальна забяспечыць годны ўзровень жыцця кожнаму чалавеку, з'яўляецца задачай дастаткова складанай, усе ж яе можна выканаць. Для гэтага ў краіне ёсць добрыя магчымасці: створаныя папярэднікамі матэрыяльныя і духоўныя каштоўнасці, прыхільныя адносіны да лёсу Айчыны мільёнаў беларусаў, шматвектарная знешняя палітыка дзяржавы.

На наш погляд, дадзенае навукова-практычнае выданне вызначаецца высокай сту-

пенню аб'ектыўнасці, дакладнасці і гістарычнай праўдзівасці пры асвятленні ўсіх пададзеных падзей.

Закрытых тэм і нязручных пытанняў для аўтара не існуе. З чытачом увесь час ідзе шчырая размова.

Звяртаюць на сябе ўвагу лаканічная мова тэксту, яго лінгвістычная эканомія і семантычная празрыстаць усіх выказванняў.

Дадзенае выданне дазволіць павысіць якасць навучальнага працэсу ў ВНУ і можа стаць каштоўнай крыніцай для выкладчыкаў грамадскіх дысцыплін, аспірантаў, шырокага кола чытачоў.

М.А. Слямнёў

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is *nauka@rsu.by*).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 29

Компьютерный дизайн Е.А. Барышева

Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 26.07.2019. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,83. Уч.-изд. л. 24,59. Тираж 100 экз. Заказ 76.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.